

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Из
ИСТОРИИ
РУССКО-
СЛАВЯН-
СКИХ
ЛИТЕРА-
ТУРНЫХ
СВЯЗЕЙ
XIX
ВЕКА

22

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-
СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
СВЯЗЕЙ
XIX В.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

*И*З ИСТОРИИ
РУССКО-СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
~ ~ XIX В. *~ ~*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 6 3

Ответственный редактор
академик *М. П. АЛЕКСЕЕВ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике, подготовленном к печати Сектором взаимосвязей русской и зарубежной литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, затронуты некоторые общие и частные вопросы взаимоотношений русской литературы с инославянскими (польской, чешской, болгарской, сербохорватской, словенской) в различные эпохи их исторического существования.

В целом сборник не стремится осветить всю многовековую и чрезвычайно сложную историю связей русской литературы с прочими славянскими, тем более что отдельные опыты такого рода применительно к отдельным славянским литературам предпринимались и ранее, а полное решение этой проблемы еще впереди. Задачи данного сборника значительно скромнее и уже — ввести в научный оборот славяноведения новые факты и соображения относительно русских и славянских, южных и западных, литературных связей и содействовать их дальнейшему научному исследованию. Ряд публикуемых в нем статей основан на рукописных материалах, хранящихся в ленинградских библиотеках и архивах. Другие статьи по возможности тщательно документированы в книговедческом или библиографическом отношении и стремятся выявить с надлежащей полнотой забытые или малоизвестные печатные источники, которые трудно было бы найти в зарубежных книгохранилищах. В остальных обосновываются новые точки зрения на некоторые проблемы, уже ставившиеся исследователями, но еще нуждающиеся в дополнительном освещении или новой научной разработке.

Сборник состоит из двух отделов: 1) Статьи; 2) Материалы и сообщения. В первом публикуются работы большего объема и исследовательского значения, посвященные отдельным эпизодам из истории русско-славянского литературного общения. Статья С. Г. Потепалова «Путешествие П. И. Кеппена по славянским странам», основанная на неопубликованных рукописных материалах Архива Академии наук СССР и других собраний, рассказывает о чрезвычайно интересной и важной по своим результатам поездке петербургского ученого, состоявшейся в начале 20-х годов XIX в.

В статье К. И. Ровды «Эрбен и русско-чешские литературные связи» разработаны, систематизированы и значительно пополнены данные об отношении к России и русской литературе Карла Яромира Эрбена, чешского поэта, историка и этнографа, выдающегося деятеля чешского национального возрождения. Статья Л. И. Ровняковой «Русско-польский этнограф и фольклорист Э. Доленга-Ходаковский и его архив» представляет собой опыт обзора печатных и рукописных материалов, хранящихся преимущественно в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и проливает новый свет на деятельность этого интересного ученого первой четверти XIX в. и на судьбу его изысканий, насколько она может быть раскрыта на основании его собственноручных бумаг. В работе Ф. Я. Приймы «Из истории „Песен западных славян“ Пушкина» заново подняты несколько наименее изученных проблем знаменитого пушкинского лирического цикла и обсуждается вопрос о месте, которое занимает он в эволюции «славяноведческих» интересов великого русского поэта. Статьи Ю. Д. Левина и Д. Б. Кацнельсон посвящены русско-польским взаимоотношениям в середине XIX столетия. Если Ю. Д. Левин устанавливает личные связи М. Л. Михайлова с деятелями польского национально-освободительного движения, внося существенные поправки в биографию этого видного русского писателя-революционера, то Д. Б. Кацнельсон, привлекая к исследованию и архивные источники и редкие издания (например, польские песенники), характеризует целую галерею образов русских революционеров в польской повстанческой поэзии 60-х годов. Статьи А. И. Хватова и В. К. Петухова разрабатывают историю отношений сербского писателя Б. Нушича и словенского ученого, критика и общественного деятеля Ф. Ю. Целестина к русской литературе.

Во втором отделе публикуются материалы и сообщения, посвященные различным вопросам русско-славянских литературных связей: новонайденные архивные документы, библиографические перечни и обзоры, материалы для будущих исследований, которые могут быть учтены и продолжены в дальнейшем учеными различных славянских стран.

СТАТЬИ

С. Г. Потепалов

ПУТЕШЕСТВИЕ П. И. КЕППЕНА ПО СЛАВЯНСКИМ ЗЕМЛЯМ

В начале XIX в. все, что происходит в странах, населенных славянскими народами, привлекает внимание образованного русского общества. Одним из важнейших источников знаний о западных и южных славянах становятся специально организуемые ученые путешествия по славянским землям.

По справедливому замечанию А. Н. Пыпина, «в те времена путешествия такого рода, и особливо их описания, были большою редкостью; при тогдашних трудностях передвижения Западную Европу знали очень мало... Если русский путешественник был любознателен, его интересовали самые разнообразные вещи: и внешний вид страны, и города, и способы передвижения, и всякие достопримечательности».¹ Но, разумеется, не только это.

Ценность путешествия определялась прежде всего совокупностью новых сведений, которые становились достоянием науки. Эти новые сведения могли быть результатом изучения или описания славянских рукописных собраний, палеографического и лингвистического изучения древних памятников славянской письменности, сбора материалов о славянских языках и диалектах, об истории славян. Важные последствия имели также встречи представителей славянской науки России и Запада.

Путешествия русских в славянские земли имели давнюю традицию. На заре прошлого столетия предпринималось несколько путешествий подобного рода (разумеется, разного значения). Знаний, как уже говорилось, не хватало, а потому всякие, даже чисто дилетантские описания того, что видел путешественник в славянских странах, имели, бесспорно, положительное значение. Зато поистине трудно переоценить первые подлинно ученые путешествия, столь памятные русской науке.

¹ А. Н. Пыпин. Русское славяноведение в XIX столетии. «Вестник Европы», 1889, № 7, стр. 246—247.

Еще в 1800—1802 гг. Ф. П. Лубяновский совершил большое путешествие по Западной Европе. Был он и в Чехии, жил в Праге, но оставленные им сведения очень скудны (они касаются архитектуры Праги, сравнения Чехии с Саксонией и т. д.).²

В 1808 г. молодой историк Д. Н. Бантыш-Каменский побывал в Сербии, посетил Белград и подробно рассказал о виденном. Записки его более содержательны, нежели Лубяновского, но автора интересует преимущественно быт сербов.³

Гораздо любопытнее путешествие В. Броневского, служившего морским офицером под командованием адмирала Д. Н. Сенявина на Средиземном море в 1805—1810 гг. В 1810 г. раненый Броневский был отправлен из Триеста в Россию. Он ехал с медленно продвигавшимся обозом через Хорватию, Венгрию, Галицию, Польшу. Броневский вел подробный дневник и впоследствии издал свои записки, отличающиеся очень сочувственным отношением автора к славянским народам.⁴

В 1813 г. А. С. Шишков, только что назначенный президентом Российской Академии, находился в Силезии среди сопровождающих Александра I. В июне и осенью (в августе-октябре) того же года Шишков дважды приезжал в Прагу, где неоднократно виделся с И. Добровским и В. Ганкой.⁵

Но бесспорно лучшим, наиболее ценным путешествием в начале прошлого века была поездка на Запад А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова, обогатившая русскую науку рядом интереснейших материалов.⁶

Вместе с группой молодых людей Тургенев и Кайсаров отправились за границу в 1804 г. Спустя сорок лет А. И. Тургенев, вспоминая о рано умершем Кайсарове в письме к редактору «Журнала Министерства народного просвещения» К. С. Сербиновичу, рассказывал следующее: «Мы некогда путешествовали вместе, учились вместе в Геттингенском университете, объехали славянские земли и расстались: он остался в чужих краях, в Ан-

² Ф. П. Лубяновский. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах. СПб., 1805.

³ Д. Н. Бантыш-Каменский. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.

⁴ В. Броневский оставил две книги своих наблюдений: «Письма морского офицера, служащие дополнением к Запискам морского офицера» (М., 1825—1826) и «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году» (М., 1828).

⁵ Однако Шишков был человеком, далеким от настоящей науки, и Добровский о нем вынес весьма неблагоприятное впечатление. Добровский сообщал об этом Копитару (И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара. СПб., 1885, стр. 107—108, 360—361).

⁶ Материалы эти, частью не опубликованные, хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в Ленинграде. Некоторые из них по сей день ждут еще своего исследователя.

глии отыскивал русскую старину и списал несколько актов, кои мне достались, а я передал их вам... Он был один из первых славянофилов, и мы вместе учились у Шлецера, работали для его „Нестора“, вместе жили и собирали рукописи славянские и книги — в Карловце (в Сирмии славянской) — у митрополита всего славяно-сербского и валахийского народа — главы всего православного духовенства в Венгрии — Стефана Стратимировича, коему Шлецер посвятил первую часть своего „Нестора“».⁷

А. С. Кайсаров, кроме того, издал книгу о славянской мифологии, посвятив ее Шлецеру.⁸

Оба путешественника собрали множество важных сведений о славянах, о русской истории, составили прекрасную коллекцию славянских книг и рукописей, завязали близкое знакомство с выдающимися славистами Запада. Сказанным далеко не исчерпывается значение этой знаменательной поездки, которую по праву можно считать первым русским ученым путешествием по славянским землям в XIX в.

Через 17 лет после отъезда А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова за границу отправился новый путешественник — Петр Иванович Кеппен, которому суждено было сыграть заметную, хотя и своеобразную роль в становлении молодой русской славистики.

П. И. Кеппен (1793—1864) был славистом, библиографом, статистиком. (Именно по статистике он был избран в 1837 г. академиком). Деятельность его в области славянской филологии неразрывно связана со знаменитым кружком Н. П. Румянцева, бывшего российского канцлера. Румянцев объединил в своем кружке усилия тех, кто желал сотрудничать в издании, изучении и объяснении древних памятников славянской письменности.

Лично знавший многих выдающихся славистов Запада (в частности, Добровского) Румянцев прекрасно понимал, какую важную роль могло бы сыграть новое ученое путешествие по славянским землям. В 1819 г., когда В. С. Караджич, уже прославившийся тогда изданием сербских народных песен и словаря, находился в Петербурге, Румянцев даже хотел договориться с ним, чтобы Караджич за счет Румянцева «объехал все области славянского поколения, отыскивая в каждой древние с их народов документы и летописи». (Предприятие это, впрочем, не состоялось).

Молодой, но уже хорошо зарекомендовавший себя Кеппен был членом кружка, и именно на него пал выбор Румянцева. Еще в 1815 г. Кеппен пытался получить какую-нибудь должность за границей, но все попытки его оказались тщетными. Пятью годами

⁷ «Русская старина», 1882, май, стр. 449—450.

⁸ Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischer Ordnung entworfen von Andrey von Kayssarow. Göttingen, 1804.

позже литератор Ф. П. Аделунг советовал П. Л. Нарышкину, отправляющемуся за границу, взять с собой Кеппена. Но вместо него был приглашен В. К. Кюхельбекер.⁹ Случай представился в 1821 г., когда А. С. Березин, отправлявшийся на несколько лет за границу для занятий историей, предложил Кеппену сопровождать его. Вся поездка предпринималась за счет Березина. 22 мая 1821 г. был подписан официальный договор,¹⁰ а в конце октября путешественники покинули Петербург. «Добрый путь доброму Кеппену. Он тощ не возвратится к нам, но воспользуется больше своего Телемака», — писал Румянцеву Е. А. Болховитинов, один из активных участников кружка.

Путешествие П. И. Кеппена длилось два с половиной года (до апреля 1824 г.).¹¹ Это путешествие стало первым большим начинанием Кеппена в области славистики; оно положило начало и двум другим — изданию (очень ценному, хотя и кратковременному) «Библиографических листов»¹² и приглашению трех чешских ученых (П.-Й. Шафарика, Л. Челаковского и В. Ганки) в Россию для основания университетских кафедр славистики. История приглашения ученых широко известна.¹³ Находясь за границей, Кеппен как бы представлял там Румянцевский кружок, молодую русскую науку о славянстве. Кеппен объездил славянские земли, встречался с крупнейшими учеными, собирал всевозможные памятники старины — словом, занимался всем, что входило в круг обязанностей русского ученого-путешественника, как губка впитывая в себя все виденное.

Однако в том-то и состоит своеобразие роли Кеппена, что его талант ученого-филолога был меньшим, нежели талант ученого-путешественника. Кеппен собирал материалы; объяснял их другой член кружка — А. Х. Востоков. Именно Востоков сумел решить

⁹ Подробные биографические сведения о П. И. Кеппене см. в статье его сына Ф. П. Кеппена «Биография П. И. Кеппена» (СОЛЯС, т. LXXXIX, № 5, СПб., 1912, стр. 1—170).

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 133.

¹¹ Первоначально предполагалось, что путешествие окажется более продолжительным, но внезапное ухудшение денежных дел Березина переменяло все планы.

¹² «Библиографические листы» выходили в Петербурге с января 1825 г. по май 1836 г. Затем они были закрыты. «Библиографические листы» стали подлинным органом русского славяноведения. В них принимали участие лучшие ученые России и Запада (среди последних — И. Добровский, Ян Коллар, В. Копитар, Ф. Палацкий, П. Й. Шафарик, И. Юнгман, В. Ганка, Ст. Стратимирович, В. Караджич, Л. Мушицкий, С. Г. Линде, Г. С. Бандтке, М. Бобровский и др.).

¹³ Вопрос этот подробно освещен у А. А. Кочубинского (Начальные года русского славяноведения. Одесса, 1887—1888), В. А. Францева (Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902), И. В. Ягича (История славянской филологии. СПб., 1910).

важнейшую научную задачу времени, объяснив «Фрейзингенские глаголические отрывки» XI в., снимки которых сделал в Мюнхене Кеппен и привез их в Петербург.

Кеппен посетил не только славянские земли, но и Германию, Австрию, Венгрию. Вполне понятно, что круг наблюдений очень широк.¹⁴ В настоящей статье мы коснемся только той части этих наблюдений, которые непосредственно относятся к славянскому миру.

Все, что Кеппен видел «в чужих краях», он аккуратно и подробно записывал. Не всегда эти записи могут нас сейчас удовлетворить; иногда второстепенному уделяется здесь больше места, чем главному, важные встречи и беседы подчас описаны слишком скупно. Но, тем не менее, многие из этих записей и по сей день очень ценны уже по одному тому, что предоставляют в наше распоряжение новые факты об известнейших деятелях славянской культуры.

В Ленинграде — в Архиве Академии наук СССР и в Рукописном отделе Пушкинского дома — хранятся материалы, относящиеся к этому путешествию. Среди материалов — толстый альбом Кеппена с автографами лиц, с которыми он встречался, а также обширные путевые дневники (о них мы скажем позднее).

Записки в альбоме П. И. Кеппена¹⁵ свидетельствуют, что, еще находясь в Петербурге, до своего путешествия, он был лично знаком с некоторыми выдающимися славистами, в частности с В. С. Караджичем и Э. Доленгой-Ходаковским.

В 1819 г., во время посещения Петербурга, Караджич бывал у Кеппена. Об этом свидетельствует любопытная запись самого Кеппена: «Родовое название (фамилию) Караджич Вук Стефанович принял в бытность свою в С.-Петербурге, именно в моей квартире, вследствие моих расспросов, причем он высказал, что он „од колена Караджича“». Запись эта сделана на обложке пакета с 18 письмами Караджича к Кеппену.¹⁶ В альбоме Кеппена (л. 44) Караджич написал 10 мая 1819 г. краткую автобиографию,

¹⁴ Здесь и описание быта и природы, и множество этнографических подробностей, и суждения о венском и немецком театре, живописи, музыке, часто весьма пространные и представляющие немалый интерес для своего исследователя, так как написаны рукой очевидца.

¹⁵ Альбом находится в Рукописном отделе Института Русской литературы (Пушкинский Дом) (далее: ИРЛИ) (шифр 10.102—LX6.24). В нем сто листов большого формата. Это первый из кеппеновских альбомов с автографами. Он начат задолго до путешествия и содержит автографы В. А. Жуковского, И. А. Крылова, Ф. Глинки, В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, Н. М. Карамзина, А. Х. Востокова, Н. И. Гнедича и др.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 3, ед. хр. 106. — Двенадцать из этих писем Караджича еще не опубликованы. Как увидим из дальнейшего, это не единственные неопубликованные письма Караджича, хранящиеся в ленинградских архивохранилищах (см. прим. 19).

перечислив также свои важнейшие труды. Кеппена он называет здесь «дорогим и высокочтимым другом».¹⁷ Караджич не ошибся. Кеппен действительно был настоящим другом сербского литератора. Не раз он впоследствии помогал Караджичу.

В бумагах Петербургского вольного общества любителей российской словесности есть заявление от 31 марта 1819 г., подписанное пятью членами общества — и среди них Кеппеном, — «о сделании известному сербскому литератору Вуку Стефановичу пособия выдачею ему заимообразно на один или два месяца двухсот рублей государственными ассигнациями».¹⁸

В 1821 г. Караджич был избран членом-корреспондентом Вольного общества. 20 июля 1821 г. он сообщает из Вены секретарю общества А. А. Никитину: «За 25 рублей, которые по выписке журнала всякий член (по получении диплома, устава и списка членов) должен заплатить в обществе, я писал г. Петру Ивановичу Кеппену, чтобы он заплатил за меня».¹⁹

П. И. Кеппен был знаком и с Э. Доленгой-Ходаковским, который оставил в его альбоме (л. 55) следующую запись: «Путешественник с Вислы имел удовольствие видеться с П. Кеппеном в Великом Новгороде и скорее на память о своей родине, нежели о себе, оставляет ему стихи Красицкого: „Святая любовь к дорогой Родине. . .“ Ярославово подворье. 10 июня 1821 года» (перевод с польского). Здесь же Ходаковский записывает по-русски: «Родился я в Комове Хелмской земли 1784-го года 24-го грудня — Э. Д. Х.». Много лет спустя Кеппен добавляет от себя на том же листе: «В литературном прибавлении к Русскому Инвалиду, 1840, № 91, на с. 2082 напечатана статья о Ходаковском,

¹⁷ Запись эта, сделанная по-сербски, приведена Л. Б. Модзалевским в его сообщении «Неизданная биография В. С. Караджича» («Научный бюллетень Ленинградского университета», 1946, № 11—12, стр. 4—7).

¹⁸ ИРЛИ, ф. 58, № 3, л. 107.

¹⁹ Там же, № 5, л. 379. — В этом фонде сохраняются еще четыре неопубликованных русских письма Караджича (помимо тех двенадцати, о которых шла речь раньше), все — к А. А. Никитину. Они написаны: 20 июля 1821 г. в Вене, 8 ноября 1821 г. в Вене (там же № 5, л. 570), 9 декабря 1822 г. в Темешоаре (№ 7, л. 11), 26 февраля 1823 г. в Вене (№ 7, л. 110).

Впоследствии Кеппен не раз материально помогал нуждавшемуся Караджичу, который просил его об этом (см. письма Караджича к Кеппену от 8 октября 1825 г. и 28 января 1826 г.: Архив АН СССР, ф. 30, оп. 3, ед. хр. 106). По настоянию Кеппена Караджич получил вознаграждение и медаль Российской Академии (вместе с Копитаром, Шафариком и Ганкой). «Представление» Кеппена издано И. В. Ягичем (Источники для истории славянской филологии, т. II. СОЛЯС, т. XII, СПб., 1897, стр. 136).

В 1836 г. Кеппен писал о Караджиче: «Академия Российская уже в прошедшем году доставила ему возможность уплатить некоторые из долгов, сделанных для пользы литературы: да поддержит же она его и впредь к чести своей и нашей! Он сам не решается просить об этом» (ЖМНП, 1836, ч. X, стр. 173).

в коей сказано, что настоящее имя его Адам Черноцкий». Однако Кеппен и Ходаковский встречались несомненно раньше. Кеппен высоко отозвался о Ходаковском в Вольном обществе. Ходаковский оценил это. «Покорнейше благодарю г-ну Кеппену за его милостивый отзыв ко мне», — говорит он в записке к А. А. Никитину 6 мая 1820 г.²⁰

П. И. Кеппен очень внимательно изучал материалы путешествия Ходаковского по России.²¹ Он решительно протестовал против попыток поссорить его с Ходаковским.²²

Отправившись за границу, Кеппен взял свой альбом с собой. Об этом свидетельствуют несколько записей, сделанных во время его поездки. Одна из них принадлежит В. С. Караджичу и помещена на том же листе (44-м), что и петербургская: «Гора с горой сойтись не может! А мы опять встретились в Вене. 11 апреля 1822 г. н. с.» (перевод с сербского). Очевидно, Кеппен или Караджич пожелали видеть обе записи рядом.

Известно, что, кроме этого альбома, П. И. Кеппен имел с собой еще два других; по возвращении из путешествия они были заполнены автографами. Из славянских литераторов и ученых, оставивших здесь записи, очевидец называет В. Копитара, Ф. Палацкого, В. Ганку.²³ Есть основания предполагать, что на самом деле в этих альбомах было много других интересных для нас автографов. К сожалению, нынешнее местонахождение этих ценнейших альбомов неизвестно.

Важнейшим и наиболее полным источником, который представляет в наше распоряжение сведения о путешествии П. И. Кеппена, являются его дневники. Кеппен много путешествовал и всегда

²⁰ ИРЛИ, ф. 58, № 4, л. 241.

²¹ В бумагах Кеппена (Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 74) есть 80 листов материалов о путешествии Ходаковского по России, скопированных неизвестной рукой. Достоверность копии подтверждается Кеппеном.

²² Основанием для попыток подобного рода было то, что Кеппен, по существу, опроверг выводы Ходаковского, так как во время своего путешествия по Югу России не обнаружил славянских городищ, которые видел Ходаковский. Кеппен рассказывает об этом в своих бумагах (см. прим. 21), не разъяснив, впрочем, свою позицию в отношении самого предмета спора. Кеппен писал о Ходаковском в исследовании «Über Alterthum und Kunst in Rußland» (Wien, 1822, стр. 26—27), а также в «Библиографических листах» (1826, № 38, стр. 564), т. е. уже после смерти Ходаковского, где призывал изучить рукописное наследие польского путешественника («... он собрал драгоценные материалы»).

²³ Все альбомы видел В. Уманов-Каплуновский в начале нашего века. Он бегло (даже очень бегло, к сожалению) описал их в заметке «Старинные альбомы академика П. И. Кеппена» («Столица и усадьба», 15 декабря 1915 г., № 48, стр. 11—12). Кроме названных лиц, рассказывает В. Уманов-Каплуновский, в альбомах Кеппена сделали записи композиторы К.-М. Вебер и Фр. Шуберт. (Кеппен действительно встречался с ним, и нет никаких оснований подвергать свидетельство очевидца сомнению).

усердно вел дневники. Сейчас они хранятся в Архиве АН СССР в Ленинграде.²⁴ Из этих дневников четыре относятся к заграничным странствиям Кеппена (1821—1824 гг.). Дневники представляют собой толстые тетради, исписанные мелким, ровным почерком и насчитывающие соответственно 311, 290, 295, 291 нум. стр. Дневники эти никогда не публиковались.²⁵

Первым городом, который русский путешественник посетил за границей, был древний Краков. Кеппен прибыл сюда 1 февраля 1822 г. проездом в Вену. Однако здесь в дневнике существует большой пробел (редкое явление у Кеппена), и мы ничего не знаем о его встречах в Кракове (впрочем, позднее Кеппен еще приедет в Краков).

На основании последующих записей устанавливается, что Кеппен ехал в Вену, минуя Прагу, через Оломоуц. В Оломоуце Кеппен побывал в библиотеке, где осмотрел собрание восточных рукописей. Видел он и Славков (Аустерлиц) — место одного из величайших сражений того времени. Когда Кеппен прибыл в Вену, — сказать трудно. Во всяком случае известен ответ Ф. П. Аделунга на письмо Кеппена, написанное 23 февраля в Вене. В Вену Кеппен приезжал еще трижды. Сейчас же он пробыл здесь свыше двух месяцев: лишь 24 апреля он покидает австрийскую столицу. В дневнике он часто упоминает имя Копитара, реже Караджича, рассказывает о своем знакомстве со знаменитым философом Фр. Шлегелем (который в марте 1823 г. помог Кеппену повлиять на цензора Таммера, вычеркнувшего несколько строк из статьи Кеппена) и его женой (дочью композитора Мендельсона), писательницей К. Пихлер и др.

С помощью Копитара Кеппен получает возможность изучать древние славянские рукописи, хранящиеся в Венской придворной библиотеке (библиотекарем здесь был Копитар). Копитар показал Кеппену свои снимки с «Фрейзингенских отрывков», которые лежали у него с 1813 г. Однако записи Кеппена пока еще очень скупы и касаются преимущественно самой Вены и венского общества. Лишь о Караджиче говорится подробнее: «Вук Стефанович, беседуя со мной о славянских наречиях, разделил сербский язык на три главных диалекта, а именно: 1) эрцеговинский, коим говорят в Эрцеговине (т.е. Герцеговине, — С. П.), во всей Боснии, в Черной горе (Черногории), в Далмации, Кроации (Хорватии) и верхней Сербии (на границе Боснии); 2) сирмский: в Венгрии, в Сирмии, в Нижней Сербии. . . Сие наречие можно еще разделить на а) сирмское в тесном смысле и б) ресавское (река Ресав

²⁴ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 137—140.

²⁵ За исключением маленького отрывка о встрече Кеппена с Гёте в Веймаре (см.: «Вестник АН СССР», 1932, № 12, стр. 32 (публикация Л. Б. Модзалевского)).

течет в Мораву); 3) славонский (шокацкий), коим говорят сербы католического вероисповедания (Schokatz — шокци). Главное пребывание их в Славонии, но есть таковые и в Далмации, Крoации и Боснии. Сии шокци употребляют латинские буквы».²⁶

Из Вены Кеппен отправился в Венгрию и, осмотрев Пресбург, Фюред, побывав на Балатоне, приехал 31 мая в Пешт.

«В бытность мою в Пеште, узнавши о моем приезде, пришли ко мне: . . . г. Якшич, который был у меня в Вене вместе с Вуком Стефановичем; Ян Коллар, славянский священник при евангелической церкви. Он первый здесь евангелический священник, проповедующий на словацко-богемском языке и образовавший здесь собственный приход и училище. Он же богемский стихотворец; Франц Палацкий, Erzieher der Weißen в Венгрии. Он же богемский стихотворец и много занимается эстетикою. Оба много заботятся о славянском — как богемском, так и словацком — языке.

«От них я узнал, что словацкий язык можно разделить на 4 наречия: 1) чисто словацкое. . ., 2) мораво-словацкое, 3) польско-словацкое, 4) сербско-словацкое, 5) наречие „преобразовавшихся в славян мадьяров“».²⁷

С Колларом Кеппен потом встречался снова. Беседы их касались сопоставления словацкого и чешского языков.

Посетив Шиклош, близ которого произошла решающая битва, освободившая Венгрию от турков, Кеппен прибыл в Северную Сербию (Славонию). По пути он видел древнюю крепость Брод, Эсseg. Наконец, 18 июня сделана следующая запись: «К обеду мы отправились в Карловац для засвидетельствования нашего почтения там пребывающему архиепископу Стефану Стратимировичу.²⁸ Он принял нас благосклонно и оставил у себя обедать. За столом он изъявил желание получить из России учебные книги для духовных училищ; бранил Вука Стефановича, не отделившего славянских речений от простонародных, более турецких; был доволен трудами Российской Академии и дозволил мне видеть грамоты и библиотеку».²⁹ В июне Кеппен еще раз видел Стратимиро-

²⁶ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 138, л. 2.

²⁷ Там же, ед. хр. 137, л. 128

²⁸ Как уже было сказано, Стратимировича посещали А. И. Тургенев и А. С. Кайсаров.

²⁹ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 138, л. 12. — Противоречивые суждения, вызванные реформой Вука, их причины и последствия, многократно освещались исследователями. Лукиан Мушицкий, как увидим из дальнейшего, тоже вызвал гнев Стратимировича своим покровительством Вуку. Стратимирович полагал, что Вук слишком требователен, а словарь его местами непристойен. И. В. Ягич справедливо замечает: «. . . по словам Мушицкого, выходит, что Стратимирович отомщал ему не только за долги, а также за его либеральное направление, за его хвалебные отзывы о Досифее Обрадовиче и за его дружбу с Вуком. Он не мог простить Мушицкому, что ненавистный ему

вича. «Шлецер посвятил ему 1 часть своего Нестора», — замечает он в дневнике.³⁰

Кеппен объехал близлежащие монастыри, познакомился со славянскими древностями, хранившимися в них. В одном из них — Шишатовце — Кеппен повидал известного поэта Лукиана Мушицкого, друга Вука Караджича. О Мушицком нелестно говорил Стратимирович (см. прим. 29), но Кеппен верил горячему отзыву Вука.

«К Шишатовцу я приближался с особенным удовольствием потому, что надеялся видеть здесь сербского Горація (по словам Вука Стефановича) Лукиана Мушицкого, который здесь архимандритом. Я нашел в нем преревностного серба — славянина, который занимается и русскою словесностью, имеет Державина и других поэтов, но Жуковского и Батюшкова не читал. Последнего здесь и по имени не знают. И он, подобно митрополиту, сердится на Вука за то, что сей поместил в своем словаре неприличные слова, выражения и песни, употребляемые одною только чернью в Сербии, чем, по мнению их, Вук предал поруганию свою нацию». Кеппен с этим не согласен. «Митрополит даже сердится и за то (кажется), что Вук поместил в словаре не одни славянские выражения, но и турецкие и болгарские, вкравшиеся в язык сербский, — продолжает он. — Но как же мне, например, понять язык иного серба, который употребляет сии слова, которых я не мог отыскать в словаре». Кеппен приводит примеры многочисленных турцизмов и заключает: «Оставим это, но заметим, что Вук, говоря о славянофилах, утверждает, что они не следуют никаким грамматическим правилам и что для них была бы наисильнейшая казнь, если бы их заставить сочинять грамматики на основании собственных, изданных ими, сочинений (напр., Аф. Ив. Стойковича). Ибо они сами спрягают и склоняют одни и те же слова различно. Вук, впрочем, писал свой словарь в Шишатовском монастыре у Л. Мушицкого».

«Все винят г. Копитара — как цензора и участника в труде Вука», — рассказывает дальше П. И. Кеппен и тут же прибавляет, имея в виду Мушицкого: «Но за издание песней он отдает Вуку всю справедливость».

О Мушицком Кеппен пишет: «Мушицкий давно уже занимается историею сербской литературы; не хочет, однако, издать оной, доколе не выйдут в свет еще разные книги, ксих в сербской словесности недостаток... Мушицкий главною из од своих,

из-за известных слов сербский словарь Вуков был составлен в православном монастыре под покровительством Мушицкого» (История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 356).

³⁰ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 138, л. 25.

кажется, почитает ту, которая писана им к Добровскому на случай издания сим ученым славянской грамматики, к которой и он, по выходе русских рецензий, намеревается издать свои примечания сообразно с рецензией Копитара, которая помещена в „Wiener Jahrbücher der Literatur, 1822“.

«Мушицкий с нами отправился в Бенешово... На пути он много говорил о славянах..., говорил, что желал бы издавать Сербский вестник, — знакомить сербов с их собственною и российской литературою и т. п.»³¹

У Кеппена было рекомендательное письмо к П. Й. Шафарику, тогда директору сербской гимназии в Новом Саде, данное Яном Колларом в Пеште. Не застав Шафарика 11 июня, он посетил его позднее. Встреча состоялась, но подробности до нас не дошли.³²

Кеппен добрался до Землина, стоявшего в то время на самой турецкой границе. Путешественники не получили разрешения властей на посещение Белграда и спустились вниз по Дунаю до Оршовы. Большое место Кеппен уделяет в своих дневниках патриотическим настроениям сербов (в том числе Караджича).

По пути в Темешоару Кеппен заехал в Паньево,³³ где у известного мецената Демелича жил Вук Караджич, письмом пригласивший к себе Кеппена. Здесь Вук читал Кеппену свои «Сербские песни».

В Темешоару они отправились вместе, а затем Кеппен посетил Трансильванию, Германштадт,³⁴ где в то время находился русский генеральный консул в Бухаресте Дебрецен, и 1 сентября вернулся в Пешт.

Кеппен был здесь два дня. Березин торопит его, и Кеппену некогда ждать здесь Шафарика. «Г. Шафарик из Нового Сада на сих днях должен прибыть в Пешт, где он, может быть, издast свое собрание народных песен», — записывает Кеппен.³⁵

³¹ Там же, лл. 15—17 (21 июня 1822 г.).

³² Там же, л. 11.

³³ Там же, лл. 46—48 (8 июля 1822 г.).

³⁴ В Германштадте Кеппен жил месяц (с 21 июля до 21 августа). Уместно вспомнить замечание Н. И. Надеждина, в 1840 г. посетившего Трансильванию: «В Трансильвании, в сокровеннейших ущельях Карпат, при стоке Ольты, между румынами, мадяро-секлерами и саксами находятся деревни, которые по сие время называются русскими, жители которых, на памяти ныне живущего поколения, говорили еще между собой по-русски» (Н. И. Надеждин. О путешествии по южнославянским землям. ЖМНП, 1842, ч. XXXIV, стр. 103). Надеждин правильно полагает, что Кеппен застал еще этих «трансильванских русских» в живых. Очевидно, это обстоятельство задержало Кеппена в Германштадте. В его бумагах находим важные материалы для воссоздания «русского наречия» в Трансильвании.

³⁵ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 138, л. 116.

Русский путешественник посетил Коллара, который рассказал, что уже послал для него в Вену свою статью о словацком языке.³⁶ Коллар объясняет, что издал ее без примеров, так как в Вене «словацкие слова печатаются с погрешностями», и по просьбе Кеппена обещает ему прислать словацкую часть статьи отдельно.

Встретившись в Пресбурге со словацким лингвистом проф. Палковичем, Кеппен 6 сентября 1822 г. снова приезжает в Вену и не покидает ее до мая 1823 г. Это объясняется стесненными материальными обстоятельствами А. С. Березина. Как только дела поправились, путешествие смогло возобновиться. В Вене Кеппен особенно часто встречается с Шлегелем (у него он часто проводит вечера), с Копитаром; в эту зиму он состоит в переписке с Колларом³⁷ и Беницким, секретарем Стратимировича, который прислал ему, в частности, снимки болгарской хроники Даниила, о чем Кеппен через Калайдовича сообщил Румянцеву.³⁸

В конце апреля 1823 г. Кеппен через Иглаву едет в Прагу. Он спешит попасть туда к 1 мая — на праздники Яна Непомуцкого, но прибывает лишь 4-го. «Пражские» страницы дневника И. П. Кеппена особенно интересны.

«Давно я желал видеть отца славянской словесности в чужих краях, давно желал побывать в Праге и познакомиться с почтенным аббатом Добровским — столько уважаемым как иностранцами, так и нашими отечественными литераторами», — записывает русский путешественник.³⁹

Итак, Кеппен прибыл в Прагу.

«...я уведомил г. Добровского о моем приезде, и он приказал сказать, что будет ко мне в 1-ом часу пред обедом. Выходя из дому, я встретил г-на Палацкокого, с которым виделся уже в Пеште и в Вене и который, узнав от Добровского о моем приходе, тотчас поспешил ко мне. Он провел меня к Добровскому, который жил по ту сторону реки в доме графа Ностица... Добровский вышел точно таков, каковым я себе его представлял: росту довольно высокого, сухощавый и седой, несколько нагнутой. Я сказал ему, что приехал в Прагу наиболее для того, чтобы с ним познако-

³⁶ Там же, л. 115. Эту статью Кеппен получил в Вене 24 сентября (там же, л. 129).

³⁷ См.: V. A. Francsev. Jan Kollár a P. I. Körrep. ССМ, 1904, стр. 244—247. Коллар ценит Кеппена как замечательного ученого путешественника и посвятил ему строки в своей «Дочери славы» (112-й сонет главы «Лета»). В свою очередь Кеппен был в России первым, кто обратил внимание на поэму Коллара (см.: «Библиографические листы», 1825, № 18, стр. 252—253).

³⁸ Находясь за границей, Кеппен постоянно поддерживает связь с Румянцевским кружком, посылает туда нужные книги, переписывается с А. Х. Востоковым.

³⁹ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 139, л. 19.

миться. Он этим был доволен и обещал завтрашнего дня со мною заняться».⁴⁰

По пути к В. Ганке Палацкий рассказывает Кеппену о благородстве и «чудачествах» Добровского. Кеппен приводит рассказы Палацкого в своем дневнике. Вот один из них: «С издателем богемского словаря, Таммом, он был в разладе, но после его смерти он на свой счет похоронил Тамма, умершего в величайшей бедности».

Но тут же Кеппен замечает: «Для меня, однако, прискорбно было слышать из уст его не совсем выгодное суждение о Копитаре, которого он называл истинным крайнем, т. е. ненадежным, потому что приписывал ему же рецензию о своей грамматике, напечатанную Як. Гриммом. Я по возможности защищал Копитара, которому как и Добровский, так и я сам обязаны за многие одолжения. Одолжений его я не забуду, говорил Добровский, но для него или вместе с ним уже работать не стану. Он-то и Вука заставил писать нынешние сербские вещи, под предлогом тем (как сказано было в бумаге, представленной полиции), чтобы отдалить сербов навсегда от россиян. Копитар всегда вооружался против всего русского. — Должен заметить, что Добровскому уже 70 лет, что он привык произносить решительные суждения и не может уже сносить противоречия, — оправдывает Добровского Кеппен. — Я сказывал ему, что Копитар вместе со мною был в Праге, если бы я решился дожидаться праздников троицы».⁴¹

Очень тепло принял Кеппена В. Ганка, «издатель Краледворской рукописи», которому Копитар писал о приезде Кеппена. Кеппен расписался в альбоме Ганки и осмотрел собрание национального музея. Потом Ганка показал ему Прагу.

Далее П. И. Кеппен рассказывает:

«Поутру пришли ко мне г. Добровский, г. Ганка и профессор Свобода, переведший на немецкий язык Краледворскую рукопись. К ним присоединился и г. Палацкий... Добровский и Ганка с 9 до 12 часов неусыпно рассматривали мои русские памятки, и я должен сознаться, что здесь на оные обращали большее внимание, нежели в Вене, Ганка тотчас взял у меня для списания мой оригинальный древний листок. 103 псалом и пр. . . Он все оные скопировал, равно как и Fac Simile Остромирова Евангелия. Но ни он, ни учитель его Добровский не были согласны с Востоковым в отношении к употреблению А и Ж, заменяющими будто бы

⁴⁰ Там же, лл. 21, 22.

⁴¹ Кеппен не знал того, что в письмах Копитара Добровскому грубые нападки на него, а также на Востокова следовали одна за другой (И. В. Ягич. Источники. . . , т. II, стр. 473, 492, 506). Копитар, как известно, ни в коем случае не хотел, чтобы Фрейзингенская рукопись была издана в России. Кеппен же не скрывал своих намерений сделать это.

2 Из истории русско-славянских связей

польские о, е, а Добровский обещался мне представить множество примеров в опровержение сего мнения. Впрочем, как Копитар, так и Ганка все очень большое имеют почтение к трудам Востокова, и Добровский желал бы вступить с ним в сношения.

«Я отослал к Добровскому на дом все мое собрание и книги, как-то: каталог Толстого рукописям, статью Евгения⁴² о грамоте (которую Добровский был доволен, — и надеялся, может быть, еще когда-либо лично познакомиться с метрополитом в Киеве, если бы ему случилось побывать во Львове), статьи Каченовского (ему уже известные), Востокова о Славянской грамматике».⁴³ Высоко отозвался Добровский и о Н. П. Румянцеве.

Во время пребывания в Праге Кеппен ежедневно видится с Добровским, Палацким, Ганкой. В свою очередь Добровский осмотрел привезенное Кеппеном собрание славянских памятников и вместе с Ганкой скопировал одну из рукописей.

С Поссельтом, директором университетской библиотеки, Кеппена познакомил Добровский. «К Поссельту (корреспонденту Ф. П. Аделунга) я обратился для получения от него примерного списка слов, которые бы с пользою можно и должно употреблять для сравнительных словарей». Поссельт познакомил Кеппена со своим сочинением «Философия языков».

7 мая Кеппен с Палацким «пошел к профессору Юнгману (Августу), сочиняющему большой Богемский словарь, в составлении коего он дошел уже до буквы Н. Он полагает, что все сочинение может быть окончено лет в шесть, если будет иметь для того довольно времени, ибо сей словарь будет едва ли не больше словаря Линде. Он показывал мне букву Д... Он же обещался Линде написать по примеру Гречевой „Истории российской словесности“ — „Историю богемской словесности“.

«Поутру 8 мая пришли ко мне г. Ганка, Палацкий, Поссельт и Добровский. Поссельт принес мне составленный им примерный список слов, могущих служить основанием при составлении сравнительных словарей. . . Поссельт очень извинялся в том, что, будучи избран членом-корреспондентом Ученого комитета имп. Человоколюбивого общества, не мог принять этого звания, потому что не получил на то дозволения; между тем, однако, это дозволено было Клейну, директору института слепых в Вене, что и обнародовано в газетах».⁴⁴

В университетской библиотеке по распоряжению Добровского гостю показали старые чешские книги, описанные в знаменитой «Geschichte der böhmischen Sprache und älteren Literatur». Добров-

⁴² Имеется в виду Е. А. Болховитинов.

⁴³ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 139, лл. 23—24 (5 мая 1823 г.).

⁴⁴ Там же, лл. 25, 26, 27, 28.

ский подарил Кеппену последнее (1818 г.) издание этой книги, которое еще не было известно в России,⁴⁵ и другие свои печатные труды.

Быстро подошло время отъезда.⁴⁶ В. Ганка, Й. Юнгман, Ф. Палацкий преподнесли Кеппену на память свои сочинения, а Ганка, сверх того, факсимиле четырех строк «Краледворской рукописи».

Подарки приготовил и Добровский: почерк письма «Евангелия св. Марка», привезенного в Чехию самим Карлом IV, факсимиле «Парижского» и «Сербского» кодексов (рукописи XIV в.) и т. д.

«Разлука с Добровским меня поистине тронула. Бог знает, увижу ль я почтенного 70-летнего ученого. Признаюсь, что при всем (и великом) уважении моем к Александру Семеновичу Шишкову, я не могу не сказать самому себе, что Добровский лучше всех наших современников знает славянский язык. Ему известна большая часть существующих ныне наречий и взаимное их между собою отношение. При всем том он довольно скромнен в отношении к таким предметам, которые остались им еще не определенными, но от принятого однажды мнения его уклонить трудно», — пишет в заключение Кеппен.⁴⁷

Он возвращается в Вену, но ненадолго. 30 мая 1823 г. Кеппен через Оломоуц отправляется в Польшу.

В Кракове он посещает в библиотеке проф. Г. С. Бандке, от которого получает несколько рекомендательных писем. В Варшаву Кеппен прибыл 10 июня. Его радостно встречает С. Г. Линде, которого этот приезд немного отвлек от смерти жены.⁴⁸

Линде поделился с Кеппеном своими планами издать отдельно введение к своему словарю. Он внимательно изучает привезенные Кеппеном рукописи. Любопытна запись от 20 июня: «...был у проф. Линде.⁴⁹ Он прочитал мне свою биографию, написанную им самим по требованию Брокгауза, издателя „Конверзационс-лексикона“. Быть может, что я издам оную вместе с его правилами этимологии».⁵⁰

⁴⁵ Там же, л. 29.

⁴⁶ Кеппен был в Праге с 3 по 10 мая 1823 г. Вызывает удивление столь краткий срок пребывания Кеппена в Праге. Трудно отыскать причину; во всяком случае в дневнике Кеппена есть указания на трудности получения паспорта у властей. Очевидно, поездка Кеппена почему-то внушала опасение австрийским властям. При въезде в Вену у него хотели отобрать все привезенные из Праги книги и даже дорожные записки. Большого труда стоило предотвратить конфискацию.

⁴⁷ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 139, л. 39.

⁴⁸ Там же, лл. 55, 58, 59.

⁴⁹ Кеппен посещал Линде ежедневно.

⁵⁰ Кеппен действительно выполнил свое намерение, издав очерк о Линде (Samuel Gottlieb Linde, eine biografische Skizze. Wien, 1823). 19 августа

«Жизнеописание г. Линде любопытно потому, что читающий оное получает в то же время понятие о ходе просвещения, об истории школ и публичной библиотеки в Польше и особенно в самой Варшаве».⁵¹

Кеппен познакомился с архивом Варшавы, который показал ему заведующий этим архивом И. Сераковский; посетил библиотеку (по приглашению Хлендовского); осмотрел библиотеку Н. П. Новосильцева.

В конце июня Кеппен через Вроцлав возвращается в Вену, чтобы сразу же отправиться в новое странствие.⁵² Мюнхен—Майнц—Франкфурт-на-Майне—Кассель—Геттинген—Эрфурт—Веймар⁵³—Иена—Галле—Дрезден⁵⁴—Берлин и, наконец, возвращение в Петербург через Данциг и Кенигсберг— вот последний маршрут П. И. Кеппена. Многие привлекает внимание в его дневниках за этот период; в них много наблюдений, представляющих интерес не только для слависта. Тем не менее, даже находясь в Германии, Кеппен работает для славянской науки. В Мюнхене он делает снимки «Фрейзингенских отрывков». В Касселе он встречается с известным германистом Якобом Гриммом, местным библиотекарем, который показал Кеппену славянские рукописи и книги.

В Галле Кеппен находился с 11 по 21 февраля 1824 г. Он приехал по настойчивому приглашению проф. Якоба, бывшего препода-

1823 г. Кеппен сообщал из Вены в Вольное общество любителей российской словесности: «Честь имею препроводить в оное общество 3 экземпляра печатанной мною в здешних „Jahrbücher der Literatur“ краткой биографии нашего г. почетного члена Линде. Я уверен, что почтеннейшее оное общество одобрит таковые записки и примет благосклонно жизнеописание особы, уважаемой всеми г.г. членами нашего сословия» (ИРЛИ, ф. 58, № 7, л. 364).

⁵¹ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 139, л. 73.

⁵² Первоначально предполагалось, что Кеппен изучит памятники славянской письменности в Италии, Франции и Англии, но Березину это оказалось не по средствам, и договор их был расторгнут.

⁵³ В Веймаре Кеппен был принят Гете (см. прим. 25). Неоднократно посетил он и Иоганну Шопенгауэр, мать Артура Шопенгауэра, которая, по словам Кеппена, «была в центре литературного кружка, посещаемого самим Гете»

⁵⁴ В Дрездене Кеппена интересовала художественная коллекция. Здесь у него завязался ряд интереснейших знакомств, в том числе с поэтом Хр. Авг. Тидге и известным уже тогда писателем Людвигом Тиком. К Тику у Кеппена было рекомендательное письмо от В. К. Кюхельбекера. По свидетельству Кеппена, Тик и Тидге с удовольствием вспоминали о Кюхельбекере, но боялись за него «по случаю его свободных речей». В Дрездене Кеппен познакомился и с композитором К.-М. Вебером. Вебер жаловался на то, что в Петербурге ставили его «Вольного стрелка», но ничего ему не заплатили, тайно достав партитуру в другой театр. Вебер говорил Кеппену, что сочиняет новую оперу «Die drei Pintos» «на португальский сюжет». «Это заставило его заняться испанской музыкой. Вебер уверял, что есть старые мелодии, общие для нескольких народов. Мотив „Es ritten drei Reiter zum Thore hinaus“ Вебер нашел как в древних испанских, так и в древних норвежских песнях».

вателя Харьковского университета, где учился Кеппен. Дочь Якоба Тереза переводила в то время на немецкий язык «Сербские песни» Караджича; участвовала она и в «Literarisches Conversations-Blatt», издававшемся Брокгаузом в Лейпциге. Якобы были большими друзьями Караджича, и Кеппен снова встретился с ним здесь. Караджич передал Кеппену привезенное им письмо от Е. А. Болховитинова. Кеппен рассказывает:

«Вука я застал за корректурую последних листов сербской грамматики, которую читал у него сын доктора Фатера. Мы условились, если можно, ехать вместе до Дрездена. Это, однако, мне не удалось... Оставляя Галле, он заехал ко мне, и от меня уже пустился в путь. В Лейпциге я Вука уже не застал, а получил от него письмо. Вук сообщал, что не может послать Румянцеву 50 экземпляров своих „Песен“, так как еще „должен книгопродавцу Гертелю 300 талеров за напечатание сей книги“. Кеппен отправился к книгопродавцу и заставил его выдать 50 экземпляров, уплатив деньги вместо Вука. „Я сказал ему, что в случае удержания сих книг, легко может последовать в России новое издание сих песней...“».⁵⁵

В Галле Кеппен познакомился со многими учеными, и среди них — с известным лингвистом Й.-С. Фатером, другом петербургского литератора Ф. П. Аделунга.⁵⁶

По возвращении Кеппена в Россию завязалась оживленная переписка между ним и Добровским, П. И. Шафариком, В. Ганкой, Ф. Палацким, Я. Колларом, С. Г. Линде и многими другими.

По совету Н. П. Румянцева Кеппен составил «Записку о путешествии по славянским землям и архивам».⁵⁷

В «Записке» Кеппен подробно описывает все архивы и библиотеки, где ученый-путешественник может найти интересующие его материалы, а также называет крупнейших ученых, беседы с которыми особенно полезны. Кеппен точно сообщает, в каких вопросах особенно компетентен каждый из перечисленных ученых.⁵⁸

⁵⁵ Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 140, л. 87.

⁵⁶ Любопытны заметки Кеппена о студенческой жизни в Галле. Он прибыл в Галле вскоре после убийства Августа Коцебу студентом К. Зандом. Кеппен рассказывает о гонениях на университеты, об исключительной популярности Занда среди молодежи.

⁵⁷ «Библиографические листы», 1826, № 34—35.

⁵⁸ «Записка» Кеппена, предназначенная первоначально для отечественных путешественников, служила превосходным практическим указателем и руководством для иноземных ученых. Первым воспользовался ею поляк А. Ф. Кухарский, предпринявший в 1825 г. путешествие по землям западных и южных славян. Инструкцию для него составлял С. Г. Линде, который приложил к ней «Записку» Кеппена, переведенную на польский язык. Кухарский в точности следовал советам Кеппена (В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII—первой четверти XIX в. Прага, 1906, стр. 462—463). Статью

Мы уже говорили, что П. И. Кеппен не был филологом в строгом смысле. Его путешествие — иного рода, нежели следовавшие вскоре путешествия О. М. Бодянского, П. И. Прейса, В. И. Григоровича, И. И. Срезневского.

Тем не менее это одно из самых замечательных ученых путешествий в начале XIX в.

К. И. Ровда

ЭРБЕН И РУССКО-ЧЕШСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

В истории русско-чешских литературных и общественно-культурных связей весьма интересной во многих отношениях представляется фигура Карела Яромира Эрбена (1811—1870), поэта и фольклориста, историка и филолога, этнографа и общественного деятеля чешского национального возрождения. Эрбен проявлял большой интерес к России, ее истории, к русскому фольклору и древним памятникам русской литературы, был лично связан со многими деятелями русской культуры. «Эрбен, пожалуй, один из крупнейших и энергичнейших деятелей на почве сближения чешской и русской культур, — говорит советский ученый. — Эрбен более чем кто-либо другой из его современников сделал для ознакомления чехов с русской литературой».¹ Имя его когда-то пользовалось известностью в русском ученом мире. Его поэтические произведения и сказки переводились в разное время на русский язык.

Чтобы правильно понять и оценить роль Эрбена в русско-чешских литературных и культурных отношениях, необходимо строго учитывать условия, в каких развивалось и какими определялось его творчество, а также отношения между чешским и русским народами и их литературами. Русская литература развивалась как великая национальная литература, опиравшаяся на многовековые внутренние и внешние традиции, которые никогда не ослабевали и не прерывались. Каковы бы ни были трудности цензурного и полицейского гнета в России, русскому писателю не запрещали писать по-русски. Главным для русской литературы был не национальный, а социальный вопрос, вопрос об отмене крепостного права и его пережитках, вопрос о земле для тех, кто ее обрабатывал.

Чешская литература шла иным путем. После разгрома чехов у Белой горы (1620 г.) немцы запрещали и уничтожали ее. И когда в связи с развитием капитализма и подъемом национально-освободительного движения возникли условия для ее возрождения, перед нею, естественно, на первый план выдвинулись национальные задачи: пробуждать национальное самосознание во всех классах об-

¹ М. К. Азадовский. История русской фольклористики. Учпедгиз, М., 1960, стр. 315.

щества, сплачивать воедино весь народ для борьбы за национальную свободу. Чтобы быть на высоте требований, писатели занялись выработкой и развитием литературного языка, поисками литературных традиций, усвоением современных литературных форм. С этой целью они обратились к устному народному творчеству как главному источнику идей, сюжетов, образов и изобразительных средств, а также интенсивно переводили на чешский язык классические произведения прошлого и лучшие современные образцы иностранных литератур.

Небольшой народ в самом центре Европы, окруженный со всех сторон враждебными ему немецкими племенами, не мог рассчитывать в своей борьбе только на собственные силы. Он обращает свои взоры на другие славянские народы, не сообразуясь с тем, что все они стоят на равных ступенях исторического развития. Начинается изучение прошлого славянских народов, поиски общего корня. «Исторические исследования, охватывающие политическое, литературное и лингвистическое развитие славянской расы, — писал Маркс, — сделали в Австрии гигантские успехи».² Возникает панславизм: «... филология была использована панславистами для проповеди учения о славянском единстве и создании политической партии, очевидной целью которой было изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее в великую славянскую империю».³

Как политическая идея панславизм с самого начала был иллюзией, имевшей реакционный смысл.⁴ Но как литературное движение славянских народов за национальную культуру славян и их литературное общение на основе равенства наций он безусловно имел прогрессивное значение. Взаимное общение славянских литератур (обмен идеями, переводы литературных произведений, влияние одних славянских писателей на других и т. п.) обогащало литературное достояние каждого народа, участвовавшего в этом общении и умножало художественные ценности человечества.

Известно, что по своим политическим взглядам Эрбен примыкал к буржуазным либералам, во главе которых стоял Фр. Палацкий (1798—1876), идеолог австрийского панславизма. Это мешало ему видеть социальный смысл многих событий и явлений. Вопросы социальной борьбы модифицировались у него в абстрактные понятия борьбы добра и зла.⁵ Но он отлично понимал, что творцом всех культурных ценностей является народ. «Только изучение

² К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1. М., 1957, стр. 534.

³ Там же.

⁴ См.: Ф. Энгельс. Демократический панславизм. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 6, стр. 289—306.

⁵ См.: Karel Dvořák. Karel Jaromír Erben. Dějiny české literatury, II. Praha, 1960, стр. 542—565.

простого народа, его души и особенностей его характера может быть источником расцвета подлинно национального искусства»,⁶ — писал Эрбен.

И поэт обращается к этому животворному источнику.

Обращение к фольклору накладывало отпечаток подлинной народности на поэзию Эрбена. Тесное общение с народом и понимание его чаяний и идеалов оберегало поэта от многих заблуждений буржуазного либерализма. После событий 1848 г. он отходит от политической деятельности и весь отдается изучению народного творчества и публикации исторических памятников. Эта деятельность носит демократический характер. Эрбен демократичен в том смысле, какой имел в виду А. Н. Пыпин, когда писал о демократизме чешской литературы, что «источник ее в низшем слое народа, стоявшем всего далее от онемечения и наиболее сохранившем славянский быт».⁷ Героями его произведений являются простые люди, труженики. Их переживания, горе и радости, светлые порывы и предрассудки выражены в его стихах, балладах и сказках. В его творчестве воссоздана традиция героической народной борьбы против иноземного гнета, показана любовь к родине людей из народа. И к нему вполне приложимы слова Ю. Фучика, сказанные о другом чешском писателе — Ирасеке: «В его задачу входило придать всем классам чешского народа единый вид непреодолимого сопротивления духа».⁸ Единственная книга стихов Эрбена,⁹ вышедшая в период черной баховской реакции, воспринималась как выражение протеста против национального гнета и как призыв к свободе.

Эрбен был чуток к новым веяниям времени и в 60-х годах примыкал к поэтам и писателям, группировавшимся вокруг альманаха «Май» во главе с Я. Нерудой и В. Галеком.¹⁰ Нити, связывающие его поэзию с поэзией Я. Неруды и Иржи Волькера, не являются случайными. И тот факт, что Эрбен нашел высокую оценку со стороны прогрессивного крыла чешской литературы, говорит о многом и помогает глубже понять его истинное значение в чешском историко-литературном процессе и русско-чешских литературных отношениях.¹¹

⁶ Карел Яромир Эрбен. Баллады. Стихи. Сказки. Гослитиздат, М. 1948, стр. 5.

⁷ А. Н. Пыпин. Мои заметки. СПб., 1910, стр. 258.

⁸ Ю. Фучик. Избранные статьи и очерки. Изд. иностр. лит., М., 1950, стр. 165.

⁹ «Kytice» (1853).

¹⁰ Antonín S r u n d. Karel Jaromír Erben. V Praze, 1935, стр. 131.

¹¹ Jan Neruda o umění. Praha, 1950, стр. 97; Эденек Неедлы. Статьи об искусстве. М.—Л., 1960, стр. 423; Ю. Фучик. Избранные статьи и очерки, стр. 208—209.

Выяснение вопросов, связанных с деятельностью Эрбена как пропагандиста русской литературы и русского устного народного творчества в Чехии, с одной стороны, и восприятием его литературных трудов в России, с другой — может, как нам кажется, способствовать изучению закономерностей процесса взаимосвязей и взаимодействия двух братских литератур в дополнение к тем наблюдениям и выводам, какие уже сделаны русскими и чешскими исследователями, изучавшими этот процесс на другом материале.¹²

Настоящая статья не ставит целью дать исчерпывающее освещение проблемы, а является скорее лишь введением в ее изучение.

Отношение Эрбена к России и ее литературе определяется той идейной и литературно-эстетической позицией, какую занимал он в чешской общественной жизни и чешской литературе. Россия была для него единственным свободным государством славянского племени, обладавшим богатой культурой, родственной культуре чешского народа. Существование великого славянского государства было для него, как и для всех чехов и славян вообще, фактом огромного морального значения, подтверждавшим способность всех славян к государственной самостоятельности, к развитию своей национальной культуры. Россия была вдохновляющим примером для возрождающегося славянства. Но националистические предрассудки делали Эрбена слепым по отношению к той социальной системе, какая существовала в России.¹³ Они в сильной степени мешали ему понять русскую действительность в ее истинном значении и разобраться в различных течениях русской литературы.

Правильному пониманию русской действительности и русской литературы в Чехии мешало отсутствие объективной информации и организованного книгообмена между нашими странами. Проникновению русской литературы в Чехию, как и во все славянские земли, находившиеся под австрийским владычеством, противодей-

¹² См.: С. Вознесенский. Русская литература о славянстве. (Опыт библиографического указателя). Пгр., 1915; И. А. Бернштейн. Чешская литература в русской критике второй половины XIX в. В сб.: Из истории связей славянских литератур. М., 1959, стр. 22—60; С. В. Никольский. «Отзвук русских песен» Ф. Л. Челаковского. Там же, стр. 3—21. Проблематика, над которой работают советские исследователи чешской литературы, указана в кн.: Актуальные проблемы славяноведения. «Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР», № 33—34, М., 1961. Новейшие чешские исследования названы в сб.: Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. М., 1961, стр. 361. См. также: M. Botura, V. Oklábec, R. Zimek. Patnáct let české rusistiky. Československá Rusistika, 1960, №№ 2, 3; Jan Jiřa. Česko-ruské literární vztahy v minulosti. Praha—Moskva, 1955, № 11, стр. 15—28.

¹³ См.: Vincenc Brandl. Život Karla Jaromíra Erbena. V Brně, 1887, стр. 76; Rudo Břtáň. Karel Jaromír Erben a Izmail Ivanovič Sreznevskij. В кн.: Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Sborník prací. Praha, 1958, стр. 177.

ствовавали цензура и полиция. Письма и посылки с книгами часто не доходили по назначению.¹⁴ Книготорговые связи отсутствовали.¹⁵ Страх перед возможностью сближения славянских народов между собой толкал австрийское правительство на всевозможные меры, препятствовавшие общению чехов и русских. Сочувствие России, ее народу, языку, литературе «рассматривалось чуть ли не как измена по отношению к Австрии».¹⁶

Переписка и в особенности книгообмен чаще всего происходили через путешественников. А так как путешествия в Чехию совершали преимущественно слависты и славянофилы, мало в общем интересовавшиеся современной прогрессивной литературой, то понятно, что они пропагандировали в Чехии те произведения русской литературы и те журналы, какие были близки их интересам и убеждениям. «По-русски здесь читают, — писал А. Н. Пыпин, — но все-таки мало, и наша литература известна им отрывочно; например, об Аксакове-отце, Островском, Некрасове и многих других замечательных людях почти понятия не имеют. Знают только Пушкина, Лермонтова, Хомякова и Гоголя, отчасти Тургенева».¹⁷ Но характерно, что и этих писателей чехи понимают на свой образец, т. е. в той степени, в какой они созвучны их собственным настроениям и запросам.¹⁸ Так, приведя в пример чешского литератора, не сочувствующего славянофилам, Пыпин подчеркивает, что Тургенева он понимает только в «Записках охотника», а остальные вещи этого писателя кажутся ему французскими: «... по их собственной повествовательной литературе ему кажется, что все подобные вещи должны быть написаны народным языком».¹⁹ Из русских поэтов чехам в то время был наиболее близок и понятен А. Хомяков.

Через славянофилов и славистов Эрбен был хорошо информирован о русском фольклоре и древней литературе.²⁰ Ему были известны все замечательные явления в области русского народного творчества, образцы которого он использовал в своих изданиях и статьях. То же можно сказать о древней исторической и худо-

¹⁴ M. Pregel. Pouť slovanů do Moskvy roku 1867. Praha, 1931, стр. 117.

¹⁵ См.: Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 400, д. 501, л. 16, а также: А. Ф. Гильфердинг. Обзор чешской литературы за 1859 г. «СПб. ведомости», 1860, 26 мая, № 113.

¹⁶ П. А. Заболотский. Русский язык в роли общеславянского языка. «Славянские известия», 1915, № 9, стр. 119.

¹⁷ Документы к истории славяноведения в России. М.—Л., 1948, стр. 21 (письмо к В. И. Ламанскому от 7/19 декабря 1858 г.).

¹⁸ См.: Иржи Гонзик. Тургенев и чешская литература. В кн.: И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. стр. 421—451.

¹⁹ Документы к истории славяноведения в России, стр. 19.

²⁰ См.: К. И. Ровда. Русские связи чешского фольклориста. В сб.: Русский фольклор, вып. 8, 1963, стр. 329—335.

жественной литературе. Он был хорошо осведомлен в русских летописях.²¹ Что касается современной русской литературы, то и на него, по-видимому, распространяется та ограниченность в представлениях о ней, в какой А. Н. Пыпин упрекал большинство чешской интеллигенции в своих письмах из Праги в «Современник».²²

Естествен интерес Эрбена к В. А. Жуковскому как романтику, близкому ему по некоторым мотивам творчества.²³ Знает и любит он Пушкина. Но больше всего его привлекает русский фольклор: песни, сказки, былины. Каждый сборник русских песен и сказок Эрбен встречает с радостным волнением. «С каким восторгом, если бы Вы знали, — пишет В. И. Ламанский родителям, — говорит он о песнях, собранных Рыбниковым».²⁴ И это понятно. Для возрождения чешской литературы закономерно было обращение к народно-поэтическому творчеству. Эрбен всю жизнь собирал чешские песни и сказки. К сказкам он привлек внимание Божены Немцовой. Правда, в подходе к сказкам у Эрбена и Немцовой сказываются различные точки зрения.²⁵ Б. Немцова видит в сказке прежде всего отражение настроений народных масс. В сказках, которые она обрабатывала и публиковала, резко звучат социальные мотивы. Для Эрбена важно другое: найти в сказках отзвуки древних славянских мифов, обнаружить в них систему славянской мифологии. Этому принципу подчинено распределение сказочного материала в книге «Избранные мифы и предания», где собраны сказки всех славянских народов, в том числе много русских, взятых из сборников И. Сахарова, А. Афанасьева и других источников. Многие из них сокращены, чтобы ярче выступили элементы мифа.²⁶

²¹ Об этом свидетельствует его статья «Přispěvky k dějepisu českému, sebrané ze starých letopisů ruských od nejstarší doby až do vymření Přemyslovců» («Casopis Musea království českého», 1870, sv. I, стр. 69—97). В статье прослеживаются все упоминания о чехах, встречающиеся в русских летописях.

²² См.: А. Н. Пыпин. Мои заметки, стр. 247.

²³ См. примечание Эрбена к его балладе «Свадебные рубашки» в кн.: Карел Яромир Эрбен. Баллады. Стихи. Сказки, стр. 284.

²⁴ Документы к истории славяноведения в России, стр. 36.

²⁵ См.: Felix Vodička. Cesty a cíle obrozenské literatury. Praha, 1958. стр. 203—247.

²⁶ См.: Dílo Karla Jaromíra Erbena. Sv. čtvrtý. Slovanské pohadky. Melantrich. [б. м. и г.]. — В примечаниях к этому изданию указаны все отступления от текстов, которыми пользовался Эрбен при составлении своего сборника. Эти наблюдения могут послужить материалом для особого исследования на тему «Эрбен и русские сказки». Зденек Урбан отмечает, что в отличие от Б. Немцовой, стремившейся в переводах славянских сказок сохранить все элементы, связанные с их национальным своеобразием, Эрбен скорее стирает в своих переводах характерные черты происхождения той или иной сказки, чем подчеркивает их (см.: Zdeněk Urban. K otázce překladů B. Němcové a K. J. Erbena ze srbochrvátštiny a bulharštiny. «Sborník slavistických prací venovaných IV mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě», Universita Karlova, 1958, стр. 130—131). Этот подход проявляется у Эрбена и к русским сказкам

Такая обработка народных сказок с точки зрения передовой русской мысли и тогда была неприемлема.²⁷ Но в чешской литературно-политической ситуации того времени подобный подход мог иметь свое оправдание. «Проблема национальной мифологии входила в круг существовавших элементов научного фольклоризма эпохи. Обращение к национальному и народному, стремление противопоставить поэтике классицизма, опирающегося в значительной степени на античный материал и античную мифологию, свою национальную поэтику, ставило на очередь и вопрос о приведении в ясность и о систематизации национально-мифологических материалов. Вопрос о национальной мифологии становится частью более общей проблемы — проблемы народности и национальности в литературе».²⁸ У чехов и других угнетенных славян эта проблема имела и политическое значение в их национально-освободительной борьбе: в том смысле, что утверждала древность культуры славянских народов, являвшейся своего рода аттестатом зрелости, дающим право на национальное существование. Вместе с чешскими и другими славянскими сказками²⁹ в эту культуру включалась и русская сказка.

Но это не единственный способ усвоения сказок у Эрбена. В другом сборнике³⁰ он издал сто славянских сказок в полной неприкосновенности, с сохранением особенностей произношения. Тут автор публикует тринадцать русских сказок из собраний А. Афанасьева, И. А. Худякова и М. Максимовича.³¹ Белорусские сказки

²⁷ См.: Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, т. I, Гослитиздат, М., 1934, стр. 432—433; Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, М., 1949, стр. 369—381.

²⁸ М. К. Азадовский. История русской фольклористики, стр. 128.

²⁹ См.: Felix Vodička. Cesty a cíle obrozenského literatury, стр. 203—247. В названной выше книге Ф. Водичка положительно относится к такой обработке, полагая, что сказка при этом выигрывает в лаконичности, композиционной стройности и единстве стиля. Из рук такого мастера слова и знатока законов народного творчества и чешского языка, каким был Эрбен, она вышла «совершенным созданием общенародного значения». Иржи Горак рассматривает подобный подход к сказкам как вольный перевод, в котором во всем блеске проявился талант Эрбена-рассказчика: краткость, ясность, живость и образность (Dílo Karla Jaromíra Erbena, стр. 419). Вопрос этот мог бы послужить предметом интересной дискуссии. Призыв к ней прозвучал со страниц журнала «Československé Rusistika» (1960, № 1, стр. 36) в связи с рецензией Олега Зианковского на сборник русских сказок, изданных в Праге в 1959 г. в вольном переводе Вл. Становского, но дискуссия не развернулась.

³⁰ На титульном листе по-русски: Сто славянских сказок и повестей в подлиннике. Книга для чтения с изъяснением слов. Издал Карел Яромир Эрбен. В Праге, 1865. Далее по-чешски: Sto prstonárodních pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních. Čítanka slovanská s vysvětlením slov. Vydal Karel Jaromír Erben. V Praze, 1865, 392 стр.

³¹ М. Максимович. Три сказки и одна побасенка. Изд. 2, М., 1859 (Снегурка); Н. А. Худяков. Великорусские сказки, вып. [1]—3, М., 1860—1862 (Медведь и три сестры, Липунюшка, О Иванушка-дурачке);

взяты из сборника А. Афанасьева, украинские из сборников М. Теляка, П. Кулиша, Я. Балагура. Некоторые сказки, заимствованные из древних источников, прислал Эрбену П. А. Лавровский. Они переписаны его рукой.

Издавая эту книгу, Эрбен ставил перед собой цель: дать в руки славянской молодежи разных стран материал для изучения славянских языков. По существу, и здесь издатель руководствовался той же мыслью о единстве славянских народов, только подошел к вопросу с иной стороны: хотел показать единство славянских языков в их многообразии.

Так, разными путями включает Эрбен славянские, в том числе русские, сказки в животворный процесс создания чешской национальной прозы. Через посредство Эрбена русская сказка рядом со сказками других славянских народов становится составной частью того наследия народной культуры, на которое опиралась молодая чешская литература в период формирования нации. Вхождение русской сказки в чешский историко-литературный процесс, чему начало положил Эрбен, является одним из интереснейших фактов в истории чешско-русских литературных связей, требующих специального исследования, наподобие того, какое сделал Уильям Харкинс в отношении русских былин, только сделать это надо исходя из марксистских позиций.³²

Национальные движения и революции нуждаются в героизме и обращаются к героическим традициям прошлого, воплощенным в народном эпосе. У чехов не было своей эпической народной поэзии, какая была у многих европейских и восточных народов или она не сохранилась. В поисках эпических традиций чешская литература обращается к традициям русского героического эпоса как общего наследия славян. Одни идут на создание поддельного народного эпоса (В. Ганка, И. Линда), пользуясь русскими образцами, другие (Ф. Л. Челаковский) создают на русские темы по образцу русских былин оригинальные эпические произведения.³³ Подделки В. Ганки и И. Линды, а также талантливые имитации

Памятники старинной русской литературы, изданные графом г. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862 (Царь Давид и царь Соломон); А. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. 1—8. М., 1860—1863 (О лихе одноглазом, Баба-яга, Царевич-козленочек, Косоручка, Кошей бессмертный, Илья Муромец и Соловей-разбойник). — Сказки «Яга-бура», напечатанной Эрбеном со ссылкой на Афанасьева, нам в его собрании обнаружить не удалось. «Сказание о семи планетах» взято П. А. Лавровским из рукописного сборника Соловецкого монастыря.

³² William E. Harkins. The Russian Folk Epos in Czech Literature. 1800—1900. N. Y., 1951, 282 стр.

³³ См.: С. В. Никольский. «Отзвук русских песен» Ф. В. Челаковского. В сб.: Из истории связей славянских литератур. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 3—21.

Ф. Л. Челаковского были заменой того эпического жанра, настоятельная потребность в котором как традиции ощущалась современниками. По третьему пути пошел Эрбен. Он просто переводил на чешский язык русские сказки и эпические произведения древней русской литературы, считая их общим достоянием славянской культуры, традиции которой нужны для развития чешской прозы, в частности исторической.

В 60-х годах, в связи с состоявшимся тогда празднованием тысячелетия русского государства, Эрбен переводит «Повесть временных лет» с тем, «чтобы наш чешский народ знал по крайней мере древнюю историю славного русского государства и познакомился также с древней историей славянства».³⁴ Этим переводом писатель хочет напомнить своим соотечественникам, что и они могут гордиться своим историческим прошлым: в летописи не однажды упоминаются чехи.

К работе над переводом русской летописи чешский писатель был хорошо подготовлен всем своим прежним опытом по изданию чешских исторических летописей и документов. И все же возникало много трудностей, связанных не только с тем, что он не вполне хорошо владел русским языком, но и вследствие неясностей в самом тексте летописи. «Очень задерживают мою работу, — пишет он 26 февраля 1863 г. И. И. Срезневскому, — что нет ни одного хорошего словаря к летописи».³⁵ Перевод летописи был закончен в середине 1864 г., после чего шла тщательная проверка и шлифовка, продолжавшаяся более двух лет. «Есть такие места, — жаловался писатель, — которых не могу объяснить и должен обращаться к людям более осведомленным за помощью».³⁶ Несмотря на трудности, перевод был успешно завершён. Эрбену казалось, что «ни один славянский язык» не в состоянии так верно от слова до слова передать эту повесть, как чешский.³⁷ Перевод был снабжен вступительной статьей, примечаниями, в которых давались толкования неясных и испорченных мест, и указателем имен. Комментарии чешского ученого были интересны и для русских специалистов.³⁸

³⁴ Rudo Brtáň. Karel Jaromír Erben a Izmail Ivanovič Sreznevskij, стр. 173.

³⁵ Там же, стр. 167.

³⁶ Там же, стр. 168.

³⁷ Там же, стр. 172.

³⁸ См.: Летопись Несторова. Nestorův letopis ruský. Přeložil Karel Jaromír Erben. V Praze, 1867, 327 стр. На основе вступительной статьи и примечаний Эрбен написал статью «Объяснение и исправление некоторых темных и испорченных мест», которая была доложена И. И. Срезневским на заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук и по решению последнего напечатана (СОЛЯС, СПб., 1870, т. VII, № 5, стр. 1—16). Посылая статью в Петербург, Эрбен просил сына Срезневского перевести ее на русский

Эрбен был очень высокого мнения о «Повести временных лет», как историческом и художественном памятнике древности, более значительном, по его мнению, чем летопись Козьмы Пражского (1045—1125), потому что она написана на народном славянском языке, тогда как хроника Козьмы написана по-латыни.³⁹

«Повесть временных лет», переведенная на чешский язык Эрбеном под именем «Несторовой летописи», вышла в 1867 г., когда габсбургская монархия, став на путь австро-венгерского дуализма, начала новое наступление на чехов. В этих условиях перевод летописи воспринимался чехами как выражение их любви к России. Летопись воспитывала в чехах не только чувство дружбы к братскому русскому народу, истоки которой берут свое начало в глубине веков, но внушала веру в их собственное будущее. Второй раз «Несторова летопись» в переводе Эрбена вышла в 1940 г.⁴⁰ в условиях нацистской оккупации и прозвучала как завет отцов «еще больше любить славный и непобедимый русский народ», связанный с чешским тысячелетней историей.⁴¹ Изданная в том же переводе в 1954 г. летопись и в наше время возбуждает у чехов любовь к русскому народу, идущему во главе прогрессивного человечества в борьбе за мир и социализм.

Живое восприятие в веках древнейшего литературного памятника одного народа другим — поразительнейшее свидетельство не только духовного родства этих народов, но и того, что сам памятник на протяжении веков остается жизненным по своему содержанию, сохраняет обаяние вечной молодости и красоты.

Эрбенов перевод летописи выдержал испытание временем. В нем Эрбен, по словам Ю. Доланского, выступает как художник и как ученый, поэт и переводчик, чех и славянин. «Никто у нас, — пишет чешский исследователь, — кроме Эрбена, не смог бы воплотить это произведение с такой красотой и силою, с таким глубоким знанием и широким взглядом».⁴²

Чешская критика наших дней единодушна в высокой оценке перевода летописи, который, по ее мнению, великолепно передает

язык и добавил: «Много дал бы я за такое знание русского языка, чтобы не нужен был никакой переводчик». Он сожалел, что уже стар, но заявлял, что если бы был помоложе, то научился бы говорить и писать по-русски (Rudo Břtáň. Karel Jaromír Erben a Izmail Ivanovič Srezněvskij, стр. 178).

³⁹ Для каждого чеха, писал Эрбен, «важно знакомство с величественным праотцом славянской истории, который стоит выше чешского Козьмы (Kosmas) не только искреннею простотою своего рассказа (он не старается подражать древним классикам напыщенными фразами), но преимущественно тем, что летопись свою пишет на языке своего народа, на языке славянском» (СОРАС, 1870, т. VII, № 5, стр. 3).

⁴⁰ В собрании сочинений, изданном Мелантрихом.

⁴¹ Julius Dolanský. Na okraj Nestorova letopisu. В кн.: Nestorův letopis ruský. Praha, 1954, стр. 303.

⁴² Там же, стр. 314.

дух подлинника и сохраняет его стилистическое своеобразие без насилия над чешским языком.⁴³ Переводчик действительно с большим искусством передает архаизмы оригинала и сохраняет русский колорит летописи, наивность и непосредственность эпического рассказа летописца, облик которого рисовался живому воображению поэта. И неслучайно первую русскую хронику он называет «Несторовой летописью». Через систему изобразительных средств и интонаций образ повествователя воспринимается впечатлительным поэтом и ощущается в переводе как живая личность, независимо от того, был ли это монах Печерского монастыря или кто другой. Личность летописца настолько захватывает и покоряет Эрбена, что он не может не восхищаться ею и считает создание повести бессмертной заслугой простого русского человека, который во времена, когда почти вся Западная Европа была погружена в варварство, создал произведение, возвышающееся над подобными произведениями позднейших летописцев разных стран. Ощущение живых интонаций в повести позволило успешно воплотить русскую летопись в чешское слово так, что перевод летописи стал «вершинным творением» (Ю. Доланский) Эрбена.

Незадолго перед смертью Эрбен издал свой перевод «Слова о полку Игореве», приложив к нему перевод «Задонщины» и «Повести о Мамаевом побоище»,⁴⁴ как произведений, созданных под влиянием «Слова». Сначала он предполагал перевести только «Задонщину», но потом решил взяться и за «Слово». До того у чехов были известны переводы «Слова» В. Ганки (1821) и М. Гатталы (1858). Первый к тому времени совершенно устарел, второй также показался Эрбену неудовлетворительным во многих отношениях. Может быть, он прислушался к критике недостатков этого перевода со стороны И. И. Срезневского.⁴⁵ Считая перевод этот в общем удачным, русский ученый видел и существенные недостатки в нем, заключавшиеся в том, что «иногда г. Гаттала пользовался свободою разумения через меру» и допускал много вольностей, примеры которых Срезневский приводит и полагает, что их можно умножить.

⁴³ Там же; Milada Součková. The Czech romantics. 'S-Gravenhage, 1958, стр. 92. — Иосиф Ирасек пишет: «Эрбенов перевод выполнен добросовестно, и сами русские его хвалят. Можно сказать, что он один из лучших. Перевод Шлецера не имеет, по крайней мере в наши дни, большой цены; польский перевод Белёвского устарел, и лишь перевод Миклошича лишен многих ошибок» (Josef Jirásek. Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od najstarších dob až do roku 1914, I, 1946, стр. 99).

⁴⁴ Dvě zpěvů staroruských totiž: O výpravě Igorově a Zadonština. S kritickými, historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady vydal Karel Jaromír Erben. V Praze, 1869, 67 стр.

⁴⁵ См.: «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», 1858, т. VII, стр. 123.

Эрбен считал перевод Гатталы неудобоваримым, «неточным и искажающим смысл». «Гаттале, — писал он, — вообще не хватает поэтического взлета, чтобы своею мыслью следовать за русским певцом „через поле на горы“, а кроме того, также его чешский язык не является чешским и нисколько не согревает; сверх того, некоторые места его перевода так темны, что он сам бы не понял, если бы ему кто-нибудь их неожиданно прочитал».⁴⁶

Казалось, что опыт перевода «Повести временных лет» облегчал задачу передачи «Слова о полку Игореве» на чешском языке и можно было ожидать, что поэт даст такой перевод «Слова», который будет не только верным, ясным и понятным, но также близким, насколько возможно, по духу своему образцу.⁴⁷ К этому он стремился. Но его постигла неудача, объясняющаяся, по-видимому, трудностями понимания русского текста, в котором и до сих пор остается много темных мест. Преодолеть это чешский поэт не сумел. Он также допускал много вольностей в истолковании смысла отдельных мест, как и его предшественник, и к тому же не передавал в переводе ритмического своеобразия русской поэмы.

Хотя перевод и обладал многими достоинствами — хороший комментарий, временами интересные и остроумные толкования отдельных мест и т. п., — в общем он не был шагом вперед по сравнению с предшествующим переводом. Но как первое научное издание «Слова о полку Игореве» на чешском языке он сыграл положительную роль в истории освоения этого памятника чешской литературой.⁴⁸

Как пропагандист и популяризатор русского народного творчества и русской литературы К. Я. Эрбен выступает в своих статьях, печатавшихся в журнале «Часопис чешского музея» и в «Научном словаре», издававшемся Фр. Л. Ригером в 60—70-х годах XIX в. Это была первая чешская научная энциклопедия, свидетельствовавшая своим появлением о значительном прогрессе чешской науки и культуры, связанном с подъемом общественного движения в Чехии.

В «Научном словаре» были напечатаны статьи К. Я. Эрбена «Эпическая поэзия» (1861, т. 2, стр. 467—468), «Игорь» (1863, т. 4, стр. 13—14), «Илья Муромец» (1863, т. 4, стр. 17—18), «Песня народная» (1867, т. 6, стр. 391), «Предание» («Povest»,

⁴⁶ Rudo Brtáň. Karel Jaromír Erban a Izmaíl Ivanovič Sreznevskij. стр. 179—180.

⁴⁷ Dvě zpěvy staroruských... Předmluva, стр. VI—VII.

⁴⁸ См.: А. М. Панченко. Чешские переводы «Слова о полку Игореве» XIX в. «Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ», т. XIII, 1957, стр. 646—648. — После Эрбена «Слово о полку Игореве» на чешский язык перевели Р. Папачек (1926) и Франтишек Куба (1946). См. об этом: Н. Гудзий. «Слово о полку Игореве» в новом чешском переводе. «Огонек», 1947, № 11, стр. 25.

1867, т. 6, стр. 747), «Славянская мифология» (1870, т. 8, стр. 606—608) и «Славянская народная поэзия и ее литература».⁴⁹ В этих статьях русскому народному творчеству придается перво-степенное значение как источнику письменной литературы. При характеристике славянской мифологии и славянской народной поэзии Эрбен широко использует материал русских сказок, былин и песен, привлекая для этого многие источники, которые тут же указываются. Это «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», сборники сказок А. Н. Афанасьева, «Сказания русского народа» И. Сахарова и многие другие.

Русскую эпическую поэзию Эрбен рассматривает на широком фоне мировой эпической поэзии — западной и восточной — и обращает внимание на то, что у славян она и ныне живет в устной традиции, особенно у сербов и русских. Эрбен видит три крупных группы большого эпоса славян: великорусскую, южнославянскую и украинскую. Каждая из этих групп, по его мнению, сама по себе в ценности своей равна самым прославленным творениям подобного рода других народов. У великоруссов — это цикл, который может быть назван, по словам поэта, «Владимир-великий князь киевский и его богатыри».

Эрбена в русском эпосе привлекает не только эстетическая сторона, но и этическая. Восхищаясь высокими моральными качествами богатырей русского былинного эпоса, он — имея в виду обилие любовных мотивов — упрекает героев рыцарских романов цикла Круглого стола в безнравственности, обнаруживая свою ограниченность в понимании бретонского эпоса.⁵⁰ В остальном чешский поэт считает славянский эпос равным западноевропейскому. Сербы, великорусы и малорусы, пишет он, «обладают богатыми собраниями прекрасных и древних народных песен», не уступая в этом отношении англичанам, скандинавам, испанцам, грекам и финнам.⁵¹ Доля славян в мировом наследии культурных ценностей не уступает, по мнению поэта, доле других народов. Подобный взгляд в то время высказывали немногие.

Любимым героем Эрбена в русском былинном эпосе является «старый козак» Илья Муромец, в котором он видит воплощение русского характера, и потому ему одному из всех богатырей посвящает особую статью в энциклопедии. Это даже не статья, а живой рассказ о подвигах героя, составленный по былинам и сказкам с сохранением многих заимствованных оттуда художе-

⁴⁹ Краткая характеристика этих статей дана в упоминавшейся выше книге Вильяма Харкинаса (William E. Harkins. The Russian Folk Epos in Czech literatur, стр. 137—138).

⁵⁰ Epické či rozpravní basnictví. Slovník naučný, t. 2, стр. 468.

⁵¹ Там же.

ственных деталей.⁵² Этот рассказ позволяет установить, как понимал образ русского богатыря чешский фольклорист.

Как известно, славянофилы также видели в Илье Муромце воплощение русского народного характера. Однако они подчеркивали в нем черты христианского смирения и религиозности, соединение силы и кротости, «православный строй его души». Илья участвует в битвах «вследствие случайных обстоятельств» и всегда, по К. Аксакову, вызываясь спокоен, побеждает как-то нехотя, никогда не выходя из себя.⁵³ Характеризуя Илью Муромца, Аксаков пропускает эпизоды, в которых повествуется об удали и озорстве Ильи, либо считает эти черты позднейшими прибавлениями к исконному тексту былины. В своей характеристике он пропускает эпизод ссоры Ильи с Владимиром и стрельбы Ильи по маковкам церквей, так как это противоречит его представлениям о характере русского народа и герое, в котором этот характер выражен.

В глазах Эрбена Илья Муромец тоже силен и бесстрашен, тоже гуманен: клянется не проливать крови. Но жестокая необходимость вынуждает его нарушить клятву: с врагами родной земли надо быть беспощадным. Он прежде всего воинственный патриот. В рассказе Эрбена сохранены детали, рисующие Илью Муромца человеком, привязанным к князю и церкви. Но лишь только задето его богатейское достоинство (неприглашение на княжеский пир), куда девается эта привязанность! Он сшибает золотые маковки и несет их в кабак. Илья отходчив, незлопамятен: быстро мирится с князем, когда его зовут на пирушку через Добрыню Никитича, которого он не мог не уважать. Такое понимание характера Ильи Муромца не согласуется с славянофильским. В этом сказалась пронизательность чешского поэта, подсказанная активностью чешского народа в борьбе за его национальное освобождение.

В качестве древнейшего образца эпической поэмы в русской письменной литературе чешский поэт называет «Слово о полку Игореве», давая ему самую высокую оценку в ряду подобных памятников мировой поэзии. Характеристике Игоря он также посвящает отдельную статью, в которой сопоставляет его с историческим Игорем, князем Новгород-Северским, рассказывает историю находки «Слова», называет первые переводы на чешский

⁵² В. Харкинс полагает (William E. Harkins. The Russian Folk Epos in Czech literature, стр. 137—138), что источником статьи Эрбена послужили былины, записанные П. Н. Рыбниковым. Сопоставление статьи с былинами в записи Рыбникова показывает, что Эрбен пользовался и другими источниками. Одним из них явилась сказка об Илье Муромце в записи А. Афанасьева. Она занимает центральное место в статье.

⁵³ К. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. I, М., 1861, стр. 385.

язык (неопубликованный перевод И. Юнгмана), характеризует переводы В. Ганки и М. Гатталы. К последнему отсылает читателя как наиболее приемлемому. Его собственный перевод не был еще осуществлен.⁵⁴

Рядом со «Словом» по своим достоинствам Эрбен ставит «Задонщину», полагая, что она «в ценности почти равна» «Слову», почему он и перевел это произведение русской литературы на чешский язык и издал в одной книге. Оба эти произведения Эрбен связывает с устным народным творчеством настолько, что впадает в крайность, допуская, что оба они являются остатками прежних исторических песен или былин, возникших в народной среде: «Обе эти повести, — пишет он, — являются остатками прежних народных поэм, которые великорусы называют былинами, а малорусы бывальщинами, т. е. историческими песнями; обе они из уст народа взяты и соединены в целое».⁵⁵ Подобная крайность объяснима, если принять во внимание, что во времена Эрбена вопрос о стиле и истоках «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» не был еще разработан в достаточной степени. Основная же мысль Эрбена о связи этих произведений с фольклором была верной. На эту связь указывают современные исследователи этих памятников.⁵⁶

Своими переводами на чешский язык классических произведений древнерусской литературы и произведений устного народного творчества,⁵⁷ а также статьями, пропагандировавшими русскую литературу и русский фольклор среди чехов, Эрбен сыграл большую роль в развитии русско-чешских литературных отношений, не вполне еще понятую и оцененную. Когда на чешский язык переводились произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лермонтова и других классиков русской литературы, рядом с ними в чешский историко-литературный процесс включалось и великое наследие русской культуры прошлого, на традициях которого воспитывались эти писатели. Вместе с ними и это наследие оказывало свое воздей-

⁵⁴ Эта небольшая статья не упоминается ни в одном труде об Эрбене, так как представляет собой часть другой, более обширной статьи об Игоре, составленной другим автором. О принадлежности ее Эрбену свидетельствует подпись «аЕп». Этим псевдонимом подписаны все другие статьи в энциклопедии, принадлежащие Эрбену.

⁵⁵ Epické či rozpravní básnictví. Slovník naučný, t. 2, стр. 467.

⁵⁶ «В „Слове“ можно найти близость и к устной причети, и к былинам, и к славам, которые пелись князьям, и к лирической песне» (Д. Лихачев. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М.—Л., 1961, стр. 64). Важно отметить, что, будучи сторонником мифологической теории в фольклористике, Эрбен не ищет в былинах остатков мифа, как это делает А. Афанасьев, а видит в них отражение исторических событий. На это указывает и В. Харкинс в своей книге.

⁵⁷ «Повесть временных лет», «Задонщина», «Повесть о Мамаевом побоище» и русские сказки переведены Эрбеном на чешский язык впервые.

стве на формирование новой чешской литературы. И тут нельзя не видеть огромной заслуги Эрбена.

Многосторонняя деятельность К. Я. Эрбена как ученого получила в России высокую и заслуженную оценку со стороны выдающихся представителей как русской дореволюционной науки, так и советской науки. Труды Эрбена были хорошо известны русским ученым XIX в. На них ссылаются в своих работах А. Афанасьев,⁵⁸ Александр Веселовский,⁵⁹ В. И. Григорович,⁶⁰ И. Созонович⁶¹ и многие другие.⁶² Как ученого его ценят представители различных направлений научной и общественной мысли. Это значит, что объективное содержание его научной деятельности велико. Но воспринимали и оценивали его научные труды русские ученые по-разному: в зависимости от различных направлений и оттенков русской и европейской мысли. Так, славянофилы склонны были больше всего ценить в ученых изысканиях Эрбена те этнографические исследования, в которых сказалась мифологическая теория, подчеркивающая, с их точки зрения, племенное единство славян, так важное для обоснования «славянской идеи». А. Гильфердинг переводит и публикует в «Русской беседе» письма Эрбена «О славянской мифологии», которые особенно импонируют ему потому, что подтверждают его собственные теории.⁶³ Односторонне подходит к сказкам и песням, собранным Эрбеном, сторонник мифологической школы А. Афанасьев: он использует только те сказки, в которых находит мифологическое содержание. В рецензии на сборник «*Čítanka slovanská*» славянофильский критик Я. О. Орёл (Ошмянский), положительно оценив книгу в целом, жалеет, что ее составитель не следовал мифологическим принципам.⁶⁴

⁵⁸ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 158, 179, 181, 221, 222, 563, 622, 646, 662, 673.

⁵⁹ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. СПб., 1880, вып. 2, стр. 95—99. — Веселовский привлекает материал из сборника Эрбена «*Prostonárodní české písní a říkadla*».

⁶⁰ В. Григорович. Славянские древности. Лекции, читанные в Новороссийском университете в 1867/68 г. «Русский филологический вестник», 1879, № 2.

⁶¹ И. Созонович. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты в народной поэзии европейской и русской. Варшава, 1893, стр. 145—149.

⁶² Большие отрывки из чешских исторических и литературных памятников, изданных К. Я. Эрбеном, помещены в оригинале в кн.: Г. Воскресенский. Славянская хрестоматия, выпуск третий. М., 1884. Здесь же помещено 12 песен из сборника «*Prostonárodní české písní a říkadla*» (1864), а также сказка «*Rozum a Stěsti*».

⁶³ О славянской мифологии. (Письма К. Я. Эрбена к А. Ф. Гильфердингу). «Русская беседа», 1867, IV, Науки, стр. 71—72.

⁶⁴ Я. О. Орёл. О «Славянской читанке» Эрбена. «День», 1862, №№ 13 и 16.

Но не все славянофилы подходили к оценке трудов чешского ученого односторонне. В. И. Ламанский писал: «Его этнографические труды заключаются в превосходном критическом издании чешских народных песен с нотами и некоторых других памятников народной словесности, как-то сказок и заговоров. Этот сборник — труд образцовый не только в славянской, но вообще в европейской этнографической литературе».⁶⁵

Противник славянофильства А. Н. Пыпин, подробно характеризуя деятельность представителей старшего поколения будителей (Добровский, Ганка, Шафарик, Палацкий, Челаковский), ограничивается самой общей и довольно сдержанной характеристикой Эрбена, отмечая лишь его разностороннюю деятельность как историка, этнографа, собирателя народных песен и преданий и археолога, изучавшего в особенности всеславянскую мифологию. Эта сдержанность объясняется, по-видимому, критическим отношением Пыпина к мифологической теории, сторонником которой был Эрбен. Хотя критика этой теории и не обращена непосредственно в адрес Эрбена в «Обзоре славянских литератур»,⁶⁶ но она несомненно относится и к нему, как представителю этой школы. В условиях обострения классовой борьбы и острой постановки социальных вопросов в России в 60-е годы мифологическая теория воспринималась передовыми русскими учеными лишь со стороны ее связи с реакционным панславизмом, а ее положительная функция в чешском национально-освободительном движении, очень сложном и противоречивом, для Пыпина как и для очень многих, не была ясна.

Наибольшее внимание к научной деятельности Эрбена проявили И. И. Срезневский и его ученики, которых он заинтересовал деятельностью Эрбена, будучи профессором Главного педагогического института и университета. Сам Срезневский откликался на каждый значительный труд Эрбена как историка, фольклориста и филолога. Он всегда с удовлетворением отмечал достоинства трудов своего чешского собрата и указывал на их недостатки. В нем русский ученый еще в 50-е годы видел «одного из лучших знатоков литературы и истории своего народа».⁶⁷ «Ни в какой литературе, как бы она ни была богата произведениями и писателями, — говорит И. И. Срезневский позднее, — заслуги такого ученого, как Яромир Иванович Эрбен, не могли не быть особенно уважены».⁶⁸ Очень высоко отзывался он о составленном Эрбеном

⁶⁵ Отчет имп. Русского географического общества за 1870 год. СПб., 1871, стр. 13.

⁶⁶ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865, стр. 44—48.

⁶⁷ «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка в литературе», 1858, т. VII, стр. 119.

⁶⁸ Архив АН СССР, ф. 216, оп. 1, ед. хр. 866, л. 1.

громадном сборнике дипломатических документов из истории чешского государства.⁶⁹ По своему содержанию этот сборник был бы, по мнению русского академика, драгоценным пособием, «если бы он и не был издан с таким старанием удовлетворить всевозможным нуждам — историка, юриста, филолога».⁷⁰ Книга поразила Срезневского не только подбором множества извлечений из документов, «касающихся быта народного, событий и собственных имен», но и превосходными комментариями.

Восхищался И. И. Срезневский изданиями старинных памятников чешской словесности и народных песен, которыми Эрбен занимался на протяжении долгих лет. Говоря о «Хрестоматии чешской литературы», первый том которой вышел под редакцией Шафарика, а второй уже печатался Эрбеном, он по-хорошему завидовал этому предприятию и сожалел, что подобных изданий нет еще в России: «... до такой степени разумно все подобрано и издано».⁷¹ Перевод «Несторовой летописи» и объяснения к ней Эрбена Срезневский находил замечательными «по тщательности работы и по художественности передачи на чешском языке древнего языка русского летописца».⁷²

Особое внимание И. И. Срезневского привлекли сборники изданных Эрбеном чешских песен: «*Prostonárodní české písní a říkadla*», которые он находил интересными по богатству материала и новаторскими по его расположению. «Касательно богатства довольно сказать, что песен с напевами вошло в это издание более 800, а всех их не будет около 1000. Особенность расположения песен в этих сборниках, сколько мне помнится, нигде не встречавшаяся, бросается в глаза и вместе с тем примиряет с собою по своей естественности». Эрбен расположил свои песни по возрастному принципу: начал с колыбельных и детских песен, перешел к юношеским, свадебным, пировым и т. п. Срезневский с удовлетворением указывает на то, что в сборнике помещены песни, принадлежащие «людям из народа и из особенно низкого звания, селянам, ремесленникам, военным людям и пр.».⁷³ «Это издание едва ли не лучшее в Европе»,⁷⁴ — говорит он.

⁶⁹ C. J. Erben. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae annorum 600—1253. Pragae, 1855.

⁷⁰ Библиографические заметки. «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», 1855, т. IV, стлб. 319—320.

⁷¹ Там же, 1858, т. VII, стлб. 119.

⁷² Архив АН СССР, ф. 216, оп. 1, ед. хр. 866, л. 1.

⁷³ Там же, ед. хр. 867, л. 1. — Четыре чешских песни в переводе Н. Берга рядом с оригинальным текстом из первого эрбеновского сборника 1841—1843 гг. помещены в кн.: Песни разных народов. Перевод Н. Берга. М., 1858, стр. 99—108.

⁷⁴ Протоколы заседаний филологического общества. «Филологические записки», 1873, вып. 1, Ученые известия, стр. 34—35.

Согласно установившейся в среде русских ученых традиции. И. И. Срезневский не отрывает научных достижений чешского исследователя от его моральных качеств, которые проявлялись в добросовестности его ученых изысканий и в чистоте морального облика вообще. «Свидетельствовать о заслугах Эрбена, уже признанных нашей Академией наук, тем более приятно, — отмечает он, — что в нем с умом, ученостью и деятельностью нельзя не чтить благородной чистоты души, привлекающей нас, русских, с полною доверенностью».⁷⁵ «Как человек он был незаменим и потеря такого честного, правдивого человека, каким был он, не может не лечь тяжелым бременем на чешский народ».⁷⁶

Н. А. Лавровскому, ученику Срезневского по Главному педагогическому институту, принадлежит наиболее полная характеристика научной и поэтической деятельности Эрбена. Как филолог, он интересуется преимущественно трудами, относящимися к народной поэзии и литературе, хотя дань уважения отдает и работам по истории. Отметив важность «Регестов» для изучения древней чешской истории, он, как и И. Срезневский, подчеркивает серьезность этого издания, наличие в нем превосходного ученого аппарата.

Н. Лавровский находит очень важными в языковом отношении такие издания, как «Пражская хроника Бартоша», сочинения Фомы Штитного и Яна Гуса, имя которого «сделалось символом чешской народности».⁷⁷ Издание «Путешествия в святую землю» Хр. Гаранта (1608) было, по его словам, «действительным обогащением чешской литературы не только со стороны содержания книги, но и со стороны языка: если издание сочинения Фомы Штитного было живою характеристикой языка в начале золотого периода чешской литературы, то издание Путешествия Хр. Гаранта представляло такую же характеристику языка в конце этого периода, заключавшегося знаменитою Белогорскою битвой».⁷⁸

Отмечая помимо необыкновенной добросовестности обширную начитанность, простоту и ясность изложения, а также образцовый язык Эрбена, русский профессор характеризует Эрбена как ученого «в истинном значении этого слова, притом с глубоким патриотическим направлением, так как все его труды направлены к уяснению сознания своего народа относительно его истории, права, литературы».⁷⁹

⁷⁵ Архив АН СССР, ф. 216, оп. 1, ед. хр. 866, л. 1.

⁷⁶ Протоколы заседаний филологического общества, стр. 34—35.

⁷⁷ Н. Лавровский. Очерк жизни и деятельности К. Я. Эрбена. ЖМНП. 1871, март, стр. 9.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 12.

Как собиратель фольклора Эрбен превосходно охарактеризован в книге Владимира Ивацевича «Собирание памятников народного творчества у южных и западных славян» (СПб., 1883), другого ученика И. И. Срезневского. Отводя Эрбену одно из первых мест в чешской литературе, автор признает его труды по изучению народной поэзии в высшей степени замечательными и важными: «...они одни, — пишет он, — могли бы уже доставить ему славу в потомстве» (стр. 89). Видя в Эрбене ученого, оказавшего наиболее серьезную услугу в собирании и издании памятников чешской народной поэзии, Ивацевич отмечает глубокое понимание им народной поэзии и истолкование ее как коллективного творчества народных масс, подчеркивает новые приемы Эрбена в собирании народной поэзии, которые станут лишь позднее общепринятыми: одновременная запись текста и напева песен с обозначением места записи и объяснениями в примечаниях содержания, древности памятника, повода к его созданию, психологии творческого процесса и т. п., что позволило Эрбену отличить истинное от поддельного и примесного в народном творчестве.⁸⁰

Можно решительно утверждать, что наиболее глубоко и основательно в дореволюционное время Эрбен как ученый и в особенности как фольклорист был понят и оценен в России передовой академической наукой в лице И. И. Срезневского и его учеников и последователей. Далекие от славянофильских крайностей, эти ученые смогли глубже оценить все то новое, что внес в славянскую фольклористику их чешский собрат. Они не искали в трудах Эрбена подтверждения мифологических теорий, которых не разделяли. К ним примыкал и такой авторитетный славист, как В. И. Григорович, ссылавшийся на устное народное творчество, в частности сказки, в том числе эрбеновские, как на «свидетельство о бытовых и социальных отношениях», хотя и допускал, что в некоторых из них отражены мифологические воззрения наших предков. Чуждый славянофильской исключительности, в сказках, как и вообще в славянских древностях, он искал следы взаимности «как между славянскими племенами, так и славянских племен с другими наро-

⁸⁰ Содержательная книга В. Ивацевича выросла из студенческого доклада (1873), переработанного по указаниям руководителя семинара проф. И. Срезневского, и может рассматриваться как соответствующая взглядам последнего на рассматриваемый предмет. В предисловии автор рассказывает о том, с какой любовью, без крайностей славянофильской закваски он отдавался изучению славянского мира. Сожалел о том, что по окончании университета он был лишен возможности продолжать эти занятия. В. Ивацевич указывает и причину: «...мы не разделяли теории наших псевдославистов и не подавали большой надежды быть пропагандистами ее в будущем». Красноречивое свидетельство о тех трудностях, какие возникали при изучении славянской филологии перед учеными, не разделявшими панславистских химер.

дами».⁸¹ Эрбен как фольклорист и этнограф был для него большим авторитетом. Замечательными находил В. Григорович исследования Эрбена о времени у славян.⁸²

В начале XX в. об Эрбене писали такие крупные слависты, как А. И. Яцимирский⁸³ и И. В. Ягич.⁸⁴ Ягич недооценивает Эрбена как фольклориста и собирателя народного творчества, полагая, что он уступает в этом отношении Челаковскому и Сушилу, и с одобрением относится к его мифологическим исследованиям, указывая на место чешского ученого по его теоретическим позициям где-то между Буслаевым и Афанасьевым. Яцимирский в рамках небольшой статьи с достаточной полнотой и сочувствием характеризует Эрбена в традициях прежней передовой науки. Он отмечает в нем патриотическую целенаправленность, стремление «доказать историческое право своего народа на самостоятельность», указывает на то, что в собираемых им народных песнях Эрбен «видел духовную связь чехов с остальным славянским миром». В сборниках народных песен и сказок, изданных чешским ученым, Яцимирский видит выдающееся явление в области фольклористики. Из научных изданий Эрбена он считает очень важным издание сочинений Яна Гуса.

Деятельность Эрбена долго не привлекала внимания советской фольклористической науки. Заметки о нем в разных энциклопедиях малосодержательны. Интерес к нему пробуждается накануне второй мировой войны. В бумагах К. А. Пушкиревича сохранилась неопубликованная заметка об Эрбене, предназначавшаяся для неосуществленного перед войной второго издания «Большой советской энциклопедии».⁸⁵ Пушкиревич видит в Эрбене крупного ученого эпохи национального возрождения в Чехии и придает большое значение его фольклористической деятельности, полагая, впрочем, что интерес к народному творчеству пробудился у чешского фольклориста лишь «под влиянием Гердера и немецкой романтики». Сборники народных песен, изданные Эрбеном, имели для своего времени, по словам советского ученого, «громадное научное значение».

Исчерпывающую характеристику Эрбена как ученого-фольклориста дал М. К. Азадовский в своем капитальном труде «История

⁸¹ В. Григорович. Славянские древности, стр. 271.

⁸² Там же, стр. 297.

⁸³ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1904, т. XI, СПб., стр. 949—951.

⁸⁴ Энциклопедия славянской филологии, 1910, т. I, вып. 1, СПб., стр. 520—521. — Статья И. Александрова (Карл Яромир Эрбен. «Славянские известия», 1906, № 2, стр. 160—164) не представляет интереса как повторяющая суждения А. И. Яцимирского.

⁸⁵ Архив АН СССР, ф. 792, оп. 1, ед. хр. 13, л. 9.

русской фольклористики», над которой он работал во время войны. Участие славянских народов в освободительной войне против фашизма бок о бок с советским народом позволило советскому ученому пристальнее взглянуть в фольклористическое наследие этих народов и увидеть много черт, которые прежде не были замечены нашей наукой. Советский фольклорист рассматривает развитие русской фольклористической науки в тесной связи с славянской и, в частности, с чешской фольклористикой. Они шли рядом и взаимодействовали.

Азадовский отвергает, как несостоятельное, утверждение, будто интерес к народной поэзии возник в славянских странах под непосредственным влиянием немецкого романтизма, и считает фольклоризм славянских народов явлением самобытным и оригинальным, сложившимся на почве национально-освободительного движения этих народов. Иноземные влияния возникли позднее, и возможность их определялась внутренними законами развития славян. Они способствовали лишь дальнейшему осмыслению и оформлению того, что возникло и сложилось на национальной почве.

Подобный подход к славянской фольклористической науке позволил советскому ученому по достоинству оценить тот вклад в разработку фольклористики как науки, который внесли деятели чешского возрождения, в частности К. Я. Эрбен. Тут М. К. Азадовский пошел по следам лучших русских ученых и развил их положения.

Отмечая антидемократическую направленность первых немецких романтиков, советский ученый подчеркивает глубокую народность и демократизм чешских фольклористов, в том числе Эрбена, и указывает на то, что они сыграли громадную роль в развитии самобытной чешской литературы. Он обращает внимание на широкий охват материала в исследованиях Эрбена, привлекавшего весь славянский фольклор, всю славянскую историю, чтобы показать единство происхождения славянской культуры. Панславизм в глазах русского ученого не был в самом начале тем реакционным явлением, каким стал позднее, в особенности в его русской разновидности. В понимании народной поэзии чешские фольклористы, по его мнению, были более близки к Гердеру, чем немецкие романтики. В центре их изысканий стояла проблема народного характера, как он отразился в устном народном творчестве. В отличие от немецких фольклористов-романтиков чешские фольклористы стремились в своих записях фольклора точнее сохранить и передать оттенки народной речи. У них отсутствовала национальная ограниченность, что выгодно отличало их от многих европейских и некоторых славянских романтиков.

«Этими же чертами, — говорит М. К. Азадовский, — характеризуются труды младшего их современника Карла Яромира Эрбена —

„последнего романтика“, как именуют его историки чешской литературы». Как представителя мифологической школы он относит его к последователям А. Афанасьева, но отмечает, что первые работы Эрбена «всецело входят в круг ранней романтической фольклористики»: Эрбен прямой наследник Челаковского.

Азадовский видит в эрбеновской методике исследования фольклора много таких моментов, которые позднее стали общепризнанными: в нем уже проявилось смутное предчувствие проблемы, которая позже под влиянием главным образом русских собирателей и исследователей станет господствующей в фольклористике, — проблемы индивидуальности в народном творчестве. Предисловие Эрбена к новому изданию книги «Prostonárodní česke písně a říkadla» (1864)⁸⁶ советский фольклорист рассматривает как один из первых опытов воссоздания психологического процесса возникновения песни в неразрывной связи с мелодией, а самый сборник замечательным по тщательности записей и продуманности комментария. «Таким образом, — заключает М. К. Азадовский, — чешские романтики во многих областях фольклористики далеко опередили современные им изучения, и в сущности многие из их взглядов на приемы и методы собирания памятников фольклора и задачи изучения их, так же как взгляды Вука Караджича, станут общепризнанными много позже».⁸⁷

Новаторство Эрбена как фольклориста отмечает также украинский советский ученый. Указав на недостатки его сборников народных песен, на которые обращал внимание еще И. И. Срезневский, он вслед за А. И. Яцимирским считает появление сборника «Prostonárodní české písně a říkadla» в 1864 г. «выдающимся событием в чешской фольклористике».⁸⁸ В. М. Скрипка правильно отмечает как недостаток отсутствие у Эрбена социальной точки зрения при рассмотрении произведений устного народного творчества, но видит и достоинство в том, что чешский фольклорист включал в свои сборники и песни, отражающие социальное неравенство, социальные противоречия в чешской деревне.

С заключительными выводами автора нельзя не согласиться. «Эрбен, — пишет он, — принадлежал к числу демократически настроенных деятелей чешской культуры XIX ст. Социальные сдвиги, политические и классовые бои нового времени ему не всегда были понятны. Но условия жизни в период обострения социальной

⁸⁶ В его основу положена статья «Slovo o písní národní», приложенная к первому собранию чешских песен, изданных Эрбеном в трех выпусках (1841—1845).

⁸⁷ М. К. Азадовский. История русской фольклористики, стр. 311.

⁸⁸ В. М. Скрипка. Чешский фольклорист К. Я. Ербен і його зв'язки з російськими вченими. «Народна творчість та етнографія», 1961, № 4, стр. 109.

борьбы воспитали в нем горячую привязанность к народу. Своими научными трудами и художественным творчеством он обогатил сокровищницу культуры не только своей родины, но и всех славянских народов».⁸⁹

Если Эрбен был довольно известен у нас как ученый вообще и как фольклорист в особенности, то поэтическая деятельность его долго не находила широкого отклика в русской литературе. В до-революционное время его мало переводили. К концу века были переведены и изданы лишь некоторые сказки Эрбена.⁹⁰ Что касается баллад и других стихотворений, переведенных на русский язык, то их можно пересчитать по пальцам: баллада «Водяник», переведенная казанским профессором славистом М. Петровским,⁹¹ баллада «Золотая прялка» в прозаическом переводе Н. Соколова,⁹² стихотворение «Вечер» в переводе В. Данилова⁹³ — вот, пожалуй, и все. Такое положение продолжалось и в советское время вплоть до конца Великой Отечественной войны, когда был издан сборник произведений Эрбена.⁹⁴ В оригинале чешского поэта читали немногие. Это были главным образом преподаватели высших учебных заведений — слависты и их студенты.

У русской критики и периодической печати творчество Эрбена не встретило того внимания, какого заслуживало по своему значе-

⁸⁹ Там же, стр. 110.

⁹⁰ Чешские сказки, собранные Карлом Эрбеном и Божей Немцовой. Перевод с подлинника М. А. Лядиной. С 31 рисунком. СПб., (1897). — Из этого сборника сказка Эрбена «Три золотых волоса Деда-Всеведа» перепечатана в журнале «Пионер» (1938, № 2, стр. 34—38).

⁹¹ Водяник. Из чешских народных преданий. Пер. М. П—го. «Русский вестник», 1867, апрель, стр. 818—825. Водяной. Пер. М. Петровского. В сб.: Н. Гербель. Поэзия славян. СПб., 1871, стр. 368—371; то же в сб.: М. Петровский. Отголоски славянской поэзии. Казань, 1913, стр. 66—72.

⁹² Золотая прялка. (Карла Ярослава (ошибка, — К. Р.) Эрбена). Перевод с чешского Ник. Соколова. Тип. Гл. упр. уделов, 1908.

⁹³ «Ruský čech», Киев, 1907, № 1.

⁹⁴ Карел Яромир Эрбен. Баллады. Стихи. Сказки. Перевод с чешского. Общая редакция П. Г. Богатырева. Вступительная статья С. Никольского. Гослитиздат, М., 1948, 301 стр. Отдельные издания сказок советского времени: Златовласка. Чешская сказка (без указания имени Эрбена). Астрахань, 1951, 16 стр. (Школа приносит богатство, Король Хорёк, Догадливый Куба. Перевод М. Ветанной); Златоволоска. Пер. Т. Аксель. В сб.: Чешские сказки. Детгиз, М.—Л., 1951, стр. 83—103; Златовласка. Чешские народные сказки. Детгиз, М.—Л., 1953. Здесь напечатана сказка Эрбена, давшая название сборнику, в переводе Т. Аксель. В сб. «Славянские сказки» (Ленинград, 1956) в переводе и обработке Л. Толстой помещены без указания имени автора сказки: «Златовласка», «Длинный, Толстый и Зоркий», «Три золотых волоса Деда-Всеведа», «Жар-птица и Рыжая Лисица» (стр. 61—105). На чешском языке несколько баллад, стихотворений и одна сказка Эрбена («Král Tchoř») напечатаны в кн.: Хрестоматия по чешской литературе XIX—XX вв. М., 1958, стр. 145—161.

нию и месту в истории чешской литературы. Если время от времени в периодической печати встречались отзывы о нем, то это были опять-таки отзывы ученых славистов. Подобное явление объясняется теми общими, лежавшими в основе сложных отношений между двумя братскими народами и их литературами причинами, о которых говорилось выше, разностью социально-экономической обстановки, классовой структуры и положения литератур в обеих странах. Славянский вопрос лишь спорадически привлекал к себе внимание всего русского общества,⁹⁵ в остальное время он был предметом занятий либо ученых славистов, далеких от жизни, либо панславистов, подходивших к нему со своими политическими схемами. Это в значительной степени мешало культурному сближению наших народов.

Романтическая поэзия Эрбена по своему содержанию и характеру мало была созвучна русской литературе, давно прошедшей эту стадию развития. В русской литературе господствовал критический реализм, громко звучали ноты социального протеста, ведущее положение занимала реалистическая проза. Эта и многие другие причины мешали проникновению поэзии Эрбена в русскую литературу. Более активно воспринималась у нас проза Божены Немцовой,⁹⁶ а затем Яна Неруды и других чешских прозаиков. Неудивительно поэтому, что отзывы о поэзии Эрбена до революции встречаются преимущественно в славянофильской и академической прессе. Отношение к творчеству Эрбена со стороны славянофилов определяется, как правило, их общей панславистской позицией, желанием возвысить славянскую поэзию над западноевропейской. Такой подход к славянской поэзии и, в частности, к поэзии Эрбена нашел, между прочим, выражение в одной из статей Антона Будиловича.⁹⁷ Естественность мысли и простоту формы видит он только у славянских поэтов, а в произведениях как народной, так и личной поэзии других народов — эксцентричность и ходульность. Только греческая поэзия, по мнению А. Будиловича, может

⁹⁵ В такие моменты рядом с политическим интересом пробуждался интерес к славянским литературам. В результате этнографической выставки в 1867 г. в Москве и славянского съезда в Праге в 1869 г. в связи с Гусовскими торжествами в русских журналах участились публикации произведений славянских писателей. Выдающееся значение, несмотря на недостатки, имел большой сборник поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей, изданный Н. Гербедем под названием «Поэзия славян» (1871). Это была внушительная демонстрация против недооценки славянских литератур среди других литератур тогдашней Европы. Усиление интереса к славянским литературам отмечалось также и во второй половине 70-х годов в связи с борьбой южнославянских народов против турецкого ига.

⁹⁶ См.: И. А. Бернштейн. Чешская литература в русской критике второй половины XIX в., стр. 46.

⁹⁷ Антон Будилович. Несколько замечаний об изучении славянского мира. Славянский сборник, т. II, СПб., 1877, стр. 11.

считаться в этом отношении предшественницей славянской. «В самом деле, — пишет А. Будилович, — сравнивая идеи и формы славянских поэтов народного направления, напр. чеха Эрбена, словака Само Халупку и русского Кольцова, словака Коллара и русского Хомякова, хорвата Прерадовича и нашего Лермонтова, серба Петра II Негоша и украинского Шевченко, словенца Прешерна и Некрасова и т. д., мы находим между ними целый ряд самых ясных аналогий и духовного сродства».⁹⁸

Полякам Мицкевичу, Словацкому и Красинскому Будилович отказывает в общих коренных свойствах славянской поэзии. У них, по его мнению, больше духовного родства с поэтами Германии и Англии, чем с поэтами славянства. На этом примере ясно обнаруживается политическая тенденциозность тех ученых, которые находились в плену у панславизма. Вопреки истине они во что бы то ни стало противопоставляли славянские литературы литературам остальных народов и, унижая чужое, возвеличивали свое, а когда дело доходило до ненавистных им поляков, готовы были лишить их права называться славянами только потому, что те выступали против русского царизма.

Имя Эрбена как поэта становится известным в русских журналах в конце 50-х годов. В «Русской беседе» печатается перевод статьи чешского писателя Л. Риттерсберга, в которой первое место в чешской поэзии отводится Эрбену за свежесть, твердость, чистоту мужественного истинно славянского духа, отраженного в его поэзии. «Имя его, — пишет автор, — произносится у нас с таким полным и общим уважением, как немногие другие. В своем ВЕНКЕ он подарил нам собрание баллад, глубоко проникнутых народным духом. Глубокий знаток поэзии всеславянской, Эрбен не только умел верно подражать ей и удачно черпать из древних сокровищ народных, но и одушевлял их самобытным творчеством».⁹⁹

Почти в одно время появляются статьи в двух таких разных журналах, как «Русский вестник» и «Современник», где Эрбен характеризуется как видный чешский поэт. Называя самым блестящим представителем чешской литературы периода баховской реакции К. Гавличка, М. Сухомлинов из писателей младшего поколения почетное место в истории чешской литературы отводит Эрбену.¹⁰⁰ Пыпин пишет: «В настоящее время едва ли не лучший представитель чешской поэзии Карл-Яромир Эрбен. . . Эрбен соединяет прекрасный поэтический талант с глубоким знанием на-

⁹⁸ Там же, стр. 13.

⁹⁹ Риттерсберг. Новейшая деятельность в чешской литературе. «Русская беседа», 1857, т. I, кн. 5, Обзорение современной литературы, стр. 40—41.

¹⁰⁰ М. Сухомлинов. Из Праги. «Русский вестник», 1859, т. 23, Современная летопись, стр. 124.

родного быта; его „Венок из народных повестей“ пользуется большим уважением у чешских читателей.¹⁰¹ Но тут же автор писем из Праги интересуется развитием чешской прозы и обращает «особенное внимание читателя на произведения даровитой чешской писательницы Божены Немцовой», подчеркивая простоту и истину ее произведений, знание народной жизни.

Более скромно Пыпин оценивает Эрбена как поэта в последующем, хотя и тогда выдвигает его на первое место из среды других чешских поэтов, таких как Э. Воцель, В. Штульц, Я. П. Коубек, В. Я. Пицек и др.¹⁰² В «Истории славянских литератур» Пыпин ставит Эрбена в один уровень с эпическим поэтом Э. Воцелем и характеризует его довольно скупой, воздерживаясь от собственной оценки.¹⁰³

В глазах русского критика большое значение в то время имела уже новая литературная школа, во главе которой он ставит Витезслава Галека, считая его гордостью новейшей чешской литературы, Адольфа Гейдука и Яна Неруду, впрочем, недооценивая последнего как основоположника реализма в чешской литературе. Исходя из реалистических предпосылок, трудно было дать объективную оценку писателю романтику. И вполне естественно, что со стороны славянофильской прессы, не понимавшей значения реализма, Эрбен встречал более внимания. Но только со стороны языка, и меньше всего со стороны содержания. В письме из Праги корреспондента-чеха, имя которого не указывается,¹⁰⁴ «Русская беседа» выделяет двух поэтов: Эрбена и Яблонского. В Эрбене автор статьи видит «высокий поэтический талант» и отмечает, что его баллады «отличаются таким изящным языком, какого ни у кого не находим в чешской литературе, — языком, который так могущественно поражает в балладах Гете; отличается легким естественным строем, так удачно заимствованным из народных сказок».¹⁰⁵ Не вдаваясь в сравнения, В. И. Ламанский также отмечает в Эрбене «народность замысла и отделки, изящество и живость языка».¹⁰⁶

¹⁰¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки, стр. 179.

¹⁰² А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур, стр. 334.

¹⁰³ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. II, 1881, стр. 972.

¹⁰⁴ И. А. Бернштейн (Чешская литература в русской критике второй половины XIX в., стр. 38) полагает, что автором ее является Я. Малый.

¹⁰⁵ Чешская литература с 1774-го до 1848-го года. «Русская беседа», 1860, т. II, кн. 20, Смесь, стр. 45. — «... отголосок сельских песен и преданий» видит А. Ф. Гильфердинг в поэзии Эрбена (примечание к статье Эрбена «О славянской мифологии» в журнале славянофилов «Русская беседа», 1867, IV).

¹⁰⁶ Отчет имп. Русского географического общества за 1870 год. СПб., 1871, стр. 12.

Глубже подходила к оценке Эрбена как поэта русская пресса, не связанная с славянофильством. Понимая значение для чехов их прошлой истории, неизвестный автор статьи об Эрбене в «Биржевых ведомостях» не удивляется сочетанию у многих чешских поэтов таких увлечений, как археология и поэзия, и видит в этом жизненность поэзии. «В том-то и разница чешской науки, чешской интеллигенции от нашей, — пишет он, — что она гораздо ближе к жизни, следовательно, к поэзии — не в смысле ученых фантазий и преувеличений, а в смысле живого и одушевленного отношения к предмету исследования, будет ли то надпись, акт или медаль». В Эрбене автор видит поэта-художника в высоком значении слова и отмечает, что его сборник «Букет» «всегда будет занимать высокое место в литературе славянских баллад. По народности сюжета, пластичности формы, силе и ясности выражения, глубине чувства и прозрачности красок многие из этих баллад, — по мнению автора, — могут быть поставлены наряду с лучшими из баллад Пушкина». Считая «Букет» самой популярной книгой поэзии в Чехии, автор соглашается с мнением тех критиков, которые полагают, что художественные баллады Эрбена «до некоторой степени восполняют недостаток эпических песен в чешском народе, столь богатом самою роскошною и цветущею лирикою».¹⁰⁷

Наиболее полная и яркая характеристика литературного наследия Эрбена дана в большой статье Н. Лавровского «Очерк жизни и деятельности К. Я. Эрбена».¹⁰⁸ В отличие от других авторов Лавровский рассматривает поэтическую деятельность Эрбена в связи с его участием в общественном движении, считая его одним из лучших передовых деятелей чешских в науке, литературе и тогдашнем политическом движении. В его статье Эрбен обрисован как пламенный патриот, вся жизнь и деятельность которого была подчинена развитию в народе национального самосознания. Если чехи в своей борьбе за национальную свободу добьются победы, говорил русский ученый, то «будут обязаны во многом своему Эрбену».¹⁰⁹ Такого большого значения не приписывал Эрбену никто не только в России, но, может быть, и в самой Чехии.

Видя в Эрбене истинного поэта и отводя ему первое место в чешской поэзии своего времени, Н. Лавровский находит секрет его успеха и характерную черту его творчества в художественном воспроизведении «глубоко прочувствованных народно-поэтических мотивов». Проводя народно-поэтические мотивы чрез собственное

¹⁰⁷ Карел Яромир Эрбен, славянский ученый. «Биржевые ведомости», 18 ноября 1870, № 407.

¹⁰⁸ ЖМНП, 1871, март, стр. 1—20.

¹⁰⁹ Там же, стр. 1.

чувство и фантазию, поэт, по мнению русского ученого, не делал при этом над собой никаких усилий. Для него это было естественным состоянием души. «Чутко прислушиваясь ко всему, что творилось и говорилось в народе, перенеся в себя со всюю свежестью и полнотой образы народно-поэтического творчества, облеченные в живую народную речь, он создавал из всего этого произведение художественно-народное, до того объективное, что не отыщешь в нем ни малейшей черты, ни малейшего участия его собственного, личного творчества, и если бы весь народ, как совершенный художник, принялся за ту же работу, он не мог бы произвести ничего лучшего».¹¹⁰

Эти специфические черты творчества Эрбена давали ему, по мнению Н. Лавровского, право на мировое признание. «Такой характер и такое значение поэтических произведений Эрбена, хотя немногих и небольших, — писал он, — сообщают им общее значение и дают почетное место в общей литературе».¹¹¹ Эти слова сказаны на десять лет раньше подобных слов об Эрбене, написанных его земляком Яном Нерудой. Они тем более ценны, что исходят не из уст чеха, которого могли бы упрекнуть в национальном пристрастии, а со стороны.

Близкую к этой точке зрения на Эрбена как поэта выскажут позднее А. Степович¹¹² и А. И. Яцимирский.¹¹³ Последний повторяет мысль Н. Лавровского об объективности поэзии Эрбена; вместе с тем укажет на своеобразный подход Эрбена к обработке народных сказаний и первый назовет его у нас романтиком: «Поэт романтик, — пишет Яцимирский, — относится к своим первоисточникам довольно свободно: постигнув дух простонародных сказаний, их величавую простоту и красоту, он берет из них только самые типические черты, только характерные образы, отчасти свойственные поэзии и других славянских народов. В то же время он сумел остаться объективным на всем протяжении сборника, который критики справедливо называют „благоуханным букетом чешской поэзии“». Называя наиболее известные баллады Эрбена («Полудница», «Голубок», «Дочернее проклятие», «Водяной», «Вербя», «Лилия» и «Загоржево ложе»), И. Я. Яцимирский

¹¹⁰ Там же, стр. 13.

¹¹¹ Там же, стр. 14.

¹¹² А. Степович. Очерк истории чешской литературы. Киев, 1886, стр. 192—193.

¹¹³ А. И. Яцимирский. Эрбен. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Другие ученые, читавшие курсы лекций по истории чешской литературы на филологических факультетах университетов, обычно повторяют суждения своих предшественников или дают поверхностные характеристики, например: Р. Ф. Брандт. Обзор славянских литератур. М., 1915; стр. 174—175; [Н. М. Петровский]. История чешской литературы. Казань, 1915, и др.

отмечает наличие в них мистических элементов и морализма: «В каждой из них фигурируют разные страшилища (почему критики причисляют Эрбена к старшим «гиперромантикам») и непременно проводится какая-нибудь нравственная идея».¹¹⁴

Из статей исследовательского порядка, посвященных отдельным произведениям чешского поэта, обращает на себя внимание статья Владимира Данилова «„Лілея“ Шевченка и „Lilie“ Эрбена», опубликованная в журнале «Украина».¹¹⁵ Статья представляет собой одну из попыток разобраться в идейном содержании одной баллады Эрбена путем сравнения её с балладой украинского поэта, написанной на тот же славянский мотив.

Главное содержание баллад Эрбена В. Данилов правильно видит в национальной идее, пронизывающей весь сборник баллад («Букет»).

Этим он напоминает В. Данилову «Кобзаря» Тараса Шевченко. Автор статьи находит у чешского и украинского поэтов родственные мотивы. Но для Данилова ясна и разница между этими двумя поэтами. На примере анализа двух баллад на один и тот же мотив критик убедительно показывает, что идейно-поэтическое содержание баллады украинского поэта шире и богаче содержания баллады Эрбена, потому что Шевченко смело ставит социальные проблемы, которых избегает чешский поэт. Он видит, что в поэзии Шевченко нашли выражение тяжкие страдания крепостных крестьян и их вековая ненависть к помещикам: «... со стороны идейно-поэтической „Лілея“ Шевченка и „Lilie“ Эрбена близки друг другу. — пишет В. Данилов, — но они неравны по высоте идеи, проникающей оба произведения. Характер личности Шевченка наложил на романтическую идею „Лілея“ печать присущего автору настроения и стремления».¹¹⁶ Иными словами, в балладе украинского поэта нашли выражение его революционные настроения, веяние которых хорошо ощущал в нем В. Данилов. Этих настроений он не ощутил в балладе Эрбена.

Следует заметить, что статья В. Данилова не лишена черт идеализма. Это видно из того, что в образе шевченковской лилии он видит выражение основной идеи поэзии великого кобзаря, которая заключалась якобы в стремлении найти воплощение «божьей правды на земле». Но за этой идеалистической терминологией нельзя не усматривать понимания верного реального содержания.

В советский период поэзия Эрбена долго не привлекала к себе внимания историков литературы. Решающим событием, возбуждив-

¹¹⁴ А. И. Яцмирский. Эрбен...

¹¹⁵ «Украина», 1907, № 5, стр. 180—188.

¹¹⁶ Там же, стр. 183.

шим интерес к его поэзии, как и к поэзии других славянских поэтов, была вторая мировая война, когда чешский народ, утративший независимость и снова борющийся за нее, вызывал у советских людей горячие симпатии. В период войны дружба борющихся против фашизма славянских народов возбудила интерес к славянской патриотической поэзии прошлого. В этом плане возник интерес и к поэзии К. Я. Эрбена.

Но еще накануне войны К. А. Пушкиревич в упоминавшейся нами неопубликованной заметке подчеркивает национальный характер его поэзии и в этом видит причину его «исключительного успеха у современников и значения его творчества в истории литературы». Баллады Эрбена для Пушкиревича «не простая модернизация народного творчества, а оригинальное творчество, овладевшее всеми богатствами народной песни, сказки, предания».¹¹⁷

Издание сборника произведений К. Я. Эрбена в 1948 г. явилось важным и необходимым событием в области русско-чешских литературных связей. Впервые один из великих национальных поэтов братского народа стал доступен русскому читателю на его родном языке и исторически конкретно истолкован во вступительной статье С. Никольского. Правда, критики и рецензенты не заметили в свое время этой книги. Но читатель принял её, она не залеживается на полках библиотек, став уже библиографической редкостью.

Советское литературоведение имеет возможность наиболее объективно и всесторонне оценить наследие прошлого. Впервые в истории русского литературоведения была дана оценка мировоззрения чешского поэта и его творчества. Великим чешским поэтом, «одним из ярчайших представителей так называемой „народной школы“, все творчество которого уходит своими корнями в фольклор», называет Эрбена советский исследователь чешской литературы.¹¹⁸ Как о самом очаровательном из чешских поэтов говорит о нём белорусский литературный журнал молодёжи.¹¹⁹

С. Никольский во вступительной статье к сборнику произведений Эрбена рассматривает особенности его поэзии, ее сильные и слабые стороны, указывает на ее связь с романтической поэзией К. Г. Махи, с польским романтизмом, но, главное, видит в нем большого национального поэта, в творчестве которого центральное место занимает тема поработанной родины.

В статье сделана попытка анализа художественного своеобразия поэзии Эрбена. Автор указывает на склонность поэта выби-

¹¹⁷ Архив АН СССР, ф. 792, оп. 1, ед. хр. 13, л. 9.

¹¹⁸ С. Никольский. Карел Яромир Эрбен. Вступительная статья. В кн.: Карел Яромир Эрбен. Баллады. Сказки. Стихи, стр. 4.

¹¹⁹ А. Мажейка. Самы чароўны з чэшскіх паэтаў. «Маладость», 1961, № 11, стр. 152—153.

рать из фольклора мотивы народных суеверий, мотивы борьбы человека с потусторонними силами, которые нередко одерживают у него победу над человеком и тяготеют над ним. В этом исследователе видит отражение трагизма самого поэта, который, веря в будущее своего народа, не видел конкретного выхода в его борьбе за освобождение, не понимал роли рабочего класса в освободительном движении чехов. «Отсюда — идеализация патриархального крестьянского быта и, вместе с тем, неуверенность, тревога, беспокойство, отсюда, наконец, и самый жанр баллады — сжатой трагедии».¹²⁰

В только что вышедшей фундаментальной книге по истории чешской литературы, явившейся плодом усилий целого коллектива советских славистов новой формации и представляющей собой наиболее полный очерк развития новой и новейшей чешской литературы, какой когда-либо существовал на русском языке, и первый у нас марксистский труд в этой области, Эрбену отведена особая глава, принадлежащая перу И. А. Богдановой.¹²¹ В этой главе, несмотря на ее небольшой размер, дано отчетливое представление о поэтическом облике чешского поэта, хорошо охарактеризованы идейно-художественные особенности его творчества в том аспекте, какой был лишь намечен в статье С. В. Никольского.

В работах советских исследователей получили завершение и обобщение те ценные мысли о творчестве чешского поэта, какие постепенно накапливались в прежних статьях и высказываниях о нем русских прогрессивных ученых, а также учтены новейшие достижения чешской литературоведческой мысли. Но в интересах истины надо отметить, что творчество Эрбена не сделалось ещё предметом изучения у нас среди славистов, как оно того заслуживает, не вошло в литературный обиход исследователей при изучении проблем романтизма.¹²²

Собранные и отчасти систематизированные нами материалы о литературных связях Эрбена с Россией, не претендующие на полноту, показывают, что эти связи имели существенное значение в развитии русско-чешских литературных и культурных отношений и требуют дальнейшего изучения. Господствующее в историко-

¹²⁰ С. Никольский. Карел Яромир Эрбен, стр. 9—10.

¹²¹ Очерки истории чешской литературы XIX—XX веков. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 157—166.

¹²² Неудивительно, что в одной из серьезных статей последнего времени, посвященных проблеме романтизма в славянских литературах, имя К. Я. Эрбена даже не упомянуто. См.: С. В. Никольский, А. Н. Соколов, Б. Ф. Стахеев. Некоторые особенности романтизма в славянских литературах. В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. М., 1960, стр. 179—220.

литературных работах направление, связанное с исследованием преимущественно проблем влияния русского классического реализма XIX в. в Чехии и — в слабой степени — восприятия чешской литературы в России, имеет важное значение и должно быть продолжено. Но оно не обеспечивает необходимой полноты изучения проблемы взаимосвязей и взаимодействия наших литератур.

Факты свидетельствуют, что рядом с русской реалистической литературой XIX в. в чешский литературный процесс активно включалось великое литературное наследие русского народа древнего времени. Развивающаяся в силу исторической необходимости быстрыми темпами чешская литература XIX в. нуждалась в освоении не только произведений современных иностранных писателей, но и выдающихся образцов устного народного творчества и древней письменности, на традициях которой воспитывались современные писатели. Она воспринимала и жадно впитывала в себя наследие всех европейских народов,¹²³ и в этом наследии особенно близкой была для чехов русская литература и русское народно-поэтическое творчество.¹²⁴

В пропаганде древней русской литературы и русского фольклора, в частности сказки, Эрбену принадлежит выдающаяся роль. Эрбен переводил произведения русского эпоса древней поры как раз в период становления чешской реалистической прозы, в частности, исторической повести, этой современной эпической формы. Это заслуживает внимания.

Наше внимание должно привлечь и другая сторона дела — проблема восприятия в России не только реалистической чешской литературы, хотя и она недостаточно изучается, но и литературы романтической, выдающимися представителями которой были Ян Коллар, Ф. Л. Челаковский, К. Я. Эрбен, К. Г. Маха и др. Проследить проникновение в русскую читательскую среду наряду с реалистами также произведений чешских романтиков необходимо для воссоздания правильной картины литературных связей наших народов.

Неприязненные политические отношения между царской Россией и габсбургской Австрией, под гнетом которой находился чешский народ, сильно мешали литературному и культурному сотрудничеству чехов и русских. Дело осложнялось также и тем, что русские панслависты стремились использовать тягу к русской культуре со стороны чехов в интересах реакционной царской политики, а выдвижение в национально-освободительной борьбе чехов на первый план национальных вопросов ограничивало круго-

¹²³ См.: Jiří Levý. České theorie překladu. Praha, 1957, 946 стр.

¹²⁴ См.: William E. Harkins. The Russian Folk Epos in Czech Literature. 1800—1900, 282 стр.

зор деятелей чешского возрождения и не способствовало возникновению тесных связей чешских демократов с русским освободительным движением. Связи эти были, по-видимому, слабы. Это находит свое объяснение в различии исторического процесса в наших странах.

Интерес Эрбена к истории своего народа и его литературному прошлому, определяемый задачами чешского национально-освободительного движения и имевший прогрессивный смысл, играл решающую роль в том, что Эрбен занялся изучением и переводом произведений древности из русской литературы и русского народного творчества. Никто из чешских писателей не обладал всеми необходимыми для этого данными, как он: историк, филолог, поэт, знаток русского языка и русской литературы и замечательный мастер чешского словесного искусства. Его переводы с русского требуют специального исследования и только после этого можно будет высказать о них окончательные суждения. Во всяком случае включение русских сказок и таких произведений, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Задонщина» и «Повесть о Мамаевом побоище», этих крупнейших памятников русской культуры, в чешский литературный процесс эпохи возрождения играло глубоко прогрессивную роль и не может игнорироваться при изучении чешско-русских литературных связей.

В России собиранием устного народного творчества, а также литературных памятников старины и изучением их с особым и понятным увлечением занимались преимущественно славянофилы и многие ученые, стоявшие по своим научным интересам близко к славянофилам. В этом причина того, что Эрбен был связан главным образом со славянофилами и славистами. Он не был да и не мог быть связан с революционными демократами. Нравится нам это или не нравится, но таков исторический факт. И тут можно задать вопрос: были ли полезны для наших народов и литератур эти связи? Да, безусловно, были полезны, как была полезна собирательская деятельность ученых — славянофилов и не-славянофилов.

Эти связи, может быть, не казались столь важными нашим предшественникам, революционным демократам, которых и упрекнуть в этом нельзя, так как история поставила перед ними величайшие задачи социального освобождения народных масс. Они были больше озабочены настоящим и будущим, чем прошедшим. Но и революционные демократы, критиковавшие реакционные стороны славянофильского учения, отдавали должное славянофилам и фольклористам, бережно собиравшим и изучавшим литературные и фольклорные памятники прошлого, и высоко ценили эту сторону их деятельности. Для них была ясна ее необходимость. Тем более мы должны признать важными и интересными связи Эрбена

с теми русскими славистами, которые были далеки от славянофильства и панславизма, как например А. Н. Пыпин, М. Петровский, И. И. Срезневский и др.

Достойны внимания также факты, свидетельствующие о том, что Эрбен как крупный ученый и поэт был признан в России раньше, чем где бы то ни было. Но тут же мы должны отметить, что путь к русскому читателю Эрбена — поэта и сказочника — был долог и труден. Лишь в условиях послевоенного периода, когда начался новый этап в развитии дружественных отношений между нашими народами, не осложняемых уже никакими приводящими обстоятельствами, перед Эрбеном, как и перед многими другими чешскими писателями, ранее у нас неизвестными или малоизвестными, открылась дорога к сердцу русского читателя.

В результате разгрома немецкого фашизма изменился социальный климат мира. Возникают новые закономерности в общественно-культурных и литературных отношениях народов. И мы начинаем замечать многое такое, чего не замечали прежние поколения. Стихи и сказки Эрбена долго не привлекали внимания русских переводчиков. Теперь их понимают, ценят и издают. И недостает лишь того, чтобы их изучали.

А. И. Ровнякова

РУССКО-ПОЛЬСКИЙ ЭТНОГРАФ И ФОЛЬКЛОРИСТ Э. ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКИЙ И ЕГО АРХИВ

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится архив польского ученого Зориана Доленги-Ходаковского (литературный псевдоним Адама Чарноцкого, 1784—1825), известного славянского археолога и этнографа, неутомимого собирателя народных песен и знатока народного быта. Бумаги Ходаковского были приобретены М. П. Погодиным в 1836 г.¹ Спустя шестнадцать лет, в 1852 г., они поступили в императорскую Публичную библиотеку в составе знаменитого погодинского Древлехранилища.² В настоящее время эти материалы являются составной частью собрания автографов М. П. Погодина (ф. 488) и имеют самостоятельную опись (№ 4).³

В том же собрании, но вне архива Ходаковского, хранятся еще два относящихся к нему документа: ⁴ письмо к нему Н. М. Карамзина (без даты)⁵ и письма Ходаковского к гродненскому губернатору М. Ф. <Бутовту-Анджейковичу> от 19 июля 1823 г. по поводу невыполненной просьбы Ходаковского о присылке «поветовых карт» Гродненской губернии.⁶

Кроме того, с именем З. Я. Доленги-Ходаковского связан ряд материалов, входящих в собрание рукописных книг М. П. Погодина: черновой автограф «Донесения о первых успехах путешествия по России, из Москвы. 1822», «Словарь географических на-

¹ См.: М. П. Погодин. Предисловие к I тому «Русского исторического сборника» (М., 1837, стр. 1); Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV. СПб., 1891, стр. 32.

² См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1852, СПб., 1853, стр. 53; Русский биографический словарь «Даберов—Дядковский», СПб., 1905, стр. 578.

³ В дальнейшем ссылки на архив Ходаковского (ГПБ, ф. 488, оп. 4) даются в тексте с указанием только единиц хранения.

⁴ См.: Каталог собрания автографов М. П. Погодина, составленный Н. Дворецкой. Л. 1960, стр. 80.

⁵ ГПБ, ф. 488, № 251. (Письмо опубликовано: «Москвитянин», 1843, ч. I, № 1, стр. 273; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 0129).

⁶ Там же, № 398.

званий» и материалы к нему, «Атлас России» («Atlas de Russie») и четыре тома «Истории государства Российского» Карамзина с замечаниями Ходаковского.⁷

Архив Ходаковского включает следующие материалы:

I. Официальную переписку о Доленге-Ходаковском и его трудах (№№ 1—5).

II. Труды Ходаковского: статья «Гуляй-город с левой стороны Оки...» (1823); «Прибавление 15 января 1823 г. к карте славянского городства, показанного в северо-западной части Российского государства...» (1823); Отрывки предисловия к «Сравнительному словарю географических названий славянских городищ» (1823); отрывки из «Донесения о первых успехах путешествия по России» (1823); рецензии на труды К. Ф. Калайдовича и Н. М. Карамзина; статья «Опыт изъяснения слова „князь — xiądz“» (1824) и статья «O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem» (№№ 6—14).

III. Материалы к трудам Ходаковского: заметки, списки названий, выписки из различных источников к труду «Сравнительный словарь географических названий славянских городищ» (№№ 15—40).

IV. Письма Э. Я. Доленги-Ходаковского к разным лицам. Среди адресатов: Б. А. Адеркас, Виленский университет, Н. С. Всеволоцкий, кн. А. Н. Голицын, И. М. Зеленский, Н. М. Карамзин, В. М. Попов, гр. Н. П. Румянцев и др. (№№ 41—51).

V. Письма разных лиц Ходаковскому. В числе корреспондентов: В. Г. Анастасевич, гр. П. И. Апраксин, С. Бандтке, А. Бекю, В. Белоусов, В. Берлинский, Ф. Б. Булгарин, Водзицкий, Г. Воллович, Е. Воронцов-Вельяминов, В. И. Гечевич, В. К. Гижицкий, Л. Голембёвский, П. А. Гулак, М. Добжаньский, В. Н. Каразин, А. Кошелев, Л. Кропиньский, В. Кукель, И. М. Лобойко, Г. Олизар, Л. Платер, Н. А. Полевой, Н. Рославец, Фр. Рудзкий, И. М. Снегирев, Е. Сорока, Л. Ширма, Д. Языков, М. Ярошинский и др. (№№ 52—101).

VI. Труды и переписка разных лиц. В том числе: статья Н. Ардыбашева «О городищах в Казанской губернии» (1819), письма В. Г. Анастасевича, В. Берлинского, А. Светницкого, И. М. Снегирева и др. (№№ 102—112).

Из перечисленных выше материалов наибольший интерес представляют письма Ходаковского и к Ходаковскому: за редким исключением они до сих пор не публиковались. Между тем они проливают свет на многие спорные места биографии Ходаковского, помогают раскрыть новые стороны деятельности этого ученого-эн-

⁷ Там же, №№ 2017, 2018, 2019, 2022 соответственно нашему перечислению.

тузиаста.⁸ Полнота описания отдельных документов будет зависеть от степени их значимости. Рукописи, представляющие больший интерес, раскрываются нами подробнее, приводятся целиком или в извлечении, — остальные лишь упоминаются в общем перечне.

Конец XVIII—начало XIX в. был эпохой бурных политических событий в истории Польши. После третьего раздела и Тильзитского мира 1807 г. польские земли оказались под властью Пруссии, Австрии и России. Жизнь каждой из разделенных частей складывалась по-своему. Прусская монархия стремилась закрепить за собой польские земли и превратить их в немецкие провинции. Создав видимость представительства польской шляхты в сословном сейме, австрийское правительство на деле проводило политику ее изоляции. Сейм не имел никакой реальной власти и вскоре прекратил свое существование.⁹ Усиленная германизация в прусской и австрийских частях имела пагубные последствия. Поляки были отстранены от государственных должностей. Официальными языками были объявлены немецкий и латинский.

В это тяжелое для Польши время лучшие представители польской нации, как это обычно бывает в эпохи крушения национальных идеалов, стали обращаться к национальной истории, литературе, языку и особенно изучению народных древностей и народной поэзии.

Именно такие задачи ставило перед собой созданное в Варшаве в первые годы после упадка «Общество друзей наук» («Towarzystwo Przyjaciół Nauk»)¹⁰ Уже на первом заседании, состоявшемся 9 мая 1801 г., Общество подняло вопрос о разработке проблем польского языка в связи со славянским языкознанием, об изучении истории и богатой польской письменности. «Обращение к прошлому, к отдельным периодам польской и вообще славянской истории, — пишет В. Францев, — неизбежно вело к необходимости познакомиться с ближайшим соседним и братским русским народом».¹¹ Все отчетливее мысль об укреплении Польского государ-

⁸ Научная литература о Ходаковском довольно обширна. Наибольшую ценность представляют работы А. Пыпина и В. Спасовича, И. Лелевеля, Р. Гавроньского, Д. Ходзько, В. Францева, Ст. Пигона, Ф. Приимы, А. Поппе и Ю. Маслянки. См. библиографию, приложенную в конце обзора.

⁹ См.: История южных и западных славян. М., 1957, стр. 156.

¹⁰ Обширный материал о деятельности общества содержит монография: А. K r a u s h a r. Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk. Warszawa, 1830—1832, а также статья: Д. Цветаев. Варшавское Общество любителей наук. «Известия Варшавского университета», VII, 1899.

¹¹ В. Францев. Польское славяноведение конца XVIII—первой четверти XIX в. Прага, 1906, стр. 10.

ства начинает связываться с Россией. В 1793 г. сейм в Гродно открыто ставит вопрос о союзе с восточным соседом.

Убежденным сторонником России выступают писатель и общественный деятель Станислав Стащиц (1755—1826), провозгласивший в поэме «Род людской» («Ród ludski») идею федерации славянских народов под эгидой русских, и поэт Станислав Трембецкий (1730—1812), значение которого как сторонника России было по достоинству оценено уже его современниками.¹²

Поэтому столь торжественно было отпраздновано в 1814—1815 г. образование Царства Польского и принятие новой конституции. Начали преобразовываться школы. 7 ноября 1816 г. был открыт Варшавский университет. 15/27 марта 1816 г. указом Александра I варшавское «Общество друзей наук» было объявлено королевским.

После 1815 г. надежды поляков на Россию укреплялись тем живым интересом и вниманием, с которым передовая часть русского общества стала заниматься славянскими вопросами, и прежде всего польским. Интерес этот проявлялся и в масонских ложах, и тайных обществах: известны петербургская, киевская ложи «Соединенных славян» («Les Slaves réunis») ¹³ и др.

Русские журналы первых двух-трех десятилетий внимательно следят за всеми более или менее выдающимися явлениями польской научной и художественной литературы.

Ежемесячный журнал В. Г. Анастасевича ¹⁴ «Улей» (1811—1812) ставит своей задачей публиковать «словесность в прозе и стихах отечественную и переводы с польского, а также известия о жизни и трудах российских и польских писателей».

Ознакомлению русских читателей с жизнью поляков посвящает себя журнал Орля-Ошменца, учителя орловской губернской гимназии, носивший название «Друг Россиян и их единомышленников обоего пола», или «Орловский российский журнал на 1816 г.». В 1825—1828 гг. Адама Мицкевича восторженно приветствовали в Москве и Петербурге, а несколько ранее попечитель Харьковского округа Потоцкий возбудил ходатайство об учреждении кафедры польской литературы при Харьковском университете. Вскоре обнаруживаются первые следы взаимного влияния польской и русской литератур этого периода.

¹² См.: В. Макушев. Станислав Трембецкий — замечательнейший сторонник России в польской поэзии конца XVIII в. «Древняя и новая Россия», 1878, № 8, стр. 261—283.

¹³ См.: М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. М.—Л., 1927.

¹⁴ В. Г. Анастасевич (1775—1845), известный русский библиограф и переводчик.

Рылеев создает свои думы под воздействием «Исторических песен» Немцевича, Ст. Витвицкий переделывает «Светлану» Жуковского в «Wieczór Ś. Andrzeja».

«Славянские изучения в польской литературе 10—20-х годов и ее отношение к тогдашней русской литературе, — пишет В. Францев, — представляют вообще замечательное явление, впоследствии уже не повторявшееся. Взаимодействие это было настолько велико, что целый ряд ученых в одинаковой мере принадлежали и русской и польской науке и писали (как напр., Ходаковский) по-русски и по-польски».¹⁵ Влияние Линде и Российской Академии наук, Румянцева, Востокова, Нарушевича и Карамзина, Кухарского, Ходаковского, Венелина и многих других, если не каждого отдельно, то всех вместе, по справедливому замечанию И. И. Срезневского, было почти одинаково сильно и на востоке и на западе.¹⁶

В России начало XIX в. также ознаменовалось интересом к народной культуре. «После 1812 г. вопросы народной словесности, — пишет М. Азадовский, — прочно входят в систему исторического изучения, которое получает новый размах и новое развитие».¹⁷ Это было время издания многочисленных памятников и документов, относящихся к русской истории; период частых археологических и археографических экспедиций. Активную деятельность развернул в эти годы кружок графа Н. П. Румянцева¹⁸ (1754—1826), известного собирателя русских древностей, почетного члена Российской Академии наук, членами которого были: А. Востоков, П. Кеппен, К. Калайдович, П. Строев, историк Бантыш-Каменский, архивист Малиновский, филолог и археолог Евг. Болховитинов и др.

С повышенным интересом к историческому и литературному прошлому России связан выход в свет в 1800 г. собрания русских народных песен, ныне широко известное как «Сборник Кириши Данилова».¹⁹ В том же году впервые было издано «Слово о полку Игореве».

Начало польской фольклористики относится к рубежу XVIII и XIX в. Но отдельные проявления интереса к народной поэзии появились значительно раньше. Так, уже в 1801 г. 15-летний Лелевель (будущий видный историк) записывает народные песни, интерес к которым безусловно отражал определенные обществен-

¹⁵ В. Францев. Польское славяноведение... стр. 41—42.

¹⁶ И. Срезневский. Литературное оживление западных славян. «Современник», 1846, № 6.

¹⁷ М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 163.

¹⁸ О «Кружке канцлера Румянцева» см. в кн.: А. А. Кочубинский. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888, стр. 37—215.

¹⁹ Об этом см.: Сборник Кириши Данилова. Подгот. А. Б. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 574.

ные настроения. Видное место принадлежит известному общественному деятелю и писателю Гуго Коллонтаю (1750—1820), который в 1808 г. обратился к своему другу, краковскому книгопродавцу Яну Маю, с предложением издать большой сводный каталог книг по истории Польши, с полным и разносторонним описанием народных обычаев. Копию этого письма Коллонтай отправил председателю «Общества друзей наук», графу Тадеушу Чацкому, который огласил его на одном из заседаний общества.

В 1803 г. с проектом издания сборника народных песен выступил поэт-епископ Ян Воронич (1757—1829).

В 1804 г. «Общество друзей наук» организовало специальную фольклорно-лингвистическую экспедицию в Литву. В 1828 г. оно объявило конкурс на лучший труд по фольклору.²⁰

Польский историк П. Хмелевский, автор известного труда «История польской литературы» («Historia literatury polskiej» Warszawa, 1889) считает предшественниками Ходаковского Яна Потоцкого (1761—1815), знаменитого ученого-историка, который в ряде работ, написанных по-французски, касался разных сторон древней истории славянских народов; виленского профессора Яна Коссаковского, опубликовавшего в 1803 г. капитальный труд «Взгляд на чешскую литературу и связь языков славянских» («Rzut oka na literaturę czeską i związek języków słowiańskich»), Самуэля Богумила Линде (1771—1847), автора исторического словаря польского языка, А. Сапегу, В. Скорохода-Маевского, В. Суровецкого и др. К ним можно причислить также Казимежа Бродзинского, А. Мицкевича, который уже в начале 20-х годов записывал народные песни, чтобы потом использовать их в своих «Дзядях».

Однако в ряду названных ученых-этнографов и фольклористов Э. Ходаковскому принадлежит особое место. Многочисленные археологические наблюдения ученых XVIII в. носили обычно регистрационный характер, причем научная ценность памятников материальной культуры оставалась подчас неясной самим ученым. В работах же Ходаковского археологические памятники стали впервые рассматриваться как полноправные исторические источники.²¹ Кроме того, Ходаковский первым из польских фольклористов увидел в языке народа источник обогащения национальной культуры. Впервые в России он стал записывать белорусские, украинские и польские песни в Галиции, делая это с большим мастерством. Вот что пишет о записях Ходаковским песен известный польский фольклорист, один из его последователей поэт Вацлав Залеский (Wacław z Oleska):

²⁰ Вл. Ивацевич. Собрание памятников у южных и западных славян. СПб., 1883, стр. 139.

²¹ См. об этом в кн.: А. Я. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, стр. 57—58.

«Я слышал о его способе собирания песен, как он в коротком полушубке, с маленькой торбой за плечами и бутылкой водки подмышкой ходил из деревни к деревне, от одного ксендза к другому, от органиста к органисту, от дьяка к дьяку и как везде, прося, убеждая, угощая и сам подпевая, впитывал все, что касалось славянства. Это единственно правильный способ собирания песен. Так поступал и Вук Караджич».²²

Научная деятельность Ходаковского длилась всего 7 лет, с 1814 по 1822 г. Этот период обычно не вызывает у биографов Ходаковского никаких сомнений, хотя, как увидим ниже, нуждается в ряде уточнений и разъяснений.

Первые же тридцать лет жизни Ходаковского до последнего времени объявлялись «загадочными», изобиловали противоречивыми фактами. И не без основания. В 1822 г. по просьбе Н. А. Полевого, будущего издателя журнала «Московский телеграф», Ходаковский написал автобиографию с припиской «не для печати». Но приписке не придали особого значения, и в 1839 г. Полевой опубликовал автобиографию,²³ которая была признана всеми достоверной.

Неожиданно в «Варшавской утренней газете» № 15 за 1840 г., в разделе литературных прибавлений, появилась статья под названием «Кто именно был Зориан Доленга-Ходаковский»,²⁴ содержащая иные биографические сведения об ученом и принадлежавшая перу некоего Войниловича, который знал Ходаковского лично. Поэтому статья поставила биографов Ходаковского в затруднительное положение. Один из них, Савельев-Ростиславич, так и не мог решить, как согласовать показания Ходаковского и Войниловича,²⁵ другие же, как Кеппен²⁶ и Старчевский,²⁷ в своих работах просто повторяли автобиографию Ходаковского.

²² Waclaw z Oleska. Pieśni ruskie i polskie ludu galicyjskiego. Lwów, 1833, стр. X—XI. Ср. также отзыв Кеппена, который писал о Ходаковском: «К отличительным свойствам нашего исследователя причислить должно способность его беседовать с простолюдинами. На торжищах, в хижинах их, в своей собственной обители, он и жена его всегда с успехом умели пользоваться их простодушными повествованиями, преданиями, местными познаниями и самим суеверием» («Библиографические листы», изд. П. И. Кеппеном. СПб., 1826, № 38, стр. 563).

²³ См.: «Сын отечества», 1839, т. VIII, отд. VI, стр. 89—90.

²⁴ Содержание статьи изложил П. Дубровский в письме к М. Погодину. См. «Литературная газета», 1840, № 91, стр. 2082.

²⁵ Энциклопедический лексикон. Изд. Плюшара, т. XVII, СПб., 1841, стр. 97—102.

²⁶ «Библиографические листы 1825», стр. 562—564.

²⁷ А. Старчевский. Русская историческая литература в первой половине XIX в. «Библиотека для чтения», т. 112, 1852, стр. 49—108 (о Ходаковском — стр. 95 и далее).

Эти недоумения удалось рассеять только в 50-е годы польским ученым Д. Ходзько, И. Скимборовичу и И. Лелевелю, в руках которых оказались подлинные документы — письмо Чарноцкого к минскому губернатору Э. Я. Карнееву и его дневник. Излагая содержание письма Чарноцкого к Карнееву, Д. Ходзько писал в своей статье «Заметка о жизни и письмах Э. Д. Ходаковского»:

«Все указанные подробности жизни Чарноцкого взяты мною из его мемориала. Обращение к минскому губернатору Карнееву с просьбой вступить за него и тем смягчить ожидавшее его наказание (об этом ниже), Чарноцкий писал в Новгороде, в первых числах января 1809 г. В моих руках был экземпляр этого мемориала, написанного Чарноцким, частью на польском, частью на русском языке, больше, однако, по-польски, ибо русский в то время он знал еще плохо. Дальнейшие подробности я почерпнул из собственных писем Чарноцкого и рассказов, близко знавших его людей».²⁸

И. Скимборович²⁹ и И. Лелевель³⁰ приводили в своих статьях отрывки из дневника Чарноцкого, который лишь после его смерти стал доступен биографам.

Итак, из сопоставления имеющихся сведений биография Ходаковского может быть представлена в следующем виде.

Адам Чарноцкий родился 4 апреля 1784 г. в Минском воеводстве, в семье мелкого шляхтича. Рано лишившись матери, мальчик был отдан отцом на воспитание к богатым родственникам в Слуцкий уезд. Здесь он учился в местной уездной школе. По словам биографов, уже со школьной скамьи обнаружилась страсть Чарноцкого к изучению истории, собиранию народных преданий, поверий и песен. По окончании уездного училища 16-летний Адам Чарноцкий практически изучал право у адвоката в Новогрудке, а затем переехал в Минск. С 1807 г. он работал помощником управляющего у новогрудского воеводы тогдашней Гродненской губернии графа Юзефа Неселовского, одновременно изучая местные архивы, собирая разнообразные этнографические и исторические материалы.

В марте 1808 г., подозреваемый в намерении вступить в нелегально формировавшееся в Варшавском герцогстве польское войско, Чарноцкий был арестован, отправлен под конвоем в Гродно,

²⁸ См.: D. Chodźko. Wzmianka o życiu i pismach Z. D. Chodakowskiego. «TeKa Wileńska», Wilno, 1857, № 2, стр. 282. Мемориал опубликован: А. Краушар. «Towarzystwo Przyjaciół Nauk», t. IV, стр. 375—379; в сокращении — в журнале «Киевская старина», 1891, т. XXX, стр. 469—475.

²⁹ J. Skimborowicz. Jeszcze o Chodakowskim czyli Adamie Czarnockim. «TeKa Wileńska». Wilno, 1858, № 6, стр. 243—253.

³⁰ J. Lelewel. Adam Czarnocki. «Dziennik literacki», 1859, we Lwowie, № 79, стр. 941—944.

а затем переведен в Петербург. Здесь он отбыл девятимесячное тюремное заключение, после чего его перевели в Новгород.

Решением суда Чарноцкий был лишен дворянства и осужден на пожизненную солдатскую службу. Его определили во 2-ю дивизию генерала Глазенапа, которая стояла тогда в Омске.

По дороге в Сибирь Адам Чарноцкий ведет дневник, куда записывает свои наблюдения над жизнью, бытом и обычаями встречавшихся ему народностей, сведения об археологических памятниках, отмечает места залегания минералов. Свой дневник Чарноцкий озаглавил «Путешествие против воли» («Bez chęci podróż poja»). Вот что пишет о дневнике Чарноцкого И. Лелевель: «Это подлинные записки Ходаковского о его жизни. Все, что не соответствует этим сведениям, является вымыслом, а биография Ходаковского, написанная для Полевого, — чистойшая выдумка».³¹

В настоящее время дневник Ходаковского утерян. Выражая надежду, что он может отыскаться в Петербурге, И. Лелевель в свое время писал: «Он заслуживает опубликования. В нем ничего нет, что обижало бы Россию. Для нас же он был бы неогненным».³²

После четырех лет скитаний по России Ходаковский бежал в Польшу. Некоторое время он служил в армии Наполсона, с ноября 1817 по июнь 1818 г. путешествовал по Западной Украине и Приднепровью, где под своим именем — Чарноцкий, а позднее под псевдонимом Ходаковский, собирал и изучал фольклор. В перерыве между путешествиями Ходаковский живет в Кременце и в Ворончине, у поэта Л. Кропиньского, знакомится с библиотекой Т. Чацкого в Порыцке, посещает Волинь, Киев. В Кременце происходит его знакомство с Л. Голембёвским, Л. Ширмой, К. Сенкевичем, Фр. Рудзским, Адамом Чарторыйским. Ходаковский посещает оживленный центр тогдашней духовной жизни г. Вильно, хочет лично познакомиться с профессором Бекю и ректором Виленского университета Ш. Малевским. Однако встреча их не состоялась.

В бумагах Ходаковского хранится письмо Бекю к Ходаковскому от 19 августа 1819 г. (№ 55). Оно проливает свет на самую начальную ступень научной деятельности Ходаковского, раскры-

³¹ Там же, стр. 943. — Здесь же Лелевель делает предположение, что дневник Ходаковского был передан в Варшавское «Общество друзей наук» Лукашем Голембёвским, библиотекарем Пулав, родового имени князей Чарторыйских. Хранящееся в архиве Ходаковского письмо В. Белоусова от 21 декабря 1820 г. (№ 56) подтверждает это предположение. В этом письме Белоусов писал Ходаковскому: «8 декабря отправил пакет, приложенный Вами к первому письму (от 5 декабря, — Л. Р.), в Варшаву на имя Голембёвского».

³² J. L e l e w e l. Adam Czarnocki, стр. 944.

вает роль в его судьбе Адама Чарторыйского, попечителя Виленского университета. Профессор Бекю сообщал:

«Xiąże zezwala na przełożenie go Uniwersytetowi — ale do tego potrzeba żebyś napisał programa swojego wojażu i to co masz już gotowego i napisanego Uniwersytetowi przesłał, lub sam przywiózł. Dla ułatwienia ci kosztów podróży Xiąże przeze mnie przysyła 30 zł., które w rękę Pana Rogalskiego złożyłem, a po których odebraniu raczysz do Pana Dobrowolskiego przesłać swój rewers odebrania tych pieniędzy. Oprócz tego Xiąże ci jeszcze zaasygnował u mnie więcej resursów pieniężnych na przypadek żebyś Wielmożny Pan nie mógł się tak prędko doczekać potwierdzenia swojego wojażu. Czyñ więc teraz WMPDobrodzieju co czynić wypada — i staraj się nagrodzić tę szkodę czasu, przez niepotrzebny odjazd z Krzemieńca ponieasioną».³³

Позднее Чарторыйский радушно принял Ходаковского в своем имении Пулавах, предоставил ему возможность ознакомиться с книжными коллекциями своего имени и снабдил его небольшой суммой денег на дорогу. Адам Чарторыйский решил связать Ходаковского с каким-либо научным центром — Кременецким лицеем или Виленским университетом, чтобы дать ему «базу и осуществлять постоянный контроль за его занятиями». Речь шла о том, чтобы определить Ходаковского сотрудником какой-либо из этих библиотек. Но планы Ходаковского были иными. Вот, что писал он С. Бандтке в письме 1817—1818 г.: «Я задумал обозреть всю историю славянского рода и вывести из нее ряд новых наблюдений, столь необходимых для объяснения первоначальной истории Севера и истока нашей национальности».³⁴

В архиве имеется ответное письмо Бандтке от 19 февраля 1818 г., где сказано: «Все, что Вы пишете о ляхах, очень истинная и верная правда» (№ 54). Эти слова написаны С. Бандтке по-русски.

С самого начала в своих научных разысканиях Ходаковский исходил из необходимости сравнительного изучения древней исто-

³³ *Перевод:* Князь согласился на предоставление его (научного плана, — Л. Р.) университету, но до этого необходимо составить программу путешествия, то, что уже написано и готово, переслать или лично отвезти в университет. Для облегчения дорожных расходов дал тебе 303 зл., которые я передал пану Рогальскому. Подтверждение об их получении вышло пану Добровольскому. Кроме того, князь передал мне для тебя дополнительные средства на случай, если вельможный пан в ближайшее время не сможет дожидаться одобрения своего путешествия. Теперь же, сударь, делай то, что тебе надлежит и старайся возместить время, потерянное из-за напрасного отъезда из Кременца.

³⁴ «*Ramieŋnik Naukowy*», 1837, т. III, стр. 14. — При переводе цитат мы сохраняем стиль Ходаковского, который плохо владел русским литературным языком.

рии славянских племен. Вот, что писал он об этом поэту Л. Кропиньскому в августе 1817 г.: «Если я перестану быть братом русинов, чехов, венгров, мне придется оставить свои планы, и польская древность исчезнет. Именно потому, что в прошлом каждый писатель и исследователь ограничивался только своим языком и областью, касающейся истории своей родины, он ничего не мог заметить».³⁵

Видное место в научных планах Ходаковского занимал фольклор. Во время своих четырехлетних странствий ученый собрал около 12 тысяч народных песен, преданий, из них почти 2000 украинских.³⁶ Записывая песни и народные предания в разных городах и местностях Польши, ученый отметил почти полное отсутствие их в Кракове и обвинил в этом католическое духовенство, которое уничтожало все остатки старины.³⁷ Олицетворением косности были для Ходаковского иезуиты. В письме к своему родственнику Каролю, датированном 13 июня 1817 г., ученый писал: «Если бы не „Общество Христа“ (Drużyna Isusowa), которое превало ученые занятия поляков почти на полтора века, вероятно и среди нас был бы свой Макферсон, еще до Красидкого».³⁸

Дальнейшую судьбу Ходаковского определила его встреча с Адамом Чарторыйским в 1818 г. Последний посоветовал Ходаковскому охарактеризовать собранные им материалы и изложить планы будущей исследовательской работы в специальной программной статье. Так возник первый научный труд Ходаковского «О славянстве до христианства» («O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem»), который при содействии того же Чарторыйского был опубликован в виде статьи в кременецком журнале «Świczenia naukowe» (1818, № 5). Статья сразу же привлекла внимание польских и русских ученых. В 1819 г. ее перепечатал «Pamiętnik Lwowski». В «Pamiętniku Warszawskim» был опубликован хвалебный отзыв о ней В. Суворецкого. В письме к Фр. Рудзкому от 13 сентября 1818 г. известный русский библиограф, журналист и переводчик В. Г. Анастасевич (1775—1845) писал «О славян-

³⁵ Listy Zoryana Chodakowskiego z lat 1817—1821. «Biblioteka Warszawska», 1866, т. II, zes. 5, стр. 163.

³⁶ О судьбе собранных Ходаковским песен см.: В. Доманицкий. Пионер украинской этнографии. «Записки наукового товариства имени Шевченка», т. XV, кн. 3, Львів, 1905, стр. 1—43; П. Бессонов. Белорусские песни. СПб., 1871, стр. 21. (Бессонов указывает, что после смерти Ходаковского его собрание «разошлось по рукам» и белорусская часть попала к Калайдовичу); Письмо митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу от 30 июля 1820 г. «Русский архив», 1889, № 7, стр. 362; С. А. Красильников. Источники украинских песен Гоголя. В кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования, т. 2. М.—Л., 1936, стр. 387—391.

³⁷ Об этом см.: A. Grabowski. Wspomnienia. «Biblioteka Krakowska», т. II, 1909, стр. 18, 262—263.

³⁸ Athenaeum, 1841, т. III, стр. 175.

стве до христианства»: «Эта небольшая работа в сто раз весомее восьми томов некоего придворного историографа (Карамзина, — Л. Р.), который приукрашивает там, где не хватает красоты материи».³⁹ В том же письме В. Анастасевич сообщал о своем намерении перевести и издать статью на русском языке. Однако этот замысел осуществлен не был.

Сам Ходаковский оценивал свой первый научный труд как «руду, которая лишь со временем, в более удачливых руках, сможет дать чистый и богатый металл»,⁴⁰ но, сознавая актуальность статьи, он в то же время писал С. Бандтке: «Это наскоро сделанный набросок, к тому же общий и железным стилем написанный. Но стиль — не главное. Дело — в его сути».⁴¹

Статья «О славянстве до христианства» была первой попыткой дать общую картину славянского быта в дохристианский период и, главное, наметить пути его изучения. Здесь автор впервые указал на народно-поэтическое творчество как «драгоценный источник» для изучения прошлого славянских народов. Свое рассуждение Ходаковский заканчивает целостной программой, предусматривающей сочетание археологических, этнографических и фольклорных исследований. «Такого обширного синтетического плана, — пишет М. К. Азадовский, — еще не появилось ни в русской, ни в славянской, ни в западноевропейской науке».⁴² Статья сыграла важную роль в развитии литератур славянских народов. Но прежде всего она явилась вкладом в польскую этнографию. По словам современников, она послужила призывом к работе в области фольклора.⁴³ Польские биографы Ходаковского считают, что Казимеж Бродзинский, Лях Ширма и многие другие обратились к народной поэзии под непосредственным влиянием идей Ходаковского, а А. Пыпин ставит в этот ряд и Адама Мицкевича.⁴⁴

Статья Ходаковского была представлена на обсуждение в Виленский университет, но здесь ее встретили неодобрительно. Большинство членов ученого совета университета вынесло суровый приговор первому научному опыту Ходаковского: его обвинили в нападках на христианство и католическое духовенство, в восхвалении языческой старины. Этим ученым претило преклонение Ходаковского перед народной поэзией. «Все существенное осталось

³⁹ Цит. по: А. Порре. U źródeł postępowej historiografii szlacheckiego rewolucjonizmu. Z. D. Chodakowski. «Kwartalnik historyczny», Warszawa, 1955, № 2, стр. 20.

⁴⁰ Из письма Ходаковского к Л. Кропильскому от 23 марта 1818 г. (см.: «Biblioteka Warszawska», 1866, т. II, стр. 176).

⁴¹ «Pamiętnik Naukowy», 1837, т. III, стр. 18.

⁴² М. Азадовский. История русской фольклористики, стр. 283.

⁴³ Об этом см. в статье: А. Potocki. Sejmiki literackie w dobie romantyzmu. «Pamiętnik literacki», Lwów, 1902, zes. III, стр. 397.

⁴⁴ А. Пыпин. История русской этнографии, т. III. СПб., 1891, стр. 38.

для них запечатанной книгой», — писал об этих ученых В. Францев.⁴⁵

Тогда А. Чарторыйский посоветовал Ходаковскому уточнить и разъяснить ученым университета свои научные планы. Летом 1818 г. Ходаковский составил докладную записку (мемориал)⁴⁶ и отправил ее на имя ректора Ш. Малевского. Со своей стороны Чарторыйский специальным предписанием обязал университет оказывать Ходаковскому возможную поддержку. Среди бумаг Ходаковского хранится черновой автограф Чарторыйского (№ 42) и копия с этого предписания, сделанная рукой Ходаковского (№ 1). В этом документе указывалось, что «в изучении дохристианской истории в исторической науке существует пробел, что имеющиеся о ней сведения польских и иностранных ученых недостаточны, что памятники старинны в течение четырех лет с исключительно старанием собирал Ходаковский и что последний в своей работе столкнулся с географией, естественной историей и геральдикой, которые родственны и из общего источника вытекают». Чарторыйский высоко оценивал статью «О славянстве до христианства», называя ее «смелой», и писал: «Это нить или просто указание источников, где нашу древность искать можно». Университету предлагалось помочь Ходаковскому осуществить его путешествие. Вместе с предписанием⁴⁷ хранится письмо, датированное 27 ноября 1818 г., ошибочно включенное в ту же единицу хранения и приписываемое Чарторыйскому, которое, как нам удалось установить, принадлежит перу Малевского и является ответом ректора университета куратору.

Ш. Малевский писал здесь: «Я долго вдумывался в проект Ходаковского и вразумлял членов, которые обсуждали этот предмет. Проект, сообщенный Ходаковским в № 5 „Swiczeń naukowych“, не содержит плана этой работы, а следовательно, и полезных результатов». Ректор сообщал далее, что до сих пор не отважился передать проект Ходаковского ученому совету, не будучи уверен в том, одобрят ли его, особенно потому, что Ходаковский не хочет подчиняться известным требованиям — присылать рапорты о ходе своей работы (№ 1, стр. 5).

Не полагаясь на свое собственное мнение, Ш. Малевский передал статью Ходаковского на отзыв Яну Снядецкому (1756—1830), профессору астрономии, в прошлом ректору Виленского университета (1807—1814). Отзыв Яна Снядецкого был крайне

⁴⁵ В. Францев. Польское славяноведение..., стр. 345.

⁴⁶ Мемориал опубликован А. Краусхаром (см.: Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk, 1800—1822. Kraków—Warszawa, 1906, t. IV, стр. 375—379).

⁴⁷ Предписание опубликовано Ст. Пигонем (см.: St. Pigoń. Diletant osobliwy przed sądem uczonych. «Biblioteczka Wileńska», 1929, № 2, стр. 7—8).

недоброжелательным: «У автора много энтузиазма, но мало рассудка», — заявил он. Снядецкий считал, что судить о польской древности можно лишь изучив в первую очередь предысторию самой Польши. Ян Снядецкий писал, в частности: «Весь план этого паломничества, которое предпринял автор, ведет к домыслам и историческим романам, а не к фактам, основательно объясняющим начало нашего народа».⁴⁸

Отзыв о Ходаковском, однако, был продиктован не только отрицательным отношением к его планам. Это был удар по зарождавшемуся в умах романтическому отношению к действительности. По словам Ст. Пигоня, «Снядецкому претил энтузиазм новых дорог, горение, преклонение перед национальным прошлым, словом все то, что составляло основной смысл статьи».⁴⁹

В письме Шимона Малевского Адаму Чарторыйскому от 3 октября 1818 г. (№ 2) критический отзыв ученого совета был изложен так: «Póświęcenie się tego człowieka trudnej i mozolnej pracy jest rzadkie i trudno podobne znaleźć. Lecz gdy niema pewnego systematu i porządku i przygotowania do tej pracy obawa jest aby praca jego nie była daremną. Artykuł przez niego umieszczony w Pamiętniku Lwowskim nie jest dobrze przyjęty. P. Jan Śniadecki, Jędrzej Śniadecki i Jundzill gniewają się na ten artykuł».⁵⁰

Повторное письмо А. Чарторыйского к Ш. Малевскому от 4 марта 1819 г. не смогло изменить решения университета.

З. Доленга-Ходаковский болезненно воспринял отказ виленских ученых. В письме к Л. Кропиньскому 13 октября 1818 г. он зло язвил: «Три педанта из Виленского университета гордятся наукой, однако чужой и уже готовой, которой не всякий мог дать что-нибудь от себя. Эти трое, в упоении от своего совершенства, считают мою работу напрасной, не находят в ней ни системы, ни порядка, ни даже необходимой подготовки». Письмо заканчивалось словами: «Сам Христос не поладил до конца с „докторами“ и я тоже не в силах вернуть их под знамя народности».⁵¹

Получив отказ в Вильно, Ходаковский апеллирует к варшавскому «Обществу друзей наук», к Ст. Стащицу. В архиве Ходаковского хранится документ за подписью секретаря этого общества Эдварда Чарнецкого от 29 марта 1819 г. (№ 3). Это замечания

⁴⁸ См.: Uwagi Jana Śniadeckiego nad rozprawą Z. D. Chodakowskiego. «Biblioteczka Wileńska», 1929, № 2, стр. 17—18.

⁴⁹ St. Pigon. Diletant osobliwy przed sądem uczonych, стр. 9.

⁵⁰ Перевод: Приверженность этого человека трудному и тяжелому труду исключительна, подобное встречается редко. Но поскольку в плане нет определенной системы и порядка, а у автора — нужной подготовки, опасаясь — не будет ли труд этот напрасным. Статья его в «Pamiętniku Lwowskim» не одобрена. Господа Ян и Енджей Снядецкие, и Юндзилл недовольны ею.

⁵¹ Listy Zoryana Chodakowskiego z lat 1817—1821, стр. 183.

членов общества на статью «О славянстве до христианства». Приводим выдержки из этих замечаний:

«Мысль о простом разделе земли Славян на „Stare sta“ трудно будет доказать. Современная история, дошедшие до нас легенды учат, что земли, населенные славянами, обыкновенно делились и назывались согласно их положению, по названиям рек, гор и т. п.». Далее члены общества выражали сомнение относительно полноты и достоверности сведений, доставляемых геральдикой, ибо «коль скоро гербы возникли в эпоху феодализма, то, вероятно, в них мало собственно славянского. Известно, что славяне менее остальных европейских народов прониклись духом того рыцарства, который господствовал в отдельные периоды и лишь с принятием христианства они стали общаться с другими народами и наследовать их обычаи. Хотя поздние богатые паны и отправлялись на войну под своими знаками отличия, по примеру немецких и прочих рыцарей, но образцы этих знаков и гербы можно найти почти во всей Европе.

«Сколько существует преданий, народных вымыслов — столько и источников у каждого гербового отличия».

Неудовольствие членов общества вызывало то обстоятельство, что Ходаковский слишком сурово отзывался о служителях веры христианской, обвиняя их в уничтожении памятников старины и примет народности у славян. «Прежде чем обвинять, нужно уточнить само понятие народности», — писали ученые. Однако, несмотря на содержащуюся в замечаниях критику, в заключении указывалось, что «энтузиазм автора и его дальнейшие разыскания завоюют ему подлинную славу и благодарность у всех народов славянских». Варшавское «Общество друзей наук» избрало Ходаковского своим почетным членом, но, за исключением Сташица, Суравецкого, Лелевеля и Раковецкого, не поддержало его планов. Не найдя сочувствия в среде польских ученых, Ходаковский обращает свои взоры к России.

В марте 1819 г. он был уже в Гомеле, где написал свою вторую статью «Рассуждения касательно русской истории». В ней ученый повторил ряд положений из статьи «О славянстве до христианства», настаивал на необходимости изучения живой славянской старины, указывая при этом, что источники такого изучения следует искать не в книгах, а что они «рассеяны по всему пространству земли нашей и требуют многих еще пожертвований и особенно посвящения сему делу».⁵² Кроме того, в «Рассуждении» Ходаковский сделал ряд критических замечаний на только что изданную «Историю государства Российского» Карамзина.

⁵² «Вестник Европы», 1819, ч. CVII, № 19, стр. 278.

«Рассуждение» увидело свет в том же году в журнале «Вестник Европы». Интересна судьба этой статьи. До сих пор было не ясно, каким образом статья Ходаковского могла появиться в московском журнале до приезда его в Петербург (в Москву Ходаковский приехал после Петербурга). Некоторый свет на это обстоятельство проливает письмо Ходаковского к Карамзину от 21 ноября 1819 г. (№ 46). Вот его содержание:

«К удивлению моему, некто из здешних еще до моего приезда в С.-Петербург сообщил в Москву мою статью о „Славянстве“ и замечания на Вашу „Карту России IX столетия“. Она напечатана в последнем номере „Вестника Европы“. Неудовольствие мое я уже обнаружил Василию Михайловичу Попову,⁵³ ибо, адресовав статью на имя одной особы, я не давал права печатать оное, тем паче, что оно не во всей полноте и исправности писано и совсем не для издания в публику. Если вы найдете в оном некоторые места, несообразные с моими мыслями, которые я имел честь изложить вам лично, то прошу не приписывать это какому-либо скрытому умыслу. Я не таил перед Вами моих замечаний, но никогда не решился бы без Вашей воли сделать их всем известными. Зависть — неотлучная спутница великих писателей и напечатание статьи моей в „Вестнике Европы“ есть, без сомнения, ее, а не мое дело».

По всей вероятности, этот «некто» был В. Г. Анастасевич, с которым Ходаковский познакомился через Фр. Рудзского еще в 1816 г. Наше предположение подтверждает письмо Анастасевича Ходаковскому от 24 апреля 1818 г. — одно из четырех имеющихся в бумагах Ходаковского писем этого корреспондента (№ 52). Приводим отрывок из этого письма: «Pismo w Świczeniach naukowych umieszczone postaram się najrychlej podać do któregokolwiek z tutejszych pism periodycznych i spodziewam się że odbierzesz wdzięczność słusznie od <нрзб.> ruskich należącą. Gdybyś czytał nasze dzienniki Соревнователь просвещения и Украинский вестник⁵⁴ znalazł byś w nich towarzyszów pracy swojej ile ciężkiej, tyle chwalebnej co do zbierania pieśni narodowych. Cieszyłem się niezmiernie napadłszy na dwie dawno znane mi piosneczki przez P. Lacha Szymę w N 5 Dziennika Wil[eńskiego] umieszczone w tem jedynie nie zgadzam się z miłośnikami takich szczytków dawnoruskiej czyli ustnej literatur, że nie podobna wierszem tłumaczyć. Trzeba być ukraińcem, żeby czuć sól ukraińskich pieśni. Toż samo powiedzieć można o polskich, o ruskich i w ogóle o narodowych śpiewach. Można dać o nich obcym wyobrażenie w tłumaczeni[u] czyli parafrazić prozą. Można wziąć myśl i naś-

⁵³ В. И. Попов (1771—1842) — директор департамента народного просвещения.

⁵⁴ Названия журналов написаны Анастасевичем по-русски.

ładować — oddać takiego rodzaju pieśni czyli przelać z jednego języka na drugi nie podobna. Nawet czytającemu oryginał, kiedy nie umie języka i właściwego każdemu językowi akcentu i tonu, lecz tylko czyta podług napisanej kopii, nie uda się nigdy sprawić to wrażenie, jakie czujemy słuchając rodowitych śpiewaków i śpiewaczek». ⁵⁵

Во втором письме, от 25 марта 1819 г., Анастасевич сообщает, что отнес статью «О славянстве до христианства» в редакцию журнала «Соревнователь», но пока еще она не могла быть напечатана из-за большого количества ранее поступивших туда статей.

«Разыскания относительно русской истории» и особенно основной тезис — «Сделать развязку, когда род славянский везде и во всех отношениях был единообразный» ⁵⁶ — встретил резкую критику со стороны ревностного поклонника Карамзина Ст. Руссова. В изданном отдельной брошюрой «Обозрении критики Ходаковского на „Историю государства Российского“» Карамзина Руссов писал: «В чем же состоит такая развязка? Перечитал я всю статью несколько раз и не нашел о том ни одного слова. Вместо того доказывает Ходаковский, что Русь не приходила с Рюриком из-за моря, но только получила свое название от русских волос, и что основатель Киева был не Кий, но некто Палкин или просто Палка. Такие догадки давно отвергнуты». ⁵⁷

Хотя Руссов, по его собственным словам, издал свои замечания «единственно для истории и по желанию Ходаковского», ⁵⁸ на деле это была откровенная апология Карамзина, история которого, как писал Руссов, «делает честь нашему времени».

⁵⁵ *Перевод:* Твою статью, помещенную в «Ćwiczeniach naukowych», постараюсь по возможности скорее отдать в какой-либо из здешних периодических журналов и надеюсь, что она принесет тебе заслуженную благодарность со стороны русских. Если бы ты читал наши журналы «Соревнователь просвещения» и «Украинский вестник», то обрел бы в их лице товарищей по собиранию народных песен, работе, сколь тяжелой, столь и похвальной. Я очень обрадовался, обнаружив две давно известные мне песенки, опубликованные Ляхом Ширмой в № 5 «Dziennika Wil[ę]ńskiego». Единственное, в чем я не согласен с любителями подобных шедевров дрезнерусской литературы или устного творчества, что их (песни, — Л. Р.) нельзя переводить стихами. Нужно быть украинцем, чтобы почувствовать «соль» украинских песен. Это же относится и к польским, русским и вообще народным песням. Можно дать о них общее впечатление посредством перевода или переложить прозой. Можно передать мысль и следовать ей, но воспроизвести такого рода песни или «перелить» их с одного языка на другой невозможно. Без знания языка и присущему каждому языку акцента и тона даже читающему оригинал (фактически читающему написанную копию) никогда не удастся создать то впечатление, которое мы получаем, слушая настоящих певцов и певиц.

⁵⁶ З. Д. Ходаковский. Разыскания касательно русской истории. «Вестник Европы», 1819, ч. CVII, № 19, стр. 278.

⁵⁷ Ст. Руссов. Обзорение критики Ходаковского на «Историю государства Российского» Карамзина. СПб., 1820, стр. 6.

⁵⁸ Там же, стр. 129.

Сам же Карамзин поблагодарил Ходаковского за те замечания к «Карте России IX столетия», которые оказались ему дельными, и использовал их в примечаниях к своей «Истории».⁵⁹

30 мая 1819 г. Ходаковский отправил письмо к псковскому губернатору Б. А. Адеркасу (№ 41), где сообщал, что занят планами и подробным описанием уездов (по-видимому, Гомельской губернии), а также упомянул о своем намерении посетить митрополита Евгения, воспользовавшись лошадьми, которые ему обещал Адеркас.

Предвидя трудности в решении поставленной перед собой задачи «изучить весь род славянский», Ходаковский обратился из Гомеля за помощью к куратору Харьковского университета Э. Я. Карнееву, к попечителю Казанского университета М. Магницкому, к псковскому митрополиту Евгению Болховитинову и князю А. Н. Голицыну. Сохранились черновые автографы девяти писем Ходаковского к Голицыну (между 21 июля 1818 и 22 февраля 1823 г., № 4).⁶⁰

В них Ходаковский приводит сведения о работе по составлению общей карты славянских городищ и «Справочного словаря». О причинах, побудивших его начать путешествие, Ходаковский пишет в письме, датированном 20 июля 1820 г.: «Желаю прочесть книгу, которая рассеяна по всему пространству земли нашей. Ибо мы не должны обманывать себя повестями чужих писателей, которые по слуху, отдаленному и невероятному, а еще более по ненависти сказали, что предки наши во всех отношениях были дикарями. Такое предубеждение об отдаленных временах вредно столь же, если бы мы, гордясь нынешним своим просвещением, сказали бы о будущем, что оно далее возвыситься не может. Уважая ученые рассуждения, советуясь со старыми и новыми авторами, на моем пути видел я, однакож, что не все они на земле нашей поверяются и что много есть еще такого, к чему ученая рука не прикоснулась». Знаменательны слова, сказанные Ходаковским о народном языке как источнике культуры:

«Кому мы обязаны всем сокровищем языка нашего, в чьем он был раньше попечении, пока не вошел в книги, нам известные? Ежели бы мы меньше руководствовались модою и дворянством, а почаще бы заглядывали под соломенную крышу поселян, которые не изменили еще своим предкам, то наверное сокровища языка нашего еще более бы умножились».

В письмах к князю Ходаковский подверг критике отдельные положения «Истории» Карамзина и изложил свои замечания

⁵⁹ См.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817, примеч. 102; т. VII, 1817, примеч. 304.

⁶⁰ Из указанных писем опубликованы только два. См.: В. Францев. Польское славяноведение. . . Приложение, стр. СХVI—СХIX.

к «Карте России IX столетия». В заключение польский ученый писал: «Я совсем не намерен оспаривать славы Невского Плутарха — и на его место даже мысленно поставить себя не могу. Знаю, что труднее сочинять, чем критиковать. Моя цель другая — указать, какое есть предприятие мое. Оно родилось и росло 5 лет посреди юных ляхов, возмужать же должно подкреплением могущественной России».

Заручившись рекомендациями князя Чарторыйского к канцлеру графу Н. П. Румянцеву, в конце 1819 г. Зориан Доленга-Ходаковский отправился в Петербург.

Приехав в конце 1819 г. в Петербург и стремясь как можно полнее разработать план ученого путешествия, Ходаковский обратился 3 ноября 1819 г. с письмом к Сташицу, в котором просил сообщить ему, какие вопросы, по мнению специалистов, необходимо глубже исследовать во время будущей поездки. 20 декабря 1819 г. состоялось очередное заседание варшавского «Общества друзей наук», целиком посвященное реферату И. Лелевеля, разработавшего для Ходаковского специальную инструкцию.

3 декабря 1819 г. Доленга-Ходаковский вновь апеллирует к князю Голицыну. Судя по выписке из журнала Главного управления училищ от 24 апреля 1820 г., посвященной рассмотрению данного письма (№ 5, копия рукою Ходаковского), Ходаковский переслал Голицыну письма разных лиц к нему и обращение Виленского университета, в котором было сказано: «... во уважение похвального предприятия г. Ходаковского просим как всякого особо, так равно и всех чинов и обществ в Государстве и за границею, дабы благоволили оказывать ему доверенность свою и покровительство, позволяя ему посещать библиотеки, публичные и частные, равно и архивы, делать выписки, а в случае нужды списывать копии и пр.».

В этом письме Ходаковский повторил свое мнение о «Карте России IX столетия» Карамзина и просил аудиенции у князя Голицына. Рассмотрев письмо, Главное управление училищ рекомендовало Ходаковскому вступить в переговоры с самим Карамзиным, Карамзина же оно просило сообщить свое мнение по данному вопросу. В постановлении управления было записано следующее: «От Ходаковского истребовать обстоятельного плана, каким образом думает он произвести в действо ныне свое предприятие, какой путь он возьмет для путешествия, чем будет заниматься, сколько времени могут разъезды его продолжаться и какого именно пособия испрашивает себе от правительства».

В Петербурге Ходаковский познакомился с рядом влиятельнейших лиц того времени — адмиралом Шишковым, Уваровым, Магницким, Сестренцевичем, Кукольником и Карамзиным. Вольное общество любителей российской словесности избрало его своим

членом. Не исключена возможность, что уже в конце 1819—1820 гг. с именем Ходаковского познакомился и молодой Пушкин.⁶¹

Карамзин поддержал планы Ходаковского и в ответе князю Голицыну выразил надежду, что «своими разысканиями, описанием городищ и лексиконов, собиранием произведений народного творчества путешественник окажет немалую услугу русской истории».⁶²

18 марта 1820 г. Ходаковский представил А. Н. Голицыну «Проект ученого путешествия по России».⁶³ Проект Ходаковского поступил на рассмотрение Научного комитета Академии наук. После благоприятного отзыва Карамзина⁶⁴ и рецензента Н. И. Фуса, который признал за автором пространную начитанность в русской и польской истории и обширные познания по географии славянских земель и счел его путешествие полезным для отечественной истории, А. Н. Голицын доложил Александру I. Путешествие Ходаковского было санкционировано правительством.

В обширном трактате, каким явился «Проект ученого путешествия», Ходаковский впервые изложил свою систему городищ и свои намерения: «...исходить Россию в четырех направлениях и лично осмотреть те места, от которых произошли местные названия славян; исследовать главные областные наречия; наблюдать и изучать обряды, игры, песни; нанести на карту городишные насыпи и тем определить пределы древней Руси, собирать все, что может служить объяснению древности — монеты, посуду, письменные памятники и т. д.». Для выполнения намеченной программы Ходаковскому определили 4 года. Получив от русского государства 3000 руб. серебром, в августе 1820 г. Ходаковский начал свое знаменитое путешествие по России. В записке к попечителю Петербургского учебного округа Д. П. Руничу от 10 августа 1820 г. он писал: «Зориан Доленга-Ходаковский намерен отправиться в дорогу 12 числа нынешнего месяца, чтобы посещать внуков Радогоста⁶⁵ на Святой Руси, собрать сокровища старины и оправдать все предложенное им».⁶⁶

Из Петербурга путь Ходаковского лежал на Север: В. Н. Карамзин в своем письме от 8 августа 1820 г. поздравил Ходаковского

⁶¹ Ф. Я. Прийма. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве». ТОДРЛ, т. VIII, Л., 1951, стр. 74.

⁶² Письмо Н. М. Карамзина к Голицыну в кн.: В. Францев. Польское славяноведение... Приложение, стр. СХVIII.

⁶³ «Проект ученого путешествия по России» опубликовал журнал «Вестник Европы» (1820, ч. СХIII, № 17, стр. 30—56; № 18, стр. 99—118).

⁶⁴ См.: Письмо Карамзина князю А. Н. Голицыну от 23 февраля 1820. В кн.: В. Францев. Польское славяноведение... Приложение, стр. СХVIII. Копия с письма, сделанная П. И. Кеппеном, хранится в Архиве АН СССР (фонд Кеппена, оп. 1, № 74).

⁶⁵ Радогост — бог гостеприимства у западных славян и сербов.

⁶⁶ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом), ф. 263, оп. 2, № 475 (далее: ИРЛИ).

с добрым началом и посоветовал ехать на Ладогу через Царское село и Павловск (№ 70).

Мы не располагаем абсолютно точным маршрутом путешественника, но известно, что он посетил Тверь и Новгород. В Новгороде Ходаковский встретился с П. И. Кеппеном, с которым был знаком еще по Петербургу.⁶⁷ Вместе с ним он внимательно осматривал тамошние монастыри, церкви и другие памятники старины.⁶⁸

О ходе путешествия Ходаковский сообщает в своих письмах к В. М. Попову (№ 47).⁶⁹ В первом из них он пишет, что «не склонен забавлять читателя своей личностью и даже предметом, который еще не совершенен и о котором судить можно лишь после многих соображений и личной проверки», во втором — что уничтожил, как несовершенное, свое донесение, написанное им в Новгороде.

В марте 1821 г. Ходаковский представил князю Голицыну первый отчет о своих трудах. Отчет поступил на рассмотрение Н. Фуса, который на этот раз дал менее благоприятный отзыв. От Фуса отчет и карта Ходаковского были переданы Карамзину. В письме к князю Голицыну от 23 декабря 1822 г. Карамзин выразил свое согласие с Фусом.⁷⁰

Из поездки по северу Ходаковский возвратился в Москву. Живя в Москве в 1821—1823 гг., ученый напряженно работает

⁶⁷ Известно, что Кеппен одобрительно отзывался о деятельности Ходаковского — собирателя памятников старины в Вольном обществе. Имея в виду похвалу Кеппена, Ходаковский сообщал в записке А. А. Никитину 6 мая 1820 г. (ИРЛИ, ф. 58, № 4, л. 241), что в благодарность за милостивый отзыв Кеппена и в знак расположения к нему он оставил в его альбоме следующую запись: «Wędrownik od Wisły miał przyjemność widzieć się z P. Kerpem w Wielkim Nowogrodzie i w pamięć swojej Ojczyzny więcej niżeli siebie zostawia tu wiersz Krasickiego: Święta miłości kochany Ojczyzn» (Путешественник, родом с Вислы, имел удовольствие видеться с Кеппеном в Великом Новгороде и в память своей родины более, нежели о себе самом, оставляет ему стих Красицкого: Святая любовь к дорогой Родине) (ИРЛИ, 10102, X, т. 24, л. 55). Кеппен повторил этот отзыв в статье «Über Altertum und Kunst in Rußland» (Wien, 1822, стр. 26—27). Кеппен также очень внимательно изучал материалы путешествия Ходаковского по России. В бумагах Кеппена (Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 74) имеется 80 листов о путешествии Ходаковского по России. Путешествуя по Югу России, Кеппен, хотя и не обнаружил славянских городищ, на которые указывал Ходаковский, но не отрицал научных заслуг последнего и призывал изучать рукописное наследие польского путешественника (см.: «Библиографические листы», 1826; № 38, стр. 504).

⁶⁸ Об этом см.: Ф. П. Кеппен. Биография П. И. Кеппена. СОРЯС, т. LVXXIX, СПб., № 5, 1911, стр. 46.

⁶⁹ Письма к В. И. Попову написаны между 13 июля 1820 и 13 июня 1822 г. Еще шесть писем Ходаковского к Попову опубликовал В. Францев (Польское славяноведение..., Приложение, стр. СXXX—СXLVIII).

⁷⁰ См.: В. Францев. Польское славяноведение..., стр. CL—CLI; Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, № 74, стр. 10 (копия рукой Кеппена).

над составлением общей карты «славянского городства», словарем географических названий и картой славянских племен. В основу этих работ легли собственные наблюдения Ходаковского, а также сведения, полученные им в Московской межевой канцелярии и с мест.

В бумагах Ходаковского находятся тридцать писем, связанных со сбором этнографического материала. Это обращение Ходаковского к отдельным лицам и ответы ему. Иллюстрировать характер подобных обращений может его письмо к попечителю Харьковского учебного округа З. Карнееву, от 18 июня 1819 г., которое заканчивалось словами: «Во имя любви Святой Руси всех молю дабы благоволили способствовать мне своею наукою и местными сведениями».⁷¹

Лишь некоторые из ответов Ходаковскому были в свое время опубликованы (Макарова,⁷² Бояркина,⁷³ Глаголева⁷⁴), остальные остались в рукописи. Их можно разбить на следующие группы:

I. Письма Ходаковского к частным лицам: И. М. Зеленскому. Черновой отпущ. О работе над картой славянских городищ (№ 45); графу Н. П. Румянцеву. 3 письма. Черновой автограф. О собирании материала для карты славянских городищ и «Сравнительного словаря» (№ 48); неустановленному лицу. Черновой автограф. Возвращение географических карт. Замечания о городищах в Могилевской губернии (№ 49); неустановленному лицу. Отрывок. На польском языке. Черновой автограф. О своих научных планах (№ 50).

II. Письма частных лиц Ходаковскому: от Волловича. Белосток. О поветовых картах Белостокской губернии. 1823 (№ 6); Евграфа Воронцова-Вельяминова. Тверь. Благодарность за присланные в Тверскую гимназию реликвии. 8 декабря 1821 г. (№ 62); М. Добжаньского. О материалах этнографического порядка, июль 1819 г., на польском языке (№ 67); Н. М. Катенева, землемера из Новой Ладogi. Препроводительное к посылаемому плану Новой Ладogi. 30 де-

⁷¹ См.: «Киевская старина», т. XXXIII, Киев, 1891, стр. 469—475. — Письмо Ходаковского, написанное по-польски, перевел для Карнеева П. А. Гулак-Артемовский. Ему же было поручено составить ответ просителю (см.: письмо П. А. Гулака Ходаковскому от 22 декабря 1819 г. (№ 66)).

⁷² М. Н. Макарова. 1) Письмо к редактору журнала «Вестник Европы», 1820, ч. CXIII, № 20, стр. 306—310; 2) Другая записка для Доленга-Ходаковского. Там же, ч. CXIV, № 21, стр. 191—204.

⁷³ А. Бояркин. Городище на реке Сарре. «Вестник Европы», 1820, ч. CXIII, № 20, стр. 311.

⁷⁴ А. Глаголев. Записка о городищах, курганах и других старинных насыпях в Тульской губернии. «Вестник Европы», 1820, ч. CXIV, № 21, стр. 184—191.

кабря 1821 г. (№ 72); Коропачинського. Киев. О сборе материалов о народных обычаях. 28 января 1815 г., на польском языке (№ 74); Л. Кропиньского. Четыре письма. О сборе этнографических материалов. 24 июня 1818—10 февраля 1819 и т. д. на польском языке (№ 75); В. Кукеля. Сообщение сведений о местечке Шаполе и урочище Звенигороде. 18 августа 1823 (№ 78); Ивана Николаевича Лобойко. Восемь писем. О трудах адресата по составлению карты и словаря славянских городищ. О рецензии Лелевеля на монографию Н. М. Карамзина (февраль 1822—25 ноября 1823) и т. д. (№ 78); Алексея Петрова, протоиерея. Кашин, от 23 ноября 1821 г. Обещание прислать сведения о городищах около Белого Камня, Бурова и Семеновского (№ 80); Платера (Plater). Два письма. 12 июня б. г. (№ 81), Фр. Рудзкий (Rudzki). Два письма личного и делового характера. Кременец. 1818—1820; Павла Ивановича Свиньина. Желание ознакомиться с планом болгарских названий. 24 июня б. д. (№ 85); И[вана Михайловича] Снегирева, профессора Московского университета. Два письма о городище на реке Яченке у Калуги. 23 августа б. г. и б. д. (№ 86); Сорока Ежи (Sóroka Jerzy). Сообщение этнографических сведений 18 августа 1819 г. на польском языке (№ 87); Федора Шишкова. Письмо относительно плана какой-то местности, 1822 (№ 90); М. Ярошиньского (Jaroszyński). О сборе народных песен. 24 марта 1819 (№ 93); Л. С. [Łukasz Gołębiowski]. Лукаша Голембёвского. Три письма. О материалах по истории славян. 7 мая—30 января 1821 г., на польском языке (№ 96).

Сюда же примыкают следующие письма неустановленных лиц:

Стефана (Stefan). Острог. О названиях местностей. 16 августа 1823 г. Подпись — автограф, на польском языке (№ 95); неустановленное лицо. Об урочище 18 апреля 1822 г. (№ 99); неустановленное лицо, член Общества любителей российской словесности при Московском университете. Справка о селах Городное и Липовка (№ 100); неустановленное лицо. Благодарность за присланные материалы по истории (№ 101).

Чисто личный характер носят письма Ходаковскому от Водзицкого (Wodzicki) на польском языке, от 9 декабря б. г. (№ 60); Кошелева Андрея, в доме которого на 4-й Мещанской в Москве жил Ходаковский (№ 73); Закрецкого (Zakrecki), на польском языке. 12 ноября б. г. (№ 69); Ильи Строи[лова]. Два письма 1821 г. (№ 88); Дмитрия Язы-

кова. Два письма 31 марта 1821—14 июля 1823 (№ 92); неустановленного лица, на польском языке, б. д. (№ 98).

III. Ответы губернаторов на запросы Ходаковского: гражданского губернатора Владимирской губернии П. И. Апраксина о Городище Муром в Муромском уезде от 7 сентября 1823 г. (№ 53); тверского губернатора Н. С. Всеволожского, б. д., уведомление о возвращении географической карты (№ 63); минского гражданского губернатора В. И. Гечевича, от 22 августа 1822 г., на польском языке (№ 64); волынского гражданского губернатора В. К. Гжицкого от 8 февраля 1823 г., на польском языке (№ 65).

IV. Ответы консисторий: Виленской римско-католической консистории (за подписью Кишки-Эгерского) о сборе материалов, на польском языке (№ 59).

Приведенная переписка свидетельствует об обширных научных связях Ходаковского, о готовности многих людей помочь ему. Материально и духовно поддерживают Ходаковского его московские друзья — Н. А. Полевой, М. П. Погодин, И. М. Снегирев и др. По свидетельству Н. Полевого,⁷⁵ он познакомился с Ходаковским в 1822 г. С этого времени Ходаковский часто бывает в доме Полевого, с которым у него установились хорошие дружеские отношения. Вот что пишет Полевой уехавшему из Москвы Ходаковскому 24 сентября 1824 г. (№ 82): «Благодарю за Ваше письмо. Вас все помнят и любят, как прежде».

Делясь с Ходаковским петербургскими новостями, Полевой продолжает: «Статья Ваша о князе⁷⁶ напечатана и принята с уважением. Заметили слова ваши о множестве географических ошибок у Карамзина», и спрашивает у Ходаковского, намерен ли тот посылать еще статьи Булгарину. «Поберегите же и мне, — добавляет Полевой, — я уже подал объявление о журнале и теперь оно у министра. Хоть о путях Варяжских мне, или как вы сами рассудите».⁷⁷ В конце письма рукою Ксенофонта Полевого была сделана следующая приписка: «Не забудьте вспомнить и обо мне, который помнит и любит вас».

Заслуживает также внимания второе, недатированное, письмо Н. Полевого Ходаковскому: «Где вы, что с вами? К нам возвратился наш офицер Тернберг и ему препоручено сделать маршрут для похода в Кострому — почему и просит он, и я с ним вместе.

⁷⁵ «Сын отечества», 1839, т. VIII, отд. VI, стр. 89—90.

⁷⁶ Речь идет о статье «Опыт изъяснения слова „князь — książdz“» («Северный архив», 1824, ч. X, стр. 219—241).

⁷⁷ Сведений о сотрудничестве Ходаковского в журнале Н. А. Полевого «Московский телеграф» обнаружить не удалось.

одолжить на малое время вашего атласа большого, хоть при вас сделает он выписки. Н. Полевой». (№ 82).

Довольно много упоминаний о Доленге-Ходаковском содержат дневники И. М. Снегирева за 1823—1824 г.,⁷⁸ свидетельствующие, что в то время они нередко встречались. Вот некоторые из них:

15 марта 1823 г. У меня был Полевой с Ходаковским...

22 марта. Пошел к Полевому. Читал с ним Вестник, утверждающий, что капище значит идол.

Ходаковский замечает, что капище от копит, купа и значит сборище. Вероятнее это, чем от капаю, как производит Каченовский.

От Полевого зашел к Киреевским, поздравить И. В. с его рождением. Они жаловались на долгосидение Ходаковского и хвалились своим долготерпением. Ходаковский сказывал Киреевскому, что в Нижегородской губернии он слышал от крестьян слово митра в значении солнце...

25 марта. Вечеру сидел Ходаковский, который рассказывал о снах и утверждал, что сны, виденные под утро, справедливы...

30 марта. Дома нашел Ходаковского, который говорил что Киевская губерния была под властью Польши под именем Киевского воеводства, так равно и Вольнская, Черниговская и пр. <...>

9 апреля. После обеда заходил к Ходаковскому, смотрел с ним карту Калуги, заметил, что в гербе Козельска 5 ушей и 5 крестов, что означает убиение татарами 5 князей российских...

9 мая. Отобедав дома, я пошел гулять по улицам, зашел сперва к Ходаковскому, который читал мне критику на Калайдовича. Я заметил, что она пристрастна...

24 марта 1824 г. Снегирев сделал следующую запись: «Я взялся доставить письмо от Г (?) к Ходаковскому через Полевого».

Осенью 1822 г. И. М. Снегирев сблизился с Погодиным. Они довольно часто посещают друг друга, беседуют о Шлецере, Миллере, Новикове, об истории и о русских древностях. У Снегирева Погодин нередко встречал Ходаковского. В своем дневнике от 5 апреля Погодин записал: «Видел Ходаковского, Калайдовича.

⁷⁸ И. М. Снегирев. Дневники, т. I. СПб., 1904—1905, стр. 8—13, 22, 142, 335.

Было приятно находиться между людьми деловыми».⁷⁹ Из другой записки Погодина видно, что Ходаковский был постоянным участником заседаний только что созданного литературного общества Раича. 24 февраля 1823 г. Погодин записал: «Ужас, что читали. Видел Ходаковского. Как бы стыдились говорить с ним».⁸⁰ Смысл последних слов Погодина становится понятным, если вспомнить, что «Донесение о первых успехах путешествия Э. Доленга-Ходаковского, из Москвы, 1822» не встретило поддержки русских ученых.⁸¹ В постановлении Ученого комитета императорской Академии наук указывалось, что, хотя «опыты Ходаковского и любопытны, но польза оных весьма посредственна и отнюдь не такова, чтобы она могла вознаградить значительные издержки, и что доселе ни один пункт нашей истории не получил новых и достопримечательных обогащений, каковых при ограниченном предмете исследований Ходаковского и впредь ожидать не можно». Государственная субсидия была прекращена.

Однако ученый-энтузиаст не прервал свои научные разыскания вплоть до самой смерти. В отделе рукописей Государственной библиотеки им. Ленина в Москве хранится записная книжка⁸² Ходаковского, содержащая заметки о Ломоносове. Обнаруживший эту записную книжку польский ученый С. Фишман⁸³ полагает, что она составлена Ходаковским в Москве, уже после прекращения субсидий.

Обращение к Ломоносову, в частности, к его знаменитому трактату «О пользе книг церковных», который Ходаковский перевел на польский язык, свидетельствует о том, что ломоносовский текст содержал ряд положений, напоминавших в известной мере Ходаковскому его собственные мысли, изложенные в статье «О славянстве до христианства», особенно в вопросе о влиянии католической и православной церкви на сохранение языка и культуры древних славян.

⁷⁹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. I, СПб., 1888, стр. 161.

⁸⁰ Там же, стр. 213.

⁸¹ Не раз делались попытки объяснить неудачный финал путешествий Ходаковского нерасположением к нему отдельных русских ученых, сведением с ним личных счетов. Так, А. Пыпин и Р. Гавронский считали виновником Калайдовича, «Письма из Рязанских земель» которого критиковал Ходаковский. В. Францев вслед за самим Ходаковским винил Карамзина. Вероятнее же, что отрицательное отношение к плану Ходаковского явилось результатом обострения реакционного курса Министерства просвещения в России.

⁸² Записная книжка Ходаковского содержит перевод посвящения Дамаскина, под редакцией которого в 1778 г. вышло собрание сочинений Ломоносова в трех томах, жизнеописание Ломоносова, список его трудов и перевод трактата «О пользе книг церковных».

⁸³ S. F i s z m a n. Zoriana Dołęgi-Chodakowskiego «Notacie o Łomonosowie». «Slavia Orientalis», Warszawa, 1962, № 2, стр. 153—158.

Последние годы жизни Ходаковский провел в Твери. Здесь, лишенный возможности продолжать свои научные опыты, без средств, в апреле 1825 г. Ходаковский скончался. Некролог, помещенный в газете «Северная пчела», гласил: «Мы получили на сих днях известие, что почтенный изыскатель славянских древностей Э. Я. Доленга-Ходаковский скончался в прошедшем ноябре месяце в Тверской губернии. Бумаги его находятся в Москве, у одного приятеля. Желательно, чтобы оные не были потеряны для нашей литературы».⁸⁴

При жизни Ходаковский сумел опубликовать лишь незначительную часть своих сочинений. Оставшиеся после него бумаги ожидала любопытная судьба. Умирая и оставляя после себя только одни долги, Ходаковский завещал жене передать его бумаги самому надежному из его друзей Н. А. Полевому, которого просил распорядиться ими: ценное — опубликовать, остальное продать, а вырученные деньги переслать жене. Следовательно, приятель, о котором упоминала «Северная пчела», был Н. А. Полевой. О дальнейшей судьбе наследия Ходаковского, переданного Полевому, известно из записок Ксенофонта Полевого, брата писателя. По его словам, Николай Алексеевич обещал жене Ходаковского распорядиться согласно завещанию, но не нашел в доставшихся ему материалах Ходаковского ничего, кроме нескольких фолиантов с записями городов, ряда разрозненных книг, большого числа тетрадей и листов, описанных по-польски. Не зная польского языка и надеясь обнаружить в бумагах что-нибудь ценное, Николай Полевой обратился за советом к А. Мицкевичу, Ш. Малевскому и Г. Дашкевичу, с которыми познакомился зимой 1825 г. Но и они ничего интересного в бумагах Ходаковского не нашли.

Ксенофонт Полевой в своих «Записках» так говорит об этом: «Между тем вдова Ходаковского писала моему брату, напоминая о его обещании, наконец, приехала в Москву. Тут брат откровенно объяснил ей все дело, т. е. что в рукописи покойного не нашлось ничего, достойного напечатания, а продать их кому-нибудь довольно трудно. Вдова ушла, разумеется, недовольная таким разочарованием. С такими понятиями, вероятно, она нажаловалась кому-нибудь из своих знакомых, что Полевой обижает ее, и когда дело дошло до „друзей“ Николая Алексеевича, желавших всячески навредить ему, они придумали выставить его чуть ли не уголовным преступником. В одно прекрасное утро он получил приглашение явиться к военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну».⁸⁵

⁸⁴ «Северная пчела», 1826, № 28.

⁸⁵ Ксенофонт Полевой. Записки. СПб., 1888, стр. 214—215.

По поводу жалобы, поданной Ходаковской князю Голицыну, Ксенофонт Полевой писал, что «Николай Алексеевич знал и мог назвать людей, которые уговорили невежественную женщину подать низкий извет. . .». Но кого подразумевал Полевой, до сих пор оставалось неизвестным. В примечаниях к «Запискам» К. Полевого по поводу приведенного нами места В. Н. Орлов пишет:

«Что касается эпизода с бумагами Ходаковского, то мы не располагаем никакими материалами, которые могли бы дополнить или уточнить рассказ Кс. Полевого (ответ Н. Полевого на жалобу вдовы Ходаковского неизвестен). Не знаем также, кого имел в виду Кс. Полевой, заявляя, что брат его „мог бы назвать людей“, подговоривших вдову Ходаковского подать извет на Полевого“, судя по тому, что это был человек, знающий историческую литературу, можно предположить, что подозрения Полевого пали на Погодина».⁸⁶

Некоторый свет проливает на это письмо А. А. Шишкова⁸⁷ к С. Т. Аксакову от сентября 1830 г. В его письме сказано: «Один из ученейших Археологов посвятил целую жизнь свою изысканиям древностей, таящихся в наречиях, поверьях, местностях Словенских народов, и собрал богатейшие сокровища. Чудным образом все рукописи и материалы достались после его смерти Полевому, и вот источник (нелепых впрочем) толков его о Санскритском языке, материалы его Истории! Пушкин и Вяземский умоляли Глинку⁸⁸ упросить вдову этого человека одной строкой упомолочить их на отнятие у Полевого золотого рудника, но Глинка, по некоторым обстоятельствам, тогда отказался. Теперь же познакомил меня с нею, и опись бумагам, доверенность в моих руках. Как только буду иметь малейшее средство приехать в Москву, то явлюсь туда грозой для тати-Полевого, и я докажу всем, что он вор и вырву из рук последнее его сокровище».⁸⁹ — Повидайся нарочно с Пушкиным, и стороной заговори об этом, ты увидишь, что он тебе скажет. Да, мой друг, это оружие повернее всех полемических распрей».⁹⁰ Из этого письма следует, что братья Полевые

⁸⁶ Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Редакция, вступительная статья и комментарии Вл. Орлова. Л., 1934, стр. 428—439.

⁸⁷ А. А. Шишков — племянник адмирала, писателя и министра народного просвещения А. С. Шишкова. С С. Т. Аксаковым был близко знаком с детства и впоследствии поддерживал дружеские отношения, как следует из приводимого нами письма.

⁸⁸ Речь идет о Глинке Федоре Николаевиче (1786—1880), поэте и прозаике, авторе популярных в свое время «Писем русского офицера».

⁸⁹ Сделал ли что-либо в этом направлении А. Шишков — нам не известно.

⁹⁰ Письмо опубликовано М. Цявловским. См.: Летопись Государственного литературного музея, кн. 1. Пушкин. М., 1936, стр. 480—487.

знали или догадывались о некотором участии в этом деле Пушкина и Вяземского, но, кто был автором бумаги Голицыну, неясно и из письма Шишкова. Составителем прошения мог быть и Ф. И. Глинка, и А. А. Шишков, и, наконец, М. П. Погодин.

После жалобы жены Ходаковского Полевой просит предводителя местного дворянства графа А. И. Гудовича принять от него эти бумаги. По всей вероятности, они вновь попали вдове Ходаковского, ибо именно у нее М. А. Максимович приобрел часть песен, собранных Ходаковским.⁹¹ Эти песни Максимович использовал в своих сборниках народных песен, которые он издавал в 1827, 1834 и 1849 гг. В предисловии к последнему сборнику сказано: «В шести частях будет помещено около двух тысяч песен. Половина собрана мной самим. Другая половина и множество вариантов получено от разных лиц, со всех концов Южной Руси. Сюда принадлежит и собрание русских песен, преимущественно Волинских, доставшихся мне после покойного Э. Я. Ходаковского».

Часть писем была обнаружена в собрании В. Науменко,⁹² издателя журнала «Киевская старина», и в настоящее время находится в Архиве Украинской академии наук.

Все бумаги Ходаковского, за исключением песен, в 1836 г. приобрел М. П. Погодин. Вступив в должность секретаря императорского Общества истории и древностей российских, М. Погодин начал издавать в 1837 г. журнал «Русский исторический сборник». На страницах этого журнала увидели свет основные труды Ходаковского.

Первый том сборника открывался статьей Ходаковского «Рассуждение о водных путях древней России».

«Я очень рад, — писал в предисловии Погодин, — что мог, исполняя местное поручение общества, сообщить публике поучительные рассуждения Ходаковского, бывшего нашего члена, найденные мною в его бумагах. В рассуждении о древних путях сообщения мы знакомимся короче с нашими первыми князьями, их образом действий, с их плаваньями по всем ближним рекам и морям».⁹³

Ученые обратили серьезное внимание на это рассуждение. «За статью Ходаковского, — писал виленский профессор Лобойко По-

⁹¹ Об этом: в письме Максимовича к П. А. Кулишу от 14 ноября 1856 г. («Русская беседа», 1857, кн. 5, стр. 39).

⁹² Как сообщает М. Азадовский (История русской фольклористики, стр. 284), В. П. Науменко предполагал опубликовать записки Ходаковского, но умер, не выполнив своего намерения. Копия, которой располагал Науменко, имеет заглавие: Украинские песни, собранные Ходаковским, т. I—II. Несколько песен, записанных Ходаковским, помещено было в «Вестнике Европы» (1829, ч. CLV, № 4, стр. 244—250).

⁹³ «Русский исторический сборник», М., 1837, т. I, стр. 1.

годину, — ученый мир вам очень благодарен. Вы первый оценили достоинства этого редкого изыскателя, тогда как многие считали его сумасбродом. Ходаковский может служить примером тому, что может сделать поляк для нашей истории, если ему доступна русская словесность».⁹⁴ Далее Лобойко предлагал Погодину ввести в Москве обучение польскому языку, по крайней мере для филологического употребления.

Впоследствии мысль Ходаковского о существовании двух волоков между Днепром и Ловатью (согласно русской летописи, волок был один) историк и публицист Н. П. Загоскин называл «любопытной и заслуживающей несомненного внимания».⁹⁵

В том же году М. Погодин поместил возражения Ходаковского Калайдовичу под заглавием «Историческая система Ходаковского».⁹⁶ В последующие годы им были опубликованы: «Путевые заметки Ходаковского»,⁹⁷ «Отрывки из путешествия», «Сопки», «Донесения о первых успехах путешествия по России».⁹⁸ В 1891 г. журнал «Киевская старина» поместил на своих страницах письмо Ходаковского к Карнееву. Таким образом, почти все труды, вышедшие из-под пера ученого, увидели свет на страницах русской периодической печати.⁹⁹ Как видно из сказанного, Ходаковский не окончил начатого им дела, а многие научные выводы устарели. Но почти в каждой из поставленных им проблем были оригинальные догадки и тонкие наблюдения. Так, хотя система городищ, выдвинутая Ходаковским, в целом была отвергнута уже его современниками (Калайдович,¹⁰⁰ Самоквасов¹⁰¹ и др.), тем не менее она содержала многочисленные замечания о границах и характере поселений древних славян, которые сохраняют свое значение и в наши дни. Видя в городищах памятники высокоорганизованной духовной жизни славян, Ходаковский опровергал мнение о дикости и варварстве славян, а в свете его выводов и церковь выглядела не как рассадник культуры, а как ее душитель. Особенно острыми были нападки Ходаковского на польское католическое духовенство.

⁹⁴ Отрывок из письма приведен Н. Барсуковым (Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V. 1892, стр. 63—64).

⁹⁵ Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судебное дело в допетровской России. Казань, 1900, стр. 49.

⁹⁶ «Русский исторический сборник», М., 1837, т. III, стр. 2—109.

⁹⁷ ЖМНП, 1838, ч. XX, стр. 479—527.

⁹⁸ «Русский исторический сборник», М., 1837—1844, тт. I—III и VII.

⁹⁹ Известно, что Д. Ходзько обнаружил в бумагах Ходаковского рукописный перевод повести Н. Карамзина «Марфа Посадница». Рукопись эта, озаглавленная «Marfa Konsulentka, czyli podbicie Nowhorodu», хранится в библиотеке музея Чарторыйских; ненапечатанной осталась также часть словаря географических названий, не вошедшая в «Сравнительный словарь».

¹⁰⁰ Об этом в статье: К. Калайдович. Письма об археологических исследованиях Рязанской губернии. М., 1823.

¹⁰¹ Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, стр. 100.

Принятие христианства явилось, по его словам, «межевым столбом», разграничившим две эпохи польской истории: эпоху «народной истории» (*dziejów narodowych*), «народного духа», который проявлялся в свободной и высокоорганизованной культуре и эпоху «лоска» (*epoca polowy naszego*), как он ее иронически называл, означавшую гибель «народности».¹⁰²

Ходаковский несомненно преувеличивал значение языческой обрядности, когда объяснял ею происхождение географических названий, но он настойчиво боролся против явно несостоятельных попыток возвести топонимику к мифологическим князьям и героям, свести историю к деятельности отдельных личностей. Для Ходаковского народ, язык народа были единственными источниками обогащения культуры.

Вполне современными кажутся требования Ходаковского «писать историю народа не так, чтобы было занимательно, а считать обязанностью вскрывать правду», не замыкаться в кабинетах, или, как он говорил, «не прирастать к креслу», а изучать жизнь народа, его душу.¹⁰³

Ходаковский явился творцом нового метода исторического исследования, основанного на использовании данных исторической географии.¹⁰⁴

Еще больше заслуги Ходаковского-этнографа. Он был не только собирателем народных песен и сказаний украинских, русских и польских, но и прекрасным знатоком народного быта.

До Ходаковского на «культуру народа смотрели как на множество различных предрассудков, примитивных и грубоватых рассказов и песенок, которые частично старались истребить, частично терпели».¹⁰⁵ Ходаковский первым увидел в народе источник обогащения народной культуры. «Своим обращением к народности, — писал Пыпин, — Ходаковский положил первое основание новому направлению польской поэзии, давшей ей Мицкевича».¹⁰⁶

¹⁰² Об этом см.: А. Порре. *U źródeł postępowej historiografii...*, стр. 26.

¹⁰³ Х о д а к о в с к и й. Путевые заметки. ЖМНП, 1838, ч. XX, стр. 489.

¹⁰⁴ Известно, что Карамзин внес более двадцати поправок в свою «Историю государства Российского», извлеченных из замечаний Ходаковского. Известный чешский ученый Шафарик в 1840—1842 гг., получив возможность через М. П. Погодина ознакомиться с географическим словарем Ходаковского, переписал его, а также использовал ряд других его материалов. Об этом см.: Письмо Погодина к Шафарику. В сб.: Письма Погодину из славянских земель. М., 1879, стр. 169—173; M. S z y j k o w s k i. *Polska učást v českém narodním odrodzení cz. II*, Praga, 1935, стр. 241—249. Шафарик внимательно следил за польской литературой, но особенно его занимали труды Раковецкого, Маевского, Линде и Ходаковского. Об этом см.: Karel P a u l. *Slovanští badatelé v Sařarikovych slovanských starozitnostech*. «Slavia», 1939, 1—2, стр. 221—222.

¹⁰⁵ J. B y s t r o Ń. *Kultura ludowa*. Warszawa, 1947, стр. 376.

¹⁰⁶ А. П ы п и н. История русской этнографии, т. III, стр. 381.

Имя Ходаковского снискало широкую популярность среди польских романтиков, деятельность его явилась стимулом для многих его последователей.¹⁰⁷

Живой интерес вызвали в России песни, собранные Ходаковским. Часть их, как указывалось выше, купил у вдовы Ходаковского М. Максимович. В 30-е годы польскими сборниками народных песен заинтересовался Н. В. Гоголь. Это видно из его писем к Максимовичу. 9 ноября 1833 г. Гоголь писал Максимовичу: «Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песен из собрания Ходаковского. Как бы я желал быть с вами и пересмотреть их вместе...». И далее: «Я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщенных вам мною. Сделайте милость, и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песен...».¹⁰⁸

М. Максимович удовлетворил просьбу Гоголя и отослал ему «две толстые рукописные книги», которые, по мнению С. Красильников, и были рукописями с песнями Ходаковского.¹⁰⁹

Дважды имя Э. Я. Доленга-Ходаковского упоминает А. С. Пушкин. В первый раз в поэме «Езерский»,¹¹⁰ второй раз в статье «Песнь о полку Игореве» (1836).¹¹¹ Здесь мы читаем следующее: «Ни Карамзин, ни Ерм[олаев], ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не подвергали сомнению подлинность „Песни о полку Игореве“». «Это свидетельство того, — пишет советский литературовед Ф. Прийма, — что Пушкин видел в Ходаковском не самоучку и не чудака, а ученого, мнение которого о знаменитой поэме он считал значительным».¹¹² Высокая оценка деятельности Ходаковского Пушкиным видна из цитированного выше письма А. Шишкова к С. Аксакову.¹¹³

До недавнего прошлого оставались забытыми удачно подмеченные Ходаковским некоторые особенности «Списка русских городов дальних и ближних», памятника XV в., который с легкой руки Карамзина считался компилятивным и причислялся к памятникам литературным. Ходаковский пробовал возразить против этого, но не сумел достаточно научно обосновать свои выводы. Новейшими

¹⁰⁷ J. Bystroń. Kultura ludowa, стр. 146, 378, 381.

¹⁰⁸ Н. В. Гоголь, Собрание сочинений, т. X, Л., 1940, стр. 284.

¹⁰⁹ См.: С. А. Красильников. Источники украинских песен Гоголя. Н. В. Гоголь. Материалы и исследования, т. 2, М.—Л., 1936, стр. 387.

¹¹⁰ См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, 1948, стр. 99—100.

¹¹¹ Там же, т. XII, 1949, стр. 147.

¹¹² Ф. Я. Прийма. Зоран Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве», стр. 71.

¹¹³ См.: Летописи Государственного литературного музея, кн. 1, стр. 482—487.

исследованиями советских ученых доказана подлинность «Списка» как географического произведения, отразившего определенный период в истории русских городов.¹¹⁴

Наконец, имя Ходаковского нельзя не упомянуть, говоря о зарождении русской топонимики. Вслед за А. Х. Востоковым (1781—1864), впервые заявившем о научной ценности топонимики и указавшем пути ее дальнейшего развития, Э. Доленга-Ходаковский «собирал топонимы по своей собственной системе, в которой было здоровое зерно».¹¹⁵ Возможно, дальнейшие усилия польских и советских ученых позволят выявить дополнительные материалы, проливающие свет на деятельность этого энтузиаста, историка-археолога и этнографа, чей патриотизм, любовь к народу и народной поэзии, несмотря на его ошибки, заставляют нас сегодня с уважением повторять его имя.

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О ХОДАКОВСКОМ

1. На русском и украинском языках

1. Руссов Ст. Обзорение критики Ходаковского на «Историю государства Российского» Карамзина. СПб., 1820.
2. Некролог. «Северная пчела», 1826, № 28.
3. Келпен П. И. Библиографические листы, СПб., 1826, № 38, стр. 562—564.
4. Максимович М. А. Украинские народные песни. М., 1834, Предисловие, стр. I—IV.
5. Полевой Н. Записка о жизни Зориана Долуги-Ходаковского. «Сын отечества», ч. VIII, 1839, отд. VI, стр. 89—90.
6. Строев П. М. Рецензия на журнал «Русский исторический сборник за 1836». ЖМНП, т. XXII, раздел VI, 1839, стр. 14—18.
7. «Литературная газета», 1840, № 91, раздел «Славянские новости», стр. 2082.
8. Энциклопедический словарь. Изд. Плюшара, т. XVII, СПб., 1841, стр. 97—102.
9. Письмо Карамзина Ходаковскому. «Москвитянин», 1843, ч. I, № 1, стр. 273.
10. Максимович М. А. Сб. Украинских песен, ч. I. Предисловие. Киев, 1849.
11. Погодин М. Сообщение о Древлехранилище. «Московские ведомости», 1849, № 16, стр. 160.

¹¹⁴ Об этом см.: М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 215.

¹¹⁵ В. А. Никонов. А. Х. Востоков и сегодня нашей топонимики. «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1963, т. XXII, вып. 1, стр. 53.

12. Погодин М. «Москвитянин», 1850, ч. II, № 7, Критика и библиография, стр. 71—75.
13. Старчевский А. Русская историческая литература в первой половине XIX в. Карамзинский период с 1800 по 1825. «Библиотека для чтения», т. 112, 1852, стр. 49—108.
Стр. 95 и др.: о Ходаковском.
14. Материалы для жизнеописания Калайдовича. «Чтения Московского общества истории и древностей», М., 1862, кн. 3, стр. 1—180.
Стр. 71—72, 122: о Ходаковском.
15. Украинские письма к Кулишу от Максимовича. «Русская беседа», 1857, кн. 5, стр. 38—65.
16. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 279, 0129.
17. Погодин М. П. Судьба археологии в России. «Труды первого филологического съезда в Москве», т. I, М., 1871.
Стр. X, 8—17: о Ходаковском.
18. Бессонов П. Белорусские песни. М., 1871, стр. 21, 24.
19. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история, т. I. 1872, стр. 163.
20. Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873, стр. 100.
21. Пыпин А. и Спасович В. История славянских литератур, тт. I—II. Изд. 2. СПб., 1881; т. I, стр. 4, 402, 403, 414, 415; т. II, стр. 590, 595, 1001.
22. Ивацевич Вл. Собрание памятников народного творчества у южных и западных славян (библиогр. обзор). СПб., 1863.
Стр. 139: о Ходаковском.
23. Пыпин А. Н. Зориан Доленга-Ходаковский. «Вестник Европы», 1886, кн. II, стр. 305—357.
24. Полевой Ксенофонт. Записки. СПб., 1888, стр. 71—77, 137—140, 213—219, 236—240, 286—287.
25. Отрывок из записок Кс. Полевого см.: «Исторический вестник», 1887, февраль, стр. 286—287.
26. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1900.
Стр. 49—50, 115—117: о Ходаковском.
27. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. Погодина, тт. I—XXIII, СПб., 1888—1910.
Т. I, стр. 123, 161; т. II, стр. 10—12; т. IV, стр. 422, 432.
т. V, стр. 63, 64, 82, 188, 463—464; т. VI, стр. 376; т. VII, стр. 292, 376; т. VIII, стр. 389, 399; т. IX, стр. 164; т. X, стр. 51—53, 443; т. XI, стр. 176; т. XII, стр. 350; т. XIV, стр. 418; т. XVI, стр. 152: о Ходаковском.
28. Дашкевич Г. Отчет о XXIX присуждении Уваровских наград. СПб., 1889, стр. 37—301.
Стр. 159—164, 168: о Ходаковском.

29. Письма митрополита киевского Евг. Болховитинова к В. Анастасевичу. «Русский архив», 1889, № 5—7.
Стр. 209, 212—213, 218, 222, 227, 235—236: о Ходаковском.
30. Письмо Ходаковского к Карнееву. «Киевская старина», т. XXXIII, Киев, 1891, стр. 469—475.
31. Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. III. СПб., 1891, стр. 38—87.
32. Энциклопедический словарь, изд. Брокгауза и Ефрона т. XX, СПб., 1893, стр. 928.
33. Улашин Г. Польские периодические издания по этнографии за последние два года (1900—1901). «Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», СПб., 1903, т. VIII, кн. 4, стр. 383—400.
34. Доманицкий В. Историко-этнографические мелочи из материалов Зориана Доленги-Ходаковского. «Киевская старина», Киев, 1904, кн. 9, стр. 86—89.
35. Русский биографический словарь «Даберов-Дядьковский». СПб., 1905, стр. 577—578.
36. Доманицкий В. Пионер української етнографії. «Записки наукового товариства імени Шевченка», т. XV, кн. 3, Львів, 1905, стр. 1—43.
37. Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII—первой четверти XIX столетия. Прага, 1906.
Стр. 42, 72, 79, 138, 182, 210, 240, 242, 332—375, 490, CXI—CLIX: о Ходаковском.
38. Кеппен Ф. П. Биография П. И. Кеппена. СОЛЯС, т. LXXXIX, № 5, СПб., 1911, стр. 1—170.
Стр. 46: о Ходаковском.
39. Красильников С. А. Источники собирания украинских песен Н. В. Гоголя. В кн.: Гоголь Н. В. Материалы и исследования, т. II. М.—Л., 1936, стр. 398.
40. Летописи Государственного литературного музея, кн. I. Пушкин. Редакция М. А. Цявловского. М., 1936, стр. 482—487.
41. Прийма Ф. Я. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве». ТОДРА, т. VIII, Изд. АН СССР, Л., 1951, стр. 71—92. (Ин-т русской литературы).
42. Тихомиров М. Н. Список городов русских дальних и ближних. «Исторические записки», т. X, 1952, стр. 214—215.
43. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 278—288.
44. Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, стр. 57—58.
45. Никонов В. А. Востоков и сегодня нашей топонимики. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. XXII, вып. 1, 1963, стр. 53.

2. На польском языке

1. Surowiecki W. Zdanie o piśmie P. Chodakowskiego. «Pamiętnik Warszawski», 1819, t. XIV, № 5. Перепеч.: «Pamiętnik Lwowski», 1819, № 5.
2. «Kurier Polski», 1830, № 259.
3. Listy Chodakowskiego do Ł. Gołembiewskiego «Pamiętnik umiejętności, moralności, literatury», t. IV, 1830, стр. 208—231.
4. Waclaw z Oleska. Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Lwów, 1833, стр. X—XI.
5. Encyklopedia Powszechna, wyd. Odyńca. Wilno, 1838, стр. 270—272.
6. Hube R. Historia Starożytności Meklenburgskiej. «Tygodnik Petersburgski», 1839, стр. 38—40.
7. Tyszyński A. Wyjątek listu. «Tygodnik Petersburgski», 1839, стр. 383—384.
8. A. W. Wspomnienia. «Przegląd naukowy», 1842, № 26, стр. 1015—1026. Стр. 1017, 1018: о Ходаковском.
- 8а. Dembowski E. Zorian Dołęga Chodakowski czyli (właściwie) Adam Czarnocki «Przegląd Naukowy», 1842, t. III, № 26.
9. Jórski P. Kilka słów o Ukraińskiej poezji. (Z powodu Ukrainek Pana Padury). «Tygodnik Petersburgski», 1844, стр. 582—584; Стр. 582—584: о Ходаковском.
10. Maciejowski W. Piśmiennictwo Polskie, t. I. Warszawa, 1851, стр. 179 и далее.
11. Chodźko D. Wzmianka o życiu i pismach A. Czarnockiego. «Teki Wileńska», Wilno, 1857, № 2, стр. 277—304.
12. Skimborobicz H. Jeszcze o Z. Chodakowskim czyli Adamie Czarnockim. «Teki Wileńska», Wilno, 1858, № 6, стр. 243—253.
13. Lelewel J. Adam Czarnocki. «Dziennik literacki», Lwów, 1859, № 79, стр. 941—944.
14. Pol W. Pamiętnik W. Pola do literatury polskiej XIX w. Lwów, 1866, стр. 190.
15. K. Wł. W. «Biblioteka Warszawska», t. II, 1886, zesz. 5, стр. 161—198.
16. Dębicki Ludwik. Puławy, t. III, Lwów, 1888, стр. 21—36.
17. Chmielowski P. Historia literatury polskiej, t. II. Warszawa, 1889, стр. 31.
18. Gawroński Fr. Rawita. Zoryan Dołęga Chodakowski, jego życie i praca. Lwów, 1898.
19. Kraushar A. List Chodakowskiego do Staszica. «Warszawskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk», t. IV, Kraków—Warszawa, 1906, стр. 375—379.
20. Krzemiński St. Sto lat myśli polskiej, t. II. Warszawa, 1907, стр. 387—392.
21. Krótka wiadomość o tajnych towarzystwach uczniów Uniwersytetu Wileńskiego. «Rocznik Towarzystwa Przyjaciół nauk w Wilnie», 1908.

22. Grabowski A. Wspomnienia. «Biblioteka Krakowska», t. II, 1909.
Стр. 18, 262—263: о Ходаковском.
23. Mickiewicz Wł. Nieznana korespondencja Lelewela z Malewskim.
«Echo Polskie», Moskwa, 1916, № 14, стр. 15.
24. Uwagi pana Śniadeckiego nad rozprawą Z. D. Chodakowskiego. «Biblioteczka
Warszawska», Wilno, 1921, № 1, стр. 17—19.
25. Marylski E. Wspomnienia zgonu zasłużonych w narodzie polaków. War-
szawa, 1929, стр. 245.
26. Piłóń St. Diletant osobliwy przed sądem uczonych w książce «Z dawnego
Wilna», Wilno, 1929.
27. Mickiewicz A. Dzieła wszystkie. Wyd. sejmowe, t. XIV. Warszawa, 1933,
стр. 360.
28. «Polski Słownik Biograficzny», t. IV/3, zesz. 18, Kraków, 1938,
стр. 227—229.
29. Fiszer A. Zorian Dołęga-Chodakowski. Lublin, 1946.
30. Bystron J. St. Kultura ludowa. Wyd. drugie, Warszawa, 1947.
Стр. 146, 378, 381: о Ходаковском.
31. Baumgarten L. Dekabryści a Polska, Warszawa, 1952, стр. 189.
32. Poppe A. U źródeł postępowej historiografii szlacheckiego rewolucjonizmu
Z. D. Chodakowski. «Kwartalnik historyczny», Warszawa, 1955, № 2.
33. Maślanka J. Zorian Dołęga-Chodakowski. «Kwartalnik Instytutu Polsko-
Radzieckiego», Warszawa, 1955, № 3 (12), стр. 180—192.
34. Fiszman S. Zoriana Dołęgi-Chodakowskiego «Notacje o Lomonosowie».
«Slavia Orientalis», Warszawa, 1962, № 2, стр. 153—158.
35. Maślanka y. Antiquam exquirite matrem, (Badama Chodakowskiego nad przesz-
łością Słowian) «Slavia Orientalis», Warszawa, 1963, № 2, стр. 143—167.

Ф. Я. Прийма

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ПЕСЕН ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН» А. С. ПУШКИНА

«Песни западных славян» до сих пор продолжают оставаться, пожалуй, менее всего исследованной частью поэтического наследия Пушкина. Одной из объективных причин, всегда затруднявших как установление хронологических границ создания, так и непосредственное изучение творческой истории этого цикла являлось и является то, что из 16 произведений, включенных в него автором, только одно (стихотворение «Соловей») дошло до нас в автографе. Однако главную причину слабого внимания исследователей к «Песням западных славян» следует видеть не в скудости рукописных источников, к которым они восходят, а в сохранившейся до наших дней привычке рассматривать названный цикл как творческий просчет великого поэта. В свое время и С. С. Дудышкин, и А. Н. Пыпин, и А. А. Потехня, и Н. В. Гербель, и многие другие ученые, публицисты и критики придерживались мнения, что в «Песнях западных славян» Пушкин выступил в весьма незавидной роли простого переводчика «Гюзлы», сборничка мнимославянской поэзии, изданного Проспером Мериме анонимно в мистификаторских целях.¹ Вышедшая в свет в 1911 г. капитальная монография Войслава Йовановича об этом сборничке П. Мериме внесла полную ясность в довольно сложную историю его написания.² В основу «Гюзлы», как было установлено В. Йовановичем, Мериме положил ряд действительно бытовавших среди адриатических славян народных преданий и песен, подвергшихся с его стороны весьма существенным, а иногда и произвольным дополнениям и переработке. Автор «Гюзлы» в процессе написания, потребовавшего от него немало времени и усилий, стремился в меру своих возможностей воссоздать содержание и дух поэзии южных славян и только впоследствии, разойдясь во взглядах с лидерами

¹ La Guzla ou choix de Poésies Illiriques, recueillis dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine. Strasburg, 1827.

² V. M. Jovanovitch. «La Guzla» de Prosper Mérimée. Etude d'histoire romantique. Paris, 1911.

французского романтизма, начал выдавать «Гюзлу» в качестве своеобразной пародии на творчество романтиков. В 30-е годы П. Мериме неоднократно заявлял, что «Гюзла» — шутка, созданная им без всяких усилий, и эту позицию следует определить как своеобразную повторную мистификацию П. Мериме. В обстоятельном исследовании В. Йовановича тема «Пушкин и Мериме», к сожалению, была затронута мимоходом и в силу этого не смогла получить правильного освещения. В «Песнях западных славян» В. Йованович, как и большинство его предшественников, увидел лишь некритическое следование образцам «Гюзлы», возникшее в результате недостаточной осведомленности Пушкина в поэзии славянских народов.³

«Песни западных славян» Пушкина получили в свое время высокую оценку со стороны такого взыскательного по отношению к литературному фольклоризму критика, каким был Белинский. «Песни западных славян, — писал он в 1843 г., — более чем что-нибудь, доказывают непостижимый поэтический такт Пушкина и гибкость его таланта. Известно происхождение этих песен и прodelка даровитого француза Мериме, вздумавшего посмеяться над колоритом местности. Не знаем, каковы вышли на французском языке эти поддельные песни, обманувшие Пушкина, но у Пушкина они дышат всею роскошью местного колорита, и многие из них превосходят, несмотря на однообразие — неизбежное, впрочем, свойство всех народных произведений».⁴ Это мнение Белинского не получило, однако, признания и поддержки в русской литературной науке и критике XIX в. Правда, наряду со скептическими и отрицательными отзывами о «Песнях западных славян» в русском дореволюционном литературоведении можно отметить также несколько ценных, хотя и не вполне завершенных попыток (у И. И. Срезневского, А. Кочубинского, А. И. Яцимирского и др.) охарактеризовать то новое, что было внесено Пушкиным по сравнению с П. Мериме в истолкование народной поэзии славян. Аналогичные попытки предпринимались и в работах советских пушкинистов (например, в работах Б. В. Томашевского и М. Е. Елизаровой). Однако глубоко неверная точка зрения на «Песни западных славян» как на простое переложение на русский язык «Гюзлы» П. Мериме и до настоящего времени до конца не опровергнута. Почти совершенно не исследованным в нашей науке является также вопрос о том, в каком отношении находятся «Песни западных славян» к другим поэтическим и историко-филологическим трудам Пушкина, серьезно занимавшим его на протяжении

³ Там же, стр. 498—510.

⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 352.

последних десяти лет жизни, в частности к циклу пушкинских народных сказок, к изучению поэтом «Слова о полку Игореве», к его плану по собиранию и изданию памятников русского народно-поэтического творчества и т. д.

Не ставя перед собой задачу осветить весь круг вопросов, связанных с заглавием настоящей статьи, я останавлиюсь только на некоторых из них, наименее изученных, и в заключение попытаюсь ответить на вопрос, какое же место занимают «Песни западных славян» в эволюции славяноведческих взглядов Пушкина и в его творчестве.

Славянская тема в русской литературе возникает в середине XVIII в., однако развитие ее долгое время определялось скорее успехами русской исторической науки и филологии, чем запросами жизни, экономическим и культурным общением России со славянскими странами. Под воздействием летописных преданий русские писатели XVIII в. знакомили своих читателей не столько с жизнью современных им славян, сколько с историческим прошлым древнего славянства и «словено-россов». Отечественная война 1812 г. и последовавшее за нею культурное возрождение славянских народов способствовали быстрому развитию интереса к их жизни в русском обществе. Изображение славянства как вневременной и отвлеченной категории постепенно вытесняется в русской публицистике и литературе стремлением дать конкретное представление о реальной жизни славянских народов и их исторических судьбах. Неуклонно возраставший интерес русского читателя и к национально-исторической, и к славянской теме, как известно, был использован «Беседой» А. С. Шишкова отнюдь не в прогрессивных целях. Но хорошо известно также, что ревнителями лучших традиций национального прошлого объявили себя и декабристы, трактовавшие славянскую тему в совершенно противоположном шишковистам, революционно-романтическом духе.

Стремление к овладению славянской темой у Пушкина можно обнаружить в самых ранних его поэтических опытах и особенно в поэме «Руслан и Людмила». Однако в раннем творчестве поэта славянская старина и русское национальное прошлое освещались еще с нейтральных общественно-политических позиций и в несколько отвлеченном и тематически нерасчлененном виде.

Новые черты в разработке славянской темы в творчестве поэта намечаются в период его южной ссылки. Только здесь закрепляется у Пушкина новое, декабристское понимание русского исторического прошлого. Образ «славянской свободы», вдохновлявший поэта в его работе над замыслом трагедии «Вадим» (1821), вполне созвучен образу «вольного душою славянина», которым восхищался в думе «Державин» и в других своих стихотворениях К. Ф. Рылеев.

Опираясь на письмо Пушкина к А. И. Дельвигу от 20 февраля 1826 г., в котором ставился вопрос, был ли В. К. Кюхельбекер «славянином» (XIII, 262),⁵ а также на черновые наброски «Евгения Онегина», где о генерале А. П. Юшневском сказано:

Холоднокровный генерал
В союз славянов вербовал.

(VI, 5. 25)

Б. В. Томашевский в одной из своих статей 1946 г. высказал очень вероятное предположение о том, что Пушкин в Кишиневе мог знать о существовании декабристского «Общества соединенных славян».⁶

Но гораздо более важное значение для выработки взглядов по «славянскому вопросу» имело, разумеется, непосредственное ознакомление Пушкина с жизнью не освоенного в ту пору края. Начиная с середины XVIII в., южные районы России неоднократно заселялись беженцами из соседних славянских стран: болгарами, сербами, хорватами, спасавшимися от турецкого ига. Отметим, что в 1752 г. на правобережной Украине, с центром в Новомиргороде, была основана особая административная единица — Новая Сербия. В 1753 г. в районе города Бахмута была выделена новая территория для размещения славянских переселенцев — Славяно-Сербия.⁷ Значительное количество беженцев-славян проживало в Бессарабии: одних только болгарских колонистов насчитывалось здесь в пушкинские времена до 38 000.⁸ Генерал И. Н. Инзов, в распоряжении которого находился Пушкин в Кишиневе, исполнял должность «попечителя» эмигрировавших в Россию болгар, и это обстоятельство способствовало ознакомлению ссыльного поэта с неуклонно нараставшим национально-освободительным движением на Балканах. Та пестрая смесь «одежд и лиц, племен, наречий, состояний», которую Пушкину приходилось многократно наблюдать в Кишиневе и Одессе,

⁵ Здесь и ниже в скобках даются ссылки на шестнадцатитомное академическое издание «Полного собрания сочинений» Пушкина (1937—1949).

⁶ Б. В. Томашевский. Пушкин и южные славяне. «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», т. VII, кафедра русской литературы, вып. 1, 1946, стр. 42; перепечатано в кн.: Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. М.—Л., 1961, стр. 259—280.

⁷ См.: Ф. Воропонов. Новая Сербия. «Одесский вестник», 1859, № 82, 30 июля; Н. Попов. Военные поселения сербов. «Вестник Европы», 1870, № 6; Е. Загоровский. Сербские военные поселения. «Военно-исторический вестник», 1912, № 1; М. Ткаченко. Утворення Нової Сербії на запорізьких землях у 1752 році. «Україна», 1926, № 2—3, стр. 146—159.

⁸ И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 450.

должна была возбуждать не только любопытство, но и общественно-политическое сознание и исследовательские интересы поэта.

В русской периодической прессе, публицистике и историографии 20—40-х годов XIX в. национально-освободительное движение в южнославянских странах отражалось необычайно скудно и с огромным опозданием. Так, например, если мы откроем изданный в 1836 г. седьмой том «Энциклопедического лексикона» Плюшара, то в специальной статье, посвященной в нем Болгарии (автор статьи — известный русский ориенталист В. В. Григорьев),⁹ мы не найдем даже упоминания о борьбе болгарского народа с турецким деспотизмом. «То, что обыкновенно называют „Булгариею“, — читаем мы в названном лексиконе, — не существует ни в географическом, ни в политическом отношении: вместо Булгарии есть несколько отдельных санджаков или пашалыков, составляющих часть Румилийского бейлейбейства».¹⁰

Огромное историческое значение начавшегося политического и культурного возрождения поработенных славянских народов было по достоинству оценено политической мыслью декабристов, но характерно, что даже последняя несколько отставала от потребностей действительности. Достаточно сказать, что в программном документе «Общества соединенных славян», специально формулировавшем задачу объединения славянских стран в единую федеративную республику, Болгария, например, не была даже упомянута.

Подобного рода отставание, причем в гораздо больших размерах, можно констатировать и в декабристской художественной литературе. Вряд ли можно назвать случайностью то, что национально-освободительная борьба южных славян в творчестве поэтов-декабристов никакого отзвука не получила. Факт этот тем более примечателен, что национально-освободительное движение соседствующих с южными славянами греков вызвало (не без воздействия со стороны западноевропейской литературы) огромную волну сочувственных откликов не только в декабристской, но и во всей передовой русской литературе.

Пушкин, как известно, также горячо сочувствовал героически борющейся против турецкого деспотизма Греции, но не менее горячие симпатии вызывало в нем и поработенное положение славянских стран.

Об огромной заинтересованности поэта сербскими и болгарскими делами много интересного узнаем мы из воспоминаний Липранди. «... Пушкин, — пишет он, — очень часто встречался у меня

⁹ См.: В. В. Григорьев по его письмам и трудам. Сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1887, Приложения, стр. 105.

¹⁰ Энциклопедический лексикон. Изд. Плюшара, т. VII, СПб., 1836, стр. 292.

с сербскими воеводами, поселившимися в Кишиневе, — Вучичем, Ненадовичем, Живковичем, двумя братьями Македонскими и пр., доставлявшими мне материалы. Чуть ли некоторые записки Александр Сергеевич не брал от меня, положительно не помню... От упомянутых же воевод он собирал песни и часто при мне спрашивал о значении тех или других слов для перевода».¹¹

Согласно воспоминаниям Липранди, во время поездки по Бессарабии, в Измаиле, Пушкин познакомился с семейством негодянта Славича. Поэт рассказывал тогда Липранди, как «свояченица хозяина продиктовала ему какую-то славянскую песню; но беда в том, что в ней есть слова иллирийского наречия, которых он не понимает, а она, кроме своего родного и итальянского языка, других не знает, но что завтра кого-то найдут и растолкуют».¹²

Тема национально-освободительной борьбы южных славян нашла поэтическое воплощение в таких ранних стихотворениях Пушкина, как «Дочери Кара-Георгия» (1820) и «Чиновник и поэт» (1823). В последнем впервые в творчестве Пушкина появляется любимый его образ — болгарина Кирджали. Уже в то время поэт воспринимал Кирджали не просто как самобытную личность, достойную стать героем занимательного повествования, но и как сына своего народа. Возвратившись в 1828 г. к этому образу снова в стихотворении «Кирджали», поэт неслучайно начал свой рассказ с картины «степей зеленых Буджака» и «безвестного селения», где

Семействам болгары тут
[В беспечной дикости] живут,
Храня родительские нравы.

(III, 114)

Характерно, что и в одноименной повести 1834 г. для Пушкина также важно было подчеркнуть, что Кирджали был болгарин родом.

В стихотворении «Дочери Кара-Георгия» в романтически приподнятом стиле Пушкин набросал эскиз образа Кара-Георгия, этого, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, «основателя сербской независимости».¹³

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин.

(II, 148)

¹¹ «Русский архив», 1866, № 8—9, стлб. 1266—1267.

¹² Там же, стлб. 1279.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, М., 1957, стр. 35.

В свободном от всякой романтической приподнятости и доступном для читательского наблюдения будничном, так сказать, виде предстанет перед нами этот образ в «Песне о Георгии Черном», написанной почти 15 годами позднее.

Стихотворение «Дочери Кара-Георгия» датировано 5 октября 1820 г., т. е. оно было написано ровно через две недели по прибытии Пушкина в Кишинев и, как следует полагать, еще до того, как поэт через Липранди успел обзавестись знакомствами в среде сербов-эмигрантов.

Яркая личность Кара-Георгия, простого крестьянина, возглавившего борьбу сербов против турецкого ига, надолго запечатлелась в творческом сознании молодого поэта. Пушкин впоследствии будет неоднократно возвращаться к этому образу, и вполне уместно поэтому остановиться на тех жизненных фактах, равно как и на тех устных и печатных источниках, которые могли лечь в основу пушкинских представлений о Кара-Георгии.

Стихотворение «Дочери Кара-Георгия» написано в романтической манере, но значит ли это, что оно не имеет под собой никакой реальной основы? В свое время Пл. Кулаковский утверждал, что Пушкин дочери Кара-Георгия, «тогда еще малолетней... не видел».¹⁴ Можно, однако, усомниться в правильности такого мнения. Дело в том, что из четырех дочерей Кара-Георгия не только младшая, Стаменка, которую, очевидно, имел в виду Кулаковский, но и другая, Сара, проживала некоторое время в России. Муж этой второй дочери Кара-Георгия, Сары, как утверждает биограф последнего Ненадович, умер в 1816 г. в Хотине.¹⁵ Впоследствии дочь Кара-Георгия Сара возвратилась в Белград и умерла там в 1852 г. Хотя Ненадович и не указывает точного времени возвращения ее в Сербию, тем не менее правомерно считать, что событие это произошло после 1821 г., так как к 1821 г. относится первая и, кстати сказать, неосуществившаяся попытка репатриации хотинских сербов.¹⁶ До 1821 г. упомянутая дочь Кара-Георгия, вероятно, проживала в Бессарабии, где в это время жили также, что подтверждается уже документально, жена и два сына Кара-Георгия. Таким образом, возможность встречи Пушкина в первые две недели в Кишиневе с дочерью Кара-Георгия следует признать вполне реальной.

¹⁴ Пл. Кулаковский. Славянские мотивы в творчестве Пушкина. Варшава, 1899, стр. 5.

¹⁵ К. Н. Ненадовић. Живот и дела великог Ђорђа Петровића Кара-Ђорђа. У Бечу. Књ. 1, 1883, стр. LV—LVI.

¹⁶ А. Розеллион-Сошальский. Из воспоминаний о Сербии и сербах. «Новое время», 1868, № 144, 24 июля, стр. 1.

В поисках сведений о Кара-Георгии Пушкин безусловно использовал все открывавшиеся перед ним возможности. Вряд ли поэтому от внимания поэта мог ускользнуть очерк о Кара-Георгии, напечатанный в «Отечественных записках» П. П. Свиньина за 1818 г. В форме письма к брату, датированного «Хотин, 5 марта 1818 года», Свиньин писал: «Теперь хочу познакомить тебя с необыкновенным человеком наших времен, коего я здесь нашел! Это Георгий Петрович Черный, бывший верховный вождь Сербского народа. Жизнь его принадлежит к числу тех редких феноменов, которыми ознаменован конец 18-го и начало 19-го столетий; он может уподобиться тем ужасным метеорам, которые являются иногда на лице земли для выполнения какого-нибудь предопределения Всевышнего Творца, которые, родясь из праха, составляют чреватые бурями тучи, причиняют ужасные ураганы, приводящие в трепет вселенную, и — погасают в воздухе» (стр. 45—46).

П. Свиньин нарисовал портрет Георгия Черного в ореоле той исключительности и неповторимости, которыми характеризуется этот портрет и в стихотворении «Дочери Кара-Георгия» Пушкина.

Круг русских печатных источников о Кара-Георгии был тогда настолько ограничен, что все они без исключения могли быть известны Пушкину. Весьма возможно поэтому, что уже в период своего пребывания в Кишиневе, если только не ранее, поэт познакомился также и с книгой Д. Б. К. (т. е. Дмитрия Николаевича Бантыша-Каменского) «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию», изданную в Москве в 1810 г., в которой был дан весьма пространный очерк жизни и деятельности Кара-Георгия. Бантыш-Каменский нарисовал вполне реальный и даже несколько приземленный образ сербского вождя, погруженного в повседневную обстановку государственной и частной жизни. Подробно описан Бантышом-Каменским самый драматический эпизод в биографии Кара-Георгия, убийство им своего отца, совершенное из патриотических побуждений. В «Песни о Георгии Черном», созданной уже в 30-е годы, Пушкин для изображения этого же драматического эпизода воспользовался сюжетной канвой рассказа Бантыша-Каменского.¹⁷

Ни «Дочери Кара-Георгия», ни «Чинovníк и поэт», ни другие стихотворения Пушкина, написанные в период его южной ссылки,

¹⁷ Мысль о том, что именно этот источник был положен в основу пушкинской «Песни о Георгии Черном», впервые была выдвинута и убедительно аргументирована Н. Трубицыным в его статье «Два сербских юнака в изображении Пушкина» («Пушкин и его современники», Пгр., 1917, вып. XXVIII, стр. 29—55). Относительно недавно эта же догадка, без ссылки на Н. Трубицына, была высказана английским славистом Джонсоном. См.: D. J. L. Johnson. 1) Pushkin and Serbian Tradition. «The Slavonic and East European Review», v. XXXIV, № 83, June 1956, стр. 388—407; 2) Die Quelle von Puschkins «Pesnja o Georgii Chernom». «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXIV, H. 2, Heidelberg, 1956, стр. 276—283.

в цикл «Песни западных славян» не вошли, да и не могли войти, поскольку этот цикл отличался как смысловой, так и художественной целостностью и выкристаллизовался на совершенно новом этапе творческого пути поэта.

До 1835 г. ни одно из 16 стихотворений, включенных поэтом в «Песни западных славян», в печати не появилось. В февральском номере «Библиотеки для чтения» за 1835 г. было напечатано стихотворение «Конь», а в мартовском номере этого же журнала за этот же год появились и остальные 15 стихотворений цикла.

11 стихотворений цикла являлись переводами из «Гюзлы» П. Мериме (отметим, что последняя состояла из 30 самостоятельных произведений); 2 стихотворения — переводами из сборника сербских песен Вука Караджича («Народне српске pjesme»), 3 стихотворения («Песня о Георгии Черном», «Воевода Милош» и «Яныш Королевич») были написаны самим Пушкиным в духе и стиле южнославянской народной поэзии.

В свое время П. В. Анненков пришел к выводу о том, что к написанию «Песен западных славян» Пушкин приступил не ранее 1832 г. и что работа эта была им завершена «ранее осени 1833 г.».¹⁸ Вывод Анненкова долгое время не вызывал никаких сомнений. Новая датировка «Песен западных славян» была предложена в 1926 г. Б. В. Томашевским. Анализируя целый ряд пушкинских стихотворений, написанных так называемым «русским народным стихом» («Еще дуют холодные ветры», «Всем красны боярские конюшни» и др.), Б. В. Томашевский установил их ритмическую близость к стиху, которым написано большинство произведений, составляющих «Песни западных славян». Последний был охарактеризован Б. В. Томашевским как вольный стих «народного склада», восходящий к схеме пятистопного хорей, с обязательным женским окончанием и наличием ряда индивидуальных отступлений от схемы (отказ от обязательной цезуры на второй стопе, нередкие перебои ритма и, наконец, наличие при известных условиях наряду с обычными десятисложными девяти- и одиннадцатисложными стихов). Поскольку первоначальные поэтические опыты Пушкина в области «народного стиха» относятся к 1827—1828 гг., то к этому же периоду, по мнению Б. В. Томашевского, следует отнести и начало работы поэта над циклом «Песен западных славян».¹⁹

В 1929 г. предложенная Б. В. Томашевским датировка «Песен западных славян» была поддержана и дополнена А. К. Виноградо-

¹⁸ П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. СПб., 1873, стр. 367.

¹⁹ Б. В. Томашевский. Генезис «Песен западных славян». «Атений», Л., 1926, кн. 3, стр. 35—45; ср.: Б. В. Томашевский. О стихе «Песен западных славян». «Аполлон», 1916, № 2, февраль, стр. 26—35.

вым в его книге «Мериме в его письмах к Соболевскому». В 1828 г. Пушкин неоднократно встречался с А. Мицкевичем, восхищавшимся в то время «Гюзлой» П. Мериме и переведшим на польский язык одно из вошедших в этот сборник произведений («Морлак в Венеции»). В беседах с А. Мицкевичем, по мнению А. К. Виноградова, и могла возникнуть у Пушкина мысль о переложении произведений «Гюзлы» на русский язык. Подтверждение своим соображениям А. К. Виноградов находил и в пушкинском предисловии к «Песням» (1835): «Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток славянской поэзии, не усумнился в подлинности этих песен» (III, 334). Анализируя почерк единственного уцелевшего из цикла «Песен западных славян» автографа (автограф стихотворения «Соловей»), А. К. Виноградов приходил к выводу, что почерк этот относится к концу 20-х годов.

В пользу мнения о том, что Пушкин приступил к созданию «Песен западных славян» гораздо ранее 1832 г., высказал в 1957 г. несколько ценных соображений В. П. Воробьев. Он обратил внимание на ряд лексических и стилистических совпадений, существующих между «Песнями западных славян» и различными другими произведениями Пушкина, написанными в 1828—1829 гг.²⁰

В перечисленных выше работах Б. В. Томашевского, А. К. Виноградова и В. П. Воробьева отнюдь не исчерпаны все доводы, позволяющие передвинуть начало работы Пушкина над циклом «Песен» с 1832 г. на более ранний срок. Перерыв в разработке Пушкиным южнославянской темы, наступивший в связи с переездом поэта из Одессы в Михайловское, не мог быть длительным. Да и в работе над «Полтавой» и «Борисом Годуновым» Пушкину приходилось неоднократно погружаться то в украинские, то в польские источники и, таким образом, возвращаться снова, хотя и с иной стороны, к славянской теме. В 1828 г. в стихотворении «Кирджали» поэт дал своеобразный выход своим впечатлениям периода южной ссылки. В письме к Н. С. Алексею от 26 декабря 1830 г. он писал: «Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов ни поэтических, ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто» (XIV, 136). Таким образом, в своих творческих планах в 1830 г. «бессарабским» впечатлениям поэт отводил первостепенное место. Но «бессарабской» темы в чистом виде в сознании Пушкина не было, так как она теснейшим образом переплеталась с темой балканской, южнославянской. К такому выводу приводит нас, в частности, и сопоставление цитируемого письма с воспомин-

²⁰ В. П. Воробьев. К вопросу о времени создания А. С. Пушкиным «Песен западных славян». «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. VI, выпуск филологический, 1957, стр. 52—66.

нениями И. П. Липранди, в которых сказано: «Пушкин мог получить некоторые сведения о Сербии от Алексея Николая Степановича, который, по поручению Киселева, занимался выпиской из архива дипломатических сношений с Сербиею наших главнокомандующих».²¹

Следует также учесть, что в конце 1820-х годов Пушкин проявляет обостренное внимание к первым опытам славяноведческой науки в России. Он живо интересуется в это время трудами безвременно умершего Зориана Доленги-Ходаковского; узнав о том, что архив этого ученого-слависта находится у Н. А. Полевого, поэт летом 1830 г. вместе с П. А. Вяземским «умоляет» Ф. Н. Глинку оказать содействие в целях отчуждения у Полевого этого «золотого рудника».²²

Пушкин был не только знаком с первым в России исследователем болгарского языка и фольклора Юрием Венелиным, но и способствовал в меру своих сил и возможностей научным занятиям последнего. Ясное представление об этом дает адресованное С. П. Шевыреву и датированное 29 апреля 1830 г. письмо группы русских литераторов и ученых, среди которых находимы и имя Пушкина (XIV, 84). Письмо это, в котором излагался подробный план научной поездки Венелина в Болгарию, ставило своей целью содействовать успехам русской славистической науки.

Выход в свет «Гюзлы» П. Мериме явился дополнительным стимулом, приковавшим творческое внимание Пушкина к южнославянской теме. «Гюзла» вышла в свет в последних числах июля 1827 г., но сведения о ней в Россию проникли немного позднее, приблизительно в начале следующего года. В марте 1828 г. в петербургском «Сыне отечества» это загадочное «Собрание иллирических стихотворений, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» было встречено восторженной рецензией.²³

По-видимому, уже в начале 1828 г. ознакомился с «Гюзлой» и Пушкин, и не исключена возможность, что своим повышенным интересом к этому сборнику он в какой-то мере был обязан Мицкевичу, с которым в это время неоднократно встречался. Но если бы даже в 1828 г. вопрос о славянской поэзии в личных беседах Пушкина с Мицкевичем и не обсуждался, то все равно о пиетете последнего перед «Гюзлой», если не в то время, то немного позднее, автор «Евгения Онегина» мог узнать из многих других источников. Отметим кстати, что взятый из «Гюзлы» и переведенный

²¹ «Русский архив», 1866, № 8—9, стлб. 1266—1267.

²² Летописи Государственного литературного музея, кн. 1, М., 1936, стр. 483.

²³ «Сын отечества», 1828, ч. 118, № 5, стр. 100—101.

Мицкевичем на польский язык «Морлак в Венеции» попал и в петербургское издание «Стихотворений» польского поэта, которое увидело свет в начале 1829 г. и оба томика которого хранятся в библиотеке Пушкина.

Увлечение «Гюзлой» было свойственно многим современникам Пушкина, в том числе и писателям, принадлежавшим к его литературному окружению. Так, например, Орест Сомов (Порфирий Бойский), снабжавший Пушкина необходимыми сведениями из украинской народной поэзии, в 1829 г. опубликовал рассказ «Ночлег гайдамаков», в котором в духе «Гюзлы» изобразил морлака Закрутича, участника отряда гайдуков, принимавших его за вампира.²⁴ Введенная в литературный обиход «Гюзлой» тема вампиризма, которой в «Песнях западных славян» отдал дань внимания и Пушкин, нашла отклик в писательской деятельности сотрудника «Литературной газеты» В. Любич-Романовича.²⁵ Щедрую дань восхищения «Гюзлой» отдал в 1829—1830 гг. связанный с пушкинским литературным окружением Н. А. Маркевич, выпустивший в 1831 г. книжку стихотворений «Украинские мелодии», наполненную реминисценциями из сборничка П. Мериме. Таким образом, в своем увлечении «Гюзлой» Пушкин не был одинок и поэтому нет никаких оснований полагать, что его интерес к этому сборничку возникает лишь в начале 1830-х годов, т. е. в период, когда мистификация П. Мериме была уже в значительной мере разоблачена и волна искреннего увлечения ею в русской литературной среде уже заметно снизилась.

Высказанные выше соображения заставляют нас присоединиться к мнению Б. В. Томашевского, предложившего считать началом работы Пушкина над «Песнями западных славян» не 1832 г., а 1828-й. Работа поэта над циклом, по мнению Б. В. Томашевского, продолжалась вплоть до момента появления «Песен» в печати, т. е. до 1835 г. Последняя точка зрения была взята под сомнение в названной выше статье В. П. Воробьева. Из двух крайних дат, выдвинутых Б. В. Томашевским, В. П. Воробьев признает только первую, полагая при этом, что работу над циклом поэт завершил в конце 20-х годов. С названным возражением В. П. Воробьева нельзя согласиться, так как оно ничем не аргументировано и к тому же противоречит фактам творческой биографии Пуш-

²⁴ «Денница, альманах на 1830 год», изданный М. Максимовичем. М., 1830, стр. 88. — Здесь же отметим, что еще в 1818 г. в «Соревнователе просвещения и благотворения» (№ 10, стр. 17—56) О. Сомовым был опубликован перевод из книги аббата Фортиса «Путешествие в Далмацию», использованной впоследствии П. Мериме в качестве основного источника для написания «Гюзлы».

²⁵ См.: «Литературная газета», 1830, т. 1, № 30, 26 мая, стр. 241—242 («Пение морлаков», соч. Карла Нодье, перев. с франц. В. Романович).

кина. Работа поэта над «Песнями западных славян» отнюдь не сводилась, как полагает В. П. Воробьев, к увлечению поэта «Гюзлой» и продолжалась, как это будет показано ниже, до самой смерти великого поэта.

Помимо датировки, есть ряд других, связанных с «Песнями западных славян» историко-литературных вопросов, не менее сложных и не менее важных. Наиболее значительным из них является следующий. В какой мере в момент создания «Песен западных славян» были известны Пушкину подлинные сербские народные песни, впервые собранные и изданные Вуком Караджичем в 1814 г. и переизданные в расширенном виде в 1823—1824 гг.? И почему Пушкин как переводчик из двух находившихся в поле его зрения сборников (Караджича и Мериме) «отдал предпочтение» последнему?

Трудно присоединиться к мнению П. Кулаковского, считавшего, что уже в 1819 г. Пушкин знал о деятельности Вука Караджича, приезжавшего тогда в Россию. В 1819 г. Караджич был торжественно встречен в Академии наук, но в русской литературе приезд его особых отзвуков не вызвал, если не считать, впрочем, статьи М. Каченовского «О сербских народных песнях», напечатанной в «Вестнике Европы» за 1820 г. (ч. 112, № 14, стр. 111—129 и № 15, стр. 208—216). Но не может возникнуть никаких сомнений в том, что начиная с периода южной ссылки Пушкин жадно вбирал в себя встречавшиеся ему в печати сведения о сербской поэзии.

Пушкину, вероятно, были хорошо известны и рецензия на «Народне српске пјесме» Караджича, написанная Н. И. Гречем,²⁶ и аналогичная рецензия Н. А. Полевого,²⁷ и переводы из сербских песен А. Х. Востокова, которые появлялись в различных изданиях почти всегда рядом с произведениями Пушкина.²⁸

Не могли также не дойти до слуха Пушкина, особенно после 1826 г., хотя бы некоторые из многочисленных отзывов иностранной прессы о песнях Вука Караджича. В силу этого вполне возможно, что трехтомное издание «Народных сербских песен» Вука Караджича 1823—1824 гг. и его же «Сербский словарь» издания 1818 г., хранящиеся в библиотеке поэта, были приобретены им одновременно с «Гюзлой» Мериме, если только не ранее.

«Мериме, — писал в свое время А. Н. Пыпин, — понравился Пушкину больше Караджича; до понимания и восприятия подлин-

²⁶ «Сын отечества», 1824, ч. 94, № 26, стр. 241—249.

²⁷ «Московский телеграф», 1827, ч. XIII, № 2, стр. 137—150.

²⁸ Переводы сербских песен публиковались А. Х. Востоковым в следующих изданиях: «Соревнователь просвещения и благотворения», 1825, № 5; «Северные цветы на 1825 год»; «Северные цветы на 1826 год».

ной инославянской народности еще не дошло тогда целое литературное развитие, а Мериме был близок и понятен как романтик».²⁹

Хотя в этом утверждении и есть зерно истины, Пыпину не удалось все же проникнуть в существо пушкинского замысла и определить эволюцию последнего. В «Песнях западных славян» Пушкин вовсе не стремился выступить в роли переводчика в собственном смысле этого слова. Ведь в трех случаях из шестнадцати, в «Песне о Георгии Черном», «Воеводе Милоше» и «Яныше Королевиче», Пушкин не обращался ни к Мериме, ни к Караджичу, и вовсе не потому, что они ему «не нравились», а потому что поэт видел свою задачу в собственной, свободной и творческой, интерпретации фольклора «западных», по его терминологии, славян. Ведь на том основании, что Пушкин в своем творчестве по-своему интерпретировал русские народные сказки, мы не можем сказать, что последние не нравились поэту. Настолько же неправильным было бы и утверждение о том, что Пушкину, «не нравился» или «менее нравился» Караджич. Упомянутый выше исследователь «Гюэлы» В. Йованович полагал, что даже само название «Песни западных славян» появилось у Пушкина вследствие скудости его познаний о географическом местонахождении южных славян. Этот ошибочный взгляд также следует объяснить нежеланием исследователя вникнуть в замысел автора. В отличие от Мериме Пушкин не ограничился миром адриатических славян, он дополнил его Сербией, а включением в цикл «чешской» песни о Яныше Королевиче, вышел даже за границы южного славянства. И Пушкин сознательно и не без оснований дал своему циклу название «Песни западных славян», так как оно соответствовало широте замысла поэта.

Идя по пути не локализации, а генерализации своих представлений о «западных» славянах, Пушкин стремился при этом к наибольшему уплотнению материала. В примечании к песне «Яныш Королевич» поэт сообщает, что она «в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю» (III, 369). «Яныш Королевич» не переводное, а оригинальное произведение Пушкина, и поэтому главная цель цитируемого примечания состояла в мистификации читателя, но оно отражало также действительное стремление автора «Песен западных славян» к предельной сжатости стиля. Сделанный А. Х. Востоковым перевод только одной сербской эпической песни «Строение Скадра» по своему объему равен половине «Песен западных славян». Пушкин, если бы даже он выступал исключительно как переводчик, а не «истолкователь» славянской поэзии,

²⁹ А. Н. Пыпин. Первые слухи о сербской народной поэзии. «Вестник Европы», 1876, № 12, стр. 742.

вряд ли пошел бы по пути Востокова. И не случайно оба произведения, взятые Пушкиным для перевода из сборника Караджича (песня балладного типа «Сестра и братья» и песня «Соловей»), — стихотворения небольшого объема. Из сказанного вовсе не следует, что великий русский поэт недооценил значение эпических жанров в народно-поэтическом творчестве южных славян, — ведь все три оригинальные стихотворения Пушкина, включенные им в цикл, представляют собой своеобразную попытку художнического воссоздания южнославянского народного эпоса.

Исследователи творчества Пушкина продолжают и до сих пор считать, что поэт сперва самым искренним образом поддался мистификации Мериме, а впоследствии, после получения С. А. Соболевским известного письма Мериме (письмо от 6 января 1835 г.), осознал всю глубину своего заблуждения. Между тем мнение это далеко не соответствует истине. «Гюзла» действительно увлекла Пушкина своей новизной и талантливо исполненной обработкой и «уплотнением» южнославянского фольклора. Весьма возможно, однако, что уже при первом ознакомлении с «Гюзлой» Пушкину «очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен» (III, 334). Но уже один тот факт, что «славянская» поэзия в сборнике Мериме была представлена в виде прозаических отрывков на языке совершенно не свойственного ей грамматического строя, не мог не вызывать известной настороженности русского поэта по отношению к этой странной и загадочной книге. И если бы Пушкин выступал здесь не в роли поэта, а в роли, скажем, переводчика или собирателя славянской поэзии, то его отношение к сборнику Мериме было бы иным. Но Пушкин, как сказано выше, приступая к созданию «Песен западных славян», ставил перед собой поэтическую задачу. Самый ореол загадочности, которым была окружена «Гюзла», привлекал к себе напряженное внимание поэта, побуждал его к соревнованию, к преодолению недостатков своего источника. В работах А. И. Яцимирского³⁰ и М. Е. Елизаровой³¹ превосходно показано, с какой последовательностью и упорством освобождал русский поэт тексты Мериме от «неславянских» элементов. Пушкин безусловно видел известное расстояние, отделяющее «Гюзлу» от той народной основы, на которой она якобы покоилась, и это подтверждается, в частности, и тем, что четыре стихотворения из «Гюзлы» («Бонепарт и черногорцы», «Похоронная песня», «Вурдалак» и «Конь») русский поэт перевел рифмованным стихом, совершенно отличным

³⁰ А. И. Яцимирский. «Песни западных славян». «Библиотека великих писателей» под ред. С. А. Венгерова, «Пушкин», т. III, СПб., 1909, стр. 375—402.

³¹ М. Е. Елизарова. «Гюзла» и «Песни западных славян». «Литературная учеба», 1937, № 12.

от того стиха, который был облюбован поэтом для цикла. Однако степень разрыва между «Гюзлой» и фольклором южных славян была несомненно недооценена Пушкиным, и в этом смысле, и только в этом, может быть признан факт действительной мистификации его Проспером Мериме.

Для уяснения истории создания «Песен западных славян» необходимо, разумеется, учесть и то, как эволюционировал этот замысел поэта. Уже в 1832 г., как это впервые отметил М. К. Азадовский,³² в русской печати в двух разных изданиях, «Московском телеграфе» и «Телескопе», появились указания на фальсификацию славянских песен в «Гюзле». ³³ Заявления о фальсификации Мериме уже тогда дошли, конечно, и до Пушкина, тем не менее работы его над циклом не остановили. Но известия эти все же заинтересовали поэта, и в 1834 г. при посредничестве Соболевского он обратился к Мериме с просьбой объяснить загадку. Однако, как известно, даже разъяснение Мериме не удержало Пушкина от напечатания в 1835 г. всего цикла, сперва в «Библиотеке для чтения» (февраль—март), а затем и в очередном томе «Стихотворений» (ч. IV). Издавая «Песни западных славян» в «Стихотворениях», Пушкин, несколько не смущаясь, поместил, с одной стороны, «разоблачительное» письмо Мериме, а с другой — в виде дополнения — жизнеописание никогда не существовавшего славянского поэта Иоакинфа Маглановича, как бы желая тем самым сказать своим читателям, что, хотя «Гюзла» и не является собранием подлинно фольклорных произведений, она сохраняет свое литературное значение как примечательный опыт творчества французского автора в духе народной поэзии южных славян.

Вспоминая свою встречу с великим русским поэтом, состоявшуюся летом 1833 г., С. А. Соболевский писал: «Пушкин решительно поддался мистификации Мериме, от которого я должен был выписать письменные подтверждения, чтобы уверить Пушкина в истине пересказанного мной ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь». ³⁴ Этим словам Соболевского исследователи, как правило, придают неверное истолкование. К 1833 г. мистификация Мериме была, так сказать, повсеместно разоблачена, и было бы сплошной наивностью полагать, что великий русский поэт узнал об этом разоблачении позже всех. Не только в 1833 г., но и в 1832-м, если только не ранее, Пушкин отдавал себе отчет в том, что сборничек Мериме — «странный», но поэт не соглашался с теми, кто не видел в «Гюзле» ничего, кроме мистифика-

³² М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938, стр. 41.

³³ «Московский телеграф», 1832, ч. XLVI, № 13, июль (цензурное разрешение 30 августа), стр. 74; «Телескоп», 1832, ч. IX, № 12 (цензурное разрешение 2 сентября), стр. 507.

³⁴ «Пушкин и его современники», вып. XXXIII, Л., 1927, стр. 41—42.

ции, кто отрицал, что в конечном счете она опирается на какие-то фольклорные источники. Что же «пересказывал» Пушкину Соболевский в 1833 г.? Соболевский пересказывал созданную Проспером Мериме в начале 30-х годов ложную версию о том, будто при написании «Гюзлы» он ни к каким подлинным источникам не обращался. Думается, что в своих рассуждениях о «Гюзле» в 1833 г. Пушкин стоял ближе к истине, чем Соболевский, полностью поддавшийся влиянию повторной мистификации Мериме.

На пути овладения народно-поэтическим творчеством славян перед русским поэтом стояли огромные трудности, которые мы не должны преуменьшать. В работе Пушкина, в частности, нашли отражение также и слабости русского славяноведения 1830-х годов. Здесь можно было бы, например, напомнить, что при обработке «Марка Якубовича» и «Вурдалака» Пушкин проявлял повышенный интерес к теме вампиризма. Поэт не воспользовался при этом сведениями на эту тему, собранными Караджичем в его «Сербском словаре», и самое слово *вудкодлак*, которым Караджич переводит слово *vampire*, осталось, как видно, неизвестным Пушкину, хотя в своих примечаниях поэт привел для этого понятия четыре наименования: *вурдалак*, *вудкодлак*, *упырь* и *vampire*. Отсутствующее в словаре Караджича слово *вудкодлак* Пушкин берет из книги Мериме.

Вместе с тем при обработке отдельных сюжетов, заимствованных из «Гюзлы», Пушкин нередко исправляет их Караджичем, причем борьба этих двух противоборствующих тенденций (Мериме и Караджич) происходила иногда в рамках одного и того же произведения. Так, например, в упоминавшемся уже «Марко Якубовиче» для употребляемого Мериме слова *l'ermite* Пушкин подбирает сербское слово *калуер* (*калуђер*), заимствуя последнее, видимо, из «Словаря» или из собрания песен Караджича. В стихотворении «Видение Короля» французское слово *les bâtons* Пушкин переводит необычным для его эпохи словом *фаланга*, поясняя в «Примечаниях»: «...фаланга — палочные удары по пятам», заимствуя его, по всей видимости, так же из «Словаря» Караджича (*фалаге* или *фалаке*). Не менее интересна также произведенная Пушкиным при переводе «Морлака в Венеции» Мериме замена слова *морлак* на *влах* («Влах в Венеции»). К замечанию, сделанному в свое время Кулаковским, что русский поэт воспользовался при этой замене «Словарем» Караджича, нужно добавить, что названная замена не является случайностью или поэтической вольностью, так как Пушкин и в другом случае, в примечании к стихотворению «Битва у Зеницы великой», «исправляет» оригинал таким же точно образом: Мериме к начальному фрагменту дает пояснение: «*Морлаки ненавидят далматов*». У Пушкина это при-

мечание приобретает следующий вид: «Потеря сражения приписывается *далматам*, ненавистным для *влахов*». Таким образом, замена *морлаков* на *влахов* была у Пушкина глубоко продуманной, и она свидетельствует о несомненной славяноведческой эрудиции Пушкина. Поэт изгоняет слово *морлак*, вероятно при поддержке Караджича, так как в «Словаре» последнее слово это отсутствовало.

В работах Яцимирского, Кулаковского, Йовановича и других отмечалась уже произведенная Пушкиным замена *Константина Якубовича* (у Мериме) *Марко Якубовичем*. И в этом случае, как следует думать, собрание песен Караджича, в котором цикл песен о Марко Королевиче занимал столь почетное место, подсказывало русскому поэту мысль о необходимости замены этого неудачно избранного автором «Гюзлы» нетипического имени. Мне представляется, что воздействие Караджича на Пушкина в этом отношении осуществлялось не только прямолинейными путями. Основанием для подобного предположения может служить «Яныш Королевич». Сюжет этого стихотворения пушкинский, это сюжет «Русалки», которому поэт решил придать колорит общеславянский. Пушкин вводит в это стихотворение образ *вилы*, южнославянской русалки. Примечательно, что образ *вилы* отсутствует у Мериме, между тем как у Караджича он занимает исключительно важное место. Само создание «Яныша Королевича» как варианта «Русалки» мотивировалось, на мой взгляд, потребностью представить в «Песнях западных славян» наряду с историческими событиями все наиболее существенные элементы и особенности мифологии и народной поэзии южных славян. Вместе с тем в «Яныше Королевиче» находит свое выражение и собственно пушкинская проблематика, общая с проблематикой «Русалки», имеющей, так сказать, не только национальный, но и общечеловеческий характер.

В дошедших до нас трех своих переводах из Караджича (два вошли в цикл, а третий «Коњ се срди на господара» («Не видала ль, девица, коня моего?») — остался за его пределами. Пушкин чрезвычайно точен, гораздо более точен, чем в переводах из «Гюзлы». Правда, в перевод песни «Коњ се срди на господара» Пушкин вводит отсутствующий у Караджича, но свойственный фольклору всех славянских народов поэтический образ Дуная-реки («Твой конь пробежал на Дунай-реку»), но это чуть ли не единственное допущенное поэтом во всех трех песнях отступление от текста оригинала. Принципы пушкинских переводов из сербской народной поэзии особенно наглядно прослеживаются при анализе стихотворения «Сестра и братья» («Бог ником дужан не остаје»). Нетрудно понять, чем привлекла Пушкина эта народная сербская легенда или баллада. Сюжет ее крайне бесхитростный. У братьев

Павла и Радула есть любимая сестра Елица. Любовь эта вызывает чувство неукротимой ревности у жены Павла. И вот она убивает сперва принадлежащего мужу незаменимого сокола, затем — его драгоценного коня и наконец — своего младенца-сына, обвиняя во всех этих преступлениях Елицу. Павел сперва отказывается верить наветам жены, но после третьего ее злодеяния он теряет рассудок и предает казни сестру, но происходит неожиданное: на месте, где погибла Елица, вырастают душистые васильки и бессмертники. Справедливость, таким образом, начинает заявлять о себе. Желю Павла настигает страшный недуг, сквозь ее тело прорастает трава и поселившийся здесь лютый змей терзает преступницу, Тогда муж осуждает злодейку-жену на смерть, и на месте ее казни образуется озеро, пугающее людей постоянно всплывающим над его поверхностью образом матери-детоубийцы.

Пушкин при переводе этого захватившего его чистотою своего нравственного чувства стихотворения сохранил исключительную близость к оригиналу. Однако поэт, как это уже отмечалось исследователями,³⁵ сократил свое стихотворение сравнительно с первоисточником на семь строк.

Стихотворение начинается с довольно обычного для сербской народной поэзии «затяжного» отрицательного сравнения:

Два су бора непоредо расла,
Међу њима танковрха јела;
То не била дза бора зелена.
Ни међ њима таковрба јеца.
Већ то сила два брата роћена:
Једно Павле, а друго Радуле,
Међу њима сестрица Јелица.

Приведенный отрывок в переводе Пушкина выглядит следующим образом:

Два дубочка выростали рядом,
Между ними тонковерхая елка.
Не два дуба рядом выростали,
Жили вместе два брата родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица.

(III, 357)

Таким образом, Пушкин выбрасывает при переводе четвертую строку оригинала, и затянувшееся двухчленное отрицание становится простым, одночленным. Видимо, Пушкин считал, что в стихотворениях балладного типа, рассчитанных на ускоренное раскрытие сюжета, всякие замедляющие действие элементы не обя-

³⁵ См.: О. Беркопец. Пушкинские переводы сербохорватских народных песен. «Slavia», 1937, гоџник XIV, сећит 3, стр. 416—440.

зательны. Характерно, что и остальные шесть сокращений, сделанных поэтом в переводе стихотворения «Сестра и братья», направлены также на устранение ретардаций. При переходе от одного эпизода к другому в сербском оригинале повторялись стандартные обороты типа: «Когда Павлиха увидела или узнала... то она пошла или побежала», и такие обороты Пушкин систематически сокращал, сводя всякий раз два стиха в один. Например:

К а р а д ж и ч

1. Кад то зачу млада Павловица,
Она оде коџма на ливаду
Те убоде вранца на ливади.
2. Кад то виђе млада Павловица,
Она оде ноћу у градину
Те заклала сивого сокола.

П у ш к и н

Вот пошла Павлиха к водоюю
Да зарезала коня вороного. (III, 357)

Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола. (III, 358)

Стремясь быть близким к источнику, Пушкин сохраняет в своем переводе лексику и синтаксис оригинала во всех случаях, где это не противоречило нормам русского языка: 1) Да омразим брата и сестрицу (Кар.); Чтоб сестра омерзела братьям (Пушк.); 2) То је Павле љубу послушао (Кар.); Своей любви послушался Павел (Пушк.); 3) Она оде вече повечери (Кар.); Вот Павлиха по вечеру поздно (Пушк.); 4) Љ уто тужи млада Павловица (Кар.); Люто страждет молода Павлиха (Пушк.); 5) е је она сама собом пала, језеро се онђе провалило (Кар.); Где осталось ее белое тело, На том месте озеро провалило (Пушк.).

В одном (и только в одном) случае Пушкин заметным образом отступает от оригинала, а именно:

К а р а д ж и ч

Боловала девет годин дана,
Кроз кости јој трава проницала
У трави се љуте змије легу:
Очи пију, у трави се крију.

П у ш к и н

Девять лет Павлиха все хворае, —
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит
к ночи. (III, 359)

Итак, стих «Очи пију, у трави се крију» Пушкин переводит далеко не адекватным: «Пьет ей очи, сам уходит к ночи». Нетрудно догадаться, чем вызвано это отступление русского поэта от буквального смысла стиха. Отступление допущено в строке с резко выраженной в оригинале внутренней рифмой, особенностью, чрезвычайно характерной для сербской народной поэзии. Уяснив, что прием внутренней рифмы является закономерностью в сербских народных песнях, Пушкин считал необходимым сохранить его и для русского читателя. Таким образом, даже там, где на первый

взгляд поэт более всего удалялся от буквального смысла первоисточника, он стремился к наиболее адекватной передаче существа и своеобразия сербской народной поэзии. В свете вышеизложенного нетрудно понять, почему Пушкин назвал песню «Сестра и братья» «прекрасной» (III, 369).

Сборник песен Караджича оказал на Пушкина гораздо более сильное воздействие, чем обычно принято думать. Есть веские основания считать, что после появления в 1832 г. разоблачительных по отношению к «Гюзле» заметок замысел Пушкина существенно изменился. Возможно, что примерно в 1832 г. поэт, прекратив вообще работу над переводами из «Гюзлы», свои дальнейшие творческие поиски проверял критериями сборника Караджича. Однако и после 1832 г. Пушкин оставлял за собой самое широкое право художественной интерпретации славянских народных образов и мотивов. Примечательно, что на черновом автографе «Сказки о рыбаке и рыбке», датированном самим Пушкиным 14 декабря 1833 г., поэт назвал ее: «18-я песня Сербская» (III, 1089).³⁶ Это значит, что даже на этом сравнительно позднем этапе работы над циклом поэт считал возможным включить в него и «Сказку о рыбаке и рыбке», в ее ранней редакции. Несмотря на это недвусмысленное намерение Пушкина, многие исследователи, начиная с Анненкова, причисление «Сказки о рыбаке и рыбке» к «Песням западных славян» считали недоразумением, ошибкой или опiskeй поэта.

Позиция Анненкова в этом вопросе не выдерживает серьезной критики. Мы уже говорили выше о несостоятельности подхода к «Песням западных славян» как к циклу переводов из славянской народной поэзии. Пушкин исходил из убеждения, что в народно-поэтическом творчестве различных славянских народов существуют объединяющие его общие черты и что русская народная поэзия в своих истоках необычайно близка к истокам народной поэзии славянских стран. Отсюда и возникала в сознании поэта возможность творческого переосмысления произведений русского фольклора в духе поэзии «западных» славян.

Первая в науке попытка объяснить, почему «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкин считал 18-й сербской песней, принадлежит Б. В. Томашевскому, полагавшему, что сюжет этой сказки был заимствован русским поэтом из сборника сказок братьев Гримм, где

³⁶ Семнадцатое место в цикле «Песен западных славян» Пушкин, по предположению Б. В. Томашевского, предназначал для перевода сербохорватской народной «Жалобной песни о благородной жене Асан-аги». Подлинный текст этой песни был знаком Пушкину по французскому переводу книги «Viaggio in Dalmazia dell' abate Alberto Fortis» («Путешествие в Далмацию» аббата Альберто Фортиса), изданной в Венеции в 1774 г. Перевод этой песни был начат поэтом, но остался незавершенным.

она была отнесена к числу померанских, что и дало Пушкину право определить ее как сказку славянскую, поскольку древними жителями Померании были славяне.³⁷ Таким образом, объяснение Б. В. Томашевского предполагает знакомство великого русского поэта с древней историей Померании, что, разумеется, может быть поставлено под сомнение. Но дело даже не в этом, а в том, что объяснение Б. В. Томашевского не затронуло вопроса, какими же средствами намеревался поэт возратить этому «германизированному» сюжету его первоначальную славянскую основу. Мне кажется, что история этого замысла Пушкина имеет много общего с историей «Яныша Королевича», возникшего вначале в виде нейтрального в национальном отношении замысла «Русалки» и только впоследствии воплощенного в форму южнославянского эпического стихотворения. Мне кажется далее, что следы работы Пушкина над приближением «Сказки о рыбаке и рыбке» к формам южнославянской поэзии, как понимал ее Пушкин, можно обнаружить в черновых вариантах этой сказки. В черновом автографе сказки есть один эпизод, отсутствующий в окончательном тексте. Старуха изображается в нем в роли «римской папы».

Добро будет она римской папой
 Воротился старик к старухе
 Перед ним монастырь латинский
 <...> Перед ним вавилонская башня
 На самой верхней макушке
 Сидит его старуха
 На старухе сорочинская шапка
 На шапке венец латинский
 На венце тонкая (?) спица
 На спице Стрефилус (?) птица.

(III, 1087—1038)

Появление Стрефилус-птицы в этой «немецкой» по происхождению сказке не привлекало еще, насколько известно, внимания исследователей. А, между тем, оно заслуживает специального рассмотрения. Чуждый немецкой литературе и народной поэзии образ Стрефилус-птицы весьма древнего происхождения и нередко встречается в апокрифической литературе славянских народов. Представление об этом образе Пушкин получил бесспорно по «Голубиной книге», в которой Стрефилус-птица изображается в ореоле грандиозности и величественности.

Стрефил-птица всем птицам мати.
 Почему ж Стрефил-птица всем птицам мати?

³⁷ А. С. Пушкин. Стихотворения, т. II. Изд. «Библиотеки поэта». Под ред. Б. В. Томашевского. Л. 1955, стр. 573—574.

— Живет Стрефил посреди моря,
 Она ест и пьет на синем море,
 Она плод плодит на синем море.
 Когда Стрефил вострепещется,
 Во втором часу после полуночи,
 Тогда запоют все петухи по всей земли,
 Осветится в те поры вся земля:
 Потому Стрефил-птица всем птицам мати.

В других вариантах «Голубиной книги» Стрефилус-птица обладает чертами зловещего существа.

Когда эта птица вострепéнется,
 Все синее море всколебается
 Потопляет море корабли гостиные
 С товарами драгоценными.

В третьих — Стрефил-птица выступает в виде доброго начала.

Побивает птица неприятелей,
 Никаких бед она не делает...³⁸

В момент, когда создавалась «Сказка о рыбаке и рыбке», «Голубиная книга» не была еще напечатана, однако уже тогда в рукописных вариантах она стала известной небольшому кругу литераторов, с которыми поддерживал тесные связи Пушкин. В ноябре 1832 г. П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Если случится собирать стихи, то обрати особенное внимание на Стихи о Голубиной книге».³⁹ Совершенно очевидно, что именно через Киреевского познакомился с «Голубиной книгой», равно как и с другими духовными стихами, и Пушкин. В 1832 и 1833 гг. поэт неоднократно встречался с П. В. Киреевским и обсуждал с ним вопросы, связанные с собиранием и изданием произведений русской народной поэзии.⁴⁰ В статье 1833 г. «Путешествие из Москвы в Петербург» в связи с рассуждениями Радищева о старике, поющем стих об Алексее, божем человеке, Пушкин писал: «...лучше было бы, если Радищев, кстати о старом и всем известном Стихе, поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истин-

³⁸ П. Бессонов. Кальки переходные, вып. II. М., 1861, стр. 290, стр. 370.

³⁹ Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. М.—Л., 1935, стр. 30.

⁴⁰ См.: А. Д. Соионов. Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском. «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, т. XX, вып. 2, 1961, стр. 143—153; ср.: Т. Г. Цявловская. Пушкин и Петр Киреевский. «Огонек», 1953, № 15.

ной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc. . .» (XI, 258).

П. В. Киреевскому, как вероятно и Языкову, и Пушкину, было известно и то, что духовные стихи, или, по терминологии поэта, народные легенды, были преемственно связаны со старославянской письменностью и византийской литературой, и то, что многие из этих легенд приходили из Византии на Русь через Болгарию и Сербию, и это обстоятельство, на мой взгляд, и внушало Пушкину мысль о возможности использования «Голубиной книги» для придания «Сказке о рыбаке и рыбке», которую поэт считал, по-видимому, русской сказкой, южнославянского колорита.

Свобода действий, которой пользовался Пушкин при отборе, компоновке и обработке сюжетов для «Песен западных славян», естественно, не была безграничной. И в дальнейшей работе над циклом Пушкин, как известно, отказался включить в него «Сказку о рыбаке и рыбке» и, окончательно освободив ее текст от «заморских» и «латинских» элементов, сделал ее подлинно русской народной сказкой.

Примечательно, что с выходом в свет «Песен западных славян» работа Пушкина над циклом не прекращается. В бумагах поэта сохранился представленный ему счет от книжного магазина Ф. Беллизара и К^о, из которого мы узнаем, что двухтомный труд на французском языке г-жи Вуайар «Народные песни сербов» (1834) был куплен Пушкиным 22 марта 1835 г. (XVI, 96). Можно поэтому предполагать, что работа Пушкина над изучением и переводами сербского народно-поэтического творчества в 1835 г. была еще далека от своего завершения.

Академическое издание «Полного собрания сочинений» поэта датирует отрывок «Менко Вуич грамоту пишет», сюжет которого взят из истории Сербии, 1835 г. Этим же годом датируется и незавершенный пушкинский перевод сербохорватской «Жалобной песни о благородной жене Асан-аги» («Что белеется на горе зеленой»). Относительно недавно, в 1948 г., В. И. Чернышеву удалось весьма убедительно доказать, что упомянутое выше незавершенное стихотворение Пушкина «Не видала ль, девица, коня моего?» (1835) также является переводом сербской народной песни.⁴¹

Этими названиями, вероятно, не исчерпывается перечень замыслов Пушкина, самым непосредственным образом примыкающих к «Песням западных славян». В этой связи мне хотелось бы поставить здесь один вопрос, связанный с черновой записью Пушкина, датированной 1834 г. и состоящей из наспех сделанного им перечня

⁴¹ В. Чернышев. А. С. Пушкин и сербские и русские народные песни. «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, т. VII, вып. 2, 1948, стр. 159—164.

некоторых предназначенных для включения в цикл «Песен западных славян» стихотворений. Вот как выглядит эта запись:

Видение
 Морл. в Венц.
 Конь Словака
 Сербская песнь
 [Сказка о рыбаке]
 Рыбак и рыбка.⁴²

Какому из своих стихотворений дает Пушкин в этой записи название «Конь Словака»? Комментаторы издания «Рукою Пушкина» отвечают на этот вопрос кратко и недвусмысленно: стихотворению «Конь». Ответ этот, на мой взгляд, нельзя признать удовлетворительным. Стихотворение Пушкина «Конь» является вольным переводом стихотворения Мериме «Конь Томы Второго». Королю Боснии Томе II Мериме посвятил в «Гюзле» три стихотворения и несколько пространственных примечаний, содержание которых было несомненно известно и Пушкину. Таким образом, если бы у русского поэта возникла идея связать свое стихотворение с определенным географическим понятием, он скорее дал бы этому стихотворению название «Конь Бошняка». По-видимому, комментаторы исходили из предположения, что Пушкин допустил здесь опisku. Однако подобного рода ошибку поэт вряд ли мог допустить, поскольку он проявлял интерес к словакам и к словацкому фольклору. В библиотеке Пушкина была изданная в 1832 г. в Харькове И. И. Срезневским книжечка «Словацкие песни».⁴³ Заметим кстати, что в этом сборничке, куда вошло 15 песен, есть одна замечательная песня, к которой без всякой натяжки можно было бы отнести заглавие «Конь словака». Вот ее текст:

Гусары, гусары,
 Пекне кони майте!
 Кед поиде медзи вас,
 Кторого мне дайте?
 Того там, того там,
 Э сто черевено гриво!
 Тед-то ся я понесе
 До табора з мироё!

⁴² Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 280.

⁴³ Не исключена возможность, что интерес Пушкина к словацким песням вообще и указанному выше сборничку И. И. Срезневского поддерживался также и Гоголем. Примечательно, что в 1835 г. Гоголь готовил к печати труд под названием «О духе и характере народной поэзии славянских народов: сербов, словаков, черногорцев, галичан, малороссиян и прочих» (см.: С. М а ш и н с к и й. Гоголь. М., 1951, стр. 65).

Мила ме поведе
 Хлопча за ручечку,
 А я ся понесе
 На вроним конечку!
 Конь вроний, конь вроний,
 Вынесь ме з Моровьи;
 А кед не вынесеш,
 Стреле те до главы.⁴⁴

Из стихотворений Пушкина, примыкающих к «Песням западных славян», отрывок «Менко Вуич грамоту пишет», впервые опубликованный Н. В. Измайловым и Б. В. Томашевским в 1930 г., в исследовательской литературе совершенно почти не подвергался изучению. Между тем названный отрывок представляет огромный интерес для уяснения взглядов Пушкина на народно-поэтическое творчество южных славян. Написанный тем же стихом, что и большинство песен цикла (хотя и не строго выдержанным), отрывок состоит из всего лишь одиннадцати следующих строк:

Менко Вуич грамоту пишет
 Георгию, своему побратиму:
 «Берегися, Черный Георгий,
 Над тобой поднимается туча,
 Ярый враг извести тебя хочет,
 Недруг хитрый, Милош Обренович:
 Он в Хотин подослал потаенно
 Янка младшего с Павлом. . .».
 Осердился Георгий Петрович,
 Засверкали черные очи,
 Нахмурились черные брови.

(III. 387)

Не возникает никаких сомнений в том, что это оригинальное стихотворение Пушкина. Поэт приступил в этом отрывке к воплощению одного из тех своих заветных замыслов, о которых он сообщал в 1830 г. в Кишинев Н. С. Алексею. В «Песне о Георгии Черном» и «Воеводе Милоше» Пушкин дал оригинальные портреты этих двух выдающихся гайдуков, крупнейших вождей борьбы сербского народа с турками, причем каждый из них изображен обособленно, независимо друг от друга. В отрывке же «Менко Вуич», напротив, Георгий Черный и Милош Обренович поставлены в положение непримиримых врагов. Изображению смертельной коллизии Обреновича с Кара-Георгием, которая за-

⁴⁴ *Перевод:* Гусары, гусары, красивы ваши кони! Какого из них вы дадите мне, когда я пойду к Вам? Вот того, вот того, с прекраснейшей гривой! Вот уж тогда-то я помчусь с своей милой к табору! Милая поведет меня, молодец, за ручку и я помчусь на вороном коньке! Конь вороной, конь вороной, унеси меня из Моравии, а если не унесешь, я выстрелю тебе в голову (Словацкие песни. Харьков. 1832, стр. 8—9).

канчивается трагической гибелью последнего, и должно было быть посвящено стихотворение (или песня или, скорее всего, поэма), начало которого дано в отрывке «Менко Вуич грамоту пишет».

Крайне любопытен этот отрывок Пушкина и своими изобразительными средствами. В литературе о поэте еще не было указаний на то, что песня или поэма о Менко Вуиче была задумана автором в стиле сербских эпических песен. Для последних, так же как и для пушкинского отрывка, весьма характерен мотив *књиги*, т. е. письма (у Пушкина — грамота), которую одно действующее лицо пишет и посылает другому, как правило, — своему другу или побратиму. В качестве примера приведем начало песни о Јерко Латинине:

Књигу пише Јерко Латинине,
 Те је шиље горе у подгорје
 Побратиму Головану Луки:
 «Побратиме, Луко Голован!
 Скуп дер, брате, под барјак јунаке,
 Све по избор' кога бољег знадеш,
 Доведи и к мене у приморје,
 Да Талију земљу поарамо».⁴⁵

Точно в таком же стилистическом и ритмическом ключе написан и пушкинский отрывок «Менко Вуич грамоту пишет».

Свыше ста лет тому назад И. И. Срезневский писал: «По крайней мере в редкой сербской песне не пише или не учи (читает) книгу ситну (мелко написанное письмо) тот или другой јунак, та или другая луба или вјереница».⁴⁶ На эту же характерную композиционную особенность сербских народных песен задолго до Срезневского обратил внимание и Пушкин.

Великий русский поэт тщательно изучал сборник Караджича, осваивая содержание, язык и художественное своеобразие народной поэзии сербов. Отрывок «Менко Вуич грамоту пишет» является свидетельством того, что Пушкин не только восхищался народной поэзией южных славян, но и признавал за нею широкие нормативные возможности. На втором этапе своей работы над «Песнями западных славян», т. е. после 1832 г., Пушкин твердо ориентировался на образцы и нормы подлинной славянской поэзии, используя их в таких стихотворениях, как «Песня о Георгии Черном», «Воевода Милош» и др. «Читая эти стихи, — писал о пушкинском стихотворении «Песня о Георгии Черном»

⁴⁵ *Перевод:* Пишет письмо Ерко Латинин и шлет его в Подгорье побратиму своему Головану Луке: «Побратим ты мой, Лука Голован! Собери ты под знамя молодых, всех по выбору, кого сам знаешь; приведи ты их ко мне в приморье, чтобы пограбить мне с ними землю Италию».

⁴⁶ И. Срезневский. Вук Стефанович Караджич. Очерк биографический и библиографический. «Московский литературный и ученый сборник». М., 1846, стр. 343.

И. И. Срезневский, — невольно подумаешь, что они дословно переведены с сербского». ⁴⁷

Срезневский был настолько увлечен «Песней о Георгии Черном», что решил перевести ее на сербский язык. Заслуживает упоминания и то, что перевод этот был просмотрен и одобрен Вуком Караджичем. ⁴⁸

В занятиях Пушкина славянской темой, которая охватывает, помимо «Песен западных славян» и примыкающих к ним набросков, также и повесть «Кирджали», и переводы из Мицкевича, и отдельные стихотворения, созданные на материале украинского фольклора, — в этих занятиях рождались новые замыслы, возникали новые задачи. Одной из наиболее ответственных задач, которую поставил перед собой в конце 1835 г. Пушкин, было издание «Слова о полку Игореве». А. И. Тургенев 13 декабря 1836 г. писал своему брату Н. И. Тургеневу: «Он <Пушкин> хочет сделать критическое издание сей песни, вроде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шишкова и др. переводчиков и толкователей... Три или четыре места останутся в оригинале неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих: все основано на знании наречий славянских». ⁴⁹ В черновых заметках Пушкина к «Слову» мы встречаемся с такими записями: «Готовый на языке западных славян неизвестный», или: «Кмет на языке западных славян значит: простолюдин, мужик». ⁵⁰ Отсюда нетрудно заключить, что работа Пушкина над «Словом о полку Игореве» была теснейшим образом связана с его занятиями славянской темой, которые были прерваны лишь смертью поэта. Как известно, И. П. Сахаров, посетивший Пушкина за три дня до дуэли, оставил воспоминания о предсмертных замечаниях поэта о «Слове о полку Игореве». ⁵¹

Работа над славянской темой — это не эпизод и не временное увлечение Пушкина. Славянская тема находилась в самом центре идейных и творческих исканий поэта, и это объясняется не только объективным значением этой темы, но и тем немаловажным обстоятельством, что Пушкин пришел к ней не под воздействием книг, а от живых впечатлений действительности периода южной ссылки. Даже в самых ранних своих проявлениях («Дочери Кара-Георгия», «Чиновник и поэт» и др.) она явственно перекликалась с раздумьями поэта о судьбах больших и малых народов, о роли

⁴⁷ И. И. Срезневский. Замечания об эпическом размере славянских народных песен. СПб., 1861, стр. 11.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3. М.—Л., 1928, стр. 278.

⁵⁰ Рукою Пушкина, стр. 217.

⁵¹ «Русский архив», 1873, № 1, стр. 955.

народных масс в истории, о национально-освободительном движении и т. д. Нередко славянская тема у Пушкина стимулировала развитие темы русской. Уже один тот факт, что занятия Пушкина народной поэзией южных славян находятся в полном соответствии (и хронологическом, и тематическом) с его же изучением русской народной поэзии, свидетельствует об огромном значении этой темы в процессе совершенствования пушкинского реализма.

Все это в значительной мере определило также и особое место «Песен западных славян» и примыкающих к ним произведений Пушкина в развитии русской литературы. На протяжении многих десятилетий «Песни западных славян» воспитывали в читателях чувство национального самосознания, понимание исторической общности славянских народов и интерес к историческим судьбам славянства. Пушкин первый в русской литературе реалистически отобразил и воспел национально-освободительную борьбу южных славян. От жемчужины пушкинского творчества — «Песни о Георгии Черном», от его «Воеводы Милоша» и повести «Кирджали» — берет свое начало южнославянская тема в русской литературе. Пушкинские «Песни западных славян» немало способствовали также решению проблемы национальной формы в искусстве и ряда других эстетических задач. Достаточно будет сказать, что разработанный Пушкиным для «Песен западных славян» «народный стих» продолжает и до сих пор сохранять значение нормы для русских переводов из южнославянской народной поэзии.

За рубежами нашей родины наибольшее распространение творчество Пушкина получило именно в славянских странах. Известность эта определяется прежде всего колоссальными масштабами пушкинского дарования, глубиной и правдивостью его творчества, красотой и гуманизмом его поэтических идеалов. Но мы называем Пушкина величайшим поэтом славянского мира не только потому, что он стоит в числе самых выдающихся писателей, выдвинутых славянством, но еще и потому, что славянская тема постоянно находила живой и искренний отклик в его мирообъемлющем гении.

Ю. Д. Левин

М. А. МИХАЙЛОВ И ДЕЯТЕЛИ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ¹

В конце жизни, сосланный на сибирскую каторгу, писатель-революционер Михаил Ларионович Михайлов написал автобиографический роман «Вместе». В этом романе он рассказывал о своей революционной деятельности, воплотив многие свои черты в образе главного героя романа Владимира Борисова. Роман дошел до нас не полностью. В 1870 г. в демократическом журнале «Дело» была напечатана первая его часть.² Остальные главы дважды представлялись в цензуру и оба раза печатание их было запрещено.

Эти главы не сохранились, но некоторое представление о них дают рапорты цензоров.³ При всей скудости таких источников, они, тем не менее, позволяют установить, что тема Польши, польского национально-освободительного движения играла в романе важную роль. Так, по свидетельству одного цензора, в главе V содержался «разговор о состоянии Польши перед 1862 годом» и вполне ясно выражалось «сочувствие к польским замыслам».⁴ Другой цензор, член совета Главного управления по делам печати Ф. Ф. Веселаго, писал: «При весьма прозрачной замаскировке лиц и обстоятельств, самому недогадливому читателю ясно, что здесь представлены деятели, принадлежащие к обществу, сочувствовавшему бывшему в Польше восстанию и дружно занимающемуся пропагандированием идей, преследуемых правительством». Таким образом, сочувствие польскому восстанию и пропаганда антиправительственных идей были представлены в романе как

¹ Часть материалов настоящей статьи публиковалась в нашей статье «Michała Michajłowa związki z Polską i Polakami» («Slavia orientalis», 1963, № 1, стр. 31—50).

² Мих. Михайлов. Вместе. «Дело», 1870, № 1, стр. 1—37.

³ Отрывки из этих рапортов приводятся в статье: Г. Коган. Судьба «неоконченного» романа М. А. Михайлова о «новых людях». «Вопросы литературы», 1962, № 1, стр. 198—200. Так как документы опубликованы здесь с ошибками и пропусками, ниже они цитируются по архивным подлинникам Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ)

⁴ ЦГИАЛ, т. 776, оп. 3, № 398, л. 222.

взаимосвязанные явления одного порядка. (Заметим, что цензоры имели дело с текстом, приспособленным редакцией «Дела» к цензурным условиям. В первоначальном тексте тема польского восстания несомненно была выражена определеннее).

Еще больший интерес представляет приведенная в рапорте Веселаго характеристика главных действующих лиц: «... один из этих лиц есть возвращенный из ссылки декабрист, сочувственно относящийся к новым деятелям, другой — поляк, впоследствии казненный, третий — русский литератор, заключенный в Петропавловскую крепость и сосланный в Сибирь».⁵ Это указание весьма существенно. Два из названных действующих лиц — декабрист Роман Петрович и русский литератор Владимир Борисов, alter ego Михайлова, — известны из опубликованной части романа. Но благодаря рапорту цензора мы узнаем, что важную роль в романе играл и польский революционер.

Заглавие «Вместе» было многозначительным. Своим романом писатель утверждал, что в освободительной борьбе объединяются мужчины и женщины, революционеры разных поколений — декабристы и шестидесятники, и разных национальностей — русские и поляки. Все они вместе поднимались на революционное дело. Такова была основная идея романа, которым Михайлов подводил итог своей жизни и революционной деятельности.

Убежденность в единстве целей польских и русских революционеров естественно возникла из жизненного опыта Михайлова. В разные периоды жизни он был близок с борцами за освобождение Польши и находил в них единомышленников или товарищей по судьбе. Выяснению этих связей Михайлова и посвящается эта статья.⁶

Впервые с участником польского национально-освободительного движения Михайлов познакомился еще в детстве. Одним из его учителей был ссыльный поляк,⁷ возможно, повстанец 1830—1831 г. Впоследствии в романе «Вместе» в воспоминаниях героя романа о своем детстве писатель создал обаятельный образ ссыльного учителя. «Степной городок был учителю чужой, — писал Михайлов, — и темная судьба закинула его туда из его далекой родины еще юного, пылкого, полного светлых стремлений. Молодая отвага его не сокрушилась в неровной, нерассчитанной борьбе; он не разочаровался в несбывшихся надеждах; а только перенес их

⁵ Там же, лл. 224 об. — 225.

⁶ Пользуемся случаем принести благодарность В. Э. Бограду, Д. Б. Каннелсон, Л. И. Ровняковой и Тадеушу Шишко, оказавшим любезную помощь при написании этой статьи.

⁷ См.: Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пгр., 1923, стр. 94.

дальше в будущее. С озлобленно-грустной улыбкой на губах, с глубокою печалью в голубых глазах, рассказывал он о своей бедной, страдающей родине. Потом глаза его высыхали от слез и загорались отвагой, и он говорил с юношеским пламенем о господстве зла на земле и необходимости непримиримой вражды к нему, о святости борьбы, страданий и гибели за благо родины и человечества. Надеждам его не удалось сбыться. Он не возвратился домой, — умер вдали от отчизны».⁸

Показательно, что Михайлов подчеркивал в польском патриоте ту же черту, которую отмечал Герцен, когда писал о поляках-эмигрантах, повстанцах 1830—1831 гг., — неизменную преданность идее освобождения своей родины, преданность, которую не могли поколебать никакие испытания.⁹

Сходный образ ссыльного учителя Михайлов создал еще раньше в рассказе «Уленька» (1857),¹⁰ также проникнутом автобиографическими мотивами. Но тогда, видимо по цензурным причинам, он сделал учителя русским студентом, отданным в солдаты за дуэль. Это двукратное обращение к одному и тому же образу позволяет судить, насколько сильным было нравственное воздействие учителя-поляка на его маленького питомца, если он оставил столь глубокий след в его творческом сознании.

В канун и во время революционной ситуации в России Михайлов был близок с Эдвардом Желиговским, Брониславом Залеским и Зигмунтом Сераковским — тремя виднейшими деятелями польского национально-освободительного движения, находившимися тогда в России. С ними были также связаны Чернышевский и Шевченко — вожди русской и украинской революционной демократии.

В 1856 г. по поручению Морского министерства Михайлов поехал в Оренбургскую губернию с целью изучения быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством.¹¹ Оренбург и Оренбургская губерния были в то время местом политической ссылки. Сюда попали некоторые петрашевцы. Здесь было много польских ссыльных, которые даже образовали в 50-е годы кружок так называемых «конфирмованных дворян», т. е. лиц дворянского происхождения, насильственно определенных на военную или

⁸ Мих. Михайлов. Вместе, стр. 24.

⁹ См.: А. И. Герцен. Поляки прощают нас! (1853). Собрание сочинений в тридцати томах, т. XII, Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 88.

¹⁰ «Библиотека для чтения», 1857, т. CXLVI, № 12, стр. 161—190.

¹¹ Об этой командировке Михайлова см.: Н. Мещерский. Михаил Ларионович Михайлов и его литературная командировка в Оренбургский край. «Степные огни», Литературно-художественный сборник, № 4, Чкалов-облиздат, 1941, стр. 152—181.

гражданскую службу за политические проступки.¹² В кружок входили: Бронислав Залеский, Желиговский, Венгржиновский, Сераковский, Станевич, Лещинский и др. «Ссылные поляки составляли образованную часть губернского общества...», — вспоминал Ф. М. Лазаревский, служивший в Оренбургской пограничной комиссии.¹³ Между поляками и петрашевцами установились дружеские отношения.¹⁴

Возможно, что с поляками Михайлова знакомил находившийся в это время в Оренбурге поэт-петрашевец А. Н. Плещеев — его прежний знакомый по Петербургу.¹⁵ Плещееву были известны симпатии Михайлова к полякам; недаром он посвятил ему свой перевод стихотворения В. Сырокомли «Птичка».¹⁶

Эдвард-Витольд Желиговский (1816—1864) — польский революционный мыслитель и поэт, публиковавший свои произведения под псевдонимом Антоний Сова,¹⁷ был в 1851 г. выслан из Вильно в Петрозаводск за свое сочинение «Иордан, драматическая фантазия» (1846), проникнутое антикрепостническими, демократическими и просветительскими идеями. В 1853 г. он по состоянию здоровья был переведен в Оренбургскую губернию и определен на службу в канцелярию гражданского губернатора в Уфу, а впоследствии был назначен чиновником особых поручений при началь-

¹² См.: В. А. Дьяков. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. В сб.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 76.

¹³ Ф. М. Лазаревский. Из воспоминаний о Шевченко. «Киевская старина», 1899, т. LXIV, № 2, стр. 159.

¹⁴ См.: Br. Zaleski. Wygnańcy polscy w Orenburgu. Rocznik towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Rok 1866. Paryż, 1867, стр. 104.

¹⁵ См.: «Литературный архив», 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 238. — Заметим, что Плещеев не мог, однако, познакомить Михайлова с Желиговским, находившимся в это время в Уфе.

¹⁶ «Русский вестник», 1857, т. VII, январь, кн. 2, стр. 439. — Об этом посвящении Плещеев писал Михайлову 28 декабря 1856 г. («Литературный архив», 6, стр. 241).

¹⁷ Литература о Желиговском крайне бедна. Основной очерк его жизни и творчества (A. Drogoszewski. Żeligowski Edward (Antoni Sowa). Wiek XIX. Sto lat myśli polskiej, t. IX. Warszawa—Kraków—Poznań—Wilno. 1918, стр. 425—441) не может считаться ни достаточно полным, ни правильным с точки зрения интерпретации творчества поэта. Библиографию произведений Желиговского и литературы о нем см. там же, стр. 433. См. также био-библиографическую справку в кн.: Gabriel Korbut. Literatura polska od początków do wojny światowej, t. III. Warszawa, 1930, стр. 534—535. В недавнее время Желиговскому была посвящена кандидатская диссертация, защищенная на философском факультете Московского университета. См.: Г. Ч. Писарёк. Роль Эдварда Желиговского и Сигизмунда Сераковского в идеологической и освободительной борьбе польского и русского народов. Автореферат дисс. М., 1961.

нике Оренбургской губернии.¹⁸ Б. Залеский в некрологе Желиговского вспоминал о том авторитете, которым поэт пользовался в эти годы у окружающих: «Во время пребывания своего в приуральском крае поистине был он украшением кружка изгнанников и многим из них оказал он нравственную и действительную поддержку... В среде русских он также сумел снискать себе всеобщее уважение; у него учились польскому языку и даже нередко обращались к нему за советом».¹⁹

Михайлов, очевидно, познакомился с Желиговским в Уфе во время своего пребывания в этом городе весной 1856 г.²⁰ Залеский, встречавшийся с польским поэтом летом того же года перед своим возвращением на родину, писал 18 сентября Шевченко, что Желиговский с Михайловым «очень хорош»,²¹ т. е., надо понимать, очень дружен. Несомненно, что духовному сближению обоих писателей способствовала их любовь к Гейне. Михайлов был лучшим русским переводчиком Гейне в XIX в.; произведения немецкого поэта он переводил в течение всей своей жизни.²² Н. В. Шелгунов, друг Михайлова, писал, что Гейне был его любимым поэтом «потому, что у Михайлова был тот же душевный склад, те же переходы от серьезного настроения к внезапной иронии или шутке и тот же острый, тонкий ум, умевший схватывать оттенки мыслей и чувств».²³ Нечто подобное вспоминал Залеский о Желиговском: «... в произведениях его обнаружилось увлечение... Гейне, талант которого был ему даже сродни. Желиговский переводил некоторые его песни и нередко подражал ему».²⁴

¹⁸ Дело Желиговского из архива Министерства внутренних дел изложено в комментариях М. К. Лемке к изданию: А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XI, Пгр., 1919, стр. 471—478.

¹⁹ Rocznik towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Rok 1866, стр. 370.

²⁰ См. письмо Михайлова к Я. П. Полонскому от 5 апреля 1856 г. (Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 445).

²¹ Из переписки Т. Г. Шевченко с разными лидами. (С примечаниями М. К. Чалого). «Киевская старина», т. LVI, 1897, март, стр. 463.

²² О Михайлове как переводчике Гейне см.: Е. Я. Рубинова. О принципах подхода М. Л. Михайлова к переводам произведений Генриха Гейне. «Ученые записки кафедры русской и зарубежной литературы Казахского государственного университета им. С. М. Кирова», вып. 2, Алма-Ата, 1958, стр. 69—87.

²³ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 96.

²⁴ Rocznik towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Rok 1866, стр. 369. — Предположение Г. Ч. Писарэк, что «Желиговский побудил Михайлова заняться переводами на русский язык стихотворений Г. Гейне» (Г. Ч. Писарэк. Роль Эдварда Желиговского... стр. 12) является недооценением: Михайлов начал переводить Гейне более чем за десять лет до знакомства с Желиговским.

Нам удалось обнаружить три недатированные записки Желиговского к Михайлову,²⁵ свидетельствующие об их дружественных отношениях. Записки, по-видимому, относятся к 1856—1857 гг., т. е. ко времени пребывания Михайлова в командировке. Та, которую мы условно считаем первой, гласит:

«Mr Baranowski et moi, nous avons l'intention de passer ce soir chez Vous. Ayez la complaisance de nous faire savoir si votre Muse et vos occupations ne s'y opposent pas. — Гость не вовремя хуже татарина. T. à V. W. E. Zeligowski».²⁶

Как видно из записки, вместе с Желиговским Михайлова посещал Егор Иванович Барановский — оренбургский гражданский губернатор, в канцелярии которого служил польский поэт. Это был человек передовых взглядов, большой приятель А. Н. Плещеева, также служившего под его началом. Сохранившиеся письма к нему Плещеева,²⁷ в которых последний откровенно делился своими мнениями по поводу общественной и литературной жизни и даже критиковал царский манифест об освобождении крестьян, показывают, что бывший петрашевец считал Барановского во многом своим единомышленником. Показательно, что впоследствии, при проведении крестьянской реформы, Барановский заслужил репутацию «безусловного, пристрастного защитника, во что бы то ни стало, одного крестьянского сословия, в ущерб дворянам-помещикам», и, в конце концов, встретив «непреодолимые нравственные препятствия», был вынужден уйти в отставку.²⁸ По-видимому, Барановский и в 60-е годы поддерживал, с одной стороны, с Михайловым, а с другой — с польскими революционерами какие-то связи, о содержании которых мы можем только догадываться. Известно, что его жена Екатерина Барановская в 1862 г. «была изблечена в переписке преступного содержания» с другом Михайлова писателем М. В. Авдеевым по поводу организации побега Михайлова. А в 1863 г. при обыске было найдено ее письмо к Иерониму Кеневичу — организатору «Казанского заговора» русских и польских революционеров.²⁹ Трудно предположить, чтобы

²⁵ Хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР: ф. 547, № 9.

²⁶ *Перевод:* Г-н Барановский и я намереемся провести этот вечер у Вас. Будьте любезны известить нас, не противятся ли этому Ваша муза и Ваши занятия. — «Гость не вовремя хуже татарина». Весь Ваш В. Э. Желиговский.

²⁷ Шестидесятые годы, стр. 453—468.

²⁸ Е. И. Барановский. По поводу статьи В. А. Шомпулева: «Во время реформ императора Александра II». «Русская старина», 1899, т. ХСVIII, № 4, стр. 221, 224.

²⁹ См.: Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах («Русская историческая библиотека», № 2, [б. м. и б. г.], стр. 133); Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. 1, ч. 2, М., 1928, стлб. 30.

сам Барановский не имел к этому никакого отношения, тем более, что с Авдеевым, в частности, он был связан в 1861 г. по крестьянским делам.³⁰

Другая записка Желиговского:

«Ayez la complaisance, bon et cher Михаил Ларионович, de remettre de ma part 6 volumes de G. Sand ci-joints à Mme Потулов. Je Vous attends demain chez moi. — N'oubliez pas de grâce de m'apporter les vers promis de Некрасов.

Ваше tout dévoué W. E. Zeligowski».³¹

О «г-же Потуловой» сведений найти не удалось. Упомянутые в записке стихи Некрасова, — несомненно, «Стихотворения Н. А. Некрасова» — первый сборник зрелых стихотворений поэта, изданный в 1856 г. в Москве К. Солдатенковым и Н. Щепкиным. Это издание, в котором Некрасов подводил итог своей творческой деятельности и декларировал принципы новой, гражданской поэзии, имело небывалый успех в русском обществе.³² Издание вышло в свет 19 октября 1856 г. и, видимо, было переслано Михайлову его друзьями. Тот факт, что Желиговский благодаря Михайлову знакомился с поэзией Некрасова, представляется нам весьма значительным.

Последняя записка была связана с какой-то совместной поездкой Михайлова и Желиговского.

«Je suis à Vos services prêt à voyage. Je Vous adresse ces quelques lignes pour Vous le dire et pour V^s demander si V^s n'attendez pas avec la poste d'aujourd'hui des lettres intéressantes de Moscou ou de Pétersbourg? En ce cas nous serions partis après l'arrivée de la poste, c'est à dire après diné. — Cela me serait aussi agréable, car j'attends non moins des lettres. Faites-moi savoir Votre résolution. — Votre tout dévoué W. E. Zeligowski».³³

Трудно сказать, что это была за поездка. Вряд ли это было путешествие в Петербург, потому что Желиговский получил разрешение вернуться на родину еще в январе 1857 г. и, вероятно, тогда же уехал из Оренбургской губернии. Михайлов же оставался

³⁰ См.: «Литературное наследство», 51—52, М., 1949, стр. 88.

³¹ *Перевод:* Будьте любезны, добрый и дорогой Михаил Ларионович, передать от моего имени г-же Потуловой прилагаемые при сем 6 томов Жорж Санд. Жду вас завтра у себя. Не забудьте, пожалуйста, принести обещанные стихи Некрасова. Всецело Вам преданный В. Э. Желиговский.

³² О значении этого издания см.: В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. II. М.—Л., 1950, стр. 216—293.

³³ *Перевод:* Я к Вашим услугам и готов отправляться в путь. Пишу Вам эти строки, чтобы сообщить Вам об этом и спросить, не ожидаете ли Вы с сегодняшней почтой интересных писем из Москвы или Петербурга? В этом случае мы бы выехали после прибытия почты, т. е. после обеда. Это было бы мне тоже удобно, потому что я также ожидаю писем. Уведомьте меня о Вашем решении. Всецело Вам преданный В. Э. Желиговский.

там еще несколько месяцев и вернулся в Петербург только в начале июня. Скорее всего, в записке идет речь о каком-то совместном переезде из Уфы в Оренбург или обратно.

У нас нет сведений о том, встречались ли Желиговский с Михайловым в Петербурге, где польский поэт жил до своего отъезда за границу в 1860 г. и принимал участие в издании польского журнала «Słowo». Тогда же Желиговский издал два сборника своих стихотворений. Можно лишь предполагать, что Михайлов был посетителем собраний у Н. И. Костомарова по вторникам осенью 1859 г., где встречались русские, польские и украинские демократические деятели: Чернышевский, Желиговский, Сераковский, Калиновский, Белозерский, Шевченко и др.³⁴

Впоследствии, в Сибири, Михайлов вспоминал о Желиговском. По дороге на каторгу в январе 1862 г. он останавливался в Тобольске и здесь познакомился с ссыльным гродненским ксендзом Иосифом Маевским. «У нас оказалось, — писал Михайлов в своих записках, — человека два-три общих знакомых из гродненских поляков, — между прочим, поэт Желиговский».³⁵

С Б. Залеским Михайлов познакомился уже в Петербурге; во время командировки Михайлова им встретиться не удалось.³⁶ Бронислав Залеский (1820—1880) — польский революционный деятель, историк и художник, был отдан в солдаты и сослан в Оренбург за активное участие в подготовке Познанского восстания 1846 г. После ссылки он жил у себя на родине в Минской губернии. В июне 1859 г. он приехал в Петербург в связи с подготовкой крестьянской реформы как член Минского губернского комитета для работы экспертом редакционной комиссии по составлению положений о крестьянах.³⁷ Тогда и состоялось личное знакомство его с Михайловым.

Шевченковеды давно уже обратили внимание на публиковавшиеся в галицийском литературном сборнике «Ватра» воспоминания инженера Г. Малецкого, который в 1859—1860 гг. учился в военной школе в Петербурге и посещал своего товарища Эдварда

³⁴ См.: Автобиография Николая Ивановича Костомарова. «Русская мысль», 1885, № 6, стр. 33. — Костомаров относил эти «вторники» к осени 1858 г. Однако, как показала Н. М. Чернышевская, это указание противоречит другим датировкам «Автобиографии», и «вторники», вероятнее всего, состоялись осенью 1859 г. (см.: Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 178). Михайлов же осенью 1858 г. находился во Франции, а осенью 1859 г. — в Петербурге.

³⁵ М. А. Михайлов, Сочинения, т. III, М., 1958, стр. 579.

³⁶ «Когда я был в Уфе, его (Михайлова, — Ю. А.) там не было...», — писал Залеский Шевченко 18 сентября 1856 г. («Киевская старина», 1897, т. LVI, март, стр. 463).

³⁷ См.: Л. Хинкулов. Тарас Шевченко. Биография. М., 1960, стр. 386—387.

Подосского, студента-юриста, жившего у живописца Мартынова.³⁸ «У этого-то Мартынова, — сообщал Малецкий, — трижды в неделю собиралось общество старших и более молодых литераторов, художников и т. п., развлекались серьезными и веселыми разговорами, нередко за вином. Бывали там среди прочих поэт Михайлов, Бронислав Залеский, инспектор университетских студентов Шеллер и наш известный поэт Тарас Шевченко».³⁹

В нашем литературоведении уже отмечалось, что Малецкий спутал фамилию инспектора студентов Петербургского университета. В действительности это был А. И. Фицтум фон Экштед, который еще в 40-е годы поддерживал знакомство со студентами-поляками — впоследствии революционными деятелями — Сераковским, Пржибыльским и др.⁴⁰

Интерес представляет и участие в этом кружке (а следовательно, и знакомство с Михайловым) студента-поляка Эдварда Подосского, который в 1861 г. был арестован за распространение революционной прокламации «Великорус», а впоследствии стал активным членом «Земли и воли» и принимал деятельное участие в организации подпольных типографий и печатании прокламаций.⁴¹

Таким образом, Михайлова и Залеского связывала некая организация, кружок, который носил определенный политический характер. Малецкий прямо указывал, что на собраниях велся «разговор о политических и общественных делах» («розмовъ про справы політичні и суспільні») и замечал далее: «Члены этого кружка были проникнуты идеями либерально-федеративного пан-

³⁸ Л. Ф. Хинкулов высказал предположение, что это Дмитрий Никифорович Мартынов (1826—1889), учившийся, а затем преподававший в Петербургской академии художеств, академик исторической и портретной живописи с 1864 г. (см.: Л. Хинкулов. Тарас Шевченко, стр. 531). Это предположение представляется маловероятным, потому что Д. Н. Мартынов в 1858—1864 гг. почти все время находился в Риме как пенсионер Академии (см.: Ф. И. Булгаков. Наши художники, т. II, СПб., 1890, стр. 51—52; П. Н. Петров. Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования, ч. III. СПб., 1866, стр. 351, 358, 374, 390). Возможно, что Малецкий неточно передал фамилию художника, у которого жил Подосский.

³⁹ «Ватра». Литературный збірник. Выдав Василь Лукичъ. Стрый, 1887, стр. 206—207. — На эти воспоминания впервые указал украинский литературовед А. В. Недзведский в статье «Знайомство Шевченка з Михайловим» («Літературна газета», Київ, 1946, № 16).

⁴⁰ См.: Л. Хинкулов. Тарас Шевченко, стр. 386, 144—145.

⁴¹ См.: Т. Г. Снытко. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. В сб.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 232, 285, 287. См. также: Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. Гослитиздат, 1958, стр. 321; Н. В. Гогель. Иосафат Огрызко и Петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. 2-е изд. Вильна, 1876, стр. 122.

славизма и в первую очередь федерации украинцев, поляков и русских». ⁴² Нетрудно понять, что «либерально-федеративный панславизм» в переводе на современное словоупотребление означает революционную борьбу за свободу славянских народов и их федеративное объединение на братской, равноправной основе. Эти идеи противостояли официозному и реакционному славянофильскому понятию панславизма, подразумевавшему объединение славян под гегемонией русского царизма. Михайлов был убежденным противником реакционного панславизма и впоследствии в своих записках с иронией писал о славянофилах, которые «мечтают о том, как хорошо было бы, если бы наш двуглавый орел осенил своим могучим крылом все остальные славянские племена». ⁴³

Весной 1860 г. Залеский выехал за границу и больше в Россию не возвращался. В 1863 г. он деятельно помогал восстанию в Польше: через него пересылались деньги, собранные на покупку оружия за границей.

Но деятельность кружка продолжалась и после отъезда Залеского. Малецкий вспоминал, что члены кружка «устроили в Казанском соборе в конце 1860 г. панихиду по пяти убитым в том году в Варшаве полякам». ⁴⁴

Это указание (хотя и неверно датированное) весьма важно. Панихида по пяти убитым в Варшаве участникам демонстрации 13 (25) февраля 1861 г., состоявшая в действительности не в Казанском соборе, а в католическом костеле св. Екатерины, явилась важным моментом в сближении польских и русских студентов. ⁴⁵ Следует иметь в виду, что Михайлов был связан со студенческими кружками через близкого ему Евгения Михаэлиса — брата Л. П. Шелгуновой. ⁴⁶ Е. П. Михаэлис — в то время студент Петербургского университета — был одним из вожаков революционного студенческого движения, за что был арестован в сен-

⁴² «Ватра», стр. 207.

⁴³ М. Л. Михайлов, Сочинения, т. III, стр. 565.

⁴⁴ «Ватра», стр. 207.

⁴⁵ Об этой панихиде см.: Л. Ф. Пантслеев. Воспоминания, стр. 173—179; Н. Н. Родзевич. Отставка Е. П. Ковалевского. (По документам архива департамента народного просвещения). «Исторический вестник», 1905, т. ХСІХ, № 1, стр. 122; Т. Г. Снытко. Студенческое движение... стр. 211. — В отношении даты панихиды существуют разноречивые сведения. Н. Н. Родзевич отнес ее к 22 февраля 1861 г. Это согласуется с воспоминаниями Пантелеева и Малецкого, которые указывали, что панихида состоялась до смерти Шевченко (т. е. до 26 февраля). Т. Г. Снытко, ссылаясь на архивные документы, называет днем панихиды 1 марта 1861 г.

⁴⁶ А. А. Широв. М. Ил. Михайлов и революционное движение 60-х годов. В кн.: М. Ил. Михайлов. Записки (1861—1862). Пгр., 1922, стр. 3; см. также: П. В. Боборыкин. За полвека. (Мои воспоминания). М.—Л., 1929, стр. 173, 328.

тябре 1861 г. и в дальнейшем сослан.⁴⁷ В марте того же года он участвовал в совещании представителей польских и русских студентов, на котором обсуждалась необходимость их объединения.⁴⁸

Известный польский историк XIX в. Болеслав Лимановский назвал Михайлова также в числе русских революционных деятелей, оказывавших в начале 60-х годов влияние на учащихся петербургских военных учебных заведений. Поляки составляли значительную часть этих учащихся. В их числе находились революционеры Ярослав Домбровский и Зигмунт Сераковский.⁴⁹

С Сераковским Михайлов был знаком лично. Когда они познакомились, нам неизвестно. Это знакомство могло состояться и в Оренбурге во время командировки Михайлова,⁵⁰ и в Петербурге в годы революционной ситуации (1859—1861), когда Михайлов входил в редакцию «Современника», а Сераковский, офицер Генерального штаба, был близок к кружку этого журнала, в котором он прежде сотрудничал. Свидетельство об их знакомстве сохранилось в воспоминаниях А. Я. Панаевой, которая писала, что осенью 1861 г. Михайлов и Сераковский однажды утром посетили Некрасова. «Оба принесли по стихотворению для „Современника“. Михайлов — перевод из Гейне, а Сераковский — из Мицкевича, и прочитали их Некрасову, который попросил Сераковского прочесть его перевод по-польски. Сераковский совершенно преобразился, когда стал читать стихи по-польски: глаза его сверкали, голос дрожал от волнения. После прочтения стихов он сказал: „Русский язык беден, чтобы передать всю мощь стиха Мицкевича“, и добавил выразительным тоном, что „нация, которая может создавать таких поэтов, как Мицкевич, могуча, и никто не в силах подавить ее, она воспрянет еще прекраснее и сильнее, закалившись в страданиях“.

«Михайлов был очень весел и рассказывал смешные анекдоты из своего путешествия.⁵¹ Некрасов пригласил обоих на обед, который должен был быть на-днях, по обыкновению, по выходе номера „Современника“.

«Михайлов обещал непременно быть, а Сераковский сказал, что через два часа уезжает в Вильно, где, кажется, служил.

⁴⁷ О нем см.: Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 35—36, 43, 132—135.

⁴⁸ Т. Г. Снытко, Студенческое движение... стр. 215.

⁴⁹ [Bolesław Limanowski.] Historia ruchu narodowego od 1861 do 1864 г., t. I. Lwów, 1882, стр. 134.

⁵⁰ Весну и часть лета 1856 г. Сераковский провел в районе дислокации Оренбургского корпуса, после чего уехал из Оренбурга (В. А. Дьяков. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского, стр. 82).

⁵¹ Имеется в виду поездка Михайлова в Лондон для напечатания прокламации «К молодому поколению».

«Но на другое утро мы узнали, что в ночь Михайлов был арестован, Сераковского я тоже более не видала».⁵²

Знакомство Михайлова с Сераковским получило отражение и в его творчестве. Нам представляется несомненным, что герой романа «Вместе» «поляк, впоследствии казненный», как писал цензор, воплощал в себе черты Сераковского, казненного в 1863 г. в Вильно, и что Михайлов тем самым еще до Чернышевского⁵³ дал художественный образ замечательного польского революционера.⁵⁴

Все эти разрозненные факты общения Михайлова с польскими революционерами, взятые вместе, создают довольно определенную картину. Они, думается, дают основание считать, что одним из существенных аспектов революционной деятельности Михайлова было установление связей с польским освободительным движением, подготовка русско-польского революционного союза, который был образован уже после его ареста и осуждения.⁵⁵

В этой связи нам представляется весьма интересным одно место в «Записках о польском восстании» Оскара Авейде, члена польского Центрального национального комитета в период подготовки к восстанию, а затем члена повстанческого национального правительства. Рассказывая о том, как в декабре 1862 г. в Петербург направился делегат национального комитета Зигмунт Падлевский для переговоров с Центральным комитетом «Земли и воли» о совместных действиях, Авейде добавлял: «Членов этого комитета я всех не помню, но между прочими его составляли кандидат С.-Петербургского университета юрист Утин, некто Слепцов и, если не ошибаюсь, Михайлов; оба последние по имени и роду занятий мне не известны».⁵⁶

Авейде, обладавший замечательной памятью, в своих записках был очень точен. Упоминание как члена Центрального комитета «Земли и воли» Михайлова, который к декабрю 1862 г. был уже год как осужден, одна из немногих ошибок Авейде (показательно,

⁵² А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. Гослитиздат, 1948, стр. 345—346.

⁵³ Мы имеем в виду написанный в конце 1860-х годов роман Н. Г. Чернышевского «Пролог», где в образе Соколовского был выведен Сераковский.

⁵⁴ Отметим, что современный польский писатель С. Струмф-Войткевич посвятил Михайлову многие страницы своего исторического романа о Сераковском (Stanisław Strumpf-Wojtkiewicz. Sierakowski. Powieść z lat 1848—1863. Warszawa, 1956). В роман включены также переведенные автором на польский язык стихотворения Михайлова: «Настает пора расплат кровавых», «О сердце скорбное народа», «Зимние бури завывли», «И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье», «Вышел срок тюремный», «Грусть ко мне в сердце назойливей просится».

⁵⁵ См.: И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954, стр. 101—135.

⁵⁶ Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 494.

что, называя эту фамилию, он сделал оговорку, свидетельствующую о его неуверенности). Но сама эта ошибка, на наш взгляд, позволяет предположить, что фамилия Михайлова неоднократно упоминалась в разговорах польских революционеров об установлении связей с их русскими товарищами.

На сибирской каторге Михайлов жил вместе со ссыльными участниками польского освободительного движения. Сибирь была тем местом, куда царское правительство отправляло поляков, осужденных за политические преступления.⁵⁷ Михайлов вспоминал, что уже по дороге на каторгу «чуть не на каждой станции приходилось слышать: „Вот недавно из Варшавы двух провезли“. Или: „Третьего дня ксендз проехал из Варшавы с жандармами“ и т. д.⁵⁸ Это были участники манифестаций и молебствий 1861 г., носивших демонстративный характер и обозначивших начало новой волны национально-освободительного движения в Польше.

С одним из них — ксендзом Иосифом Маевским, возглавившим процессию в Гродно 14 августа 1861 г. и сосланным на жительство в Тобольскую губернию, Михайлов, как уже указывалось выше, познакомился во время пребывания в Тобольске. «... Он говорил замечательно красноречиво и умно...», — писал Михайлов о Маевском в своих записках. — Вообще он произвел на меня очень приятное впечатление своими здравыми суждениями, насколько они не разногласили с его католическими, или — лучше сказать — христианскими тенденциями».⁵⁹ Упоминания польских ссыльных встречаются в записках неоднократно.

В годы сибирской каторги с особой силой звучит в творчестве Михайлова польская тема.⁶⁰ На известие о январском восстании 1863 г. он откликается четверостишием «Dies irae»:

Настает пора уплат кровавых,
Настает день страшного суда,
Кара злым и торжество для правых —
Лейся кровь, пылайте города!

Свое сочувствие разгромленному восстанию он выразил в стихотворении «И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье». Ссыл-

⁵⁷ См.: Zygmunt Librowicz. Polacy w Syberji. Kraków, 1884, Michał Janik. Dzieje polaków na Syberji. Kraków, 1928.

⁵⁸ М. Л. Михайлов, Сочинения, т. III, стр. 532.

⁵⁹ Там же, стр. 578.

⁶⁰ А. В. Кушakov. О «польской теме» в русской демократической поэзии 60-х годов XIX века. «Ученые записки Орловского государственного педагогического института», т. XV, 1959, стр. 101—132 (о Михайлове — стр. 116—118, 125—127).

ным полякам посвящено его стихотворение «Грусть ко мне в сердце назойливей просится».

Тогда же Михайлов перевел одно из лучших стихотворений, отразивших трагическую судьбу польского народа, — «К польке-матери» Мицкевича. Очевидно, на каторге он создал первый русский перевод «Небожественной комедии» Зигмунта Красинского.⁶¹

Особенно близок с поляками Михайлов был в последний год своей жизни на Кадаинском руднике. Кадая — небольшое затерявшееся среди сопок глухое селение в Забайкалье, вблизи монгольской границы. Здесь на серебряно-свинцовых рудниках в невыносимо тяжелых условиях работали польские политические преступники, главным образом участники восстания 1863 г. В 1864 г. их было в Кадае около 40 человек, а к 1866 г. число их возросло до 120.⁶² Сюда в мае 1864 г. был переведен из Зерентуйского острога Михайлов; в августе того же года на Кадаинский рудник был доставлен Н. Г. Чернышевский. И Михайлов, и Чернышевский по состоянию здоровья были помещены в лазаретное отделение, где они находились с участником польского восстания, «швейцарским подданным» Эдуардом Бонгардом, который был осужден на каторжные работы, как значилось в официальных документах, «за тайную переписку, клонящуюся ко вреду России, принадлежность к тайному революционному обществу, имеющему целью произвести вооруженное восстание для ниспровержения в царстве Польском порядка...».⁶³

Впоследствии, в феврале 1865 г., когда Михайлову было разрешено жить вне тюрьмы на частной квартире, он поселился вместе с тремя поляками.⁶⁴ А когда он снова заболел, его лечили польские врачи.

⁶¹ Красинский. Небожественная комедия. Перевод М. М. «Новости», 1878, 3, 10, 24 и 31 декабря, №№ 310, 316, 330 и 335. См.: Halina Kogana. Nieznany rosyjski przekład «Nieboskiej komedii» Krasińskiego. «Slavia orientalis», 1959, № 1, стр. 71—75.

⁶² Ф. Майский. Н. Г. Чернышевский в Забайкалье (1864—1871 гг.). Чита, 1950, стр. 26. См. также на стр. 92—99 и 105—108 списки польских политических преступников, находившихся на Кадаинском руднике.

⁶³ Там же, стр. 91.—Указание В. Н. Шаганова в его воспоминаниях «Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и ссылке» на то, что Бонгард взял у Михайлова деньги для организации побега и, присвоив их, добился перевода на другой завод, чем лишил Михайлова надежды на побег и ускорила его смерть (см.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, Саратов, 1959, стр. 120), по-видимому, основано на недоразумении: Бонгард находился в Кадае до 29 апреля 1866 г., т. е. почти девять месяцев после смерти Михайлова (см.: Ф. Майский. Н. Г. Чернышевский в Забайкалье, стр. 27). Заметим, что сам Шаганов, попавший на каторгу в феврале 1867 г., лично Бонгарда не знал.

⁶⁴ См.: П. А. Россиев. Силуэты. «Исторический вестник», 1909, т. СХVII, № 8, стр. 423.

Михайлов, человек живой, общительный, глубоко симпатизировавший окружающим его людям, очень скоро сдружился со ссыльными повстанцами. Памятью его сочувственного отношения к ним осталось упоминавшееся уже незавершенное стихотворение «Грусть ко мне в сердце назойливей просится», в котором говорится о приходе праздника весны на каторжный рудник:

Песни доносятся в мрачное здание,
Где за решеткой за строем штыков
Собрано нации целой страдание.
Братья поляки! ваш праздник каков!

Над головою проносится каждого
Воспоминание радостных дней.
Воли опять ненасытно жаждою
Сердце налилось полной.

Поэт верит, что жертвы, принесенные польским народом, не напрасны, что поверженная Польша еще воскреснет к новой, свободной жизни. Стихотворение завершается строками, которые поэт не успел окончательно отделать, но они вполне ясно выражают его мысль:

Праздник воскресения, праздник обновления
Всем принесет иная весна.

Сохранились воспоминания о Михайлове участников восстания 1863 г., находившихся с ним в Кадае. Эти воспоминания представляют значительный интерес, так как в них рассказывается об отношении Михайлова со ссыльными поляками. В то же время они нуждаются в критике: многое, что в них сообщается, ошибочно, недостоверно, основано на недоразумении. Между тем эти воспоминания до сих пор не привлекали внимания исследователей.⁶⁵ Это и побудило нас привести их ниже в русском переводе и подвергнуть критическому разбору.

Наибольший интерес представляют воспоминания о Михайлове Людвика Зеленки.⁶⁶ Отец Зеленки, польский патриот, принял участие в январском восстании вместе с четырьмя старшими сыновьями. Людвик, самый старший из них, был майором повстанческой армии. В одном из боев он попал в плен и предстал перед царским судом, скрывшись под именем Адольфа Янковского.

⁶⁵ Когда настоящая статья была уже написана, в польской научной печати появилось указание на желательность критического использования биографами Михайлова воспоминаний о нем польских ссыльных (см.: Antoni Juniewicz. Z dziejów recepcji poezji rosyjskiej połowy XIX w Polsce. «Slavia Orientalis», 1962, № 1, стр. 28).

⁶⁶ О нем см.: M. Janik. 1) Dzieje polaków na Syberji, стр. 358—359; 2) Literatura polska syberyjska. Lwów, [б. г.], стр. 76—77.

Под этим именем он был осужден на четыре года каторжных работ и 27 декабря 1864 г. прибыл с партией политических ссыльных на Кадаинский рудник.⁶⁷

Впоследствии Зеленка опубликовал воспоминания о годах пребывания в Сибири.⁶⁸ С большим сочувствием и любовью писал он о своих товарищах по каторге — русских революционерах, с которыми польских ссыльных обычно связывала теплая дружба. Михайлову Зеленка посвятил отдельную главу в первой части своих воспоминаний.⁶⁹ Приводим перевод этой главы (в переводе опущены места, не имеющие прямого отношения к Михайлову).

Михайлов и могилы в Кадае

Михайлов, известный своими сочинениями, направленными против варварского царского правительства, принадлежал к партии «Молодая Россия» и был душой и главой этой партии.

После варшавской манифестации и резни 8 апреля 1861 г.⁷⁰ Михайлов — в то время профессор Московского университета, — возмущенный действиями правительства, публично выступил в своих статьях против насилий над безоружным народом и подал правительству проект примирения с Польшей. Этот проект, поддержанный многими друзьями и единомышленниками Михайлова, чрезвычайно возмутил правительство, а печать старой захватнической Москвы издевалась над Михайловым. Его сочинения подвергались критике и нападкам, которые Михайлов отражал хладнокровно, с большой силой, мастерством и большим тактом, обличавшими глубокие познания и хорошее знакомство с законами и историей как русского, так и польского народов. Это хладнокровие и неизмеримое умственное превосходство приводило в бешенство его противников, но в конце концов сраженные меткими доводами Михайлова они были побеждены его моральным превосходством.

Михайлов при этом имел за собой сильную армию, которая долго защищала его от нападков царского правительства. Эту

⁶⁷ Ф. Майский. Н. Г. Чернышевский в Забайкалье, стр. 56, 108 (в первом упоминании он ошибочно назван Янкровский).

⁶⁸ Ludwik Jastrzębiec Zielonka. Wspomnienia z Syberji od r. 1863—1869, ser. I, Lwów, 1886; ser. II, III, 1887.

⁶⁹ Michałków i groby w Kadaji. В кн.: L. J. Zielonka. Wspomnienia z Syberji..., ser. I, стр. 170—210 (далее в ссылках на эту главу указаны только страницы).

⁷⁰ Имеется в виду многотысячная демонстрация, организованная революционными кружками Варшавы 8 апреля 1861 г. в знак протеста против закрытия властями польского «Земледельческого общества». Демонстрация была расстреляна войсками; многие демонстранты были убиты или ранены. (Здесь и ниже примечания к мемуарам наши, — Ю. Л.).

армию, состоявшую из прекрасного пола, трудно было победить даже в ледяной Москве. Ибо он был одним из первых в России, кто поднял вопрос эмансипации женщин, и его сердечные статьи, свободные от лицемерия и фальши, были проникнуты большой неопровержимой правдой. В этой непобедимой армии Михайлов пользовался большой известностью и любовью. Потому-то Михайлов, имея такое сильное несокрушимое судно, долго боролся с разбушевавшимися волнами, которые, непрерывно заливая его, не могли, однако, увлечь его на дно бездны. Но море, на дне которого находятся извергающиеся вулканы, затопляет самые сильные броненосцы. Так, Михайлов, стремясь ко благу своей отчизны и любимого народа, должен был часто высказывать чистую правду и провозглашать свои принципы, которые были в своей сущности ударами по варварскому царскому правительству и в конце концов его предали суду, чтобы затем посадить в тюрьму.

Михайлов слишком хорошо знал, что его ждет, но, несмотря на это, не желал бежать за границу. Когда его друзья на коленях умоляли его, давали ему для выезда паспорт и большие суммы денег, а сам Герцен предлагал ему приют в своем доме в Лондоне, Михайлов отвечал:

«Каждый свободомыслящий русский должен уметь защищать то, что он говорит и пишет. Я не боюсь ни кандалов, ни Сибири, ибо даже там я не перестану работать для моей любимой и милой родины, для моих бедных, угнетенных и несчастных братьев».

А когда он предстал перед судом в Москве, то и там провозглашал свои убеждения и произнес такие слова, обращенные к судьям и собравшейся публике:

«Отдадим то, что не наше, замкнемся в наших узких границах, и тогда Россия будет не только великой и сильной, но в ней расцветет наука и промышленность, быт народа улучшится, а все мы станем счастливее, чем сегодня».

Как революционера, стремившегося свергнуть существующий строй, Михайлова приговорили к 20 годам каторжных работ в далеких сибирских рудниках. Этот тяжкий приговор Михайлов выслушал с улыбкой на устах и просветленным лицом. Ему надели на ноги тяжелые кандалы и, когда их заковывали, он обернулся к стоявшим вокруг офицерам и чиновникам и сказал:

«Вы не имеете понятия о том, как приятно и радостно страдать за любимую родину».

Даже темные и дикие люди питают уважение к разуму и науке. Московский генерал-губернатор предложил Михайлову подать прошение на имя царя и ручался своим генеральским словом, что царь его удовлетворит. Михайлов, возмущенный этим предложением, отвечал: «Я требую справедливости, а не милости».

Через несколько дней после вынесения приговора Михайлова вывели из тюрьмы и погнали на железную дорогу, чтобы отвезти его в Нижний Новгород, откуда преступников отправляют по этапу в Сибирь.

Ни одного государя, отправлявшегося в поход для спасения своей страны от вражеского нашествия, не провожали так сердечно, как этого бедного ссыльного.

Почти вся Москва вышла на улицы и тысячи людей провожали своего любимца, невзирая на угрозы, приклады, штыки и казачьи нагайки. Каждый желал хоть раз еще увидеть его, хоть раз еще утешиться этим, каждый искал в его очах вдохновения и верности тем истинам, которые он провозглашал, каждый хотел обнять его и сказать: «Будь здоров, наш мученик, и сохрани о нас хотя бы часть той памяти, которую мы сохраним о тебе». А бедный люд, сочувствуя этому огромному горю, проталкивался вперед, чтобы поцеловать его одежду. Когда шествие прибыло на вокзал и узника посадили, как дикого зверя, в железный вагон, окованный частыми железными прутьями, в народе поднялся такой стон и плач, что офицеры и солдаты, эскортировавшие его, сами не могли удержаться от слез. Молодежь со слезами громко прощалась с ним, говоря:

«Будь здоров, наш любимый друг и защитник свободы!».

Старцы, протягивая руки и творя в воздухе крестное знамение, благословляли своего молодого защитника и покровителя, желали ему «стойкости и здоровья» в страшном и долгом походе.

Поезд тронулся, и бедный народ, так торжественно проводивший своего любимца, даже не предчувствовал, что больше его уже не увидит.

Отправленный из Нижнего Новгорода в Тобольск вместе с уголовными преступниками, Михайлов сумел завоевать такое их уважение, что, когда он учил их основам нравственности и излагал им историю, они слушали его целыми часами, и такая тишина царилла среди слушателей, что, казалось, будто слушают не живые существа, а какие-то автоматы с широко открытыми глазами и остановившимся взглядом, устремленным в одно место. Преступники охраняли его вещи, устраивали ему лучшее место для отдыха. А ведь на этапах, особенно на так называемых полуэтапах, где только ночуют, настолько тесно, что, если партия состоит из 400 человек, половина людей не имеет места для ночлега и вынуждена всю ночь сидеть на корточках. И, тем не менее, никто из них не решался лечь непосредственно рядом с Михайловым. Напрасно Михайлов просил, чтобы они заняли пустующее рядом с ним место. А когда слабый Михайлов, утомленный дневным форсированным маршем, засыпал от усталости, в этой неудобной и тесной избе, где находилось столько людей, воцарялась такая

торжественная тишина, что можно было услышать жужжание мухи. Весть о славе и невинности Михайлова с быстротой молнии распространилась по всей России и Сибири. На каждой остановке, в каждой деревне толпился бедный народ, чтобы увидеть и приветствовать своего защитника и жертву варварского правительства и одновременно проститься с ним.

Путь Михайлова до Тобольска был сплошным триумфальным шествием. В городах, местечках и даже деревнях не только простой люд, но и образованные классы и купечество устраивали ему овации, а встреча в Тобольске превзошла всякие ожидания.

Местный губернатор,⁷¹ предшественник губернатора Зеновича,⁷² человек, в сущности, добрый и гуманный, не мог отказать просьбам прекрасного пола, который дал в честь бывшего великолепный бал. Его привезли из тюрьмы в зал дворянского собрания, в котором сняли портрет царя и на его место повесили портреты Герцена и Бакунина, а сверху поместили в виде гирлянды кандалы, снятые с ног Михайлова. Бал был великолепным, народу — полно. Каждый из присутствующих желал хоть на мгновение приблизиться к этому великому мученику. Прекрасный пол разбил его кандалы на куски, из которых потом выковали кольца, серьги, брошки, а ему самому подарили на память миниатюрные золотые цепи, украшенные драгоценными камнями. Это, однако, не помешало тому, чтобы после Тобольска Михайлова опять заковали.

Михайлов хорошо понимал, что такие приемы могут навлечь дурные последствия на принимавших его, поэтому он не хотел принимать приглашения, ссылаясь то на усталость, то на свою слабость, и, наконец, указал на возможные неприятности и решительно отказался от участия в бале. Но все его доводы были напрасны: его чуть не насильно повезли на это торжество. Вскоре весть обо всем этом дошла до Петербурга. Губернатора вызвали

⁷¹ Александр Васильевич Виноградский (1803—1870) — тобольский губернатор с 1859 по 1863 г., не проявил особого участия к Михайлову, и последний называл его в своих записках «формалистом», «сухой приказной строкой» (М. Л. Михайлов, Сочинения, т. III, стр. 561). Однако после отъезда Михайлова из Тобольска в связи с возникшим делом «о послаблениях, оказанных начальством гор. Тобольска государственному преступнику Михайлову», Виноградский был обвинен «в неимении должного наблюдения за порядком содержания арестантов и в непринятии надлежащих мер к пресечению незаконных действий местного начальства», уволен в отставку и получил выговор. Впоследствии, в 1865 г., он был предан суду (см.: Н. Старикина. М. И. Михайлов в Тобольске. «Сибирские вопросы», 1908, № 8, стр. 41, 43).

⁷² Александр Иванович Деспот-Зенович (ум. 1895) — тобольский губернатор с 1863 по 1867 г. (см.: К. Голодников. Г. Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. Тобольск, 1887, стр. 72—73; «Исторический вестник», 1895, т. LXI, № 8, стр. 516 — некролог).

для объяснения и предали суду. Имея сильную протекцию при дворе, он сумел, однако, освободиться и ему только дали отставку. А так как это был человек состоятельный, то он не понес большого ущерба.

В Тобольске находилась главная экспедиция сибирских арестантов, там задерживали всех по неделе, составляли подробное описание внешности, измеряли как рекрутов и даже осматривали зубы, одевали в арестантскую одежду, вписывали в книги сибирских ссыльных, давали номера и вычеркивали из списка живых людей. Так же поступили и с Михайловым с той только разницей, что местные жители выпросили ему разрешение жить в городе. Его хотели даже задержать, чтобы он мог немного отдохнуть после тяжелого пути и прийти в себя. Михайлов, который в самом деле был очень болен, не желал, однако, подвергать неприятностям добрых людей, не принял приглашения и на следующей неделе был отправлен в дальнейший путь.

Прием, сказанный Михайлову в Тобольске, и проистекшие отсюда последствия были уже известны по всей Сибири, однако это не устрасило добропорядочных жителей, и во всех городах и селах его принимали с таким же теплом и уважением, что и в Тобольске. Весь русский народ любил его, уважал и почитал, и люди в Сибири не желали отставать от других и на каждом шагу показывали, что и они умеют ценить образованность, уважать истину и чтить величие самопожертвования.

После девятимесячного крайне изнурительного путешествия пешком Михайлов прибыл в Иркутск. Местные власти назначили его на рудники и железные заводы в Петровске за Байкалом.⁷³

Тогда начальником Петровского завода был инженер-полковник Дейхман, человек весьма просвещенный, гуманный и справедливый.⁷⁴ Увидев слабого Михайлова, он тотчас же послал к нему врача, который объявил, что узник очень ослабел и может погибнуть от истощения сил. Полковник приказал расковать его и выпустить из тюрьмы и предоставил ему вольную квартиру в деревне и полную свободу. Петровск, расположенный в необычайно красивом месте, окруженный со всех сторон хвойными лесами, отличался необычайно здоровым климатом, и все были уверены, что Михайлов скоро восстановит свои силы, тем более что, имея спокойный уголок и находясь под заботливой опекой полковника, он

⁷³ Петровский железодельательный завод в Нерчинском округе Забайкальской губернии был построен в 1789 г. В 1830 г. при заводе был построен Петровский острог — тюрьма с суровым каторжным режимом, предназначавшаяся первоначально для декабристов. Зеленка находился здесь в 1863 г. Указание его относительно Михайлова ошибочно: Михайлов сперва был направлен на Казаковский золотой промысел.

⁷⁴ Дейхман Оскар Александрович (1818—1891) — горный инженер, полковник (о нем см. ниже).

мог спокойно заниматься умственным трудом и набираться новых физических сил.

Однако нашлись люди злой воли, лицемерные льстецы. Они не придумали ничего лучше, как сразу же донести в Петербург, что этот славный революционер Михайлов, приговоренный к 20 годам каторжных работ, пользуется всяческой свободой, продолжает трудиться над своими планами, ведет пропаганду и возмущает православный люд против белого царя. Вскоре из Петербурга пришел приказ отдать под суд полковника Дейхмана, а Михайлова под строжайшей ответственностью и под сильной стражей выслать на Нерчинские рудники.

Полковник Дейхман после двухлетнего следствия был разжалован, лишен всех прав и орденов и приговорен к ссылке (в приговоре не было указано куда, так как он уже жил в Сибири). Но, так как полковник был очень богат и к тому же имел различные связи в Петербурге, то за большие деньги он добился помилования таким образом, что все наказание заменили ему пятилетней службой без жалования, и одновременно его перевели на должность профессора Горноинженерной академии в Петербурге.

Администрация Нерчинских рудников выслала Михайлова на серебряные рудники в Кадаю. Тут, в отдаленном месте, без строгого правительственного надзора он занялся просвещением местных жителей, устроил школу, в которой собирал детей и учил их любви к правде и народу. Особенно близок он был с семьями купца Петкова и бывшего чиновника Фадеева; он любил их искренне, и они были для него отрадой. Здесь нашел он подрастающих девочек, которые владели уже начатками знаний, и он учил их дальше и воспитывал из них честных гражданок, внушал им свои принципы, поощрял на труд, вселял в них понятия патриотизма, учил любить все прекрасное и возвышенное, образовывал их души, сердца и разум. Обе эти семьи любили его, как брата, и почитали, как отца.

В таком положении застали его наши товарищи, прибывшие в Кадаю в конце 1864 г.

Михайлов быстро познакомился с поляками, и, так как он был человек искренний и открытый, все сразу же полюбили его. Очень скоро он возбудил к себе всеобщую симпатию и уважение, а через несколько месяцев владел нашим языком, как природный поляк.

В Кадае было 110 поляков; помещены они были в двух тюрьмах, сделанных наспех из казенных строений. Одна тюрьма находилась почти в середине деревни, другая — в конце, расстояние одной от другой было около 300 м. Михайлов как большой числился за лазаретом, но на самом деле жил на так называемой вольной квартире у одного из бывших преступников, а теперь — местного крестьянина. <...>

Ни одно пожелание «доброго дня» и «доброй ночи» не обходилось без Михайлова. Мы открыли ему свои сердца, а он нам — свою возвышенную душу. Не раз мы долго беседовали по вечерам. Этот благородный ученый всегда скорбел о своей родине и бедном темном народе и со слезами на глазах рассказывал нам о своей сестре, живущей в России. . . Какие возвышенные минуты пережили мы с этим великим мужем! . . Он восхищался нашей родиной, которая, томясь столько лет в неволе, растерзанная, угнетенная, деморализованная, все же не падает духом, не слабеет, а скорее, наоборот, крепнет, оживает. . . часто ему случалось повторять:

«Вы гораздо счастливее нас, время научило вас переносить все с мужеством и терпением, а нам и этого недостает».

Если русские власти переводили куда-нибудь кого-либо из нас, Михайлов никогда не пропускал случая проститься, а когда кого-нибудь привозили с других рудников, он с теплой сердечностью приветствовал своего нового товарища по неволе.

Мы, видевшие его ежедневно, всякий раз замечали, как менялось его лицо, а зная о его болезни, предчувствовали, что скоро придет та грустная минута, когда нам придется проститься с лучшим нашим другом и товарищем. Двое из наших — врачи Пашковский и Стецевич,⁷⁵ утверждали то же, добавляя, что единственным спасением для него могли бы еще быть железные воды, находившиеся недалеко от губернского города Читы под Дарасуном.⁷⁶ Мы употребили все средства, чтобы его туда послали, и были уверены, что власти сделают это, ибо в то время там находились многие из поляков, приговоренных к каторжным работам. Однако власти в Александровске, где помещалось центральное управление политическими преступниками, сосланными в Нерчинские рудники, ответили отказом на наши просьбы.

Я не преувеличу, если скажу, что власти в Александровске смотрели равнодушно — да что, даже с радостью — на медленную смерть одного из самых мужественных, самых благородных и образованных своих граждан, человека, который всех равно любил, а кто хоть раз его увидел и узнал, не мог не уважать его и не восхищаться им. Медленно угасал Михайлов на наших глазах. Он это хорошо чувствовал, а так как он знал, что мы его любим и

⁷⁵ У Зеленки: St. . . wicz (стр. 185). Фамилия восстанавливается на основании письма П. Л. Михайлова к Л. П. Шелгуновой о смерти брата («Голос минувшего», 1915, № 9, стр. 225).

⁷⁶ В оригинале: pod Tarusoniem (стр. 186). Несомненно, имеется в виду Дарасун — крупнейший бальнеологический курорт в Забайкалье, расположенный в 120 км южнее Читы. Источники Дарасуна (по-бурятски — «красная вода») были известны с XVII в.; лечебное их использование началось с 10-х годов XIX в.

уважаем, то приходил к нам, чтобы нас не огорчать, с радостным лицом и с улыбкой на устах, хотя под этой маской не раз в глазах его сверкала слеза и невольная грусть запечатлевалась на его лице. Но он, не желая нас огорчать, все повторял:

«Я чувствую себя как будто с каждым разом лучше».

Иногда даже в доказательство своих сил он импровизировал отрывки из своих произведений.

Впрочем при виде нас — таких же борцов за свободу, его сотоварищей по мученьям и искренних друзей — благородное лицо Михайлова оживлялось. Он чувствовал, что среди нас, даже в Сибири, он не одинок, ибо и он, и мы имеем одну цель, что мы ему ближе, чем люди, облеченные в бархат и парчу... Искренний Михайлов на закате печальной, но благороднейшей своей жизни не имел, пожалуй, более сердечных, преданных и любящих друзей, чем мы. Московский свет прекрасно снарядил его в сибирский поход... снабдил его золотыми кандалами... мы же в изгнании успокаивали его боль, разделяли его мысли, чувства и печали. Когда он был брошен и изгнан своими... мы этого брата нашего по духу... слезами нашими, болью сердец наших, провожали в конце его жизни... и память о нем вечно пребудет среди нас святой и великой.

Михайлов неожиданно стал сильно кашлять и ослабел настолько, что уже не шел, а едва, с помощью палки, с трудом тащился к нам в тюрьму. Однажды вечером он сказал:

«Я прихожу к вам, чтобы утешиться и укрепить свою страдающую душу, с вами я чувствую себя гораздо сильнее, у вас я дышу другим воздухом, становлюсь свободнее и бодрее. Когда я вижу вас и вашу любовь ко мне, мне кажется, что мы еще долго будем жить вместе, ибо каждый из нас имеет свои планы на будущее и желает трудиться на благо родины и той земли, которая вскормила его и взлелеяла».

Чтобы развеселить нас, он рассказал на этот раз один из малоизвестных эпизодов из жизни Ивана Грозного, который он выкопал в московском архиве. Это его посещение глубоко запало в наши сердца, то была последняя его беседа с нами в нашем кругу.

Уже на другой день он так ослабел, что не мог подняться с постели. Наши доктора проводили день и ночь у его ложа, а мы, запертые в тюрьме, подкупали солдат и выбегали по одному, по два, чтобы хоть на минуту навещать нашего друга и утешить его. Он с радостью встречал таких посетителей, пытался встать, но не имел уже сил!

Врачи, видя, что состояние его здоровья ухудшается с каждым днем, а средств помочь ему никаких нет, предсказывали очень близкую катастрофу.

На так называемом Нерчинском «большом заводе» у Михайлова был родной брат, капитан корпуса горных инженеров; мы послали за ним, сообщив ему об опасном состоянии нашего друга. Вскоре он прибыл из Нерчинска, находившегося на расстоянии 200 верст. А наш комендант Шестаков сообщил в главную комендатуру в Александровске об опасном состоянии Михайлова. Только теперь прислали оттуда казенного врача Лебедева с жандармским полковником и несколькими высшими офицерами для строгого обыска квартиры Михайлова и изъятия всех бумаг и сочинений. Приказ выполнили точно, невзирая даже на печальное состояние больного, но, кроме книг, дозволенных царской цензурою, ничего не нашли. Михайлов хорошо знал правительство и, чувствуя себя уже очень слабым, отдал нам все свои произведения и объяснил, куда и каким способом мы должны их переслать. Власти подозревали, что мы спрятали эти произведения, в тюрьмах произвели тщательный обыск, но безрезультатно. Жандармский полковник хорошо понимал, что произведения Михайлова должны находиться у нас, он пришел к нам и просил отдать хотя бы несколько листов из каких-нибудь сочинений, написанных рукой Михайлова, иначе он будет иметь большие неприятности от Третьего отделения в Петербурге, потому что ему не поверят, что Михайлов, известный своей большой ученостью и трудами, ничего после себя не оставил. Мы отвечали на это, как обычно отвечают они: «Ничего не знаем, ничего не видели и ничего не слышали, чтобы Михайлов что-нибудь когда-нибудь в тюрьме писал».

«Ну что ж, господа, если так, то будет плохо», — сказал полковник.

«Да не нам!» — отвечали мы.

Так окончилось дело с сочинениями, оставленными блаженной памяти Михайловым.

Накануне смерти, когда несколько наших пришли навестить его, Михайлов сказал:

«Я долго утешал вас, говоря, что мы будем вместе жить и трудиться на общее благо, но сегодня впервые я вынужден сказать вам, что часы мои сочтены. Прошу вас сохраните меня в своей памяти. . . О бедная моя Родина! сколько еще кровавых жертв придется ей принести, прежде чем она вступит на путь возрождения и увидит, сколько обид нанесла она своей сестре Польше! . . . Братья по духу! прошу вас, не забывайте обо мне, завтра. . . ах, завтра, самое позднее в полдень придите ко мне, но все, как можно больше. . . меня это очень радует, чем больше вижу вас, тем больше радуется мое сердце. . . приходите. . . очень вас прошу!».

На другой день в полдень, с разрешения нашего коменданта Шестакова, много поляков пришло на квартиру угасавшего Ми-

хайлова, который лежал, откинувшись на руки наших не отходивших от него врачей. Смертельная бледность покрывала его лицо, грудь тяжело вздымалась. Когда он увидел нас, лицо его прояснилось... улыбка заиграла и он кивком приветствовал нас.

Жители рудника, узнав о страшном состоянии своего учителя, окружили дом и с силой проталкивались к его постели. Каждый желал хоть раз еще взглянуть на этого поистине святого мужа и его ангельское лицо, каждый желал поцеловать руку своего благодетеля.

Михайлов не хотел умирать, он страстно желал жить, чтобы пожать плоды своих трудов. Тяжело боролся он со смертью, срывался, потирал исхудавшей рукой лоб и глаза, часто повторяя: «Душно мне... душно!». Наконец он лег и лежал спокойно, словно хотел собрать все свои уходящие силы, ибо минуту спустя он приподнялся; с презрением взглянул на стоявших вокруг офицеров, повернул к нам голову и сказал громко по-русски:

«Убили меня!.. Господа, прошу вас похоронить меня среди своих, я среди этих скотов, — показывая пальцем на окружавших его офицеров, — лежать не хочу». Он опустил голову, когда заметил у всех нас на глазах слезы, лицо его прояснилось и он тихо произнес по-польски последние слова к нам: «Спасибо Вам, братья, за все».

Закрыв глаза и спокойно уснул навеки.

Так умер любимец простого русского люда, человек, который любил свой народ и свою землю. В ледяную Сибирь сослали великого мужа, чтобы, как он сам сказал, «убить его». С дьявольским удовольствием смотрели на долгие муки и медленную смерть своей жертвы.

Поэтому Михайлов, до безумия любивший свою Родину и свой народ, из уст которого никто не слышал слова жалобы, в последние минуты своей жизни не поколебался высказать своим гонителям горькие слова: «Я среди этих скотов лежать не хочу!»

Присутствовавшие при этом русские, услышав эти слова, не доверяя своим ушам, с удивлением глядели то на себя, то на нас. Их невольно охватило какое-то уважение к нам, словно они узрели в нас какие-то высшие существа, к которым захотел перенестись Михайлов, просветленный перед лицом смерти. Они видели, как этот благородный муж, отдавший свои знания, а в конце концов и жизнь для блага своего народа и Родины, не чувствовал себя спокойно после смерти среди своих, искал убежища у врагов своего правительства, среди поляков, которых полюбил, как братьев, и которые также научились любить его и уважать.

Изумительно прекрасно то место, где покоятся тела трех мучеников польского дела.⁷⁷ Михайлов не мог выбрать более подходящего для себя места.

Кадая, построенная по царскому приказу, расположена между горами в 6 верстах от монгольской границы и имеет около 200 домов, которые образуют три прямые улицы, вытянутые, как войско в строю. На севере она упирается в две сросшиеся между собой, как близнецы, высоко вздымающиеся горы, которые соединяются гранитной скалой, достигающей половины их высоты. Так гармонично это божественное строение и так возвышенно прекрасна эта суровая и нагая природа, что человек невольно склоняет главу и смиряется перед величием божием.

В том дивном месте, на той гранитной скале, откуда открывается вид на Монголию и где высоко вздымаются к небу три римско-католических креста, напоминая о вечном покое мучеников польского дела, там должен был встать четвертый крест, поставленный польской рукой сыну России, мученику за ту же правду, за ту же свободу, каких мы хотим для себя.

Неисповедимы пути господни. В краю искони польским, на земле, пропитанной кровью стольких сынов Польши, враг, для которого нет ничего святого, разрушает кресты этого несчастного народа и ставит свои, православные. Но те же сыны Польши, жертвы России, почтили национальность и религию русского и своими собственными руками воздвигли знак того креста, из-за которого весь польский народ понес столько обид и взывал к небу о возмездии.

Власти не посмели воспротивиться последней воле усопшего и с завистью смотрели, с каким усердием принялись мы долбить могилу в граните. Три дня от зари до темной ночи, по восемь человек, беспрестанно сменяя друг друга, работали мы, долбя железом могилу. Крайне тяжелая изнурительная работа была последней данью уважения останкам нашего глубокоочтимого товарища по неволе — православного русского. Никто не жалел ни пота, ни рук, каждый хотел внести свой вклад в сооружение памятника, который должен был увековечить честь и память Михайлова.

На похороны прибыл комендант Нерчинских рудников генерал Шилов, желавший сам, своими глазами убедиться в смерти Михайлова. Он тыкал ему пальцами в глаза, лил на грудь и под ногти расплавленный сургуч, опасаясь, что смерть Михайлова притворная и его потом попытаются выкрасть и вывезти за границу. Предположение, достойное бараньего ума господина генерала.

⁷⁷ Имеются в виду повстанец 1831 г. Литынский и два участника восстания 1863 г. — поляк Северин Вотошинский и итальянец-гарибальдиец Луиджи Кароли (о нем см. ниже).

Похороны были очень скромными, без попа, с официальным участием властей и населения всей деревни. Только двенадцати членам из наших было разрешено проводить до могилы останки нашего друга. Михайлов покоем в простом гробу из лиственницы, сделанном столяром-самоучкой нашим сотоварищем литвином Брониславом Болендзей и украшенном наверху черным крестом. К крышке гроба мы приколотили кандалы Михайлова как символ его мученичества. Когда опускали останки в выдолбленную могилу, царил торжественная тишина, не было ни церковного пения, ни похоронных речей, только плач и стон народа, притекшего из Кадаи, и наши слезы свидетельствовали о скорби и печали, которые оставил по себе этот мученик русского народа. <...>

Рассказ Людвика Зеленки о Михайлове, причудливо сочетающий правду и вымысел, имеет несомненную ценность. С одной стороны, в нем содержатся показания очевидца о последнем годе жизни Михайлова, а с другой — из него мы узнаем о тех легендах, которые складывались о русском революционере среди деятелей польского освободительного движения.

Легендарной является вся первая часть рассказа вплоть до прибытия Михайлова в Тобольск. Только два обстоятельства из всего написанного здесь соответствовали действительности: деятельность Михайлова в защиту женской эмансипации и осуждение его царским судом. Все остальное было вымыслом, включая и срок наказания, к которому он был приговорен — 20 лет. (Михайлов был осужден на шесть лет каторжных работ).

Зеленка, вероятно, не был близок с Михайловым на каторге. Это видно хотя бы из того, что он ничего не знал о его литературной деятельности и везде называл его ученым. Можно предположить, что, выясняя в процессе писания своих мемуаров, кем был Михайлов, Зеленка ошибочно отождествил его с русским юристом, профессором Петербургского университета Михаилом Михайловичем Михайловым (1827—1891), и это наложило определенный отпечаток на его воспоминания. Далее, прослышав что-то о прокламации «К молодому поколению», за которую был осужден Михайлов, Зеленка, видимо, спутал ее с организацией «Молодая Россия» и соответственно перенес действие в Москву.

В остальном же польский мемуарист, не располагая фактическими сведениями, создавал идеальный образ революционера-пропагандиста, борца за освобождение народа и объединял в нем те черты, которые, по представлению Зеленки, должны быть ему присущи: энтузиазм, страстную преданность свободе, твердость и непреклонность убеждений и готовность отстаивать их, невзирая ни на какие лишения и жертвы, глубокое презрение и ненависть

к своим врагам. Возможно, что в мемуарах Зеленки в определенной мере отразился тот полубогатый героический образ Михайлова, который создавали Герцен и Огарев на страницах «Колокола» еще в 1861—1863 гг., учитывая огромное воспитательное значение живого образца гражданской доблести для воспитания молодого поколения, вступающего на революционное поприще. Недаром Герцен дважды упоминается в приведенных воспоминаниях.

Вот, например, как был описан процесс Михайлова в статье «Колокола» «1831—1863», посвященной польскому восстанию:

«Человек, гонимый за свои мнения, за слово, снова гордо стоит перед судом; он за стеной чувствует сочувствие хора, он знает, что его слово жадно слушается, он знает, что его пример будет великою проповедью.

«Грустно, твердо явился Михайлов пред сенатом. Богадельня стариков, судивших его, обомлела, разинула рот; в прохождении их долголетней военной и гражданской службы они ничего подобного не слышали».⁷⁸

Сходный образ был представлен в статье Герцена «Ответы М. Л. Михайлова». Здесь излагались политические взгляды революционера, которые он якобы открыто и бесстрашно высказал перед судом сената. Вымышленный автором сенатор, пересказывавший эти ответы издателю «Колокола», говорил: «Прежде, по крайней мере, люди отпирались, чувствовали ужас своего положения, а этот господин, тщедушный, в очках, прямо говорит: так и так. Я помню некоторые из его ответов... в Англии, сидя вдвоем в вагоне, страшно повторить».⁷⁹

Нетрудно заметить определенное сходство этих отрывков с воспоминаниями Зеленки.

Соответственно своим настроениям и стремлениям Зеленка в созданном им идеальном образе русского революционера особо выделил его деятельность в защиту Польши. Центральным моментом революционной борьбы Михайлова становятся его выступления против правительственной политики в Польше. В речи на суде он также требует отделения Польши от России.

Весьма интересна в мемуарах драматическая сцена всенародных проводов осужденного Михайлова. Являясь целиком вымышленной (после осуждения Михайлова вывезли из Петербурга тайно в закрытом возке), эта сцена отразила представления Зеленки о связи народа с героическими борцами за его освобождение.

⁷⁸ «Колокол», 1863, л. 163; А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVII, Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 109—110.

⁷⁹ «Колокол», 1862, л. 131; А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVI, 1959, стр. 93—94.

ние. При этом мемуарист проецировал на Россию те отношения народа и революционеров, которые к тому времени существовали в Польше. В России же они были еще делом будущего. Герцен писал в 1862 г.: «Наши жертвы искупления, как Михайлов, как Обручев, должны вынести двойное мученичество: они не станут народной легендой... народ их не знает, нет — хуже, он знает их за дворян, за врагов».⁸⁰

Описывая путь Михайлова из Москвы в Нижний Новгород и дальше по этапу в Тобольск, Зеленка фактически воспроизводит маршрут, по которому обычно направлялись в Сибирь польские повстанцы. Михайлов же ехал в своем возке более северным путем — через Ярославль, Вятку и Пермь.⁸¹

Однако по мере приближения Михайлова к каторге сведения мемуариста о нем становились достовернее и точнее. Так, описание приема, устроенного Михайлову в Тобольске, хотя и содержит значительные преувеличения и вымышленные подробности (вроде бала в честь Михайлова, во время которого портрет царя был заменен портретами Герцена и Бакунина), во многом соответствовало подлинным событиям. В частности, например, кандалы Михайлова действительно были разбиты в Тобольске и отдельные звенья розданы желающим. Достоверными были также сведения о доносе в Петербург и предании губернатора суду.⁸² Несомненно, что Зеленка, находясь в Тобольске в конце 1863 г., слышал рассказы об этом деле, взволновавшем весь город и еще свежем в памяти его жителей.

В эпизоде с Дейхманом можно проследить, как Зеленка контактировал имевшиеся у него разрозненные сведения. Он сам был в 1863 г. на Петровском заводе, который прежде возглавлялся Дейхманом, и несомненно слышал здесь рассказы о былом начальнике. Характеристика, которую он дает Дейхману, согласуется с данными других мемуаристов.⁸³ В дальнейшем Зеленка узнал, что Дейхман пострадал за «послабления», оказанные политиче-

⁸⁰ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVI, стр. 205.

⁸¹ См. в его записках (М. Л. Михайлов, Сочинения, т. III, стр. 524—525).

⁸² Ср. воспоминания Зеленки со статьей, написанной на основании архивных документов: Н. Ставрогин. М. И. Михайлов в Тобольске. «Сибирские вопросы», 1908, № 3—4, стр. 52—63; № 8, стр. 38—45. Насколько точны сведения Зеленки о дальнейшей судьбе губернатора, неизвестно, так как соответствующие архивные документы не были обнаружены.

⁸³ Ср., например: «Горнозаводские рабочие и служащие свободно вздохнули во время управления Петровским заводом Оскара Александровича Дейхмана, человека в высшей степени гуманного...» (П. Першин-Караксарский. Воспоминания о декабристах. «Исторический вестник», 1908, т. CXIV, № 11, стр. 554).

скому преступнику Михайлову, и, соединив эти два факта, создал картину вольготного житья Михайлова в Петровске. В действительности же эти «послабления» состояли в том, что Дейхман, который к этому времени был уже начальником не Петровского завода, а всего Нерчинского горного округа, направил ссыльного в распоряжение его брата Петра Ларионовича Михайлова на Казаковский золотой промысел, куда приехали друзья осужденного Шелгуновы с вероятной целью организовать его побег.⁸⁴ Но Зеленка всего этого не знал.

Наибольшую ценность в его воспоминаниях представляют страницы, описывающие жизнь Михайлова в Кадае и представляющие собою свидетельство очевидца. Из них мы узнаем о педагогической деятельности Михайлова в последний год его жизни, о его дружбе и беседах с польскими ссыльными, о спасении поляками рукописей писателя, о его похоронах.

Некоторые сведения, сообщаемые Зеленкой, подтверждаются воспоминаниями И. Г. Жукова, члена «Земли и воли», отбывавшего каторжные работы на Александровском заводе вместе с Чернышевским. Жуков не был сам в Кадае и писал о Михайлове на основании рассказов, слышанных им от Чернышевского и польских ссыльных. Так он сообщал о надругательстве над трупом Михайлова, учиненном генералом Шиловым, который, «будучи склонен предполагать иное чем смерть, подверг труп разного рода опытам, как сказывали свидетели».⁸⁵

Вымышленной является картина смерти Михайлова. Брат его Петр, присутствовавший при его смерти, писал впоследствии Л. П. Шелгуновой: «Я один был свидетелем этой невыносимо грустной минуты, хотя за стеной сидели близкие люди, готовые служить, но не решавшиеся войти в комнату, где был Миша»,⁸⁶ — и у нас нет оснований не доверять этому свидетельству.

Но Зеленке такая смерть казалась слишком прозаичной, и он создает эффектную сцену кончины мученика, вокруг которого столпились друзья и враги, и он благословляет перед смертью одних и проклинает других. Здесь снова автор писал не то, что было, а то, что должно было быть, согласно его представлениям.

И все же при всех своих недостатках — ошибках, искажениях, домыслах — воспоминания Зеленки имеют большую ценность и прежде всего благодаря выраженному в них чувству глубокой

⁸⁴ См. воспоминания дочери Дейхмана: Е. О. Дубровина. Памяти М. И. Михайлова. «Беседа», 1905, № 12, стр. 13—26. Содержащиеся здесь сведения о том, что Михайлов, узнав о разжаловании Дейхмана в солдаты, отравился, являются вымыслом.

⁸⁵ И. Г. Жуков. Воспоминания шестидесятника. «Литературный Саратов», кн. 8, Саратов, 1947, стр. 252.

⁸⁶ «Голос минувшего», 1915, № 9, стр. 226.

любви к русскому революционеру и утверждению духовного родства и единства идеалов борцов за свободу России и Польши.

Писал о Михайлове и другой участник восстания 1863 г. — его товарищ по Кадаинской каторге Эмиль Андреоли, французский историк, боец отряда гарибальдийцев, пришедшего на помощь польским повстанцам. Этот отряд, возглавлявшийся другом Гарибальди полковником Франческо Нулло, был разбит царскими войсками в мае 1863 г.; сам Нулло был убит, а многие его товарищи попали в плен и были сосланы на каторгу. Трое из них — помощник Нулло Луиджи Кароли, Алессандро Венанцио и Андреоли, были отправлены в Кадаю.⁸⁷

По дороге в Сибирь и на каторге Андреоли вел дневник, который он впоследствии, по возвращении во Францию, обработал и попытался издать. Первая часть его записок, озаглавленных «Из Польши в Сибирь. Дневник пленного», была опубликована в 1868 г. во французском журнале⁸⁸ и переиздана в следующем году отдельной книжкой в Италии.⁸⁹ Но дальнейшая публикация записок Андреоли была приостановлена французской цензурой по требованию русского посольства в Париже.

Опубликованная часть описывает события, предшествующие прибытию Андреоли в Кадаю. Михайлов упоминается здесь лишь попутно. Рассказывая о том, что в Тобольск пришло распоряжение заковать в кандалы некоторых ссыльных итальянцев, Андреоли писал:

«Я хотел добиться отмены этого сурового распоряжения; Фризель⁹⁰ отвел меня в сторону и рассказал мне, что поэту Михайлову, которого он для пущей важности назвал бывшим редактором „Норда“, было оказано в Тобольске великолепный прием и что во время своего месячного пребывания здесь он получил множество знаков внимания. Но, желая засвидетельствовать благодар-

⁸⁷ См.: Guiseppe Locatelli. Bergamaschi in Polonia nel 1863. Ricordi della spedizione di Francesco Nullo... Bergamo, 1893; Karolina Firlej-Bielńska. Nullo i jego towarzysze. Warszawa, 1923. Имеется русская статья: Б. Кубалов. Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов и гарибальдийцы на Кадаинской каторге. «Сибирские огни», 1959, № 6, стр. 139—144. К сожалению, автор этой статьи не ссылается на использованные источники, ограничившись общим указанием на то, что страницы его статьи «основаны в большей части на неопубликованных документальных материалах и данных, заимствованных из трудов польских, французских и итальянских исследователей 20—30-х годов».

⁸⁸ Emile Andreoli. De Pologne en Sibirie. Journal de captivité. 1863—1867. «Revue moderne», 1868, t. XLVIII, стр. 124—165, 293—354, 511—535, 714—757.

⁸⁹ Emilio Andreoli. Da Polonia alla Siberia. Giornale di prigionie. 1863—1867. Provincia di Bergamo, 1869.

⁹⁰ Управляющий тобольским приказом о ссыльных. См. о нем в записках Михайлова (М. Л. Михайлов, Сочинения, т. III, стр. 554—556, 584).

ному писателю, знаменитому поэту свою симпатию, город Тобольск скомпрометировал себя. Полиция произвела расследование, которое обошлось почти в тридцать тысяч рублей и закончилось увольнением в отставку и осуждением виновных». ⁹¹

К сожалению, часть записок Андреоли, представляющая для нас наибольший интерес, не публиковалась. Лишь некоторые сведения и отрывки из нее попали в книгу «Нулло и его товарищи» польской исследовательницы Каролины Фирлей-Белянской, в распоряжении которой находилась копия неизданной части записок. По словам Белянской, Андреоли «сблизился в ссылке с русскими революционерами, которые представляли то, что было в России самого благородного, с живейшим интересом разыскивал воспоминания о декабристах, дружил с Михайловым и высоко ценил Чернышевского. . .». ⁹² Он с прискорбием наблюдал, как «угасал здесь от чахотки Михайлов, тонкий поэт, искренний друг повстанцев, смягчавший гейневской поэзией и иронией безмерную тоску». ⁹³

У Андреоли заимствовала Белянская описание похорон Луиджи Кароли, любимца всех ссыльных, умершего 8 июня 1865 г., за два месяца до Михайлова: «Жалобное пение, которому вторил ритмичный звон цепей, усиливало трагическую скорбность погребального шествия. Из последних сил притащился Михайлов, вышедший уже из тюрьмы на „поселение“ и живший в деревне; вскоре ему предстояло встретиться с Кароли на „польском кладбище“. Вся деревня высыпала, с любопытством разглядывая печальную процессию.

«Какой-то мужик не снял шапки.

« — Почему ты не обнажишь головы? — спросил Михайлов, — ведь хоронят христианина!

«Мужик слушал с недоверием.

« — То итальян! — сказал он. — Я знаю, что поляки — христиане, а Король (так здесь всегда звали Кароли) ведь был-то итальян.

«С трудом ему втолковали, что итальянцы такой же народ, как и русские, и что покойный был христианином». ⁹⁴

⁹¹ «Revue moderne», 1868, t. XLVIII, стр. 320. — Этот разговор Андреоли относит к 28 июля 1863 г. Содержащийся в опубликованной части записок Андреоли рассказ об одном случае, произошедшем с Чернышевским по дороге на каторгу (там же, стр. 735—736), был опубликован в русском переводе Б. Г. Кубаловым (Из сибирских встреч Н. Г. Чернышевского. «Исторический архив», 1961, № 3, стр. 283—284).

⁹² Karolina Firlej-Bieleńska. Nullo i jego towarzysze, стр. 133.

⁹³ Там же, стр. 65.

⁹⁴ Там же, стр. 74. — Крестьяне Кадаи впоследствии вспоминали о присутствии Михайлова на похоронах Кароли. Они рассказывали, что Михайлов застудил тогда ногу и это ускорило развитие его болезни (Л. Мельши и н. На могиле М. И. Михайлова. «Степной край», 1896, 14 июля, № 54).

Таковы те немногие сведения о Михайлове, которые Фирлей-Белянская заимствовала из записок Андреоли. Можно лишь пожелать, чтобы польские и французские исследователи попытались найти и опубликовать этот ценнейший исторический документ.

Совершенно особый характер носят воспоминания о Михайлове Шимона Токаржевского.

Шимон Токаржевский (1821—1897), польский патриот, попал в Сибирь дважды. Еще в молодые годы он принимал участие в заговоре ксендза Петра Сцегенного. В 1841 г. он бежал в Австрию, где продолжал свою деятельность. В 1847 г. он был выдан русским властям, сидел в тюрьме до 1851 г. и затем был приговорен к наказанию палками и каторжным работам в Сибири. Каторгу он отбывал в Омске вместе с Ф. М. Достоевским.⁹⁵

В 1857 г. Токаржевский был освобожден по амнистии и, вернувшись в Варшаву, снова принялся за политическую пропаганду. Во время восстания 1863 г. он был начальником первого отделения национальной организации Варшавы. После ареста в 1864 г. его приговорили к 15 годам каторжных работ и выслали в Забайкалье.⁹⁶

В 1864—1865 гг. Токаржевский действительно находился на Кадаинском руднике одновременно с Михайловым.⁹⁷ В дальнейшем его перевели на Александровский завод.⁹⁸ Потом он был на поселении в Иркутске и Костромской губернии и вернулся в Варшаву в 1883 г.

Об этом периоде своей жизни Токаржевский написал книгу «Тернистым путем», десяток страниц которой посвящен Михайлову.⁹⁹ Вот их русский перевод:

⁹⁵ См.: M. Janik. Dzieje polaków na Syberji, стр. 214—220. — Воспоминаниям о первой каторге посвящена книга Токаржевского «Siedem lat katorgi» (Warszawa, 1907), в которой он, между прочим, писал о Достоевском и дал ему весьма не лестную характеристику. Соответствующий отрывок был напечатан в русском переводе в статье: С. Н. Браиловский. Ф. М. Достоевский в омской каторге и поляки. «Исторический вестник», 1908, т. СХII. № 4, стр. 189—198. Об этих воспоминаниях см. также: В. Храневич. Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка. «Русская старина», 1910, кн. 2, стр. 367—376. О Достоевском Токаржевский писал также в книге «Katorżnicy. Obrazki Syberyjskie» (Warszawa, Kraków, [б. г.], главы: «Suango», «Ale kiedy?.. Kiedy?»). См. русский перевод В. Б. Арндта: «Звенья», VI, М.—Л., 1936, стр. 495—512). В свою очередь Достоевский писал о Токаржевском в «Записках из Мертвого дома» (главы «Претензия» и «Товарищи»), где он обозначен «I—ский».

⁹⁶ M. Janik. Dzieje polaków na Syberji, стр. 353.

⁹⁷ См.: Ф. Майский. Н. Г. Чернышевский в Забайкалье, стр. 92.

⁹⁸ Там же, стр. 113.

⁹⁹ Ciernistym szlakiem. Pamiętniki Szymona Tokarzewskiego z więzień, robót ciężkich i wygnania dalszy ciąg pamiętników p. t. «Siedem lat katorgi». Warszawa, 1909, стр. 114—125.

...В Александровске на Амуре в мое время из выдающихся русских был Михайлов, приятель Чернышевского и Бакунина. Сосланный в Александровскую каторгу по нечаевскому делу, фанатический последователь Бакунина, он, восприняв его идеи, разделял с Бакуниным все его симпатии. К нам, полякам, он был поэтому очень дружески расположен.

Однако, несмотря на то между нами и Михайловым часто происходили горячие и страстные споры.

Бакунин во время своей сибирской ссылки¹⁰⁰ познакомился с некоторыми поляками-ссылными 1831 и позднейших лет. В Брюсселе был знаком с Иоахимом Лелевелем, Скржинецким, Тышкевичем и вообще сблизился со всей тамошней польской колонией.¹⁰¹ Еще до восстания, в 60-х годах, он стал связующим звеном между находящимися за границей поляками и русскими, группировавшимися около Герцена и Огарева.¹⁰²

Михаил Бакунин не очень знал поляков и в своих суждениях о нашем народном характере мог ошибаться и быть односторонним, но все же он знал хоть одну часть нашего общества.

Михайлов же, «не видя, не зная», судил о нашем народе и с верою «in verba magistri»¹⁰³ повторял, как эхо, бакунинские фразы:¹⁰⁴

«...Поляки вместо того, чтобы обновить свою национальную жизнь путем сближения с общемировой, отграничиваются от нее и чванятся какой-то мистической миссией».

Или же:

«Попробуйте заговорить с поляком о Гете, как он сейчас возразит вам, что на всемирном Парнасе самый великий поэт Адам Мицкевич. Упомяните вскользь о Гегеле — поляк сейчас же заговорит о великом польском философе Трентовском, о великом

¹⁰⁰ 1857—1861 гг.

¹⁰¹ В Брюсселе Бакунин был до ареста и ссылки дважды: в 1844 г. и в конце 1847—начале 1848 г. С Иоахимом Лелевелем (1786—1861) — польским историком, видным деятелем восстания 1831 г., он познакомился в первый приезд. С генералом Яном Скржинецким (1787—1860), участником восстания 1831 г., и графом И. О. Тышкевичем, будущим руководителем восстания в Литве в 1863 г. — во второй. См.: Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. I. М., 1926, стр. 169, 230—234.

¹⁰² Ср.: А. И. Герцен. Былое и думы, ч. VII, гл. 4 («Бакунин и польское дело»).

¹⁰³ «в авторитет (букв.: слова учителя) (лат.).»

¹⁰⁴ Здесь и ниже цитируется письмо Бакунина к Герцену из Иркутска от 7 ноября 1860 г. (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906, стр. 111—161; места, соответствующие цитатам, — стр. 160—161). Письмо это в начале 1860-х годов распространялось в списках в России и Польше. Приводимые здесь цитаты переведены с польского перевода Токаржевского и не вполне совпадают с подлинным текстом Бакунина.

философе-экономисте Цешковском.¹⁰⁵ Поляков губит национальное самохвальство. Но в их критическом положении это плохое утешение».

— Да, да, господа, — говорил Михайлов, — я своими глазами читал это бакунинское письмо, а ведь он — ваш приятель.

— Хорошо! — отвечали мы. — Почему, однако, вы умалчиваете о других местах этого же самого бакунинского письма? Почему не цитируете таких, например, мест:

«... Не будем слишком винить поляков, — скорее пожалеем их. Мы сами им... а также продавши их отчасти немцам и...¹⁰⁶ мы сами поддерживаем в поляках эту *idée fixe*. Такое болезненно-раздраженное самоуглубление стало для поляков, правда, пагубным, но вместе с тем и необходимым явлением... Национальная самобытность ближе и ценнее тогда, когда другие не признают ее. Поэтому-то венгры, итальянцы и угнетенные славянские народности совершенно естественно и вполне справедливо выдвигают идею национальности на первый план».

Бывало Михайлов, уверенный, что отлично знает историю Польши, заводил разговоры, основываясь на этом — как я позволю себе думать — мнимом знакомстве:

— У вас господствует путаница понятий, — говорил он, — вы отождествляете религиозные понятия с идеей вашей государственности. Знамя с государственным гербом или хоругвь и изображением Ченстоховской Божьей Матери — это для вас одно и то же. Вашу Царицу Польши с Ясной горы¹⁰⁷ и вашу Речь Посполитую «от моря до моря» вы любите одинаково. Умереть за Бога и принять смерть за отчизну — по вашему одно и то же. Не так ли? Скажите!

— Именно так! Долгие века мы были оплотом христианства. Наш Ян III на мольбу папского нунция: «Король, спаси христианство!» — поспешил на выручку к Вене. Всякий раз, когда на полях битвы мы встречались с неверными, мы одинаково боролись тогда под лозунгом «*pro Christo!*»,¹⁰⁸ как и за идею «*pro patria!*».¹⁰⁹ А потому это вошло в нашу плоть и кровь и до сих пор живет в нас...

¹⁰⁵ Бронислав Трентовский (1807—1869) и Август Цешковский (1814—1894) — польские философы-идеалисты, правые гегельянцы.

¹⁰⁶ Здесь и выше отточие обозначает пропуск в польском тексте, видимо, по цензурным соображениям (ср. указанное письмо Бакунина).

¹⁰⁷ Одно из названий Ченстоховской божьей матери — «чудотворной» иконы, польской национальной святыни.

¹⁰⁸ «За Христа!» (лат.).

¹⁰⁹ «За родину!» (лат.).

Однажды в воскресенье Михайлов застал меня за переписыванием наизусть *Przedświt'a*¹¹⁰ и очень удивился.

— Сколько стихов вы знаете наизусть! Право я бы не поверил, если бы не видел собственными глазами. Часто я слышал, что вы, поляки, пользуетесь произведениями ваших поэтов как общественным и политическим катехизисом. Сегодня я убедился, что это так...

«...Пилигрим польский, ты был некогда богат, и вот теперь ты терпишь нищету и бедность, дабы познав, что такое нищета и бедность, сказать, когда вернешься в отчизну:

— Бедняки и нищие да станут мои совладельцы!

«Пилигрим, ты был учен, и вот те науки, что ты ценил, уже бесполезны для тебя, а те, которыми ты пренебрегал, стали нужны тебе, дабы, познав, что есть наука сего мира, сказать, когда вернешься в отчизну:

— Несведующие да станут моими соучениками!»

Прочитав по-русски эти два места из «*Książ pielgrzymstwa*»,¹¹¹ я спросил Михайлова, разве нельзя такого рода книги считать политическим и общественным катехизисом?

Он не противоречил, а это значило очень много, так как обыкновенно наши разговоры кончались жестокими спорами. Рассердившись, Михайлов обыкновенно убегал в свою камеру. Надо, однако, сознаться, что раздражение его проходило очень скоро и он, остывши, возвращался к нам с извинением и примирением.

— Простите! все мы здесь, как орлы в неволе, что ранят и вырывают перья друг у друга только с отчаяния!

Мы охотно прощали, забывая вспышки, но протестовали против сравнения нас с орлами.

Я заметил, что общей чертой всех русских заговорщиков и революционеров была кичливость. Они обыкновенно переоценивали и свои заслуги, и значение своей личности.

По крайней мере те, с которыми я сталкивался на каторге и поселении, мнили себя высшими существами, имеющими право не только на признательность, но и на всеобщее преклонение.

Михайлов отнюдь не принадлежал к исключениям — отсюда и его сравнение с орлами.

¹¹⁰ «Рассвет» (1843) — философская поэма Зигмунта Красинского.

¹¹¹ Имеются в виду «*Księgi pielgrzymstwa polskiego*» («Книги польского пилигримства», 1832) — нравственно-политический трактат Адама Мицкевича, развивавший идею мессианистического назначения польского народа. Приведенные цитаты заимствованы из III главы трактата.

По натуре серьезный и чуткий, Михайлов в Александровском остроге с каждым днем становился все грустнее и мрачнее.

Какие мучения терзали его? Что делалось в его душе — нельзя было сказать, а сам он откровенно ни с кем не говорил.

Нас отправляли в баню.

Был прекрасный солнечный день при сорока градусах мороза.

По дороге в баню Михайлов подбежал к нам. С нами он охотнее всего рассуждал, т. е. проще говоря, чаще и ожесточеннее ссорился в разговорах. Поочередно хватает нас за руки, с жаром прижимает их к груди и спрашивает:

— Ведь мы не сердимся друг на друга? не упрекаем? ведь мы не чувствуем племенной ненависти?

— Господи! Что вы! Да нет же! — уверяем мы очень торжественно и искренно.

— Хорошо! Спасибо! Помните ли вы, милые мои, что говорил Михаил Бакунин в 1847 г. в Париже, во время чествования ноябрьской годовщины?¹¹² Помните?

— Такие слова глубоко западают в сердце и никогда не забываются!

— Ну, хорошо! Знайте же, что я, как и Бакунин, одинаково жажду и желаю, чтобы вы и русские, братски обнявшись, пели дружным хором любимую вашу песнь легионов Домбровского...

Он еще раз пожал нам руки и ураганом вбежал в баню...

Мы медленно идем за ним и спрашиваем друг друга: — Что это такое? что бы это могло значить? неужели побег? но как же днем? Не всякому же удастся так счастливо улизнуть, как Михаилу Бакунину.

Баня полным полна арестантов.

Нас несколько сот, разделенных на две партии. Моется первая партия. Вторая ожидает очереди в холодных сенях. Здесь — и мы.

Из бани доносится звон кандалов, свист не одного десятка веников, которыми парятся с остервенением. Слышны крики, смех, грубые шутки, и каждый раз, когда шум чрез меру усиливается, конвойный, заглядывая в баню, уговаривает: «Тише, а то вам худо будет!».

¹¹² Имеется в виду речь М. А. Бакунина, произнесенная 29 ноября 1847 г. в Париже на банкете в годовщину польского восстания 1830 г.; речь завершалась словами: «Да наступит же великий день примирения, — день, когда русские, соединенные с вами одинаковыми чувствами, сражаясь за ту же цель и против общего врага, получают право запеть вместе с вами национальную песню польскую, гимн славянской свободы „Jeszcze Polska nie zginęła!“» (Михаил Бакунин, Избранные сочинения, т. III, Пб.—М., 1920, стр. 46; французский оригинал в газете «La Réforme», 1847, 14 décembre).

Когда открываются двери, — клубы пара ползут в сени, слепят и душат нас; несутся зловонные испарения, кружат голову, вызывая тошноту.

Мы ждем более или менее терпеливо.

Вдруг двери с треском распахнулись, скрипя на ржавых петлях, из бани выбегает Михайлов.

Как есть голый! Мы кричим:

— Боже он сошел с ума!

Но Михайлов, не глядя ни на кого, бежит во двор.

— Спаси его Господи!

Перед баней огромный сугроб.

Михайлов подбегает к нему, бросается и, своим телом разбив твердый снег, — хватает, прижимает к груди белые комья.

Мы цепенеем со страху. Когда же приходим в себя, Михайлов уже без сознания.

Мы закрываем его и несем в больницу.

Началось жестокое воспаление легких, оно и свело Михайлова в могилу.

Ни на минуту бедняга не приходил в сознание.

Никогда он не примет участия на пиру жизни
И даже, быть может, будет забыт.¹¹³

— Сумасшедший! — решило начальство.

И если бы не торжественное прощание с нами, то и мы заподозрили бы внезапное помешательство.

Но было ясно, что это — сознательное самоубийство.

Приведенные воспоминания Токаржевского настолько далеки от истины, что возникает сомнение, действительно ли они относятся к Михаилу Ларионовичу Михайлову. Но указания на то, что речь идет об одном «из выдающихся русских», «приятеле Чернышевского», свидетельствуют, что подразумевается именно он.

То, что действие отнесено к Александровску, а не к Кадае, можно объяснить еще ошибкой памяти. (Рассказ о Кароли Токаржевский также приурочил к Александровску). Несравненно более грубой ошибкой является указание на то, что Михайлов был осужден по нечаевскому делу, которое относится к 1869-1870 гг., т. е. несколько лет после смерти писателя.

Бесъема сомнительно утверждение Токаржевского, что Михайлов был фанатичным последователем Бакунина. Михайлов был знаком

¹¹³ Строки из романа Шопена («Melodia») на слова Зигмунта Красинского (см.: Chopin. Dzieła wszystkie, t. XVII. Pieśni. Warszawa—Kraków, 1949, стр. 38—39; сообщил Т. Шишко).

¹¹ Из истории русско-славянских связей
lib.pushkinskiydom.ru

с Герценом и Огаревым, причем с Герценом его связывало чувство взаимной дружественной симпатии.¹¹⁴ Но о его личном знакомстве с Бакуниным нет никаких сведений.

Правда, в записках Михайлова несколько раз упоминается бегство Бакунина из Сибири,¹¹⁵ но самый тон этих упоминаний не дает оснований подозревать не только знакомство с ним, но какое-либо пристрастие Михайлова к нему.

Единственное, что представляется вероятным и правдоподобным в приведенных воспоминаниях, — это споры Михайлова с польскими товарищами по каторге, его выступления против их националистической узости, против смешения религиозных и политических целей и лозунгов, против реакционных идей польского мессанизма и т. д. И нельзя не заметить, что упреки, которые бросает Михайлов своим оппонентам, звучат весьма убедительно, даже при явно тенденциозном их изложении мемуаристом.

Совершенно фантастическим является рассказ о «самоубийстве» Михайлова. Не говоря уже о том, что Михайлов умер от чахотки, осложненной «брайтовой болезнью» (хроническое перерождение почек), и имеется изложение обстоятельств его смерти, сделанное его братом, самая дата смерти — 2 или 3 августа¹¹⁶ — исключает возможность не только сорокаградусного, но и вообще какого-либо мороза в Забайкалье в это время.¹¹⁷

Все эти отступления от фактов жизни и смерти М. Л. Михайлова заставляют нас предположить, что в воспоминаниях о нем Токаржевский, вообще правдивый в своих мемуарах, вольно или невольно соединил двух человек. В Александровском заводе одновременно с ним находился «политический преступник из дворян» Николай Михайлов.¹¹⁸ Его, по-видимому, следует отождествить

¹¹⁴ См.: Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 105—110, 141; Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого. СПб., 1901, стр. 90—91; Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Гослитиздат, 1959, стр. 160.

¹¹⁵ М. Л. Михайлов, Сочинения, т. III, стр. 589—590, 601, 604.

¹¹⁶ Дату 2 августа 1865 г. называл брат поэта, присутствовавший при его смерти (см.: «Голос минувшего», 1915, № 9, стр. 225); датой 3 августа отмечена смерть Михайлова в списке умерших в Кадаинском лазарете за август 1865 г. (см.: Ф. Майский, Н. Г. Чернышевский в Забайкалье, стр. 58—59).

¹¹⁷ Можно, правда, отметить, что версия о смерти Михайлова зимой в мороз была распространена среди польских ссыльных. Так, И. Г. Жуков, называвший причиной смерти Михайлова чахотку, добавлял: «По словам поляков, находившихся в Кадае, последние минуты Михайлова произвели настолько удручающее впечатление на Чернышевского, что он, невзирая на часовых и на стужу, без шапки, в чем сидел дома, бросился в больницу, чтобы обнять друга в предсмертной агонии» (И. Г. Жуков. Воспоминания шестидесятника, стр. 252. Разрядка моя, — Ю. Л.). Легенда о самоубийстве Михайлова (отравление) содержится также в воспоминаниях дочери Дейхмана Е. О. Дубровиной («Беседа», 1905, № 12, стр. 24).

¹¹⁸ См.: Ф. Майский, Н. Г. Чернышевский в Забайкалье, стр. 110.

с членом «Земли и воли» поручиком Михайловым, который был привлечен к делу о «Казанском заговоре» по обвинению в недонесении о предполагавшемся вооруженном восстании, приговорен к 10 годам каторжных работ и сослан на Александровский завод в июле 1864 г.¹¹⁹ Не объединил ли Токаржевский в одном образе и Михаила и Николая Михайловых? Для решения этого вопроса необходимы сведения о пребывании Н. Михайлова на каторге; возможно, со временем их удастся извлечь из забайкальских архивов.

Опубликованный выше перевод фрагмента из мемуаров Токаржевского представляет для нас особый интерес еще и потому, что он был отредактирован М. Горьким. Машинопись перевода, озаглавленная «Воспоминания о М. И. Михайлове», сохранилась в архиве П. Е. Щеголева, который находится сейчас в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.¹²⁰ Редакционная правка, сделанная характерным горьковским почерком, носит стилистический характер.¹²¹ Вверху первого листа выше заглавия имеется карандашная надпись: «Статья, проредактированная М. Горьким для „Современника“».

Журнал «Современник» (СПб., 1911—1915) был основан А. В. Амфитеатровым как «внепартийный социалистический орган», что вызвало суровую критику В. И. Ленина.¹²²

¹¹⁹ См.: А. Ершов. Казанский заговор. (Эпизод из польского восстания 1863 г.). «Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 220, 228; Б. Козьмиц. 1) Отзвуки польского восстания. 1863 г. в центральной России. «Красный архив», 1923, т. IV, стр. 277, 295; 2) Казанский заговор 1863 года. М., 1929, стр. 123; А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XVI, 1920, стр. 337, 357, 367; Деятели революционного движения в России, т. I, ч. 2. М., 1928, стлб. 246; Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. М., 1953, стр. 281—283.

¹²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1093, оп. 1, ед. хр. 250, лл. 1—8. Обнаружено В. Э. Боградом.

¹²¹ Приведем несколько примеров.

Во фразе: «Они обыкновенно переоценивали и свои заслуги и ценность своей личности» вместо «ценность» — «значение» (л. 6).

До правки: «Всякий раз, когда открываются двери, — клубы пара врываются в сени...».

После правки: «Когда открываются двери, — клубы пара ползут в сени...» (л. 8).

До правки: «Михайлов подбегает к нему, бросается и своим телом разбивает твердый, как камень, снег, — хватает и прижимает к груди белые комья».

После правки: «Михайлов подбегает к нему, бросается и, своим телом разбив твердый снег, — хватает, прижимает к груди белые комья» (л. 8).

В начале последнего отрывка вычеркнута фраза: «Был прекрасный солнечный день при сорока градусах мороза» (повторение; — л. 7), и т. п.

¹²² См. его письмо к Горькому от 22 ноября 1910 г. (В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 380—381). О «Современнике» и участии в нем Горького см.: К. Д. Муратова. Журналистика. В кн.: История русской литературы, т. X. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 105—106.

В 1912 г. Горький вошел в редакцию журнала, рассчитывая реорганизовать его, создать «всероссийский журнал», отвечающий насущным задачам современности. Когда это ему не удалось, Горький вышел из редакции.

В программной статье «От редакции», предпосланной первому номеру журнала, декларировалась верность традициям «Современника» XIX в.¹²³ В журнале систематически помещались статьи и публикации, посвященные русским революционерам прошлого: декабристам, Герцену, Огареву, Бакунину, Некрасову, Добролюбову и особенно Чернышевскому. Это несомненно также привлекало Горького, который придавал большое социально-воспитательное значение изучению и популяризации жизни и деятельности революционеров и мечтал о создании некоего революционного «жизитя», проповедовавшего не пассивное непротивление и смирение, а героическое деяние, подвиг.¹²⁴

С этой точки зрения Горького могли заинтересовать и воспоминания о Михайлове. Еще в лекциях о русской литературе, прочитанных в каприйской школе в 1909 г., он причислял «революционера Михайлова» к тем общественным деятелям середины XIX в., чья «работа по организации русского общества, пропаганде демократизма, изучению страны — незабвенна и неисчислима».¹²⁵

Впоследствии, когда были опубликованы записки Михайлова,¹²⁶ Горький внимательно прочел их, делая пометы на полях.¹²⁷ В 1911—1912 гг. внимание к Михайлову усилилось в связи с пятидесятилетием его осуждения, и в «Современнике» 1912 г. публиковались посвященные ему материалы.¹²⁸

С другой стороны, Горького привлекал и сам Токаржевский — польский патриот, жертва царского самодержавия. Именно в этот период Горький ведет деятельную борьбу против правительственного шовинизма и черносотенного национализма, разжигаемого

¹²³ См.: «Современник», 1911, № 1, стр. 3.

¹²⁴ В письме к А. С. Черемнову от 19 сентября 1912 г. Горький писал: «Читали Вы письма Чернышевского, изданные Лядким? Какая трагическая книга и как „житие“ этот удивительный русский революционер. Да, можно писать „Житие преподобного Николая Чернышевского“. Иже во святых. Иже во святых» (Архив А. М. Горького, т. VII. М., 1959, стр. 113).

¹²⁵ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 145, 216.

¹²⁶ М. Ил. Михайлов. Записки (1861—1862). Ред. и вступ. статья А. А. Шилова. Пгр., 1922.

¹²⁷ См.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 3. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 307.

¹²⁸ В. Богучарский. Пятидесятилетний «юбилей». (Памяти М. Л. Михайлова). «Современник», 1912, № 1, стр. 309—315; П. В. Быков. Из переписки М. Л. Михайлова. Там же, № 9, стр. 200—211.

реакционными партиями.¹²⁹ Большое внимание национальному вопросу уделялось в составленном Горьким в сентябре 1912 г. проекте новой программы «Современника». Горький хотел, чтобы журнал боролся против насильственной русификации и централизации и порождаемого ими местного национализма и дал «возможную свободу идеям федерализма и широкой областной самостоятельности».¹³⁰ Он считал нужным отразить в «Современнике» подъем самосознания народов России, освещать их культурную жизнь, литературу.¹³¹

К польскому народу, к его борьбе за национальную независимость Горький испытывал живой интерес и глубокое уважение. «Преклоняюсь пред народом польским, неутомимым в его великой борьбе за свободу, горячо люблю польскую литературу и был бы безмерно рад познакомиться русский народ с духовной жизнью его братьев по крови», — писал он в 1907 г. польскому историку литературы Вильгельму Фельдману.¹³² А в 1911 г., указывая в статье «Издаека» на необходимость «в интересах социальной педагогики» «знакомить русского человека с творчеством племен, среди которых он живет», Горький писал: «... что знают широкие массы грамотных людей русских о духовной жизни Польши?..».¹³³

В русле этих идей несомненно лежал и интерес Горького к Токаржевскому. В начале 1912 г. он предложил одновременно в два журнала — «Заветы» и «Современный мир» — переведенный писателем-знавцем А. А. Золотаревым «отзыв Токаржевского о Достоевском»¹³⁴ (т. е., по-видимому, посвященный Достоевскому отрывок из книги «Семь лет каторги»).

Приведенный выше перевод, возможно, также был выполнен Золотаревым; мы предположительно относим его к середине

¹²⁹ См.: Н. К. Пиксанов. Горький и национальные литературы. М., 1946, стр. 37—61 (гл. III. Горький и национальный вопрос); М. Юнович. М. Горький в борьбе за равенство и дружбу народов. 2-е изд. М., 1957, стр. 70—112; Е. Г. Котовская. А. М. Горький и национальный вопрос. «Научные записки Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко», т. XVIII, вып. 2, сб. филологического факультета, 12. Киев, 1959, стр. 47—65.

¹³⁰ М. Горький, Собрание сочинений, т. XXIX, М., 1955, стр. 253 (письмо к М. М. Коцюбинскому 24 сентября (7 октября) 1912 г.).

¹³¹ См. изложение программы: Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, 1958, стр. 295.

¹³² Zofia Wcisłó. Nieznany list Maksyma Gorkiego. «Slawia orientalis». 1960, № 4, str. 527.

¹³³ М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 410. Об отношении Горького к польской литературе см.: Jerzy Lenarszyk. Śladami nieurzeczywistnionych zamierzeń. M. Gorki i literatura polska. «Slawia orientalis», 1960, № 4, str. 529—554.

¹³⁴ М. Горький, Собрание сочинений, т. XXIX, стр. 227 (письмо к В. С. Миролюбову, февраль 1912 г.). См. также: «М. Горький». Материалы и исследования, III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941 стр. 94—95.

1912 г. Переводу была предпослана заметка, в которой приводились краткие сведения о Токаржевском, его книгах «Семь лет каютки» и «Тернистым путем», упоминалось его знакомство с Достоевским. Хотя заметку писал не Горький, несомненно, что она соответствовала его взглядам. Заметка завершалась так:

«Во второй книге воспоминаний (т. е. «Тернистым путем», — Ю. Л.) есть отрывок, посвященный другому русскому писателю Михаилу Илларионовичу Михайлову.

«Интересный сам по себе отрывок этот может дать достаточно ясное представление о ценности воспоминаний Токаржевского.

«Полный русский перевод обеих книжек был бы как нельзя более ко времени: польский вопрос восстает сейчас перед самосознанием и совестью русского народа во всей своей силе».¹³⁵

На первой странице воспоминаний рукой Горького было помечено: «На ноябрь», т. е. он предназначал их для ноябрьского номера «Современника» 1912 г. Другая пометка рукой неизвестного лица переносила воспоминания на январь (1913 г.).

Воспоминания были набраны (об этом свидетельствует сохранившаяся корректура в гранках),¹³⁶ но по каким-то причинам, возможно вследствие ухода Горького из «Современника», напечатаны не были.

В 1912 г., когда Горький намечал к опубликованию воспоминания Токаржевского, биография Михайлова не была еще разработана, обстоятельства его смерти не были выяснены, и Горький, видимо, не подозревал о недостоверности этих воспоминаний. Доверяя Токаржевскому, он считал необходимым ознакомить своих соотечественников с одним из эпизодов истории взаимосвязей, существовавших между польскими и русскими революционерами.

В только что вышедшем издании Архивного отдела Тюменского облисполкома «Участники польского восстания 1863—1864 гг. в тобольской ссылке» (Тюмень, 1963, стр. 52—54) уже частично используются воспоминания Л. Зеленки для характеристики отношений М. Л. Михайлова с ссыльными поляками. Авторы, однако, отнесли к этим мемуарам не критически и цитируют описания приема в Тобольске и смерти Михайлова как исторически достоверные свидетельства.

¹³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1093, оп. 1, ед. хр. 250, л. 2.

¹³⁶ Там же, лл. 9—11.

Д. Б. Кацнельсон

ОБРАЗЫ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ПОЛЬСКОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ 1861—1864 гг.

Польская повстанческая поэзия воплощает стремления лучших сынов Польши, тех, кто боролся за независимость родины, кто был искренним поборником революционного союза народов. Идея солидарности народов обогащает эту поэзию, усиливает ее революционное звучание, ее демократический дух. Это было обусловлено тем, что национально-освободительная борьба польского народа имела общеевропейское значение, была связана с революционным движением в других странах. В. И. Ленин в своей известной статье «Национальный вопрос в нашей программе» отмечал, что «лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы».¹

Участие поляков в венгерской революции 1848—1849 гг. получило отражение в поэмах, стихах и песнях, которые прославляют революционное содружество венгерского и польского народов, воспевают революционных вождей — Бема, Высоцкого, Кляпку и рядовых солдат освободительной армии. Так, безымянный польский поэт в своем цикле стихов «Рассказы солдат легиона 1848 и 1849 годов» (1851)² описывает революционные бои в Венгрии и с любовью рисует образ генерала Бема. Поэт называет его ласково, тепло «наш старик», вспоминает, что в этом человеке, невзрачном, худом, искалеченном, жил богатырский дух. Автор восхищается простотой Бема, его добрым, братским отношением к рядовым: во время боя он подходил к храбро сражавшемуся солдату, благодарил его за мужество, ободрял и пристегивал ему свои собственные эполеты. Грозный для царей, доблестный Бем и «смелая наша (т. е. польская, — Д. К.) молодежь и страшная венгерская молодежь» (*nasza młodzież dziarska i waleczna młodź madziarska*) прославлены в «Песне студентов Краковского

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 416.

² Рукопись неизвестного поэта: *Jana z nad Lipy dzieła*, т. III. *Gawędy wiarusów legii 1848 i 1849 r.* Рукописный отдел Львовской библиотеки АН УССР, фонд Дзедушицких, ед. хр. 50—52, стр. 8—17.

университета».³ Песня возникла, вероятно, в 1848 г. в среде патриотической краковской молодежи, которая горячо откликнулась на венгерскую революцию. Юноши встречались на квартире патриота Виктора Грабянского и организовали сбор денег на покупку оружия для венгров. Сюда же приходили и революционно настроенные русские солдаты, сочувствовавшие польским и венгерским патриотам.⁴

В огне революционных боев в Венгрии рождались польские историко-героические народные песни. Возникновение одной из таких песен описывает в своих мемуарах офицер польского легиона в Венгрии Иоахим Антоний Шиц. Он вспоминает, что победа революционной армии — взятие крепости Сольнок — вызвала чувство радости и гордости в сердцах польских и венгерских солдат. Нашелся какой-то поэт, который на мотив песни «Бартош, Бартош, не будем терять надежды»,⁵ тут же сочинил новую строфу:

Wysocki pokazał pod Solnokiem z Węgrami,
Jak zdobywać działa polskimi lancami.⁶

Эта строфа распространилась, ее стали петь все легионеры.

О солидарности поляков и венгров, о стойкости, мужестве Бема и венгерского революционера Кляпки рассказывает песня «Что это за шум?» («Co to za gwar?»), созданная в 1849 г.⁷

Отклик на освободительную борьбу итальянского народа, на славные победы Гарибальди содержится в «Нашей песне».⁸ Она возникла незадолго до восстания 1863 г. и представляет собой интересный вариант известной польской патриотической песни «Еще

³ Pieśń studentów Uniwersytetu Krakowskiego (Czy słyszycie od Karpatów). Отдел рукописей библиотеки Вильнюсского университета, ед. хр. 2293 (тетрадь без титульного листа), стр. 26—27 (запись датирована 1860 г.).

⁴ См.: L. Russjan. Polacy i sprawa Polska na Węgrzech w roku 1848—1849. Warszawa, 1934, стр. 242—243.

⁵ Песня восстания 1794 г., известная под названием «Krakowiak Kościuszki». См. в кн.: Jeszcze Polska nie zginęła! Pieśni patriotyczne i narodowe zebrał F. Barański. Wyd. VII. Lwów, [6. г.], cz. I, стр. 10; cz. II, стр. 65 (далее: F. Barański, в cz. I приводятся ноты, в cz. II — слова). Бартош — крестьянин-патриот, совершивший подвиг в сражении при Рацлавицах.

⁶ Перевод: Высоцкий показал под Сольноком с венграми, как брать оружия польскими пиками (Legiony polskie na Węgrzech. Wspomnienia oficera tychże legionów. Poznań, 1850, стр. 30); об авторстве Шица см.: Słownik pseudonimów i krptonimów pisarzy polskich opracował Adam Bar, t. II. Kraków, 1936, стр. 66).

⁷ F. Barański, cz. I, стр. 32; cz. II, стр. 107 (№ 33а).

⁸ Pieśń nasza («Jeszcze Polska nie zginęła!»). Входит в рукописный сборник песен, составленный в Вильно в начале 1860-х годов: Wiersze treści patriotycznej. Отдел рукописей библиотеки Вильнюсского университета, ед. хр. 2294, стр. 30—33.

Польша не погибла», которая ныне является гимном Польской Народной Республики.⁹

Особенно глубокий и сильный отклик нашла в повстанческой поэзии освободительная борьба русского народа. Героические традиции родственного великого славянского народа, его самоотверженная борьба против злейшего врага Польши — царского самодержавия, жертвы, приносимые в этой борьбе, заступничество передовых русских людей за угнетенную Польшу, их стремление добиться свободы для поляков — все это, естественно, глубоко волновало польских патриотов, пробуждало в их сердцах чувство братской любви к русским революционерам, стремление к боевому содружеству с ними. В настоящее время, благодаря работам советских и польских историков, становятся известными все новые и новые факты сотрудничества русских революционеров с поляками, участие передовых русских людей в польском освободительном движении.¹⁰ Особенно активным и деятельным было участие передовых русских людей в революционных выступлениях поляков в 1861—1862 гг. и в самом восстании 1863—1864 гг. Это были годы, когда русская революционная демократия во главе с Герценом решительно выступила в защиту борющейся Польши, когда организация «Земля и воля» оказала поддержку повстанцам, когда Андрей Потебня, Никифоров, Подхалюзин, Краснопевцев, Безкишкин, Садков, Владимир Иванов и многие другие русские революционеры героически сражались в рядах польских повстанцев. В восстании 1863 г. приняло участие несколько сот русских солдат и офицеров.¹¹ Благородное стремление родственных соседних славянских народов — русского и польского — вместе добиваться освобождения, чтобы жить в мире и дружбе, выражено и в польской повстанческой поэзии этих лет. Произведения известных и безымян-

⁹ О ней см.: Игорь Бэлза. История польской музыкальной культуры, т. I, М., 1954, стр. 271—272.

¹⁰ История Польши, т. II. Под ред. И. С. Миллера и И. А. Хренова. Изд. АН СССР, М., 1955 (далее: История Польши); Польское восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи. Сборник под ред. В. Д. Королюка и И. С. Миллера. Изд. АН СССР, М., 1960; И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х гг. XIX в. М., 1954; Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953 (перевод с польского); Leon Baumgarten. Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952 (далее: L. Baumgarten); Pod sztandarem bratniej przyjaźni. Zbiór materiałów i dokumentów Warszawa, 1954, и другие работы.

¹¹ Часть материалов о русских солдатах и офицерах, сражавшихся в повстанческих отрядах в 1863—1864 гг., см.: История Польши, т. II, стр. 116, 125, 155; Pamiętka dla rodzin polskich. Zebrań i ułożył Zygmunt Kolumna, cz. I, II. Kraków, 1867—1868; Piotr Łossowski i Zygmunt Młynarski. Rosjanie Białorusini, i Ukraińcy w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1950 (далее: P. Łossowski i Z. Młynarski); Z. Młynarski i A. Ślisz Andrzej Potebnia — bohater wspólnej sprawy. Warszawa, 1955.

ных авторов, посвященные изображению русских революционеров, еще мало изучены. А. Бжег-Пискозуб, С. Лям, Я. Лорентович, Я. Знамировская¹² в своих работах о польской поэзии 1861—1864 гг. не касаются этого вопроса. Предлагаемая работа является лишь попыткой анализа известных автору произведений польской повстанческой поэзии и фольклора конца 50—60-х годов XIX в. о русских людях, солидарных с восставшей Польшей.

Польская поэзия в канун и во время восстания 1863—1864 гг., обращаясь к теме русского освободительного движения, развивала традиции прогрессивной польской литературы первой половины XIX в., которая откликнулась на героическую борьбу декабристов. Поэт Маврикий Гославский, впоследствии участник восстания 1830—1831 гг., в 1826 г. написал героическое и скорбное стихотворение «На смерть Пестеля, Муравьева и других мучеников за свободу России» («Na śmierć Pestela, Murawjewa i innych męczenników Rosyjskiej wolności»), заклеил позором преступления царя, казнившего декабристов, и воспел их подвиг.¹³ «Декабристы, погибшие за святое дело человечества... велики и бессмертны», — писал Гославский. Незабываемые образы декабристов — Рылеева и А. Бестужева нарисовал Адам Мицкевич в «Послании к русским друзьям» («Do rzyjaciół Moskali», 1832). Юлиус Словацкий в драме «Фантазий» («Fantazy», 1841) изобразил русского офицера, участника декабрьского восстания, как человека большой души, гражданина, который всю жизнь не перестает скорбеть о том, что он и его друзья действовали нерешительно и восстание было разгромлено. Прекрасные душевные качества этого героя раскрываются в его верной дружбе со ссыльным польским повстанцем, ради которого он жертвует жизнью.¹⁴ В благородных традициях «Послания к русским друзьям» А. Мицкевича, которое оказало огромное воздействие на умы польских патриотов, написано стихотворение Винцентия Поля «Лагерь русских под Ковно» («Obóz Moskiewski pod Kowno»), вошедшее в цикл повстанческих стихов поэта «Песни Януша» (изданы в Париже в 1833 г.). В качестве эпитафии к своему стихотворению поэт взял восьмую строфу из «Послания». В произведении В. Поля отражено глубоко-

¹² Adam Brzeg-Piskozub. Zmierzch romantyzmu. Zarys poezji powstania styczniowego. Lwów, [1913] (далее: А. Brzeg-Piskozub); Stanisław Lam. Poezya 1863 г. «Literatura i sztuka», 1913, № 28, стр. 433—436, № 29, стр. 452—454; Jan Lorentowicz. Polska pieśń niepodległa. Zarys literacki. Kraków, 1917 (далее: J. Lorentowicz); Janina Znamirska. Poezya powstania styczniowego. Zarys ideologii. Lwów, 1938.

¹³ M. G. Poezya Ułana Polskiego poświęcona Polkom, t. I. Paryż, 1833, стр. 26—28.

¹⁴ Драма переведена на русский язык Л. Мартыновым: Юлиус Словацкий, Избранные сочинения, т. II, М., 1960, стр. 381—496.

кое сочувствие передовых русских офицеров польскому восстанию 1830—1831 гг. Польский поэт увидел, что, несмотря на жестокую расправу с декабристами, дух вольнолюбивых русских людей не сломлен, они верны идеалам декабризма. В стихотворении «Лагерь русских под Ковно», как указывает в примечании сам автор, описано подлинное событие.¹⁵ Приводим его в русском поэтическом переводе:

Об отчизне и о славе
 Молодежь поет в Варшаве,
 Встали млад и стар.
 А под Ковно¹⁶ вражьи крики:
 «Близко лях! Вострите пики!
 С нами бог и царь!».
 Звон оружия полнит дали.
 Дым костров и отблеск стали —
 Среди мглы ночной.
 А в палатках офицеры
 Сыплют деньгами без меры
 За ночной игрой.
 Шумно, дымно. Самовары
 Бьют в глаза клубами пара;
 Крики, звон монет.
 «Пей до дна, гуляй ребята!
 Разве серебра и злата
 В старой Польше нет?
 Кто в Варшаве был, тот знает:
 Там девчонок не считают,
 Много там добра!
 Мы мятежников порубим,
 А полячек приголубим,
 За царя! Ура!
 Зарастет травой Варшава,
 Прогремит далеко слава
 Нашего царя.
 Нам за труд — красавиц лица,
 А вам — цепи и темницы!
 Наливай! Ура!»
 «Хватит этого, панове, —
 Встал ротмистр. — Довольно крови!
 Я не пью за смерть и стон!
 Им так святы Вислы воды,
 Как нам Дона. За свободу!
 За великий Дон!
 Вы не встали? Нет? Проклятье!
 Вам лишь пить за гибель братьев!
 Палачам позор!
 Не вино сегодня чашей
 Пить за Дон, а кровью вашей
 Напоить простор!»

¹⁵ Wincenty Pol. Pieśni Janusza. Opracował Józef Kallenbach. Kraków, [б. г.], стр. 61.

¹⁶ Польша сражалась в повстанческом отряде на литовских землях, недалеко от Ковно.

От игры еще не встали —
 Задрожали звоном дали,
 Кандалы звенят.
 А казаки прошептали:
 «Жаль, в Сибирь его погнали,
 Жаль, ведь он наш брат!».¹⁷

Полю удалось создать живой характер пылкого, бесстрашного русского человека, с его отзывчивой душой, нетерпимостью ко злу и насилию, самоотверженной любовью к свободе. В страстной речи донского офицера слышна угроза царю и его слугам, угадывается призыв к вооруженному выступлению против царизма. Ромистра арестовывают, но его благородное заступничество за восставшую Польшу не прошло бесследно — оно нашло отклик в сердцах рядовых солдат. Поль показал, что недовольство царской политикой угнетения Польши проникает и в широкие солдатские массы: казаки на стороне революционного офицера, считают его своим братом, сочувствуют ему. В стихотворении поэта-повстанца отражено истинное отношение прогрессивных русских людей к восстанию 1830—1831 гг.; среди них были живы традиции декабристов — уважение к патриотическим чувствам поляков, мечта о свободной Польше. Настроения русских революционеров, приветствовавших польское восстание, выразил поэт-декабрист А. И. Одоевский в стихотворении «При известии о польской революции» (1831):

Едва дошел с далеких берегов
 Небесный звук спадающих оков
 И вздрогнули в сердцах живые струны, —
 Все чувства вдруг в созвучие слились...
 Нет, струны в них еще не порвались!
 Еще, друзья, мы сердцем юны!
 И в ком оно от чувств не задрожит?
 Вы слышите: На Висле брань кипит! —
 Там с Русью лях воюет за свободу
 И в шуме битв поет за упокой
 Несчастных жертв, проливших луч святой
 В спасенье русскому народу...¹⁸

О солидарности русских с польским восстанием писал политический деятель и известный литературный критик Маврикий Мохнацкий в статье «Как понимать польское восстание» («Jak rozumieć powstanie polskie»): «Все эти люди, эти угнетенные русские — наши единокровные братья, одного с нами племени, союзники и участники польского дела... Русские рано или поздно свергнут царизм... Несколько дней тому назад (как стало из-

¹⁷ Перевод Леонида Главацкого, публикуется впервые.

¹⁸ А. И. Одоевский, Полное собрание стихотворений, Л., 1958, стр. 142.

вестно из устных сообщений) народ взбунтовался в Петербурге, выбивал окна в домах шпионов и высоких чиновников».¹⁹ Эти строки Маврикий Мохнацкий писал в восставшей Варшаве 18 декабря 1830 г.

Стихотворение В. Поля «Лагерь русских под Ковно» стало народной песней. Оно опубликовано во многих патриотических песенниках, часто с приложением нот.²⁰ В ряде песенников авторство Поля не указано.²¹ Составители песенников не называют композитора, написавшего музыку к тексту. Вероятно, это музыка народная. Мотив песни стал популярным среди польских повстанцев 1863 г., на тот же мотив была создана повстанческая песня «Лагерь в Ойцове» («Obóz w Ojcowie»)²² Характерно, что песня «Лагерь русских под Ковно» в 1840-е годы исполнялась революционными демократами, среди которых идея содружества народов была особенно популярна. Один из польских демократов вспоминает в своих мемуарах, что узники, заточенные в 1847 г. в австрийскую крепость Шпильберг, очень любили родные патриотические песни, как уже известные, так и созданные ими самими. Песни сочинял и заключенный в эту крепость выдающийся польский революционер-демократ Юлиан Госляр.²³ В числе известных патриотических песен, особенно часто исполнявшихся, автор мемуаров упоминает песню «Лагерь русских под Ковно», несколько строк которой он цитирует.²⁴ Об авторстве Поля автор не упоминает; по-видимому, оно было ему неизвестно. Характерно, что он считал эту песню веселой. Действительно, бодрый, энергичный мотив песни прекрасно соответствует выраженному в ней воодушевляющему чувству веры в русский народ.

В 30-е и 40-е годы XIX в. в польской повстанческой поэзии продолжает углубляться тема русско-польской революционной солидарности, что было связано с общей демократизацией польской национальной поэзии. Ф. Энгельс, характеризуя изменения, происшедшие в жизни Польши с 1830 по 1846 г., отметил «полное от-

¹⁹ «Nowa Polska», 1831, 3 marca, № 58.

²⁰ Obóz moskiewski pod Kownem (O ojczyźnie i o sławie). Lutnia. Piosennik Polski, Zbiór II, Lipsk, 1865, стр. 183—185 (далее: Lutnia); Śpiewnik Polski, t. 5, Lwów, 1886, стр. 224; F. Barański, cz. I, стр. 105; cz. II, стр. 183; Wojenna pieśń polska, t. II. Pieśni żołnierskie i ludowo-żołnierskie, Polski walczącej o wolność, wiek XVIII—XIX. Zebrał i ułożył Zygmunt Andrzejowski. Warszawa, 1939, стр. 66—68 (слова и ноты) (далее: Z. Andrzejowski).

²¹ См., например: Powstanie listopadowe. Zbiór pieśni i poezyj. Opracowała Alicja Bęlcikowska. Warszawa, 1930, стр. 169—173 (слова и ноты).

²² F. Barański, cz. I, стр. 105; cz. II, стр. 183—184; «Biblioteka Mrówki», t. 65, «Śpiewnik Polski», t. 1, zes. 2, Lwów, 1879, стр. 188.

²³ Fr. M. Władysław Cz. . . Pamiętniki więźnia. «Dziennik literacki», 1862, № 77, стр. 609; № 82, стр. 652.

²⁴ Там же, № 77, стр. 609. — Мемуарист называет песню по первой строке «O wolności i o sławie» (У Поля — «O ojczyźnie i o sławie»).

деление от польского народа польской аристократии, бросившейся в объятия угнетателей своего отечества, бесповоротный переход польского народа на сторону демократии».²⁵ Эти общественные процессы нашли отражение в литературе. В прогрессивной польской поэзии идея национально-освободительной борьбы и революционного союза народов все теснее связывается с демократическими лозунгами освобождения крестьян, отмены сословных привилегий.

Мечта о революционном союзе славянских народов, о совместной борьбе за свободу русских и поляков выражена в поэзии Юзефа Мейзнера (1803—1841). Светлый облик Мейзнера — человека кристально чистого, цельного, беззаветно преданного делу освободительной борьбы, запечатлел Юлиуш Словацкий в своем стихотворении «Погребение капитана Мейзнера» («Pogrzeb kapitana Meuznera», 1841). Мейзнер не принадлежал к числу крупных поэтов, но его произведения отличаются большой искренностью, носят на себе отпечаток благородного и смелого ума, душевной красоты поэта. В поэзии Мейзнера отражен жизненный и политический опыт повстанцев, которые, пережив трагедию поражения, не пали духом, стремились продолжать борьбу, были глубоко озабочены судьбой родины и человечества. Мейзнер играл большую роль в руководимой Петром Высоцким патриотической организации, подготовившей восстание 1830—1831 гг., и был в числе смельчаков, начавших 29 ноября восстание нападением на Бельведерский дворец — резиденцию великого князя Константина.²⁶ Во время восстания Мейзнер в чине капитана храбро сражался в 9-м линейном полку. После поражения восстания он эмигрировал во Францию. Трудная, полная лишений и нужды жизнь эмигранта не сломала героический дух Мейзнера. Его стихи и поэмы, созданные в эмиграции, проникнуты чувством революционного оптимизма: поэт предсказывал объединение польского и русского народов и их великое будущее. Глубоко характерен для понимания польской общественной мысли XIX в. тот факт, что именно герой-повстанец, сторонник решительной революционной борьбы за независимость Польши был горячим поборником идеи революционного русско-польского союза. Лозунг «За нашу и вашу свободу» возник в 1830-1831 гг. среди повстанцев и трудового варшавского люда и был чужд консервативной верхушке армии и сейма. Под знаменами с надписью «За нашу и вашу свободу» 25 января 1831 г. вышли на улицы Варшавы деятели левой, радикальной организации «Патриотическое общество» и толпы варшавян, чтобы почтить память казненных декабристов; во главе манифестантов шел ка-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 493.

²⁶ См.: W. Tokarz. Sprzysiężenie Wysockiego i noc listopadowa. Warszawa—Kraków—Lublin, 1925, стр. 58, 89.

питан Мейзнер.²⁷ Под такими же знаменами сражались повстанческие отряды. Этот лозунг, отвечающий чаяниям революционного польского народа, страстно пропагандировал Мейзнер в своей поэме «Славянин с берегов Волги» («Słowianin z nad Wolgi»), вошедшей в сборник «Исторические краковяки».²⁸ Автор создает здесь обобщенный образ вольнолюбивого русского человека — «славянина с берегов Волги». От имени своего героя поэт говорит о тяжелой судьбе угнетенного русского народа, о жестокости царизма, о героизме русских и польских революционеров. До берегов Волги доносятся отзвуки ноябрьского восстания: «Что это за гром слышится вдали? Этот гром доносится из страны ляхов, и чудесные звуки плывут в наши края: „Мы сражаемся за нашу и вашу вольность!“». Польское восстание напоминает герою поэмы о борьбе декабристов, и он обращается к казненным революционерам со словами глубокой любви: «Где же вы, Бестужев, Пестель, Рюмин, где великая душа благородного Рылеева?». Скорбь о поражении декабрьского восстания и гибели его героев отступает на второй план перед воодушевляющим чувством веры в революционные силы всех славянских народов. Поэт-повстанец понимает, что восстание декабристов не прошло бесследно; все больше и больше появляется в России борцов за свободу. В прозаическом вступлении к поэме «Славянин с берегов Волги» Мейзнер обращается к передовым русским людям — «Многочисленным братьям великого Рылеева». Поэма начинается символической картиной: «Пять звезд на западе пробиваются сквозь кровавую мглу, тысячи лучей струятся в Варшаву». Это идеи декабристов освещают путь новому поколению русских и польских борцов против самодержавия. Мейзнер пишет о будущем славянских народов. Они добьются свободы, объединятся в дружную, счастливую семью, настанет расцвет всего славянского мира: «Великий народ славян, страдавший веками, поднимается, прославится на путях истории. . . Народ этот воспримет. . . ибо дни будущего принадлежат ему, ибо он является преемником Запада. . . Для нас, славян, восходит прекрасное утро». Чтобы приблизить это будущее, поэт-повстанец страстно призывает всех славян вместе восстать против власти тиранов: «К оружию, славяне, к оружию, к оружию!»

Тема революционного содружества народов в поэзии Мейзнера неотделима от сочувственного изображения крестьянских масс, от лозунгов освобождения крестьян, предоставления им политических прав. В стихотворении «Поляк с берегов Вислы» («Polak z nad Wisły») ²⁹ поэт обвиняет магнатов в том, что по их вине проли-

²⁷ L. Baumgarten, стр. 198—199.

²⁸ Krakowiaki historyczne przez Józefa Meyznera. Paryż, 1841, стр. 12—19.

²⁹ Józef Meyzner. Polak z nad Wisły (Przeszła burza). Lutnia, zbiór I. 1863, стр. 253—258.

вались «слезы и кровь крестьянина», воспевают историко-героические традиции родного народа, называет польского крестьянина «нашей орлеанской девой»

Стремление польских демократов 1840-х годов к революционному содружеству с русским народом с большой силой прозвучало в боевой песне Познанского восстания 1848 г. «Марш Мерославского» («*Marsz Mierosławskiego*»): «К оружию, народы, встанем вместе!» («*Do broni, ludy, powstańmy wraz!*») Этот повстанческий марш исполнялся на мотив свадебного хора из оперы Доницетти «Лючия ди Ламмермур». «Марш Мерославского» был издан отдельной книжечкой в Бытоме, вероятно, вскоре после Познанского восстания³⁰ В подзаголовке книжечки возникновение песни отнесено ко времени битвы под Милославом (30 апреля 1848 г.); автор не указан «Марш Мерославского» представлен в очень многих патриотических и пролетарских песенниках; большинство составителей приводят эту песню как анонимное произведение,³¹ и только очень немногие называют в качестве автора одного из предводителей повстанческой армии в 1848 г. Людвика Мерославского³² Тот же автор назван и в библиографии Габриеля Корбута³³ Мерославский, как известно, написал несколько поэтических произведений, в их числе интересную для нашего читателя поэму «Пугачев».³⁴ Само заглавие песни не может служить доказательством авторства, поскольку в польской повстанческой поэзии существовала традиция называть песни по именам предводителей: «Краковяк Костюшки» («*Krakowiak Kościuszki*»)³⁵, «Марш Чаховского» («*Marsz Czachowskiego*»)³⁶ Создал ли эту песню Мерославский или она возникла в среде рядовых повстанцев 1848 г., по своему распространению и бытованию она несомненно является произведением революционного фольклора Сличение текстов «Марша Мерославского», представленных в разных сборниках, показывает, что многие строфы песни варьировались, новые поколения революционеров вносили в нее свои измене-

³⁰ *Marsz Mierosławskiego przed bitwą pod Miłosławiem W Bytomiu*, [6 г.]

³¹ «Biblioteka Mrowki», t 65, *Śpiewnik Polski*, t I, zeszyt 2, str 110—112, *Piesni Polskie Krakow* Nakładem Bartoszewicza [6 г.], str 38 (далее К Bartoszewicz), F Barański, cz I, str 43, cz II, str 126, Z Andrzejowski, t II, str 107—109 (здесь автором назван Казимир Эренберг), 50 *piesni narodowych* Zebrał Drogosław Warszawa, 1906 str 47, *Piesni i melodye narodowe* Lwow, 1888, str 23—24, ноты в Приложении, str 16—17

³² *Zbiór piesni Biblioteczka popularna «Zycia», ksiązeczka IV*, Krakow (1908), str 33 (здесь песня озаглавлена «*Hymn rewolucyjny*»), *Śpiewnik Zastępowego* Zebrał i opracowali E Dziębowska i J Dargiel Warszawa 1958 str 245

³³ G Korbut *Literatura polska*, t III Warszawa, 1930, str 197

³⁴ *Pugaczow Wiersz* Ludwika Mierosławskiego Paryz, 1836

³⁵ См сноску 5

³⁶ F Barański, cz I, str 143, cz II, str 210

ния.³⁷ Эта боевая повстанческая песня устремлена к будущему, проникнута мечтой о дружбе народов, об их освобождении. Песня начинается страстным обращением к народам с призывом объединиться в борьбе с реакционными режимами: «К оружию, народы! Восстанем все вместе и подадим друг другу братскую руку! Уже настало время свергнуть тиранов!». В «Марше Мерославского» выражено чувство братской любви к русскому народу, страдавшему под игом царизма, провозглашена идея революционного содружества польского, русского и французского народов:

Tych, co Sekwany kosztują wód,
I tych, co Wisły zalegli brzeg,
I tam z nad Newy nieszczęsny lud
Niech dziewiętnasty zjednoczy wiek.
Wszakżeśmy bracia, jeden nasz wróg!³⁸

Идея братской солидарности народов органически сочетается в «Марше Мерославского» с осуждением шляхетских привилегий, с требованием народовластия: «Пусть народ устанавливает мудрые законы!» Эта песня, проникнутая демократическим духом, бытовала и в среде повстанцев 1860-х годов. «Марш Мерославского» распространялся в рукописных списках; один из таких списков, датированный 1860 г., хранится в Вильнюсском университете.³⁹ Марш был очень популярен среди студентов Киевского университета накануне восстания 1863 г. Владимир Антонович, Леонард Совинский (известный переводчик произведений Т. Шевченко на польский язык) и близкие к ним передовые польские и украинские студенты часто повторяли как лозунг строку из «Марша Мерославского»: «Долой титулы „князь и пан“!»⁴⁰ Текст марша с нотами опубликован в сборнике поэзии 1863 г., составленном А. Белтиковской.⁴¹ Составитель одного из пролетарских песенников тоже приводит «Марш Мерославского» с указанием на то, что эта песня исполнялась во время восстания 1863—1864 гг.⁴²

В стихах и песнях 1863—1864 гг. и предповстанческих лет тема русско-польского революционного содружества углубляется.

³⁷ См. варианты в пролетарских песенниках: *Pieśni i melodye narodowe*, стр. 24. (4-я строфа); *Zbiór pieśni, książeczka IV*, стр. 35 (последняя строфа).

³⁸ *Перевод*: Пусть тех, кто пьет воду из Сены, и тех, кто живет на берегу Вислы, и несчастный народ с берегов Невы — объединит XIX в. Ведь мы же братья, один у нас враг! (*Pieśni i melodye narodowe*, стр. 24).

³⁹ Рукописное отделение библиотеки Вильнюсского университета, ед. хр. 2293, стр. 45—46.

⁴⁰ Franciszek Rawita Gawroński. *Stefan Bobrowski i dyktatura Langiewiczza w r. 1863*. Warszawa—Kraków, 1914, стр. 13—14.

⁴¹ *Powstanie styczniowe. Zbiór pieśni i poezji. Zebrała i opracowała Alicja Bełcikowska, melodye dla chórów ułożył F. Rybicki*. Warszawa, 1931, стр. 54—57 (далее: А. Белтиковская).

⁴² 50 *pieśni narodowych*, стр. 47.

Известные поэты восстания и создатели народных повстанческих песен отозвались на революционные выступления лучших людей России, оказавших поддержку восстанию. Поэты восстания создали целую галерею живых, запоминающихся образов вольнолюбивых русских, солидарных с восставшей Польшей. Здесь немало людей из народа — рядовых солдат, крестьян. Тем самым польские поэты показали, что в защиту Польши выступают уже не только отдельные революционные деятели, но все более широкие круги русского общества.

Страстно откликнулся на идею русско-польского революционного союза, на выступление русских людей в защиту Польши поэт-повстанец Мечислав Романовский (1834—1863). Литературная деятельность Романовского началась во Львове в 1850-е годы. Он активно сотрудничал во львовских патриотических журналах «Dziennik literacki», «Nowiny», «Dzwonek», писал стихи, поэмы, драмы, публицистические статьи. При жизни поэта, с 1854 по 1863 г., вышло восемь сборников его произведений.⁴³ Они проникнуты чувством глубокого патриотизма, симпатии к социальным низам. Автор исследования о поэте-повстанце Юлия Дикштейн пишет: «Романовский принадлежал к революционной организации, рвущейся к восстанию; современники называли его радикалом. Романовский был представителем той красной молодежи, которая первая бросила вызов польскому консерватизму. Демократ, друг свободы и энтузиаст... он напоминает нам своим широким дыханием Шиллера».⁴⁴ Романовский был поэтом-песенником. Многие его стихотворения бытовали среди патриотической молодежи как песни национально-освободительной борьбы. Широкую известность получили, например, песни Романовского «Польские знамена в Кремле» («Sztandary Polskie w Kremlu», 1857), «Польский гимн» («Hymn Polski», 1860),⁴⁵ «Зачем мечтать нам о любви» («Co tam marzyć o kochaniu», 1860),⁴⁶ «Песнь молодых бойцов»

⁴³ Библиографию сочинений Романовского и работ о нем см. в кн.: Mieczysław Romanowski. Dziewczę z Sącza oraz wybór lirików. Wstępem i objaśnieniami opatrzył dr. S. Lam. Kraków, [6. r.], стр. 37—41.

⁴⁴ J. Dicksteinówna. Mieczysław Romanowski i przedzgonne chwile romantyzmu polskiego. «Pamiętnik literacki», 1911, zesz. II, стр. 259.

⁴⁵ Poezye Mieczysława Romanowskiego. Lwów, 1863, стр. 28—29, 32—34 (далее: М. Романовский); «Польский гимн» вошел во многие песенники: Lutnia, zbiór II, стр. 100—102; Śpiewnik narodowy. Zebrał i na dwa głosy ułożył Władysław Jeziorski. Ostrawa—Cieszyn, 1911, cz. I, стр. 43; cz. II, стр. 39 (далее: W. Jeziorski, в cz. I приводятся ноты, в cz. II — слова); Pieśni narodowe 1863 r. Lwów, 1913, zesz. I, стр. 5—7 и другие песенники.

⁴⁶ М. Романовский, стр. 22; A. Bełcikowska, стр. 104—105 (слова и ноты). О судьбе этой песни см.: Antologia romantycznej pacyj Krajowej (1831—1863). Opracowały M. Grabowska i M. Janion. Warszawa, 1958, str. 15.

(«Pieśń młodej wiary», 1861),⁴⁷ «Прощание» («Pożegnanie», 1863)⁴⁸ и др. Львовский патриотический журнал «Mieszczanin Polski» писал о «Песне молодых бойцов»: «Эту орлиную песню сегодня поет в повстанческих лагерях вся польская молодежь».⁴⁹ «Пусть воспрянут сердца! Мир охвачен пламенем». («W górę serca! Świat się pali!») — так начинается эта песня; она написана в традициях «Оды к молодости» Мицкевича, полна энтузиазма, пылкой любви к родине и человечеству, страстного желания преобразовать, обновить жизнь. Близка к солдатским песням своей задушевностью, простотой и выражением спокойного мужества песня о расставании повстанца с возлюбленной — «Прощание». Это произведение до сих пор волнует читателя выражением душевной ясности и красоты человека, который расстается с невестой, отказывается от личного благополучия ради высокой человеческой цели — борьбы за свободу. Это было одно из последних произведений Романовского. Во время восстания поэт сражался в отряде Мартина Борелевского, который раньше был рабочим. За свою приверженность идеям ученого-демократа Иоахима Лелевеля этот прославленный руководитель одного из крупнейших повстанческих отрядов был прозван «Лелевелем». Романовский был адъютантом «Лелевеля»-Борелевского и искренне восхищался этим талантливым и мужественным сыном польского трудового народа. Фелиция Василевская-Боберская, литератор и педагог, активная участница организации польских патриоток во Львове, вспоминает о своей последней встрече с Романовским. Это было в первых числах апреля 1863 г., Романовский приехал на несколько дней во Львов с поручением предводителя отряда. «Поэт, — пишет Василевская, — пылал тогда любовью к родине, жаждал боя, был в расцвете своих жизненных сил, с наивысшим восторгом и преданностью говорил о Лелевеле».⁵⁰ 24 апреля 1863 г. Романовский пал смертью храбрых в сражении под Юзефовым. Автор анонимного стихотворения — некролога «Мечиславу Романовскому» («Mieczysławowi Romanowskiemu») писал о погибшем поэте: «Ты окончил свой путь самой прекрасной поэмой — отдал отчизне молодую жизнь».⁵¹

Поэт-повстанец завещал полякам стремление к миру, дружбе народов, к единству с русским народом. В упоминавшейся выше

⁴⁷ M. Romanowski, стр. 40—42; A. Bełcikowska, стр. 61—64; F. Barański, cz. I, стр. 127; cz. II, стр. 196; K. Bartoszewicz, стр. 119—121.

⁴⁸ M. Romanowski, стр. 38—39. В позднейших изданиях его сочинений и в сб. «Pieśni narodowe 1863 r.» (zesz. I, стр. 49—50) озаглавлено «Na rozstanie».

⁴⁹ «Mieszczanin Polski», Lwów, 1864, № 2, стр. 15.

⁵⁰ Felicya z Wasilewskich Boberska. Mieczysław Romanowski. Lwów, 1893, стр. 33.

⁵¹ «Dziennik literacki», 1863, № 76, стр. 605.

«Песне молодых бойцов», бытовавшей среди повстанцев, Романовский рисует вдохновенный, устремленный в будущее образ восставшей Польши: «Польша обняла народы, страны, сказала народам „Мир вам!“». Поэт широко понимал задачи национально-освободительной борьбы поляков: она связана с осуществлением высоких человеческих идеалов свободы и братства народов. Поэту были дороги героико-исторические традиции славянства. Романовский с чувством любви и гордости пишет о героизме чешского народа в своей небольшой поэме «Смерть Жижки» («Śmierć Zyszki», 1862).⁵² Герой поэмы изображен в духе народных героических преданий: он ослеплен стрелами врагов, «но видит все духовным взором, как в ясный день, как только приходится вести бой с немцами». Перед смертью Жижка обращается к чехам и сражавшимся вместе с ними полякам, призывает их «жить в согласии и любви». Романовский задумал написать по материалам русской истории драму «Марфа-посадница новгородская» («Marfa posadnica nowogrodzka») и сделал уже первые наброски, но с началом восстания прервал свою работу.⁵³

Настроения радикальных кругов польского общества, стремившихся к союзу с русскими революционерами, с большой художественной силой воплощены в песне Романовского «Польские знамена в Кремле». Ноты к тексту можно найти во многих песенниках.⁵⁴ Слова исполнялись на мотив патриотической песни «Братья! Годовщина! — так по обычаю» («Bracia! Rocznic! — więc po zwyczaj!»),⁵⁵ слова В. Поля, музыка народная. Эта песня уже с 80-х годов приобрела в Польше большую известность.⁵⁶ На этот же мотив в 60-е годы была создана песня ссыльных повстанцев «Прощай, прощай любимый край!» («Żegnaj nam, żegnaj droga krajno!»), которая впоследствии перешла в уста революционных рабочих.⁵⁷ По всей вероятности, Романовский хотел, чтобы его стихотворение стало доступным для всего народа, быстро распространилось, и поэтому сочинил текст на мелодию уже популярной среди патриотов песни Поля «Братья! Годов-

⁵² M. Romanowski, стр. 87—91.

⁵³ О замысле этой драмы см.: *Obrazki galicyjskie przez J. Gordona. Sanok, 1869*, стр. 168 (далее: J. Gordon).

⁵⁴ W. Jeziorski, cz. I, стр. 19—20, cz. II, стр. 18—19 (составитель указывает, что музыка народная); *Pieśni i melodye narodowe*, стр. 59, и другие песенники.

⁵⁵ F. Barański, cz. I, стр. 60; cz. II, стр. 143; *Lutnia, zbiór I*, стр. 188—190.

⁵⁶ Об исполнении этой песни в среде патриотов см. в мемуарах: Fr. M. Władysław Cz. . . *Pamiętnik więźnia. «Dziennik literacki», 1862, № 77*, стр. 609.

⁵⁷ F. Barański, cz. I, стр. 60; cz. II, стр. 144. — Песня вошла в пролетарский революционный песенник «*Pieśni pracy i walki*» (Warszawa, 1906, стр. 60—61) и в другие сборники пролетарской поэзии.

щина!». Песня «Польские знамена в Кремле», идея которой глубоко соответствовала национальным интересам польского народа, стала известной народной революционной песней. Она публиковалась в большинстве патриотических и революционных песенников начиная с 1860-х годов.⁵⁸ Популярности этого произведения способствовала и его художественная красота и оригинальность.

Романовский прославляет здесь живые историко-героические традиции польского народа. Это традиции героев-повстанцев 1830—1831 гг. В стихотворении нет непосредственного описания событий этих лет; изображенное здесь относится к тому времени, когда восстание было уже подавлено, польские знамена захвачены и как военная добыча привезены царю. Деспот празднует победу над повстанцами. Поражение восставших и торжество царя не вызывают в душе поэта отчаяния. Взгляд Романовского на мир ясен и глубок. За внешней, показной пышностью и торжественностью празднества в честь победы над Польшей поэт увидал истину: царь смертельно боится новых революций, деспотический режим обречен. На знаменах непокоренных патриотов начертан лозунг: «За вашу и нашу свободу!». Благородный и мудрый призыв повстанцев противопоставлен реакционной царской идеологии. Это контрастное противопоставление определило структуру второй и третьей строф. Вот, например, вторая строфа:

«Sława! o! Sława! — Zagrzały chóry, —
W pęta car zakuł czern laszą». —
I zaszumiała odpowiedź z góry:
«Za waszą wolność i naszą!».⁵⁹

В шелесте знамен слышится голос лучших сынов Польши и России, он заглушает лживые славословия царских наемников. Последние строчки во второй и третьей строфах выделены и ритмически: они написаны в чеканном, торжественном и величавом ритме, глубоко соответствующем силе и вескости слов. Стихотворение исполнено динамики: все тверже и настойчивее звучат слова повстанцев, умолкает хор, славящий завоевания царя; деспот охвачен тревогой; он бессилен перед великой идеей революционного содружества народов. Политический лозунг «За вашу и нашу свободу» органически входит в живую ткань стихотворения. Повто-

⁵⁸ Lutnia, zbiór I, стр. 336—337; F. Barański, cz. I, стр. 60; cz. II, стр. 143; K. Bartoszewicz, стр. 166—167; Pieśni narodowe staraniem młodzięży na pamiątkę setnej rocznicy bohaterstwa ludu wydane, wyd. VIII. Kraków, 1900, стр. 37; Pieśni narodowe. Kraków, 1902, стр. 39; Pieśni narodowe. Lwów, 1903, стр. 11; 66 pieśni narodowych w setną rocznicę III rozbioru Polski wydane. Warszawa, 1905, стр. 77 и другие песенники.

⁵⁹ *Перевод:* «Слава! О слава! — заремел хор, — царь заковал в цепи ляшью чернь». И прозвучало сверху в ответ: «За вашу и нашу свободу!».

ряясь в конце второй, третьей и четвертой строф, он образует своеобразный рефрен, звучит как лейтмотив песни. Романовский горячо и страстно пропагандирует этот призыв, возникший во время восстания 1830—1831 гг. и оставшийся глубоко актуальным и в последующие десятилетия, когда усиливаются русско-польские революционные связи. Этот лозунг пропагандировала вся прогрессивная пресса. Адам Мицкевич в своей статье «О польской партии» («O partyi polskiej»), опубликованной в 1833 г. в журнале «Pielgrzym Polski», писал: «Истинно польским духом был проникнут тот человек, который во время революции написал на польских знаменах „За вашу и нашу свободу“ и слово „вашу“ поставил перед словом „нашу“, вопреки всей прежней дипломатической логике».⁶⁰ В 1841—1843 гг. в Париже издавался журнал «Sławianin» под редакцией участника ноябрьского восстания Антония Альфонса Стажинского. На титульном листе каждого номера был нарисован повстанец-косинер; в правой руке он держал косу, в левой — знамя, на нем написаны слова, освещенные сиянием звезды: «За нашу и вашу свободу». Этот программный лозунг, рожденный в глубинах народной жизни, Романовский воплотил в свежий, сильный образ революционной символики. Захваченные царской армией польские знамена величественно и гордо шелестят и возвещают о непобедимой силе начертанных на них лозунгов.

Песня Романовского свидетельствует об огромном политическом значении польской прогрессивной поэзии; она была живой летописью освободительной борьбы народа, передавала от одного поколения к другому революционные героические традиции. Лозунг «За вашу и нашу свободу» написали на своих знаменах и повстанцы в 1863 г. Во Львове, на выставке, посвященной пятидесятилетию восстания 1863 г., экспонировалось одно из таких знамен. Это было знамя из отряда Эдмунда Ружицкого. Повстанцы сражались под этим знаменем в битве под Салихой.⁶¹ Естественно, что песня «Польские знамена в Кремле», пропагандирующая этот лозунг, оставалась актуальной в эпоху революционной борьбы пролетариата, когда польские рабочие объединялись с русскими. Песня на слова Романовского вошла в круг революционной поэзии пролетариата.⁶²

⁶⁰ Adam Mickiewicz. Dzieła, t. VI. Pisma prozą, cz. II. Warszawa, 1955, стр. 98.

⁶¹ Album pamiątek Roku 1863. Lwów, 1913, стр. 21 (составитель Ф. Яворский).

⁶² Песня вошла в пролетарские песенники: Pieśni i melodey narodowe, стр. 59; здесь песня Романовского помещена рядом с известной революционной пролетарской песней на слова В. Свенцицкого «Warszawianka»; авторство Свенцицкого в этом песеннике, как и в большинстве других, не указано; Polskie pieśni wolności znane-zapomniane-nieznanie. Moskwa, 1913, pieśń № 26, стр. 44—45.

Глубокий интерес Романовского к настроениям и чувствам простых людей России и Украины отразился в его поэме «Солдат из Чуднова» (1858).⁶³ Ее герой — украинский крестьянин, впоследствии солдат царской армии — жертвует своей свободой ради того, чтобы поддержать преследуемых поляков, выразить к ним свое доброе отношение. Когда из Чуднова по приказу царя увозили в Сибирь закованных польских монахов, из толпы, прорвавшись через цепь конвоиров, вышел «крестьянин, молодой, рослый, с голубыми глазами». Он стал на колени перед одним из монахов, поцеловал его руку и сказал: «Благослови, батько!», потом, отвязав от пояса мошну, отдал ее угоняемым в Сибирь полякам. Поступок человека их народа вызван не столько религиозным чувством, сколько состраданием к мученикам. Герой поэмы просит поляков молиться за него, за крестьян не потому, что арестанты были монахами — он видит в них прежде всего невинно преследуемых, несчастных людей. Прощаясь с ними, герой поэмы говорит: «Вы несчастны, поэтому бог к вам ближе и милостивей». Романовскому удалось передать в образе своего героя сердечность и смелость простых людей, непосредственность, силу их душевных порывов. Крестьянин, пробиваясь к арестованным, не озабочен тем, какая его за это постигнет кара, что с ним будет. Он действует самоотверженно, согласно народной этике, требующей уважения и помощи обездоленным, гонимым. Поэма Романовского исполнена глубокого оптимизма. Поэт увидел, что у трудовых людей есть своя, народная этика и она находится в глубоком противоречии с политикой насилия и угнетения народов. Крестьянин на виду у царских конвоиров преклоняется перед узниками, закованными в кандалы, отдает им на дорогу свои последние деньги — в этом есть что-то героическое, непреклонное, величественное. Царские указы не властны над духом народа. Не случайно царские прислужники увидели в молодом крестьянине бунтовщика и арестовали его. Непокорный крестьянин был сдан в солдаты, и во второй главе поэмы он предстает перед читателями как нищий старик «в посеревшей солдатской шинели». Изможденный 25-летней службой, он возвращается в родную деревню, расположенную недалеко от Чуднова, но никто не выходит ему навстречу: старуха-мать умерла, не дождалась его. Изображение трагической участи больного, исстрадавшегося солдата, которого отпускают домой только тогда, когда силы его окончательно надорваны, переключается с гневными и скорбными строками русских поэтов, писавших о солдатчине, в частности с поэмой Некрасова «Орина — мать солдатская». Романовский рассказывает о лишениях, невзгодах,

⁶³ Sałdat z Cudnowa. Poezye M. Romanowskiego. Zebrał i ułożył Jan Amborski, t. IV, Lwów, 1883, стр. 180—187.

муках, через которые прошел герой поэмы за 25 лет. Тяжелая муштра, отупляющая служба, унижения не убили в солдате живую человеческую душу. Он горячо сочувствует польским повстанцам, которых ему приходилось конвоировать на Урале и в Тобольске. Трагическая судьба поляков-каторжан напоминала солдату о его собственной горькой участи, и он увидел в этих арестантах таких же несчастных и гонимых, как он сам: «Были они молоды, как он в ту пору, когда его взяли... Поляки... Их взяли в дыбы, как когда-то его... Поэтому, когда солдат стоял на страже, он долго, всю ночь, откровенно разговаривал с пленниками. „Из каких мест и за что попали?“, — спрашивал их и делился с ними хлебом, и опечаленных веселил горилкой, смеялся, плакал, а когда его сменяли, прощался с ними с грустью во взоре или вздыхал: „И они имели свои хаты, и о них где-то плачет мать“». Герой поэмы не назван по имени; благородный, самоотверженный поступок в Чуднове совершает безвестный молодой крестьянин, безымянный «солдат из Чуднова» сочувствует ссыльным полякам, скорбит об их тяжелой участи, разделяет их муки. Герой поэмы лишен исключительности, необычайности, в его взглядах и поступках воплотились высокие нравственные качества народа, его несогласие с политикой царя. Отбив солдатчину, он вернулся домой, стал нищим певцом, странствовал по украинским деревням. Облик польских патриотов-изгнанников, их страдания навсегда запали в душу солдату, и в своих думах он пел слушавшим его с волнением крестьянским юношам «об Урале, о поляках, о Сибири».

Судьба русского солдата, его духовная жизнь, его стремление к добру и справедливости глубоко волновали и других поэтов польского восстания 1863—1864 гг. Русский солдат является героем поэмы известного польского поэта Корнеля Уейского (1823—1897) «Отрывок из сибирской повести» («Ustęp z powieści sybirskiej», 1851). Автор рисует полную драматизма картину. Однажды в избу повстанца, сосланного в Пермь, вбежал солдат; ссыльный и его жена испугались, подумав, что солдат принес новый жестокий царский указ. А он, вынув из тряпки пакет, тихо сказал: «Вот письмо и деньги я принес от вашей матушки из Польши» («Wot pismo i grosze z Polszczy od waszej matuszki przyposzę»)⁶⁴. Употребленный здесь русизм «матушка» передает уважение русского человека к матери польского повстанца, придает речи солдата сердечность, теплоту, будто речь идет о его собственной матери. Поляки были глубоко взволнованы душевным благородством солдата, «который тысячи верст, голодный, нес

⁶⁴ Dla Moskali. Wyjątek z niewydanych poezyi Kornela Ujejskiego. Lwów, 1862, стр. 50.

чужие деньги». Повстанец увидел в русском солдате друга, по-братски обнял его и поцеловал. Солдат был сильно, по-человечески взволнован; «из его затуманившихся глаз покатались давно накопившиеся слезы, тяжелые, вылившиеся из глубины души». Уейский воспеваает поэтичность и нравственную чистоту простого русского человека. «Глаза его зажглись удивительным светом и явственно прекрасным стало его лицо». Солдат вышел из домика повстанца с высоко поднятой головой. Герой поэмы гордился своим добрым поступком, почувствовал себя человеком, имеющим свою волю, способным помочь обездоленному. «Вопреки царской воле я поступил хорошо», — думает солдат. Поэт озабочен дальнейшей участью солдата, стремившегося стать гуманным человеком. Заключительная часть поэмы — раздумья автора о значении поступка героя поэмы, о русском народе и его будущем. Безвестный солдат будет все глубже проникаться чувством человеческого достоинства и протеста против своего угнетенного положения. Когда-нибудь за гордый и смелый ответ начальнику солдата прогонят сквозь строй, «истерзают тело в клочья». Искалеченный, измученный, он все-таки будет до конца жизни помнить, что помог ссыльному поляку. Уейский глубоко истолковывает честность, душевное благородство своего героя, осмысляет эти высокие моральные качества русского человека в политическом аспекте. В поступке солдата поэт видит доказательство того, что есть Россия, неподвластная царю, непокорная, что народ сопротивляется реакционной политике. Это еще стихийное и подспудное сопротивление, но оно проникает в глубины народной жизни, оно неодолимо. В противодействии простых русских людей царской политике подавления поляков Уейский проникательно увидел залог победы народа над реакционным режимом, расцвета гуманизма в свободной России. В конце поэмы Уейский высказывает мысль о том, что в России усиливается внутреннее, затаенное движение против царизма:

A ziemia...
 Z każdym dniem dalsze rozciąga podkopy,
 Aż się zachwieją nieraz carskie stopy.
 Car wie, że wiele duchów mu uciekło
 Z pod władzy...⁶⁵

Уейский — певец восстания — обращается к молодому поколению Польши, предсказывает, что оно увидит победу народа над царизмом. В поэме «Восемнадцать лет спустя» («Po latach ośmna-

⁶⁵ *Перевод:* С каждым днем все дальше и дальше протягиваются подкобы, пока не разверзнется земля под ногами царя. Царь знает, что многие души стали ему неподвластны... (Dla Moskali, стр. 52).

stu», 1856)⁶⁶ Уейский изобразил русского полковника, который ради спасения польского повстанца убивает своего подчиненного — жестокого жандарма. С большой художественной силой раскрывает Уейский весь драматизм переживаний своего героя, изображает его нравственное и политическое развитие. Уейский — большой мастер композиции, и читатель взволнованно следит за напряженно развивающимися событиями. В небольшую усадьбу, где живет польская девушка Ганя, которую полюбил полковник, тайно приезжает польский эмиссар. Это брат Гани; когда в 1830 г. вспыхнуло восстание, юноша ушел к повстанцам, и 18 лет о нем не было никаких вестей (действие поэмы происходит в 1848 г.). Жандармский поручик Падалыца, верноподданный царя, карьерист и подлец, желая получить крест за поимку эмиссара, выслеживает его. Усадьба окружена жандармами, которых привел Падалыца. Он хвастливо сообщает полковнику об устроенной облаве. Увидев смертельный испуг девушки, заметившей облаву, полковник понял, что жандармы ловят близкого ей человека. Эта картина является кульминацией в развитии сюжета поэмы, в развитии характера русского полковника. Его уже давно тяготит служба в царской армии; этот добрый русский человек мечтает о мирной, свободной жизни, о простом человеческом счастье. Полковник хочет жениться на Гане, оставить службу. Он с тоской вспоминает о родном Доне, вольных степях. «Пусть пропадет царь, служба, неволя!» — восклицает полковник. Ганя отвергла любовь офицера вражеской армии. Герой поэмы глубоко страдает; это не только боль неразделенной любви, но и муки человека, который все отчетливее понимает, что его роль в обществе постыдна, что он презираем честными людьми, «как пес из царской своры».⁶⁷ И когда Падалыца сообщает полковнику, что сейчас будет пойман патриот, герой поэмы быстро и хладнокровно принимает благородное и смелое решение. Полковник уводит Падалыцу в сад под предлогом того, что хочет дать ему секретное распоряжение, убивает поручика и труп бросает в реку. Поэма проникнута оптимизмом. Подлец, идущий к крестам и наградам через трупы патриотов, убит рукой русского человека, в котором служба в царской армии не убила живую человеческую душу. У поляков есть друзья даже среди тех, кого царь послал подавлять непокорных; эмиссар спасен, о нем не будут плакать мать и сестра. В душе полковника чувство справедливости и гуманности побеждает, он уже — не слуга царя, а свободный, мужественный человек. Его заступничество за преследуемого поляка-патриота — поступок самоотверженный, героический. Любовь к сестре повстанца вдох-

⁶⁶ Dla Moskali, стр. 5—36.

⁶⁷ Там же, стр. 7.

новила полковника на благородный поступок, но не следует думать, что любовь была единственной причиной, побудившей убить жандарма и спасти невинного человека. Жизненный и политический опыт полковника убедил его в том, что быть верноподданным царя — низко, бесчеловечно. Уже в начале поэмы мы узнаем о том, что полковник презирает чины и награды, которые царь раздает за убийства: «Моя грудь без креста, потому что она чиста», — думает полковник. Он говорит матери любимой девушки: «Я давно мог бы стать генералом, если б был собакой, как другие, но я не хотел!». Борьба польского народа за свободу всегда вызывала сочувствие в душе героя поэмы. Он вспоминает, как плакал 18 лет тому назад, когда армии было приказано взять восставшую Варшаву. Он плакал потому, что «любил ляхов». Полковник рассказывает старой польке о том, что во Франции теперь бунт и для его усмирения царь собирается послать войска. Герой поэмы осуждает это постоянное стремление царизма к подавлению революций, к войнам и грабегам. Еще не зная, что преследуемый жандармом эмиссар — это брат Гани, полковник хочет спасти его. Желая отвлечь внимание Падалыцы от приехавшего поляка, герой поэмы говорит, что нет смысла разыскивать этого человека: он, вероятно, обычный контрабандист.⁶⁸

Обе поэмы Уейского о русских людях, написанные в 1850-е годы, стали особенно злободневны в 1862 г., когда многие из русских солдат и офицеров откликнулись на призыв «Колокола» и воззваний «Земли и воли» и поддержали повстанцев. Сам Уейский хорошо понимал актуальность своих поэм, объединил их в одну книжку и озаглавил ее «Русским» («Dla Moskali»). Книжка вышла во Львове в 1862 г. Специально для этого издания Уейский написал 1 июля 1862 г. предисловие и примечания. Современный польский литературовед Юлиуш Гомулицкий верно заметил, что предисловие Уейского было «необычайно важным и смелым поступком», а опубликование книжки — «громким и прекрасным выступлением Уейского» против жестоких царских репрессий в Польше и России.⁶⁹ Сборник вышел с посвящением, имевшим глубокий революционный смысл; «Во славу русских офицеров Потапова, который сломал и отбросил шпагу во время расстрела в Варшаве, Александрова, который в 1862 г. спас Варшаву от новых убийств. Их великие имена с благоговением вписывает в эту скромную книгу автор, враг царизма, друг русского народа, сын многострадальной Польши». В предисловии поэт выражает надежду, что недалек тот час, когда поляки назовут русских

⁶⁸ Там же, стр. 22.

⁶⁹ См. предисловие Ю. Гомулицкого к кн.: Kornel Ujejski. Wybór poezji. Warszawa, 1958, стр. 15—16.

«своим дружественным соседним народом».⁷⁰ Залог грядущего освобождения русского и польского народов поэт видит в смелых выступлениях русских революционеров, которые защищают польских повстанцев, разделяют их судьбу, «ибо были уже Потапов и Александров, ибо в Варшавской цитадели и в Модлине, где на площадях били кнутами польских мучеников, теперь расстреливают русских офицеров, ибо есть уже «подрывники» царизма — уже есть!».⁷¹ Свою поэму «Отрывок из сибирской повести» Уейский окончил предсказанием, что глухое, подземное брожение против царизма вскоре станет явным, «подрывники» выйдут из своего подполья. Прошло 11 лет, и Уейский, узнав о революционных выступлениях в русской армии, пишет в своем предисловии: «„подрывники“ вышли из своего подполья навверх». В России все больше и больше становится борцов против самодержавия, и они составляют главную силу национальной жизни, будущее русского народа прекрасно — такова одна из главных мыслей предисловия. Еще одно доказательство великого будущего России Уейский видит в русских народных песнях. Поэт очень верно толкует эти песни: «В них есть скорбь, боль, иногда отчаяние: есть тоска по утраченному достоинству человека. . . Народ, который в неволе издает такой стон, имеет счастливое будущее, и оно недалеко». Такое объяснение русских народных песен напоминает по своей глубине и революционной силе ту интерпретацию устной народной поэзии, которая дана в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева.

В примечаниях к своим поэмам Уейский сообщает, что о Потапове пишут все европейские газеты и Гарибальди в одном из своих воззваний предлагает воздвигнуть памятник этому русскому офицеру.⁷² Уейский подробно пересказывает содержание русской революционной прокламации, прославляющей подвиг капитана Александрова, и цитирует ее.⁷³ В заключение своего сборника поэт приводит стихотворение Романовского «Польские знамена в Кремле» — оно глубоко соответствовало всему духу книжки

⁷⁰ Dla Moskali, стр. XIII.

⁷¹ О революционных выступлениях русских солдат и офицеров в Модлине и жестокой расправе с ними царского правительства см.: [Zdzisław Skłodowski]. Marcin Leleweł Borełowski wobec powstania w województwie Podlaskiem i Lubelskiem napisał Z. S. Lelewełczyk. «Dziennik literacki», 1864, № 2, стр. 14.

⁷² Dla Moskali, стр. 55; см. также А. И. Герцен. Собр. соч., т. XV, М., 1958, стр. 96. Здесь фамилия офицера — Попов.

⁷³ Эта прокламация, озаглавленная «Подвиг Варшавской телеграфной станции капитана Александрова», распространялась в России в 1862 г. (см.: М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. по архивным документам. М.—Пгр., 1923, стр. 551). Содержание прокламации было пересказано в польском журнале «Czas» (1862, № 135), на который ссылается Уейский.

Уейского. Он пропагандирует поэзию Романовского, называет его стихотворение «прекрасным».

Сборник «Русским» был конфискован во Львове по решению австрийского суда от 20 июля 1862 г. Сам поэт был привлечен к суду за то, что посвятил свой сборник русским офицерам, которые, по выражению допрашивавшего поэта чиновника, «совершили преступление нарушения субординации».⁷⁴ Судебный чиновник добавил при этом, что Потапов был приговорен военным судом к смертной казни и это обстоятельство усугубляет вину Уейского. (О казни Потапова в книге «Русским» не упоминается). Уейский ответил, что поступок Потапова не был обычным нарушением воинской субординации потому, что «поступок этот совершен был не из высокомерия или упрямства, не для собственных интересов, — это было самопожертвование ради других».⁷⁵ Все ответы Уейского на допросах и его речь на суде, который состоялся 10 октября 1863 г., исполнены благородства и мужества.⁷⁶ Поэт польского восстания выступал принципиально, горячо отстаивал свои убеждения. Уейский не отрекся от апологетики русских офицеров, за которую его судили. Более того, он с огромной силой логики и блестящей эрудицией аргументировал свою мысль о том, что поступки Александрова и Потапова являются героическим подвигом. Ответы Уейского на допросах и его речь на суде являются прекрасным дополнением к его книжечке, великолепно обогащают как предисловие, так и образы, нарисованные в поэмах. «Я подтверждаю, — сказал Уейский во время следствия, — то, что я сказал в посвящении. Я считаю русских офицеров Потапова и Александрова героями, имеющими заслуги не только перед расстреливаемыми жителями Варшавы, но и перед всем человечеством. . . Если апофеоз действий, подобных тем, какие совершили Потапов и Александров, был бы преступным, то тогда виноват был бы, например, историк, одобряющий поступок Брутта или Раstopчина».⁷⁷ Прославить героических русских офицеров, поведать о них миру — Уейский, как явствует из его ответов во время следствия, считал делом своей совести, обязанностью гражданина и поэта. Уейский гордо и смело сказал допрашивавшим его австрийским чиновникам, что он сочтет для себя честью

⁷⁴ Цит. по рукописи: Verh rsprotokoll, 31 juli, 1862. ЦГИА УССР во Львове, фонд 152, ед. хр. 12468, стр. 22. (Справа по обвинуваченню Уейського Корнеля у виступі проти австрійського уряду, 1862—1866) (далее: Verh rsprotokoll).

⁷⁵ Verh rsprotokoll, стр. 22. Перевод с польского на ш.

⁷⁶ Речь Уейского на суде см.: Kornel Ujejski. Wyb r poezyj. Opracował M. Janik. Krak w. Biblioteka Narodowa, [6. r.], стр. 230—233 (Obroنا sadowa przy ostatecznej rozprawie w procesie sadowym we Lwowie dnia 10 października, 1863 r.) (далее: K. Ujejski).

⁷⁷ Verh rsprotokoll, стр. 18—19.

и славой любое наказание, к которому его приговорит суд.⁷⁸ Мысль о духовной красоте передовых русских офицеров, об огромном воздействии их поступков на людей во всех уголках земли, о человеческом долге поэта Уейский высказал в своей вдохновенной речи на суде. Поэт использовал суд как трибуну; с огромной силой прозвучали слова Уейского: «Я не чувствую за собой вины, не понимаю даже, в чем она заключается. Виной моей может быть только то, что я родился человеком».⁷⁹ Уейский, отвечая чиновникам во время следствия, объяснил свой замысел издания поэтического сборника, посвященного двум русским офицерам. Герои поэм, вошедших в этот сборник, — русские люди — совершают «почти такие же поступки, как Потапов и Александров, — поступки, поднятые до уровня героического подвига».⁸⁰ Уейский, анализируя свои поэмы, с чувством удовлетворения говорит о том, что они оказались пророческими: «Написанное несколько лет тому назад ныне стало деянием». Уейский, выступая от имени польских поэтов-патриотов, гордится их способностью предсказывать, предвидеть будущее.⁸¹ Интерпретация, которую дал Уейский своему поэтическому сборнику, очень интересна для понимания того, насколько дороги были автору герои его поэм, какой важный политический смысл он придавал их поступкам. Уейский считает созданные им положительные образы русских людей — солдата и офицера — глубоко типичными для русского народа.

Революционные настроения русских солдат и офицеров, сочувствовавших восставшей Польше, отражены в повстанческой песне «Боже, который Россию» («Boże coś Rosyę»), называемой также «Молитвой русских». Текст этой песни был опубликован анонимно в журнале «Dziennik literacki» 1 октября 1861 г. с подзаголовком «Перевод с русского».⁸² Несмотря на такой подзаголовок, «Молитва русских», по всей вероятности, представляет собой произведение оригинальное, а не переводное. Автор или редакция дали песне такой подзаголовок, возможно, для того, чтобы придать достоверность всему ее содержанию. Автор говорит здесь от имени русского народа, осуждающего царизм и солидарного с Польшей. Участник восстания 1863 г. Виктор Висневский считает автором этой песни Генрику Пустовойтувну — известную польскую патриотку, которая в первые месяцы восстания была адъютантом

⁷⁸ Там же, стр. 27.

⁷⁹ K. Ujejski, стр. 232.

⁸⁰ Verhörprotokoll, стр. 20.

⁸¹ Там же, стр. 20—21.

⁸² Boże coś Rosyę (Przekład z rosyjskiego). «Dziennik literacki», 1861, № 78, стр. 624.

предводителя повстанческой армии М. Лянгевича.⁸³ Пустовойтувна была дочерью русского генерала и польки; летом 1861 г., когда в охваченной волнениями Польше происходили массовые манифестации, сопровождавшиеся пением патриотических гимнов, Пустовойтувна находилась в Люблине. Она принимала активное участие в люблинских манифестациях, шла в первых рядах, одетая в польский национальный костюм. Молодая патриотка была в этом же году арестована царской полицией, как утверждает Висневский, именно за создание «Молитвы русских». Арест Пустовойтувны вызвал среди передовой молодежи волнения, в день, когда жандармы увозили Пустовойтувну из Люблина, произошла демонстрация протеста.⁸⁴

«Молитва русских» была создана на мотив широко бытовавшего в 1860—1864 гг. польского патриотического гимна «Боже, который Польшу» («Boże coś Polskę»). Мотив этот был в свою очередь заимствован из старой польской «Краковской песни» («Hejnał Krakowski»).⁸⁵ Генезис и история распространения гимна «Боже, который Польшу» освещены в нескольких работах.⁸⁶ Этот гимн пели манифестанты в разных городах Польши в 1860—1862 гг., пели повстанцы в 1863—1864 гг., пел народ во время похорон погибших патриотов. Гимн был переведен на белорусский, украинский, немецкий, литовский, латышский, чешский языки.⁸⁷ «Молитва русских» была связана с этим известнейшим гимном не только одним и тем же мотивом, она заимствовала молитвенную форму гимна, первую строку рефрена, в новую песню вошла также с незначительными вариациями пятая строфа гимна, в которой высказана мысль о бренности власти монархов. «Молитва русских» быстро распространилась, она вошла в число польских революционных песен, исполнявшихся манифестантами. С ненавистью и злобой писали об этой песне представители царской идеологии;

⁸³ [W. Wiśniewski]. Wspomnienia kapitana wojsk polskich z r. 1863, Lipsk, 1866, стр. 44—45.

⁸⁴ Там же, стр. 45.

⁸⁵ J. Lorentowicz, стр. 88.

⁸⁶ А. Poliński. Boże coś Polskę. «Swiat», 1915; Brzeg-Piskozul, стр. 24—25; J. Znamirska, стр. 7.

⁸⁷ О белорусском переводе см.: Генадзь Кісялёў. В. Дунін-Марцінкевіч і паўстанне 1863 года. «Полымя», 1961, № 5, стр. 126; об украинском переводе упоминает Н. В. Гогель в книге «Иосафат Огрызко и петербургский революционный жонд в деле последнего мятежа» (Вильна, 1867, стр. 192); о немецком переводе упоминает Грабец в книге «Rok 1863» (Poznań, 1913, стр. 121); на литовский язык перевел песню Миколай Акелевичус, на латышский — А. Еловцкий (см.: Bolesław Limanowski. Powstanie narodu polskiego 1863—1864 r. Lwów, 1898, стр. 78); перевод на чешский язык см. в кн.: Slovanstvo ve svých zpěvech. Sborník národních a znárodnělých písní všech slovanských národů. Pořádá, harmonisuje a vydává Ludvík Kuba. Kniha IV. Písně Polské. V Hoře Kutné, 1884, стр. 7—8.

их отзывы подтверждают, что песня бытовала в 1861—1862 гг. среди поднимающихся на борьбу поляков. «При Сухозанете, — писал А. А. Сидоров, — демонстрации шли непрерывно: в костелах, в синагогах служили панихиды за умершего одновременно с Горчаковым Лелевеля, на улицах перед статуями богородицы и святых распевались революционные песни, появилась „Молитва москалей“.⁸⁸ «Молитва русских» распространялась в рукописных списках,⁸⁹ бытовала как безымянная, революционная песня, варьировалась, народ присоединял к ней новые строфы (один из интересных рукописных вариантов приведен ниже). Трудно сказать, была ли песня создана Пустовойтувной или ее сочинил какой-либо другой, безвестный патриот — важно, что это произведение возникло в атмосфере усиливающихся революционных настроений польского народа, выражало его солидарность с русскими борцами за свободу. Вполне естественно, что польский революционный люд принял «Молитву русских», отвечающую его чувствам и стремлениям, как свою, народную песню. Эта песня о русском народе представлена в польских патриотических и революционных песенниках как анонимное произведение. Поляки поставили «Молитву русских» в один ряд с любимейшими патриотическими гимнами 1860—1864 гг. Она обычно помещалась на первых страницах песенников, сразу же после гимна «Боже, который Польшу», иногда рядом со знаменитым «Хоралом» Корнеля Уейского.⁹⁰

В форме молитвы в польской песне о России выражены пожелания, надежды передовых русских людей. «Молитва русских» представляет поэтому интерес для понимания того, как представляли себе польские повстанцы духовный мир русского народа, что думали о настоящем и будущем России. В первой строфе с горечью и болью говорится о том, что в России властвуют темные силы — «тирания и злоба». Но взгляд автора и исполнителей песни на Россию был пронизателен: они увидели красоту и героику жизни

⁸⁸ А. А. Сидоров. Польское восстание 1863 г. Исторический очерк. СПб., 1903, стр. 108. — Злобно писали «О молитве русских» и другие реакционеры: Н. В. Берг в книге «Записки о польских заговорах и восстаниях 1831—1862» (М., 1873, стр. 320—321); автор, назвавший себя «Современным летописцем», в статье «Гимны и воззвания перед мятежом 1863 г.» (Из недавнего прошлого Западного края). — «Виленские губернские ведомости», 1867, № 64, 17 июня, стр. 176.

⁸⁹ Один из рукописных списков хранится в Отделе рукописей Библиотеки АН УССР во Львове (ф. А. Сапеги, ед. хр. 859, стр. 237); песня здесь озаглавлена «Modlitwa Rossyan».

⁹⁰ Lutnia, zbiór I, стр. 12—15 (здесь после «Молитвы русских» помещен «Хорал» Уейского); Pieśni narodowe, wyd. VIII, Kraków, 1900, стр. 6—8; F. Waгаński, cz. II, стр. 8; Pieśni narodowe z muzyką w 100-ną rocznicę III rozbioru Polski, zes. II, wyd. III, Opracował M. Świerzyński. Kraków, 1900, стр. 6—8; 64 pieśni narodowych, Warszawa, 1906, стр. 6—7.

русских революционеров, поверили в силу и непобедимость русского освободительного движения. На смену мрачной и скорбной картине в песне появляется картина ясная, лучезарная. В ореоле героизма, духовной мощи предстают образы русских революционеров. Их борьба не бесплодна, она приближает грядущее освобождение России:

... Zesłał nam mężów, co światła promienie
Rzucili na kraj, i wolności tchnieniem
Przygotowali z kajdan uwolnienie.
Przed twe ołtarze zanosim błaganie:
Pestłów, Hercenów, daj nam więcej, Panie!⁹¹

Выражая горячее желание, чтобы больше было на земле «Пестелей, Герценов», песня высоко оценивает деятельность этих известных русских революционеров, изображает их как людей нужных народу, человечеству. Само употребление фамилий этих друзей и защитников польского народа во множественном числе знаменательно. Польские патриоты понимали, что у Пестеля и Герцена есть последователи, ученики. Революционный польский люд, среди которого бытовала песня, видел, что лучшие, благороднейшие сыны России всей душой поддерживали Польшу. Польские революционеры с полным основанием видели в жизни и деятельности, в духовном облике Пестеля и Герцена воплощение лучших национальных качеств русского народа: свободолюбия, мужества, любви к свету и правде, уважения к другим народам.

Интересно отметить, что в польской публицистике и документах революционных польских организаций имена Пестеля, Бестужева-Рюмина и других декабристов, а также Герцена и Чернышевского ассоциируются с представлением об их последователях, единомышленниках, о поколениях русских революционеров. Воззвание Комитета европейской демократии призывает поляков «вступить в союз... с последователями Пестеля, Муравьева, Бестужева и их товарищей».⁹² В 1853 г. прогрессивный польский журнал «Demokrata Polski», в связи с открытием в Лондоне Вольной русской типографии, посвятил статью русскому освободительному движению, деятельности Герцена, русско-польским революционным связям. Автор статьи (как полагают, Станислав Вор-

⁹¹ *Перевод*: Ты послал нам мужей, которые озарили страну лучами света и дыханием вольности подготовили освобождение от кандалов. Перед твоим алтарём возносим молитву: Пестелей, Герценов дай нам больше, господи! (Lutnia, zbiór I, стр. 12).

⁹² «Demokrata Polski», 1851, № 31. Цит. по: В. L i m a n o w s k i. Szermierze wolności. Kraków, 1911, стр. 198—199. — Лимаковский считает автором воззвания Войцеха Дараша — прогрессивного политического деятеля, по происхождению крестьянина. (В 1851 г. журнал издавался в Брюсселе).

цель) пишет о традициях «Пестелей, Бестужевых, Муравьевых, Рылеевых, Каховских», называет этих героев-декабристов предшественниками современных «свободомыслящих русских мужей».⁹³ Польский публицист Зыгмунт Одрывольский назвал русских революционных демократов 60-х и 70-х годов «Чернышевскими и Соловьевичами».⁹⁴ В «Молитве русских» отражена огромная популярность Пестеля и Герцена среди вольнолюбивых поляков. Ян Чинский — один из предводителей плебейских масс Варшавы в восстании 1830—1831 гг. — написал роман, в котором с любовью изображен Пестель.⁹⁵ В его образе заключена большая сила обобщения, рядом с Пестелем на страницах этой интересной книги живут и борются за свободу русского и польского народов не названные по фамилиям русские революционеры. В начале 60-х годов XIX в. особенно популярным среди поляков становится имя Герцена. Еще в 50-е годы польская прогрессивная пресса писала о деятельности Герцена и его соратников, публиковала переводы работ этого выдающегося революционера на польский язык.⁹⁶ Еще дороже стал Герцен польским патриотам, когда он выступил со статьёй, посвященной варшавским событиям 27 февраля и 8 апреля 1861 г.⁹⁷ Здесь Герцен заклеймил позором кровавые преступления царя и выдвинул подлинно демократический лозунг полной независимости Польши и братского единения русских с поляками.

Несмотря на форму молитвы и элементы мессианизма, ослабляющие революционную силу этой песни, здесь верно схвачены многие стороны мировоззрения прогрессивной русской общественности того времени. Мессианизм здесь проявился в идеализации социального строя Польши, песня призывает учиться у Польши «достоинству и согласию». Но эта идеализация, равно как и религиозные заблуждения, отступают на второй план перед правдой и глубиной изображения помыслов и чувств русского народа. Герои песни, русские люди, провозглашают лозунг: «Пусть погибнут варварство и деспотизм»; выражают свою солидарность с польскими патриотами, понимают, что у русского и польского народов один враг — царское самодержавие. В песне, созданной по горячим следам событий, изображено отношение передовых

⁹³ Цит. по: В. Baczko. Za waszą i naszą wolność. «Twórczość», 1954. № 8, стр. 176.

⁹⁴ Powstanie Polski nad Bajkałem i sprawa Kazańska. Przez Z. O. Lwów, 1878, стр. 16.

⁹⁵ Cezarzewicz Konstanty i Joanna Grudzińska czyli Jakubini Polscy przez Jana Czyńskiego, tt. I—IV. Paryż, 1833—1834.

⁹⁶ Библиографию (далеко не полную) статей о Герцене и переводов его работ в польской прессе 50—60-х годов XIX в. см.: Edmund Kołodziejczyk. Bibliografija sławianoznawstwa polskiego. Kraków, 1911, стр. 139, 151, 178.

⁹⁷ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XV, стр. 65—67.

кругов русского общества к революционным выступлениям поляков в 1861—1862 гг. На улицах Варшавы можно было увидеть, как русские солдаты снимали шапки перед толпой поляков, идущей с пением патриотических гимнов, и на приказ стрелять — стреляли в воздух.⁹⁸ За солидарность с поляками был арестован и сослан в Оренбург капитан екатеринбургского пехотного полка Лепехин, который вместе с патриотами пел революционные гимны.⁹⁹ Русский офицер Воронов со своим адъютантом 12 августа 1861 г. в Калише присоединились к демонстрации польских патриотов; тронутая таким поступком, толпа подняла на руки Воронова и адъютанта.¹⁰⁰ В Петербурге вольнолюбивые русские люди присутствовали на панихиде пяти польских патриотов, расстрелянных 27 февраля 1861 г. на улицах Варшавы.¹⁰¹ Таких фактов солидарности русского народа с поднимающейся на борьбу Польшей можно привести очень много. Большим идейным и художественным достижением «Молитвы русских» является создание собирательного образа русского народа. В этом образе содержится обобщение огромной силы, воплощены политические и нравственные взгляды честных русских людей. Русский народ изображен справедливым, человечным, миролюбивым. Ему чуждо стремление к захватам и грабегам. Царская политика угнетения народов находится в глубоком противоречии с подлинным идеалом русских людей: «Наш народ не хочет бойни ради добычи, не хочет овладеть чужим добром и сковывать другие народы цепями. Он хочет мирно наслаждаться свободой».¹⁰²

О том, насколько правдиво здесь раскрыты подлинные чувства русского народа, свидетельствует сопоставление «Молитвы русских» с русской солдатской песней «Братцы! Дружно песню грянем». Это произведение русского революционного фольклора возникло в 1862 г. и получило распространение в русской армии. Замечательное агитационное произведение русской народной поэзии призывает солдат не подчиняться злой воле царя и реакционных офицеров, оказать поддержку польским патриотам. Глубокой человечностью проникнуты простые, задушевные слова этой солдатской песни:

Братцы! Дружно песню грянем
Удалую — в добрый час!

⁹⁸ Piotr Łossowski *Żołnierze rosyjscy w powstaniu styczniowym*. — *Wojsko ludowe*, 1956, № 6, стр. 51 (далее: P. Ł o s s o w s k i); см. также А. И. Г е р ц е н, т. XV, стр. 44.

⁹⁹ P. Ł o s s o w s k i i Z. M ł y n a r s k i, стр. 39.

¹⁰⁰ [Walery Przyborowski]. *Historya dwóch lat, 1861—1862, cz. I. Rok 1861, t. III*. Kraków, 1894, стр. 154—155. Автор книги ссылается на одну из калишских рукописей.

¹⁰¹ А. А. С и д о р о в. Польское восстание 1863 г., стр. 95.

¹⁰² Lutnia, zbiór I, стр. 15.

В поляков стрелять не станем:
 Не враги они для нас!
 Только злые командиры
 Их приказывают бить,
 Чтобы русские мундиры
 В этой бойне осрамить!
 Брат ли встанет против брата?
 А поляки — братья нам,
 И для честного солдата
 Убивать их — грех и срам!¹⁰³

Выраженный в этих строчках русской песни политический и нравственный принцип, согласно которому участие в несправедливой войне считается позором, воплощен и в «Молитве русских». Общей для этих двух революционных песен (русской и польской) является мысль о миролюбии русского народа, его уважении к патриотическим чувствам других народов. В песне «Братцы! Дружно песню грянем» выражен протест против жестокой расправы царя с офицерами русской армии Арнгольдтом, Сливицким, унтер-офицером Ростковским и рядовым Щуром, которые были членами военной подпольной организации, связанной с польскими патриотами. Песня отсылает этих героев, отдавших жизнь за свободу Польши.¹⁰⁴ Отзвук революционных выступлений в русской армии слышится в одном из вариантов «Молитвы русских». Вариант отличается от обычного текста, представленного во многих песенниках, тем, что содержит дополнительно еще две строфы. Они следуют после восьмой строфы общеизвестного текста. Девятая строфа обычного текста здесь пропущена (в варианте 13 строф вместо 12). Этот вариант «Молитвы русских» представлен в рукописном сборнике, составленном в Вильно в начале 60-х годов XIX в.¹⁰⁵ Вероятно, новые строфы были сочинены в 1862 г., когда вся Польша узнала о революционных настроениях в русской армии, о казни Арнгольда и его друзей, когда появилось обращение издателей «Колокола» к русским офицерам в Польше. В новом варианте «Молитвы русских» отчетливо провозглашена идея русско-польского революционного союза в предстоящем восстании:

Niech krew męczeńska, któróśmy przelali
 W minach Sybiru-obok Polski synów,

¹⁰³ Солдатские песни. Лондон. Вольная русская типография, 1862, Песня VII, стр. 18; о популярности этой песни в русской армии в 1860-ые годы. см. в кн.: Пролетарские поэты, т. I, 1895—1910. Редакция, вступительная статья и комментарии А. Л. Дымшица. Изд. «Советский писатель», 1935, стр. 369.

¹⁰⁴ Солдатские песни, стр. 20. — Арнгольдт, Сливицкий, Ростковский были расстреляны 28 июня 1862 г.; рядовой Щур приговорен к шпицрутенам.

¹⁰⁵ «Modlitwa dla Rosyan». Wiersze treści patriotycznej. Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета, ед. хр. 2294, стр. 30—32, запись не датирована.

Wzajemną niechęć z serc naszych wypali,
 Połączy dłonie do chwalebnych czynów.
 Przed twe ołtarze zanosim błaganie —
 Do walki o wolność wspomagaj nas, Panie!
 Boże najświętszy, spraw to twoim cudem,
 By wojsko nie szło z wolnymi do boju,
 Złącz go wolnością z dzielnym polskim ludem.
 Niech z Polską żyjem w braterskim pokoju.
 Przed twe ołtarze zanosim błaganie:
 I wojsko nasze racz oświecić, Panie!¹⁰⁶

Здесь каждая строчка — плод глубоких раздумий над судьбами русского и польского народов. В мрачных рудниках Сибири крепнет дружба русских и польских революционеров. Их верность друг к другу, выстраданный ими опыт подсказывают необходимость сплочения сил в борьбе за освобождение Польши и России. Мысль о русско-польском революционном содружестве приобретает в этом варианте песни конкретно-исторические очертания, выливается в идею объединения русской армии с польскими повстанцами. Идея эта накануне восстания 1863 г. была очень актуальной для русских и польских революционеров. Подпольная газета «Strażnica» в ноябре 1862 г. писала о том, что русский народ под лозунгом «За вашу и нашу свободу» идет вместе с поляками к общей цели.¹⁰⁷ В песне раскрыта прекрасная, глубоко человеческая цель русско-польского революционного содружества: свобода, мир, дружба русского и польского народов. «Молитва русских» — живое свидетельство того, какой горячий отклик находила в сердцах поляков освободительная борьба в России, насколько искренним и сильным было их стремление к революционному союзу с русским народом.

В январе 1863 г. вспыхнуло восстание; плохо вооруженные, лишенные центрального руководства повстанцы героически сражались с превосходящими силами царской армии. Представители консервативных кругов польского общества боялись широкого размаха народной борьбы, революционного содружества народов,

¹⁰⁶ *Перевод:* Пусть мученическая кровь, пролитая нами в сибирских рудниках рядом с сынами Польши, выжжет взаимное недоверие из наших сердец и соединит наши руки для славных дел. Перед твоим алтарем возносим мольбу: в борьбе за свободу, помоги нам, господи! Святой боже, сотвори чудо, чтобы войско не шло в бой против свободных, соедини войско под знаменем свободы с мужественным польским народом. Будем жить с Польшей в мире и братстве! Перед твоим алтарем возносим мольбу: войско наше просвети, господи! Там же, стр. 32.

¹⁰⁷ «Strażnica», 1862, № 22, 24 listopada, цит. по: P. Łossowski i Z. Młynarski, стр. 61.

мешали развитию освободительного движения. Они («белые») отвергли помощь, которую предлагал восстанию Гарибальди,¹⁰⁸ препятствовали объединению польских и русских революционеров.¹⁰⁹ Против антипатриотической политики «белых» выступали радикальные польские деятели («красные»). Наиболее решительную революционную политику проводила «левица красных». Она стремилась поднять крестьянские массы на борьбу за национальное освобождение и демократическое переустройство общества, действовать в тесном контакте с русскими революционными организациями. Выдающиеся деятели «левицы красных» (предводители повстанческих отрядов) — революционный демократ Зыгмунт Сераковский, изображенный в «Прологе» Чернышевского под фамилией Соколовского, Зыгмунт Падлевский, который был близок к Герцену, Валериан Врублевский, впоследствии генерал Парижской коммуны и один из друзей Ф. Энгельса и другие польские демократы — были горячими сторонниками русско-польского революционного союза.¹¹⁰ Рядовые повстанцы поддерживали истинно патриотическую политику «левицы красных». В поэтических произведениях, рожденных в огне боев, отразились стремления героев-повстанцев к решительным наступательным действиям, к свержению реакционного режима в России, к союзу с русскими революционерами.

Одну из самых распространенных боевых песен 1863 г. повстанцы озаглавили «Песнь Рыкова» («Pieśń Rykowa»). Иногда эту песню называют по первой строчке «Что это за шум?» («Co to za gwar?»); в некоторых песенниках она названа «Маршем Лянгевича». Бялыня-Холодецкий, записывавший песни преимущественно со слов участников восстания, приводит текст под заглавием «Песня Рыкова» и только в примечании указывает, что эту песню называли также «Маршем Лянгевича».¹¹¹ Составитель крупнейшего патриотического песенника Ф. Баранский приводит основной вариант песни под заглавием «Песнь Рыкова»;¹¹² так озаглавлена песня и в песеннике Целины из Орельца (Ц. Доминиковской), знавшей песню в ее живом бытовании, и во многих других

¹⁰⁸ [Jan Stella Sawicki]. *Udział Galicyi w powstaniu 1863—1864 r. Ustęp z pamiętników pułkownika Strusia*. Lwów, 1889, стр. 70—71.

¹⁰⁹ P. Lossowski i Z. Młynarski, стр. 143 и др.

¹¹⁰ О сближении В. Врублевского в эмиграции с Энгельсом см. в ценной работе советского историка: V. Abramavičius. *Valerijonas Vrublevskis*. Vilnius, 1958; здесь опубликована переписка Ф. Энгельса с Врублевским.

¹¹¹ J. Białynia-Chołodcki. *Dowódcy oddziałów w powstaniu styczniowym i współczesne pieśni rewolucyjne*. Lwów, 1907, стр. 90 (далее: *Białynia-Chołodcki*).

¹¹² F. Barański, cz. II, стр. 106—107, pieśń 33.

сборниках.¹¹³ Можно предположить, что в этом заглавии запечатлено имя русского революционера, доблестно сражавшегося в рядах польских повстанцев. Они прозвали его Рыковым, настоящая же его фамилия Никифоров; в русской армии он был капитаном; Людвиг Вебер, солдат из отряда Леона Чеховского, в котором С. Никифоров сражался, вспоминает, что поляки были очень дружны с ним и называли его Рыков.¹¹⁴ Русский революционер, как верно заметил З. Млынарский, напоминал повстанцам изображенного в «Пане Тадеуше» Мицкевича честного, сочувствующего полякам капитана Рыкова.¹¹⁵ Многие участники восстания, знавшие Рыкова-Никифорова, в своих мемуарах вспоминают о его мужестве, ясности ума, самоотверженной преданности восстанию.¹¹⁶ Современные польские историки Лоссовский и Млынарский предполагают, что Никифоров входил в революционную организацию русских офицеров, возглавляемую Андреем Потебней.¹¹⁷ Среди повстанцев «Песня Рыкова» была очень популярна. Она стала любимой песней всего народа. Ее, как отмечает Бялыня-Холодеций, «самозабвенно пела школьная молодежь, городской люд, партизаны».¹¹⁸ Одной из самых популярных песенок восстания называет эту песню Бжег-Пискозуб.¹¹⁹ В. Езерский приводит ноты к тексту песни и утверждает, что мотив ее народный,¹²⁰ музыка — в темпе марша. «Нет сегодня песни, более распространенной, чем эта», — писал в 1863 г. Ян Стобецкий, отмечая, что песню «Что это за шум?» поют каждый день в одиночку и хором в городах и деревнях.¹²¹ Львовская патриотка Зофия Романовичувна вспоминает, как она 14 мая 1863 г. вместе со своей матерью пришла на берег реки Танева; на другом берегу, недалеко от Руды Ружанецкой, был лагерь повстанцев. «Наши юноши, — пишет мемуаристка, — были плохо одеты, плохо вооружены, безгранич-

¹¹³ Pieśni powstańcze z roku 1863 zebrane i ułożone przez Celinę z. Orelca. Lipsk, [1869], стр. 5 (słowa i nuty); «Biblioteka Mrówki», t. 61, *Śpiewnik Polski*, t. I, zes. I, стр. 55—57; *Polskie pieśni wolności*. Moskwa, 1918, стр. 47—48, pieśń 28.

¹¹⁴ Ludwik Weber. *Wyprawa Czechowskiego. W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego*. Lwów, 1903, стр. 488.

¹¹⁵ Z. Młyнарski. *Sprawa Nikiforowa. Epizod z powstania styczniowego*. «Kwartalnik instytutu polsko-radzieckiego», 1954, № 2, стр. 87.

¹¹⁶ J. Gordon, стр. 115; [Jan Stella-Sawicki.] *Ludzie i wypadki z 1861—1865 r.*, cz. I. Lwów, 1894, стр. 185—186; *Pamiętnik kapelana księdza Serafina Szulca. Polska w walce*, wyd. A. Giller, Paryż, 1868, cz. I, стр. 74—75.

¹¹⁷ F. Łosowski i Z. Młyнарski, стр. 140.

¹¹⁸ Białynia-Chołodecki, стр. 88.

¹¹⁹ A. Brzeg-Piskożub, стр. 103.

¹²⁰ W. Jeziorski, cz. I, стр. 7.

¹²¹ Jan Stobiecki. *O literaturze dni krwawych*. «*Dziennik literacki*», 1863, № 97, стр. 770.

ная любовь к Родине, пыл, отвага были их оружием . . . их глаза и лица сияли. „Еще Польша не погибла“ — запели они могучим хором, а потом зашагали с песней „Что это за шум?“¹²² «Песня Рыкова» проникнута революционным духом; в ней выражена непримиримая ненависть к царю, к польскому реакционеру маркграфу Валепольскому, который предложил предательский план расправы с патриотами, подготавливавшими восстание:

Co to za gwar?
Wesoły car,
Bo mu margraf projekt przysłał
Jak ugasić żar.¹²³

Создатели этого фольклорного произведения выражают веру в силы повстанцев, угрожают царю: он будет повешен вместе со своими сановниками. Тот факт, что революционная песня была боевым походным маршем повстанцев, ярко характеризует радикальные настроения простых людей, участников восстания. «Песня Рыкова» оставалась злободневной и для революционных рабочих. В 1905 г. ее исполнение и публикация были запрещены приговором прусского суда в Грудзенже (29 апреля).¹²⁴ Вероятно, эта песня, призывающая к решительным революционным действиям, к цареубийству, нравилась Никифорову, и повстанцы в честь своего русского товарища назвали ее «Песней Рыкова». В польском повстанческом фольклоре, как уже отмечалось, принято было озаглавливать песни борьбы по именам ее предводителей и героев. Знаменательно, что в песнях восстания 1863 г. рядом с «Маршем Чаховского»,¹²⁵ «Песней в честь Хмеленского»¹²⁶ существует «Песня Рыкова». Никифоров пал жертвой коварства и интриг «белых» — львовских консерваторов графа А. Голеевского, Ф. Земялковского, ненавидевших истинных революционеров.¹²⁷ Но польский революционный народ связал

¹²² Zofja Romanowiczówna. Czy pamiętam? Ostatnie słowa. Opowiadania i wspomnienia uczestników walki o wolność w r. 1863—1864. Lwów, 1913, стр. 110—111. — На берегу Танева находился тогда руководимый Запаловичем отряд, в который вошло много повстанцев из потерпевшего поражение отряда Л. Чеховского (см.: Z. Romanowiczówna. Tadeusz Romanowicz. Listy i wspomnienia. Lwów, 1934, стр. 14).

¹²³ Перевод: Что это за шум? Царь веселится, маркграф прислал ему проект, как погасить огонь (F. Barański, cz. I, стр. 32; cz. II, стр. 106).

¹²⁴ «Dziennik roznański», 1905, № 119 (здесь приводится список песен, запрещенных прусским правительством).

¹²⁵ «Маршем Чаховского» названы две песни, посвященные Дионизию Чаховскому, прославленному предводителю, и его героическому отряду. Одна из них указана в сноске 36, вторая песня: W. Jeziorski, cz. I, стр. 66; cz. II, стр. 62.

¹²⁶ F. Barański, cz. I, стр. 49; cz. II, стр. 132.

¹²⁷ P. Łossowski i Z. Młynarski, стр. 143.

с именем русского героя свой повстанческий марш. Историческая народная песня увековечила в своем заглавии память о человеке благородного и смелого сердца, который, отказавшись от воинской карьеры в царской армии, сражался как рядовой повстанцев и трагически погиб.

Повстанческая поэзия 1863 г. воспела подвиг безымянных русских солдат, которые не хотели стрелять в поляков и за свое уважение к их патриотическим чувствам платились жизнью. Цельный и героический характер солдата нарисован в стихотворении Станислава Рыся «Солдат» («Saldat», 1863).¹²⁸ Характер русского солдата раскрывается со всей полнотой и силой в трагическом конфликте: совесть солдата, народное понимание справедливости, правды, братское, доброе отношение к другим народам сталкиваются с жестокостью завоевательной политики царизма. В стихотворении описана казнь польского повстанца в городе Влодзимеже, на рынке. Один из солдат почувствовал несправедливость приговора, понял, что участвовать в убийстве человека, борющегося за свободу своей родины, — преступление. Солдат подошел к офицеру и сказал: «Помилуй, батюшка! Я, бедный, не могу стрелять в брата». Офицер ответил угрозами, бранью, и солдат вынужден был встать в строй. Раздалась команда, солдаты выстрелили: «А когда рассеялся дым, все увидели, что на земле лежало два трупа, — палачи от ужаса побледнели. . . рядом с телом польского рыцаря струилась кровь солдата». В столкновении с чудовищным произволом царского режима солдат трагически гибнет — кончает жизнь самоубийством, но самой своей смертью он утверждает величие и непобедимость идеи братства народов. Небольшое, но полное драматизма и жизненной правды, стихотворение Рыся — это памятник безвестным героям — польским повстанцам, гибнущим в неравной борьбе, и русским солдатам, жертвующим жизнью во имя солидарности с восставшей Польшей. Трудно восстановить историю создания этого стихотворения. Возможно, автор здесь описал подлинное событие. Факты самоубийства офицеров и солдат, отказавшихся участвовать в подавлении восстания, действительно имели тогда место. Самоубийством покончил полковник Пейкерт в Варшаве вс время манифестации 8 апреля 1861 г., когда был дан приказ войскам стрелять в безоружную толпу.¹²⁹

Польские поэты, прославляя казненных героев-повстанцев, не забывали о русских революционерах, которых постигла такая же участь. Выше были приведены слова Корнеля Уейского о русских революционных офицерах, расстреливаемых в варшавской цитадели и в Модлине. Поэт Якуб Закшевский свое стихотворение

¹²⁸ Stanisław Ryś. Saldat (1863). «Dziennik literacki», 1864, № 4, стр. 29.

¹²⁹ P. Łossowski, стр. 52.

о повешенном повстанце «Смерть Августа Ясинского» («Śmierć Augusta Jasińskiego») опубликовал с таким эпиграфом: «„Несчастливая страна, где даже вешать не умеют“ — последние слова Пестеля» («„Nieszczęśliwy kraju gdzie nawet wieszać nie umieją“ — ostatnie słowa Pestla»¹³⁰). Эпиграф свидетельствует о глубоком интересе поэта-патриота к судьбе Пестеля, который был искренним другом польского народа. Эпиграф имеет большой смысл: напоминает о братстве польских и русских революционеров, о том, что у них сходная судьба и общий враг — реакционный царский режим. Рядом с образом повешенного повстанца Августа Ясинского встает незабываемый образ Павла Пестеля.

Якуб Закшевский в своих повстанческих стихах с симпатией пишет о народах, борющихся за свободу, и язвительно осмеивает лицемерие английского и французского правительств, которые отказали в помощи восставшей Польше («Дипломат» — «Dyplomata», «Речь Бильо» — «Mowa Billaulta», «Кабинеты» — «Cabinety», «Перед лицом Европы» — «W obec Europy»¹³¹). В стихотворении «Речь Бильо» Закшевский осуждает несправедливую войну, которую вели тогда французские колонизаторы в Мексике. Поэт остроумно пародирует ханжеские речи французского министра Бильо: «О, несчастные поляки! Наши давние союзники. О! Мы чувствуем вашу боль, но у нас связаны руки, а в боку, как назо, колет мексиканское острие»¹³².

Поэты-повстанцы с большим интересом относились к прогрессивной русской литературе, в ее представителях видели друзей, единомышленников. Искренним почитателем Пушкина и Лермонтова был поэт-повстанец Эдвард Стефан Махчинский (1836—1873). Романтическая поэма Махчинского «Янычар» («Janczar», 1857) имеет подзаголовок ««Восточная картинка. Мысль, взятая у Лермонтова» («Obrazek wschodni. Myśl, wzięta z Lermontowa»¹³³). Польский поэт здесь не воспользовался каким-то определенным сюжетом Лермонтова. Вся поэма Махчинского внутренне, органически близка романтическим поэмам великого русского поэта. Махчинский воспел людей храбрых, цельных, без колебаний отдающих жизнь за свои убеждения. В поэме изображен бунт янычар, восставших против султана. Янычар Гассан, потеряв в бою всех своих друзей, раненый, не сдается; он не хочет сохранить себе жизнь ценой отречения от своих взглядов и погибает. Эта

¹³⁰ Polska w 1863 г. Lipsk, 1866, стр. 74. Этот сборник стихов о восстании 1863 г. вышел в Лейпциге анонимно. Я. Лорентович считает автором Якуба Закшевского (J. Lorentowicz, стр. 85, 93).

¹³¹ Polska w 1863 г., стр. 40—48.

¹³² Там же, стр. 43—44.

¹³³ Han-Akmet, powieść kaukaska. Janczar. Przez Edwarda Stefana Machczyńskiego. Warszawa, 1857, стр. 83—102.

поэма, созданная в предповстанческие годы, несмотря на свой восточный колорит и экзотику, была очень злободневной — она прославляла силу духа, мужество, доблесть. Махчинский недаром указал в подзаголовке на связь своей поэмы с творчеством Лермонтова. В его произведениях поэт-повстанец видел образец вольнолюбивой поэзии, зовущей к подвигу. В начале 1860-х годов Махчинский писал поэму «Цыгане», которая осталась неоконченной, так как поэт с первых же дней восстания вступает в повстанческий отряд. Рукопись «Цыган» пропала во время восстания.¹³⁴ Махчинский доблестно сражался как рядовой повстанец в отряде, действовавшем в Пултусском и Остроленцком поветах. После поражения под Вжонником поэт-повстанец собрал добровольцев и вместе с ними, рискуя жизнью, спас много раненых. Махчинский был тяжело ранен в сражении под Порембой. Умер в Варшаве в 1873 г.¹³⁵

В последние месяцы восстания, когда главные силы повстанцев были разгромлены, когда польские магнаты предали восстание, лишили его материальной поддержки, поредевшие в результате огромных потерь партизанские отряды продолжали сражаться с удивительным упорством и мужеством. В повстанческой поэзии того времени выражено героическое стремление повстанцев — не складывать оружия, бороться до последней капли крови. В последний, трагический период восстания поэты по-прежнему воодушевляли патриотов, вселяли веру в победу народов над реакцией, вдохновенно пропагандировали лозунг «За нашу и вашу свободу».

Поэт и публицист Юлиуш Ястшембчик (Зборовский), который в своих брошюрах выступал против магнатов и реакционной католической церкви, написал к 1 января 1864 г. стихотворение «С новым годом» («Z nowym rokiem»).¹³⁶ В этом произведении выражен неослабевающий революционный энтузиазм повстанцев. Ястшембчик рисует возвышенный, романтический образ восставшей родины; Польша — юная, прекрасная, лучезарная; на ее знамени «в океане света ... затмевая своим блеском луну и звёзды, сияют слова „За вашу и нашу свободу“». Этот призыв с большой силой прозвучал и в стихотворении Юлиуша Старкеля «22 января 1864 г.» («22 stycznia 1864 г.»), написанном к годовщине январского восстания. Старкель — друг Мечислава Романовского, передовой львовский журналист, поэт и переводчик, в этом стихотворении прославляет стойкость непокорённых героев-пов-

¹³⁴ Об этом сообщается в статье: М. А. ... Jeszcze jeden żołnierz-poeta. W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego, стр. 245, 248.

¹³⁵ Там же, стр. 246—249.

¹³⁶ «Mieszczanin Polski», Lwów, 1864, 2 stycznia, № 1, стр. 3.

станцев. Жестокие репрессии царя не могут сломить волю повстанцев к борьбе: «Мы в этом году не сложили оружие и, если надо будет, сто лет его не сложим; ещё хватит у нас в Польше мужей и крови — „За нашу свободу и вашу!“».¹³⁷

В послеповстанческие годы возникла анонимная поэма «Русские» («Rossianie»).¹³⁸ В ней обобщен опыт ссыльных повстанцев, которые в далекой Сибири нашли много настоящих, верных друзей, братьев среди простых русских людей. Бедные труженики, жители одной сибирской деревни, взяли на воспитание маленького ребёнка; мать его, ссыльная полька, умерла. Крестьяне тепло и участливо относились к сироте. Когда мальчик подрос, воспитавшие его русские люди решили, что надо ребенка познакомиться с его соотечественниками, обучить польскому языку, и самоотверженные бедняки отправились в Тобольск к ссыльным полякам; всю дорогу они несли мальчика на руках. Потом жители этой деревни часто навещали его в Тобольске. Ребенок стал юношей и уехал в Польшу; как с родными, прощался он с русскими людьми. Молодой патриот в 1863 г. сражался в рядах повстанцев, раненый, он был взят в плен и сослан в Сибирь. Польский изгнанник встретился опять с людьми, воспитавшими его. Повстанец рассказывает им о восстании, о стремлениях польских патриотов добиться свободы и для русского народа. Крестьяне тепло, радушно приняли своего воспитанника и его друзей-повстанцев, трогательно заботились о них, делились с поляками последним куском хлеба. Нравственная красота и мудрость жителей глухой сибирской деревни изображены как явление глубоко типическое, характерное для всего русского народа. И поэт обращается к людям России со словами благодарности, восхищения: «Ваше милосердие, ваша святая человечность, наконец, счастье увидеть в вас людей — вот что меня побуждает петь, воодушевляет. Вы поняли Польшу, будете ее понимать, относитесь к ней, как к родной сестре. О, если б сосчитать все кружки воды, все куски хлеба, которые вы подаете, если б сосчитать все ваши сверкающие слезы, которые, как солнце, восходят над Россией, счастливые братья!».¹³⁹ Поэт называет русских людей счастливыми, потому что в своей повседневной жизни, полной нужды и лишений, они проявляют величие духа, стремятся к справедливости, творят добро. Поэт считает своим долгом «поведать миру» о том, что русский народ

¹³⁷ Pieśni narodowe 1863 г., zesz. II, стр. 48—49; здесь, как и в других сборниках, авторство Старкеля не указано, его авторство установлено в сочинении Бжега-Пискозуба (A. Brzeg-Piskozub, стр. 125).

¹³⁸ Это произведение вместе с несколькими другими анонимными поэмами, принадлежащими, вероятно, тому же автору, вошло в сборник: Pamiętki z 1863 г. We Lwowie, 1869.

¹³⁹ Pamiętki z 1863 г., стр. 38.

жив, не сломлен гнетом царизма, полон духовных сил, хочет жить в братском согласии с польским народом. Сибирь, как утверждает поэт, — это не царство холода, безмолвия и рабства, а край, над которым «сияет бриллиантами заря».

В поэме «Русские» есть реминисценция из знаменитого повстанческого стихотворения Ю. Словацкого «Гимн» (1830) — факт, интересный для изучения творческого наследия Словацкого. Словацкий писал:

Wolności pieniem wzruszę
Zimne granity Newy,
I tam są ludzie — i tam mają duszę!¹⁴⁰

Автор поэмы «Русские» вслед за Словацким восклицал:

Wszak też od wieku my na was wołamy,
Ze tam są myśli, że i tam są dusze!¹⁴¹

Проникновенные строки посвящает автор русским женщинам — Волконской и Трубецкой. Неизвестный поэт рассказывает о том, как они в пути перевязывали раненых, раздавали голодным хлеб. Описание самоотверженности декабристок, которые отказались от роскоши, пошли на муки, напоминает нам строки поэмы Некрасова «Русские женщины». Польский поэт осмысляет подвиг декабристок и их мужей в историческом аспекте — никогда не иссякнут в России такие глубинные источники самопожертвования и героизма, она пойдет дорогой славы и величия.¹⁴²

Свои надежды на независимость родины поляки связали прежде всего с освободительной борьбой славянских народов. Мысль о единстве и свободолюбии славян вселяла бодрость и уверенность в сердца польских патриотов даже в самые трагические моменты их истории. После поражения восстания 1863 г. было создано стихотворение «О, не плачь» («O, nie płacz»), автор которого скрыл свою фамилию под буквами S. T. K. Обращаясь к своему современнику, повстанцу-изгнаннику, поэт пишет:

I wrócisz ty,
I oschną łzy,
Nastąpią wieki złote;

¹⁴⁰ Dzieła J. Słowackiego, t. I. Wrocław, 1952, стр. 40.

Перевод: Гимном воли разрушу
Лед гранитной Невы,
И там есть люди, что имеют душу!

(Ю. Словацкий. Избранное. М., 1952, стр. 54 (перевод М. Павловой)).

¹⁴¹ Перевод: Ведь мы давно говорим вам, что и у вас есть мысли и у вас есть души! (Pamiętki z 1863 r., стр. 38—39).

¹⁴² Pamiętki z 1863 r., стр. 58—60.

W swobodzie znów,
Co słowem słów,
Słowianie przyjmą cnotę.¹⁴³

Стихотворение оканчивается радостным аккордом:

O, nie płacz, nie,
Po złotym śnie,
Po dni majowych ranku,
Powróć ci,
Jak dusza śni
W słowiańskich ludów wianku!¹⁴⁴

Поэт убежден: сбудутся прекрасные золотые сны героев-повстанцев, осуществятся их заветные мечты о процветании славянских народов.

Какая сила духа, какое предвидение перспектив исторического развития славян нужны были, чтобы в период жестоких гонений создать эту песню надежды и веры в великое единство освобожденных славянских народов.

Тема солидарности русских и польских революционеров развивается в поэзии польского революционного пролетариата. Польские рабочие создавали песни о совместной борьбе русского и польского пролетариата, о победе Октябрьской революции в России. Такова, например, песня «Красная присяга» («Czerwona Rota», 1918), в которой говорится о великом значении победы русского рабочего класса:

Robotnik w Rosji zwałił już
I zburzył twierdzy wały
I rewolucję pośród burz
Poniesie na świat cały!¹⁴⁵

В этой и многих других польских пролетарских песнях, посвященных Октябрьской революции и Советской России, оживают лучшие традиции польской повстанческой поэзии XIX в.

¹⁴³ *Перевод:* Ты вернешься, и высохнут слезы, наступит золотой век; славяне снова вернуться к правде и свободе — слово «свобода» самое прекрасное из всех слов (Lutnia, zbiór II, стр. 194).

¹⁴⁴ *Перевод:* О, не плачь о золотом сне, о днях майского рассвета, они вернуться, сны твоей души, в венке славянских народов. (Lutnia, zbiór II, стр. 195).

¹⁴⁵ *Перевод:* Рабочий в России уже свергнул и разрушил валы крепостей и среди бурь понесет революцию всему миру (Pieśni proletariatu. Zbiorek I, Wiedeń, 1920, стр. 30).

А. И. Хватов

БРАНИСЛАВ НУШИЧ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Изучение литературных и культурных связей русского и сербского народов приводит к самым истокам культурно-исторической жизни наших стран, к временам образования самостоятельных славянских государств и рождения славянской письменности. Вряд ли у других европейских народов можно найти еще один пример более тесного культурного сотрудничества. Огромное значение для развития национальной культуры сербов имела русская классическая литература XIX в. «Реалистическая литературная школа и политическая идеология в девятнадцатом веке развивались под влиянием русских книг. Основатель нашей (сербской, — А. Х.) реалистической новеллы Лаза Лазаревич начал свою литературную деятельность переводами Чернышевского, а когда перестал писать и друзья спросили его о причине, он ответил, что прочитал Толстого и, поскольку не может приблизиться к нему, считает бесполезным пачкать бумагу. Светозар Маркович, Милован Глишич, Янко Веселинович, Светолик Ранкович, Воислав Илич и Бранислав Нушич стали писать, прочтя произведения русских классиков».¹

Русская литература сыграла важную роль в литературной судьбе Бранислава Нушича (1864—1938), начавшего свою писательскую деятельность в 80-х годах прошлого столетия. Не только критики, но и сам писатель указывал на связь ряда своих произведений с русской литературой. «Под большим влиянием Гоголя, — вспоминал Нушич, — написаны все мои комедии 80-х годов „Народный депутат“, „Протекция“ и прежде всего „Подозрительная личность“, которая во многом напоминает „Ревизора“».²

Произведения Н. В. Гоголя пользовались во второй половине XIX в. широкой популярностью не только в Сербии. Многие выдающиеся писатели стран всего мира с благоговением читали Гоголя, сами учились и советовали другим учиться у него правдивому изображению жизни и художественному мастерству. Ч. Дик-

¹ Б. Ковачевић. Максим Горки у српској књижевности. «Наша књижевност», св. 6—7, Београд, 1946, стр. 385.

² Бр. Нушић, Сабрана дела, т. 7, Београд, [б. г.], стр. 290.

кенс, А. Франс, Ги де Мопассан, Г. Келлер, Ф. Брет-Гарт, Г. Гауптман оставили восторженные отзывы о русском писателе или создали произведения, опираясь на реалистические достижения Н. В. Гоголя.³ В разных литературах по-разному в соответствии с историческими условиями воспринимались те или иные стороны творчества Гоголя. В странах Балканского полуострова, борющихся за национальное освобождение, например в Болгарии, наибольшей популярностью на определенном этапе пользовалась повесть «Тарас Бульба»; во всяком случае под воздействием именно этого произведения написаны некоторые рассказы Любена Каравелова, в которых идет речь о страданиях болгар под турецким игмом и о их героическом сопротивлении насильникам.

В творческой биографии Нушича целый период связан с его увлечением и глубоким творческим усвоением гоголевского художественного метода. Трудно найти работу о Нушиче, в которой так или иначе не упоминалось бы имя Гоголя, не указывалось на связь некоторых произведений сербского комедиографа с «Ревизором». Однако в большинстве случаев отмечается лишь самый факт влияния и в подтверждение этого делается ссылка на приведенное высказывание Бр. Нушича. Правда, в последние годы появилось несколько статей, в которых теме «Гоголь — Нушич» отводится более или менее значительное место.⁴

Исследователи Нушича, как правило, говорят лишь о воздействии Гоголя на сербского писателя, оставляя в стороне вопрос о его более глубоких интересах, связанных с русской классической литературой. Нельзя забывать, что Нушич жил и работал в атмосфере огромного интереса к культуре братского народа, когда сербская молодежь следовала призыву Светозара Марковича учиться у русской литературы. В 80-е годы, в период формирования мировоззрения писателя, его творческих принципов, определивших весь дальнейший писательский путь Нушича как автора выдающихся произведений, буквально самый воздух был насыщен огромным интересом к русской литературе, выдвинутой в первые ряды мирового искусства такими гигантами художественной мысли, как Пушкин, Некрасов, Чернышевский, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой и др.

³ М. П. Алексеев. Мировое значение Гоголя. В сб.: Гоголь в школе. М., 1954, стр. 126—156.

⁴ См. следующие статьи: Л. Захаров. Гоголь и Нушич, «Књижевност», св. 2, кн. XII, Београд, 1951; Ю. А. Брагин. 1) Ранняя драматургия Бранислава Нушича. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», М., 1959, № 3; 2) Гоголь в Сербии. В сб.: Славянская филология, вып. 3, М., 1960; А. Уманцев. Гоголевские отражения в драматургии Нушича. «Slavia», sešit 1, Praha, 1961. Интересующей нас теме посвящена особая глава в замечательной и пока единственной монографии о Нушиче болгарского исследователя Б. Ничева «Бранислав Нушич» (София, 1962).

В сербской и югославской критике долгое время держалось мнение о Нушиче как о поверхностном юмористе, стремившемся удовлетворить вкусы мелкобуржуазной мещанской среды. Только в последние годы критика по достоинству оценила его место и значение в югославской литературе, выделив наиболее сильные стороны творчества, подчас сознательно замалчивавшиеся критиками консервативно-реакционных направлений в королевской Сербии и монархо-фашистской Югославии. Интересен поэтому вопрос, пока еще не исследованный, о восприятии Нушича в других странах, в частности в Советском Союзе и в дореволюционной России, где переводы произведений Нушича стали появляться довольно рано.

В 1933 г. Бр. Нушича избрали членом Королевской академии наук и искусств Югославии. В представлении, подписанном критиком Богданом Поповичем, художником Урошем Предичем и скульптором Джордже Йовановичем, были отмечены большие заслуги писателя перед сербской литературой и искусством: «... г. Нушич — наш самый популярный писатель, произведения которого вот уже сорок лет читают и старые и молодые, широкий круг людей, обладающих литературным вкусом, во всей нашей стране и за ее пределами, ибо г. Нушич переведен на иностранные языки. Он, быть может, и самый плодовитый наш писатель: опубликованные произведения Нушича занимают около тридцати томов. Он автор путевых очерков, новеллист и драматург, сотрудничал в газетах, писал хроники и фельетоны».⁵

Избрание Бр. Нушича в академики было официальным признанием его выдающихся заслуг перед литературой Сербии и Югославии. Однако, как часто случается, оно пришло, когда писатель был уже на склоне жизни, хотя и полон энергии и больших творческих замыслов, воплотившихся в таких широко известных комедиях, как «Опечаленная родня» («Ожалошћена породица», 1933), «Д-р» (1936), «Покойник» (1937) и других произведениях. Такого рода оценки творчества Нушича встречались главным образом в дни юбилеев писателя, в обычное же время критика очень сдержанно, а часто и резко отрицательно относилась к его произведениям, сосредоточивая внимание на слабых сторонах его творчества, не пытаясь отделить яркие, социально острые произведения от того, что порой писалось Нушичем ради заработка. Были и такие статьи, в которых писатель представлялся как неглубокий юморист, избегающий постановки больших социальных вопросов.⁶ Наиболее резко, не вполне справедли-

⁵ Цит. по: С. Панунов ђ. Писци изблиза. Београд, 1958, стр. 159.

⁶ См., например, статьи: Л. Јовановић, Десет прича Бранислава Нушића. «Српски књижевни гласник», књ1.1 бр. 3, Београд, 1901, стр. 311—315; Јанковић. Пучина, драма у четири чина. Там же, бр. 23, Београд, 1902, стр. 47—58.

вую, одностороннюю оценку творчеству Нушича дал Йован Скерлич в своей статье по поводу выхода в свет отдельной книжки фельетонов писателя в 1907 г. «Когда-то в „Заметках“,⁷ — писал И. Скерлич, — Нушич обнаружил склонность вместе со всем нашим поколением вести борьбу против зла, которое давило и позорило страну. Позднее он стал просто практическим человеком, и в последние годы, когда вспыхнуло недовольство всей честной Сербии, когда шла последняя борьба, когда Доманович писал „Страдию“, а Милорад Митрович — свои политические басни, мы видим Нушича в роли постоянного редактора правительственных политических и литературных газет...».⁸ Далее Скерлич заявляет, что Нушич даже не может считаться оригинальным писателем, который своим творчеством прокладывает путь новым идеям.

Почти через двадцать лет сербский критик Милан Богданович в юбилейной статье в связи с шестидесятилетием Бр. Нушича совершенно по-иному оценил его творчество, увидев в произведениях сатирика то, чего не заметил или не хотел замечать Скерлич. Сравнивая писательскую манеру двух литераторов, Радое Домановича и Нушича, он приходит к такому выводу: «Доманович был агрессивен, обладал политическим темпераментом, подкрепленным талантом рассказчика. Он, наконец, был смел. Г. Нушич — лукав, любит „прикинуться наивным“ и все-таки говорит. Доманович язвит, бичует, бьет, и ему не прощают. Он писал сатиры, которые создавали ему смертельных врагов, способных отправить его на каторгу, изгнать из страны. Г. Нушич смеется и через смех все-таки говорит. Он не относится к числу тех, кто любит „брать на прицел“, а все-таки говорит. И говорит многое».⁹

При жизни писателя не появилось больших работ, в которых была бы дана исчерпывающая характеристика литературной деятельности, хотя в конце его жизни в многочисленных статьях и утвердилось общее положительное отношение к нему как писателю. Лишь в последнее время в критике Нушич оценивается как писатель-сатирик, писатель-борец, который в своих произведениях правдиво показал жизнь сербского общества на протяжении полувека, разоблачал и бичевал сербскую бюрократию, будил у читателей негодование и протест против социального зла. «Литературное творчество Бранислава Нушича, особенно его комедии и сатира,

⁷ Имеется в виду сборник фельетонов Б. Нушича «Листићи» (Београд, 1891).

⁸ Ј. Скерлић. Писци и књиге. Београд, т. II, 1955, стр. 393—394. — Авторитет Скерлича-критика был очень велик, и отрицательные высказывания о Нушиче на долгие годы определили отношение к писателю сербской и югославской критики.

⁹ Милан В. Богдановић. Стари и нови. Књижевне критике. I. Београд, 1931, стр. 48—49.

имеют значение потому, что в них писатель с демократических позиций отрицал сербское буржуазное общество, сербское мещанство, полицейское государство грабежа и насилий, демагогию, коррупцию, злоупотребления, финансовые махинации, политический карьеризм, что в своих комедиях он изобразил целую галерею образов-уродов представителей господствующей буржуазии, ее лакеев и прихвостней».¹⁰

Творчество Нушича отличалось сложным и противоречивым характером. У него не было четкого мировоззрения борца, ему не был свойствен революционный пафос Радое Домановича, однако чутье художника-реалиста и демократизм помогали ему оставаться на уровне требований общественной жизни, быть актуальным и направлять острие своих лучших произведений против тех условий, которые не позволяли раскрыться человеческой личности, калечили и уродовали ее. Вот почему центральным героем многих его произведений является простой маленький человек, темный и забитый, неспособный понять всей трагичности своего положения, а рядом с ним — чиновник-бюрократ, торговец, нажившийся на обмане, самодовольный министр, сделавший блестящую карьеру благодаря протекции и всякого рода плутням.

Писательский талант Нушича складывался в годы сложного переплетения социальной и литературной борьбы, когда на смену старым полуфеодальным формам, доставшимся в наследство от эпохи турецкого ига с его абсолютистско-бюрократическим укладом, приходили буржуазные отношения, а в области литературы реалистическое направление утверждало свое право на существование, преодолевая сопротивление старой романтической школы.

В силу ряда особенностей исторического развития сербского государства романтизм как литературное направление, опиравшееся на идеи национально-освободительной борьбы, сложился значительно позже, чем в других европейских литературах. Для сербской литературы характерно, что на протяжении длительного времени рядом развивались и существовали два течения — романтическое и реалистическое, и часто в творчестве писателей-романтиков был силен элемент реалистический и наоборот. Эта особенность сербской литературы была подчеркнута еще Скерличем в его работе «Омладина и ее литература» («Омладина и њена књижевност»)¹¹.

Во второй половине XIX в. творчество многих сербских писателей приобретает боевой характер; писатели выступают со смелой

¹⁰ Бр. Нушич, *Изабрана дела*, Београд, 1954, стр. 9—10 (Вступит. статья).

¹¹ О литературно-критической деятельности Й. Скерлича см.: Ю. Беляева. *Иван Скерлич — литературный критик*. В сб.: *Литература славянских народов*, вып. 6, Изд. АН СССР, М., 1961.

критикой пороков современного им общества. Стремление проникнуть в существо социальных явлений и в художественной форме выразить свое отношение к действительности характерно для таких крупных писателей Сербии, как Йованович-Змай (1833—1904), Яков Игњатович (1824—1889), Милован Глишич (1847—1908) и др. Однако с четкой реалистической программой впервые в Сербии выступил Любен Каравелов (1837—1889), написавший на сербском языке повесть «Виновата ли судьба?» («Je ли крива судбина?») и несколько рассказов, и сербский революционный демократ Светозар Маркович (1846—1875), статьи которого «Поэзия и мышление» и «Реализм в поэзии»¹² стали своеобразным манифестом литературной молодежи того времени в Сербии.

Развитию литературных и культурных связей благоприятствовали этническое родство русского и сербского народов, близость их языков и культур. Однако основная причина большого интереса прогрессивной сербской молодежи к русской литературе заключалась в другом, а именно в близости социально-экономического уклада России и Сербии второй половины XIX в. И в той, и в другой стране развивающиеся капиталистические отношения сдерживались остатками феодализма и абсолютизмом. Развитие буржуазных отношений в Сербии сопровождалось обезземелением крестьянства, разорением ремесленников, обнищанием трудового населения страны. Народные массы Сербии были забыты и неграмотны. В своем стремлении найти ответ на важнейшие вопросы, волновавшие общество, сербская молодежь обращается к русской литературе. Русская революционно-демократическая идеология как нельзя более всего соответствовала настроениям прогрессивной молодежи Сербии, объединившейся в 60-х годах в организацию «Омладинцы», левое крыло которой придерживалось революционно-демократической программы Светозара Марковича.

Будучи учеником и последователем русских революционных демократов, Св. Маркович утверждал в сербской литературе реалистический метод, пропагандировал русскую классическую литературу, призывал учиться у русских писателей правдивому изображению жизни. Следуя заветам Добролюбова и Чернышевского, Св. Маркович писал: «Отсюда ясно, чего требует наука от художественной литературы и писателя. От литературы она требует изображать только то, что действительно полезно обществу: поднимать и разрешать современные вопросы, изображать истинную народную жизнь с точки зрения современной науки, одним словом, и по мыслям и по чувствам быть современной».¹³ Св. Маркович призывал писателей быть ближе к народу, проникнуться его

¹² Св. Маркович, Избранные сочинения, М., 1956.

¹³ Там же, стр. 56—57.

нуждами и чаяниями. «Итак, — писал он в статье «Реализм в поэзии», — вот что необходимо для поэта: нужно, чтобы он жил жизнью народа, страдал его (или хотя бы близкими ему) страданиями, понимал эту жизнь и чувствовал боль, от которой страдает весь народ».¹⁴

Св. Маркович был страстным пропагандистом русской литературы и передовых эстетических воззрений. «Молодежи, которая хочет иметь здоровое представление об истинном значении искусства, я очень рекомендую произведение Чернышевского „Эстетические отношения искусства к действительности. Сочинения Чернышевского, том 1, Женева“»,¹⁵ — писал он.

Сербская молодежь следовала призыву Светозара Марковича. Интерес к русской литературе вызывал большое количество переводов произведений русских писателей, печатавшихся во всех сербских журналах и выходявших отдельными книгами. Крупнейшие сербские литераторы второй половины XIX в. Йован Йованович-Змай, Милован Глишич, Йован Илич и другие переводили на сербский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова и многих других русских писателей.

Йованович-Змай обогатил сербскую библиотеку русских писателей прекрасными переводами поэтических произведений. О его деятельности переводчика было известно в России. Сергей Штейн, русский поэт и переводчик со славянских языков, в 1908 г. писал о Змае: «Свободно и легко овладев русским языком, Йованович в 1863 году дал Сербии хороший перевод лермонтовского „Демона“, а затем стал переводить стихотворения Пушкина, Майкова, Добролюбова, Полонского, Некрасова и Минаева. Незадолго перед смертью, по свидетельству Максимовича, он увлекался „Кларой Милич“ и „Senilia“ («Стихотворениями в прозе») Тургенева».¹⁶

О знакомстве сербской читающей публики с русской литературой нельзя, однако, судить только по числу переводов, ибо образованные сербы читали русские книги и в оригинале. Многие писатели были прекрасными знатоками русской литературы. Жена поэта Войслава Илича, близким другом которого был Бранислав Нушич, вспоминала о своем муже: «Дом старого Илича был известен. У них всегда собиралось много народа. Приходили и русские. Мне кажется, что именно Войслав учил генерала Чернышева сербскому языку. Войслав всегда любил русских и гордился Россией и русской литературой. Он постоянно читал по-русски, особенно Пушкина и Лермонтова, но любил и других писателей и

¹⁴ Там же, стр. 165.

¹⁵ Там же, стр. 166.

¹⁶ Сергей Штейн. Славянские поэты. СПб., 1908, стр. 41.

поэтов и более старшего поколения. Он читал вслух русские стихи и иногда спрашивал, понимаю ли я. Если я не знала какое-либо слово, он переводил его. Все эти книги и многие рукописи погибли во время оккупации, как и вся наша библиотека».¹⁷

Прекрасно знал русскую литературу и поддерживал активные связи с Россией другой член поэтической семьи Иличей — Драгутин. Драгутин Илич настолько хорошо владел русским языком, что сам переводил на него свои произведения.¹⁸ Любил русскую литературу и переписывался с русскими учеными-славистами сербский писатель Светозар Чорович (1875—1919), с которым Бр. Нушич также был близко знаком.¹⁹

¹⁷ «Српски књижевни гласник», бр. 3, Београд, 1938, стр. 179.

¹⁸ В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится несколько писем Драгутина Илича (ф. 452, оп. 1, ед. 258). В одном из писем, адресованных А. А. Майкову, говорится: «Я хотел бы, если это возможно, чтобы моя „Яквинта“ была поставлена на московской сцене. Поэтому я решил перевести ее здесь в Белграде на русский язык, и смею надеяться, что вы ее примете и, если увидите, что она не будет лишней в репертуаре московского театра, передадите ее в театральную дирекцию».

Следует отметить, что Драгутин Илич первый заметил в Нушиче дар комедиографа. В предисловии к комедии «Народный депутат» Нушич писал: «... я принял близко к сердцу его совет, который он мне однажды дал: оставить поэзию (в начале своей литературной деятельности я занимался сочинением стихов) и писать комедии» (Б. Нушич. Комедии. М., 1956, стр. 28).

¹⁹ В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (далее: ИРЛИ) хранится письмо Св. Чоровича к П. А. Кулаковскому, в котором содержится просьба прислать статью в юбилейный номер газеты „Зора“ (1896—1901), посвященный пятидесятилетию со дня смерти великого черногорского поэта Петра II Негоша (1811—1851). С. Чорович был в то время одним из редакторов газеты. Письмо С. Чоровича невелико по объему и публикуется нами впервые, поэтому приводим его полностью: „Многоцијењени господине! Уредништво „Зоре“ послало вам је тражене бројеве и радује се врло да сте поклонили папжу нашеме листу. Ове године ми ћемо да два броја посветимо искључиво Његошу и о њему ће писати најбоље књижевници наши. Бројеви ће изаћи почетком октобра, али још сада прикуљамо радове за њих. Овим писмом умољавам и вас, да будете тако добри, те да нам пошаљете едан одоломак из ваше студије о Његошу или ако не то, онда какав чланак к њему. Надајући се, да ће те нам овој молбом удовољити, унапријед вам се захваљујем и шаљем вам искрен поздрав. Свет. Чоровић, члан уредништва „Зоре“ Мостар 4/4 1901“ (ф. 572, ед. 136). (Многоуважаемый господин! Редакция „Зоры“ послала нужные вам номера и рада вниманию, которое вы оказали нашей газете. Два номера в этом году мы посвятим исключительно Негошу, и писать о нем будут лучшие наши литераторы. Номера эти выйдут в начале октября, но мы уже теперь собираем для них статьи. Этим письмом и вас просим: будьте так добры прислать нам отрывок из вашего исследования о Негоше, а если не это, то какую-нибудь статью о нем. Надеюсь, что вы удовлетворите нашу просьбу, заранее благодарим вас и шлем вам искренний привет. Свет. Чорович, член редакции „Зоры“. Мостар 4/4 1901).

Непосредственные связи сербских писателей с русскими литераторами и учеными, большое количество переводов свидетельствуют о живом интересе в Сербии второй половины XIX в. к русской литературе и культуре.²⁰

В обстановке роста оппозиционных настроений, обостренной классовой борьбы, национально-освободительного движения и огромного интереса к русской литературе Бр. Нушич создавал свои первые произведения. Как часто бывает у прозаиков, Нушич начал свою литературную деятельность со стихов. И хотя впоследствии он оценивал стихотворные опыты весьма скромно или даже просто смотрел на них как на забавный эпизод своей биографии, однако за стихотворение «Два раба» (1887), направленное против правительства, писатель был осужден и целый год просидел в тюрьме.

Поступив учиться в Великую школу (как тогда назывался Белградский университет), Нушич сразу же оказался в самом центре литературной и общественной борьбы. Он был непременным участником литературных вечеров, сотрудничал в белградских газетах, выступая со своими стихами и статьями. Легкомысленная жизнь белградской богемы тех лет, которой отдал дань и молодой Нушич, не заслонила от него больших литературных и общественных интересов. Именно в это время Нушич сблизился с Воиславом Иличем. Их объединила любовь к литературе, и дружба, самая теплая и трогательная, продолжалась до конца яркой, но короткой жизни Воислава. Последний ввел Нушича в дом своего отца. Об этом доме, являвшемся своеобразным литературным клубом столицы сербского государства, сам Нушич писал впоследствии: «Через этот дом, двери которого были открыты и днем и ночью, прошло несколько поколений; на пороге этого дома встречалась старая, уже умирающая, романтическая литература и новая, сменяющая ее реалистическая; одним словом, через этот дом прошла

²⁰ Одним из таких свидетельств является неопубликованное письмо Стевана Поповича (1845—1917), редактора лучшей в то время иллюстрированной газеты «Српске илустроване новине» (июнь 1881—декабрь 1882). В этой газете печатались статьи о культурной жизни в России, а также произведения И. С. Тургенева. В своем письме от 18 июня 1882 г. Ст. Попович излагает целую программу ознакомления сербской публики с культурно-исторической жизнью русского народа и просит П. А. Кулаковского похлопотать, чтобы русские иллюстрированные журналы и газеты предоставляли его распоряжение использованные клише. «Несколько дней назад, — писал он, — когда я имел честь навестить Вас лично в Белграде, я осмелился изложить Вам как было бы полезно для дела славянской взаимности, если бы я был в состоянии в своей газете по возможности периодически и чаще публиковать особенно портреты русских ученых, художников, изображения знаменитых изделий русских ремесел, русских пейзажей, картины жанровых сцен из русской народной жизни и истории» (ИРЛИ, ф. 572, ед. 204).

вся наша литература 70-х, 80-х годов, начиная от Матие Бана, Любы Ненадовича, Чеды Миятовича, Джорджа Малетича и Йована Джорджевича».²¹ В доме Иличей Нушич встречался с представителями самых различных литературных направлений и политических течений — от романтиков и убежденных консерваторов Матие Бана и Милорада Шапчанина до писателей и критиков, выражавших революционное направление в сербской литературе, Радое Домановича, Йована Скерлича и других.

В литературных спорах, происходивших в доме Илича, в которых принимал участие и Нушич, вырабатывался эстетический вкус писателя, складывалось его отношение к творчеству великих художников прошлого и настоящего. К этому времени относится и его увлечение русской литературой.

Из других европейских литератур Нушич больше всего интересовался французской, зачитывался произведениями В. Гюго и даже исполнял в любительских спектаклях роль дон Сезара де Базана в драме «Рюи Блаз». Однако романтизм не захватил Нушича. В сербской литературе складывался реалистический метод. Сама жизнь требовала иного осмысления сложнейших общественных явлений, иного изображения человеческих характеров во всей сложности их психологического склада и связей с окружающим миром.²²

Бр. Нушич, как и вся сербская литературная молодежь 80-х годов, испытал на себе воздействие революционно-демократических идей Св. Марковича, страстного пропагандиста русской литературы. Об увлечении Нушича идеями Св. Марковича, о внимательном чтении его статей свидетельствует прежде всего самый характер творчества писателя, его положительное отношение к деятельности революционного демократа.²³

²¹ Бр. Нушич. Комедии, стр. 25—26.

²² О становлении сербского реализма см.: Ю. Белаяева. Борьба Светозара Марковича за реализм в сербской литературе. В сб.: Литература славянских народов, вып. 3, 1958.

²³ Интересно, что в юмористической «Автобиографии», написанной в 1907 г. для сборника фельетонов «Бен Акиба», Нушич почти теми же словами, что и Св. Маркович, рассказывает о системе школьного образования в Сербии второй половины XIX в. В статье «Как нас воспитывали» Св. Маркович в качестве примера казенной методик, убивавшей в учащихся всякое стремление к учебе, приводит такой случай: «Так, например, преподаватель физической географии, чтобы объяснить затмение солнца, хватал за голову ближайшего ученика и, задрав ее вверх, говорил: „Пусть твоя голова будет Солнцем“, затем брал голову другого ученика и „ставил“ ее на место Земли. Но больше всего доставалось Луле. Ею был ученик с другой парты. Преподаватель хватал его за уши и ташил через парту до тех пор, пока не закрывал им солнца, хотя у ученика и сыпались из глаз искры» (С. Маркович. Избранные сочинения, стр. 72). Бр. Нушич, посвятивший школьному обучению несколько фельетонов и юмористических рассказов, с меньшей сатири-

В предисловии к комедии «Подозрительная личность», написанном в конце 20-х годов, Нушич говорит об огромном воздействии на сербское общество русской литературы и особенно Н. В. Гоголя. «Из русских писателей, — отмечает Нушич, — наиболее популярными были в то время Чернышевский, Тургенев и Гоголь. Первый был любимым писателем новых людей, последователей Светозара Марковича; Тургенев стал любимцем литературно-интеллигентной публики..., а Гоголь был писателем всей тогдашней молодежи, которая вдохновлялась его острой сатирой, в особенности направленной против русской бюрократии. В гоголевских типах молодежь видела нашу бюрократию... Милован Глишич, непосредственный ученик Гоголя и самый яркий представитель реалистического направления, был вместе с тем и самым популярным писателем, а „Ревизор“ Гоголя был любимейшим чтением молодежи. Из-под столь сильного влияния трудно было освободиться, а тем более комедиографу, ибо тогдашнее наше общество и особенно бюрократия были так похожи на изображенные в „Ревизоре“, что Гоголя считали чуть ли не нашим отечественным писателем. Под большим влиянием Гоголя написаны все мои комедии 80-х годов „Народный депутат“, „Протекция“ и прежде всего „Подозрительная личность“, которая во многом напоминает „Ревизора“. На оригинале рукописи этой комедии даже было написано не „комедия в двух действиях“, как позже значилось на театральных афишах, а „гоголиада в двух действиях“».²⁴

Бессмертная комедия Гоголя «Ревизор» впервые была поставлена на сцене в белградском театре в 1870 г., а затем было опубликовано несколько ее переводов.²⁵ Однако Нушич ознакомился с нею на русском языке, которым уже в начале 80-х годов владел в достаточной степени. «Комедия „Ревизор“ Гоголя, как он сам часто говорил, была для него откровением, и он читал ее несколько раз: сначала в русском оригинале, но как следует не понял, а затем в переводе лидера радикалов Перы Тодоровича».²⁶

Вдохновленный Гоголем Нушич в 1883 г. написал комедию

ческой силой и вполне в духе идей Марковича клеймил отупляющую казеншину в школьном обучении королевской Сербии. В данном же случае интересен факт совпадения описанного эпизода. В «Автобиографии» также рассказывается об учителе, который, чтобы объяснить строение солнечной системы, ставил учеников в соответствующем порядке — Солнце, Земля, Луна, «брал указку, становился в стороне, словно укротитель зверей, готовый в любую минуту за малейшую оплошность ударить указкой по голове. По его команде начиналось такое вращение, какого никто не видел от сотворения мира...» (Б. Нушич. Бен Акиба. Суботица, 1955, стр. 9).

²⁴ Бр. Нушич. Сабрана дела, т. 7, стр. 289—290.

²⁵ По этому вопросу см.: Ю. А. Брагин. Гоголь в Сербии Сб. «Славянская филология», вып. 3, МГУ, 1960, стр. 96—123.

²⁶ «Српски књижевни гласник», бр. 2, Београд, 1938, стр. 252.

«Народный депутат». Молодой автор с самого начала придавал серьезное значение этому произведению и намеревался поставить его на сцене. Однако комедия не была принята театром.

Комедия «Народный депутат» была написана в период напряженной общественной борьбы в Сербии. Король Милан, самовластно правивший в эти годы страной, вынужден был, однако, соблюдать уже сложившиеся парламентские формы. Но сам монарх и правительство прилагали все усилия, чтобы Скупщина возможно меньше ограничивала самодержавные устремления короля, ее роль заключалась лишь в механическом утверждении предначертаний власти. На выборах, чтобы обеспечить правительственное большинство, допускались вопиющие злоупотребления: подкуп избирателей, избиения и аресты оппозиционных кандидатов, фальсификация результатов выборов и т. д. Политические страсти во время выборов достигали необыкновенно высокого накала, вплоть до того, что в отдельных округах вспыхивали восстания и происходили массовые беспорядки.

Основной оппозиционной силой в 80-х годах была партия радикалов, выражавшая интересы мелких собственников, крестьян и ремесленников. На эту-то партию и обрушивались удары правительства. Бр. Нушич сочувствовал борьбе радикальной партии и сам по отношению к правительству был настроен оппозиционно. Жизнь давала писателю богатейший материал для сатиры, и Нушич избирает ее объектом выборы в Скупщину.

Скупщина действовала в интересах молодой сербской буржуазии, а депутатский мандат открывал его счастливому обладателю новые и широкие возможности для наживы, всякого рода злоупотреблений и раздачи государственных синекур, разумеется, за соответствующее вознаграждение. Поэтому каждый кандидат был и лично заинтересован попасть в Скупщину и поправить за счет государственной казны свои дела.

Конфликт комедии «Народный депутат» основан на столкновении интересов представителей двух враждующих партий в ходе предвыборной борьбы, а комедийный эффект достигается тем, что главный герой пьесы Еврем Прокич то и дело попадает в самые нелепые положения, чему в немалой степени способствует и то, что оба кандидата, правительственный и оппозиционный — адвокат Ивкович, живут под одной крышей, а дочь Прокича, Даница, является невестой Ивковича.

Подобная фабула комедии отнюдь не была надуманной и искусственной с целью создания наибольшего сценического эффекта. Именно так часто бывало в жизни, и словами одного из героев пьесы, родственника Прокича, автор подчеркивает распространенность, обычность такой ситуации. «Раньше, — говорит Спира, — если кто кого ненавидел, то уж ненавидел как собаку,

и дрались до конца — не на жизнь, а на смерть. А теперь все стало куда мягче. Разве ты не видишь, что сейчас в любом деле компании из разных партий? На вывеске торгового заведения, например, читаешь: „Симич и Петрович“. Спросишь, кто такие, оказывается, Симич — правительственная партия, а Петрович — оппозиция. Вот и попробуй лиши их прав на владение предприятием! А то еще и так бывает! Тесть Павлович, а зять Янкович, тесть за правительство, а зять за оппозицию. И ничего — дело идет, как по маслу. Тесть депутат, зять окружной начальник; или зять депутат, а тесть председатель общины. Наловчились люди, поэтому так и получается». ²⁷

Между прочим, это обстоятельство часто игнорировалось критиками Нушича или даже ставилось ему в вину, поскольку адвокат Йвкович довольно бледен как сценический образ и недостаточно положителен в качестве представителя радикальной партии. В частности, за это позднее упрекал писателя и Й. Скерлич. ²⁸ Но шли годы, и радикалы, когда-то претендовавшие на роль выразителей интересов народа, оказались в начале XX в. самой правой партией в сербском парламенте. Мелкобуржуазная непоследовательность, отсутствие четкой политической программы привели радикалов в лагерь реакции. Бр. Нушич, сам принимавший деятельное участие в общественной борьбе тех лет, подметил эти черты современных ему политических деятелей и в комедии, написанной в самом начале 80-х годов, соединил своих героев узами родства, наметив и путь к их идейно-политическому союзу. В самом деле, Йвкович, агитируя против своего тестя, пользуется услугами Йовицы, человека нечестного и примкнувшего к оппозиции только потому, что его надул Еврем Прокич. А заключительная сцена комедии наводит на мысль, что взгляды Йвковича на отношения депутатов оппозиции и правительственной партии по существу не отличаются от понимания Спиры. Когда Еврем, потерпевший поражение на выборах, говорит: «Ну что же делать, бог ты мой, судьба такая! Не войду я в Скупшину как депутат, а войду в Скупшину как тесть депутата», ²⁹ Йвкович не возражает.

Таким образом, Йвкович не просто недостаточно четко очерченный образ, а вполне определенный тип мелкобуржуазного пар-

²⁷ Бр. Нушич. Комедии, стр. 63.

²⁸ В статье «Хумор и сатира Бранислава Нушича Бен Акиба» в 1907 г. Й. Скерлич, справедливо упрекал Нушича за его отход от постановки больших социальных проблем, писал: «Из всего нехорошего, что есть ныне в Сербии, Нушич видит Народную Скупшину и народных представителей! От незлобивой комедии „Народный депутат“ он перешел теперь к злым нападкам на народное представительство со всеми банальными остротами реакционных газет о поденной плате и о цирковых комедиях, разыгрывавшихся в здании Скупщины» (Й. Скерлич. Писци и књиге, т. II, стр. 394).

²⁹ Бр. Нушич. Комедии, стр. 126.

ламентария, оппозиционера фразы, соглашателя в настоящем и реакционера в будущем. Впрочем, ни кандидат правительства, ни кандидат оппозиции политических программ не выдвигают, если не считать своекорыстных мечтаний и целей Еврема Прокича, связанных с возможным депутатским мандатом, и весьма общих фраз Ивковича о долге перед родиной, о злоупотреблениях, допускаемых правительством и т. д.

В комедии «Народный депутат» писатель поставил перед собой задачу обнажить перед зрителем на примере выборов антинародную сущность политического режима в Сербии, показать, что основным стимулом, определяющим поступки людей в современном ему обществе, является материальный интерес. Столкнув в остром конфликте представителей различных социальных групп и слоев, Нушич представил читателю и зрителю целую галерею образов-уродов, нарисовал картину ужасающих злоупотреблений и коррупции. В обстановке насилий, подкупа, провокаций и террора великолепно чувствуют себя всякого рода дельцы и проходимцы, умеющие извлекать для себя пользу из любой ситуации. Все происходящее в комедии направляется высшей властью, незримо присутствующим начальником, который получает указания из Белграда, а на сцене один за другим проходят те, чьими руками делается грязное дело, — бывший чиновник Срета, полицейский писарь Секулич и др. Срета — человек с темным прошлым, уже посадивший в тюрьме за растрату. Но это нисколько не смущает его, напротив, он чувствует себя необходимым и незаменимым человеком. «Ты думаешь, мне обидно, — говорит он Прокичу, — что меня зовут Срета № 2436 — это номер моего судебного дела... Ничего подобного! Наоборот, брат мой, этот номер помог мне выйти в люди в этом городе. Ну, вот ты сам скажи: было ли какое-нибудь дело, которое обошлось бы без меня? Ну, говори! Скажем, если надо распространить ложный слух по городу — подай сюда Срету. Если надо какое-нибудь политическое собрание сорвать — к кому обращаются? К Срете! Фальсифицировать избирательные списки — опять подавай Срету. А я уж и не говорю о таких мелочах, как распространение листовок, свидетельствование в суде, приветствие правительственных чиновников, составление статей, телеграмм против насилия и тому подобное.³⁰ Агитация за правительственного кандидата для него лишь выгодное дело, и он готов помочь Прокичу, если тот, став депутатом, устроит покупку земельного участка, записанного Сретой на жену, добьется пересмотра судимости, оправдает его и исхлопочет ему пенсию за беспорочную службу. Беззастенчивость Среты порой вводит в смущение несколько добродушного и глуповатого Про-

³⁰ Там же, стр. 56.

кича, попытавшегося как-то заговорить о народном доверии. Но Срета отвечает Прокичу: «Доверие, брат, такой же товар, как и все остальное. Брось его на весы, посмотри, сколько потянет, вынимай кошелек и плати. . . у тебя, господин Прокич, деньги, у господина Илича — народное доверие. Теперь давай поставим каждую вещь на свое место. Илич еле-еле концы с концами сводит, а у тебя, господин Прокич, кое-где даже через край переливается».³¹ Собразно своим представлениям Срета и действует — подкупает избирателей, устраивает попойки, печатает в газетах клеветнические статьи под разными псевдонимами и т. д.

Совершенно иначе поступает писарь Секулич, облеченный официальной властью. Секулич убежден, что он поставлен на должность «милостью божией и волей народной», что его могут, в случае надобности, назначить и начальником; он даже как-то перед Прокичем говорит словами воображаемого указа о его назначении: «... милостью божией выдвигаем мы тебя, Секулич, в начальники и доверяем тебе народ такого-то и такого-то округа, а ты направь его на путь истинный, ну и припугни немножко».³² На каждого избирателя у Секулича заведено дело, и плохо будет тому, кто станет голосовать против его воли. «... я так все устрою, — говорит он Еврему, — что любое насилие покажется добрым делом. Скажем, позову мясника, знаешь, того, который поставляет мясо в окружающую больницу. Позову и совсем ласково скажу ему: А знаешь ли ты, брат, что за тобой семь смертных грехов? Мясо-то ты поставляешь в больницу тухлое, а? И все эти акты об этих твоих грехах вот тут в моем ящике! Вообще-то, конечно, не бог весть какие грехи, потому больным все равно, какое мясо есть, у них желудки испорчены, но закон есть закон. Вот как подведу тебя под параграф, да добавлю еще — согласно распоряжению о контроле, так ты, голубчик мой... Разве это насилие? Никакого насилия тут нет! Наоборот! Это добродетель!».³³ Когда надо действовать, Секулич не рассуждает, его сила в поддержке высшей власти. «... я не стыжусь, — говорит он, — что был жандармом. Мы еще посмотрим, чего стоят эти образованные, когда начнется такая заваруха, как выборы. Все они в кусты сбегут, а тогда подавай им Секулича! А я что? Я выйду перед народом: „Народ, смирно!“, „Народ, по порядку рассчитайсь!“ . Они говорят: „Секулич служит всякой партии“. А что тут плохого? Я человек военный. Меня и воспитывали по-военному. До сих пор служил в одной части, а теперь перехожу в другую. Не спрашиваю,

³¹ Там же, стр. 59.

³² Там же, стр. 73.

³³ Там же, стр. 74.

кто приказал, кто главный! Мое дело „слушаюсь!“».³⁴ Секулич энергично руководит кампанией, организует манифестацию. устраивает в трактирах попойки, а Еврем поплачивает денежки.

Комедия «Народный депутат» могла быть воспринята современниками как острая сатира на сербскую бюрократию, на буржуазию, на буржуазный парламент, наконец, на королевский режим. Естественно поэтому, что лица, от которых зависела сценическая судьба комедии, сделали все, чтобы запретить ее, и пьеса не увидела света.³⁵ В 1913 г. в предисловии к печатному изданию комедии Нушич приводит высказывание Милорада Шапчанина, стоявшего в 80-х годах во главе театрального комитета и вершившего судьбы репертуара Народного театра в Белграде. Объясняя причины запрещения комедии, М. Шапчанин сказал: «...постановка „Народного депутата“ оказалась невозможной, ибо в пьесе есть много моментов, которые оскорбляют и депутатов, и членов правительства. Народный депутат — главный герой пьесы — показан как глупец. Разве это могло понравиться депутатам, которые точно также, как и герой пьесы, являются торговцами, зажиточными ремесленниками и крестьянами? И если этот депутат заявляет, что в Скупщине он будет говорить то, что ему скажут министры в Белграде, то разве можно поставить такую пьесу в театре, общее руководство которым осуществляет правительство? Какое правительство, какие мудрые государственные деятели могли бы разрешить постановку такой пьесы в театре, находящемся под их постоянным контролем».³⁶

Комедия «Народный депутат» самим писателем была поставлена в ряд произведений, написанных «под большим влиянием Гоголя». Но если в комедии «Подозрительная личность» (о которой речь пойдет ниже) следы воздействия «Ревизора» видны, так сказать, на поверхности, то «Народный депутат» на первый взгляд совершенно не связан с гоголевским произведением.

«Ревизор» Н. В. Гоголя явился для сербского автора прежде всего образцом реалистической комедии, открывшей его глазам сферу жизни, которая до сих пор, быть может, не привлекала столь пристального внимания молодого драматурга. У Гоголя Нушич учился разбираться в сложнейших социальных явлениях, видеть глубинные связи между ними, понимать, что в системе кажущихся случайными беззаконий, есть свои закономерности, связанные с социальными условиями, с соответствующим государственным режимом, и обращать свое писательское оружие против

³⁴ Там же, стр. 72—73.

³⁵ На сцене комедия «Народный депутат» была поставлена в 1896 г. а опубликована только в 1924 г.

³⁶ Бр. Нушич. Комедии, стр. 34.

тех уродств жизни, которые сдерживали, тормозили поступательное движение общества.

Знакомство с «Ревизором» помогло Нушичу в выборе темы комедии, в отборе жизненного материала для произведения, направленного своим острием против власти и бюрократии. Самый жанр общественной комедии требовал иного содержания, иного наполнения, нежели традиционные рамки театра Стерии Поповича и Косты Трифковича.

Воздействие «Ревизора» сказалось в известной степени и на обрисовке отдельных персонажей, на их роли в образно-художественной системе произведения. Прежде всего бросается в глаза сходство между Спирой и Спириницей, мужем и женой в «Народном депутате», и Бобчинским и Добчинским из «Ревизора». Уже самый характер имен этих комических персонажей вызывает указанную параллель, а их роль в сюжетной структуре комедии почти полностью совпадает. Подобно Бобчинскому и Добчинскому, Спира и Спириница все время перебивают друг друга. Чтобы убедиться в сходстве стилистической фактуры их диалогов, достаточно простого сравнения:

Спириница (следом за ней Спира). Э-э-э, зятюшка, светлые твои очи!

Спира. Да брось ты, ради бога, какие тут «светлые очи»! Как это ты можешь с места в карьер?

Спириница (набросилась на мужа, крестится). О, господи, всемогущий, вразуми ты его! Проклятый человек, даже рта не дает раскрыть!

Спира. Да рассказывай, кто тебе запрещает! Но уж если рассказывать, то говори что-нибудь путное.

Спириница. А у тебя ума палата! Отстань несчастный... (плюет на него). Тьфу, тьфу, тьфу... Скажи спасибо, что я тебя на людях не хочу срамить!

Спира. Опять начинаешь! Благодарю бога, что мы в чужом доме, а то бы я тебя...

Спириница. Посмотрите на него, влез в чужой дом и командует. Бродяга...

Еврем (встав между ними, пытается их успокоить). Да бросьте вы! Ведь не ругаться же вы сюда пришли?!³⁷

В «Ревизоре»:

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (перебивая). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу.

Добчинский (перебивая). Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу. Вы уж и слога того не имеете...

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

³⁷ Там же, стр. 61.

Бобчинский. Припомню, ей богу припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте...³⁸

Преппирательствам Спиры и Спириницы, Бобчинского и Добчинского кажется не будет конца, они никак не могут перейти к предмету разговора, пока не вмешается третье лицо. Таким образом, в данном случае и в «Народном депутате», и в «Ревизоре» комический эффект достигается одними и теми же средствами. Разница между этими персонажами не столь велика и состоит лишь в том, что Бобчинский и Добчинский играют более активную роль в завязке комедии и сами являют собой определенный социальный тип, в то время как Спира и Спириница не столь органично включены в художественную ткань произведения и лишь дополняют или заостряют отдельные комические ситуации, способствуя наиболее полному раскрытию того или иного характера или события.

Другой подобной аналогии в комедиях «Народный депутат» и «Ревизор» нет, однако в произведении сербского комедиографа есть сходные комедийные ситуации, а отдельные черты героев из «Народного депутата» напоминают о гоголевских персонажах. Несомненно Нушич использовал комический эпизод с письмом, написанным на трактирном счете. Антон Антонович сообщает своей жене о благополучном исходе первой встречи с мнимым ревизором: «Спешу уведомить тебя, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но уповая на милосердие божие, за два соленых огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек».³⁹ В иной обстановке, на встрече с подгулявшими избирателями, растерявшийся Еврем Прокич вместо речи, похищенной у своего политического противника Ивковича, начинает читать только что полученный из кабака счет за выпитое избирателями вино. «Господа и братья! Дорогие граждане и наши избиратели. (Шепчет что-то и сует руку в правый карман, нащупывает речь Ивковича. Доволен, на лице появляется улыбка. Вынимает руку из кармана, но достает не речь, а счет, который он только что получил от официанта, и начинает читать). „Сорок два лира вина...“ (Останавливается). Кто мне подсунил этот счет?».⁴⁰

Однако при всем внешнем сходстве у Нушича этот прием служит иной цели. Характеризуя крайнюю растерянность Прокича,

³⁸ Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, т. 4, Гослитиздат, М., 1952, стр. 18.

³⁹ Там же, стр. 42.

⁴⁰ Бр. Нушич. Комедии, стр. 99.

его глупость и неспособность к самостоятельным активным действиям, Нушич лишний раз обнажает перед читателями и зрителями преступные приемы предвыборной агитации. Комический же эффект этой сцены усилен еще и дальнейшим углублением ошибки, ибо окончательно потерявший голову Еврем Прокич зачитывает оппозиционную речь.

При внимательном прочтении текстов обнаруживаются черты сходства в образах полицейского писаря Секулича и городничего. Секулич, подобно городничему, груб с лицами, подвластными ему, вымогает взятки, грозитя упрятать в тюрьму всех, кто будет противиться его воле во время голосования. Это сходство безусловно происходит в основном благодаря известному функциональному совпадению образов, однако слова Среты о Секуличе «он в этих вопросах тертый калач и начальника вокруг пальца обведет»,⁴¹ напоминающие самохарактеристику Антона Антоновича, который «трех губернаторов обманул»⁴² свидетельствуют о том, что, создавая образ всемогущего представителя местной власти, Нушич уже имел перед собой известный образец.

Аналогом образу Хлестакова в «Народном депутате» представляется Срета, хотя сходство это чисто внешнее, ибо общих черт в характерах героев, по существу, нет, так как Срета в отличие от Хлестакова, который, по сути дела, лишь следует за обстоятельствами долгое время не понимая, что вокруг него происходит, личность активная. Он ловкий практический человек, архиплут и пройдоха, великолепно чувствующий себя в обстановке коррупции и узаконенных беззаконий. Срета — человек действия, отлично понимающий, где и чем можно поживиться. С Хлестаковым его роднит лишь чисто внешняя реминисценция — преувеличенное представление о своей значимости и журнально-публицистическая деятельность. Правда, Хлестаков в приступе красноречия приписывает себе то, что он вовсе не сочинял, а Срета действительно пишет статьи и печатает их под разными громкими псевдонимами. Он подписывает свои литературные произведения именами Ришелье, Гельголанд и «... это еще не все, брат, — говорит он. — У меня есть несколько псевдонимов: Барнава, Герострат, Голиаф, Хаджи Диша, Проспер Мериме».⁴³

Сопоставление «Народного депутата» и «Ревизора» показывает, что в комедии Нушича обнаруживается ряд реминисценций из «Ревизора», известное сходство в приемах построения комических ситуаций, ряд черт, свойственных гоголевским персонажам, присутствуют в характерах героев Нушича. Но главное не в этом.

⁴¹ Там же, стр. 59.

⁴² Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, т. 4, стр. 95.

⁴³ Бр. Нушич. Комедии, стр. 84.

Усвоение чисто внешних моментов может служить скорее доказательством творческой незрелости автора, а не усвоения им литературной традиции. Однако никто не решится сказать, что «Народный депутат» — произведение подражательное, неоригинальное. Нушич творчески учился у Гоголя, знакомство с «Ревизором» ускорило процесс творческого формирования писателя. Создавая «Народного депутата», Нушич имел перед собой образец общественной комедии, но шел он не от образца, а от жизни. Он совершенно самостоятельно разработал сюжет комедии, создал замечательно яркие образы сербских городничих и держиморд. Отдельные же элементы, воспринятые у Гоголя, органически вошли в художественную ткань «Народного депутата» и в трансформированном виде, как правило, выполняют совершенно иную функцию, несут свою особую смысловую нагрузку. Связь двух произведений, обнаруживаемая на примере внешних реминисценций, указывает в данном случае на усвоение Нушичем реалистической традиции в русле гоголевской школы.

Нужно отметить, что некоторые исследователи творчества Нушича иногда усматривают влияние Гоголя там, где его вовсе нет. Так, в статье чехословацкого ученого А. Уманцева «Гоголевские отражения в драматургии Нушича»⁴⁴ наряду с верными и интересными наблюдениями встречаются спорные, а иногда и ошибочные положения. «В театральной комедии Нушича „Народни посланик“, — пишет А. Уманцев, — представляется нам реальная возможность непосредственно наблюдать очевидные художественные отражения Гоголя. Прежде всего это заметно уже в самой композиционной структуре произведения сербского автора. Планомерное нарастание событий, душевное возбуждение от постепенного усиления интереса читателя, разработка соответствующих мотивов хода действий, во всяком случае, в равной мере типичны для обоих драматургов».⁴⁵ Совершенно очевидно, что признаки сходства или влияния одного произведения на другое нельзя искать в характере самого жанра произведения, ибо «планомерное нарастание событий, душевное возбуждение от постепенного усиления интереса читателя» свойственно любому драматическому произведению, да и художественному произведению вообще. Мало убедительны также и некоторые указания на сходство характеров отдельных персонажей из «Народного депутата» и «Ревизора». Например, говоря о близости отдельных женских образов в комедиях русского и сербского писателей, А. Уманцев пишет: «Павка, жена Прокича, известным образом импонирует жене городничего. Это заботливая мать семейства, желающая полного успеха мужу

⁴⁴ См.: «Slavia», sešit 1, Praha, стр. 64—81.

⁴⁵ Там же, стр. 66.

в его карьере. Она всячески старается привлечь его к работе в лавке». ⁴⁶ Но если присмотреться внимательнее к этим персонажам, то сходство между ними состоит лишь в том, что они жены и у каждой есть дочь. Между провинциальной кокеткой Анной Андреевной, женой городничего, и Павкой, носительницей черт патриархальной крестьянки, женой торговца, ничего общего нет.

Параллель Йовица—Хлестаков также неубедительна, ибо Йовица, который «умеет быстро и ловко во всем ориентироваться», персонаж более активный, чем Хлестаков. Хлестаков — фигура скорее пассивная, в то время как Йовица — человек действия. Он хочет, чтобы Еврем выдвинул его кандидатуру на выборах и откровенно говорит ему, что желает поправить свои дела и тут же великодушно предлагает: «Если и тебе туда хочется, то я согласен поделиться: сначала ты меня пустишь на два года в Скупщину, чтоб я немножко свел концы с концами, а потом сам иди, если захочешь. Вот как, если хочешь, можно и договор такой составить». ⁴⁷ В словах и поступках Йовицы не «легкость мысли необыкновенная», а вполне рассчитанное действие дельца и плута. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Вывод же, сделанный А. Уманцевым из сопоставления и разбора «Народного депутата» и «Ревизора», безусловно спорен. Автор статьи утверждает, что «в идейном смысле Нушича и Гоголя сближает тут одна благородная цель — сделать из бездушного чиновника отзывчивого человека. Оба они в данном случае стремятся преодолеть оторванность чиновничьего аппарата от широких масс, оба они ставят себе задачу — изжить принцип безответственного единоначалия в государственных органах управления страны». ⁴⁸ Думается, что это не так. Бюрократия является неизбежным порождением классового общества, и любая попытка апелляции к бюрократу об устранении злоупотреблений, исправлению нравов и т. д. окажется бесплодной, ибо сама бюрократия как социальный институт является объективно закономерным учреждением, инструментом подавления эксплуатируемых масс народа. В. И. Ленин писал о бюрократии: «Возьмем учреждение чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом. Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии, мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества». ⁴⁹ Таким образом, резкая

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Бр. Нушич. Комедии, стр. 50.

⁴⁸ А. Уманцев. Гоголевские отражения в драматургии Нушича, стр. 72.

⁴⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 312—313.

критика бюрократии, сатирическое обличение носителей общественного зла неизбежно смыкается с критикой самих устоев буржуазного общества, порождающего это зло. Гоголь, а вслед за ним и Нушич дали блестящие образцы сатирического обличения бюрократии.

Ни для кого не является спорным утверждение, что субъективные намерения Гоголя, создателя «Ревизора» и «Мертвых душ», оказались гораздо уже громадного разворота страшной картины общественных злоупотреблений и коррупции самодержавно-крепостнического строя николаевской России. И хотя Гоголь не называет виновника зла, из его произведений становилось ясно, что все это порождается самим крепостническим строем. Нушич же более открыто и прямо в своих комедиях «Народный депутат» и «Подозрительная личность» указывает на правительственные круги, на правящую династию и приводит читателя и зрителя к мысли о негодности самой системы монархического правления.

Комедия «Народный депутат» была запрещена и многие годы пролежала в полицейских сейфах, а не случись этого, то мы, быть может, знали бы, как сербский король Милан повторил вслед за российским самодержцем: «Всем здорово досталось, а больше всего мне».

Нушич не был, однако, обескуражен своей первой неудачей и в 1887 г. написал другую комедию «Подозрительная личность» («Сумъиво лице»), которую охарактеризовал в подзаголовке как «гоголиаду в двух действиях». Он не случайно так назвал свое новое произведение, ибо «Подозрительную личность» с «Ревизором» роднит не только тема, объект сатиры, известная общность фабулы и художественно-образной системы, но и высокий гуманизм, заключенный в гневном протесте против уродливых форм общественной жизни. В комедии «Подозрительная личность» острие сатиры направлено против чиновников уездного города, безраздельно властвующих над подчиненными своей округи, против династии, опиравшейся на полицейско-бюрократический аппарат. Своекорыстие, невежество, казнокрадство, карьеризм — основные черты отрицательных персонажей комедии.

Комедия «Подозрительная личность», как и несколькими годами раньше «Народный депутат», была сразу же запрещена и появилась на сцене спустя тридцать шесть лет. Нушич прекрасно понимал, насколько остры были вопросы, поднятые им в комедии, насколько животрепещуща была ее тема не только для 80-х годов, но и для более позднего времени. Во всяком случае, когда в 1900 г. он сам стал директором Народного театра в Белграде и, казалось, создались благоприятные условия для постановки комедии, Нушич не решился на это. В предисловии к комедии он сам так писал об этом: «Читаю комедию, читаю, а как дойду до слова „дина-

стия“, невольно посмотрю вокруг себя и взгляну с спаской на портрет его величества короля. . . Поднимаюсь с кресла, беру рукопись со стола и возвращаю ее самому себе как автору, сопровождаемая, разумеется, все это такими мудрыми словами: „Дорогой мой, господин Нушич, отнесите вы эту рукопись домой. Хорошая пьеса, прекрасная пьеса, я даже поздравляю вас, но лучше унесите ее домой, потому что мне очень не хочется, чтобы ее нашел кто-нибудь здесь в моем директорском столе“. ⁵⁰ Здесь же Нушич приводит и отзыв Милорада Шапчанина: «Я прочитал вашу пьесу и могу сказать, что она мне понравилась. Есть известные недостатки, которые следовало бы в дальнейшем исправить, но в основном вещь хорошая и мне нравится. Я полагаю, что она имела бы успех на сцене. . . Но, — Шапчанин запустил руку в ящик письменного стола и извлек оттуда рукопись, — но я советую вам молодой человек взять эту рукопись, отнести ее домой и сжечь в печке!». ⁵¹

Сюжет комедии прост. Еротие Пантич, уездный начальник, получает из министерства телеграмму, в которой говорится, что в подведомственном ему уезде должна появиться «подозрительная личность». Этого человека надо изловить и под строжайшей охраной отправить в Белград. Начальник вместе со своими чиновниками принимают соответствующие меры, но вместо опасного государственного преступника по ошибке хватают аптекаря Джоку, который тайно приехал в местечко, чтобы встретиться со своей возлюбленной, дочерью Еротие Пантича. Начальник, уже представлявший как он получит очередной чин и уедет в столицу, оказался в затруднительном положении, так как поспешил сообщить министру о поимке «подозрительной личности», упомянув заодно и о «риске», которому подвергал свою особу. Еротие растерян, он не знает, как выпутаться из создавшегося положения, а тут (совсем как в «Ревизоре», когда вошедший жандарм сообщает о прибытии подлинного ревизора) от министра приходит телеграмма: «Личность, которую вы арестовали, вероятно, одна из подобных, поэтому препроводите ее в Белград под усиленной охраной вместе со всеми документами, при ней обнаруженными». ⁵² Растерянность усиливается, но скоро Еротие успокаивается на мысли поехать самому в Белград и все свалить на писаря Вичу.

Фабула «Подозрительной личности» очень близка «Ревизору». Нушич использует многие сюжетные ситуации гоголевской комедии, ряд диалогов и монологов являются прямыми реминисценциями соответствующих мест из «Ревизора».

⁵⁰ Бр. Нушич, Сабрана дела, т. 7, стр. 298—299.

⁵¹ Там же, стр. 294.

⁵² Бр. Нушич, Комедии, стр. 184.

Действие «Ревизора» начинается чтением письма. Подобной сценой открывается и комедия «Подозрительная личность». Еротие Пантич, уездный начальник, показывает своей жене Андже перехваченное им любовное письмо аптекаря Джоки к их дочери. Следующий узел комедии завязан секретной депешей министра о возможном появлении в уезде Еротие Пантича «подозрительной личности», «которая имеет при себе революционные и антидинастические письма и сочинения». ⁵³ И уже под занавес появляется третье письмо, напоминающее письмо Хлестакова Тряпичкину. Дочь Еротие Пантича в письме к своему возлюбленному в выражениях, сходных с хлестаковскими, характеризует своего отца и писаря Вичу. В письме говорится: «Мой отец, хотя и уездный начальник, человек старомодный, а уж если говорить искренне, глупый и ограниченный. Раньше он был почтмейстером, но что-то натворил, так что его выгнали со службы, и он потом перешел в полицию». ⁵⁴ Вся последующая сцена выдержана совершенно так же, как в «Ревизоре». Еротие требует, чтобы дальше не читали, зато писарь, обозленный неудавшимся сватовством, требует продолжать чтение и попадает в затруднительное положение, ибо и о нем в письме сказано следующее: «Так вот, он и мать пристали ко мне, чтобы я вышла замуж за одного уездного писаря, тощего верзилу, похожего на петуха, а кроме того, пройдоху и первоклассного жулика, от которого стонет весь уезд». ⁵⁵

В образе Еротие Пантича, уездного начальника, соединены черты гоголевского городничего и почтмейстера Шпекина. Сам Еротие в прошлом почтмейстер, уволенный со службы за чтение чужих писем. Отдельные реплики Еротие очень близки соответствующим репликам почтмейстера из «Ревизора». Например, чтение чужих писем для Еротие, как и для Шпекина, было естественной потребностью. В ответ на упреки жены он говорит: «... не то чтоб мне хотелось, а должен. Ты ведь знаешь, как это въедается в кровь. Есть люди, которые любят чужих цыплят, есть такие, что любят чужих жен, а я люблю чужие письма. Оно в моих руках: смотреть на него и не знать, что в нем написано? Нет, этого нельзя выдерживать, вот и все! Для меня прочесть чужое письмо приятнее, чем съесть три порции рисовой каши с корицей». ⁵⁶ Он рассуждает так же, как рассуждал почтмейстер Шпекин: «Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинте-

⁵³ Там же, стр. 140.

⁵⁴ Там же, стр. 178.

⁵⁵ Там же, стр. 180.

⁵⁶ Там же, стр. 133.

ресное чтение».⁵⁷ Таким образом, оба они страдают одной и той же страстишкой и оба столь же простодушно говорят об этом в кругу близких людей.

В образе Еротие Пантича обнаруживаются и отдельные черты, несколько напоминающие городничего, хотя это происходит в значительной степени из-за сходства выполняемой ими общественной функции. Еротие, подобно городничему, всегда непрочь пожить за чужой счет, запустить руку в казну, он также мечтает об очередном чине. Поимка «подозрительной личности» сулит ему большие перспективы, и он готов арестовать половину уезда. «Надо хитро насадить приманку, — рассуждает Еротие Пантич, — забросить крючок в воду... и лишь поплавок запрыгал — ты хоп!... Выскочит крючок, а как взглянешь, на крючке-то чин! Ей богу, чин! Во время прошлых выборов он у меня сорвался, а теперь, мамочка, не сорвется. Переарестую половину уезда, если нельзя будет иначе. А потом возьму решето и буду просеивать».⁵⁸ Он также груб со своими подчиненными. Однако Еротие Пантич несколько патриархальнее и простодушнее своего русского собрата. Если городничий выговаривает квартальному: «Смотри! не по чину берешь!»,⁵⁹ то Еротие искренне завидует писарю Виче, умеющему брать только по крупной.

Образ писаря Вичи воплощает в себе черты бюрократа новой формации, знаменующей наступление эпохи капитализма. Если хищники типа городничего или Еротие Пантича вымогают и грабят, соблюдая некие и в беззаконии существующие законы, чтобы не извести стадо, то для Вичи нет никаких законов. Он ловко запутывает в бюрократические сети толстосумов, использует обстановку террора для вымогания денег. И «денег у него, слава богу, хватает, — почтительно говорит Еротие Пантич. — Писарь второго класса, хотя еще и четырнадцать месяцев не прошло с тех пор как он в нашем уезде. А явился-то гол как сокол. И ведь умеет же, бестия!... Он хватает только по крупному. Его специальность политика. И он на ней, ей богу, хорошо зарабатывает. Больше же всего он зарабатывает на династии. Для него династия — дойная корова. А уж доит он, милая моя, искусно! Не успеешь оглянуться, а уж он посадил в кутузку какого-нибудь толстосума: „Оскорбил, — говорит, — династию!“ И тут уж готово столько бумаг... семь, восемь, двенадцать свидетелей... пять лет каторги... Такого зятя мне и подавай, а не Джоку».⁶⁰ Вича презирает своего начальника за нерешительность, за неумение исполь-

⁵⁷ Н. В. Гоголь, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 4, стр. 17.
⁵⁸ Бр. Нушич. *Комедии*, стр. 143—144.

⁵⁹ Н. В. Гоголь, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 4, стр. 23.

⁶⁰ Бр. Нушич. *Комедии*, стр. 134.

зовать обстановку для обогащения: «Посмотрите, люди добрые, — говорит он, — попало к нему в руки крупное дело, можно было арестовать по меньшей мере пятнадцать человек, а он не решается». ⁶¹ Его беззастенчивости удивляется даже Еротие Пантич. Образ Вичи не имеет аналога в «Ревизоре» и это понятно. Нушич, работая над комедией, шел от жизни и в образе Вичи воплотил черты сербского представителя нового класса, рвущегося занять место под солнцем и уничтожающего все на пути к своей цели.

В сюжетной структуре комедии Нушича роль, подобную той, которую выполняют Бобчинский и Добчинский, несет сыщик Алекса, обнаруживший «подозрительную личность» в трактире. Однако и в данном случае этот комический персонаж целиком и полностью взят из жизни, ибо только в Сербии и только в эпоху искусственно разжигаемой подозрительности и террора мог появиться подобный тип, открыто объявивший в городке, что он сыщик. Визитная карточка, на которой было написано «Алекса Жунич — уездный сыщик», вызвала недоумение начальника, но Вича объяснил все словами Алексы: «Он говорит, что раньше, когда он это скрывал, ничего не мог узнать, а сейчас ему все друг на друга наговаривают». ⁶²

Есть в комедии «Подозрительная личность» сцены, напоминающие сцену с купцами в «Ревизоре». Однако и того, что сказано, вполне достаточно, чтобы увидеть прямую связь между произведениями русского и сербского авторов. Приведенный материал свидетельствует о том, что Нушич в своей художественной практике опирался на гоголевские творения, даже заимствовал отдельные элементы, подчиняя их своей задаче обличения общественных уродств, порожденных иными условиями жизни Сербии эпохи Милана Обреновича. Знакомство с творчеством Гоголя раздвинуло его творческий горизонт, открыло перед ним новые средства художественного воплощения жизни. Воспользовавшись гоголевской сюжетной конструкцией, схемой, Нушич наполнил ее иным содержанием, в котором отразились наиболее характерные и типичные стороны сербской действительности тех лет. Несмотря на ряд реминисценций из Гоголя, образы героев комедии «Подозрительная личность» имеют свой особый национальный и исторический колорит. Не случайно Нушич в подзаголовке назвал свою вторую комедию «гоголядой». Этим он хотел подчеркнуть свою прямую связь с гоголевской традицией, сказать, что стремится, подобно Гоголю, вскрыть уродства жизни и выставить их на суд общества. ⁶³

⁶¹ Там же, стр. 167.

⁶² Там же, стр. 151.

⁶³ Попытка югославского ученого Л. Захарова во что бы то ни стало доказать полную независимость Нушича от Гоголя в начале его творческого

В статье «Гоголь в Сербии» советский исследователь Ю. А. Брагин, сопоставив «Подозрительную личность» с «Ревизором», приходит к правильному выводу, когда говорит, что «Нушич в ней близок к Гоголю, и вместе с тем это не Гоголь, а именно Нушич. Оттого, что Нушич в своей комедии использовал сюжет «Ревизора», он не стал подражателем Гоголя. К гоголевским традициям он ближе стоит не в прямых заимствованиях, а там, где он проявляет творческую самостоятельность в решении идейных и эстетических задач. Гоголь помог Нушичу выявить собственную индивидуальность и лучше решить свои, особые, подсказанные новой действительностью задачи».⁶⁴ Однако нельзя согласиться с одним положением статьи, касающимся творчества Нушича и Гоголя. Указав на то, что сюжет «Ревизора» и «Подозрительной личности» строится на подмене одного лица другим, что в одном случае чиновники принимают «фитюльку» Хлестакова за значительное лицо, а в другом — аптекаря Джоку, робкого и влюбленного молодого человека, за революционера и террориста, и отметив, что в том и в другом случае ошибка эта психологически убедительно мотивирована, Ю. Брагин приходит к утверждению, что именно в этом и заключается сатирический пафос комедии. «Внешнее неправдоподобие, нелепость, неестественность этой ошибки, — пишет он, — источник сатирического пафоса комедии „Подозрительная личность“». ⁶⁵ Совершенно очевидно, что не всякая «внешне не-

пути представляется мало убедительной. В своей статье «Гоголь и Нушич» Л. Захаров говорит: «Из внимательного сопоставления текстов „Ревизора“ и „Подозрительной личности“ видно, что Нушич создавал свою комедию независимо от чтения „Ревизора“, который вдохновил Нушича в начале его творческого пути» (стр. 171). Затем, указав, что соприкосновение «Подозрительной личности» с «Ревизором» можно наблюдать лишь в сюжетном мотиве писем и что подобные ситуации нередки в драматургии, он приходит к выводу, что «во всем остальном, т. е. наиболее существенном „Подозрительная личность“ не „гоголиада“». Типы Нушича, начиная от уездного начальника и до практиканта Тасы, взяты из среды, которую Нушич непосредственно наблюдал, из атмосферы уездного начальства, которую Нушич изобразил в целом ряде других своих небольших произведений — в одноактных пьесах «Муха», «Алфавит», рассказах «Тринадцатый» и т. д. Если же учесть, что Л. Захаров далее подробно говорит об огромной разнице между бюрократией российской и сербской, явившейся продуктом распада турецкой военно-феодальной системы и начальной стадии самостоятельного существования сербского государства, что сербская бюрократия была слаба и не столь крепко организована, как русская, еще не успела создать такой иерархии и т. д., то невольно приходишь к мысли, что Нушич механически перенес ряд черт, свойственных героям Гоголя, в свои произведения 80-х годов. Но это не так, и Л. Захаров стремится доказать другое. Совершенно очевидно, что сходство надо искать не в разнице социально-экономического уклада, не в отличии русской и сербской бюрократии, а именно в родственном и близком характере тех явлений, которые изображают Гоголь и Нушич.

⁶⁴ Ю. А. Брагин. Гоголь в Сербии, стр. 120.

⁶⁵ Там же.

правдоподобная, нелепая, неестественная ошибка» может послужить источником сатиры вообще. Подмена одного лица другим — прием не новый в драматургии, и им пользовались не только Гоголь и Нушич. Но каждый писатель по своему использует прием в соответствии со своей художественной задачей. Во всяком случае подобная ситуация позволила Гоголю и Нушичу полнее раскрыть человеческие характеры с той стороны, которая в обычных условиях скрыта под маской благопристойности. Сатирический пафос комедий Нушича — в обличении общественного зла, в решительной критике системы монархического правления, порождающей это зло.

Творческая учеба Нушича шла по линии усвоения им реалистических принципов в изображении явлений окружающей его жизни, по линии усвоения демократического мировоззрения, чему в немалой степени способствовала русская литература, воздействовавшая на писателя как через революционно-демократическую школу Св. Марковича, так и непосредственно через знакомство с произведениями русских писателей.

Творчески усвоив гоголевские принципы типизации явлений жизни и человеческих характеров, Нушич создал сербского «Ревизора», «гоголиаду» как по широте охвата общественной жизни, так и по глубине изображения социальных пороков. Именно глубоко национальным характером произведения, его верностью правде жизни и можно объяснить факт запрещения комедии. В самом деле, «Ревизор» неоднократно ставился на сценах сербских театров, произведения Гоголя свободно издавались. Безусловно, «Ревизор» возбуждал определенный интерес у сербских зрителей к проблемам социальным, вызывал соответствующие ассоциации, но это было произведение иностранного автора. Иное дело «Подозрительная личность». Эта комедия не нуждалась в толковании и сразу же могла быть воспринята как произведение, подрывающее устои сербского общества, как произведение, направленное против династии и опоры ее полицейско-бюрократического аппарата.

Несчастливая судьба двух комедий, затем арест и заключение в тюрьму (1887) отрицательно сказались на дальнейшем творчестве Нушича. В тюрьме он написал два произведения: «Заметки» («Листићи») и комедию «Протекция» («Протекција»)⁶⁶ И в том, и в другом произведении Нушич ставит также большие общественные проблемы, но наряду с обличительной тенденцией в них обозначились и настроения разочарования, пессимизма, неверия в успех общественной борьбы.

⁶⁶ Бр. Нушич. Листићи. Београд, 1891; сокращенный перевод произведения см.: Бр. Нушич, Избранное, М., 1958 («Из заметок»).

Продолжая линию «Народного депутата» и «Подозрительной личности», Нушич со всей страстностью сатирика обрушивается в «Заметках» на политический режим королевской Сербии. Обращаясь к будущим поколениям, писатель говорит: «Я расскажу им, как у нас за распространение ложных слухов наказывали месячным заключением в тюрьму, а за правду, высказанную в невинном стихотворении, двумя годами; расскажу им, что у нас были писатели, умиравшие с голоду, и воры, в честь которых устраивались факельные шествия; расскажу им, что у нас были смертные, слишком смертные ученые и бессмертные, слишком бессмертные полицейские; расскажу, как офицеры у нас писали любовные стихи, таможенники — исторические исследования, а психологи командовали батальонами.⁶⁷

В каждой строчке «Заметок» слышен гневный протест против социального строя, обрекающего на гибель все молодое и талантливое, горечь и боль обиды за искаленную жизнь несправедливо осужденного юноши. Однако острота и сила социального протеста в этом произведении снижаются мотивами отчаяния. Нушич не видит путей борьбы с общественным злом и приходит к выводу о необходимости смеяться надо всем. «Из нашего пепла, — писал Нушич, — родятся другие люди, с другими запросами и другими мыслями. Мы их чувствуем уже в себе, но мы еще далеко не то, чем будут они. Мы дети своего времени — метисы, гибриды, а породим Гамлетов!».⁶⁸

Смеяться над самим собой, смеяться надо всем, что тебя окружает, над тем, что будет после тебя — таков неутешительный итог, к которому пришел в конце 80-х годов Нушич, с первых же шагов своей литературной деятельности натолкнувшийся на кажущуюся непреодолимой стеной цензурно-полицейских рогаток. «До нас, — продолжает Нушич, — было поколение решительное в идеях, упорное в труде; за ним приходит поколение, которое будет сомневаться. Не находите ли вы, что мы поколение, которое должно смеяться?».⁶⁹

Неверие в силы молодого поколения, в силы прогресса было следствием идейной неустойчивости Нушича, и это отразилось на его дальнейшем творчестве. Во многих произведениях последующих лет писатель уходит от постановки больших социальных проблем и часто пишет комедии, юмористические рассказы и фельетоны с единственной целью позабавить сербского обывателя. Легкий успех иногда окрылял и увлекал Нушича, поэтому на опреде-

⁶⁷ Бр. Нушич. Листићи, стр. 62.

⁶⁸ Там же, стр. 5.

⁶⁹ Там же, стр. 5—6.

ленных этапах и в определенных условиях критики были правы, указывая на крупные ошибки писателя.⁷⁰

«Заметки» Бр. Нушича интересны для нас в данном случае еще и тем, что в качестве эпиграфа к произведению писатель использовал стихотворение М. Ю. Лермонтова «Дума». Нушич хорошо знал и любил поэзию Лермонтова и своим знакомством с творчеством великого русского писателя он, по-видимому, был обязан Войславу Иличу, своему самому близкому другу. Первой главе «Заметок» Нушич предпослал четыре начальные строки «Думы», приведенные по-русски:

Печально я гляжу на наше поколенье,
Его грядущее иль пусто, иль темно.
Меж тем под бременем познания и сомненья
В бездействии состарится оно.

Одной из глав того же произведения предпосланы восемь последних строк лермонтовской «Думы».

Очевидно, в период работы над «Заметками» в Пожаревацкой тюрьме настроению Нушича импонировали мотивы грусти и скептицизма, часто звучавшие в творчестве великого русского поэта, поэтому Нушич и выбрал соответствующие строки лермонтовского произведения.

Настроения Нушича отрицательно сказались на его третьей комедии «Протекция», героями которой являются также чиновники, причем не только провинциальные, но и столичные. Хотя Нушич и поставил эту комедию в ряд произведений 80-х годов, написанных под влиянием Гоголя, однако в ней нет главного — обличительной силы гоголевского реализма.

Провинциальный чиновник, председатель суда Ачим Кукич, много лет прослужив в должности, убедился, что без связей и солидной поддержки он не в состоянии продвинуться по служеб-

⁷⁰ Нушич сам понимал свои слабости и в письме к дочери Гите Нушич 1 марта 1924 г., сетуя на резкость Й. Скерлича в оценке его творчества, говорил: «Тяжелее другое обвинение, что в моих произведениях есть иногда порнография... Бедняга Скерлич, он унес эту ложь на своей душе в могилу. Если бы он дождал до второго издания своей истории, я уверен, что он сам внес бы исправления в эту точку зрения... В начале девяностых годов я писал фельетоны в „Политике“ (Бен Акиба), живя исключительно за счет этого. За два года я написал более четырехсот фельетонов, и надо понимать, что здесь могло быть много всякой всячины, как и в каждой поденной работе. Но на эти фельетоны я никогда не смотрел как на литературу. Когда же я, тем не менее, захотел опубликовать книгу, то из четырехсот выбрал только двадцать и подписал своим именем» (С. Пауновић. Писци изблиза, стр. 144—145). Эта способность писателя критически отнестись к написанному самим, а также здоровое демократическое начало в его мировоззрении, всегда помогали Нушичу преодолевать творческие затруднения и оставаться на высоте требований жизни.

ной лестнице ни на одну ступень. Запасшись рекомендательными письмами, он едет в Белград к министру, надеясь таким образом обеспечить себе житейский успех. В Белграде он с ужасом узнает, что его сын редактирует оппозиционную газету и в своих статьях бранит министра, к которому Ачим должен идти на прием. Сын же не только выступает против министра, но и ухаживает за его дочерью. Все кончается благополучно. Юный оппозиционер женится на дочери министра, а министр, как человек опытный и мудрый, охотно прощает ему заблуждения молодости, поставив только одно условие, чтобы зять подписывал газету другим именем.

Воздействие Гоголя здесь проявилось лишь в выборе темы. Как и в предыдущих комедиях, Нушич поднимает здесь большой общественный вопрос — борьба против протекционизма. Эта комедия отличается тем, что действие ее происходит не в провинциальном городе, а в столице и одним из ее героев является министр, которому не чужды слабости его провинциальных коллег. Однако в этой комедии Нушич не углубил тему, наоборот сатирическая линия комедии ослаблена тем, что высшие чиновники в лице министра представлены как мудрые деятели, способные понять заблуждения молодого оппозиционера. Давний исследователь творчества Нушича В. Глигорич в предисловии к десяти tomному изданию сочинений писателя справедливо говорит о комедии «Протекция»: «Сатира осталась в изображении протекции как средства обеспечения успеха в обществе, управляемом бюрократией, но Нушич в данном случае пошел на большой компромисс в отношении власти имущих, изобразив их как людей широкого взгляда, терпимых и джентльменов».⁷¹

«Народный депутат», «Подозрительная личность» и «Протекция» составляют своеобразную трилогию, в которой выведена вереница образов, олицетворяющих наиболее уродливые и мрачные стороны сербской действительности 80-х годов. В этих произведениях Нушич предстает как вполне сложившийся художник-реалист гоголевского направления, прекрасно владеющий законами сцены.

К проблематике своих первых сатирических произведений, к обличению бюрократии Нушич будет возвращаться и позднее в своих одноактных комедиях «Муха» («Мува»), «Аналфабета», в рассказах «Максим», «Тринадцатый» и др.

На протяжении всей жизни Нушич не переставал интересоваться русской литературой и всячески популяризировать ее. Так, в 1900 г., будучи директором Народного театра в Белграде, Нушич в отличие от своих предшественников, насаждавших западноевропейский репертуар, стремился расширить его за счет драма-

⁷¹ V. Gligorić. Branislav Nušić. В кн.: Dela Branislava Nušića. Т. I. Београд, 1957, стр. III.

тургии славянских народов, в том числе и русской. «Руководство Нушича в своей деятельности проявило славянофильские тенденции. Он использовал связи Янко Веселиновича с русскими и пригласил русского актера и драматурга князя Южина-Сумбатова». ⁷² В 1904 г., являясь директором театра в городе Нови Сад, Нушич включил в репертуар «Ревизора».

Бр. Нушич хорошо знал и любил произведения А. П. Чехова, с которым его роднит и характер юмористического дарования. Нушича всегда волновала судьба маленького человека, задавленного обстоятельствами жизни, неспособного к какому-либо протесту, изуродованного морально и физически. Не случайно некоторые исследователи видят нечто общее в юмористических рассказах Нушича и Чехова. ⁷³ Действительно, если сравнить рассказ А. П. Чехова «Унтер Пришибеев» и Бр. Нушича «Покойный Серафим Попович», то можно увидеть много общего в обрисовке героя, в их отношении к действительности, порождающей людей, подобных унтеру Пришибееву и Серафиму Поповичу, который, выйдя на пенсию, заводит у себя в доме канцелярию и организует домашний быт на бюрократический лад с входящими и исходящими бумагами, книгами и т. д. Долгая служба вытравила из Серафима Поповича все человеческие радости, и он уже не способен представить себе жизнь вне рамок канцелярии и бюрократического распорядка. В обоих случаях перед читателем представляется леденящая душу картина распада, деградации человеческой личности, превращения человека в мертвый параграф.

Большое значение для Нушича имело его знакомство с творчеством Максима Горького, произведения которого стали появляться в сербских газетах и журналах в самом начале XX в. Так, в 1900 г. в «Звезде» был напечатан рассказ М. Горького «На сплаве», а в журнале «Бранково коло» в том же году появился перевод «Песни о соколе». Сербская публика проявила исключительно большой интерес к литературной и общественной деятельности великого пролетарского писателя, и его произведения в большом количестве печатались в периодических изданиях и отдельными сборниками. ⁷⁴ Переводы произведений М. Горького

⁷² Там же, стр. V.

⁷³ Советский славист Н. И. Кравцов в статье «Русско-югославские литературные связи» (Общественно-политические и культурные связи народов СССР в Югославии, М., 1957, стр. 279) говорит о воздействии А. П. Чехова на творчество Бр. Нушича и для примера приводит два рассказа сербского автора «Надгробное слово» и «Министерский поросенок».

⁷⁴ По вопросу о распространении произведений М. Горького в Сербии см.: П. Дмитриев и Г. Сафронов. А. М. Горький в Югославии. С сб.: Славянские литературы, ЛГУ, Л., 1958.

выполняли крупные сербские писатели, среди которых фигурирует и имя Бр. Нушича.⁷⁵

Сербская общественность внимательно следила за появлением каждого нового произведения М. Горького. А когда в 1905 г. по приказу царского правительства М. Горький был арестован и заточен в Петропавловской крепости, писатели Сербии присоединили свой голос к гневному протесту мировой общественности против этого акта произвола. В письме-протесте в адрес царского правительства говорилось следующее: «Подписавшиеся сербские писатели без различия политических убеждений выражают свое желание, чтобы русское правительство как можно скорее освободило Максима Горького. Знаменитый писатель делает честь всему славянскому племени, и его великий литературный талант, симпатии всего просвещенного человечества, репутация самой России требуют того, чтобы и Максима Горького не постигла трагическая участь многих русских писателей».⁷⁶ Б. Ковачевич сообщает в своей статье «Максим Горький в сербской литературе», что письмо было подписано почти всеми сербскими писателями, находившимися в то время в Белграде, а его первый вариант был написан Симой Матавулей и Богданом Поповичем. «...эту петицию, после того как по телеграфу ее текст был передан русскому правительству, отнесли в русское посольство Бранислав Нушич и Драгутин Илич, которые в то время не состояли на государственной службе и были независимы от правительства. Наверное поэтому они взялись это сделать».⁷⁷

До самой смерти М. Горького Нушич оставался одним из страстных почитателей его таланта, а на смерть великого пролетарского писателя откликнулся яркой речью, которую должен был произнести на траурном заседании в Белграде. Поскольку же заседание это было запрещено полицией, то речь Нушича была напечатана в журнале «*Naša stvarnost*». В этой речи Нушич относит себя к горьковскому поколению писателей. «Мне, — говорил он, — представителю горьковского поколения, по старшинству оказана честь открыть это траурное заседание, что я и делаю с возгласом: слава Максиму Горькому!». Нушич называет Горького великим человеком, одной из самых выдающихся фигур современности. «Горький, — говорит он, — человек со дна, он поднялся из глубин человеческих бед, из глубин человеческой души. Он вынес оттуда не свою боль, а боль своего времени, боль всего человечества, и от той боли созрела в его душе великая любовь к человеку и человечеству. В этом и есть его мощь и преимущество перед теми,

⁷⁵ «Наша књижевност», св. 6—7, Београд, 1946, стр. 388.

⁷⁶ Там же, стр. 395—396.

⁷⁷ Там же, стр. 396.

которые навязывают миру чувства, почерпнутые в себе, в то время как Горький чувства всех людей, собрав в себе, высказал как крик боли всего человечества».⁷⁸

В словах Нушича заключена не только высокая оценка творчества Горького, но и реалистическое кредо самого писателя, создававшего свои произведения на основе глубокого знания жизни и всегда стремившегося к активному вмешательству в жизнь своим творчеством.

Увлечение Горьким оставило свой след в творчестве Бр. Нушича. По свидетельству современников и критиков, драма Нушича «За спиной у бога» («Иза божјих леђа», 1909) была написана под воздействием Горького как отклик на его пьесу «На дне». К сожалению, это произведение до сих пор не опубликовано и даже не сохранилось авторской рукописи.⁷⁹ Однако на основании рецензий современников, уже тогда указавших на связь этой драмы с горьковским направлением, и содержания драмы можно видеть, что Нушич стремился изобразить жизнь людей, оказавшихся на низшей ступени социальной лестницы, на «дне» жизни, показать причины нравственного падения человека в условиях буржуазного общества. Нушичу удалось показать, что жизнь устроена несправедливо, что раз оступившийся человек в силу непреложных законов капиталистического общества не может никогда подняться и неизбежно опускается все ниже и ниже. Однако и здесь на этой человеческой свалке есть сильные характеры, красивые и смелые люди, готовые жертвовать собой.

Пьеса была замечена современниками. Так, рецензент спектакля в журнале «Српски књижевни гласник» отмечает, что «своей

⁷⁸ В. Нушић. Maksim Gorki. «Naša stvarnost», Beograd, 1936, br. I—II, стр. 17.

⁷⁹ В. Глигорич, разыскавший в архиве Народного театра экземпляры ролей, на их основании реконструировал содержание драмы «За спиной у бога». Действие ее происходит на одной из белградских окраин. Власти, говоря о жителях этой окраины, называли их людьми, живущими «за спиной у бога», т. е. забытыми богом. У людей, населявших полуразвалившиеся хибарки или коммерческие дома, были свои законы, называвшиеся в уголовной хронике «законами ножа и крови». Фабула пьесы такова: подмастерья мясник Сима живет с замужней женщиной Юлой, бежавшей от своего мужа сапожника Иова. Иова с горя начинает пить. В отношения Сима и Юлы вмешиваются соседи, которые советуют ему жениться на девице из богатой семьи с тем, чтобы на полученное приданое открыть свою мясную лавку. Сима прогоняет Юлу, и она, оскорбленная и озлобленная, возвращается к мужу. Сима женился, но обещанного приданого не получил. Это вызывает у него злобу против жены: они часто ссорятся, Сима бьет жену. Иова, все пропивший, не в состоянии содержать себя и жену на честно заработанные деньги и начинает воровать. Оскорбленная ревнивая Юла подговаривает мужа убить Симу, и они вместе идут в дом последнего. У Сима с женой в это время происходит очередной скандал. Видя это, Юла мгновенно меняет план. Но разъяренный Иова с ножом бросается на своего обидчика. Юла встает между ними и принимает на себя удар ножа, который приходится ей прямо в сердце.

близостью к истинной жизни пьеса „За спиной у бога“ оригинальнее и значительнее многих абстрактных драм Нушича, даже тех, которые отличаются цельностью, оригинальностью и совершенством формы и считаются уже общепризнанными.⁸⁰ Здесь же автор указывает и на связь драмы с горьковским направлением.

Б. Ковачевич высоко оценивает драму, отмечая такие ее достоинства, как индивидуализированный язык героев, занимательность фабулы. Однако критики отмечают, что социальная острота в пьесе несколько снижена водевильным и мелодраматическим элементом.

Не случайно Нушич назвал себя представителем горьковского поколения, ибо с Горьким его роднит высокий пафос обличения капиталистического мира во имя завоевания свободы для истинных создателей материальных и культурных ценностей. В последние годы своей жизни Нушич написал целый ряд замечательных произведений: «Госпожа министерша» (1931), «Мистер Доллар» (1932), «Опечаленная родня» (1934), «Д-р» (1936), «Покойник» (1937) и др. Каждое из этих произведений было новой вершиной в его творчестве; его сатира становилась беспощаднее, писатель с гневом обрушивает разящую сатиру на капиталистический мир, мир гнета и насилия, мир, в котором единственным мерилом человеческих ценностей является «золотой тельцу» («Мистер Доллар»), где во имя золотого идола растоптаны элементарные нормы человеческой морали («Покойник»).

В последние годы жизни Нушич обращает свой взор к трудящимся массам, в которых он видит единственных созидателей материальных и духовных ценностей, носителей гуманистического начала и олицетворяет свою мысль в обращении к фабричному гудку в комедии «Мистер Доллар»: «Фабричный гудок — это тот же колокол, который зовет к заутрене. Верующие, молитесь! Но молитесь не золотому тельцу, а благородному хозяину мира — почтенному труду. Взгляните, при первых лучах восходящего солнца расползается туман и исчезает мрак. Там, вдали, идут люди, много людей — мужчины, женщины, дети — они идут навстречу заре. Они тоже верующие. Мозоли на их руках заменяют им хоругви, им не нужны золотые паникадила. Они верят в труд. И только они, люди, верящие в труд, смогут разрушить безбожное царство мистера Доллара!».⁸¹

На протяжении всего творческого пути Нушич не переставал интересоваться русской литературой, которая была для него образцом, примером служения высокому идеалу добра, интересам широ-

⁸⁰ «Иза божјих леђа» комад у четири чина од Бранислава з. Нушића. «Српски књижевни гласник», бр. 209, Београд, 1909.

⁸¹ Бр. Нушич. Комедии, стр. 435—436.

ких народных масс. Русская литература способствовала расширению и углублению представлений писателя об окружающем мире; у русских писателей Нушич учился художественному мастерству и часто в качестве образца использовал то или иное произведение.

В записной книжке Нушича есть рассуждение писателя по поводу драмы «Покойник», которую критики сравнивали с «Живым трупом» Л. Толстого: «Основа, на которой строится эта пьеса могла бы в известной мере напоминать „Живой труп“ Толстого, но, тем не менее, разница велика как раз в самой основе».⁸² В самом деле, разве можно говорить о толстовском в «Покойнике» на том основании, что в драме Нушича герой, по мнению общества погибший, оказывается живым. Но зато можно сказать о толстовском размахе, о широте и смелости, с которой Нушич срывает все и всяческие маски, подвергает критике устои буржуазного общества. Основа драмы Нушича безусловно иная, ибо иной была жизнь в условиях монархо-фашистской Югославии, иные и задачи стояли перед литературой.

Даже в тех случаях, когда Нушич заимствовал отдельные элементы из произведений русских писателей, он подчинял их творческому замыслу своего произведения, давал новое содержание, углублял. Подобно тому как отдельные детали старого строения не могут определить архитектуру нового здания, так и отдельные заимствованные им элементы не умаляют самостоятельности и оригинальной свежести его произведений.

Нушич любил русскую литературу, мечтал о постановке своих произведений на русской сцене, однако настоящая популярность Нушича у нас пришла уже после его смерти и это имеет свои исторически обусловленные причины. «Если бы мой отец, — говорит дочь писателя Гита Нушич, — знал, какую популярность приобрело его имя в России, он был бы счастлив так, как никогда за свою долгую и богатую триумфами жизнь. Русская литература и русский театр всегда были для Бранислава Нушича воплощением самых чистых эстетических идеалов. Недаром он сам всегда считал себя учеником великого автора „Ревизора“ и даже называл свои смешные и злые комедии „гоголиадой“».⁸³

В самом начале XX в. произведения Нушича стали появляться в России. В 1903 г. в Петербурге появился первый сборник его рассказов. В этот сборник было включено шесть произведений: «Наши архивы», «Рассказ, составленный ножницами», «Кикандонские дела», «Тринадцатый», «„Честный“ вор» и «Надгробная

⁸² С. Пауновић. Писци изблиза, стр. 165.

⁸³ Е. Сурков. Б. Нушич и А. И. Южин-Сумбатов. «Огонек», 1956, № 34.

речь». Все эти рассказы, за исключением «„Честного“ вора», были взяты переводчиком из сборника «Десет прича», вышедшего в Белграде в 1901 г.

Более широкому распространению произведений Нушича мешала цензура не только в королевской Сербии, но и в царской России. Комедии «Народный депутат» и «Подозрительная личность» не могли привлечь внимания русского переводчика, так как на протяжении многих десятилетий единственными читателями их были полицейские чиновники. А некоторые рассказы не увидели света в России, так как были запрещены царской цензурой. В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде хранится цензурное запрещение на рассказ Нушича «Divina Comedia». ⁸⁴ Это один из рассказов сборника «Десет прича». Характеризуя книгу, цензор писал: «В книге 10 рассказов, из которых первые 9, изображающие картины из сельского быта в Сербии, дозволенного содержания. Последний же рассказ, озаглавленный „Divina Comedia“ (стр. кн. 212—240), описывает загробную жизнь в комической окраске, а потому считаю своим долгом для надлежащей характеристики его направления представить главнейшие места».

На полях первой страницы рукописи резолюция: «Запретить на основании IV ст.». Четвертая статья закона о цензуре в России запрещала издание произведений, в которых подвергались сомнению или осмеянию догматы православной веры. Таким образом, рассказ «Divina Comedia» был запрещен как произведение антицерковное и антирелигиозное.

Но, «представляя главнейшие места» рассказа «для надлежащей характеристики его направления», цензор сосредоточивает основное внимание, по существу, на социальных моментах, на тех страницах, где в резко сатирических тонах изображалась жизнь королевской Сербии. «Герой рассказа, — писал цензор, — начинает свое повествование с момента своей смерти, а между прочим говорит о прибытии начальника по службе, который обращается к его жене, как бы глубоко сожалея о смерти ее мужа, предупреждая при этом, что ей нельзя будет получить у него причитающихся ей „посмертных денег“, так как его канцелярия перепутала бумаги, и муж ее считается уже умершим по книгам три года тому назад и в делах значит, что она уже получила „посмертные деньги“».

Цензор увидел, что в рассказе изображается не жизнь святых, а жизнь земная в ее причудливо уродливых очертаниях. «Затем в рассказе, — сообщает цензор, — упускается из виду, что это путешествие в мир духов, а сам рассказчик и все виденные им святые и мученики выставлены как бы земными обитателями». Ну-

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 779, оп. 4, № 291, стр. 118.

шич в этом рассказе смешивает два плана — реальный и фантастический и, наделив своих мучеников обыкновенными человеческими чертами, дает яркую сатирическую картину чиновничьего произвола. По-видимому, истинной причиной запрещения рассказа была его социальная направленность, и четвертая статья закона о цензуре была применена по чисто формальному признаку. Таким образом, был запрещен рассказ «Divina Comedia», а вместе с ним в указанном выше сборнике не оказалось и еще четырех рассказов, довольно острых в социальном отношении: «Комитет по переносу праха», «Мой умный ребенок», «Однажды в светлую ночь» и «Максим». Сейчас трудно с уверенностью сказать, какими соображениями руководствовался переводчик, исключая из сборника названные рассказы, но можно предположить, что он опасался цензурных препятствий.

Однако, несмотря на известное противодействие цензуры, в последующие годы в русских журналах продолжали появляться рассказы Нушича. Так, в журнале «Славянский мир» в 1908 г. был напечатан рассказ «Тринадцатый»,⁸⁵ а в 1909 г. рассказ «Максим».⁸⁶

В 1912 г. вышел в свет перевод драматической сцены «Хаджи Лойя»,⁸⁷ написанной Нушичем в 1908 г. в связи с аннексией Боснии и Герцоговины Австрией. В период большого общественного подъема и возбуждения, вызванного действиями Австрии, это произведение возбуждало у сербской публики необыкновенный патриотический энтузиазм, и спектакли проходили с грандиозным успехом.

Появление в России перевода «Хаджи Лойи» явилось откликом на Вторую Балканскую войну. Эта драма звучала политически актуально, как призыв к балканским славянам о прекращении братоубийственной войны перед лицом угрозы быть вновь поработенными более сильным в военном отношении государством.

⁸⁵ «Славянский мир», СПб., 1908, № 1.

⁸⁶ Там же, 1909, № 2.

⁸⁷ Хаджи Лойя, отрывок из трагедий Бр. Нушича, пер. В. Кораблев. СПб., 1912. — В связи с этим произведением в газете «Московские ведомости» (1912, № 297, стр. 3) появилась рецензия. Поскольку это был единственный до Октябрьской социалистической революции отклик на произведение Нушича, и он мало кому известен, то приводим его здесь полностью. В рецензии говорится: «Действие этой комедии происходит в 1879 году в мечети Газа-Сухрев-бега, в Сараеве, в день занятия города австрийскими войсками. Перед читателями разворачивается трагедия, разыгравшаяся в Боснии и Герцоговине из-за вражды трех религий в одном народе. Сербь-магометане враждовали с сербами-католиками и православными, забыв, что они — один народ, братья одной крови. Вражда эта повлекла за собой вторжение Австрии в дела сербов. Критическое положение, ужас порабощения заставил сербов вспомнить, что они — все же один народ, что они — сербы. И вот представители трех религий собираются под сводами мечети и, как братья, все вместе умирают, защищая свою независимость».

Последней публикацией произведений Нушича в России перед первой мировой войной были два рассказа «Честь» и «Дорогой ценной», изданные в переводе Р. Маркович в 1913 г.

Первая мировая война, враждебное отношение реакционного монархо-фашистского правительства Югославии к Советской России задержали на долгие годы нормальные культурные связи между нашими народами. И хотя Нушич написал много новых произведений, однако ни в 20-е, ни в 30-е годы ни одно из них не вышло в Советском Союзе.

В 1924 г. отмечался шестидесятилетний юбилей драматурга Нушича. Выдающегося комедиографа поздравил советский актер, режиссер и драматург Южин-Сумбатов. «Шлю самые сердечные поздравления дорогому юбиляру, с горячей любовью вспомяну ваше незабываемое гостеприимство 1902 года, желаю славному писателю долгих лет здоровья, бодрых сил, полного счастья».⁸⁸ Это было для Нушича большой радостью. Он любил русскую литературу, мечтал о постановке своих комедий на русской сцене.

После Великой Отечественной войны в Советском Союзе появились переводы десятков комедий, рассказов и фельетонов Бранислава Нушича, тираж отдельных изданий его произведений только на русском языке приближается к миллиону, не считая публикаций в журналах. Комедии Бр. Нушича «Госпожа министерша», «Д-р», «Покойник» обошли сцены почти всех театров нашей страны.

Необыкновенная популярность произведений Бр. Нушича в Советском Союзе объясняется не просто интересом советских читателей и зрителей к культуре братского народа, к произведениям писателя, имеющим историко-культурное значение. Его сатира, направленная против бюрократов, против всяческих уродств жизни, помогает нам лучше узнать пороки капиталистического общества, помогает нашей борьбе с пережитками, доставшимися в наследство от прошлого. Комедии Нушича, его юмористические рассказы и фельетоны, в которых нашли свое отражение большие общественные вопросы, до сих пор актуальны и волнуют читателей и зрителей.

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БР. НУШИЧА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

1. Сербские рассказы. Из провинциальной жизни. СПб., 1903, 60 стр.

Наши архивы. — Рассказ, составленный ножницами. — Кикандонские дела. — Тринадцатый. — «Честный» вор. — Надгробная речь.

⁸⁸ Е. Сурков. Б. Нушич и А. И. Южин-Сумбатов, стр. 6.

2. Тринадцатый. Пер. В. Н. Кораблева. «Славянский мир», 1908, № 1, стр. 14—21.
3. Максим. Пер. В. Н. Кораблева. «Славянский мир», 1909, № 1, стр. 3—6.
4. Хаджи Лойя. Отрывок из трагедии. Пер. В. Н. Кораблева. «Баян», 1912, № 6, стр. 348—360.
5. Честь. Дорогой ценой. Пер. Р. Маркович. «За 7 дней», 1913, прилож. 104.
6. Госпожа министерша. Комедия в 4-х действиях. Литературная обработка Евг. Бермонт. М., изд. ВУОАП, 1946. (Отпечатано на стеклографе).
7. То же, 1951.
8. Начальная школа. (Отрывок из «Автобиографии»). Пер. Т. Вирта. «Юность», 1955, № 4 стр. 38—40.
9. Курортные брюки. Пер. Д. Жукова и Г. Юнакова. «Огонек», 1955, № 31, июль, стр. 31.
10. Госпожа министерша. Комедия в трех действиях. Перевод и литературная обработка Евг. Бермонт. Редакция Н. Суркова. М., изд. ВУОАП, 1956. (Отпечатано на стеклографе).
11. Доктор. Комедия в 3 действиях. Пер. А. И. Хватова. М., изд. ВУОАП, 1955.
12. Комедии. «Искусство», М., 1956.
Народный депутат. Пер. В. Токарева. — Подозрительная личность. Пер. В. Зеленина. — Обыкновенный человек. Пер. Д. Жукова. — Госпожа министерша. Пер. Е. Берковой. — Мистер Доллар. Пер. В. Токарева. — Доктор. Пер. А. Хватова. — Покойник. Пер. Н. Суркова.
13. Десять заповедей Бранислава Нушича. «Театр», 1956, № 8, стр. 150—151.
Публикация фрагментов из записной книжки Бранислава Нушича, в которых отражены взгляды писателя на театр и драматургию. Перевод выполнен по тексту публикации в газете «Борба».
14. Скорбящая семья. Комедия в трех действиях. Пер. Н. Л. Кондрашиной. М., изд. ВУОАП, 1956. (Отпечатано на стеклографе).
15. Самый обыкновенный человек. Комедия в трех действиях. Пер. Д. Жукова. М., изд. ВУОАП, 1956. (Отпечатано на стеклографе).
16. Доктор (Доктор философии). Комедия. Пер. Н. Л. Кондрашиной. М., изд. ВУОАП, 1956. (Отпечатано на стеклографе).
17. Мистер Доллар. Сатирическая комедия в 4 действиях. Пер. и обработка Владимира Нейштадта. М., изд. ВУОАП, 1956. (Отпечатано на стеклографе).
18. Народный депутат. Комедия в трех действиях. Пер. Н. Л. Кондрашиной. М., изд. ВУОАП, 1957. (Отпечатано на стеклографе).
19. Господин покойник. Пьеса в 3-х действиях. Пер. Н. М. Суркова. М., изд. ВУОАП, 1957. (Отпечатано на стеклографе).
20. Надгробная речь. Рассказ. Пер. А. Грецкий. «Советская отчизна». Сентябрь—октябрь, 1957, № 5, стр. 125—130.

21. Юмористические рассказы. Гослитиздат, М., 1957, 81 стр.
Жертва науки; Политический противник; Комитет по встрече; Министерский поросенок. Пер. Д. Жукова. Надгробная речь; Наши архивы; Мой способный ребенок; Лунная ночь; Ложь. Пер. В. Токарева.
22. Одноактные комедии и сценки. «Искусство», М., 1959.
Квартирная плата; Все то же...; У адвоката. Пер. Д. Жукова. Насморк; Наши дети. Пер. В. Зеленина.
23. Автобиография. Пер. В. Токарева. Гослитиздат, М., 1959, 207 стр.
24. Избранное. Гослитиздат, М., 1956.
Из «Записок»;¹ Дела кикандонские; Надгробная речь; Наши архивы; Бешеный Теофило; Мой способный ребенок; Лунная ночь; Автобиография; Пальто народного депутата; Мои товарищи министры; Народный депутат. Пер. В. Токарева. Максим; Жертва науки; Незванный опекун; Тринадцатый; Политический противник; Как меня выбирали в депутаты; Комитет по встрече; Министерский поросенок; Жандармский съезд. Пер. Д. Жукова. Сербский литератор; Белградская арифметика; Кризис; Полицейские псы; Политические свадьбы. Пер. Н. Кондрашиной.
25. Избранное. Перевод с сербохорватского. М., Гослитиздат, 1958.
Содержание книги то же, что и в № 24.
26. Опечаленная родня.² Комедия в трех действиях. Пер. В. К. Зайцева и Н. А. Цветинович. «Искусство», М., 1958, 95 стр.
27. Комитет по встрече. Пер. Д. Жукова. Повести и рассказы югославских писателей. М., 1959, стр. 227—231.
28. Лунная ночь. Пер. В. Токарева. Повести и рассказы югославских писателей. М., 1959, стр. 231—239.
29. Автобиография. Пер. З. Токарева. Куйбышев, 1961, 199 стр.

ЛИТЕРАТУРА О НУШИЧЕ

1. Е. М. Хаджи Лойя. Отрывок из трагедии Бр. Нушича. «Московские ведомости», 1912, № 297, стр. 3.
2. Сурков Е. Б. Нушич и А. И. Южин-Сумбатов. «Огонек», 1956, № 3, стр. 6.
3. Брагин Ю. Бранислав Нушич (1864—1938). Предисловие к кн.: Б. Нушич. Избранное. М., 1956, стр. 5—21.
4. То же к кн.: Б. Нушич. Избранное. М., 1958, стр. 5—21.
5. Брагин Ю. Горький и Нушич. «Славяне», 1958, № 3, стр. 137—146.
6. Завадский Ю. Талантливый драматург. Предисловие к кн.: Б. Нушич. Комедии. М., 1956, стр. 3—7.
7. Солнцева Л. Бранислав Нушич и его комедии. Вступит. статья к кн.: Б. Нушич. Комедии. М., 1956, стр. 7—23.

¹ Сокращенный перевод «Заметок».

² То же что и «Скорбящая семья» (см. № 15). «Опечаленная родня» более правильный перевод названия комедии.

8. Самолвин Д. Выдающийся югославский сатирик. К 20-летию со дня смерти Бранислава Нушича. «Литературная газета», 1958, 25 января, стр. 4.
9. Десятитомное собрание сочинений Бранислава Нушича. «Иностранная литература», № 3, 1958, стр. 286.
10. Брагин Ю. Ранняя драматургия Бранислава Нушича. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», М., 1959, № 3, стр. 130—139.
11. Брагин Ю. Гоголь в Сербии. В сб.: Славянская филология, вып. 3, 1960, стр. 96—123.
В статье дан разбор комедии Нушича «Подозрительная личность».
12. Кравцов Н. И. Русско-югославские литературные связи. В сб.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР в Югославии. М., 1957, стр. 279.
О влиянии А. П. Чехова на Бр. Нушича.
13. Богданов М. Б. Сербская сатирическая проза конца XIX—начала XX века. М., 1962, стр. 121—135.

РЕЦЕНЗИИ НА ПОСТАНОВКИ КОМЕДИЙ БР. НУШИЧА В ТЕАТРАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1. Литовский О. Госпожа министерша. Новая постановка в театре им. Моссовета. «Московский большевик», 24 марта 1945, стр. 3.
2. Госпожа министерша. «Вечерний Ленинград», 24 марта 1946, стр. 3.
Постановка комедии «Госпожа министерша» в Ленинградском Новом театре.
3. Заславский Д. Мещанка во дворянстве. «Труд», 27 марта 1946, стр. 4.
Постановка комедии «Госпожа министерша» в театре им. Моссовета.
4. Абрамов Ал. «Госпожа министерша» Бранислава Нушича. Премьера в театре им. Моссовета. «Вечерняя Москва», 26 марта 1946, стр. 3.
5. Калашников Ю. Новая постановка театра имени Моссовета. «Правда», 3 апреля 1946, стр. 3.
О комедии «Госпожа министерша».
6. Мацкин А. Закон гротеска (Пьеса Нушича «Госпожа министерша» в театре им. Моссовета). «Театр», 1946, № 3—4, стр. 26—33.
7. Осовцев С. «Госпожа министерша» в Новом театре. «Вечерний Ленинград», 6 мая 1946, стр. 3.
8. Рисс Ол. Острый и поучительный спектакль («Госпожа министерша» Б. Нушича в Ленинградском Новом театре). «Советская Эстония», 25 августа 1946, стр. 4.
Театр показывал «Госпожу министершу» в Таллине.
9. «Доктор...», пьеса Б. Нушича. (Ленинградский театр комедии). «Советская культура», 26 ноября, 1955, стр. 3.

10. Студенецкая Е. В театре аншлаг. «Ленинградская правда», 18 декабря 1955, стр. 3.

О постановке комедии «Доктор» в Ленинградском театре комедии.

11. «Доктор...», Новый спектакль в театре комедии. «Ленинградские театры», 1955, № 46, стр. 6—8.

12. Стронская Е. Доктор. «Театр», 1956, № 2, стр. 125—126.

О постановке Ленинградского театра комедии.

13. Хохряков В. Просчет господина Цвийовича. «Огонек», 1956, № 22, стр. 22.

О постановке «Доктора» в Малом театре в Москве.

14. Симов С. Сатира-водевиль. «Доктор» Б. Нушича в Ленинградском театре комедии. «Советская культура», 1 марта 1956, стр. 4.

15. «Советская культура», 17 апреля 1956, стр. 3.

Краткая хроникальная заметка о постановке комедии «Доктор» в Ярославском драматическом театре им. Ф. Волкова.

16. «Господин покойник», пьеса Б. Нушича. «Советская культура», 26 апреля 1956, стр. 3.

Небольшая хроникальная заметка о постановке «Покойника» в Московском драматическом театре с указанием постановочной группы и главных исполнителей.

17. Волгин Б. Пьесы югославского драматурга на советской сцене. «Труд», 11 мая 1956, стр. 3.

О постановках «Доктора», «Госпожи министерши» и «Покойника» в московских театрах.

18. Валин И. На сцене комедии Нушича. Заметки о двух спектаклях. «Советская Латвия», 20 мая 1956, стр. 4.

О постановках «Госпожи министерши» в Академическом театре драмы Латвийской ССР и «Доктора» в Русском драматическом театре Латвийской ССР.

19. «Доктор» Б. Нушича на советской сцене. «Славяне», № 6, 1956, стр. 53.

Сообщается, что только по РСФСР комедия ставится в 28 театрах.

20. Белявский М. Сатира Нушича на экране. «Советская культура», 5 июня 1956, стр. 4.

Об югославском фильме «Подозрительная личность», демонстрировавшемся в СССР.

21. Бертенсон М. Сатирический фарс. «Доктор философии» Б. Нушича в Московском театре им. А. С. Пушкина. «Советская культура», 14 июня 1956, стр. 3.

22. Адов И. Языком комедии. Две пьесы югославского драматурга Б. Нушича в театрах Москвы. «Вечерняя Москва», 15 июня 1956, стр. 3.

О постановке «Д-ра» в драматическом театре им. А. С. Пушкина и «Покойника» в Московском драматическом театре.

23. Левитина В. Сарказм и юмор. Пьесы Б. Нушича на сцене московских театров. «Советская культура», 23 июня 1956, стр. 4.
О постановке «Покойника» в Московском драматическом театре и «Д-ра» в Малом театре.
24. Левитина Л. Пьесы братских народов. «Московская правда», 20 июля 1956, стр. 3.
Среди драматических произведений, шедших на сценах московских театров, автор статьи называет и «Госпожу министершу», «Покойника», «Д-ра».
25. Бертенсон М. «Господин покойник». «Театр», № 8, 1956, стр. 114—115.
Рецензия на постановку Московского драматического театра.
26. Бранислав Нушич и его комедия «Госпожа министерша». «Ленинградские театры», № 39, 1956, стр. 12—13.
27. Кальм Д. Два «доктора философии». «Театр», № 9, 1956, стр. 148—149.
Сравниваются постановки Московского Малого театра и Московского театра драмы им. А. С. Пушкина.
28. Аксаков М. Хорошая новинка сезона. «Советская Киргизия», (Фрунзе), 10 октября 1956, стр. 3.
О постановке комедии «Д-р» в Русском драматическом театре им. Крупской в г. Фрунзе.
29. Никитин Е. Сатира или бытовая комедия? «Доктор философии» Б. Нушича на сцене Вильнюсского русского драматического театра. «Советская Литва», 12 декабря 1956, стр. 3.
30. Шалуташвили Н. В поисках нового. «Заря Востока» (Тбилиси), 15 декабря 1956, стр. 3.
О постановке комедии «Доктор философии» на грузинском языке в театре им. Шота Руставели в Тбилиси.
31. Топорков Л. Два комедийных спектакля. «Правда Востока» (Ташкент), 19 февраля 1957, стр. 4.
О постановках драматического театра Туркменского военного округа, одна из которых «Доктор философии».
32. Пичугин Н. Творческая удача. «Казахстанская правда», 3 марта 1957, стр. 3.
О постановке комедии «Доктор философии» на сцене Карагандинского театра русской драмы.
33. Маджарян Г. Комедия Нушича на армянской сцене («Доктор философии» в театре им. Г. Сундукяна). «Коммунист», Ереван, 24 мая 1957, стр. 3.

В. К. Петухов

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Ю. ЦЕЛЕСТИНА

В последней трети XIX в. в Словении, большая часть которой находилась в пределах Австрийской империи Габсбургов, заметно усиливается национальное движение. Рост национального самосознания проявляется в борьбе против засилия немецкого языка, в увеличении количества журналов и газет, выходящих на словенском языке, в борьбе за собственную национальную культуру и литературу. В связи с этим в среде патриотически настроенной словенской интеллигенции растет интерес к культуре других славянских народов, прочнее и многообразнее становятся русско-словенские литературные связи.

В обстановке борьбы словенского народа за национальную самостоятельность развернулась деятельность активнейшего пропагандиста русского языка и литературы в Словении, писателя и литературного критика Франа Целестина (1843—1895).

Литературно-критические статьи Целестина, появившиеся на страницах ряда словенских и хорватских изданий, были посвящены существеннейшим, актуальным вопросам развития национальной культуры. Целестин настойчиво боролся за укрепление словенской литературы, за усиление в ней реалистических тенденций, за то, чтобы она смогла стать выражением духовной жизни своего народа. В этой борьбе он опирался на опыт русской литературы, в которой видел образец литературы с ярким социальным направлением, ставшей выражением народного самосознания. Этим объясняется постоянное, пристальное внимание критика к литературной и культурной жизни России, к истории русской литературы. В одном из писем он утверждает: «... я думаю и вполне убежден, что Россия от славян отделиться не может, если бы и хотела. Славяне должны бы еще больше, чем русские, стараться узнать и понимать Россию.»¹

¹ Письмо П. А. Кулаковскому от 16/4 1882 г. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (в дальнейшем: ИРЛИ, ф. 572, № 250). Это и следующие письма Целестина П. А. Кулаковскому, цитируемые в статье, написаны на русском языке.

Творческое наследие Целестина распадается на две неравные по значению части: литературную и литературно-критическую. Целестин-писатель представляет значительно меньший интерес, чем критик. Его деятельности пропагандиста достижений русской культуры, прогрессивного литературного критика и посвящена настоящая статья.²

Ф. Целестин родился 13 ноября 1843 г. в деревне Кленк Вашкой жупании (административный округ). Учился в сельской школе, затем в Люблянской гимназии, где его учителем был страстный патриот А. Прапортник, под влиянием которого и сформировались воззрения Целестина. Со страниц его гимназического дневника встает образ юноши, пылко любящего Родину.³ Он очень много читал, часто по ночам при свете луны и маленькой лампы (тогда Целестин и испортил зрение, что впоследствии принесло ему немало страданий).⁴

В те годы обучение в гимназии велось на немецком языке, и Целестин много самостоятельно занимался словенским языком и литературой, получал от Л. Гая из Загреба иллирские издания «Narodne Novine», «Danico Ilirsko». По окончании гимназии

² Творчество Целестина не получило еще полного освещения ни в русском, ни в словенском литературоведении. После его смерти появился ряд статей, посвященных его памяти: F. Podgornik. F. Celestin. «Slovanski svet», Na Dunaju, [Вена], 1895, № 43, стр. 405; V. Tomič. F. Celestin. «Vienac», Zagreb, 1895, № 45, стр. 714—718; F. Celestin (некролог). «Obzor», Zagreb, 1895, № 36, стр. 252—253; F. Göstl. F. Celestin. «Ljubljanski Zvon», 1896, № 2, стр. 99—104; № 3, стр. 145—147; № 5, стр. 292—297. Все статьи незначительны по объему и касаются в основном биографии Целестина. Творчество же Целестина становится предметом серьезных исследований словенских литературоведов лишь в последнее время (см.: M. Vogšnik. F. Celestin. Ljubljana, 1951). Этим, собственно, исчерпывается литература, посвященная Целестину. Краткую характеристику его жизни и творчества можно найти в общих курсах словенской литературы (см.: S. Janež. Zgodovina slovenske književnosti. Maribor, 1957, стр. 346—347; A. Slodnjak. Geschichte der slovenischen Literatur. Berlin, 1958, стр. 206, 213, 227, 228, 231). Б. Крефт в статье «Fragmentsi o slovensko-ruskih stikih» («Slavistična Revija», Ljubljana, 1958, № 1—2, стр. 99—101) также останавливается на деятельности Целестина.

³ Сохранились две тетради дневника Целестина, который он вел в гимназические годы. Запись 15 февраля 1860 г.: «Гуляя вечером, разговорился со служащим железной дороги о различных нуждах словенского народа». 21 февраля: «Хозяин дома, в котором я живу, сказал, что словенский язык не нужен в канцеляриях; всячески старался доказать ему важность словенского языка в изображении жизни нашего народа. Ей-богу жаль, что даже сами словенцы так мало сознают нужды нашего народа» (цит. по: F. Göstl. F. Celestin, стр. 100). (Здесь и далее перевод мой, — В. П.).

⁴ Школьный друг Целестина И. Юрчич (1844—1881), впоследствии известный словенский писатель, активный участник демократического движения словенской интеллигенции, который жил в одной комнате с ним в гимназические годы, «умоляя его прекратить чтение по ночам, в темноте, опасаясь за его зрение» (V. Tomič. F. Celestin, стр. 715).

в 1865 г. он вместе с И. Юрчицем отправился в Вену слушать славянское языкознание у Ф. Миклошича. Целестин активно участвовал в студенческой жизни, был членом словенского общества «Sava», основателем студенческого культурного общества «Slovenija» и до самой смерти оказывал последнему всевозможную поддержку (в 1881 г. признанием заслуг, оказанных обществу, явилось избрание его почетным членом). В этот же период он вошел в кружок писателя и литературного критика И. Стритара (1836—1923), под руководством которого издавался первый прогрессивный словенский литературный журнал «Zvon».

К студенческим годам относятся и первые литературные опыты Целестина.⁵ В 1867 г. он переводит на словенский язык шестую песнь «Илиады»,⁶ пишет две новеллы: «Маленькая Фриуланка» (Фриуль — местность в Словении)⁷ и «Пир».⁸ В 1869 г. Целестин написал пьесу «Роза» (название по имени главной героини)⁹ — веселую комедию со всевозможными любовными перипетиями, кончающуюся двумя свадьбами: господ и слуг. И. Стритар невысоко оценил достоинства пьесы: «Писатель, если я не ошибаюсь, взял за образец Мольера — образец блестящий, классический, но неправильно выбранный. Жизнь сейчас совсем другая, чем при Мольере. Мольера нужно изучать, но подражать ему не следует. Вся пьеса, как нам кажется, и по мысли и по форме — произведение высокообразованного, тонко чувствующего человека, и за это большое спасибо. Но много ли в героях силы и жизни, мы бы сказали, полнокровны ли они — это покажет сцена».¹⁰ Критик оказался прав: пьеса была поставлена первый и единственный раз 14 января 1871 г. в Люблянском театре. Комедия Целестина не лишена множества недостатков, но она навсегда останется в истории словенской драматургии, как одна из первых пьес на словенском языке и единственная до начала XX в. пьеса, написанная стихами.

После окончания университета Целестин активно участвует в общественной жизни Словении. На словенском студенческом

⁵ Краткую характеристику творчества Целестина в период, предшествовавший отъезду в Россию, см.: L. Legiša. Zgodovina Slovenskega slovstva. Ljubljana, 1959, стр. 331.

⁶ «Slovenski glasnik», Celóvec, 1867, № 7, стр. 97—99; № 8, стр. 113—115; № 9, стр. 129—130; № 10, стр. 145—146; № 11, стр. 161—164.

⁷ Там же, № 1, стр. 2—6; № 2, стр. 18—23; № 3, стр. 37—39; № 4, стр. 125—130.

⁸ Там же, 1868, № 1, стр. 7—14; № 2, стр. 48—54; № 3, стр. 82—92; № 4, стр. 125—130.

⁹ «Slovenska Talija». Zbirka dramatičnih del in iger. Ljubljana, 1869, стр. 3—79.

¹⁰ J. Stritar. Literaturni pogovori, «Zvon», Na Dunaju, 1870, № 14, стр. 222.

съезде 14 августа 1868 г. он был переводчиком, а на съезде 4 сентября 1869 г., будучи уже доктором философии, избирается председателем. Уже в это время он выступает с требованием ввести в Люблянском университете обязательное преподавание русского языка, который считал общеславянским литературным языком. В ноябре 1869 г. Целестин уезжает в Петербург, чтобы готовиться под руководством И. Срезневского к сдаче экзаменов на степень магистра славянской филологии.

Из России он прислал цикл заметок, которые под рубрикой «Письма из России» в 1870 г. печатались в журнале «Zvon»,¹¹ а в 1871—1872 гг. в газете «Slovenski narod», издававшейся в Мариборе.¹²

В своих письмах Целестин стремится отразить «социальное и культурное положение русского народа», которое он намеревался «познавать в отдельных явлениях».¹³ Действительно, его корреспонденции посвящены самым разнообразным явлениям и фактам русской жизни. Он пишет об архитектурных красотах Петербурга, его истории, о Невском проспекте. «Если хочешь увидеть русского человека на улице, богатого или бедного, занимающего высокое положение или низкое, если хочешь увидеть людей разных народов, приехавших в столицу русского царства, — пойди от 2 до 4 пополудни на Невский».¹⁴

Целестин рассказывает о нравах петербуржцев, о веселых рождественских гуляньях, о русской зиме, непривычной для словенца. Описывает он и достопримечательности Москвы, о которой говорит, что это имя «с гордостью произносят друзья, со страхом враги. Москва — дочь славы». В ряде своих сообщений Целестин пишет и о других городах, в которых побывал за время трехлетнего пребывания в России: Владимире, Киеве, Харькове, Полтаве и др.

Письма о России 1872 г. уже в меньшей мере страдают описательностью. Целестин пытается анализировать положение народа, общественные отношения того времени.¹⁵

В последних заметках, написанных незадолго до отъезда на родину, Целестин набрасывает краткий очерк развития русской литературы с конца XVIII в. до Гоголя. Он отмечает, что общественная критика в России конца XVIII в. представлена журналами Новикова и комедией Фонвизина «Недоросль», беспощадно

¹¹ «Zvon», Na Dunaju, 1870, № 2, стр. 25—27; № 3, стр. 42—44; № 9, стр. 137—140; № 10, стр. 150—152; № 15, стр. 229—232; № 16, стр. 245—249.

¹² Там же, № 9, стр. 139.

¹³ Там же, стр. 138.

¹⁴ «Slovenski narod», Maribor, 1871, № 3.

¹⁵ Там же, 1872, № 120 («О реформах в России»).

осмеивающей неправильное воспитание и слепое преклонение перед западной культурой. Он знакомит словенского читателя с именем Грибоедова, его гениальной комедией, которая «распространялась по всей России в списках, бичевала общество, провозглашающее человека сумасшедшим потому, что он несколько умнее других и имеет новые идеи и мысли».¹⁶

Любопытно, что Целестин знал о «Путешествии из Петербурга в Москву», автор которого, по его словам, «в конце столетия осмеливался критиковать неравное положение, возникшее вследствие рабства крестьян», но ошибочно приписывал «Путешествие» Рылеву.¹⁷

Целестин дал неправильную оценку творчеству А. С. Пушкина. «Пушкин в молодости некоторое время проповедывал идеалы свободы, однако затем полностью удалился в заоблачные сферы высшей чистой красоты. Роман в стихах „Онегин“ — зеркало времени, но написан с недостаточной глубиной. Пушкин пишет о беспутстве Онегина, но не спрашивает, откуда оно взялось».¹⁸ Здесь Целестин слепо следует мнению критиков, которые хотели бы представить Пушкина в виде некоего «столпа чистого искусства», противопоставить его Гоголю. Необходимо, однако, учесть, что Целестин рассматривал русскую литературу с точки зрения чаяний народа, и ошибки, в которые он впадал, происходили скорее от незнания всей сложности общественной борьбы, отразившейся в русской литературной критике 60-х годов. Он ставил Лермонтова выше Пушкина за то, что тот «сильнее будит совесть народа» и в доказательство приводил «Думу» Лермонтова, цитируя из нее ряд строк. Высшим достижением русской литературы 30—40-х годов считал он Н. В. Гоголя.

Эти первые, еще незрелые заметки о русской литературе показывают, что Целестин не овладел в то время всем богатством русской литературы и критики. Однако, несмотря на ошибочность отдельных оценок Целестина, его суждения характеризуют его как демократического прогрессивного критика. В годы пребывания в России Целестин много занимался изучением русского языка и литературы. Вспоминая эти годы, он писал: «Я еще в России по части русской литературы читал довольно систематически, делал выписки и пр.».¹⁹ Целестин преподавал древние языки в гимназиях Владимира и Харькова, много читал, готовясь к магистерским экзаменам. Подготовка диссертации, напряженная работа

¹⁶ Там же, № 128.

¹⁷ Там же. — Спустя три года в своей книге «Россия после падения крепостного права», Целестин уже правильно называет имя А. Н. Радищева.

¹⁸ «Slovenski narod», 1872, № 128.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 572, № 250 (письмо П. А. Кулаковскому от 1 ноября 1880 г.).

вызвала ухудшение зрения, болезнь глаз. К тому же его потрясла весть о смерти горячо любимой им матери. По поводу этого печального события Целестин написал свое лучшее стихотворение, которое является чрезвычайно характерным образцом его лирики.²⁰

В конце 1873 г. Целестин покидает Россию и направляется в Вену, где заканчивает свою книгу «Россия со времени отмены крепостного права», которая была издана на немецком языке в Любляне.²¹ Книга Целестина, не потерявшая определенного значения и сейчас, в свое время была высоко оценена немецкой и французской критикой. «Это выдающийся труд, на немецком языке нет другой подобной книги о России, из которой можно было бы почерпнуть столь основательные сведения о Российской империи», — писал критик журнала «Zeitschrift für das Realschulwesen».²²

Обозреватель «Revue des Deux Mondes» Ф. Брюнетьер называет ее «книгой, принадлежащей одному из лучших знатоков современной России».²³ Написанная с передовых, демократических позиций, книга Целестина для своего времени явилась объективной, относительно полной характеристикой общественного развития России. Дав во введении краткий очерк положения русского общества и развития русской культуры в первой половине XIX в.,²⁴ Целестин особенно обстоятельно говорит о периоде,

²⁰ «Ljubljanski zvon», 1896, № 2, стр. 103—104.

²¹ F. Celestin. Russland seit Aufhebung der Leibeigenschaft. Laibach, 1875. (В дальнейшем: F. Celestin). — Имя Ф. Целестина мало известно русскому славяноведению. Упоминание о нем находим лишь в статье М. П. Алексеева «Н. Г. Чернышевский в западноевропейских литературах», где говорится: «Широкие круги немецких читателей вскоре смогли ознакомиться с сочинениями Чернышевского по немецким источникам. В 1875 г. в Лайбахе вышла большая книга Ф. Целестина „Россия со времени отмены крепостного права“, в которой Чернышевскому отведено 15 страниц. Книга д-ра Целестина была одной из первых в немецкой литературе попыток дать беспристрастную оценку деятельности Чернышевского и несомненно обратила на себя внимание с этой стороны» (Н. Г. Чернышевский (1889—1839). Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти, ЛГУ, Л., 1941, стр. 264).

²² Цит. по: «Ljubljanski zvon», 1896, № 5, стр. 293.

²³ «Revue des Deux Mondes», 1876, 15 oktober, стр. 957.

²⁴ Целестин дал в своей книге весьма любопытную характеристику Грибоедова как «посредника между декабристской литературой и прогрессивным движением против Николая» и подробно изложил содержание его комедии «Горе от ума». Он писал о том, что непонятный для западного читателя успех комедии объясняется условиями жизни крепостной России 20-х годов XIX в. Смелые речи Чацкого, направленные против эгоистов, стремящихся лишь к почестям и богатству, против презренного рабоплебия, имели важное значение для пробуждения русского общества» (F. Celestin, стр. 22—23). Между тем со времени появления статьи П. А. Заболотского «А. С. Грибоедов в славянских переводах» в славяноведении составилось мнение, что первый перевод комедии на словенский язык появился в 1895 г., а более или менее обстоятельная статья о его творчестве — лишь в 1906 г. Заболотский указывает:

непосредственно предшествовавшем отмене крепостного права, характеризует отношения крестьян и помещиков, сложившиеся к началу 50-х годов, остроу и злободневность вопроса о крепостном праве в русском обществе, обсуждение которого, несмотря на строгость николаевской цензуры, проникало на страницы журналов и в произведения художественной литературы. Особенно подчеркнул автор заслуги русской вольной печати, герценовской «Полярной звезды» и «Колокола», в деле борьбы за освобождение крестьян.

Основную часть книги занимает характеристика финансовой, административной, судебной реформ и реформы системы народного просвещения, вызванных отменой крепостного права. Заключительный раздел книги представляет собой подробный очерк русской общественной жизни пореформенного периода, содержащий характеристику различных сословий и их социальных отношений, некоторых черт народного хозяйства, быта и нравов; Целестин говорит о разнообразных проявлениях духовной жизни русского общества, среди которых он особое внимание уделяет литературе «радикального направления» — творчеству Чернышевского, Добролюбова, Писарева, М. Михайлова, Некрасова, Щедрина. Глеба Успенского и др. Очерк жизни и творчества Н. Г. Чернышевского, помещенный в этом разделе книги,²⁵ впервые знакомил словенского читателя с деятельностью и идеями великого русского революционного демократа. Целестин подробно разбирает основные положения магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», знакомит словенского читателя с другой его важнейшей работой «Антропологический принцип в философии». Однако центральное место в очерке занимает роман «Что делать?», подробно пересказанный Целестином. Завершая характеристику деятельности Н. Г. Чернышевского, он указывает: «Отрицание существующего строя — основная тенденция его произведений, в которых он проповедывал идеалы нового общества».²⁶

Трудно переоценить значение книги Целестина. Его труд — не только основательный социально-экономический очерк, но и

«... мы можем отметить у словенцев среди мелких журнальных заметок о творце „Горе от ума“ лишь более или менее обстоятельную статейку д-ра Леонарда в журнале „Dom i svet“, 1906, VI, 240—243, и перевод комедии в Венском всеславянском органе д-ра Ф. Подгорника „Славянский свет“ 1895 г.» (Русский филологический вестник, Варшава, 1914, № 1, стр. 145—146). Однако в журнале «Славянский свет» за 1895 г. перевода комедии нет, а есть лишь биографическая заметка, посвященная А. С. Грибоедову, автор которой лишь в будущем предполагал остановиться подробнее на комедии «Горе от ума» («Славянский свет», № 4, стр. 33—34; № 5, стр. 45—46).

²⁵ F. Celestin, стр. 349—364.

²⁶ Там же, стр. 363.

17 Из истории русско-славянских связей

развернутая, объективная характеристика литературной жизни братского славянского народа, еще мало известной словенцам.

С 1876 г. Целестин преподает в Загребской гимназии, а в 1878 г. становится преподавателем славянских языков в Загребском университете, где и работает до последних дней своей жизни. Вот как он сам пишет о своих занятиях: «Я преподаю студентам историко-филологического и юридического факультетов. Очень нуждаюсь в русских книгах: студентам хотелось бы почитать, а у меня мало книг, особенно для легкого чтения... Нам нужно читать русские книги, а это-то трудно.»²⁷

Целестин преподает русский язык, стремится познакомить своих учеников с классиками русской литературы в оригинале: «Книги у меня читают довольно охотно, т. е. я им (студентам) даю на дом, то, что у меня есть. К сожалению, у меня русских книг мало. Есть сочинения Тургенева, Крылова, Лермонтова... Это почти все, что у меня по части „художественной литературы“». А хотелось бы именно побольше книг для чтения, чтобы студенты познакомились с русскими авторами».²⁸

К первым годам жизни Целестина в Загребе относится ряд его серьезных критических статей о русской литературе, тесно связанных с литературной жизнью Хорватии и Словении. Такова одна из значительнейших его статей «О развитии самосознания русского народа» («Nešto o razvitku samopoznaje ruskoga naroda»).²⁹ Ею открывается новый этап деятельности Целестина — борьба за утверждение реализма в словенской и хорватской литературе. Появление ее было вызвано полемикой, возникшей в кругах хорватской интеллигенции по вопросу о том, нужны ли хорватской литературе переводы произведений И. С. Тургенева.

Статья Целестина явилась откликом на эту полемику, но в ней сравнительно частный вопрос — следует ли переводить Тургенева на хорватский язык — был поставлен гораздо шире, как вопрос «о важности реалистического направления вообще и о значении его для славянства в частности».³⁰ На примере развития русской литературы в статье показано социальное значение литературы, правдиво воспроизводящей в искусстве современную жизнь, являющейся художественным выражением самосознания народа.

Характеризуя развитие русской литературы от конца XVIII в. до 70-х годов XIX в., Целестин особо отмечает значение тех писателей, творчество которых было верным зеркалом русской жизни, быта и нравов своего времени — Фонвизина, Новикова,

²⁷ ИРЛИ, ф. 572, № 250 (письмо П. А. Кулаковскому от 1 ноября 1880 г.).

²⁸ Там же (письмо ему же от 28 декабря 1880 г.).

²⁹ «Vienac», Zagreb, 1877, № 14, стр. 223—227; № 15, стр. 238—239.

³⁰ Там же, № 14, стр. 223.

Крылова, Гоголя. Говоря о Н. И. Новикове, он высоко оценил не только значение его сатирических журналов, но и его деятельность, направленную к распространению просвещения в России, «создание общества со специальной целью развития просвещения в массе народа, и это в то время, когда в Западной Европе думали о таком направлении очень мало».³¹ Особенное, исключительное значение для развития реалистического направления в русской литературе, подчеркивал Целестин, имело творчество Гоголя: «Поистине великая одаренность привела Гоголя к чистому реализму, и он начал создавать без какой бы то ни было идеализации типы, в которых русское общество признает свою плоть и кровь. Он изображает темные стороны жизни народа, смеется над ними. Но это „смех сквозь слезы“, как он сам говорит об этом. Его произведения, особенно „Ревизор“ и „Мертвые души“, имели в обществе неизменный успех, больший, чем вся предшествующая литература, он дал направление всей последующей литературе вплоть до наших дней — после него она вся может называться натуральной».³²

Затем Целестин говорит о значении В. Г. Белинского, который «чисто эстетическую критику превратил в социальную, а сколько возможно и в критику государственных отношений».³³ Деятельность Белинского дала возможность последующим писателям идти по прямому пути реализма.

В тесной связи с этим реалистическим направлением рассматривает Целестин и творчество И. С. Тургенева, начиная с «Гамлета Щигровского уезда» и кончая «Дымом». Он подчеркивает в творчестве Тургенева правдивый показ жизни России его времени, типичность его героев для российской действительности. Главную заслугу писателя Целестин видел в том, что Тургенев «понимал и отображал все то, что еще только зрело (в реальной жизни) и могло быть ясно только великим умам».³⁴

Целестин замечает, что современная русская литература не исчерпывается Тургеневым. «Рядом с ним находятся и другие даровитые писатели — Достоевский, Гончаров, Григорович, Островский, Писемский, Салтыков-Щедрин. Некоторые из них даже превзошли Тургенева, начав создавать типы новых людей, пытающихся ввести в жизнь зрелые, продуманные идеалы». Благодаря деятельности всех

³¹ Там же, стр. 224.

³² Там же, стр. 225. — Позднее появилась обширная статья Целестина, посвященная Гоголю, развивающая те же мысли, но более обстоятельная и снабженная биографическими сведениями (см.: «Slavan», Na Dunaju, 1884, стр. 10—11, 18—19, 27, 35—37).

³³ «Vienac», Zagreb, 1877, № 14, стр. 226. — В 1886 г. в журнале «Ljubljanski zvon» Целестин опубликовал большую работу о Белинском, на которой мы остановимся несколько позднее.

³⁴ «Vienac», 1877, № 15, стр. 238.

этих талантливых писателей-реалистов русская литература заняла важное место в жизни современного русского общества, став выражением самосознания этого общества. Именно в этом, по мнению Целестина, секрет того необъяснимого для западного человека живого интереса, «с которым русское общество следит за развитием литературы, ставя перед нею все более растущие требования».³⁵

Из опыта развития русской литературы критик делает выводы о путях развития своей родной литературы, положение которой представлялось ему чрезвычайно неблагоприятным. До последнего времени, замечает он, «литература имела значение развлечения, мало забавляющего и еще меньше приносящего пользу», поэтому читатели, которые искали в книге серьезного и полезного чтения, «правильно полагали, что чужой источник (книги на немецком языке, — В. П.) лучше, чем неумелые упражнения на ту же тему, выдаваемые за плоды отечественной литературы».³⁶ Между тем подобное невольное предпочтение, оказываемое немецкой литературе, в сочетании с тем, что преподавание в школах также велось не на родном языке, в свою очередь препятствовало прогрессу литературы, мешало развитию национального литературного языка.

Страстно желая, чтобы родная литература заняла подобающее ей место в жизни народа и стала важным средством народного воспитания, пробуждения самосознания, Целестин считал, что единственно возможным путем такого преобразования может быть только путь реалистического искусства, который сблизил бы литературу с действительными требованиями жизни, с передовыми идеями своего времени, с нуждами и интересами народа. Возражая противникам реализма, он утверждал, что именно реалистическое направление сделает современные идеи плодотворными и пробудит новые.³⁷ При этом важным средством овладения методом реалистического искусства Целестин считал изучение лучших произведений писателей-реалистов, в числе которых он называет И. С. Тургенева. Знакомство с ними не только «научит мыслить реально, но и даст возможность узнать развитие величайшего славянского племени. Благодаря этому расширится бы мало-помалу кругозор, пробудилось реальное мышление, источник правильного понимания собственных интересов, как духовных, так и особенно материальных».³⁸

В Загребе Целестина застал апрель 1877 г. — начало русско-турецкой войны, возникновение которой во многом было обусловлено подъемом национально-освободительного движения на Балка-

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 239.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

нах. В своих выступлениях в печати Целестин обращал внимание общественности на самоотверженность русских солдат. Говоря о первых, еще незначительных успехах русских войск в начале войны, он призывал всех славян поддержать эти успехи и принять участие в военных действиях.³⁹ Целестин полагал, что в деле национального освобождения славянских народов надо надеяться на славянство, а не на помощь западных держав.⁴⁰

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится любопытный документ — письмо Ф. Целестина А. А. Майкову от 13 апреля 1879 г.⁴¹ В нем Целестин, исполняя просьбу И. Гутеши,⁴² рассказывает о его деятельности во время Боснийского восстания 1875—1876 гг. Это восстание народов Боснии и Герцеговины против турецкого ига, а затем сербско-черногорско-турецкая война 1876 г. явились одной из причин начала русско-турецкой войны.

Просьба И. Гутеши была вызвана статьей А. А. Майкова,⁴³ в которой тот неправильно оценивал роль И. Гутеши и комитета помощи повстанцам, действовавшего в Загребе. Письмо Целестина заслуживает внимания как один из интересных документов, проливающих определенный свет на политику Австро-Венгрии в Балканском вопросе и реакцию русского общественного мнения на роль австрийской политики в Боснийском кризисе.⁴⁴

³⁹ «Slovenski narod», Maribor, 1877, № 117, стр. 231.

⁴⁰ Там же, № 124, стр. 244.

⁴¹ ГПБ, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 366.

⁴² И'а Guteša (1825—1894) — серб, активный борец за освобождение славянских народов от иноземного ига. Несколько раз арестовывался за анти-австрийскую агитацию. В 1862—1864 гг. находился в заключении за участие в подготовке восстания в Боснии. В основе его политической деятельности лежала идея необходимости союза южных славян в деле национального освобождения. (См. его книгу: I. Guteša. Upoznajmo se. Zagreb, 1880. О нем более подробно: D. Szabo. Ilija Guteša. «Morgenblatt», Zagreb, 1928, 24 декабря).

⁴³ Страничка из Боснийского восстания. «С.-Петербургские ведомости», 1879, № 71. 23/25 марта.

⁴⁴ Приводим в выдержках это письмо (оригинал на русском языке), написанное в Загребе 25/13 апреля 1879 г.

«Милостивый государь, Аполлон Александрович!

По просьбе известного Вам Ильи Гутеши обращаюсь к Вам по делу, которым интересуетесь и Вы. Гутеша прочел вашу статью и очень жалеет, что в России не поняли характера его деятельности». Далее Целестин пишет о том, что «в Загребе действительно существовал комитет, поддерживавший Боснийское восстание деньгами и оружием до вступления в войну Сербии и Черногории, после чего комитет был распущен, комитет работал не заодно с австрийскими властями. Гутеша продолжал свою деятельность, в основном помогая боснийским перебежчикам на австрийской территории. Подобная деятельность Гутеши не нравилась австрийским властям. Здесь полагают, что при малейшем движении в Боснии И. Г. первый попадет в тюрьму И. Г. опасается, что его могут притянуть к суду за государственную измену

Вообще в конце 70-х—начале 80-х годов после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в Словении и Хорватии усиливается национальный гнет. Целестин считает, что политика усилившейся мадьяризации в Хорватии вызывает в первую очередь ухудшение материального положения народа: «Новый бан Гедервари уже прибыл в Загреб, где он уже не раз ставил на первый план „державную венгерскую идею“ — у нас она выражается больше всего в податных недоимках и пр., а результат — оскудение народа». ⁴⁵ В следующем письме Целестин рисует политическую обстановку в Хорватии начала 80-х годов, забвение национальных интересов национальной партией, отражающей интересы буржуазии и помещиков. «Здесь у нас дела не веселы. Борьба с мадьярами тяжела — особенно потому, что значительная часть, т. е. номинальное большинство национальной партии, но не народа, покорно исполняет повеления из Пешта. Страна очень страдает от этих терзаний. Жалуются на коррупцию чиновников и судов. Я, к сожалению, знаю из личного опыта, что дела решаются не по закону, а в угоду лиц, власть имеющих, или вообще влиятельных — мадьяронов (новых и старых). Жаль только, что люди так легко поддаются, что устойчивости в интеллигенции слишком мало. Личный интерес — кумир, которому жертвуются и душевные убеждения — довольно легко и очень часто». ⁴⁶

В этот период усилившегося онемечивания и мадьяризации словенцев и хорватов Целестин борется за укрепление национальной реалистической словенской литературы, призывая изучать и брать все лучшее, что создано в реалистической литературе братского русского народа. В журнале «Vienas» за 1881 г. он помещает большую статью, посвященную деятельности выдающегося словенского поэта Франца Прешерна (1800—1849), — одно из наиболее полных и содержательных исследований творчества поэта для того времени. ⁴⁷

Целестин стремился показать, что Прешерн не «чистый» романтик, в его поэзии есть несомненные черты реализма. Творчество Прешерна демократично, глубоко народно. Поэт необычайно ясно видел общественные недостатки, поднимаясь в своей поэзии до широкого обобщения существеннейших противоречий действительности. Анализ поэзии Прешерна, проведенный Целестином в духе традиций критики Белинского, заложил прочные основы дальней-

(wegen Hochverratt). В заключение Целестин говорит о сожалении Гутеши по поводу того, что в России недостаточно знают все обстоятельства его деятельности.

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 572, № 250 (письмо Кулаковскому от 12 марта 1883 г.).

⁴⁶ Там же (письмо ему же от 3 февраля 1885 г.).

⁴⁷ «Vienas», Zagreb, 1881, №№ 41, 42, 43, 45, 46, 48, 49.

шего изучения творчества этого поэта в литературоведении Югославии.

Значительным событием литературной жизни Словении явилась статья Целестина «Наш кругозор» («Naše obzorgje»).⁴⁸ В ней дается характеристика виднейших представителей словенской литературы — Ф. Прешерна, Ф. Левстика, С. Енко, И. Стритара, И. Юрчича. Целестин с удовлетворением отмечает успехи реалистического направления в творчестве этих писателей к началу 80-х годов. Приводя в пример деятельность Белинского, которая «будила и вела литературное развитие на основе реалистической направленности»,⁴⁹ Целестин считает, что «реальная критика» необходима для дальнейшего развития словенской литературы, иначе «она уподобится стоячей воде». Целестин призывает словенских литераторов использовать опыт русской критики, следить за ходом литературного развития России, чтобы не сойти со столбовой дороги реалистического направления. В заключении статьи Целестин вновь обращается к своей основной мысли: «Наше словенское возрождение лишь тогда приобретет демократический характер, когда будет следовать идее народности литературы, литература должна иметь реальное направление, будить и учить».⁵⁰

Одной из серьезных работ, предпринятых Целестином после переезда из Вены в Загреб, было написание истории русской литературы. По-видимому, она была написана не позднее 1800 г., так как Целестин в письме к Кулаковскому 1 ноября 1880 г. сообщал: «Я написал „Историю русской литературы“ и предложил ее „Хорватской матице“, чтобы она ее напечатала. Говорят мне, что это будет в 1881 или „наверно“ в 1882 г.».⁵¹ Целестин встретился с большими трудностями при издании своей рукописи: «Написал я историю русской литературы на сербохорватском языке. Г-н Рачки об этом писал в Белград г-ну Новаковичу и спросил его, нельзя ли печатать книгу там. Г-н Новакович до сих пор ничего не ответил, а тут ее в настоящее время не напечатывают, а может быть никогда».⁵² Труд Целестина так никогда и не был издан. Однако отдельные главы из него, посвященные творчеству Пушкина, Лермонтова, Гоголя, и Белинского, появились в периодиче-

⁴⁸ «Ljubljanski zvon», Ljubljana, 1883, № 1, стр. 45—52; № 2, стр. 113—119; № 3, стр. 169—172; № 4, стр. 236—243; № 5, стр. 320—328; № 6, стр. 394—398; № 7, стр. 454—457.

⁴⁹ Там же, № 5, стр. 326.

⁵⁰ Там же, № 7, стр. 457.

⁵¹ ИРЛИ, ф. 572, № 250.

⁵² Там же (письмо Кулаковскому от 19 марта 1880 г.). — Франьо Рачки (1828—1894) — историк, президент Югославянской академии наук в Загребе (1866—1886); Стоян Новакович (1842—1915) — филолог, историк, политический деятель, в 1880—1883 гг. — министр просвещения в Сербии.

ской печати Словении.⁵³ Считая творческое наследие Белинского необычайно важным для становления словенской демократической критики, Целестин опубликовал обширную статью, посвященную деятельности великого русского мыслителя.⁵⁴ В начале ее автор излагает причины, побудившие его обратиться к этой теме: «Редки муки, которые своим могучим духом серьезно влияют на свой народ, облегчают ему прогресс и ведут его по пути передового развития. Деятельность подобных избранников поучительна не только для одного народа, не только для определенного времени. Творчество Белинского во многом важно для словенской литературы. Однако культурные связи России и славянства еще слишком малы и слабы — изучение и взаимное познание должны укрепить их».⁵⁵ Целестин подробно останавливается на жизни и творческой деятельности критика, подчеркивая ее боевой, активный характер: «Белинский страстно протестовал против крепостничества, самовластия чиновников, обскурантизма и т. д.».⁵⁶ При этом он акцентирует внимание читателей не столько даже на литературном, сколько на общественном резонансе статей великого русского критика. Так, он подробно останавливается на письме Белинского к Гоголю, анализируя его как наиболее яркое выражение общественных взглядов Белинского. В статье много цитат из произведений Белинского, параллелей со словенской литературой и критикой. Подводя итоги рассмотрению творческого пути критика, Целестин выражает надежду на то, что чувство благодарности «гениальному учителю и будителю» соединит потомков словенцев и русских.

Говоря о Целестине как пропагандисте русской литературы в Словении и Хорватии, нельзя не остановиться на его статье о Достоевском.⁵⁷ Целестин сообщает основные биографические све-

⁵³ «Slovan», Na Dunaju, 1884, стр. 227—228, 243—244, 253, 268—269, 276, 284—285, 302—303, 317, 324—325; 1885, стр. 243—244, 261—262.

⁵⁴ «Ljubljanski zvon», 1886, № 1, стр. 36—41; № 2, стр. 100—105; № 3, стр. 164—169; № 4, стр. 223—226; № 5, стр. 278—281. — При написании этой статьи Целестин в основном, кроме сочинений Белинского, использовал работы А. Н. Пыпина «Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» (СПб., 1873) и «Белинский, его жизнь и переписка» (тт. 1—2, СПб., 1876).

⁵⁵ «Ljubljanski zvon», 1886, № 1, стр. 36—37.

⁵⁶ Там же, № 2, стр. 101.

⁵⁷ «Vienac», Zagreb, 1883, № 24, стр. 392—395. — Целестин первый в словенской литературе дал развернутую характеристику творчеству Достоевского, почти за десять лет до первых переводов произведений писателя на словенский язык: «Мальчик у Христа на елке» — в журнале «Slovenska knjižnica» (Gorica, 1875). Творчества Достоевского попутно касался в хорватской литературе И. Миларов: Ilija Milarov. Pogled na rasvitak ruskego društva i literature. «Hrvatska», Zagreb, 1881.

дения о жизни писателя, знакомит читателя с наиболее значительными его произведениями. Критик рассказывает о расправе самодержавия с Достоевским за его участие в кружке Петрашевского. Солидаризируясь с Добролюбовым, Целестин пишет о наличии в творчестве писателя типов людей, не совсем обычных. Целестин пытается вскрыть определенные противоречия в его мировоззрении: «Достоевский не без недостатков, величайшего таланта, знаний не всегда хватало для более широкого и глубокого понимания общественной жизни. Мысль обычно остро и критически, он впадал нередко в мистицизм . . . Мы можем также говорить, что писатель неправильно судил об отношениях своей Родины и Европы, но все это делал искренне, не изменяя ни на минуту стремлению к истине, которое необходимо всякому уважающему себя деятелю культуры».⁵⁸ Заслуга Целестина в том, что, даже видя слабости и противоречия творчества Достоевского, он указывает на величайшее значение его наследия. Этого как раз не понимали многие видные общественные деятели Словении.

В последний период своей деятельности (1890—1895) Целестин активно сотрудничал в журнале «Slovanski svet», издававшемся под руководством видного общественного деятеля Словении Франа Подгорника (1846—1904),⁵⁹ который относился с большой симпатией к России. Целестин в 1890—1895 гг. регулярно выступал со своими статьями на страницах этого еженедельника. Его статьи, обзоры, сообщения и заметки, посвященные политическому и экономическому положению и литературной жизни России, систематически публиковались в журнале. Они помещались в основном под заголовком «Русские мелочи» за подписью «F. Celestin» или «С».

Целестин знакомит словенского читателя с новыми произведениями Чехова, Короленко, Л. Н. Толстого, Лескова, Эртеля, Потапенко, Крестовского, И. Щеглова, Боборыкина⁶⁰ и с отдельными критическими статьями русских литературоведов

⁵⁸ «Vienac», 1883, № 24, стр. 395. Ср. высказывания редактора журнала «Ljubljanski zvon» проф. В. Бежека по поводу перевода «Белых ночей» Я. Кюндой: «Роман крайне сентиментальный и фантастический, поэтому нашему простому народу не принесет пользы. Вообще нам не везет с переводами со славянских языков. Во-первых, мы неудачно выбираем произведения для перевода, да и вообще трудно найти приемлемые для нас произведения на славянских языках. В западных литературах вообще больше интересных для нашего народа оригиналов, нуждающихся в переводах» («Ljubljanski zvon», 1895, № 8, стр. 514—515).

⁵⁹ Перу Франа Подгорника принадлежит одна из первых словенских брошюр, предназначенная для рабочих (см. F. Podgornik Delavski prijatelj Nauki, k so potrebni delavcem v sedanje dobi Novo mesto, 1886).

⁶⁰ «Slovanski svet», Trst, 1890, № 17, стр. 281, № 21, стр. 344, № 24, стр. 384, 1891, № 4, стр. 65, 1893, № 3, стр. 55, № 5, стр. 95, № 8, стр. 153, 1894, № 6, стр. 114, № 7, стр. 132, № 11, стр. 211, № 20, стр. 393, 1895, № 1, стр. 7, № 19, стр. 176, № 36, стр. 338.

В своей рецензии на статью А. А. Тихомирова «Об упадке творчества» («Русское обозрение», август, 1893) Целестин возражает автору, видевшему причину упадка литературы в появлении людей, «для которых литература не святое дело, а ремесло. Такие литературные ремесленники бедны, поэтому пишут много и неряшливо, — утверждает Тихомиров. — Подобные ремесленники от литературы не могут создавать хорошие произведения». «С подобными высказываниями вряд ли можно согласиться, — пишет Целестин. — Настоящий талант создает и в плохих материальных условиях выдающиеся произведения. Такими писателями были, например, В. Скотт, Бальзак и Достоевский. Настоящий талант пишет из своей души, как ему велит ум и сердце, и не может быть поверхностным».⁶¹

Рецензируя книгу Скабичевского о Писемском,⁶² Целестин выступает против обеих концепций автора: против зачисления Писемского в натуралисты и в консерваторы. Целестин справедливо считает, что «Писемский не натуралист, описывает людей без фотографичности, без этих многочисленных досадных подробностей, идущих от внешней жизни людей, характерных для романов Золя».⁶³

Но, протестуя против отнесения Писемского к числу консервативных писателей, он, к сожалению, не может еще заметить двух периодов его творчества.

Позднее его литературно-критические оценки становятся глубже. Например, в своей критико-биографической заметке, написанной на смерть Н. С. Лескова, ему удается увидеть две стороны творчества этого большого писателя. «„Архирейские мелочи“ вызвали у консерваторов такую же бурю, какую прежде роман „Соборяне“ у либералов и радикалов». Оценивая творчество этого писателя, Целестин пишет: «Последнего слова о Лескове русская критика еще не сказала; в ряду русских писателей, я полагаю, он занимает место несколько ниже по сравнению с Гоголем, Тургеневым, Гончаровым, Достоевским и Толстым».⁶⁴

В связи с выходом собрания сочинений А. Н. Майкова⁶⁵ Целестин дал критико-биографическую заметку о поэте, в которой писал: «Майков является создателем ряда произведений, блестящих по форме и имеющих антологический характер. Воспев в начале своего творчества Рим и Элладу, в последние годы он уда-

⁶¹ Там же, 1893, № 18, стр. 350.

⁶² А. М. Скабичевский. А. Ф. Писемский, его жизнь и деятельность. СПб., 1894.

⁶³ «Slovanski svet», 1894, № 11, стр. 211.

⁶⁴ Там же, 1895, № 15, стр. 138.

⁶⁵ А. Н. Майков, Собрание сочинений в 3 томах. СПб., 1893.

рился в другую крайность: борется за веру и престол, как разъяренный пророк набрасываясь на противников, считает поэзию выражением божьего духа. Реальная жизнь мало отражается в его высоких, поэтических творениях».⁶⁶

В еженедельнике Целестин поместил несколько некрологов о русских писателях. Некоторые из них незначительны по объему, как например некролог о Гаршине.⁶⁷ Более подробная некрологическая статья, посвященная А. А. Фету, содержит краткие биографические сведения о поэте, обзор его поэтических сборников и характеризует творчество писателя как «поклонника чистого искусства, писавшего о благородном и заоблачном даже в пятидесятые и шестидесятые годы, когда критика Добролюбова, Чернышевского, Писарева страстно нападала на чистое искусство».⁶⁸ Целестин отмечает прекрасную форму стихотворений Фета, но и полное отсутствие в них созвучия с жизнью русского общества.

Большой интерес представляет критико-биографическая заметка о А. Н. Плещееве, в которой Целестин пишет о жизни и творчестве этого замечательного русского поэта-демократа, произведения которого «высоко ценили лучшие знатоки русской литературы. Многие его стихотворения знакомы широкой публике и полюбились за искренность и глубину чувств».⁶⁹ Написанное Целестином о Плещееве — это единственный отклик на смерть поэта в словенской периодике и, пожалуй, самое подробное описание жизни и деятельности Плещеева на словенском языке на много лет вперед.

Целестин знакомил словенцев и с театральной жизнью России конца XIX в.⁷⁰ Правда, из всех театров России он написал лишь об одном Малом театре, считая, что он более всех других театров России сохранил вкусы и традиции 50—70-х годов — времени, когда в искусстве Малого театра ярко сказалось воздействие общественно-эстетических взглядов русских революционных демократов Чернышевского и Добролюбова.

Целестин отметил еще одно важное событие театральной жизни России — 130-летие со дня смерти Ф. Г. Волкова, которого он называл «основателем русского театра, выдающимся актером, уже в XVIII. веке высоко ценившим правдивость в искусстве и игре актеров. Деятельность Волкова, — писал он, — то зерно, из которого выросло русское драматическое искусство».⁷¹ Упомянутые выше заметки Целестина определенно свидетельствуют о его симпа-

⁶⁶ «Slovanski svet», 1894, № 1, стр. 33.

⁶⁷ Там же, 1895, № 16, стр. 144.

⁶⁸ Там же, 1893, № 1, стр. 12.

⁶⁹ Там же, № 21, стр. 414.

⁷⁰ Там же, № 2, стр. 35.

⁷¹ Там же, № 9, стр. 175.

тиях к реалистическому, правдиво отображающему жизнь драматическому искусству России, зачинателем которого явился Волков.

Целестин любил русский язык и всячески его пропагандировал; писал даже стихотворения на русском языке, которые печатались в журнале на протяжении 1890—1895 гг.⁷² Стихотворения Целестина на русском языке вряд ли представляют особую поэтическую ценность, надо полагать, что он писал их лишь в целях популяризации русского языка. Для ознакомления с этой стороной поэтической деятельности Целестина позволим себе привести отрывок одного из его «русских» стихотворений:

С улыбкой грустной и печально
Смотрю на нынешних людей,
Как пресмыкаются нахально,
Заботясь только о себе.
На языке речей потоки,
О жертвах милых и любви!
Но речи вовсе не жестоки:
«Карман всегда свой береги!».⁷³

Целестин перевел на русский язык своеобразную историческую песню о Екатерине II и немецких послах, написанную хорватским поэтом И. Трнским.

А зачем же рассердилась сильно
Добрая и мощная царица?
Что могло же прогневати очень
Катерину, мать всяя России?

Оказывается, Екатерина опечалена тем, что послы обратились к ней по-немецки; она приказала заточить их и учить русскому языку, и через 3 месяца они уже свободно объяснялись по-русски. В заключение царица заявляет, что она русская «всей душой», «мать всяя России».⁷⁴

Заслуживают внимания сделанные Целестином переводы на русский язык стихотворений Ф. Левстика, И. Стритара и С. Григорича; многие из них и до сего времени являются первыми и единственными переводами произведений этих поэтов.

Целестин опубликовал в журнале большое количество своих стихотворений на словенском языке за подписью: «-st-»⁷⁵ и по-

⁷² Целестин написал их свыше сорока (см.: «Slovanski svet», 1893, № 5, стр. 85; № 6, стр. 109; № 7, стр. 109—122; № 9, стр. 167; № 10, стр. 191; № 11, стр. 203; № 13, стр. 248; № 14, стр. 264; № 15, стр. 287; № 16, стр. 309; № 18, стр. 347; № 19, стр. 369; № 20, стр. 387; № 21, стр. 408, № 22, стр. 429, и т. д.).

⁷³ Там же, 1895, № 2, стр. 16.

⁷⁴ Там же, № 18, стр. 162—165.

⁷⁵ Раскрытие анонима см. некролог Ф. Подгорника: «Slovanski svet», 1895, № 43, стр. 405.

строенную на автобиографической основе повесть «Веселая жизнь?» («Veselo življenje?»),⁷⁶ но анализ художественного творчества Целестина не входит в задачи этой статьи.

Одной из важнейших, программных статей Целестина в период его сотрудничества в журнале «Slovanski svet» является статья «Не путайте понятий» («Ne motimo si poimov»),⁷⁷ направленная против А. Махнич (1850—1920) — профессора богословия в Горице, идейного основателя словенского клерикализма, перенесшего свои религиозные взгляды на политическую почву. Махнич начал серьезную борьбу против прогрессивных взглядов в своем журнале «Римский католик» (1888—1896), где с реакционных позиций оценивал всю словенскую общественную, политическую и культурную жизнь, требуя, чтобы в основе ее лежали религиозные начала католицизма. В своих статьях «Двенадцать вечеров» («Dvanajst večerov»)⁷⁸ Махнич рассматривал искусство, а равно и все другие стороны человеческой деятельности, как средство достижения «наивысшей цели» — прославления бога. С этих позиций он настойчиво боролся против укреплявшегося в словенской литературе реализма, который якобы клеветает на человека, показывая в его натуре лишь низменные и порочные черты.⁷⁹

Статья «Не путайте понятий» представляла собой решительную отповедь неприкрыто тенденциозным утверждениям А. Махнич. Целестин указывал на то, что в статье Махнич речь идет, по сути дела, не о реализме, а о натурализме; между тем автор ее не дифференцирует этих понятий и даже сознательно подменяет понятие реализма понятием натурализма, с тем, чтобы использовать те обвинения, которые литературная критика бросает натурализму, как средство борьбы с реалистическим направлением. Целестин указывает на творчество величайших реалистов России — Гоголя, Тургенева, Л. Н. Толстого, которое для каждого читающего может служить неоспоримым доказательством неправоты Махнич, утверждавшего, будто «прекрасного, здорового, крепкого у них (писателей-реалистов, — В. П.) не видно и не слышно». Статья Целестина, написанная в защиту реализма, обосновывает это литературное направление с точки зрения требований критики Белинского и Чернышевского и на примерах величайших образцов русской реалистической литературы. Она сыграла важную роль в литературной борьбе в Словении 90-х годов XIX в.

Пропаганда русского языка и литературы, проводимая Ф. Целестином в журнале «Slovanski svet», давала возможность словен-

⁷⁶ Там же, 1891, № 18—21, стр. 289, 305, 319, 335.

⁷⁷ Там же, № 3, стр. 43—45.

⁷⁸ «Slovenec», Ljubljana, 1884.

⁷⁹ «Rimski Katolik». Gorica, 1889, стр. 369—372.

скому читателю шире и глубже познакомиться с культурными достижениями братского славянского народа. Многообразная литературно-критическая деятельность Целестина на страницах еженедельника оборвалась лишь с его смертью 30 октября 1895 г.

Творческая деятельность Целестина имела важное значение в деле становления словенской реалистической литературы и критики. Укрепление национальной литературы Словении и дальнейшее движение ее вперед по пути реализма он связывал с усвоением опыта развития русской литературы. На протяжении двадцати пяти лет (1870—1895) в славянских и хорватских периодических изданиях: «Zvon», «Slovenski narod», «Ljubljanski zvon», «Slovan», «Vienac» и «Slovanski svet» появлялись его статьи, заметки, сообщения, посвященные общественной и культурной жизни России. В памяти своего поколения он прежде всего остался как страстный пропагандист русского языка и русской литературы в Словении, деятельность которого во многом способствовала укреплению культурных связей двух славянских народов.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К. И. Ровда

ПОЭЗИЯ ЭРБЕНА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Чешской поэзии не очень посчастливилось в русских переводах в дореволюционную пору даже в сравнении с другими славянскими литературами. С чешского переводили Н. Берг, Ф. Миллер, В. Уманов-Каплуновский, Н. Нович (Н. Н. Бахтин) и некоторые другие, не возвышавшиеся над средним невысоким уровнем переводческого искусства второй половины XIX в. Известен неслестный отзыв Н. Г. Чернышевского о Берге как переводчике, который хотя и владел русским стихом, но до неузнаваемости искажал переводимые им произведения.¹ Преимуществом этих переводчиков было то, что они хорошо знали язык и жизнь народа, произведения которого переводили. Но им не хватало таланта и мастерства. Крупных русских поэтов, занимавшихся переводами (А. Блок, В. Брюсов, И. Бунин и др.), не привлекала поэзия славян. Даже поэты, близкие к славянофильским кругам, Б. Алмазов, А. Григорьев, А. Майков, Ф. Тютчев, много переводившие с иноземных языков, не переводили чешских поэтов.²

Это было связано с отсутствием постоянного интереса к славянам со стороны широких кругов русского общества³ и недостаточным знакомством с национальными славянскими языками. Занятое поисками решения внутренних вопросов, оно лишь в моменты подъема национально-освободительных и социальных движений среди славян принимало близко к сердцу события в славянских странах и по-своему на них реагировало. Тогда в газетах и журналах появлялись статьи, издавались книги о славянах, переводились произведения славянских писателей.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, М., 1949, стр. 365. О Берге как переводчике см. также: В. В. Чуйко. Современная русская поэзия в ее представителях. СПб., 1885, стр. 190—194.

² Кроме А. Майкова, переведшего несколько стихотворений А. Мицкевича, одну гуситскую песню и ряд сербских и белорусских, остальные поэты не переводили из поэзии славян вообще.

³ См. статью в настоящем сборнике: К. И. Ровда. Эрбен и русско-чешские литературные связи.

Считалось, что переводить чешские стихи на русский язык — дело не только трудное, но почти невозможное, так как «чешский стих глубоко чужд русским ритмическим навыкам». ⁴ Переводчика, слабо знающего чешский язык, подстерегает также опасность запутаться в лексической близости чешской и русской речи. Одинаковые по значению слова фонетически звучат по-разному в том и другом языке; и, наоборот, одинаково звучащие слова часто различны, а то и противоположны по смыслу. ⁵ «Чрезвычайную сложность для переводчика представляет ударение и долгота в чешском языке. Ударение стабилизировалось на первом слоге, но большое значение для выявления ритма имеют долгие и краткие слоги в слове». ⁶ Ничего подобного нет в русском языке.

Трудности перевода с чешского языка на русский действительно велики. Они очень смущали первых переводчиков, считавших их непреодолимыми. Практика, однако, показывает, что трудности непреодолимы, если принимать за норму античную теорию стиха, искусственно навязанную формам европейской просодии, в том числе русской и чешской. Эта теория шла вразрез с национальными традициями и поэтической практикой лучших поэтов. Русская поэзия настолько богата всевозможными формами, выработанными на протяжении веков вопреки теоретической рутине, ⁷ что русские переводчики на основе этого опыта могут осваивать самые разнообразные формы стиха чужеземной речи. ⁸ Все зависит от мастерства и культуры переводчика. Необходимым условием, когда талант и мастерство переводчика дают наибольшие результаты, является совершенное знание языка, с которого переводишь, его внутренних законов, истории и т. п.

Первым переводчиком Эрбена был профессор-славист Мемнон Петрович Петровский. Он не был литератором по профессии, но переводил с славянских языков довольно много. ⁹ М. П. Петровский знал чешский язык, хорошо владел русским стихом и обла-

⁴ Роман Якобсон. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Госиздат, 1923, стр. 3.

⁵ См.: М. Ф. Рыльский. Художественный перевод с одного славянского языка на другой. В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. М., 1960.

⁶ Любовь Фейгельман. Маяковский в странах народной демократии. М., 1952, стр. 151.

⁷ А. Квятковский. Русское стихосложение. «Русская литература», 1960, № 1, стр. 78—104.

⁸ См.: Jiří Levý. Kombinační možnosti verše. «Československá Rusistika». 1962, № 2, стр. 77—86 (здесь сопоставляются комбинационные возможности чешского, русского и английского стиха).

⁹ Много его переводов помещено в кн.: Н. Гербель. Поэзия славян. СПб., 1871. См. также: М. Петровский. Отголоски славянской поэзии. Казань, 1913.

дал небольшим поэтическим дарованием, которое проявилось в его переводах с сербского, болгарского, польского и чешского языков. Исполненный им перевод баллады Эрбена «Водяной»¹⁰ верно передает смысл подлинника, его образные выражения. Лишь в отдельных местах допущены некоторые изменения текста, вызываемые законами стиха, но они не искажают смысла. Строфа перевода соответствует строфе подлинника, за исключением одного случая.

Слабой стороной перевода М. Петровского является неумение передать меняющиеся ритмы баллады.¹¹ Как и многие другие русские переводчики своего времени, он не передает ритмического движения подлинника, не воспроизводит его формы. В то время это было в порядке вещей.

Только через сорок с лишним лет появилась в русской печати еще одна баллада Эрбена. Это «Золотая прялка» в прозаическом подстрочном переводе Ник. Соколова, напечатанном в виде стиха, где лишь в редких случаях сохранен ритм и рифма, впрочем, весьма слабая. В остальном перевод точен до буквализма. Трудно представить, какую цель ставил перед собой автор перевода, издавая его на отдельном листке.¹²

Вскоре в киевском журнале «Ruský česč»¹³ в переводе В. Данилова появилось небольшое стихотворение Эрбена «Вечер». Близкое по ритму к оригиналу и верно передающее смысл, стихотворение это в русском переводе утратило много художественных деталей, ослабляющих его эстетическую ценность. В 1919—1920 гг. В. Данилов перевел все баллады и несколько стихотворений чешского поэта. Но они не были опубликованы.¹⁴ По словам В. Данилова, он переводил «для себя», для собственного эстетического и нравственного удовольствия.¹⁵ «Перевод баллад Эрбена, — писал он, — сде-

¹⁰ Впервые напечатан под заглавием «Водяник» в «Русском вестнике» (1867, IV).

¹¹ Эрбен не пишет точным размером. Вот что говорит о его стихе Антонин Грунд, автор научной биографии Эрбена: «Ударение остается основной эрбеновского стиха, но он отказался от утомительной правильности античного стиха. Его стих — два, три и даже четыре ударения со свободным количеством неударных слогов; в их искусном чередовании и группировке в соответствии со своим пониманием длительности он является истинным мастером, достойным продолжателем и завершителем стихийных стремлений народных певцов» (Antonín Grund. Karel Jaromír Erben. Praha, 1935, стр. 69).

¹² Золотая прялка. (Карла Ярослава (ошибка переводчика, — К. Р.) Эрбена). Перевод с чешского Ник. Соколова. [СПб., 1903].

¹³ 1907, № 1, стр. 1.

¹⁴ Карел Яромир Эрбен. Народные баллады. Перевод с чешского В. В. Данилова. Пгр., 1923, 152 стр.; Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописное отделение, ф. 239, ед. хр. 4 (далее: ГПБ).

¹⁵ Письмо В. В. Данилова к автору настоящей статьи от 5 апреля 1962 г. (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, р. 1, оп. 24, № 406, л. 2) (далее: ИРЛИ).

18. Из истории русско-славянских связей

ланный мною в 1919—1920 гг. в глуши Вологодской губ., не дает представления о художественных качествах подлинника. Передать образность и народность речи Эрбена в переводе на другой язык было бы под силу автору, который обладал бы и поэтическим дарованием, равным таланту Эрбена... Поэтому за [моими] переводами баллад Эрбена остается только интерес содержания. Они любопытны как произведения родственной чешской литературы и образцы запоздалого в чешской словесности европейского романтизма вообще».¹⁶

Можно лишь пожалеть, что В. В. Данилов поздно принялся за перевод произведений Эрбена. Если говорить о качественной стороне дела, то некоторые его переводы не уступают переводам М. Петровского. Появление их, при всех их недостатках, в печати могло бы содействовать пропаганде чешской поэзии.

Делает честь переводчику то, что он оказался строгим судьей своего труда, который действительно не дает полного представления о характере творчества чешского поэта. Отдельные баллады сокращены при переводе («Клад», «Загоржево ложе» и др.), в ряде мест текст упрощен по сравнению с оригиналом, исчезли некоторые колоритные детали подлинника. Ритмы ряда баллад не переданы. Баллада «Свадебные рубашки» в воспоминание о «Светлане» В. А. Жуковского, которой она близка по теме, передана размерами и строфами этой баллады. Но в ряде случаев переводчик удачно, на наш взгляд, справляется с передачей ритма интонаций и образной ткани подлинника («Дочернее проклятье»).

Баллады и стихи снабжены необходимыми комментариями; для этого использованы, кроме русских, некоторые чешские источники.¹⁷ Самым ценным материалом в этих комментариях, на наш взгляд, являются сопоставления сюжетов и мотивов баллад Эрбена с родственными сюжетами и мотивами русских сказок. Эти ценные наблюдения могут дать толчок для интересных сопоставлений и дальнейших исследований.¹⁸

Здесь уместно сказать еще об одном неосуществленном до конца замысле В. В. Данилова. В 1947 г. к нему обратились с просьбой принять участие в сборнике в честь академика Н. С. Державина. Он откликнулся статьей о любимом поэте Эрбене и его сборнике

¹⁶ Карел Яромир Эрбен. Народные баллады, Вступительная статья.

¹⁷ Lev Šolc. Jak se mají Erbenovy pověsti národní k podání lidovému. «Hlidka literární», 1892, № 281; 1893, № 337; Jan Machal. Literatura česká devatnáctého století, II, «Leichterův Výbor Nejlepších, spisů poučných, kn. XXI, 1903.

¹⁸ В пражском журнале «Центральная Европа», издававшемся на русском языке до второй мировой войны, напечатан перевод баллады «Верба» (1931, № 5). Этот источник оказался для нас недоступен.

«Kutise», куда включил цитаты из своих переводов.¹⁹ По каким-то причинам сборник не вышел. Но для нас важен факт написания статьи об Эрбене как новое проявление интереса к нему в России.

Начиналась новая жизнь Эрбена в нашей стране.

Первая мысль о необходимости издания произведений К. Я. Эрбена в русских переводах, по словам Мих. Зенкевича, была высказана Зденеком Неедлым.²⁰ Но душой и организатором этого сборника явился профессор Петр Григорьевич Богатырев. Он привлек к работе над переводами сначала Б. Л. Пастернака, но когда тот из занятости переводами Шекспира отказался, то для перевода баллад Эрбена, составляющих ядро сборника, был приглашен такой крупный советский поэт, как Н. Н. Асеев, который «с большим увлечением занялся переводом баллад Эрбена и, по моему мнению, — пишет П. Г. Богатырев, — прекрасно перевел их».²¹

Выход сборника²² явился важным событием в истории русско-чешских литературных связей: заново был открыт для русского — да и не только русского — читателя великий чешский писатель, отразивший в своих произведениях мечты и чаяния своего народа в один из значительных периодов его истории. Советские переводчики в послевоенный период сделали много таких открытий. За последние пятнадцать лет вышло много интересных сборников и антологий славянской поэзии, в журналах печатается множество переводов произведений не только современных славянских поэтов, но и произведений славянских классиков, которых прежде мы почти не знали.

Эта неоценимая работа переводчиков, способствующая взаимопониманию и укреплению дружбы народов, не вызвала, к сожалению, со стороны критики и литературоведения попыток осмыслить и обобщить их богатый опыт. Критика не всегда успевает откликнуться на многие интересные явления роста и укрепления литературной взаимности славянских народов. Неудивительно, что эрбеновский сборник в свое время остался незамеченным и был лишь

¹⁹ Письмо В. В. Данилова к автору настоящей статьи (ИРЛИ, р. 1, оп. 24, № 408).

²⁰ Письмо М. А. Зенкевича к автору настоящей статьи от 16 июня 1962 г. (ИРЛИ, р. 1, оп. 24, № 408, л. 1).

²¹ Письмо П. Г. Богатырева к автору настоящей статьи от 15 апреля 1962 г. (ИРЛИ, р. 1, оп. 24, № 405, л. 1). — По словам М. А. Зенкевича, в издательстве уже были переводы баллад, исполненные тремя другими переводчиками, но им были предпочтены переводы Н. Н. Асеева (там же, № 407, л. 1).

²² Карел Яромир Эрбен. Баллады. Стихи. Сказки. Общая редакция П. Г. Богатырева. М., 1948, 301 стр.

упомянут в одной из статей.²³ Только в журнале «Славяне» еще до выхода сборника была напечатана небольшая заметка о переводе Эрбена на русский язык.²⁴

В качестве переводчиков Эрбена у нас выступили Н. Асеев, Мих. Голодный, Мих. Зенкевич, И. Иванов и Л. Друскин. Первые три являются участниками сборника 1948 г., последние два — сборника «Поэзия западных и южных славян» (1955). Большую и серьезную работу проделали первые три переводчика. Они приступили к переводу произведений чешского поэта, будучи уже сложившимися, зрелыми мастерами русского стиха. У каждого из них свой поэтический облик, свои особенности, своя манера. Но всех их объединяет то общее, что характеризует советскую школу художественного перевода: твердое убеждение в возможности перевода, воссоздающего на другом языке идейно-художественное своеобразие подлинника, глубокое проникновение в творческий мир переводимого автора и социально-исторические условия, его породившие; индивидуальный подход к переводимому материалу, внимание к стилистической окраске переводимого произведения, стремление передать живые интонации подлинника, свежесть авторского восприятия действительности. Все это связано с глубоким уважением советских людей к культуре иноземных народов.²⁵

Каждая встреча с переводимым поэтом по-своему интересна и примечательна, как встреча с умным и интересным человеком. Она оставляет след в душе переводчика, а если он сам поэт, обогащает его оригинальное творчество, находит отклик в каком-то уголке его сердца. Но есть поэты, которые по-особому дороги каждому и любимы. Такими поэтами для Н. Асеева являются славянские поэты Т. Шевченко, П. Тычина, Юлиан Тувим. Среди них может быть названо и имя чешского поэта К. Я. Эрбена. «Этот замечательный поэт, собиратель и пересказыватель чешских народных преданий, — пишет Н. Асеев, — привлек меня как своеобразием своего дарова-

²³ Л. С. Кишкин. Чешские и словацкие книги в Советском Союзе. «Славяне», 1950, № 6, стр. 61—62.

²⁴ Вот эта заметка: «20 февраля в Москве в клубе советских писателей состоялся вечер, посвященный новым переводам чешского поэта середины прошлого века Карела Яромира Эрбена (1811—1870).

Советских переводчиков, в частности Н. Асеева, привлекли подлинная народность творчества Эрбена, его необычайная лаконичность и драматизм в передаче и обработке народных песен, баллад и сказок. Н. Асеев выступил на вечере со своими переводами баллад и песен Эрбена из сборника «Kytice», издание которых готовит Государственное издательство художественной литературы. Свои переводы отдельных стихов прочитали также М. Голодный и М. Зенкевич. Сказки Эрбена в новом переводе Т. Аксель были прочитаны заслуженным артистом РСФСР В. Брагиным» («Славяне», 1948, № 3, стр. 63).

²⁵ См.: Вопросы художественного перевода. Сборник статей. М., 1955, Мастерство перевода. Сборник статей. М., 1959.

ния, так и приближенностью материала чешского к русским народным сказкам. Я старался (при переводе, — К. Р.) уловить эту приближенность, свидетельствующую о единстве не только народной мечты, но и близости языковых начал, корни которых открылись мне с убедительной наглядностью».²⁶

Встреча Н. Асеева с Эрбеном не была случайной. Несмотря на многие различия русского поэта наших дней и чешского певца, жившего сто лет назад, у них оказались точки соприкосновения. Если внимательно всмотреться в творчество русского поэта, а в его статьях это совершенно очевидно, нельзя не заметить того интереса, какой он всегда проявлял к фольклору, в котором видел животворный источник поэзии, к русским летописям, к лучшим образцам древнерусской литературы. На вопрос о том, у кого он учился, Асеев отвечает: «Прежде всего у пословиц, поговорок, у присловий и присказок, что бытуют в речи народной. Потом у книг, подобных „Мысли и языку“ Потебни — великой книге о языке и его устройстве. Затем у летописей и старорусских сказаний, у „Жития“ протопопа Аввакума. Еще у „Слова о полку Игореве“, прельщающего своей силой языкового размаха. И все это перечисленное, но не исчерпанное, помогло любить слово. А Кириша Данилов с его удивительными уроками языка, показом силы и необычности воздействия слова».²⁷

Но это именно то, что было близко и Эрбену, то, в чем он черпал силу как поэт. Эрбен вполне отвечал тому идеалу поэта, какой выработался у Асеева на протяжении его долгого творческого пути. Поэт в его представлении это тот, кто обладает даром воплощать в образах «мысли, самые нужные народу в ту или иную пору его существования. . . и объединяет в себе и высокий пафос гражданина, и недюжинный ум мыслителя, и чуткость к слову, к его жизни, к тончайшему оттенку смысла, с детства осмысливая их картинность, образность».²⁸

Эрбен отвечает всем этим требованиям. И потому понятна увлеченность Асеева его поэзией. Встреча Асеева с поэтом, целиком

²⁶ Письмо Н. Н. Асеева к автору настоящей статьи от 24 марта 1962 г. (ИРЛИ, р. 1, оп. 24, № 404, л. 1).

²⁷ Удивительно, что многие мысли, высказанные русским поэтом о значении фольклора для поэзии не только гармонируют, но иной раз буквально совпадают с тем, что когда-то говорил или мог говорить чешский поэт. Искусство, пишет Н. Н. Асеев, «создается в главном своем массиве самим народом, в расправе живого слова, отвердевая затем в письменных памятниках, в произведениях литературы. Поэтому жизнь слова особенно видима в народных поговорках, пословицах, песнях, сказках». Не в учебниках поэтики писатель должен искать средства выражения своих чувств и мыслей, «а в примерах народного творчества, сила и разнообразие которого не могут быть исчерпаны до дна, откуда жив и здоров сам народ» (Н. Асеев. Зачем и кому нужна поэзия, изд. «Советский писатель», М., 1961, стр. 57, 71).

²⁸ Там же, стр. 58.

посвятившим себя воссозданию народных мотивов, не могла не быть волнующей и плодоносной. Асеев перевел целую книгу баллад (числом двенадцать), открывающуюся вступлением («Букет») и заканчивающуюся отрывками из произведения, названного автором «Пророчица». Некоторые баллады Эрбена — это по своему объему целые поэмы, например «Клад», «Свадебные рубашки», «Золотая прялка», «Ложе Загоржа». В основе всех баллад лежат народные славянские предания, сказки, поверья. Все баллады отмечены печатью трагизма, и этот трагизм хорошо понят и выражен переводчиком. Понят и отлично воплощен по-русски оптимизм собрания баллад, выраженный в «Пророчице»: вера в конечную победу чешского народа, если он соединит свои силы в борьбе за свободу.

При переводе поэт меньше всего думал о формальной несхожести русского и чешского стиха и на слух улавливал ритмические ходы эрбеновых баллад. «И все-таки, — пишет он, — у меня часто получалось полное соответствие подлиннику, поскольку я прислушивался к звучанию, а не к транскрипции стиха». Ему легко дались переводы баллад «Водяной», «Золотая прялка» и «Свадебные рубашки». «Труднее было с теми вещами, которые не находились в соседстве с русскими сказочными мотивами. Но зато какой же радостью наполнялось сердце переводчика, когда он узнавал в чешском художественном образе корневую близость, например, понятий „зла“ и „золота“.²⁹ Или когда вдруг прояснялся образ русской сказки о „мертвой и живой воде“ прямым значением чешского толкования „мертвой воды“ не более не менее, как з а с т ы в ш е й в о д ы — л ь д а! А „живе вода“, т. е. живая вода по-чешски имела прямой смысл — весенних вод. Вот такие находки и заставляли меня восторгаться близостью и силой народного воображения, через века перекликающегося в славянском корне».³⁰

Переводчик с большим искусством передает лаконизм авторского текста и лишь в редких случаях для соблюдения ритма допускает небольшие вставки, не изменяющие смысла; блестяще справляется с передачей ритмического движения чешского стиха, его диалогической формы; соблюдает порядок рифмовки, передает драматическое напряжение действия и т. п.

Для примера можно привести строфы из «Золотой прялки», являющейся одним из образцов переводческого мастерства Н. Асеева:

Около леса поля клин,
едет там пан без слуги, один,

²⁹ Предположение сомнительное. Можно говорить лишь о звуковой близости этих слов. См.: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1959, стр. 255—256.

³⁰ Письмо Н. Н. Асеева к автору настоящей статьи от 24 марта 1962 г. (ИРЛИ, р. 1, оп. 24, № 404, л. 1).

едет, бодрит вороного коня,
 конь горячится, подковой звеня,
 едет один.

Перед избушкой поводья из рук!
 В дверцы избушки: стук, стук, стук!
 — Эй, отворяйте двери скорей,
 я заблудился на ловле зверей,
 дайте напиться!

Сравним с оригиналом:

Okolo lesa pole lán,
 hoj jede, jede z lesa pán,
 na vraném bujném jede koni,
 vesele podkovički zvoní,
 jede sám a sám.

A před chalupou s koně hop!
 a na chalupu: klop, klop, klop!
 «Hola hej! otevřte mi dvěře,
 zbloudil jsem při lovení zvěře,
 dejte vody pít».

Чуткое ухо переводчика уловило ритмы и интонации оригинала. Удачно передано стилистическое строение эрбеновской фразы с помощью соответствующих лексических эквивалентов, например пропуск глаголов во второй строфе и их замена другим словесным выражением, близким к соответствующим выражениям подлинника: «Перед избушкой поводья из рук! В дверцы избушки: стук, стук, стук!». И в подлиннике, и в переводе мы видим математически точный четырехтактный стих (четырёхдольник) и лишь в отдельных тактах перевода замечаются несовпадения с оригиналом: четверти передаются восьмыми долями и наоборот. Было бы неразумным педантизмом требовать от переводчика абсолютного соответствия ритмического узора в каждом такте. Достаточно того, что общий характер ритма и интонации воспроизводятся верно.³¹

³¹ Для сравнения приводим эти же строфы из неопубликованного перевода В. В. Данилова, переданные в главной своей части правильным четырехстопным хореем, что не соответствует характеру эрбеновского стиха в этой балладе:

Возле лесу мягкий луг...
 Скачет пан один, без слуг.
 Вороной под ним играет
 И подковками сверкает.
 Скачет он один.

Вот избушка, все молчит:
 Он в окно стучит, стучит:
 «Покажись кто на пороге, —
 Сбился я совсем с дороги, —
 Дайте мне воды!»

Характер и порядок рифм передан верно (ГПБ, ф. 239, ед. хр. 4). Далее в стихах разрядка моя, — К. Р.

Перевод приведенных строф, как и большинства баллад в целом, сделан так, что, читая их, забываешь о структурном различии русского и чешского стиха и воспринимаешь русский текст так, как будто читаешь баллады Эрбена по-чешски. Этот поразительный для слуха эффект достигнут высоким мастерством переводчика, в совершенстве владеющего выразительными средствами русского языка, его красками и интонациями стихотворной речи, а также понимающего музыку и смысл чешского стиха. Читателю кажется, что поэт без усилий справляется с перевоплощением неповторимых по красоте образов и ритмов подлинника.

Превосходно переведены такие баллады, как «Клад», «Золотая прялка», «Водяной», «Полудница», «Лилия» и «Верба». Во многом удачно воспроизводятся не только ритмы баллад, но и их образная ткань:

Nastala pŕlnoc. Po nebi šŕe
sbor vysypal se hvĕzdiĕek,
ako oveĕky okolo pastýre,
a pastýř jasný mĕsiĕek.

(«Stedřý den»)

Полночь настала. В глуби небесной
Вспыхнули звезды. Полночь тиха,
звезды вокруг месяца сгучились тесно,
словно овечки вокруг пастуха.

(«Сочельник»)

Заметив звуковую близость «зла» и «злата», обыгранную чешским поэтом в «Золотой прялке», переводчик стремится — и не без удачи — воспроизвести эти созвучия подлинника. Он даже думает, что это слова одного корня (см. выше). Когда мнимая княгиня, виновная вместе с матерью в гибели невесты князя, прилаживает к прялке золотую нить и начинает пряхть, прялка поет:

Вррр — из зла ты свиваешь нить!
Князю сумела ты навредить:
сестрицу сводную ты загубила,
ноги и руки ей отрубила —
вррр — зла та нить!

И это повторяется несколько раз.

В балладах Эрбена воплощено много мистических мотивов, ведущих свое происхождение от народных суеверий (вера в упырей, домовых, в судьбу, в ад и рай и т. п.). В ряде случаев поэт придает заимствованным из фольклора сюжетам религиозно-поучительный характер. Как отнесся переводчик к подобным особенностям творчества Эрбена, не соответствующих мировоззрению советского поэта? Он пытается понять и воспроизвести со всей объективностью весь строй чувств и мыслей автора таким, каков он был на самом деле, ничего не прибавляя и ничего не убавляя. И в переводе от баллад Эрбена веет мраком и холодным ужасом ночных сцен с мертвецами и непостижимыми таинственными силами, стоящими над человеком. Переводчик реалистически воспроизводит оригинал со всеми его особенностями, переносится в мир переводимого ав-

тора и входит в круг его настроений, как актер входит в исполняемую роль. Это трудная для переводчика задача. С нею хорошо справляется Н. Асеев.³²

Но временами он не вполне перевоплощается в авторское я, и тогда либо усиливаются, либо ослабляются оттенки и краски, не меняя, впрочем, общей картины и смысла переводимого произведения. Вот как, например, передан отрывок из второй главы «Загоржева ложа». На пригорке в пустынном поле стоит высохшая древняя пихта, к вершине которой прикреплено распятие с фигурой Христа, простершего руки к востоку и западу:

Tam na východě nebeská je brána,
tam u věčném ráji bydlí boží svatí;
a kdo dobře činí, čáka jemu dána,
že se tam s nimi též bude radovati.

Ale na západě jsou pekelná vrata,
tam plane mořem síra i smola,
tam pletou d'áblové, zlá rota proklatá,
zlořečené duše v ohnivá kola.

Перевод:

Там, на восходе, — солнца ворота,
райское радостное сиянье;
всех, кто творил добро для народа,
ждет и награда и воздаянье.

На темном западе — адовы ворота,
море смоляное серы кипящей,
полчища дьяволов ждут для расплаты
грешников с мукою, им предстоящей.

В переводе, как видим, картина рая несколько изменена. Она получилась менее конкретной, чем в подлиннике. У автора сказано: «там, в вечном раю, живут божьи угодники (boží svatí), и тем, кто творит добро, обещано, что они там с ними тоже будут радоваться». Это заменено более абстрактным выражением: их «ждет награда и воздаяние». Переводчику показалось слово «добро» недостаточно определенным. Он добавляет: «добро для народа». По христианским догмам понятие добра может и не совпадать с понятием добра для народа. Христианское понятие добра носит абстрактный характер. А поэзии Эрбена наряду с ее патриотизмом свойственна и религиозность. Переводчик несколько выпрямляет

³² Переводчик остается верным эпохе даже в общем характере рифм; избегает модернизации, не создает рифмы по законам современной поэтики, как это делает в оригинальных стихах. Не потому что «экономит» силы, а потому что стремится быть историчным. Он пользуется законами рифмообразования, свойственными русскому классическому стиху XIX в. При переводе с чешского это тем более важно, что чешский стих в области рифмы был до последнего времени довольно консервативен.

чешского поэта, подтягивает к современности, вступая в противоречие с собственными же принципами перевода. Но в целом баллада передана все же мастерски.

В хорошем переводе «Свадебных рубашек» встречаются неточности, сказывающиеся и на понимании целого. Жених-мертвец уводит свою невесту и трижды спрашивает: не боится ли она встречи с мертвецами? Эти вопросы заключены в четверостишиях. Четверостишия с внутренней рифмой в третьей строке (рифма утрачена в переводе) изящно отделаны и имеют особое значение в развитии действия баллады. При постоянстве трех стихов в строфе один стих — второй — всякий раз изменяется, напоминая о приближении страшной развязки. Он подчеркивает динамику сюжета. Но перевод не отражает этого. Приводим одну за другой эти строфы в подлиннике и переводе:

Pěkná noc, jasná — v tu dobu
vstávají mrtví z hrobů,
a nežli zviš, jsou tobě blíž —
má milá, nic se ne bojíš?

Полночный час уже пробил,
Выходят тени из могил;
коль их заметишь пред собой —
не побоишься, светик мой?

Девушка отвечает:

Což bych se bála? Ty s se mnou,
a oko boží nade mnou.

Чего ж бояться? Ты живой
И очи божьи надо мной.

Далее:

Pěkná noc, jasná — v tento čas
mrtví s živými chodí zas;
a nežli zviš, jsou tobě blíž —
má milá, nic se nebojíš?

Полночный час уже пробил,
выходят тени из могил;
коль их заметишь пред собой —
не побоишься, светик мой?

Ответ девушки:

Což bych se bála? Ty s se mnou,
a ruka páně nade mnou.

Чего ж бояться? Ты — живой
и власть господня надо мной.

И последняя строфа:

Pěkná noc, jasná — v tu dobu
spěchají živí ke hrobu;
a nežli zviš, jsi hrobu blíž —
má milá, nic se nebojíš?

Полночный час уже пробил,
Спешат виденья в тьму могил;
как взор ни крой, их страшен рой —
ты не боишься, светик мой?

Девушка:

Ach nebojím, vždyt' ty s se mnou,
a vůle páně nade mnou!

Ах, не боюсь, ведь ты — живой
и воля божья надо мной!

В первой строфе вторая строка (*vstávají mrtví ze hrobů*) передана точно: «выходят тени из могил». Во второй строфе подобная строка переведена неправильно. Надо: «мертвые с ж и в ы м и ходят снова». В третьей строфе вторая строка также передана неверно. В оригинале говорится: «спешат ж и в ы е в могилы», а в переводе слово «ж и в ы е» заменено словом *виденья*. Девушка все время отвечает: «т ы — с о м н о й, а переводчик пишет: «т ы — ж и в о й».

Искажена также одна из последних строф:

Nic se, má milá, nic neboj!
Veseloť u mne, vseho hoj:
masa dost — ale bez krve,
dnes bude jinak poprvé!

Смысл таков: мертвец-вампир жаждет свежей крови. У него в запасе мяса много, но без крови. Сегодня будет по-иному: он насладится кровью девушки, своей невесты. Но вот как звучит перевод этой строфы:

Не бойся, милая моя,
богато, сытно у меня,
мясного много в погребках,
сегодня ж пир начнем не так!

Тут похоже на то, что мертвец собирается угощать девушку мясными блюдами, а не высасывать из нее кровь. Но это совсем не то, что сказано у автора.

Перед стеной кладбища девушка начинает понимать, что она обманута и ей грозит гибель. На предложение мертвеца прыгать через ограду первой, она отвечает: «Но ты ведь все время шел впереди меня, а за тобой шла я по дороге зла (*cestou zlou*)». В переводе — это «с в а д е б н а я д о р о г а». Поняв, что она ошиблась, пошла по дороге зла, девушка в последний миг решает избавиться от злого друга. Об этом сказано в заключительной строфе: «*Dobře se's ranno, radila, na boha že jsi myslila, a druha zleho odbyla!*». В переводе слова «з л о й д р у г» заменены понятием зла вообще: «Права ты, девушка, была, что мысли богу предала — от з л о г о отступила. . .».³³

Подобные отступления противоречат общему замыслу произведения, которое в остальном переведено верно и хорошо.

В переводах баллад Эрбена, выполненных Н. Асеевым, строгая критика найдет и другие отдельные неточности и неудачные

³³ Об истории сюжета «жениха-невесты» см.: И. Созонович. Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты в народной поэзии европейской и русской. Варшава, 1893, 251 стр.

строки.³⁴ В балладе «Дочернее проклятье» переводчику, например, не удалась ирония в предсмертных словах обманутой девушки, которая просит мать передать возлюбленному «благословенье — червя в душу до скончания за то, что обманывал!», т. е., чтобы его до смерти мучила совесть. В переводе читаем: «Передай благословенье за обман, за обольщенье и за то, что изменил!». В первой строфе предпоследнего отрывка «Пророчицы» у автора написано: «Не жалуйтесь на несчастья и судьбу, что вас так упорно преследуют, а подумайте о том, что они вас до сих пор ничему не научили!». Переводчик передает это следующим образом:

Не обвиняйте в несчастьях судьбины,
камни и кремни, жестокость ее,
лучше признайте скорей свои вины —
собственное безрассудство свое!

Зачем понадобились переводчику камни и кремни, непонятно. И вообще первые две строки этой строфы могут вызвать недоумение: что значит «несчастья судьбины», в которых виновата жестокость ее?

Однако дело не в отдельных неясностях и неточностях. Взятые в целом переводы баллад Эрбена, выполненные Н. Асеевым, превосходны. Это не исключает возможности появления новых переводов. Но перед каждым новым переводчиком будет стоять трудная и сложная задача: превзойти своего предшественника.

Задача других переводчиков сборника была, может быть, менее трудной. Они переводили мелкие стихотворения, преимущественно лирику и сатиру в патриотическом духе. Настроением этих стихов оказалась весьма близкой нашим поэтам, пережившим героическое время Великой Отечественной войны, когда на нашей земле оказались потомки тех немцев, которые когда-то топтали чешскую землю и угнетали чешский народ. Патриотическое воодушевление поэзии Эрбена легко укладывалось в русские стихи.

У этих переводчиков принципы те же: уважение к подлиннику, стремление передать смысл и звучание, стилистическое своеобразие

³⁴ Нам кажется не вполне подходящей и удачной передача названия цветка «mateřidouška» («душа матери»), имеющего ключевое значение для понимания замысла всей книги баллад в стихотворении «Букет» словосочетанием «матя-душица». В распутившихся на могиле покойницы лепестках «матержидоушки» дети почували дыхание их покойной матери. Но слово «матя» не может заменить здесь слово «мать», не нарушая смысла всего стихотворения. Не было ли бы более удачным целиком, а не наполовину, как делает переводчик, скалькировать все слово и перевести его словосочетанием «мати-душица», которое хорошо укладывается в ритм и выражает смысл всего стихотворения и даже сборника? См. в пьесе А. Островского «Бедность не порок» (А. Н. Островский. Полное собрание сочинений, т. I, Гослитиздат, М., стр. 294) песню «Сей, мати, мучицу...» или в романе А. И. Эртеля «Гарденины» — «мати-пустыня» (Гослитиздат, М., 1954, стр. 234).

иноязычного произведения. Это во многом удается им обоим. Чутко вслушиваясь в ритмическое движение эрбеновского стиха и постигая его смысл, они с большим мастерством передают форму многих стихотворений во всей полноте содержания, насколько позволяют выразительные средства русского языка, которыми они хорошо владеют.

Удачно перевоплощены М. Зенкевичем стихотворения «Звичинский сонет», «Песнь о победе у Домажлиц», «Солнце жизни», «Незванный гость», «Дева и мать», «Кукушка». Эти стихи переданы так, что в них не утрачены и напевность, и краски чешского поэта. Особенно хороши переводы «Солнца жизни» и «Кукушки». Напоминающее по жизнеощущению и ритму одно из ранних стихотворений Есенина, «Солнце жизни» и в переводе звучит, мало уступая подлиннику. Переводчик хорошо ощутил и передал воплощенное в стихотворении чувство любви к жизни и ее радостям и презрение к потустороннему миру:

Jak to slunko na nebi,
jak radostně svítí!
ach jak mílo, jak přemílo
na tom světě býti!

Ах, как греет солнце с неб?
лучезарным светом!
Ах, как радостно, чудесно
жить на свете этом!

Зенкевич не буквалист. Если иные выражения не звучат по-русски, будучи переданы буквально, или не укладываются в размер, он заменяет их другими, но делает это не в ущерб смыслу, например:

Ples a tance, hudba hrála,
zpěv a žerty slyšeti;
a nevěsta jen se smála
v ženichově objetí.

Cizí host

Раскраснелись в пляске лица,
шумно, тесно за столом,
и невеста веселится —
лихо пляшет с женихом.

Чужой гость.

У автора нет раскрасневшихся лиц и тесноты за столом, не сказано ничего и по поводу того, смеется ли невеста в объятиях жениха во время танца или в иной ситуации, но текст переводчика не находится в противоречии с текстом автора по настроению, его образы стоят в ряду тех же образов, какие наличествуют в подлиннике. Зато есть строфы, точно соответствующие подлиннику и по ритму, и по словесному выражению, например шестая строфа:

Takto, tanče kolo třetí,
on k ní šepce po tichu,
a nevěsta bez paměti
klesá v náruč ženichu.

Так шепнул он, с нею вместе
завершая третий круг.
На руки без чувств невеста
К жениху упала вдруг.

Но и Зенкевичу, несмотря на его громадный поэтический опыт, не всегда одинаково хорошо удается передать всю полноту смысло-

вого звучания стиха. Есть у Эрбена одно из замечательных по настроению и простым по форме лирических стихотворений «Вечер» (1834). Оно состоит всего лишь из трех строк. Но как глубока мысль, воплощенная в нем! Картина вечера, вызвавшая в душе поэта отклик и создавшая известное настроение в нем, дана в предельно сжатой форме: ей отведено три первых строки. Остальные стихи — это выражение чувства неизмеримой скорби о поработенной родине и решимости звонким биением поэтического сердца будить сердца миллионов чехов от векового сна, звать к деятельности и борьбе. Это типичное «будительское» стихотворение:

Tmí se, na klekání zvoní,
sen své žádá oběti;
hvězdy světlé jiskry roní:
srdce moje, jak je ti?
Vzhůru tam bych stoupilo,
s hvězdami se spojilo;
s hůry se hvězdami těmi
na vlastenskou tuto zemi
rosné slzy ronilo!
Vzhůru tam bych stoupilo,
lásku k vlasti budilo:
srdcem rázným zvučných zvonů
rázně v srdce milionů
synů českých mluvilo!³⁵

Поэтическая мысль, развитая в стихотворении, предельно ясна. Лирического героя, или, если хотите, самого автора, угнетает картина сонного покоя, наступающего с темнотой: он напоминает о тяжком сне народа. Не слишком ли долго спят чехи? Поэт поднимает голову. Видит: звезды роняют на землю искры света. Возникает поэтическая ассоциация: сердце поэта хотело бы смешаться с звездами и ронять на землю росинки слез, оплакивать народное горе. Унылый звон колокола, зовущий к вечерней молитве и ко сну, ассоциируется по контрасту с другим, набатным звоном, зовущим к борьбе. Из этого ощущения рождается последняя строфа.

Нельзя перевести лирическое стихотворение, не уловив в нем поэтической мысли, логики ее движения, совершающегося через отдельные художественные детали, которые при переводе должны быть бережно сохранены, либо заменены равноценными, при условии, что они не выпадут из логического сцепления образов. Ради сохранения ритма и размера стихотворения можно пожертвовать

³⁵ *Перевод:* Темнеет. Звонят к вечерне. Сон требует своей жертвы. Звезды роняют светлые искры. Сердце, сердце, каково тебе? Поднялось бы я туда, ввысь, соединилось бы со звездами, сверху вместе со звездами роняло бы росинки слез на эту родную землю. Поднялось бы туда, взысь, пробуждало бы любовь к родине: сердце мощным звоном говорило бы сердцам миллионов чешских сынов!

детальями второстепенными. Но переводчик не может поступиться деталями, без которых утрачивается смысл стихотворения как целого.

Сохранены ли эти детали в переводе стихотворения «Вечер», выполненном М. Зенкевичем? Вот этот перевод:

Смерклось, льется гул трезвона,
звезды тропкой золотою
искрятся по небосклону.
Сердце, сердце, что с тобою?
— Из груди твоей, как птица,
рвусь я в небо устремиться,
там, со звездами кочуя,
я на всю страну родную
стало бы слезами литься,
ввысь поднявшись, как светило,
к родине б любовь будило,
с высоты могучим звоном
громогласно миллионам
сынов чешских говорило!

Нетрудно заметить, что некоторые детали подлинника, имеющие решающее значение для выявления замысла стихотворения, исчезли и заменены другими, придающими ему иное смысловое звучание. Благовест³⁶ (klekání), монотонное звучание церковного колокола, призывающего к вечерней молитве, под пером переводчика превращается в трезвон, в звон во все колокола,³⁷ что никак не вяжется со смыслом стихотворения. Выпали при переводе слова «sep své žádá oběti», связанные со смыслом третьей строфы, утрачена поэтическая ассоциация между первой и второй строфой: сердце поэта роняет капли слез, как звезды роняют светлые искры. Появились новые художественные детали, может быть, и не противоречащие смыслу стихотворения, но не восполняющие утраченных: «звезды тропкой золотою искрятся по небосклону», сравнения «как птица», «как светило». Конечно, и в таком переводе стихотворение не лишено смысла, но ущерб при переводе оно безусловно потерпело, из рук переводчика вышло обедненным.

Большие трудности перед переводчиком возникли при передаче ритмов и интонаций «Первой майской ночи». Песня дышит задором молодости и верой в торжество добра и правды на земле, как торжествуют свет и радость в природе. И это ощущается в переводе. По жанру — это кантата в народном духе, отражающая поверья о первом мае. В ней выступают мужской и женский хор и отдельные лица: девушка, парень, старуха-чародейка. Это произведение

³⁶ Удары в один колокол перед началом богослужения. Благовестить — оповещать звоном колокола о начале церковной службы (см.: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1. М., 1935).

³⁷ Там же, т. 4, 1935.

зрелого мастера, написанное меняющимися ритмами, характер которых не всегда улавливает переводчик, пользовавшийся, по-видимому, подстрочником и стремившийся воплотить текст подлинника в правильные силлабо-тонические стихи, например:

Tváříčky, tváříčky!
květ'te mi růžičkou:
budu vás umejvat
májovou rosičkou.

Вспыхну, расцветая
словно роза мая!
Я лицо умою
майскою росюю...

Стоит прочесть вслух чешский текст, фиксируя ударение на первом слоге, и рядом с ним русский перевод, чтобы увидеть, что музыкальное звучание чешского текста и русского перевода различно. Перевод при всей близости звучит по-иному. Может быть, на первый взгляд такая требовательность покажется излишней, но если «ритм окрашивается цветом смысла» (А. Квятковский) и если к переводу предъявлять наивысшие требования, а мы должны это делать, то подобные сопоставления, возможно, и бесполезны, хотя упрекать переводчика мы никак не собираемся. Слишком трудна задача передать ритм стиха, если одинаковые по значению и написанию слова звучат по-разному: rosa и rósa, krásá и krása.

«Песнь о победе у Домажлиц 1431» переведена дважды: М. Зенкевичем и И. Ивановым совместно с Л. Друскиным.³⁸ Стихотворение это возникло под пером Эрбена в начале нового общественного подъема в Чехии (60-е годы) и отражает действительный факт из истории гуситских войн, когда чехи разбили немцев и взяли в плен папского кардинала Юлиана. Оно написано в духе сатирических народных песен трехдольным размером и переведено в обоих случаях в общем удачно. Но перевод Зенкевича ближе к подлиннику и по смыслу, и по форме. В переводе В. Иванова и Л. Друскина последняя строфа, состоящая в оригинале из трех строк и произносимая кардиналом, сведена в две строки и сказана от автора. Среди доспехов, отобранных у кардинала фигурирует кардинальский крест, чего нет в подлиннике. Бавария (Bavor) в примечании у переводчиков превращена в чешский город Бавор, какого нет в природе, и потому слова подлинника «Už o d B a v o r, uz Nemci jdu» звучат у них по-иному: «Немцы к Б а в о р у шагают...».

Еще больше вольностей позволяет И. Иванов при переводе отрывка из баллады «Щедрый день». Для примера возьмем первую строфу:

Tma jako v hrobě, mráz v okna duje,
v světnici teplo u kamen;
v krbu se svítí, stará podřimuje,
děvčata předou měkký len.

³⁸ Пoesня западных и южных славян. Детиздат, Л., 1955, стр. 167—168.

Все просто здесь, нет никаких завитушек, никакого украшательства. А вот как выглядит перевод:

Окна слепые от снежного пуха,
Воздух в светелке теплом напоен.
Дремлет во мраке у печки старуха,
Льется меж девичьих пальчиков лен.

Под пером переводчика преобразилась вся фактура стиха, изменился и его смысл. Если в подлиннике сказано, что на улице темно и холодно, а в светлице тепло и светло, то переводчик нагоняет мрак, в котором дремлет старуха и прядут девушки. Переводчик приукрашивает переводимого автора. Поэт говорит просто: «Тьма, как в могиле, мороз в окна дует». Переводчик хочет сказать красивее: «Окна слепые от снежного пуха». В подлиннике сказано просто: «девушки прядут мягкий лен». У переводчика: «Льется меж девичьих пальчиков лен» и т. д. Но это не стиль Эрбена.

В последней строфе переводчик превращает мужские рубашки — их по обычаю невеста шьет в подарок жениху — в «подвенечное платье льняное». В рефрене не выдержан размер и также изменен смысл: рождественский пост (adventa), ожидаемый девушками, превращается в новый год: «Стучится новый год в окно...». Зачем все это? По-видимому, все происходит от непонимания своих задач переводчиком, который ведь должен знать и язык, с которого переводит, и историю, и жизненные условия, и обычаи народа, отраженные в переводимых им произведениях. Судя по переводу, этих знаний у переводчика не так много.

М. Голодный в своих переводах чаще всего точен в передаче смысла и образности стихотворений, в ряде случаев ему превосходно удается передать и ритмическое движение стиха, и характер рифмовки. Его лучшими переводами являются «Горец-чех», «Обращение», «Младший брат», «Единство», «На выборы» и, конечно, «Призыв к радости», наиболее удавшийся в переводе. Тут близость к подлиннику ощущается во всех компонентах стихотворения. Это прекрасный перевод.

Užíme radosti
ještě jest čas,
prve než starosti
zšediví vlas.

Ловите радость,
пока шумит
и кудри старость
не серебрят.

Ještě nam zakvítá
života máj
slavík nás uvítá
v zelený haj.

Для нас май жизни
и май любви,
и май отчизны,
и соловья.

Но временами он не справляется с формой эрбеновского стиха, нарушает ритмику, изменяет порядок и характер рифм («Ревни-

вый», «Фердачек наш»). В последнем стихотворении нарушены и ритм, и рифмовка, и смысл. Вот как передано это стихотворение:

Ferdáčku náš!
 Co pak děláš?
 Český lev zařičel
 ty jsi ho neslyšel,
 ty nic nedbáš. . .
 и т. д.

Эй, Фердачек наш,
 подвела тебя блажь!
 Чешский лев зарычал,
 ты не слышал, — молчал
 плохо слышишь давно ты,
 блажененький. . .
 и т. д.

Сатирическое звучание подлинника в переводе усилено. Автор не приписывает своему герою блажи, не делает его дурачком, как это получилось в переводе. Из-за этого переводчику пришлось удлинить пятую строку в строфе, и характер стиха изменился, исчезла рифма в конце строфы, перекликающаяся с звучанием первых двух строк.

Усвоение поэзии Эрбена в России через переводы определялось сложными общественно-политическими и культурными отношениями между двумя нашими странами и состоянием поэтического и переводческого мастерства в русской литературе в разное время. Остается фактом, что на протяжении долгого времени русские переводчики редко обращались к своеобразной в чешской поэзии фигуре Эрбена, а в тех случаях, когда переводили его произведения, не передавали творений чешского поэта во всем богатстве содержания и формы. Это объясняется невысоким уровнем мастерства литераторов, занимавшихся переводами произведений славянских литератур, хотя, как отмечалось выше, им нельзя было отказать в превосходном знании языков, с которых они переводили, и жизни славянских народов.

Русский читатель долго не имел представления об Эрбене как поэте. Только новый, социалистический этап в развитии общественных и литературных отношений между нашими народами, основанных на нерушимой дружбе на вечные времена, и высокий общий уровень переводческого искусства в послевоенный период позволили русской литературе усвоить через переводы творчество этого большого и оригинального чешского художника слова. Эпоха содружества социалистических наций является наиболее благоприятной для взаимного обогащения народов литературными ценностями через переводы.

При переводе произведений Эрбена, как и других чешских поэтов, встречаются объективные и субъективные трудности, диалектически взаимосвязанные. К трудностям объективного порядка относятся те, которые связаны с различием структурных особенностей чешского и русского стиха. Но в преодолении этих

объективных трудностей огромную роль играет субъективный фактор. Практика лучших переводчиков показывает, что богатство русского языка и гибкость нашего стиха в руках настоящих мастеров переводческого искусства позволяет преодолевать эти трудности и усваивать русской литературе произведения чешских поэтов, передавать многие особенности чешского стиха, не насилуя русской прозодии. Доказательство тому — переводы баллад Эрбена, исполненные Н. Асеевым, несмотря на отдельные огрехи и неточности в этих переводах.

В приближении поэзии Эрбена к русскому читателю переводы Н. Асеева, М. Зенкевича и М. Голодного сыграли значительную роль. Русский читатель обладает едва ли не лучшим переводом произведений чешского поэта среди других иностранных переводов. Но для нас мерилом качества должны быть не иностранные переводы, а возросшие эстетические требования нашего читателя и объективные возможности, позволяющие создавать переводы наивысшего уровня. Даже этим хорошим переводам присущи недостатки, с которыми нельзя мириться. Недостаточное знакомство с историей культуры чешского народа приводит к ошибкам, искажающим смысл некоторых произведений в переводе на русский язык. Непоследовательность в историзме приводит к тенденции подтянуть чешского поэта середины XIX в. к нашей современности, сгладить присущие ему противоречия. Большие трудности возникают при передаче ритма чешских стихов. Отсюда проистекают ошибки, искажающие смысл и целых произведений, и отдельных строф.

Ошибки и неточности в переводах на русский язык чешской поэзии тем более недопустимы, что через них чешская поэзия проникает в другие литературы народов СССР. Стихотворение Эрбена «Горец-чех» переведено на армянский язык с русского.³⁹ Поэт И. Н. Прончатов перевел на мордовский-эрзя язык несколько баллад Эрбена. Две из них («Золотая прялка» и «Сочельник») опубликованы.⁴⁰ Правда, мордовский поэт перевел непосредственно с чешского, но толчком к этому послужило знакомство с русскими переводами.

Переводы чешских поэтов с оригинала поэтами различных народов СССР, в особенности неславянских, — пока еще большая

³⁹ К. Я. Эрбен. Горец-чех. Перевод с русского С. Таронци. «Гракин терт» («Литературная газета»), 1960, 16 марта (на армянском языке).

⁴⁰ Карел Яромир Эрбен. 1) Сырнень пакаръ, «Сурань толт» («Сурские огни»), 1956, № 4, стр. 67—75. 2) Сочельник. Там же, 1962, № 4, стр. 104—106. — Интерес мордовского поэта к чешской литературе и чешскому языку пробудился у него в конце Великой Отечественной войны, когда он как воин Советской Армии принимал участие в освобождении Чехословакии от гитлеровцев.

редкость. Их и впредь пока будут переводить с русского. Русские переводчики долго еще будут посредниками в благородном деле общения славянских поэтов с советскими читателями разных национальностей.⁴¹ Это накладывает на них особую ответственность. Каждая их ошибка породит несметное количество других ошибок. Поэтому они должны в совершенстве овладеть языком, с которого переводят, и историей культуры того народа, с литературой которого имеют дело. Изучение иностранных языков переводчиками провозглашается сейчас как самая насущная задача времени.⁴²

Вместе с тем необходимо также теоретически обобщать опыт переводов с славянских языков на русский. И тут недостаточно общих статей. Нужны теоретические работы, освещающие проблемы перевода на русский язык с каждого славянского языка в отдельности. Эти работы, обобщая опыт перевода со славянских языков, будут иметь большое практическое и общетеоретическое значение. Признано, что, кроме общей теории перевода, необходимы частные теории перевода с одного языка на другой. Нужны теоретические работы, освещающие проблемы перевода с чешского языка на русский, статьи и книги, открывающие закономерности этого процесса. Это большая и важная задача, диктуемая перспективами дальнейшего развития дружбы и взаимного сотрудничества наших народов, стоящих на подступах к коммунизму.

⁴¹ См.: П. Р. Заборов. Литературное «посредничество» в истории взаимодействия национальных литератур. В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 314.

⁴² См.: Павел Антокольский. Черный хлеб мастерства. «Литературная газета», 21 июня 1962 г.

Е. С. Брынский

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБЩЕСТВА ИКСОВ»

(К ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ
1815—1819 гг.)

«Общество Иксов», явившееся зачинателем польской театральной критики, опубликовавшее с 1815 по 1819 г., до введения в Королевстве Польском цензуры, свыше 220 подписанных буквой «Х» рецензий на пьесы, поставленные в Варшаве, давно привлекало внимание польских литературоведов и театроведов. Однако то, что журналистика первых десятилетий XIX в. в Польше была анонимной и статьи подписывались той или иной буквой, до сих пор представляет большие трудности для исследователей в их попытках определить роль отдельных публицистов или критиков того времени.

Начало польской театральной критики относится к 1801—1802 гг. Рецензии 1801—1814 гг. оценивают главным образом самую пьесу, ее текст, а не воплощение пьесы на сцене. Оценка безусловно всегда основана на классических канонах.

Критика Иксов в отличие от критики 1801—1814 гг. была уже критикой живого театра, критикой игры актеров, сценического воплощения пьесы. Правда, в своих оценках Иксы также стоят на позициях классицизма, хотя с самого момента возникновения Общества в его рядах нет единства, и «левое крыло», если можно так выразиться, высказывает порой оценки, вступающие в явное противоречие с обычными классическими нормами.

Польский литературовед Эдзислав Либера в предисловии к мемуарам Ф. С. Дмоховского «Воспоминания с 1806 по 1830 год», переизданным в Варшаве в 1959 г., дал такую оценку рецензиям Иксов:

«Значение их состоит прежде всего в том, что они подняли уровень театральной критики, что они касались многих сторон театра, в том числе актерского искусства, что они, наконец, выражали тенденции и вкусы, господствующие в кругах, которые определяли внутреннюю и культурную политику Королевства Польского

в 1815—1819 годах. Кроме того, они учили смотреть театральные спектакли и воспитывали зрителя, подготавливая его к спектаклям».¹

Забегая несколько вперед, так как о составе «Общества Иксов» речь будет дальше, следует сразу же сказать, что Общество состояло из людей, занимавших очень видные посты в культурных учреждениях Королевства Польского и даже в правительстве, и, стало быть, оно действительно выражало тенденции и вкусы правящего класса, крупных дворян, либерализм которых был ограниченным, а патриотизм подчинен их классовым интересам.

Первой серьезной попыткой суммировать данные об «Обществе Иксов» и дать оценку его деятельности была статья Генрика Бигеляйзена «Общество Иксов. Отрывок из истории критики в польской литературе», напечатанная в 1885 г.² Бигеляйзену в результате внимательного просмотра варшавской прессы 1815—1819 гг. удалось открыть, что рецензии, подписывавшиеся буквой «Х», принадлежали не одному лицу, а исходили от группы лиц или объединения. Ссылаясь на воспоминания одного из виднейших представителей «варшавских классиков» поэта К. Козьмяна,³ писателя-мемуариста А. Э. Козьмяна⁴ и других современников «Общества Иксов», Г. Бигеляйзен установил приблизительный его состав, что до настоящего времени не встретило каких-либо возражений или уточнений, повторил вслед за упомянутыми мемуаристами, что Иксы делились на две партии: убежденных сторонников классицизма (Матушевич,⁵ Липинский⁶), не признававших никакой другой литературы, кроме классической, и литераторов с более широкими взглядами (Немцевич, Фредро,⁷ Моравский⁸), склонявшихся к новому течению в ли-

¹ Z. Libera. Wstęp. В кн.: F. S. Dmochowski. Wspomnienia od 1806 do 1830 roku. Oprac. i wstępem poprzedził Zdzisław Libera. Warszawa, PIW, 1958, стр. 14—15.

² H. Biegieleisen. Towarzystwo Iksów. Ustęp z dziejów krytyki w literaturze polskiej. Biblioteka Warszawska, t. 4, 1885, стр. 22—47, 189—212.

³ К. Козьмян. Pamiętniki, т. 3, Kraków, 1865, стр. 244, 392—394.

⁴ А. Е. Козьмян. Wspomnienia, т. 1. Poznań, 1867, стр. 146—151.

⁵ Тадеуш Матушевич (1765—1819) — министр финансов, позднее сенатор; литератор, основатель «Общества любителей наук» (1800 г.).

⁶ Юзеф Липинский (1764—1828) — член Комиссии по делам народного просвещения, председатель Главной дирекции Национального театра, писатель и переводчик.

⁷ Юлиан Немцевич (1757—1841) — писатель и политический деятель. Патриотические произведения Немцевича высоко ценили К. Ф. Рылеев и польский поэт Ю. Словацкий; Максимилиан Фредро (1784—1846) — драматург, старший брат комедиографа А. Фредро.

⁸ Франтишек Моравский (1783—1861) — поэт, сочинитель сказок, сатирик, переводчик Шиллера, Байрона. Во время деятельности «Общества Иксов» Моравский выступил с рецензиями на пьесы Шекспира и Шиллера, выходящими далеко за рамки классических оценок. Впоследствии он полностью перешел на позиции романтизма.

тературе и искусстве, получившему название «романтизма»; наконец, Бигеляйзен попытался на основе все тех же мемуарных материалов и данных варшавской прессы за 1815—1819 гг. нарисовать историю возникновения и деятельности «Общества Иксов».

После этой статьи появилось еще несколько статей, дополняющих и развивающих основные положения Бигеляйзена. В Народной Польше в 1956 г. была издана книга Яцека Липинского «Театральные рецензии Общества Иксов»,⁹ которая является последним словом в вопросе об изучении деятельности и литературного наследия Иксов.

Книга представляет собой сборник рецензий «Общества Иксов», а также статей, направленных против Общества, которые были извлечены из труднодоступной ныне варшавской прессы 1815—1819 гг. и прокомментированы сотрудниками Института искусства Польской академии наук Я. Липинским и Э. Яблонским. В большой вступительной статье к этой книге Я. Липинский подводит итог всем предыдущим исследованиям об Иксах, с марксистских позиций оценивает их деятельность и определяет их роль в истории польского театра как зачинателей серьезной и высококвалифицированной театральной критики.

Деятельность Иксов высоко оценивают Юлиан Кшижановский, уже упомянутый Здзислав Либера, Анна Ковальская и другие современные польские ученые.¹⁰

Итак, к фактографическим материалам, которыми пользовались до сих пор исследователи деятельности «Общества Иксов», относились мемуары современников Общества и данные варшавской прессы за 1815—1819 гг.

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот рукописного документа, исходившего от Общества, который удалось обнаружить в рукописных собраниях Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.¹¹ Эта рукопись позволяет нам приоткрыть занавес над закулисной историей возникновения Общества, точно определить его первоначальный состав и непосредственно войти в творческую лабораторию Иксов.

⁹ Recenzje teatralne Towarzystwa Iksów 1815—1819. Oprac. i wstępem opatrzył Jacek Lipiński. Przypisy opracowali Jacek Lipiński i Zbigniew Jabłoński. Warszawa—Wrocław, 1956, стр. 626.

¹⁰ J. Krzyżanowski. Wstęp. В кн.: Polska krytyka literacka (1800—1918). Materiały, т. 1, Warszawa, 1959, стр. 10; A. Kowalska. Warszawa literacka w okresie przełomu kulturalnego 1815—1822. Warszawa, 1961, стр. 201.

¹¹ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Собрание польских автографов — картон 2». — Автографы, среди которых рукопись обнаружена, никак с нею не связаны, и поэтому определить источник и дату поступления рукописи в библиотеку не удалось.

Документ составляет 4 листа и представляет собой краткий конспект первых одиннадцати заседаний Общества, написанный рукой секретаря Общества Максимилиана Фредро. Протокол шестого заседания включает текст Устава Общества, под которым подписались все члены этого тайного объединения. Таким образом, окончательно установлен первоначальный состав «Общества Иксов»: Юлиан Урсин Немцевич, Юзеф Липинский (председатель), Ян Гарновский,¹² Максимилиан Фредро (секретарь), Франтишек Моравский, Адам Матушевич,¹³ Феликс Чацкий,¹⁴ Людвик и Станислав Платеры¹⁵ и принятые немного позже Юзеф Коссаковский¹⁶ и Тадеуш Матушевич. Правда, остается невыясненным, кто должен был стать двенадцатым членом Общества (см. пункт 7 Устава). Возможно, что имелась в виду женщина, которая, по-видимому, была неплохо информирована о деятельности Общества и письмо которой Иксы читали на своем восьмом заседании. Что касается Т. А. Мостовского,¹⁷ А. Чарторыйского,¹⁸ Ю. Сераковского,¹⁹ К. Козьмяна, М. Вышковского,²⁰ о членстве которых говорится в вышеупомянутых мемуарах К. Козьмяна, А. Э. Козьмяна и Ф. С. Дмоховского, то эти лица, возможно, были приняты в члены Общества несколько позже, но вначале в числе Иксов их не было.

О задачах и организационных принципах Общества мы узнаем из Устава, над составлением которого работал Людвик Платер. Здесь необходимо подчеркнуть, что интересы Иксов не ограничивались критикой спектаклей варшавского театра. Их критическая деятельность распространялась на все области литературы, о чем свидетельствует § 1 Устава Общества, а также обсуждения переводов Липинского и Моравского, пьесы и романа Немцевича, жур-

¹² Ян Гарновский (1779—1842) — сенатор, член «Общества любителей наук», литератор.

¹³ Адам Матушевич — сын Тадеуша Матушевича, государственный советник Королевства Польского, дипломат.

¹⁴ Феликс Чацкий (1789—1862) — историк, изучал эпоху французской революции 1789 г., литератор.

¹⁵ Людвик Платер (1774—1846) — известный географ, общественный деятель, позднее сенатор. Станислав Платер (1784—1851) — историк, переводчик.

¹⁶ Юзеф Коссаковский (1757—1829) — генеральный инспектор учебных заведений, литератор, переводчик. В мемуарах К. Козьмяна утверждается, что Ю. Коссаковский был секретарем «Общества Иксов».

¹⁷ Тадеуш Мостовский (1766—1842) — министр внутренних дел Королевства Польского. До сих пор считалось, что «Общество Иксов» было создано в доме Т. Мостовского и под его руководством.

¹⁸ Адам Ежи Чарторыйский (1770—1861) — в годы деятельности Иксов сенатор-воевода Королевства Польского; поэт, критик и теоретик литературы, меценат.

¹⁹ Юзеф Сераковский (1765—1835) — государственный советник, литератор, член «Общества любителей наук».

²⁰ Михал Вышковский (1770—1829) — секретарь Комиссии внутренних дел, литератор.

węz bydi m, rownieko, ma tymczasu Piers.

L. U. Nicimewiu

J. Lipiński

J. F. Zawojski

J. G. G. G.

F. Monaciński

Ludwik Pater

Adam Matuszewicz

Feliks G. G.

Stanisław Pater

нала «Pamiętnik Warszawski, czyli Dziennik Nauk i Umiejętności»²¹ и книги «Zycia sławnych Polaków».²² Иксы имели заслуги и в области критической библиографии (Л. Платер составлял список литературных произведений, напечатанных с 1811 по 1815 г. и не получивших отклика). Интересно также и то, что члены Общества сами намеревались писать оригинальные пьесы, чтобы «умножить число драматических произведений на польском языке» (см. § 2 Устава).

Легко заметить, что наиболее активным из членов Общества был Людвик Платер, который за период с 14 апреля по 4 июня 1815 г. принимал непосредственное участие в следующих работах Общества:

1) составлял проект Устава Общества (его проект и был принят, получив одобрение большинства), 2) редактировал ответ Моравского и Фредро на статью, помещенную в пятом номере журнала «Pamiętnik Warszawski» за 1815 г., 3) писал рецензии на спектакль «Отелло» и комическую оперу Л. Дмушевского «Szkoda wąsów», 4) редактировал рецензию А. Матушевича на пьесу французского драматурга Дюваля «Najjaśniejsi podróżni», шедшую на варшавской сцене в переводе Вольского, 5) составлял каталог польских книг за 1811—1815 гг., не получивших отклика в печати, 6) составлял план дальнейших работ Общества. При этом нужно отметить, что при выборах председателя он получил равное число голосов с Ю. Липинским, который был избран лишь по воле жребия.

Что касается Юлиана Немцевича, имевшего среди Иксов наиболее серьезные заслуги в польской литературе, то, как видно из протоколов заседаний, он в первые месяцы существования Общества был занят главным образом литературной работой и в составлении рецензий на спектакли участия не принимал.

Читая протоколы заседаний Общества, мы замечаем, что среди Иксов с самого начала не было единства. Каждого из Иксов сразу же стала тяготить необходимость подчинять свое мнение большинству и поэтому уже на девятом заседании было решено, что каждый член Общества может высказывать в печати собственное мнение, подписываясь определенными криптонимами. Тот факт, что Ю. Немцевич, выступая от собственного имени, а не от имени «Общества Иксов», должен был подписываться «Н. Т.», Ф. Моравский — «У», Л. Платер — «W» и т. д., открывает перед исследователями новые возможности при попытках определить авторство статей, напечатанных в варшавских журналах и газетах

²¹ В дальнейшем в данной статье этот журнал выступает под названием «Pamiętnik Warszawski», а в переводе протоколов заседаний «Общества Иксов» также и под названием «Pamiętnik».

²² Zycia sławnych Polaków, krótko zebrane przez J. K. Bogusławskiego..., t. 1—2, W Wilnie, 1814.

в 1815—1819 гг. Попытки же определить, кому принадлежала та или иная рецензия, подписанная буквой «Х» и исходившая от имени Общества, путем анализа ее стилистических особенностей не всегда дадут желаемый результат, так как из протоколов заседаний видно, что нередко рецензии на одну и ту же пьесу поручались нескольким членам Общества, а затем составлялось обобщение.

Протоколы заседаний Общества позволяют также определить точную дату его возникновения — 14 апреля 1815 г. (первое заседание), и место, где собирались его члены — «у коллеги Тарновского». Документ подтверждает, что писание рецензий являлось для Иксов весьма существенной частью их деятельности. Ежедневные заседания Общества подготавливались заранее и благодаря этому были плодотворны. Весьма важным параграфом в Уставе Общества, стимулировавшим интенсивную деятельность, литературную или критическую, был § 9 и дополняющий его § 8. Очень важно упоминание об архиве «Общества Иксов» (см. заседание пятое, пункт 4), который хранился у секретаря. В архиве Общества, кроме протоколов заседаний, хранились, например, записки Я. Тарновского и А. Матушевича по поводу Устава Общества и, возможно, рецензии, не получившие одобрения Общества и не принятые газетами или журналом «*Pamiętnik Warszawski*».

Богатое критическое наследие «Общества Иксов» еще ждет своих исследователей. Установление авторства отдельных рецензий и статей в анонимной журналистике первых десятилетий XIX в. несомненно представило бы большой интерес, позволив точно определить позиции варшавских рецензентов и критиков накануне введения цензуры в Королевстве Польском и их отношение к зарождавшемуся в Польше романтизму.

Можно надеяться, что в польских или советских архивах будут обнаружены и другие документы из архива «Общества Иксов», но уже и эти протоколы 11 заседаний Общества открывают некоторые возможности в изучении польской литературной и театральной критики 1815—1819 гг.

Ниже мы приводим указанные протоколы на польском языке и в русском переводе.

Niżej wyrażeni zebrawszy się do kolegi Tarnowskiego postanowili bawić się czytaniem dzieł polskich literackich drukiem nie ogłoszonych i na ten koniec mieć schadzki raz na tydzień.

*Posiedzenie pierwsze
W piątek, dnia 14 kwietnia 1815*

1. Przytomne osoby: Julian Niemcewicz, Józef Lipiński, Jan Tarnowski, Maxymil. Fredro, Franciszek Morawski, Adam Matuszewicz, Felix Czacki, Ludwik Plater, Stanisław Plater.

2. Czytano trzy pierwsze akta tragedii polskiej Felińskiego pod tytułem «Barbara Radziwiłłówna».
3. Dokończenie czytania odłożono do drugiego posiedzenia.

Posiedzenie drugie

W sobotę, dnia 15 kwietnia 1815

1. Przytomne osoby: Julian Niemcewicz, Józef Lipiński, Jan Tarnowski, Fredro, Morawski, Adam Matuszewicz, Felix Czacki, Stanisław Plater, Ludwik Plater.
2. Czytano dwa ostatnie akta «Barbary».
3. Zdaniem powszechnym uznano, iż zaletą dzieła czytanego jest wiersz pełny, gładki, harmonijny, sposób tłumaczenia się osób grających wymowny, rola Barbary interesująca. Zarzucono autorowi niedostatek akcji i ruch jej nie ciągle równo postępujący, mowy zbyt długie i nieprzerywane, rozwiązanie się niespodziewane i nie dosyć z scen poprzedzających wypływające.

Posiedzenie trzecie

W sobotę, dnia 22 kwietnia 1815

1. Przytomne osoby: Julian Niemcewicz, Józef Lipiński, Jan Tarnowski, Fredro, Morawski, Adam Matuszewicz, Felix Czacki, Stanisław Plater, Ludwik Plater.
2. Czytał kolega Niemcewicz komedię we 3 aktach przez siebie oryginalnie w polskim języku napisaną pod tytułem «Dom pocztowy».
3. Przytomne osoby oświadczyły autorowi ukontentowanie i wdzięczność swoją za pomnożoną liczbę komedii polskich.

Posiedzenie czwarte

W piątek, dnia 28 kwietnia 1815

1. Przytomne osoby: Józef Lipiński, Fredro, Morawski, Matuszewicz, Felix Czacki, Jan Tarnowski, Stanisław Plater, Ludwik Plater.
2. Czytał kolega Lipiński wyjątki tłumaczeń różnych z Tassa «Jerozolimy wyzwolonej» jako to epizod Olinda i Sofronia, po-wtóre wyjątek z księgi XVI i księgi IV.
3. Zastanowiano się jakimi by sposobami można schadzki towarzystwa uczynić korzystnymi dla literatury krajowej.
4. Zgodzono się, iż koledzy Tarnowski, Matuszewicz, L. Plater przyniosą projekt ustaw towarzystwa stosowny do zdań oświadczonych na posiedzeniu.

5. Postanowiono nadto, iż koledzy Fredro i Morawski każdy z osobna odpiszą na 8-my artykuł Nr. 5-tego «Pamiętnika Warszawskiego» pod tytułem «O teatrze warszawskim».

6. Postanowiono nakoniec, iż koledzy Felix Czacki i Stanisław Plater przyniosą każdy swoje zdanie o «Hamlecie» dnia jutrzejszego w teatrze dać się mającym.

Posiedzenie piąte

We środę, dnia 3 maja 1815

1. Przytomne osoby: Józef Lipiński, Fredro, Morawski, Czacki, Tarnowski, Matuszewicz, Stanisław Plater, Ludwik Plater.

2. Czytał kolega Lipiński pierwszy akt cały i część drugiego komedii tłumaczonej przez siebie z francuskiego p. Collin d'Harleville pod tytułem «Les chateaux en Espagne».

3. Koledzy Tarnowski, Matuszewicz i Ludwik Plater czytali myśli swoje względem ustaw towarzystwa.

4. Uchwalono, iż projekt ustaw przez kolegę L. Platera napisany będzie służył za prawidło Towarzystwa i że na następującym posiedzeniu podpisany być ma od wszystkich członków. Powody zaś wyluszczone cele Związku i potrzebę organizacji przez kolegów Tarnowskiego i Matuszewicza napisane że mają być do Sekretariatu oddane końcem zachowania obu pism w Archiwum Towarzystwa.

5. Stosownie do nowo przyjętych ustaw przystąpiono do wyboru Kierującego. Z ogółu 9 członków Towarzystwa zdanie głosujących ośmiu dało kreskę trzy k. Lipińskiemu, kreskę 2 k. Niemcewiczowi, kreskę trzy k. Lud. Platerowi. Między najwięcej kreskę mającymi losem wybrany został na Kierującego Józef Lipiński.

6. Przystąpiono następnie do wyboru Sekretarza. Większość zdań poleciła to urzędowanie koledze Fredro.

7. Kolega Morawski obowiązał się dać zdanie o «Smierci Abla» w dniu jutrzejszym na teatrze dać się mającej.

Posiedzenie szóste

We czwartek, dnia 4 maja 1815

1. Przytomne członki: Julian Niemcewicz, Józef Lipiński, Jan Tarnowski, Felix Czacki, Adam Matuszewicz, Fr. Morawski, Ludwik Plater, Stanisław Plater, Max. Fredro.

2. Przeczytana została przyjęta na ostatnim posiedzeniu Ustawa Towarzystwa i przez wszystkich członków podpisana w osnowie następującej:

Kilku przyjaciół ojczystego języka postanowiło połączyć wspólną usilność i prace w celu rozkrzewienia i z bogacenia literatury krajowej. Osoby do tego związku wchodzące zamierzają sobie:

1) Czytać w gronie dobranym własne stowarzyszonych lub innych rodaków dzieła w różnych literatury gałęziach, wierszem lub prozą, oryginalne lub z obcych języków tłumaczone lub naśladowane a to w celu zasięgnięcia o nich bezstronnego zdania.

2) Starać się o pomnożenie liczby sztuk dramatycznych w języku polskim i pisanie ich podług planu poprzedniczo w towarzystwie rozbieranego i przyjętego, bez krępowania w tej mierze woli autora.

3) Czynić rozbiory dzieł tak krajowych jak obcych, poddawać je pod sąd towarzystwa, końcem umieszczenia ich w dziennikach polskich.

4) Dawać zdanie bezstronne o sztukach na Teatrze Narodowym przedstawianych tak co do ich treści jako i co do gry aktorów a to w celu jeżeli zajdzie zezwolenie towarzystwa umieszczenia ich w gazetach krajowych.

5) Ćwiczyć się w czystym wysłowieniu polszczyzny, unikając innego języka na posiedzeniach.

Dla porządnego odbywania prac swoich postanawiają stowarzyszeni następujących trzymać się prawideł.

6) Jeden z grona przyjaciół wybrany kierować będzie pracami, wyznaczać dni posiedzeń i pilnować utrzymywania protokołu przez członka na to obranego.

7) Liczba stowarzyszonych tymczasowie do dwunastu się ogranicza. Każdemu stowarzyszonemu wolno jest podawać przez Kierującego osobę na członka. Kierujący nie wydając podawającego, proponuje ją kolegom, a Towarzystwo stanowi o przyjęciu lub nie większością dwóch trzecich części zdań wszystkich członków Towarzystwa, przytomnych w Warszawie lub nie przytomnych, lecz w kraju znajdujących się.

8) Stowarzyszony oddalający się od miejsca posiedzeń wezwany będzie przez Kierującego do jakiegokolwiek pracy stosownej do celu Towarzystwa i sposobności stowarzyszonego.

9) Stowarzyszony, który przez ciąg roku nie przyniesie na posiedzenie dzieła jakiegokolwiek do celu Towarzystwa stosownego albo nie doniesie Kierującemu o rzeczywistym zaprzątzeniu się pracą jaką literacką — przestanie być członkiem Towarzystwa, nie może być nanowo obranym.

10) Każdy stowarzyszony obowiązuje się honorem i uczciwością nie wyjawiać czynności Towarzystwa jak za zgodą onego.

11) Towarzystwo nigdy inaczej stanowić nie będzie sądu o dziełach, rozbiorach i zdaniach na posiedzeniu czytanych, rów-

nie jako i o wyborze członków, Kierującego i piórotrzymającego jak tajnymi kreskami.

12) Kierujący ma prawo za zgodą Towarzystwa zapraszać osoby dostojne na szczególne posiedzenia, na których jednak w przytomności osób do Towarzystwa nie należących nic stanowionym nie będzie.

13) Odmiana, poprawa lub rozwinięcie niniejszej Ustawy nastąpić nie może jak na propozycję Kierującego. Towarzystwo stanowi o tym większością dwóch trzecich części członków swoich w kraju przytomnych.

14) Urzędowanie Kierującego i trzymającego pióro trwać będzie miesięcy trzy.

15) Celu zamierzanego życzą sobie stowarzyszeni osiągnąć w skromnym utajeniu nie przybierając nazwiska uczonego towarzystwa, ani nadając tytułu jakiegobądź związkowi swojemu. Gorliwe ojczyściej literatury zamiłowanie, przyjaźń, wzajemna ufność. czynne przykładanie swojej, a bezstronne cudzej pracy sąđenje będą ich podnieta, wsparciem i jedynym działania sposobem.

3. Uchwalono, iż protokół dotychczasowych sześciu posiedzeń Towarzystwa podpisany będzie przez wszystkich członków. Odtąd zaś protokół każdego posiedzenia, na początku następującego przeczytany przez Kierującego podpisany być ma również jako i przez trzymające pióro.

<i>J. U. Niemcewicz</i>	<i>F. Morawski</i>
<i>J. Lipiński</i>	<i>Ludwik Plater</i>
<i>J. F. Tarnowski</i>	<i>Adam Matuszewicz</i>
<i>J. M. Fredro</i>	<i>Felix Czacki</i>
	<i>Stanisław Plater.</i>

Posiedzenie siódme

We wtorek, dnia 9 maja 1815

1. Przytomne członki: J. Lipiński — kierujący, J. Niemcewicz, L. Plater, S. Plater, J. Tarnowski, Fr. Morawski, F. Czacki, M. Fredro trzymający pióro.

Adam Matuszewicz nie obecny dla oddalenia się z Warszawy.

2. Kierujący czytał list do redaktora «Pamiętnika», w którym wskazuje mu czym być powinno pismo peryodyczne; uchwalono zostało aby tenże list do druku był podanym z przyłączeniem jeśli będzie można listy dzieł wysłanych w Polsce od 1812 r., a których jeszcze rozbioru nie było; w przypadku gdyby Kierujący nie mógł tak prędko dla nie znalezienia potrzebnych katalogów teje listy ułożyć, natenczas

przy pierwszym rozbiórce, który się podaje do «Pamiętnika» przyłączona być powinna. To wniesienie było zrobione przez L. Platera.

3. Czytano odpowiedzi na «Uwagi nad aktorami i widzami warszawskimi» zrobione przez F. Morawskiego i M. Fredro. Obie odpowiedzi co do zasad zupełnie też same były, lecz Morawskiego daleko obszerniej pisana, jednakże złączenie obu poruczone zostało Lud. Platerowi.

4. S. Plater i F. Czacki czytali rozbiór «Hamleta». Rozbiór S. Platera dokładnie i dobrze zrobiony, F. Czackiego tak samo, lecz gdy tenże więcej samą sztukę niż grę aktorów rozbiierał, co nie było zamierzonym celem. Ustanowiono aby Kierujący dodawszy niektóre myśli z rozbioru Czackiego do zrobionego przez S. Platera ułożył ogólny, który niebawem w gazetach narodowych ma być umieszczonym.

5. Fr. Morawski czytał uwagi nad «Tragedią Abla» z francuskiego p. Legouvé tłumaczonej, w której pierwszy miał wstęp na scenie tutejszej J. P. Fiszer. Przyjęte i drukiem mają być ogłoszone.

6. Na przyszłym posiedzeniu dnia 17 b. m. mają być czytane: 1) wzywz wspomniane połączenie, 2) «Powódz Wisły», poema przez J. Lipińskiego, 3) niedokończone jeszcze tłumaczenie «Fałszywych niewierności» wierszem przez F. Morawskiego.

7. J. Tarnowskiemu oddalającemu się stąd poruczył Kierujący rozbiór niedawno wysłęgo dzieła pod tytułem «Życia sławnych Polaków», a M-u Fredro rozbiór «Sieroty chińskiego» tłumaczonej tragedii z Woltera, mającej być wystawionej we 12 b. m.

8. Stosownie do 7 art. Ustaw Towarzystwa Kossakowski za członka tegoż przyjętym został.

J. Lipiński M. Fredro.

Posiedzenie ósme

We czwartek, dnia 18 maja 1815

1. Przytomni: Kierujący, Ludwik Plater, J. Niemcewicz, F. Morawski, St. Plater, F. Czacki, Max. Fredro — trzymający pióro. Kossakowski dla słabości zdrowia nie mógł się znajdować.

2. Czytano list bezimiennej kobiety do Towarzystwa zachęcający do wytrwałości w zamierzonym celu.

3. Fredro czytał rozbiór gry aktorów w «Sierocie Chińskim», który z niektórymi odmianami i poprawkami ma być do gazet podany.

4. Poprawioną i skróconą odpowiedź F. Morawskiego na umieszczony artykuł w ostatnim numerze «Pamiętnika» pod tytułem «Uwagi nad widzami i aktorami warszawskimi» odczytano i postanowiono, aby osobnie wydrukowana była, jeśli jest w «Pamiętniku» umieszczona być nie może.

5. F. Morawski czytał tłumaczenie swoje «Falszywych niewierności».

6. Postanowiono zostało aby wszystkie pisma wychodzące od Towarzystwa literą «X» oznaczone odtąd bywały.

7. Kierujący zlecił rozbiór opery «Przerwanej ofiary» S. Platerowi, któremu F. Czacki o tejże sztuce także swoje udzielić powinien uwagi. Rozbiór zaś tragedii «Otella» L. Platerowi.

8. Na środę sesja odłożona została, to jest na dzień 24 b. m.

J. Lipiński M. Fredro.

Posiedzenie dziewiąte

W piątek, 26 maja 1815 w Warszawie

1. Przytomni: Kierujący, L. Plater, St. Plater, Fr. Morawski, Adam Matuszewicz, F. Czacki i Mx. Fredro — trzymający pióro.

2. Stosownie do ustaw podany na członka Towarzystwa Tadeusz Matuszewicz jednomyślnie przyjętym został.

3. Postanowiono, aby wszystkie członki oprócz ogólnego podpisu L-ą «X», którą wszystkie pisma wychodzące od Towarzystwa znaczone będą, inną jeszcze jedną lub dwie litery za znak osobny obrały i tako jako następnie obranym zostało: J. Lipiński znaczyć będzie «F. J.», J. Niemcewicz «H. T.», Matuszewicz ojciec — «A», syn — «Z.», F. Morawski — «Y», L. Plater — «W», St. Plater — «R», F. Czacki — «J.», Kossakowski — «O», Tarnowski — «J. F.», Fredro — «N. O.».

4. Stanisław Plater «Przerwanej ofiary» a L. Plater «Otella» czytali rozbiory, które oba mają w gazecie być umieszczone.

5. Kierujący na przyszłe posiedzenie mające być we środę 31 maja obiecał przynieść rozbiór nowej komedii «Kto pierwszy ten lepszy czyli Cztery mile drogi», a Ad. Matuszewiczowi polecił rozbiór «Najjaśniejszych podróżnych» i «Wezbrania Wisły». Fredro na przyszłym posiedzeniu czytać będzie plan opery pod tytułem «Wanda» i 1 tejsze akt.

J. Lipiński M. Fredro.

Posiedzenie dziesiąte

We środę, dnia 31 maja 1815

1. Przytomni: Kierujący, J. Niemcewicz, L. Plater, St. Plater, F. Czacki, Fredro — trzymający pióro, oba Matuszewicza, Morawski dla odjazdu nie mógł się znajdować oraz Kossakowski dla słabości zdrowia.

2. Czytano różne artykuły Nr. 6 «Pamiętnika» i polecane rozbiory; Kierującego tak jak był czytany ma być podany do druku wraz

z rozbiorem A. Matuszewicza, w którym L. Platerowi wcale niektóre zrobić odmiany.

3. Fredro czytał plan i 1 akt «Wandy».

4. Zleczone zostały następujące rozbiory sztuk mających być granymi w piątek i niedzielę to jest «Nowy dziedzic», opera, — St. Platerowi, «Dwaj roztargnieni», komedia, — F. Czackiemu, a «Joanna de Montfaucon» — Fredrowi.

5. Niemcewicz na przyszłe posiedzenie mające być we środę to jest 4 czerwca czytać ma «Dwóch Sieciechów».

M. Fredro J. Lipiński.

Posiedzenie jedenaste

We środę, 4 czerwca 1815

1. Przytomni: Kierujący, J. Niemcewicz, L. Plater, St. Plater, F. Czacki, J. Tarnowski i Fredro — trzymający pióro.

2. Zaczęto od czytania na przeszłym posiedzeniu poleconych rozbiorów, które w następnych gazetach razem lub oddzielnie umieszczone być mają.

3. L. Plater czytał rozbiór komedio-opery pod tytułem «Szkoda wąsów», który również drukiem ma być ogłoszony.

4. L. Plater, gorliwy o dobro Towarzystwa, zdawszy naprzód sprawę z powierzonego mu ułożenia katalogu dzieł wyszłych w ojczystym języku od 1811 roku i wezwawszy do ukończenia onego kolegów St. Platera, F. Czackiego i Fredra dalszy plan dla Towarzystwa czytała, który głębszej rozwadze zostawionym został.

5. J. Niemcewicz czytał «Dwóch Sieciechów», których dla krótkości czasu nie mając dokończyć odłożono do 1-go posiedzenia mającego nastąpić w przyszłą środę, to jest 14 b. m.

6. St. Platerowi polecono rozbiór komedii pod tytułem «Przegroda» a F. Czackiemu opery «Kalif z Bagdadu».

M. Fredro J. Lipiński.

ПЕРЕВОД

Ниже поименованные, собравшись у коллеги Тарновского, решили развлекаться чтением польских литературных произведений, не появлявшихся в печати, и для этого собиравшись раз в неделю.

Заседание первое

В пятницу, 14 апреля 1815

1. Присутствовавшие лица: Юлиан Немцевич, Юзеф Липянский, Ян Тарновский, Максимилиан Фредро, Франтишек Моравский, Адам Матушевич, Феликс Чацкий, Людвик Платер, Станислав Платер.

20 Из истории русско-славянских связей

2. Читали три первых акта польской трагедии Фелинского под названием «Barbara Radziwiłłówna».

3. Окончание читки отложено на следующее заседание.

Заседание второе

В субботу, 15 апреля 1815

1. Присутствовавшие лица: Юлиан Немцевич, Юзеф Липинский, Ян Тарновский, Фредро, Моравский, Адам Матушевич, Феликс Чацкий, Станислав Платер, Людвик Платер.

2. Читали два последних акта пьесы «Barbara [Radziwiłłówna]».

3. Общим мнением признано, что достоинством прочитанного произведения является полновзвучный, гладкий, гармонический стих, что выражения действующих лиц красноречивы, роль Барбары интересна. Автору поставлены в упрек слабость действия не всегда ровное его развитие, слишком длинные и не прерываемые монологи, неожиданная и не вполне вытекающая из предыдущих сцен развязка.

Заседание третье

В субботу, 22 апреля 1815

1. Присутствовавшие лица: Юлиан Немцевич, Юзеф Липинский, Ян Тарновский, Фредро, Моравский, Адам Матушевич, Феликс Чацкий, Станислав Платер, Людвик Платер.

2. Коллега Немцевич читал написанную им оригинально на польском языке комедию в трех актах под названием «Dom rosztowy».

3. Присутствовавшие выразили автору свое удовлетворение и благодарность за увеличение числа польских комедий.

Заседание четвертое

В пятницу, 28 апреля 1815

1. Присутствовавшие лица: Юзеф Липинский, Фредро, Моравский, Матушевич, Феликс Чацкий, Ян Тарновский, Станислав Платер, Людвик Платер.

2. Коллега Липинский читал отрывки различных переводов из «Освобожденного Иерусалима» Тассо, а именно: эпизод об Олинде и Софронии, затем отрывок из книги XVI и книги IV.

3. Обсуждали, каким образом можно было бы сделать заседания Общества полезными для отечественной литературы.

4. Пришли к соглашению, что коллеги Тарновский, Матушевич, Л. Платер составят проект Устава Общества, опираясь на предложения, высказанные на заседании.

5. Кроме того, было решено, что коллеги Фредро и Моравский каждый в отдельности напишут ответ на 8-ю статью журнала «Pamiętnik Warszawski» № 5, которая называется «О варшавском театре».²³

6. Решено, наконец, что коллеги Феликс Чацкий и Станислав Платер составят каждый свой отзыв о «Гамлете», который должен быть показан завтра в театре.

²³ Речь идет о статье варшавского критика С. Окрашевского «Замечания о варшавских актерам и зрителях».

Заседание пятое

В среду, 3 мая 1815

1. Присутствовавшие лица: Юзеф Липинский, Фредро, Моравский, Чацкий, Тарновский, Матушевич, Станислав Платер, Людвик Платер.

2. Коллега Липинский читал первый акт полностью и часть второго акта переводимой им с французского комедии Колен-д'Арлевиля под названием «Les chateaux en Espagne».

3. Коллеги Тарновский, Матушевич и Людвик Платер читали свои замечания относительно Устава Общества.

4. Решено, что проект Устава, написанный Л. Платером, будет служить законом для Общества и на следующем заседании должен быть подписан всеми членами. Мнения же, определяющие задачи Союза и необходимость объединения, изложенные коллегами Тарновским и Матушевичем, должны быть переданы в Секретариат в целях сохранения обеих записок в архиве Общества.

5. В соответствии с новопринятым Уставом приступили к выборам председателя. Из общего числа 9 членов Общества восемь голосовавших признали три голоса за коллегой Липинским, два голоса за коллегой Немцевичем, три голоса за коллегой Люд. Платером. Из имеющих наибольшее число голосов жребием был избран председателем Юзеф Липинский.

6. Затем приступили к выборам секретаря. Большинством голосов эта должность поручена коллеге Фредро.

7. Коллега Моравский обязался дать отзыв о пьесе «Śmierć Abła»,²⁴ которая будет завтра дана в театре.

Заседание шестое

В четверг, 4 мая 1815

1. Присутствовавшие члены: Юлиан Немцевич, Юзеф Липинский, Ян Тарновский, Феликс Чацкий, Адам Матушевич, Франтишек Моравский, Людвик Платер, Станислав Платер, М. Фредро.

2. Был прочитан принятый на последнем заседании Устав Общества и подписан всеми членами в следующей основе:

Несколько почитателей родного языка решили объединить общие усилия и работу в целях популяризации и обогащения национальной литературы. Лица, входящие в этот Союз, намерены:

1) Читать в избранном кругу произведения собственно членов Общества или прочих соотечественников в различных жанрах литературы, стихами или прозой, оригинальные или переведенные с других языков и заимствованные с целью высказывания о них беспристрастного мнения.

2) Стараться умножить число драматических произведений на польском языке и писать их по плану, разобранному и принятому прежде Обществом, не стесняя при этом воли автора.

3) Писать рецензии на пьесы как национальные, так и иностранные, ставить их на обсуждение Общества и помещать в польских газетах.

4) Давать беспристрастные отзывы о пьесах, поставленных в национальном театре, как об их содержании, так и об игре актеров

²⁴ G. Legouvé. Śmierć Abła, trag. w 3 a. tł. W. Orsetti. В протоколе седьмого заседания «Общества Иксов» эта пьеса выступает также под названием «Tragedia Abła».

с целью помещения их, если будет разрешение Общества, в отечественных газетах.

5) Учиться высказываться на чистом польском языке, избегая употребления на заседаниях другого языка.

Для нормального проведения своих работ члены Общества решают придерживаться следующих правил:

6) Один из коллег будет избран, чтобы руководить работами, назначать дни заседаний и следить за ведением протокола избранным для этого членом.

7) Число членов ограничивается пока двенадцатью. Каждый член имеет право подавать через председателя кандидатуры в члены. Председатель, не выявляя подавшего кандидатуру, предлагает ее коллегам, а Общество решает принять или нет большинством, составляющим две трети голосов всех присутствующих в Варшаве или не присутствующих, но находящихся на территории страны членов.

8) Член Общества, отдаляющийся от места заседаний, будет призван председателем к исполнению какой-либо работы, соответствующей задачам Общества и способностям члена Общества.

9) Член Общества, который в течение года не принесет на заседание какого-либо произведения, соответствующего задачам Общества, или не сообщит председателю о действительной занятости какой-нибудь литературной работой, — перестанет быть членом Общества, не может быть вновь принятым.

10) Каждый член Общества ручается честью и порядочностью, что не выявит деятельности Общества иначе, как с согласия последнего.

11) Общество никогда не будет составлять своего мнения о произведениях, рецензиях и отзывах, читаемых на заседаниях, а также о принятии в члены и выборах председателя и секретаря иначе, как тайным голосованием.

12) Председатель имеет право приглашать с согласия Общества достойных лиц на отдельные заседания, на которых, однако, в присутствии лиц, не принадлежащих к Обществу, ничего решаться не будет.

13) Изменение, исправление или развитие настоящего Устава может быть осуществлено только по предложению председателя. Общество решает это двумя третями голосов присутствующих в стране членов.

14) Председатель и секретарь будут исполнять свои обязанности в течение трех месяцев.

15) Намеченной цели члены Общества желают из скромности достигнуть втайне, не именуя себя ученым обществом и не давая какого-либо названия своему союзу. Горячая любовь к отечественной литературе, дружба, взаимное доверие, активное приложение своего и беспристрастная оценка чужого труда будет их стимулом, поддержкой и единственным руководством к действию.

3. Решено, что протокол предыдущих шести заседаний Общества будет подписан всеми членами. В будущем же протокол каждого заседания, прочитанный в начале следующего заседания, должен будет подписываться председателем и секретарем.

Ю. У. Немцевич
Ю. Липинский
Я. Гарновский
М. Фредро

Ф. Моравский
Людвик Платер
Адам Матушевич
Феликс Чацкий
Станислав Платер

Заседание седьмое

Во вторник, 9 мая 1815

1. Присутствовавшие члены: Ю. Липинский — председатель, Ю. Немцевич, Л. Платер, С. Платер, Я. Гарновский, Ф. Моравский, Ф. Чацкий, М. Фредро — секретарь.

Адам Матушевич не присутствовал, так как выехал из Варшавы.

2. Председатель читал письмо редактору журнала «Ramiętnik», где указывал ему, чем обязано быть периодическое издание; решено, чтобы это письмо было отдано в печать с приложением, если будет возможно, списка произведений, вышедших в Польше с 1812 г. и еще не рецензированных; в случае, если председатель не сможет, не найдя нужных каталогов, составить этот список, тогда он должен быть присоединен к первой рецензии, которая будет сдана в «Ramiętnik». Это предложение было внесено Л. Платером.

3. Читали ответы на «Замечания о варшавских актерах и зрителях», подготовленные Ф. Моравским и М. Фредро. Оба ответа в основных положениях были совершенно одинаковы, но ответ Моравского был составлен значительно пространнее, а объединить их поручено Л. Платеру.

4. С. Платер и Ф. Чацкий читали рецензии о «Гамлете». Рецензия С. Платера составлена хорошо и подробно, Ф. Чацкого — точно так же, но последний более самую пьесу разбирал, чем игру актеров, что не отвечало поставленной задаче. Решено, что председатель, добавив некоторые мысли из рецензии Чацкого к сделанному С. Платером, составит обобщение, которое в ближайшем времени должно быть опубликовано в отечественных газетах.

5. Ф. Моравский читал замечания о «Трагедии Авеля» Легуве, переведенной с французского, в которой в первый раз на здешней сцене выступил г. Фишер. Они приняты и должны быть напечатаны.

6. На следующем заседании 17 числа сего месяца должны быть прочитаны: 1) вышеупомянутое обобщение, 2) «Powódz Wisły», поэма Ю. Липинского, 3) незаконченный еще перевод в стихах Ф. Моравского пьесы «Fałszywe niewierności».²⁵

7. Уезжающему Я. Гарновскому председатель поручил написать рецензию на вышедшее недавно произведение под названием «Zycia sławnych Polaków», а М. Фредро рецензировать «Китайского сироту», переводную трагедию Вольтера, которая должна быть поставлена 12 числа сего месяца.

8. В соответствии со статьей 7 Устава Общества был принят в члены Коссаковский.

Ю. Липинский М. Фредро.

Заседание восьмое

Во вторник, 18 мая 1815

1. Присутствовавшие: председатель, Людвик Платер, Ю. Немцевич, Ф. Моравский, С. Платер, Ф. Чацкий, М. Фредро — секретарь. Коссаковский по слабости здоровья не мог присутствовать.

2. Читали письмо безымянной женщины Обществу, призывающее стойко идти по намеченному пути.

3. Фредро читал рецензию об игре актеров в «Китайском сироте», которая с некоторыми изменениями и исправлениями должна быть послана в газеты.

²⁵ Речь идет о пьесе Н. Барте «Les fausses infidélités» (1768). Рукопись перевода Моравского хранится в Национальной библиотеке в Варшаве. Шифр: BOZ.986. В России эта пьеса была переведена А. Грибоедовым и А. Жандром («Притворная неверность»).

4. Исправлен и сокращен ответ Ф. Моравского на статью, помещенную в последнем номере журнала «Pamiętnik» под названием «Замечания о варшавских актерах и зрителях». После прочтения решили, что он будет напечатан особо, если не сможет быть помещен в журнале «Pamiętnik».²⁶

5. Ф. Моравский читал свой перевод пьесы «Fałszywe niewierności».

6. Было решено, чтобы все статьи, исходящие от Общества, с настоящего времени подписывались буквой «X».

7. Председатель поручил рецензировать оперу «Przerwana ofiara»²⁷ С. Платеру, которому Ф. Чацкий должен также сообщить свои замечания об этом спектакле; а писать отзыв о трагедии «Отелло» — Л. Платеру.

8. Заседание, намеченное на среду, т. е. 24 сего месяца, отложено.

Ю. Липинский М. Фредро.

Заседание девятое

В пятницу, 26 мая 1815 в Варшаве

1. Присутствовавшие: председатель, Л. Платер, Ф. Моравский, Ф. Чацкий, Адам Матушевич и секретарь М. Фредро.

2. Рекомендованный в соответствии с Уставом Тадеуш Матушевич был единодушно принят в члены Общества.

3. Решено, чтобы все члены, кроме общей подписи буквой «X», которой все статьи, исходящие от Общества, будут помечаться, выбрали еще другую одну или две буквы как личную подпись, и, таким образом, было решено следующее: Ю. Липинский будет подписываться «F. J.», Ю. Немцевич — «H. T.», Матушевич-отец — «A», сын — «Z», Ф. Моравский — «Y», Л. Платер — «W», С. Платер — «R», Ф. Чацкий — «J», Коссаковский — «O», Тарновский — «J. F.», Фредро — «N. O.».

4. Станислав Платер и Л. Платер читали рецензии на оперу «Przerwana ofiara» и пьесу «Отелло», которые должны быть помещены в газете.

5. Председатель на следующее заседание, которое состоится в среду 31 мая, обещал принести рецензию на новую комедию «Kto pierwszy ten lepszy czyli Cztery mile drogi»,²⁸ а А. Матушевичу поручил рецензировать спектакли «Najjaśniejsi podróżni» и «Wzbranie Wisły».²⁹ Фредро на следующем заседании будет читать план оперы под названием «Wanda» и ее 1-й акт.

Ю. Липинский М. Фредро.

Заседание десятое

В среду, 31 мая 1815

1. Присутствовавшие: председатель, Ю. Немцевич, Л. Платер, Ф. Чацкий, С. Платер, секретарь Фредро, оба Матушевича. Моравский из-за отъезда, а также Коссаковский по слабости здоровья не могли присутствовать.

2. Читали различные статьи № 6 журнала «Pamiętnik» и порученные рецензии; рецензия председателя в том виде, в каком была прочитана, должна быть отдана в печать вместе с рецензией А. Матушевича, в которой Л. Платеру нужно внести совсем небольшие поправки.

²⁶ См.: Gazeta korespondenta warszawskiego, 1815, № 47. Dodatek.

²⁷ P. Winter. Przerwana ofiara, opera w 2 a., tekst F. Huber, H. W. Bogusławski.

²⁸ J. B. Vial. Kto pierwszy ten lepszy czyli Cztery mile drogi, kom. w 3 a.

²⁹ L. A. Dmuszewski. Wzbranie Wisły, kom. opera w 1 a.

3. Фредро читал план и 1-й акт оперы «Wanda».

4. Поручено писать рецензии на следующие пьесы, которые должны быть показаны в пятницу и воскресенье, а именно «Nowy dziedzic»,³⁰ опера — С. Платеру, «Dwaj roztargnieni»,³¹ комедия — Ф. Чацкому, а «Joanna de Montfaucon»³² — Фредро.

5. Немцевич на следующем заседании, которое должно состояться в среду, т. е. 4 июня, прочтет сочинение «Dwóch Sieciechów».³³

Ю. Липинский М. Фредро.

Заседание одиннадцатое

В среду, 4 июня 1815

1. Присутствовавшие: председатель, Немцевич, Л. Платер, С. Платер, Ф. Чацкий, Я. Гарновский и секретарь Фредро.

2. Начали с чтения порученных на прошлом заседании рецензий, которые вместе или отдельно должны быть помещены в ближайших номерах газет.

3. Л. Платер читал рецензию на комическую оперу под названием «Szkoda wąsów», которая также должна быть напечатана.

4. Л. Платер, усердно заботящийся о благе Общества, отчитавшись сначала в порученном ему составлении каталога произведений на родном языке, вышедших с 1811 г., и призвав закончить его С. Платера, Ф. Чацкого и Фредро, читал дальнейший план работ Общества, который был серьезно обсужден.

5. Немцевич читал сочинение «Dwóch Sieciechów», чтение которого, не закончив из-за недостатка времени, отложили до 1-го же заседания в будущую среду, т. е. 14 сего месяца.

6. С. Платеру поручена рецензия на комедию под названием «Przegroda»,³⁴ а Ф. Чацкому — на оперу «Kalif z Bagdadu».³⁵

Ю. Липинский М. Фредро.

³⁰ F. A. Boieldieu. Nowy dziedzic, opera w 1 a.

³¹ A. Kotzebue. Dwaj roztargnieni lub Inwalidzi pruscy roztargnieni, kom. w 1 a.

³² A. Kotzebue. Johanna z Montfaucon, trag. rycerska w 5 a., т. А. Gliński.

³³ Dwaj panowie Sieciechowie, powieść przez J. U. N. w Warszawie, 1815, стр. 48.

³⁴ J. M. Dieulafoy. Przegroda czyli Wiele trudów dla niczego, kom. w 1 a., т. Pękalski.

³⁵ F. A. Boieldieu. Kalif z Bagdadu, opera w 1 a., текст G. S. Juste, т. L. A. Dmuszewski.

А. Н. Бруханский

«ПИСЬМА ИЗ БОЛГАРИИ» В. Г. ТЕПЛЯКОВА

В апреле 1829 г. в газете «Одесский вестник» появилась короткая заметка: «В конце минувшего месяца Новороссийский генерал-губернатор отправил в Варну и прочие завоеванные российским оружием турецкие крепости чиновника для собирания древних монет, надписей мраморов и других остатков древности, кои бы могли занять место в нашем музее. Вследствие такого распоряжения на днях привезено сюда из Варны 9 или 10 кусков мрамора с разными изображениями».¹ Упомянутый в заметке чиновник, чью фамилию «Одесский вестник» не считал нужным или не решился назвать, был поэт Виктор Григорьевич Тепляков (1804—1842), который с 1826 г., после освобождения из Петропавловской крепости, где он находился под следствием по делу декабристов, до начала 1829 г. почти безотлучно проживал в Херсоне на положении ссыльного. В последующих номерах газета еще несколько раз сообщает читателям о дальнейших поступлениях Одесского музея древности, связанных с археологической деятельностью этого чиновника, а в специальном прибавлении к № 102 этой газеты за 1829 г. публикуется отчет Теплякова о его путешествии по Болгарии в марте—июле этого года.²

В немногочисленных биографических заметках о Теплякове этот эпизод из его жизни лишь бегло упоминается.³ Основное внимание исследователей вполне естественно сосредоточивается на выяснении

¹ «Одесский вестник», 1829, № 31—32.

² Сообщения об экспедиции Теплякова появились в «Одесском вестнике», № 35, стр. 137; № 91, стр. 392; № 95, стр. 416, № 98, стр. 428; отчет на французском языке был опубликован под заглавием «Memoire sur divers monuments d' antiquité decouverts sur differents points de la Bulgarie et de la Roumélie, présenté à S. E. mr. le gouverneur-général de la Nouvelle Russie et de la Bessarabie par mr. V. Tépliakow».

³ См., например: А. Г. Тепляков. Воспоминания о В. Г. Теплякове. «Отечественные записки», 1843, т. XXVIII, отд. 8, стр. 74—103; Ф. А. Бычков. Виктор Григорьевич Тепляков. Биографический очерк. «Исторический вестник», 1887, 29 июля, стр. 17—22; П. В. Быков. Тепляков. «Нива», 1888, № 41, стр. 1016—1018.

разносторонних личных контактов и литературных взаимоотношений Теплякова с Пушкиным и с представителями пушкинского круга. Цель настоящего сообщения — выяснить обстоятельства путешествия Теплякова в Болгарию и то отражение, которое получило это путешествие в его творчестве. Хотя подробная оценка археологических изысканий Теплякова «на берегах древней Мизии и Фракии» выходит за пределы данной цели, следует указать, что и эта сторона его деятельности вызвала известный научный и общественный резонанс. Отчет Теплякова, опубликованный на французском языке, привлек внимание известного востоковеда Клапрота,⁴ получил сочувственный отклик в одной из немецких газет,⁵ а по словам брата В. Г. Теплякова Алексея Григорьевича,⁶ также и в некоторых других европейских газетах и журналах. Впрочем, это последнее указание (как и многие другие сведения, сообщенные А. Г. Тепляковым в воспоминаниях о его брате) может быть поставлено под сомнение, так как не подтверждается библиографическими разысканиями. К сказанному можно добавить, что интерес к истории, в частности к древней, составлял характерную черту русской общественной жизни тех лет и что поэтому сведения о соседних балканских странах могли заинтересовать не только ученых, но и широкие круги образованных читателей. Этому способствовали и события русско-турецкой войны 1828—1829 гг., вполне естественно привлекавшие внимание общества к тем странам, на территории которых происходили военные действия.

Не следует, однако, и преувеличивать научное значение его путешествия⁷ в связи с тем, что специальных археологических познаний у Теплякова не было, и в чуждой для него роли исследователя древностей или, как он сам себя называет, «импровизированного антиквара», он оказался случайно и неожиданно.

Пребывание Теплякова в Херсоне отягчалось болезнью, материальными трудностями, вынужденной бездеятельностью. Он пытается хлопотать об изменении своего положения и пишет прошения

⁴ «Отечественные записки», 1843, т. XXVIII, отд. 8, стр. 74.

⁵ В письме А. Г. Тройницкого Теплякову от 5 июня 1830 г. говорится о заметке в «Лейпцигской литературной газете» (Leipziger Literatur Zeitung), в которой идет речь о поездке Теплякова. Тройницкий цитирует следующую фразу: «...вышелоименованный путешественник мог бы свободно довести до всеобщего сведения свои наблюдения». Тепляков в свою очередь дважды (в письмах от 7 марта и 19 ноября 1831 г.) вспоминает об этой заметке, сожалея, что ему не удалось ее разыскать. Он указывает даже предположительный номер газеты, а именно № 80 за 1830 г., однако ни в этом, ни в других номерах «Лейпцигской литературной газеты» эту заметку нам также не удалось обнаружить.

⁶ А. Г. Тепляков, Воспоминания о В. Г. Теплякове.

⁷ Что вслед за А. Г. Тепляковым делают почти все авторы, писавшие о его брате.

и письма высокопоставленным особам и влиятельным знакомым.⁸ Еще в июле 1827 г. он просит Николая I «об определении... на службу, хотя (бы) при здешнем генерал-губернаторе (т. е. гр. Воронцове, — А. Б.),⁹ а почти через год, цитируя в письме к брату отрицательный ответ Воронцова, он с горечью пишет: «Прошу заметить: он не может исполнить моего желания касательно службы по его канцелярии. Можете ли вы себе представить, чтобы я мог желать оной по чьей бы то ни было канцелярии?».¹⁰ И даже в феврале 1829 г., т. е. за месяц до отъезда в Болгарию, Тепляков еще ничего не знает о своей дальнейшей судьбе.¹¹ В это же время директор Одесского и Керченского музеев древности, известный археолог И. П. Бларамберг (1772—1831), заботясь о пополнении фондов музея, обращается к гр. Воронцову с просьбой произвести «разыскания о разных памятниках древности, скрывающихся между развалинами Мизии и классической Фракии».¹² При каких обстоятельствах и по чьей рекомендации Теплякову удалось добиться назначения на должность чиновника, посылаемого в Болгарию с этой целью, неизвестно. Тепляков с радостью воспользовался этой возможностью. («Кто бы на моем месте не был рад поотогреть остывшее сердце у лучей золотого фракийского солнца», — пишет он брату). Деятельность, не связанная «со службой по чьей-либо канцелярии», привлекает его возможностью «погрузиться в поэтическое величие минувшего, и в беседе с колоссальными его призраками забыть хотя бы на малое время прозу и мучительные мелочи настоящего».¹³ За несколько дней до отъезда Тепляков начинает энергично готовиться к выполнению этого поручения. Однако, несмотря на длительные собеседования с Бларамбергом и чтение рекомендованной последним соответствующей литературы, несмотря на полученные им письменные и устно инструкции,¹⁴ он откровенно признается в том, что отправляясь в свое путешествие, «будучи столь... безусловно чужд точных и обстоятельных сведений

⁸ См. его письма Николаю I, А. Х. Бенкендорфу, И. П. Шабельскому и др. («Русская старина», 1896, т. 85, стр. 431—441).

⁹ «Русская старина», 1896, т. 85, стр. 186 (Письмо от 31 июля 1827 г.).

¹⁰ Там же, стр. 434 (Письмо брату А. Г. Теплякову от 20 июня 1828 г.).

¹¹ В письме к генералу И. П. Шабельскому, посланном в это время, Тепляков хлопочет о судьбе младшего брата, а о себе ничего определенного не сообщает («Русская старина», 1896, т. 85, стр. 439—441).

¹² «Литературная газета», 1830, т. I, № 6, стр. 41.

¹³ Там же.

¹⁴ Эти инструкции, как и все другие документы архива Теплякова, опубликованы А. Ф. Шидловским в «Русской старине» (1896, т. 85, стр. 441—443) без указания местонахождения оригиналов. В настоящее время они хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (шифр 9201 II⁶ 67) (далее: ИРЛИ). Там же находится отношение к Теплякову от управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора с предложением отправиться в Варну (9276 III⁶ 19) и открытое предписание об оказании содействия Теплякову (9276 III⁶ 19).

о странах, в коих почти каждый шаг освещен каким-нибудь славным историческим событием».¹⁵ 20 марта он выезжает из Одессы и 27-го прибывает в Варну, где приступает с усердием к исполнению данного ему поручения. Уже через несколько дней он отправляет Воронцову собранные им предметы древности.

К этому периоду и относятся его первые письма из Варны, адресованные его брату, которые были опубликованы в № 6 и № 29 «Литературной газеты» за 1830 г.¹⁶ Первое письмо сопровождалось примечанием редакции. Как известно, А. А. Дельвиг, издававший газету, находился в январе-феврале этого года в Москве и несколько номеров газеты, в том числе и тот, в котором было напечатано письмо Теплякова, были подготовлены и выпущены О. М. Сомовым и А. С. Пушкиным.¹⁷ В примечании к первому письму, которое первоначально было составлено Сомовым, часть текста, по мнению акад. В. В. Виноградова, принадлежит перу Пушкина.¹⁸ Это относится к тому отрывку, в котором характеризуются художественные особенности «Письма» Теплякова: «...откровенный рассказ, живой слог, поэтический взгляд на предметы и веселое равнодушие в тех случаях, где судьба была неприветлива к Сочинителю, — вот отличительный характер его писем, которые без сомнения понравятся читателям Л. Газеты».¹⁹ О. Сомов, который вел переписку с Тепляковым, и Пушкин, впоследствии познакомившийся с ним лично (что дало возможность Теплякову говорить позднее о нем не только как о своем «великом учителе», но и о «друге»), отнеслись к его литературным занятиям чрезвычайно сочувственно. Помимо «Писем из Болгарии», в «Литературной газете» был напечатан целый ряд стихотворений Теплякова, одно из которых, по словам Сомова, очень понравилось Пушкину,²⁰ Пушкин передает ему приветы, беседует о нем со знакомыми.²¹ В свою очередь Сомов высоко

¹⁵ В. Г. Тепляков. Письма из Болгарии. М., 1833, стр. V.

¹⁶ В. Тепляков. 1) Письма русского путешественника из Варны. «Литературная газета», 1830, т. I, № 6, стр. 41—43; 2) Письмо II из Варны. Там же, № 29, стр. 227—232.

¹⁷ Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950, стр. 383.

¹⁸ В. В. Виноградов. 1) Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 года. «Временник пушкинской комиссии», тт. IV—V. М.—Л., 1939, стр. 457; 2) Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, стр. 423—426.

¹⁹ «Литературная газета», 1830, т. I, № 6, стр. 41.

²⁰ Сомов писал Теплякову о стихотворении «Странники», помещенном в альманахе «Северные цветы на 1830 год»: «Пушкин очень хвалит оное, Дельвиг также» («Русская старина», 1896, т. 85, стр. 660).

²¹ Сомов пишет, например, Теплякову 31 мая 1830 г.: «Пушкин, кн. Вяземский, барон Дельвиг и Зайцевский Вам кланяются: все они называют Вас своим знакомцем по чувствам и таланту» («Русская старина», 1896, т. 85, стр. 661).

оценивает литературные достоинства «Писем русского путешественника из Варны»: «Вы удивили и порадовали меня и стихами, и прозой, ибо у нас редко кто соединяет дар владеть языком рассудительной холодной прозы... Я любовался также вашим отчетом, дельным и оживленным мыслью и слогом».²² Можно, однако, предположить, что эти «Письма» заинтересовали редакцию газеты не только своими литературными достоинствами. Большое количество материалов, помещенных в газете, свидетельствует о серьезном интересе составителей к жанру этнографического очерка.²³ В данном же случае близкие этому жанру «Письма» Теплякова заключали к тому же сведения о соседнем славянском народе. Хотя специальных статей, помимо очерков Теплякова, посвященных Болгарии, в газете напечатано не было, в ней помещались рецензии на книги о войне в «Европейской Турции» и на известное сочинение Ю. Венелина, с которым, судя по неопубликованному письму Венелина, Тепляков был лично знаком и обменивался книгами.²⁴

Несомненно, что интерес к болгарской культуре и сочувственное стремление помочь болгарскому народу в его борьбе с турецким владычеством, воодушевившие впоследствии русскую прогрессивную общественность, в конце 20-х годов только лишь зарождались. Представления Теплякова о Болгарии к началу его путешествия сводились лишь к тому, что это — «страна классическая», «страна, столь еще мало известная», и отражали в значительной мере средний уровень знаний образованного дворянина в данной области. Воображение Теплякова на пути к Варну почти полностью занято картинами античной древности, а его исторические экскурсы ограничиваются временем покорения страны турками в 1365 г. Все последующие события, по его словам, «суть обстоятельства, чуждые моему предмету».²⁵

Однако по мере того как он знакомился со страной, взгляды его менялись. Кроме двух писем, опубликованных «Литературной газетой» в 1830 г., и одного, напечатанного в альманахе «Северные цветы на 1831 год»,²⁶ в 1833 г. отдельным изданием в Москве вышла книга «Письма из Болгарии», которая включала наряду с указанными выше еще четыре письма Теплякова. В пространственных примечаниях ко второму тому его стихотворений, в который были

²² «Русская старина», 1896, № 3, стр. 660 (Сомов — Теплякову).

²³ См.: Н. Трубицын. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. «Записки историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета», ч. СХ, стр. 501—512.

²⁴ ИРЛИ, 9206 П⁶ 68 (письмо Ю. Венелина В. Г. Теплякову (на фр. яз.)).

²⁵ В. Г. Тепляков. Письма из Болгарии, стр. 50.

²⁶ В. Г. Тепляков. Письмо III из Турции. «Северные цветы на 1831 год», 1830, стр. 177—224.

включены «Фракийские элегии»,²⁷ также содержатся отрывки из писем, написанных в период его пребывания в Болгарии. На основании этих документов можно судить об эволюции его представлений о данной стране. Но прежде чем говорить об этом, укажем на одну особенность его первоначальных заметок, которые были объединены в книгу «Письма из Болгарии».

В предисловии к этой книге Тепляков настойчиво обращает внимание читателей на то, что его письма не являются военными мемуарами. И действительно, находясь в районах военных действий, попадая в только что завоеванные города, Тепляков почти ничего не пишет о войне. Лишь в одном месте он описывает сражение (при Эски-Арнаутларе), очевидцем которого ему довелось быть. В других случаях военная тема исчерпывается беглыми упоминаниями, подчас весьма критическими, о его встречах с русскими офицерами. Единственное патетическое восклицание, связанное с известием о победах русских войск: «Ура! Ура! Наконец орлы русские за Балканом!» — сопровождается несколько ироническим замечанием: «Это бессмертное событие избавило, между прочим, и меня от чумного Созополя».²⁸ События русско-турецкой войны составляют весьма далекий и туманный фон для исторических размышлений, поэтических описаний природы, этнографических наблюдений. Показательно в этом отношении впечатление, которое оказывали «Письма из Болгарии» на некоторых читателей. И. И. Дмитриев в письме от 16 января 1834 г. благодарит, например, Теплякова за то, что с его «благодатною книгой я, не сходя с домашних кресел, забываю 15 градусов мороза, люблюсь радужным востоком на голубом небе, яркою зеленью бархатных долин, прохладю искрометных фонтанов и заслушиваюсь моего путеводителя, глубокомысленного поэта — живописца и ученого наблюдателя».²⁹ Взгляд престарелого баснописца, так чутко уловивший поэтическое своеобразие «Писем», не омрачается далеким военным фоном, — он просто не замечает его.

Указанная особенность книги Теплякова не могла не обратить внимание других читателей-современников. Это ощущается, например, в следующих словах А. Г. Теплякова: «В 1833 году изданы были мною же его «Болгарские письма», где посреди впечатлений от новых предметов, новой природы, посреди антикварских разысканий, он слегка касается колоссальных событий кампании 1828 года, столь славной для нашего оружия».³⁰ В чем же

²⁷ В. Г. Тепляков. Стихотворения, т. 2, СПб., 1836. — Вышедший в 1832 г. в Москве первый том стихотворений также включал некоторые поэтические произведения, связанные с его путешествием в Болгарию.

²⁸ Там же, стр. 101 (примечания).

²⁹ «Исторический вестник», 1887, № 29, стр. 10.

³⁰ А. Г. Тепляков. Воспоминания о В. Г. Теплякове, стр. 75.

состояла причина того, что Тепляков лишь «слегка касался» тех военных событий, непосредственным свидетелем которых он был? Пострадавший в связи с репрессиями, последовавшими после 1825 г., сохранивший надолго ту «резкость суждений», против которой его предостерегали «благоразумные друзья»,³¹ он не мог сочувственно относиться к политике Николая I и, в частности, к его военной политике. Ю. Тынянов считает, что слова П. А. Вяземского: «Война турецкая не дело отечественное, она не русская брань 1812 года», — характеризуют отношение к кампаниям 1828—1829 гг. широких кругов «недовольных».³² Если учесть к тому же специфику положения Теплякова, для которого поездка в Болгарию носила характер своеобразного экзамена на право возвращения к общественной деятельности,³³ то его немногословность по отношению к военным действиям становится легко объяснимой.

Своеобразие «Писем» Теплякова выявляется еще нагляднее при сопоставлении их с мемуарами Ф. П. Фонтана «Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах» (тт. 1—2, Лейпциг, 1862), в которых основное внимание сосредоточивается на описании сражений, боевых операций, армейского быта и на размышлениях о внешней политике Российского государства.

Интересы же Теплякова, как указывалось выше, были связаны с иной тематикой. Бесстрастная позиция «ученого наблюдателя», погруженного в изучение древней истории, постепенно уступала место любознательному и пытливому мировосприятию «живописца».

Уже первые непосредственные впечатления от Варны оказывают на него сильное воздействие. Своеобразие этого приморского города, яркие, необычные картины природы воспринимаются им прежде всего как восточная экзотика. «Вступив в город, я с первого взгляда подумал, что перенесен в сказочный мир Шехерезады, в этот вечно занимательный Багдад»,³⁴ — пишет он. Люди разных национальностей сливаются для него в одну пеструю азиатскую толпу. Все это воспринимается им как романтический Восток. Внимательный наблюдатель, он сумел впоследствии распознать в этой яркой картине подлинную и неприкрашенную действитель-

³¹ См., например, письма графини Р. С. Эдлинг (Стурдза). «Русская старина», 1896, т. 87, стр. 414—417.

³² Ю. Тынянов. Путешествие в Арзрум. «Временник пушкинской комиссии», т. II. М., 1936, стр. 58.

³³ Археологическая и литературная деятельность Теплякова, связанная с поездкой в Болгарию, вызвала одобрение правительства (см. отношение о вручении ему медали за турецкую войну и золотых часов: ИРЛИ, 9276 III⁶ 19, 20 и т. д.). Лишь после этого он получил возможность вступить на государственную службу.

³⁴ «Литературная газета», 1830, т. I, № 6, стр. 43.

ность. Однако эти два представления о Болгарии, как о классической Мизии и экзотическом Востоке, сказались на всех, особенно поэтических, произведениях Теплякова, связанных с его путешествием. Этому несомненно способствовало и то обстоятельство, что маршрут путешествия проходил по местам черноморского побережья Болгарии, где в отличие от ее центральных и северных районов турецкое влияние было особенно ощутимым.

Вместе с тем в его письмах можно проследить возникновение иного отношения к посещенной им стране. В первые же дни пребывания в Варне, желая осмотреть православные церкви, Тепляков находит их лишь с трудом: «... Фанатизм правоверных сравнял их с кровлями других строений».³⁵ Его поражало «слепое неистовство Оттоманов», разрушавших внутреннее убранство христианских храмов. В дальнейшем, путешествуя из города в город, сталкиваясь с опустошениями, причиненными турецким владычеством и войной, со страданиями народа, Тепляков уже не мог (как он собирался ранее) «проходить в молчании над этим вековым потоком слез и крови».³⁶ В первой половине мая он пишет брату: «Но люди, но мирные жители? — Боже мой! Я уже тысячу раз повторял вам, что их нет, что они исчезли, подобно листьям, развеянным осенними аквилонами. Кое-где только согбенные нуждой, томимые голодом, бледные, подобно Лаврам древнего Тартара, блуждают толпы болгар вокруг пепла разоренных лагуч своих... „Пусть гибнут!“ — вскричал бы с адским смехом какой-нибудь невежа — Мельмот, „аминь!“ — шепнул бы с рабской улыбкой какой-нибудь вежливый дипломат; а я мимоходом замечу, что обвешанные оружием, здешние болгары говорят еще вашему воображению о своих воинственных Крумах, о времени далеких торжеств, о трепете Византийской Империи перед мечами отцов их».³⁷ Этим письмом, которое показывает значительные изменения в его отношении к интересующим проблемам, книга Теплякова заканчивается. Столкнувшись с тяжелой действительностью, скрытой за экзотическим орнаментом, он уже не сможет безмятежно наслаждаться картинами природы и заниматься историческими экскурсами. Способствовало этому, видимо, и то, что после пребывания в сравнительно мало затронутой войной Варне, он попадает в блокированный и пораженный чумой Созополь и окруженный турками Анхиало.³⁸ Дальнейшие наблюдения

³⁵ Там же, № 29, стр. 228.

³⁶ В. Г. Тепляков. Письма из Болгарии, стр. 50.

³⁷ Там же, стр. 207.

³⁸ Тепляков так описывает свое пребывание в Созополе: «Здесь царство смерти. Спереди — война, сзади — зараза; справа и слева — огражденное карантинами море. Все сношения с Россией прекращены совершенно. Мы все, и живые, и мертвые, стоим лагерем перед очумленным равномерно Созополем. Дни наши — суть беспрерывные похороны; наши ночи — ежечасные

и впечатления Теплякова настолько дисгармонировали с общим тоном помещенных в книге писем, что он не решился осуществить издание второго тома, хотя собирался это сделать,³⁹ и даже в осторожной форме сообщал об этом своим читателям. «Добрый народ сей (болгарский, — А. Б.), — пишет он в конце книги, — замечателен очень во многих отношениях. Со временем (если, впрочем, наша переписка не исчахнет от умственной атонии) Болгары могут еще явиться на сцену с некоторыми довольно любопытными подробностями». ⁴⁰ О том, что эти подробности могли быть действительно любопытными, свидетельствуют отрывки из его последующих писем, помещенные в примечаниях к «Фракийским элегиям». Он пишет, например, о болгарине по имени Георгий, которому в течение восьми лет пришлось скрываться в «чужбине от турецкого ятагана». И описывает далее их совместную переправу из Созополя в Анхиало: «К этому изгнаннику присоединилось еще с полдесятка его сограждан. Для всех на каике не было места, некоторые из наших спутников могли быть поражены чумою; но (их) нетерпение облобызать родную землю говорило моему сердцу громче других соображений. . .». ⁴¹ С заметным волнением рассказывает Тепляков и о прибытии в освобожденный от турок Анхиало: «Был какой-то праздник. Народ толпился по тесным, кривым, но пестрым, но разнообразным улицам. . . Переводчик Георгий вглядывался в лицо каждому встречному и почти на каждом шагу бросался с восторженным „калимера“ в объятия ближнего или приятеля. Из русских я, вероятно, первый вошел тогда же в здешнюю соборную крепость и, вследствие того, сделался предметом всеобщего шопота». ⁴²

Встречающиеся в литературе указания, что имеются неопубликованные дневники Теплякова, относящиеся к его путешествию в Болгарию, вряд ли имеют основание, так как в действительно существующих неопубликованных дневниках его более поздних поездок по странам Ближнего Востока и Западной Европы имеются прямые свидетельства того, что дневники он начал вести лишь в период пребывания в Турции в 1834—1835 гг. ⁴³ Однако и имеющиеся материалы позволяют говорить, что поездка Теплякова в Болгарию

тревоги, словом мы уже думаем совсем не о том, как бы жить и щеголять знаменитыми открытиями; но о том, как бы умереть веселей и покойней и проч.» (В. Г. Тепляков, Стихотворения, т. 2, стр. 104, примечание).

³⁹ См. его письмо к А. Г. Теплякову от 16 ноября 1832 г. («Русская старина», 1896, т. 85, стр. 669).

⁴⁰ В. Г. Тепляков. Письма из Болгарии, стр. 208.

⁴¹ В. Г. Тепляков. Стихотворения, т. 2, стр. 102.

⁴² Там же.

⁴³ В Рукописном отделе ИРЛИ хранятся следующие документы: дневник «Греция и возвращение в Россию. Афины 14/26 октября 1834 г.»; «Путевой дневник по Сибири и Египту. Александрия 17/29 апреля 1838»; «Путевой дневник по Египту 6/18 августа 1838 года». (ИРЛИ, 9274 13, 14, 15).

явилась для него событием памятным и знаменательным. Имеются сведения, что он принимал участие в церемониях, посвященных чествованию героев русско-турецкой войны,⁴⁴ делился со своими знакомыми впечатлениями об увиденном,⁴⁵ присутствовал на встречах ветеранов кампании 1828—1829 гг., таких как та, на которую его приглашал полковник А. Бюрно: «Если г. Тепляков имеет несколько свободных минут и желает посвятить их к возобновлению воспоминаний 1829 года, в Румелии, его просят зайти в отель клуба № 18».⁴⁶ Глубокий интерес Теплякова к проблемам, связанным с Ближним Востоком и, в частности, с Османской империей, определившей почти всю его общественную деятельность, возник в период его пребывания в Болгарии. Как известно, сразу же после возвращения из Варны, он начинает добиваться назначения на должность чиновника при русском посольстве в Константинополе и отправляется туда в 1833 г.⁴⁷

Впоследствии, на основании длительных и внимательных наблюдений над внутренним и внешним положением турецкого государства, он делает решительное и недвусмысленное заключение: «Мы же, со своей стороны, полагаем писать отнюдь не для тех близоруких глашатаев европейского равновесия, которые хлопчут о его неприкосновенности, посредством восстановления Османской империи».⁴⁸ Это был своеобразный итог кратковременного, но плодотворного пребывания Теплякова в Болгарии.

⁴⁴ См., например, его «Станцы генералу К(расовскому)» (В. Г. Тепляков. Стихотворения, т. 1, стр. 143), которые, по словам «Одесского вестника» (1831, № 7), были «сочинены и пропеты» во время празднества, устроенного в Одессе в честь А. И. Красовского в 1831 г.

⁴⁵ Об этом свидетельствуют многочисленные письма Теплякова. В «Письме из Крыма к М. И. Л.», опубликованном в «Одесском альманахе на 1831 год» он вспоминает, например, «эти пленительные азиатские городки, коими я так непритворно восхищался в Болгарии и Румелии» (стр. 116). Живописные картины крымской природы напоминают ему увиденное во время поездки: «Виноградный потолок и азиатская пестрота этих татарских лавочек перенесли мечты мои в долины благословенной Румелии. Золотые дни и волшебные ночи, протекшие для меня под тенью висячих садов Анхимальских воскресли мгновенно в памяти моего сердца» (стр. 119).

⁴⁶ ИРЛИ, 9204 П⁶ 68 (Бюрно — Теплякову, 12 июня 1833).

⁴⁷ В 1834 г. Тепляков возвращается в Россию и уже в следующем 1835 г. снова хлопчует о направлении его на Восток. Он пишет в Министерство иностранных дел: «С тех пор как по поручению начальства Новороссийского края я изучал во время войны 1829 года классическую страну, занятую в это время нашими войсками, и был ободрен результатами моих изысканий, я почти полностью посвятил себя изучению этого Востока, прошлое которого является хранителем самых ранних исторических традиций, а в его будущем виднеются новые судьбы, как бы уже витающие над этой колыбелью человеческого рода» (ИРЛИ, 9276 П⁶ 22, оригинал на фр. яз.).

⁴⁸ В. Г. Тепляков. Сарай-Бурну. «Отечественные записки», 1843, т. XXXI, отд. II, стр. 18.

21 Из истории русско-славянских связей

Книга Теплякова не вызвала печатных откликов. Но то, что она была замечена и по достоинству оценена современниками, доказывают суждения некоторых современников, высказанные в письмах к нему. Укажем лишь наряду с цитированным ранее отзывом И. И. Дмитриева письмо Теплякову Жуковского от 27 апреля 1834 г.: «Позвольте принести вам искреннюю благодарность и за себя: я порадовался сердечно вашему подарку, ибо давно уже уважаю вас как поэта с дарованием необыкновенным и как приятного прозаика, умеющего давать слогом своим прелесть учености».⁴⁹

Это путешествие имело и иные историко-литературные следствия. Опубликованные частично ранее⁵⁰ стихотворения Теплякова, посвященные его путешествию или связанные с ним, были изданы в 1836 г. отдельным изданием, причем вся первая часть была озаглавлена «Фракийские элегии». Публикуя стихотворение Теплякова «Любовь и ненависть», журнал «Московский наблюдатель» сообщал в примечании о предстоящем выходе в свет этого сборника. Предполагаемый, по мнению А. А. Тамамшева, автор примечания В. Ф. Одоевский⁵¹ писал о поэтическом своеобразии стихотворений: «Особенные обстоятельства поставили сочинителя в странное для поэта, но не бесплодное положение: они заставили его рыться в археологической пыли и быть свидетелем и даже участником в последней славной войне россиян на Востоке. На стихотворениях остались следы этих различных ощущений, которые придают картинна Теплякова совсем особенный колорит; это — не бессознательное восхищение простолюдина-путешественника при виде страны, украшенной всеми дарами природы и живописными остатками древней жизни, не сухие таблицы археолога, . . . в душе поэта сливалось сладкое любопытство путника, пришедшего в новую для него страну, с горячим чувством человека, приветствующего свою страну, давно знакомую родину».⁵²

Обстоятельная рецензия Пушкина⁵³ способствовала широкой известности «Фракийских элегий», вследствие чего, несмотря даже на неблагоприятные отзывы в «Библиотеке для чтения», этот сборник стихотворений, посвященных путешествию Теплякова в Бол-

⁴⁹ «Исторический вестник», 1887, № 29, стр. 9. В Рукописном отделе ИРЛИ находится пять писем Жуковского к Теплякову. О их знакомстве см.: Н. Ф. Сумцов. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Харьков, 1902, стр. 99.

⁵⁰ В первом томе его стихотворений, в альманахе «Северные цветы», «Одесском альманахе», «Московском телеграфе», «Литературной газете» и других периодических изданиях.

⁵¹ А. А. Тамамшев. Неизданные письма В. Г. Теплякова к князю В. Ф. Одоевскому. Пгр., 1918, стр. 9—10.

⁵² «Московский наблюдатель», 1836, ч. 6, стр. 737.

⁵³ «Современник», 1836, т. III; Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 12, Изд. АН СССР, 1949, стр. 82—91.

гарию, был тепло встречен читателями.⁵⁴ Помимо стихотворений, включенных в этот сборник, еще одно поэтическое произведение Теплякова заслуживает специального упоминания. В первом томе его стихотворений была помещена «Румелийская песня», примечание к которой гласило: «Песня сия пользуется всеобщей народностью в прекрасных забалканских городах, рассеянных по берегам Бургасского залива. В. Г. Тепляков переложил оную... в русские стихи».⁵⁵ В данном случае «переложение» Теплякова отражает интерес поэта к национальной народной поэзии, который был свойствен многим поэтам пушкинского круга.

«Письма из Болгарии» наряду с другими произведениями Теплякова способствовали усилению интереса русских читателей к посещенной им стране.

⁵⁴ «Библиотека для чтения», т. 20, 1837, отд. 4, стр. 2 — «О белых страницах»; стр. 29—38 — «О небелых страницах». Автором этих заметок был, вероятно, О. Н. Сенковский.

⁵⁵ В. Г. Тепляков. Стихотворения, т. 1, стр. 189. — «Песня» была помещена также в альманахе «Северные цветы на 1831 год» (М., 1830, стр. 123—124), где она сопровождалась нотами Г. Никлевича. Вот текст первых трех (из семи) строф этой песни:

Анхило 19 июля 1829 года

Меж тем, как ты, мой соловей,
 Поешь любовь в стране далекой
 Отрава страсти одинокой
 Горит огнем в душе моей!
 Я вяну, пены волн морских
 Стал цвет ланит моих бледнее,
 Ты помнишь: яркий пурпур их
 Был русских выстрелов алее!
 Приди ж, о милый усладить
 Тоску любви, души томленье;
 Приди хоть искрой наслажденья
 Больное сердце оживить...

Укажем также, что известны и другие случаи обращения Теплякова к народному творчеству. См., например, его «Татарскую песню», записанную осенью 1830 г. в Байдарской долине (В. Г. Тепляков. Стихотворения, т. 1, стр. 137).

В. Н. Баскаков

ЮЗЕФ КОЖЕНЕВСКИЙ В РОССИИ

Юзеф Коженевский¹ — известный польский прозаик и драматург середины XIX в., автор множества пьес, романов, повестей и рассказов, получивших в свое время широкую популярность не только в Польше, но и за ее пределами. Его творчество, как и творчество ближайшего его современника Ю. И. Крашевского, сыграло важную роль в деле становления реализма в польской литературе. Коженевский «является характерным представителем той литературы, которая выросла на польской почве после 1831 г., когда вожди литературного движения ушли в изгнание».² В эти годы центр литературной жизни Польши из Варшавы переносится далеко на восток в области Волыни, Литвы, Украины. «Все новейшие польские поэты или романисты происходят не из собственной Польши, а из прежних провинций Литвы, Украины, Галиции, — замечает в 1856 г. И. Паплонский. — Из нынешних сочинителей повестей первое место занимают Корженевский, Крашевский, граф Ржевуский, Качковский — и ни один из них по своему происхождению или воспитанию не принадлежит Царству; из поэтов, не исключая умершего недавно Мицкевича, на высшей ступени Олимпа стоят: Сырокомля, Поль, Ленартович — тоже нездешние».³

Значительную часть своей жизни провел на Украине и Коженевский. Здесь сформировалось и окрепло его литературное дарование, на Украине были созданы крупнейшие его драматические и прозаические произведения, наивысшего расцвета достигло его творчество. Многие годы, проведенные Коженевским в Кременце, Киеве, Харькове, способствовали распространению его произведений

¹ В библиографии, а также при цитировании название фамилии писателя дается без отклонений от источника (И. Корженевский, И. Коржениновский, Ю. Корженевский и т. д.); во вступительной статье и в аннотациях к библиографии — везде принято современное написание: Ю. Коженевский.

² Л. Козловский. Иосиф Корженевский. «Русские ведомости», 1913, 7 сентября, № 207, стр. 4.

³ И. Паплонский. Письма из Варшавы. «Русская беседа», 1856, т. III, Обзорение, стр. 38—39.

в России. Все важнейшие романы и повести, драмы и комедии Коженевского еще при жизни писателя появились в русских переводах. Привлекало к себе внимание и его драматическое творчество. Из драматургов славянских народов Коженевский был первым, чьи произведения прочно и на долгие годы вошли в репертуар русского театра.

Юзеф Коженевский родился 7 марта 1797 г. на маленьком фольварке близ галицийского городка Броды. Здесь прошли его детские годы, здесь получил он первоначальное образование, которое было продолжено в австрийских гимназиях Эбаража и Черновцов, а с 1808 г. — в Кременецком лицее, одном из лучших в то время польских учебных заведений, которое было основано в 1805 г. Тадеушем Чацким при непосредственном участии и поддержке Гуго Коллонтая и Яна Снядецкого.

Программа учебных занятий в Кременецком лицее была значительно шире программы обычных гимназий и приближалась к университетской. Лицей располагал богатейшей библиотекой, насчитывавшей более 50 тысяч томов, среди его преподавателей было немало виднейших деятелей польской культуры: некоторое время в Лицее вел преподавательскую работу Алоизы Фелинский, известный польский драматург, почетный член Виленского университета и Варшавского общества наук; кафедру красноречия и пиитики занимал прекрасный знаток польской литературы, педагог и поэт Еузебиуш Словацкий, отец великого польского поэта-романтика Юлиуша Словацкого; польскую литературу преподавал филолог и библиограф Алоизы Осинский, составитель словаря польского языка. Серьезное внимание в программе лицея уделялось русскому языку и литературе. Занятия по этим предметам с 1807 г. до закрытия лицея вел И. Т. Александровский (он же читал и русскую историю).⁴ Широкая и разносторонняя программа, высокий уровень преподавания, привлечение к работе в лицее выдающихся прогрессивных деятелей польской педагогики, науки и культуры — все это неуклонно способствовало превращению Кременецкого лицея в главный центр духовной и культурной жизни Вольни и быстрому росту его популярности среди польского дворянства, проживающего не только в русской, но и в австрийской и даже немецкой частях Польши.⁵

⁴ Об И. Т. Александровском см.: П. Н. Берков. К истории русско-польских культурных отношений конца XVIII и начала XIX века. I. И. Т. Александровский, профессор русского языка и словесности в Кременецком лицее. «Известия АН СССР», 1934, № 9, стр. 703—742.

⁵ Более подробно о структуре Кременецкого лицея и его истории см.: М. Ф. Владимирский-Буданов. История императорского университета св. Владимира, т. I, Киев. 1884; M. Rolle. Ateny wołyńskie. Szkic z dziejów oświaty w Polsce. Lwow, 1898.

Из австрийской Галиции, где польский язык находился под запретом, в 1808 г. пришел в Кременецкий лицей и Юзеф Коженевский, на долгие годы связавший свою судьбу с этим учебным заведением. К этому времени относятся его первые литературные опыты; на студенческой скамье начал он свою педагогическую деятельность, с пятнадцати лет выступая в качестве репетитора учеников младших лицейских классов.

Превосходно владея языками (особенно латинским и немецким) и имея не менее глубокие познания в области истории и теории литературы, Коженевский обращается к самостоятельному творчеству.

Первым печатным произведением его считается «Ода на 1815 год» («Oda na rok 1815»), появившаяся 13 августа 1816 г. в № 30 «Виленского еженедельника» («Tygodnik Wilénski»), основанного Иоахимом Лелевелем. Однако вслед за первым опубликованным произведением Коженевского в его творческой деятельности наступает почти трехлетний перерыв и лишь в 1819 г., накануне окончания лицея, в «Научном дневнике» («Pamiętnik naukowy») печатаются его следующие произведения, среди которых стихи («Oda do ríoga» и «Ernestyna») занимают уже второстепенное место, а на первое выдвигаются прозаические сочинения: оригинальное исследование «О патетическом» («O patetyczności»), основанное на глубоком знании античной эстетики и литературы, а также близкий по характеру к интересам Коженевского его перевод книги «О возвышенном», приписывавшейся древнегреческому мыслителю Дионисию Кассию Лонгину.

Этими немногими печатными работами исчерпывается содержание литературной деятельности Коженевского в лицее, которая протекала под значительным влиянием А. Осинского, чем и определялся интерес начинающего писателя к классической литературе и эстетике в его исследовательских работах и подражание классическим образцам — в его поэтических опытах этого периода. В 1819 г. после окончания лицея Коженевский, как один из лучших и способнейших питомцев его, был приглашен в качестве воспитателя в дом генерала Винценты Красинского, где должен был заниматься с его десятилетним сыном Зигмунтом, будущим знаменитым польским поэтом. Но эти занятия продолжались лишь несколько месяцев; Коженевскому было предложено место в библиотеке Замойских, он дал свое согласие и вскоре покинул дом генерала Красинского, надолго сохранив дружеские отношения с его хозяином.

Четыре года, проведенные в Варшаве, оставили значительный след в жизни писателя: здесь завязались его первые литературные связи и знакомства, здесь он занимается переводами (из Вольтера, Шиллера и др.), продолжает углубленное изучение языков, шире знакомится с литературой, здесь же, вероятно, готовясь к будущей педагогической деятельности, он приступил к работе над «Курсом

поэзии», который был продолжен и закончен уже в Кременце, а выпущен в свет лишь в 1829 г. в Варшаве.

В 1823 г. Коженевский был приглашен в качестве преподавателя в Кременецкий лицей, где занял кафедру красноречия и поэзии, а позднее начал преподавать и польскую литературу.⁶ Если первый кременецкий период (1808—1819) и непродолжительный варшавский период (1819—1823) были для Коженевского порой ученичества, когда основное место в его творчестве занимали подражания и переводы, то второй кременецкий период, окончившийся с закрытием Кременецкого лицея, можно рассматривать как переходное звено от ученичества к самостоятельному и оригинальному творчеству, характеризующемуся прежде всего усиливающимся интересом писателя к драматургии.

В эти годы он первый в польской литературе, отвергнув старые каноны, создает ряд драматических произведений, написанных белым стихом («Клара», «Анеля», «Отшельник», «Дмитрий и Мария»).

Если произведения, относящиеся к ученическому периоду творчества Коженевского, мало знакомы польскому читателю и совсем неизвестны русскому, то несколько иначе обстоит дело с произведениями второго кременецкого периода. Правда, и здесь многие из его произведений никогда на русский язык не переводились, но зато с главными из них, какими следует считать трагедии «Анеля» («Aniela») и «Отшельник» («Mnich»), русский читатель имел возможность познакомиться уже в начале 1830-х годов: первая трагедия была переведена на русский язык частично, а вторая полностью.

Перевел их Василий Николаевич Щастный, поэт и переводчик пушкинской эпохи, секретарь «Литературной газеты», близко знакомый с Пушкиным, Мицкевичем, Дельвигом. К сожалению, биографические сведения о нем крайне скудны. Он был известен современникам как переводчик Мицкевича. «Услуга его литературе русской состоит в том, что он перевел на русский язык очень успешно поэму знаменитого польского поэта Мицкевича „Фарис“, которую в его переводе, истинно изящном, можно не без удовольствия прочесть и нынче».⁷ В. Н. Щастный знал ряд языков, в том числе и польский. Это не удивительно, ибо учился он в иезуитском коллегииуме, где преимущественное внимание уделялось латыни и

⁶ На то место, которое занял в Кременецком лицее Коженевский, было несколько претендентов и среди них Адам Мицкевич, друзья которого усиленно за него хлопотали, но успеха не добились (см.: M. Dernałowicz, K. Kostenicz, Z. Makowiecka. Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Lata 1798—1824. [Warszawa], PIW, 1957, стр. 326, 329).

⁷ В. П. Бурнашев. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания. «Русский вестник», 1871, № 10, стр. 629.

немецкому языку, а польский язык ему, уроженцу Волини, с детства был близок наравне с русским.⁸

Вполне вероятно, что В. Н. Щастный был лично знаком с Коженевским, который в момент окончания им иезуитского коллегиума вел преподавательскую работу в Кременецком лицее. Имея к этому времени, т. е. к началу 1830-х годов, некоторый опыт в переводах с польского языка и заинтересовавшись первыми литературными опытами Коженевского, В. Н. Щастный взял на себя нелегкую задачу — познакомить русского читателя с произведениями молодого польского писателя. С 1830 г. его переводы из Коженевского то и дело появляются в наиболее популярных русских изданиях, соседствуя в них с произведениями Пушкина, Вяземского, Дельвига и т. д.

Перевод трагедии Коженевского «Mnich» («Отшельник») одна из крупнейших переводческих работ В. Н. Щастного. Уже летом 1830 г. В. Н. Щастный полностью закончил работу над переводом «Отшельника» и в сентябре представил его на рассмотрение драматической цензуры с целью провести трагедию «Отшельник» на русскую сцену. Цензор Евстафий Ольдекоп, внимательно прочитав трагедию и кратко изложив содержание, 10 октября 1830 г. разрешил ее к постановке на сцене.⁹ На представленном ему рукописном экземпляре перевода пьесы Е. Ольдекоп наложил следующую резолюцию: «О д о б р я е т с я к п р е д с т а в л е н и ю, с тем, чтобы настоятель и все монахи являлись на сцене в том же одеянии, как *Petro l'Egmeta* [Петр Пустынный] в итальянской опере сего имени, чтобы дух явился в белой одежде без всякого отличительного знака и чтобы последняя декорация не имела никаких украшений, исключая несколько ступеней, выходящих из-за правых кулис».¹⁰ Но, несмотря на разрешение цензора, «Отшельник» по каким-то, нам неизвестным причинам был запрещен к постановке.¹¹ К сожалению, документации о его запрещении обнаружить пока не удалось, а поэтому развязка цензурной истории 1830 г. остается пока неяс-

⁸ Биографические сведения о В. Н. Щастном подобраны В. В. Даниловым в его комментарии к письму Мицкевича к Щастному (см. «Литературный архив», вып. 3, М.—Л., 1951, стр. 341—342). Перечень переводов из Мицкевича, выполненных В. Н. Щастным, см.: Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955. Библиографические материалы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 780, оп. 1, № 5, л. 134.

¹⁰ Резолюция приводится по цензурному рукописному экземпляру перевода пьесы, хранящемуся в Ленинградской Государственной библиотеке им. А. В. Луначарского (в дальнейшем: ЛГТБ). Шифр 35 390.

¹¹ Факт запрещения трагедии «Отшельник» в переводе В. Н. Щастного зафиксирован в следующих материалах: 1) Полный алфавитный список драматических сочинениям на русском языке, признанным неудобными к представлению. СПб., 1887, стр. 33; 2) Цензурный экземпляр рукописи перевода. На внутренней стороне переплета надпись: «Запрещено в 1830» (ЛГТБ, 35390).

ной. Отдельным изданием «Отшельник» вышел в 1832 г. и после этого не переиздавался и на русской сцене не ставился.

Педагогическая деятельность Коженевского в Кременецком лицее внезапно оборвалась в 1831 г., когда большинство его воспитанников встало на сторону восстания и лицей был закрыт. «Учащаяся молодежь, — пишет М. Ф. Владимирский-Буданов, — увлеклась первая (как это, впрочем, обыкновенно и бывает во всех странах мира); движение коснулось не одного лицея, а почти всех училищ края. Состав преподавателей лицея, по-видимому, не мог быть заподозрен; по крайней мере впоследствии не подвергся преследованию. Разумеется, не все и учащиеся пошли в повстанцы; но остальные взяты родителями из чувства самосохранения; во всяком случае, все училища края (кроме Киевских) опустели и, так сказать, естественно закрылись; поэтому указ о закрытии их 21 августа 1831 года был только признанием совершившегося факта».¹²

После закрытия Кременецкого лицея и Виленского университета (последний был закрыт на основании указа от 1 мая 1832 г.), т. е. лучших учебных заведений западного края, встал вопрос об организации нового учебного округа с центром в городе Киеве и об открытии здесь университета, который в какой-то степени мог бы компенсировать ущерб, нанесенный системе народного образования в западных губерниях России. С этой целью фактически прекративший свое существование Кременецкий лицей со всем своим научно-техническим оборудованием, библиотекой и основным составом преподавателей был переведен в Киев, где на базе его 15 июля 1834 г. открылся университет св. Владимира.

С группой польских преподавателей Кременецкого лицея, первое время составлявших основной костяк преподавательского состава нового университета, был переведен в Киев и Коженевский. С переводом в Киев несколько изменился и профиль его научно-преподавательской работы. Он был назначен адъюнктом кафедры латинской словесности и преподавал римские древности и мифологию, состоя одновременно секретарем первого отделения философского факультета, объединявшего кафедры гуманитарных наук.

Римские древности, как свидетельствует В. Шульгин, Коженевский читал «по три часа в неделю для первого курса и потом мифологию по полтора часа для студентов всех курсов по собственным запискам, руководствуясь в первой науке сочинениями Адама, Крейцера, Фусса и частью Нибура, а во второй — Крейцером и Германом, причем излагал не одну историю богов и героев, но предпосылая этому изложению трактат о религиозном, философском и

¹² М. Ф. Владимирский-Буданов. История императорского университета св. Владимира, т. I, стр. 58.

политическом значении мифов».¹³ Одновременно с преподаванием римских древностей и мифологии Коженевский вел и курс латинского языка, по два часа в неделю он «занимает изъяснением и переводом на русский язык Юлия Цезаря, Цицерона, Теренция, Овидия и Тита Ливия... Сверх того в первые два года упражнял студентов в переводе с русского на латинский язык по руководству Шеллера, а в последнем году излагал правила латинской стилистики по одному часу в неделю».¹⁴

В 1835 г. из университета был уволен преподаватель польского языка И. И. Микульский, сослуживец Коженевского по Кременецкому лицее. Преподавание польского языка, включавшее и общее знакомство с польской литературой, было поручено Коженевскому, который вел этот курс в течение одного года. С 1836 г. занятия по польскому языку в университете были прекращены. В. Шульгин, давая общую оценку Коженевского как педагога-лектора, отмечает, что «гораздо выше он был на кафедре польской словесности, отчасти потому, что был к этому предмету более подготовлен, а отчасти потому, что самый предмет, независимо от личности преподавателя, возбуждал интерес в тех слушателях, которые составляли большинство в университете».¹⁵ И в этом отношении прав, конечно, В. Шульгин. Интересы Коженевского направлены были прежде всего в сторону польской литературы. «Истинное призвание его тогда было то же, какое и теперь: он был даровитый беллетрист».¹⁶ Действительно, совмещая педагогическую деятельность с литературной, Коженевский в киевский период (1833—1838) создает ряд произведений, получивших широкое распространение в Польше и переведенных на русский язык. К ним прежде всего следует отнести одну из двух драм, написанных в эти годы, — «Пятый акт» («Piąty akt»). Коженевский начал работу над ней, видимо, еще в Кременце и закончил сразу же после приезда в Киев в 1833 г. Три года спустя драма была поставлена львовским театром, а в 1838 г. состоялась ее постановка в Варшаве (впервые напечатана, согласно указаниям Г. Корбута, в Вильно в 1838 г.). Вскоре появился и первый перевод драмы на русский язык, выполненный Николаем Гайворонским и изданный в Киеве в 1841 г., через три года после отъезда отсюда Коженевского. После десятилетнего перерыва, т. е. после переводов В. Н. Щастного в 1830—1832 гг., это был первый перевод произведения Коженевского на русский язык.

Двумя годами позднее Коженевский сам перевел драму на русский язык. Она была напечатана в 1843 г. в харьковском альма-

¹³ В. Шульгин. История университета св. Владимира. СПб., 1860, стр. 119.

¹⁴ Там же, стр. 118.

¹⁵ Там же, стр. 120.

¹⁶ Там же.

нахе «Молодик» и вызвала отрицательный отзыв Белинского, который со свойственной ему прямотой отметил, что драма «могла бы остаться в портфеле сочинителя без большой потери для самой себя и без всякой для русских читателей». ¹⁷ Но, несмотря на «курьезное», по определению В. Г. Белинского, содержание, драма продолжает привлекать внимание русских переводчиков и актеров. В 1853 г. она снова была переведена (и несколько переработана) Богушевичем и представлена в цензуру для разрешения ее к постановке на сцене императорских театров, но цензор А. Гедерштедт, на рассмотрение которого попала драма, в переводе получившая заглавие «Любовь и долг», высказался за запрещение постановки ее на сцене. «Несмотря на высокое драматическое достоинство этой пьесы, переделанной с польского, и на большую часть благородства характеров в ней, цензура не решается ее одобрить к представлению, сколько потому, что все содержание ее не в наших нравах, столько же и по той причине, что встречающиеся в суждениях графа софизмы и предлагаемый им развод жены с мужем за деньги, предосудительно действуют на воображение зрителя». ¹⁸ Прошло еще тридцать лет и новый перевод драмы, выполненный неизвестным нам переводчиком, под заглавием «Пятое действие, или Запрещенный плод» — снова в руках цензора, но и на этот раз драма на сцену не попала и была, как свидетельствует резолюция на цензурном экземпляре рукописи, «По журналу Театрально-Литературного комитета 12 февраля 1883 г. к представлению на сцене единогласно не одобрена». ¹⁹

В киевский период расширяются жанровые рамки творчества Коженевского: наряду с работой над драмами («Pięty akt» и «Dziewczyna i dama czyli Dwa oświadczenia») он впервые пробует свои силы в области художественной прозы. Здесь были написаны его первые рассказы, из которых «Вторник и пятница» («Wtorek i piątek») и «Через тридцать лет» («Po latach trzydziestu») были позднее переведены на русский язык. Характерно, что за годы пребывания в Киеве Коженевский почти ничего не напечатал из своих произведений этого времени, что в значительной мере объясняется тяжелыми условиями, в которых находилась польская литература и печать непосредственно после подавления восстания 1831 г. Созданные в эти годы произведения ставились на львовской сцене (в Австрии), реже — на Варшавской; в печати они стали появляться лишь в 40-е годы, когда гонения на польское слово несколько ослабели.

¹⁷ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 33.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 780, оп. 1, № 30, л. 207.

¹⁹ См.: Цензурный экземпляр рукописи перевода (ЛГТБ, 493).

В 1838 г. Коженевский «вместе с несколькими другими преподавателями б. Кременецкого лицея был переведен из Киевского университета св. Владимира в Харьков на должность директора гимназии».²⁰

Заняв должность директора единственной в то время в Харькове гимназии, Коженевский почти одновременно был назначен инспектором училищ Харьковской губернии. В немногочисленных воспоминаниях о нем как педагоге и администраторе отмечается, что в отличие от своего предшественника он всегда был справедливо требователен к своим ученикам, которые «нашли в нем доброго отца, заботливого о всех их нуждах, разумно извинявшего шалости, игравшего подчас с ними в мяч, но очень требовательного в классе и в особенности обрацавшего внимание на знание древних языков, программа коих в то время была слишком ограничена. Благодаря поднятию классической программы Корженевским харьковская гимназия дала целую генерацию отличных знатоков древних языков — профессоров университета и преподавателей».²¹

Действительно, из гимназии времен директорства Коженевского вышел ряд выдающихся деятелей русской науки, техники, культуры. Среди них известный юрист Д. И. Каченовский, возглавлявший кафедру международного права в Харьковском университете; педагог-артиллерист, начальник Михайловской артиллерийской академии Н. А. Демянков; директор второй харьковской гимназии Г. С. Шведов; редактор «Харьковских губернских ведомостей» А. М. Андреев, астроном И. И. Федоренко и многие другие. В этой же гимназии обучались и сыновья Коженевского — Ипполит, будущий известный хирург, и Сигизмунд.²²

Характеристику Коженевского как человека и педагога мы находим во вступительной заметке К. Алексева к переводу шутиковедения «Катя в долгах» («Panna Katarzyna w długach»): «Корженевский заслуживает уважения как человек; это могут подтвердить те, которые знали его лично. Живши в Харькове, он бывал часто в здешнем обществе и был любимым и веселым собеседником его. Бывшие его воспитанники передавали мне некоторые подробности о его директорстве, которые характеризуют его с очень хорошей стороны и показывают, что он ревностно предался развитию юношества, воспитывавшегося под его руководством».²³

²⁰ P. Chmielowski. Józef Korzeniowski. Jego życie i działalność literacka. Petersburg, 1898, стр. 47.

²¹ Иосиф Викентьевич Корженевский. «Южный край», Харьков, 1897, 7 марта, № 5553, стр. 2. (Подпись: К.).

²² См.: Биографический словарь бывших питомцев первой харьковской гимназии за истекшее столетие, 1805—1905. Составил Н. А. Чеканов. Харьков, 1905.

²³ Харьков. Прибавление к «Харьковским губернским ведомостям», 1864, 18 ноября, № 113, стр. 900.

Несмотря на то, что объем служебной деятельности Коженевского по сравнению с киевским периодом значительно расширился, его литературные занятия во время пребывания в Харькове становятся все более и более интенсивными; именно к этому периоду следует отнести расцвет его литературного творчества, ибо здесь, в Харькове, были созданы им те произведения, которые прославили его как прозаика и драматурга.

Надо отметить, что в харьковский период, особенно в первые годы пребывания в Харькове, в творчестве Коженевского преобладал интерес к драматургии. В это время написаны его лучшие драматические произведения: драма «Карпатские горцы» («Каграссу górale») и комедия «Евреи» («Zydzi»), а также целый ряд драм, комедий, водевилей, подавляющее большинство которых позднее было переведено на русский язык и поставлено на русской сцене.

В последние годы пребывания в Харькове Коженевский несколько отходит от драматургии и отдает все свои силы работе над прозаическими произведениями, в результате чего в 1845—1846 гг. были написаны его лучшие повести «Спекулянт» («Spekulant») и «Коллокация» («Kollokacja»). В дальнейшем он все больше и больше внимания уделяет прозе, которая в последний, варшавский, период его жизни (1846—1863) заметно выдвигается на первый план. В эти годы писатель создает романы «Родственники» («Krewni»), «Тадеуш Безымянный» («Tadeusz Bezimienny»), «Заслуженный учитель» («Emużyt»); повести «Путешествия оригинала» («Wędrowki oryginala»), «Выбор невесты» («Wurgała po żonę»), «Жертва и совесть» («Ofiara i sumienie») и многие другие.

Переходя к истории распространения в России произведений Коженевского, написанных в Харькове (1838—1846) и в Варшаве (1846—1863), остановимся сначала на его драматургии харьковского периода. Завершенная в это время драма «Карпатские горцы» не только представляет собой одно из лучших произведений писателя, но и является важным звеном в развитии польской драматургии. В ней Коженевский обратился к изображению тяжелой беспросветной жизни гуцулов, изнывавших под тяжелым ярмом австрийского владычества. Драма о произволе и насилии австрийских властей далеко не сразу попала на сцену. Ее сценическая история сложна и изучена только в отношении постановок, переводов и переделок ее на Украине.²⁴

Что же касается ее судьбы на русском языке, то соответствующий материал выявлен не полностью. Приведем лишь некоторые

²⁴ Р. Ф. Кирчів. «Каграссу górale» Ю. Коженевського в українських перекладах и переробках. В кн.: Міжслав'янські літературні взаємини, вип. II. Київ, 1961, стр. 91—112.

собранные нами факты о переводах ее на русский язык и о попытках поставить ее на русской сцене.

Первым переводчиком драмы «Карпатские горы» был сам Коженевский. Он не только перевел ее на русский язык, но и написал обширное предисловие к переводу, знакомящее читателя с жизнью и бытом гуцулов и в некоторой степени с историей возникновения драмы, которая была написана после двукратной поездки автора в Карпаты (на польском языке драма впервые опубликована в Вильно в 1843 г.). Отрывок драмы в переводе автора под заглавием «Горец» был напечатан в харьковском альманахе «Молодик». «Очень недурен отрывок из драматического сочинения г. Коженевского „Горец“, — писал В. Г. Белинский, — но тем более жаль, что это сочинение помещено не вполне, а потому теряет все свое достоинство».²⁵

Первый полный перевод пьесы на русский язык, выполненный С. П. Победоносцевым, появился в 1846 г., за ним последовали переводы В. И. Аскоченского в 1877 г., Ч. В. Брушевского — в 1914 г. и, наконец, в советское время перевод С. Игнатова — в 1955 г. Пьеса вызвала интерес театров, но путь ее на русскую сцену оказался извилистым и тяжелым. Первая попытка поставить ее в Петербурге относится к февралю 1841 г., когда на рассмотрение цензора М. Гедеонова поступила пьеса под заглавием: «Карпатские горы или Рекрут. Драматическое сочинение в трех действиях И. Ридзевича. Для императорского С.-Петербургского театра». Нам ничего неизвестно об И. Ридзевиче, который представлен здесь в качестве автора пьесы. Можно предположить, что это был псевдоним для цензуры самого Коженевского. Это тем более вероятно, что именно в 1841 г. Коженевский был в Петербурге, где он мог завязать связи со столичными театрами.²⁶ Цензор М. Гедеонов, прочитав пьесу, так изложил ее содержание: «Молодой горец был противузаконно отдан в рекруты. Бежав из полка, он воротился на родину, убил сотского и сделался разбойником. Мать горца, узнав, что он пойман на промысле, умерла от отчаяния; невеста сошла с ума, а вся пьеса кончается следующими словами: „Теперь все мои на покое. Пора и мне на виселицу“. Вся пьеса совершенно безнравственна».²⁷

На основании резолюции Гедеонова 11 февраля 1841 г. пьеса была запрещена,²⁸ но цензурные мытарства ее на этом не закончились. Прошло двадцать лет, и в марте 1861 г. «Карпатские горы» в переводе С. П. Победоносцева снова появились в цензуре. На

²⁵ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 89.

²⁶ P. Chmielowski. Józef Korzeniowski, стр. 57.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 780, оп. 1, № 17, л. 14.

²⁸ См.: Цензурный экземпляр рукописи перевода (ЛГТБ, 20499).

этот раз была предпринята попытка провести драму через цензуру для постановки на харьковской сцене (на титульном листе цензурного экземпляра надпись: «На Харьк. губ. 17 март. 1861, № 2208»). В 1887 г. драма «Карпатские горы» была внесена в «Полный алфавитный список драматическим сочинениям на русском языке, признанным неудобными к представлению» (СПб., 1887) и, несмотря на несколько опубликованных в печати переводов, доступ на русскую сцену она получила лишь в 1814 г., когда с цензурными купюрами была разрешена к постановке переделка Брушевского.

Еще более сурова была судьба пьесы Коженевского «Еврей», написанной в Харькове и поставленной в 1843 г. на львовской сцене. Цензурный экземпляр этой пьесы весь испещрен пометами и резолюциями цензоров.²⁹ Впервые на русский язык пьеса была переведена учителем Калужской гимназии Р. Подгорецким и предназначалась для бенефиса М. С. Щепкина 8 января 1854 г. Учитывая, что пьеса в русском переводе издана не была³⁰ (переводилась она неоднократно под заглавием «Жида») и вследствие настойчивых и постоянных гонений цензуры на сцене не появлялась, считаем необходимым привести краткое изложение ее содержания, для чего воспользуемся сохранившимся рапортом цензора А. Гедерштедта, на основании которого 19 декабря 1853 г. пьеса была разрешена к постановке на сцене императорских театров.

«Проигравшийся в карты и промотавший на пиры и балы все свое состояние, древнего польского происхождения граф Поницкий, прибегает, для удовлетворения своей привычки роскошно жить, к разным непопозволенным средствам: он выманивает у жены доверенность на залог имений и расточает состояние находящейся у него под опекою племянницы, княжны Софьи. Ему помогает в этих действиях, всех их окрадывающих управитель.

«Между тем сближается срок совершеннолетия княжны и граф, чтобы не дать отчета за время своей над нею опеки, старается выдать ее замуж за такого человека, который не посмел бы поверять его действий. Он назначает ей в женихи барона Исаевича, отец которого был еврей.

«Но княжна Софья любит другого. В поместьях ее дяди арендует небольшое имение небогатый шляхтич, честный Старосвенцкий.

²⁹ ЛГТБ, 44563.

³⁰ Указание В. Д. Спасовича (А. Н. Пыпин и В. П. Спасович, История славянских литератур, т. II. СПб., 1881, стр. 771), повторенное В. Б. Оболевичем в его «Истории польской литературы» (Л., 1960, стр. 181), о том, что пьеса в 1861 г. была напечатана в «Современнике», не соответствует действительности.

«У него сын **Антоний** — поэт. Его-то избрало сердце княжны; и в ту самую минуту, когда родителей Антония постигает бедствие, когда все их имущество делается жертвой пламени, а граф, пользуясь этим случаем, взыскивает с Старосвенцкого убытки втрое, против того, чего стоила сгоревшая усадьба, — княжна предлагает Антонию свою руку. Является старик Старосвенцкий, и высокие чувства говорят его устами. Он напоминает княжне Софье, чем она обязана своему древнему роду, который она унизит неравным браком с его сыном; а в сына влагает мужество отказаться от руки княжны Софьи, говоря ему, что, назвав княжну женою, он низвел бы кумир любви своей с того подножия, у которого ему дозволено только поклоняться. Молодые люди, верный каждый своему долгу, расстаются; а ростовщик **Аарон Лева**, великодушный еврей, выручает Старосвенцкого от алчности графа. . .

«Взгляд цензуры на эту комедию может быть двоякий: как большая часть произведений Корженевского, одного из замечательных польских писателей, она в литературном и нравоописательном отношении имеет достоинство неоспоримое. В ней смешанное чванство польских панов с их низостью, жестокосердием и другими предосудительными свойствами, изображены верными и живыми красками. Но, с другой стороны, нельзя не обратить внимания на то, что автор, украсив мелкую шляхту и евреев достоинствами ума и сердца, лишил вельмож настоящего времени добродетели, хотя он и выражается с уважением о панах старого века».³¹

В 1861 г. Р. Подгорецкий, несколько переработав и улучшив старый перевод, снова представил его в цензуру, намереваясь получить разрешение на постановку пьесы на московской сцене. Но и на этот раз результат был тот же: 16 января 1862 г. кто-то из членов Совета главного управления по делам печати (подпись под резолюцией стерта), основываясь на запрещении 1853 г., снова отказал в разрешении на постановку пьесы на сцене, хотя предварительный отзыв о ней цензора сейчас был положительный и Театрально-литературный комитет одобрил ее к постановке. Следующие попытки продвинуть пьесу на сцену относятся к 1866 г., когда она рассматривалась цензором, Советом главного управления по делам печати и даже министром внутренних дел.

В Совете главного управления по делам печати пьеса была передана на отзыв И. А. Гончарову. Внимательно ознакомившись с произведением Коженевского, Гончаров согласился с мнением цензора, рекомендовавшего пьесу к постановке на сцене. «Согласно с мнением г. Цензора, я нахожу, что пьеса эта могла бы быть допущена к представлению на сцене, тем более, что она, не заключая высоких драматических достоинств, очень эффектна, представляет

³¹ ЦГИАЛ, ф. 760, оп. 1, № 30, лл. 218—219.

много живых сцен и бойко очерченных характеров». Присоединяясь к мнению цензора о возможности постановки драмы Коженевского на сцене, Гончаров в то же время в заключительных строках своего отзыва сделал существенную оговорку, которая и послужила непосредственным поводом для передачи драмы Коженевского на рассмотрение министра внутренних дел.

«Не могу не обратить внимание Совета на одно обстоятельство, которое почти выходит из сферы общих цензурных соображений: именно то, что комедия „Жиды“ представит на русской сцене довольно редкое, почти исключительное явление тем, что в ней выводятся действующими лицами только поляки и евреи, что действие происходит в Бердичеве и его окрестностях, со всею польскою обстановкою, с нравами, характерами, именами, вообще бытом Польши.

«Поэтому, кроме решения вопроса о допущении комедии „Жиды“ на сцену в общем цензурном смысле, нельзя не принять в соображение и вопроса о том, удобно ли, при современных отношениях русской национальности к польской, ставить на русской сцене пьесу, содержание и обстановка которой взяты из польского быта, хотя и без намеков на обстоятельства, породившие вражду между обеими национальностями.

Я с своей стороны и в этом обстоятельстве не нахожу особенного неудобства к запрещению пьесы на сцену, во всяком случае полагал бы нужным представить это обстоятельство на благоусмотрение г. Министра».³²

Поступив «на благоусмотрение» министра внутренних дел, драма была окончательно запрещена к постановке на сцене русских театров. На этом кончается цензурная история пьесы в переводе Р. Подгорецкого. Следующая попытка поставить ее на сцене относится к 1875 г., когда Театрально-литературный комитет под председательством П. Юркевича, рассмотрев пьесу в переводе А. Дл. . ., вновь запретил ее, основываясь на том, что «другой перевод этой пьесы цензурой не пропущен».

Харьковский период — время наиболее интенсивного творческого труда Коженевского, время наивысшего расцвета его художественного таланта. В эти годы возрастает и интерес к его произведениям среди русской общественности. Из девятнадцати драм и комедий, относящихся к этому времени, пятнадцать были переведены на русский язык, многие были поставлены на русской сцене, петербургской или провинциальной. Например, пьеса Коженевского «Окно во втором этаже» в течение почти десятилетия не сходила

³² Полностью отзыв И. А. Гончарова о драме Коженевского опубликован В. Е. Евгеньевым-Максимовым (см. «Голос минувшего», 1916, № 12, стр. 165—166).

со сцены.³³ Она была поставлена Александринским театром в сезон 1849—1850 гг. с участием Самойлова. «С польского кто-то перевел драму Корженевского „Окно во втором этаже“, — вспоминает А. Вольф, — переделанную из скрибовской „Une faute“. Второстепенная роль полесовщика, старого графского слуги, который из преданности считает своим долгом открыть ему неверность графини, выдвинулась на первый план, благодаря высокому мастерству Самойлова. Рассказ его производил всегда глубокое впечатление».³⁴ Особенно большой успех выпал на долю пьесы Коженевского в бенефис сестер Н. В. и В. В. Самойловых.³⁵

В сезон 1857—1858 гг. в бенефис Линской (вместе с «Провинциальными оригиналами» по Щедрину и пьесой Островского «Праздничный сон до обеда») в Александринском театре была поставлена комедия Коженевского «Прежде маменька». «В упомянутом бенефисе, — пишет А. Вольф, — дана была впервые польская комедийка „Прежде маменька“, до крайности ныне заигранная. Снеткова 3-я исполняла с необыкновенной игривостью, грациозностью и естественностью роль бойкой дочки; ни одна из ее преемниц не могла с ней сравниться».³⁶

В 1853 г. в Петербурге была поставлена в переводе Ф. А. Кони и М. Бобровского комедия Коженевского «Замужняя невеста», в 1858 г. — комедия «Праздник жатвы», в 1861 г. — была разрешена к постановке на сцене императорских театров одноактная комедия Коженевского «Подруги, или Для мужчин все женщины хороши, кроме их жен».³⁷

В 1850-х—начале 1860-х годов комедии и драмы Коженевского, прочно закрепившись на столичной сцене, начали проникать на сцену русского провинциального театра. 3 июня 1853 г. комедия Коженевского «Старый муж» была разрешена Нордстремом и Гедерштедтом к постановке в Казани.³⁸ 3 марта 1858 г. цензор Нордстрем разрешил комедию «Прежде маменька» к постановке на сцене Воронежского театра,³⁹ а 30 сентября того же года — на сцене Харьковского театра;⁴⁰ «Замужняя невеста» была разрешена к постановке в 1858 г. для Киевского театра,⁴¹ а в 1861 г. — для

³³ Сведения приведены по кн.: А. Вольф. Хроника Петербургских театров, чч. I—III. СПб., 1877—1884.

³⁴ Там же, ч. I, стр. 137.

³⁵ Там же, стр. 139.

³⁶ Там же, ч. III, стр. 15.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 780, оп. 1, № 38, л. 201. (Заключение цензора Ив. Нордстрема о пьесе «Подруги»).

³⁸ Там же, № 30, № 84. (Заключение А. Гедерштедта о пьесе «Старый муж»).

³⁹ Там же, № 35, л. 15.

⁴⁰ Там же, л. 124.

⁴¹ Там же, л. 108.

Кронштадтского (вместе с другой пьесой Коженевского «Доктор»)⁴².

Со второй половины 60-х годов постановок пьес Коженевского становится заметно меньше, но все же они продолжают изредка появляться в 70—80-е и даже 90-е годы. С течением времени изменяется выбор пьес Коженевского для русской сцены. Если в 1850—1860 гг. наибольшей популярностью пользуются «Окно во втором этаже», «Прежде маменька», «Замужняя невеста», «Доктор» и т. д., то позднее их заменяют драма «Суд присяжных», разрешенная в 1876 г., одноактная комедия «Графиня» — в 1875; драма «Изабелла д'Аиамонт» — в 1884; одноактная комедия «Qui pro Quo» в 1894 г. и т. д.

К сожалению, материалы о переводах и переделках пьес Коженевского для русской сцены, а также о широком и очень длительном интересе русского столичного и провинциального театра к наследию польского драматурга собраны еще далеко не полностью. Но даже на основании имеющихся в нашем распоряжении сведений можно сделать заключение о том, что из всех славянских (польских, чешских, болгарских, сербских) драматургов Коженевский был первым, чье драматическое творчество обратило серьезное внимание русской театральной общественности и прочно на долгие годы вошло в репертуар русского драматического театра, знакомя зрителя с обычаями и нравами польской шляхты всех рангов, о которой русский читатель и зритель располагал в то время чрезвычайно скудными сведениями.⁴³

Созданные в последние годы пребывания Коженевского в Харькове повести «Спекулянт» и «Коллокация» вскоре после выхода в свет на польском языке тоже были переведены в России. Это были первые переводы на русский язык прозы Коженевского. Правда, перевод повести «Спекулянт» был опубликован в 1848 г. лишь частично, оборвавшись на 14-й главе (всего 33), ибо журнал «Северное обозрение», в котором повесть печаталась, временно перестал выходить, а после его возобновления продолжения уже не появлялось. Прошло одиннадцать лет прежде чем в России был напечатан полный перевод повести.

В 1852 г. киевский книгоиздатель И. Завадский и писатель этнограф и переводчик А. С. Афанасьев-Чужбинский предприняли в Киеве издание «Галереи польских писателей». Всего вышло пять выпусков, заключающих в себе произведения И. Крашевского и

⁴² Там же, № 38, лл. 112—114.

⁴³ Отметим, что первое произведение А. Фредро «Новый Самиель» в переделке П. Каратыгина появилось в 1843 г. на Петербургской сцене, но драматургия Фредро не получила такого широкого распространения в России, как драматургия Коженевского, и входила в репертуар русского театра лишь эпизодически.

Коженевского. Первоначально А. С. Афанасьев-Чужбинский предполагал включить в состав «Галереи» лишь произведения Крашевского («Будник», «Осторожной с огнем», «Записки незнакомца»). В ходе работы план его несколько изменился. «Записки незнакомца» были сняты и заменены повестью Коженевского «Коллокация». Предпринимая выпуск «Галереи», Афанасьев-Чужбинский писал: «В последнее время польская литература обогатилась созданиями многих известных авторов, как гг. Ржевуский, Крашевский, Корженевский, Ходзько и др., которые могут доставить истинное удовольствие читателю, прельщенному творениями французской словесности, которая, за исключением немногих созданий, принадлежащих талантливым писателям, состоит из романов и повестей, где описываются или небывалые происшествия, или возбуждающие душу ужасы. Польская литература отличается собственно тем, что ее авторы преимущественно обращают внимание на нравы и обычаи, стараются об их исправлении и поражают пороки и испорченность человечества».⁴⁴

Появившись в печати «Галерея польских писателей» вызвала довольно многочисленные отклики русской журналистики, в значительной своей части отрицательные. Это объясняется как низким художественным уровнем перевода, так и не всегда удачным выбором произведений для перевода. Так, например, включенная в состав «Галереи» повесть Крашевского «Осторожной с огнем» является одним из наиболее слабых его произведений.

Предпринимая издание «Галереи», Афанасьев-Чужбинский и Завадский намеревались выпустить несколько ее серий и вслед за повестями Крашевского и Коженевского дать русскому читателю произведения Г. Жевуского (Г. Ржевуского), И. Ходзько и др. Однако неблагоприятный прием, который встретила «Галерея» со стороны русской журналистики, изменил намерения издателей, которые, закончив первую серию, прекратили издание «Галереи».

С конца 40-х годов русские переводы прозаических произведений Коженевского то и дело появляются в различных русских журналах, некоторые из них (например, «Анилька», «Заслуженный учитель» и др.) переводятся по два и по три раза. Особенно интенсивно Коженевского переводят в 1850-е годы, в 60—80-е годы появляются лишь единичные переводы его произведений.

Надо отметить, как и в отношении драматургии Коженевского, что не только все его центральные прозаические произведения («Коллокация», «Гадеуш Безымянный», «Родственники» и др.), но и многие из второстепенных рассказов были переведены на русский

⁴⁴ Из объявления, приложенного к кн.: Будник. Повесть И. Крашевского, перевод А. Афанасьева. Киев, Издание Иосифа Завадзкого, 1852 (Галерея польских писателей, ч. I).

язык, хотя в отличие от его пьес такой популярностью не пользовались и быстро исчезли с литературной арены.

Таким образом, из литературного наследия Коженевского значительная и, надо сказать, лучшая его часть была в свое время переведена в России.

Ниже мы приводим по возможности полную аннотированную библиографию переводов произведений Коженевского на русский язык.

Библиография состоит из трех разделов. В первый из них входят переводы прозаических произведений Коженевского, во второй — драматических; рукописи переводов включаются в библиографию лишь в том случае, если данные переводы в печати не появлялись; переводы произведений Коженевского на украинский язык в библиографию не вошли; исключения составляют лишь рукописи переводов пьесы «Карпатские горы», хранящиеся в ЛГТБ. В последний третий раздел включена литература о Коженевском на русском языке.

Переводы произведений Коженевского расположены в порядке алфавита заглавий польского оригинала, а под каждым заглавием — в хронологическом порядке; литература о Коженевском помещена в указателе в хронологическом порядке.

При составлении библиографии, кроме печатных источников, просмотрены картотеки Н. Н. Бахтина (ИРЛИ, Отдел рукописей) и картотека Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ю. КОЖЕНЕВСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

I. Прозаические произведения

Anilka. (Кременец, ок. 1825).

1. Анюта. Повесть И. Корженевского. (Перевод с польского). Сборник литературных статей, изданный редакцией «Киевского телеграфа», Киев, в типографии Антона Гаммершмида, 1859 (на обложке: 1860), стр. 7—29.

В конце текста: «Перевод с польского. А. Ю.»

2. Анилька. И. Корженевского. (Перевод с польского). «Мирской толк», 1880, № 29, стр. 342—344; № 30, стр. 353—356.
3. Анилька. В кн.: И. Корженевский. Повести и рассказы. Перев. с польского А. М. Гилевич. Харьков, типография Адольфа Дарре, 1886, стр. 71—101.
4. Аня. Рассказ Иосифа Корженевского. «Колосья», 1889, № 10, октябрь, стр. 168—187.

Druga żona. (Варшава, 1855).

5. Вторая жена. Повесть г. Корженевского. «Пантеон», т. XII, 1853, кн. 12, Изящная словесность, стр. 1—68.
6. Вторая жена. Комедия в форме рассказа. Соч. Корженевского. «Москвитянин», 1854, т. 1, № 3 и 4, февраль, кн. 1 и 2, Приложение, стр. 1—94.
В конце текста: «С польск. А. Пл.».

Emeryt. (Варшава, 1849).

7. Киевские контракты, отрывок из повести Корженевского. В кн.: Опыты в русской словесности воспитанников Варшавского учебного округа, напечатанные по распоряжению г. министра народного просвещения. СПб., в типографии императорской Академии наук, 1851, стр. 114—129.

Переводчик указан в конце текста: Фома Лебрен, ученик Варшавского благородного института.

Отрывок, включающий описание приезда Романа Выжпольского в Киев из гл. VIII и картину киевских контрактов — из гл. IX (первая половина главы).

8. Заслуженный учитель. Роман Корженевского. Перевод с польского А. Чужбинского. «Пантеон», т. XXIII, 1855, кн. 9, стр. 1—90; кн. 10, стр. 1—86; т. XXIV, кн. 11, стр. 1—98 (Изящная словесность).
9. Заслуженный учитель. Роман Корженевского. Перевод с польского А. Чужбинского. СПб., печатано в типографии Юлиуса Штауфа, 1857, 283 стр.
Цензурное разрешение отдельного издания романа от 7 марта 1857 г. подписано И. Гончаровым.
10. Кася. Роман польского писателя И. Корженевского «Emeryt». «Рассвет, журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц», т. 10, 1861, № 6, стр. 403—448; т. 11, № 7, стр. 65—122; № 8, стр. 245—316; № 9, стр. 381—456.

Jedynaczka. (Варшава, 1851).

11. Единственная дочь. Рассказ Ю. Корженевского (перевод с польского). «Сын отечества», 1859, № 30, стр. 817—823; № 31, стр. 845—850; № 32, стр. 873—882; № 33, стр. 901—908.

Перевод Ивана Петропавловского. Переводчик указан в конце текста рассказа (№ 33, стр. 908).

- 11а. Единственная дочь. Повесть И. Корженевского. Перевод В. Жорович. [Б. г.], 161 л.
Рукопись из коллекции Г. В. Юдина (ЦГАЛИ).

Kollokacja¹ (Харьков, 1845).

12. Коллокация. Повесть И. Корженевского, перевод А. Афанасьева. Т. I. Киев, издание Иосифа Завадского, 1852, 171 стр. (Галерея польских писателей. Часть 3).

¹ В библиографическом справочнике «Художественная литература стран народной демократии в переводе на русский язык. Польша» (М., 1952), составленный М. Моршинер, указано еще одно издание русского перевода повести «Коллокация», вышедшее в свет в Москве в 1880 г. Однако в библиотеках Ленинграда и Москвы, а также в текущей библиографии 80-х годов XIX в. указания на данное издание обнаружить не удалось.

Стр. 1—3: Вступительная заметка переводчика с объяснением заглавия повести и с краткой характеристикой ее автора.

Коллокация. Повесть И. Корженевского, перевод А. Афанасьева. Т. II. Киев, издание Иосифа Завадского, 1852, 165 стр. (Галерея польских писателей. Часть 4).

Коллокация. Повесть И. Корженевского, перевод А. Афанасьева. Т. III. Киев, издание Завадского, 1852, 171 стр. (Галерея польских писателей. Часть 5).

Рец.: Григорьев А. А. «Москвитянин», 1852, т. V, № 17, Критика и библиография, стр. 28—31 (автор рецензии указан в оглавлении); «Отечественные записки», т. LXXXIII, 1852, август, Библиографическая хроника, стр. 78—79; «Современник», т. XXXV, 1852, № IX, сентябрь, Библиография, стр. 9—11; «Библиотека для чтения», т. 115, ч. 2, 1852, октябрь, Литературная летопись, стр. 29—33.

Krewni (Варшава, 1855).

13. Родственники. Роман Ю. Корженевского. Перевод с польского. «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык», 1858, т. I, январь, стр. 1—140; февраль, стр. 141—316; т. II, март, стр. 317—450; апрель, стр. 451—537.

С отдельным титульным листом и пагинацией.

14. Родственники. Роман Ю. Корженевского. Издание Е. Н. Ахматовой. СПб., печатано в типографии И. И. Глазунова, 1870, 537 стр.

Издание представляет собой отдельный выпуск предшествующего перевода, напечатанный с тех же гранок и снабженный новым титульным листом.

Krzyz na stepie (Варшава, 1848).

15. Крест в степи. Соч. И. Корженевского. «Русский мир», 1859, 22 мая, № 20, стр. 475—480; 29 мая, № 21, стр. 499—504.

В конце текста указан переводчик или его псевдоним: Венцеслав.

Nowe wędrówki oryganala (Z rękopismu nieznanego autora) (Варшава, 1848).

16. Новые путешествия оригинала. Сочинение Иосифа Корженевского. Перевод с польского. «Шехеразада, журнал романов и повестей», 1858, № 9, стр. 245—254; № 10, стр. 259—274; № 17, стр. 460—468; № 18, стр. 485—492; № 19, стр. 494—521; № 20, стр. 526—535; № 21, стр. 562—572; № 22, стр. 591—596; № 23, стр. 610—620; № 24, стр. 633—644; № 25, стр. 668—676; № 26, стр. 678—695; № 27, стр. 707—716; № 28, стр. 738—756; № 29, стр. 781—788; № 30, стр. 790—804; № 31, стр. 814—828; № 32, стр. 838—853; № 33, стр. 862—871; № 34, стр. 868—896.

Ofiara i sumienie (Варшава, 1858).

17. Жертва и совесть. Драматическая повесть Корженевского в двух частях. Перевод с польского. Ч. I. СПб., издание Лермантова и К^о, 1861, 184 стр. (Библиотека избранных романов и повестей переводных. вып. XV).

Жертва и совесть. Драматическая повесть Корженевского в двух частях. Перевод с польского. Ч. II. СПб., издание Лермантова и К^о, 1861,

153 стр. (Библиотека избранных романов и повестей переводных, вып. XVI).

18. Роковой бал. Драма из действительной жизни в 5-ти действиях. (Заимствована из рассказа И. Корженевского И. В—м) [1874], 75 лл.

Рукопись инсценировки по повести И. Корженевского «Ofiara i sumienie». (ЛГТБ, 26 556). Каждое действие ее имеет свое заглавие: I. Павильон Дианы; II. Дуэль; III. Свадьба; IV. Лев в цепях; V. Бал.

19. Две жертвы. Роман. Перев. с польского. Избранные романы и повести библиотеки «Мирского толка», М., 1880, № 4, апрель, стр. 1—96; № 5, май, стр. 97—206.

С отдельным титульным листом и пагинацией.

Ran stolnikowicz (Варшава, 1852).

20. Сын вольного стольника (Роман Иосифа Корженевского). (С польского). «Семейный круг», 1860, № 20, стр. 175—183; № 21, стр. 202—213; № 22, стр. 235—240; № 23, стр. 262—273; № 24, стр. 286—294.

Сокращенный перевод.

Po latach trzydziestu (Харьков, 1839).

21. Рука и сердце. Повесть Иосифа Корженевского. «Пантеон», т. II, 1852, кн. 3, Смесь, стр. 52—60.
22. Тридцать лет спустя. В кн.: И. Корженевский. Повести и рассказы. Перев. с польского А. М. Гилевич. Харьков, типография Адольфа Дарре, 1886, стр. 3—23.

Posłuszeństwo (Варшава, 1856).

23. Послушание. Рассказ И. Корженевского. С польского. «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык», издаваемое Е. Н. Ахматовой, 1865, т. II, март, отд. II, стр. 25—55.

Spekulant (Харьков, 1845).

24. Спекулянт. Роман Иосифа Корженевского. «Северное обозрение», 1848, т. II, февраль, Словесность, стр. 39—104.

Начало романа (14 глав из 33). Публикация не была завершена.

25. Спекулянт. Повесть. Соч. Корженевского. Перевод с польского. СПб., 1859, 150 стр. (Приложение к журналу «Библиотека для чтения», № 12, 1859).

26. Спекулятор. Повесть Корженевского. 150 лл.

Рукопись середины XIX в., писанная скорописью. Переводчик не указан. В бумажном переплете с каленкоровым корешком. (Осударственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 214, № 79).

Tadeusz Bezimienny (Варшава, 1850).

27. Тадеуш Безымянный. Роман в трех частях Иосифа Корженевского. (Перевод с польского). СПб., 1859, 242 стр. (Приложение к журналу «Библиотека для чтения», № 6, 1859).

С отдельным титульным листом и пагинацией.

Wtorek i piątek (Харьков, 1840).

28. Вторник и пятница. (Повесть И. Корженевского). «Сын отечества», 1861, № 7, стр. 203—209.

29. Вторник и пятница. В кн.: И. Корженевский. Повести и рассказы. Перев. с польского А. М. Гилевич. Харьков, типография Адольфа Дарре, 1886, стр. 25—69.

Wyrzawa po żonę (Варшава, 1853).

30. Выбор невесты. Повесть Иосифа Корженевского. Перевод с польского. В двух частях. СПб., 1860, 78 + 62 стр. (Приложение к журналу «Библиотека для чтения», № 8, 1860).

В переводе сняты краткие ремарки, раскрывающие содержание отдельных глав; введено разделение на две части (в оригинале повесть состоит из 21 главы без подразделения на части); вторая половина повести несколько сокращена, вследствие чего количество глав уменьшилось до 19 (11 — в первой части и 8 — во второй).

II. Драматические произведения

Andrzej Batory. Dramat historyczny w pięciu aktach (Харьков, 1843).

31. Андрей Баторий. Историческая драма в пяти действиях. Соч. Иосифа Корженевского. Перевод с польского А. Т. «Русский вестник», т. 29, 1860, сентябрь, кн. 1, Приложение, стр. 117—224.

Aniela. Tragedia w pięciu aktach (Кременец, 1823).

32. Отрывок из драматической поэмы «Ангелика». (Действие I, явление 2). «Литературная газета», 1830, 26 января, № 6, стр. 43—44.

Перевел с польского В. Щастный. Переводчик указан в конце текста. К заглавию поэмы дано следующее примечание переводчика: «Автор сего сочинения, Иосиф Корженевский, учился в Волынском лицее, основанном знаменитым Чацким, где ныне занимается преподаванием польской словесности. Упражняясь с успехом в разных родах поэзии, предавался он преимущественно поэзии драматической и первый из поляков в трагедиях отвергнул рифму, делающую разговор неестественным и, следовательно, уничтожающую очарование. Глубокость чувств и мыслей, сила и отчетливость выражений, благородство и ясность слова, наконец, гармония стихов, суть неотъемлемые достоинства произведений г. Корженевского, едва ли не лучшего из драматических писателей Польши. Переводчик».

33. Отрывок из драматической поэмы Иосифа Корженевского «Ангелика». «Царское Село. Альманах на 1830 год». Издан Н. Коншиным и Б. Розеном. СПб., печатано в типографии Плюшара, 1830, стр. 262—274.

Четвертое явление первого действия в переводе В. Щастного. Переводчик указан в конце текста.

34. Отрывок из драматической поэмы Корженевского «Ангелика». «Комета Бельи. Альманах на 1833 год», СПб., в типографии вдовы Плюшара с сыном, 1833, стр. 163—175.

Второе и третье явления первого действия в переводе В. Цастного. Переводчик указан в конце текста.

Doktor medyczny. Komedyjka w jednym akcie.

35. Доктор. Комедия в одном действии. Сочинение Корженевского. (Перевод с польского). «Драматический сборник», т. III, СПб., в типографии Юлиуса Штауфа, 1858, стр. 1—34.

С отдельным титульным листом и пагинацией. В переводе введено деление комедии на 18 явлений, отсутствующее в оригинале.

Dwaj mężowie. Komedia w jednym akcie.

36. Два мужа. Шутка в одном действии. Соч. И. Корженевского. Перевел с польского А. Дл. . . ., [18/4], 28 лл.

Цензурный экземпляр рукописи с резолюцией: «По журналу Т[еатрально-]Л[итературного] комитета 21 декабря 1874 к представлению на сцене не одобрена». Резолюция без подписи (ЛГТБ, 1.14.2.79). Существовал и другой перевод этой пьесы, сделанный П. Юркевичем (см.: Каталог пьес членов общества русских драматических писателей и оперных композиторов. М., 1914, стр. 69. В дальнейшем: Каталог).

Gentile Bellini. Obraz dramatyczny (Варшава).

37. [Gentile Bellini]. «Русская беседа», 1856, т. III, Обзорение, стр. 39—51.

Перевод выполнен И. Паплонским и включен в состав его статьи «Письма из Варшавы» (стр. 36—55). Рекомендую читателю произведение Корженевского, И. Паплонский пишет: «Как мил Корженевский в последней своей драматической картине „Gentile Bellini“, имеющей характер не исключительно народный, а всечеловеческий. Она писана белыми стихами; я постараюсь передать ее прозою, заботясь только о верности передачи» (стр. 39).

Izabella d'Ayamonte. Dramat w czterech aktach (Харьков, 1846).

38. Изабелла Д'Аюамонт. Драма в 4-х действиях 8-ми картинах Корженевского. Переведена с польского. Кам. Щербинский. М., 1884, 108 лл.

Цензурный экземпляр рукописи, датированный июлем 1884 г. Цензурное разрешение на постановку пьесы на сцене дано 23 октября 1884 г. На лл. 26, 31, 36—38, 53—54, 56, 63, 70—71, 78—79, 80, 103 — цензурные вычерки красными чернилами (ЛГТБ, 28119).

39. Изабелла д'Аюамонт. Драма в 5-ти действиях. И. Корженевского. Перевод Л. К. М. (Людвигова). М., Литография Московской театральной библиотеки С. Ф. Разсохина, 76 стр.

Литографированное издание. Перевод с польского Людв. Каз. Маевского (Людвигова). Псевдоним раскрыт в издании: Каталог, стр. 114. Три картины второго действия польского оригинала в переводе разделены на два самостоятельные действия, второе

и третье, вследствие чего количество действий в пьесе увеличилось до пяти.

В ЛГТБ хранится рукописный цензурный экземпляр перевода пьесы с незначительными цензурными купюрами. Отмеченные цензором места при литографировании из текста исключены (шифр, 24137).

Karpassy górale. Dramat u trzech aktach (Харьков, 1840).

40. Горец, сцены из драматического сочинения. «Молодик на 1843 год», украинский литературный сборник, издаваемый И. Бедким. Ч. I. Харьков, в университетской типографии, 1843, стр. 138—174.

Первое и второе явления первого действия и третье явление второго действия, в переводе автора.

Рец.: [В. Г. Белинский]. «Отечественные записки», т. XXVIII, 1843, № 6, отд. VI, стр. 33—37.

41. Карпатские горцы. Драма в трех действиях. Соч. Иосифа Корженевского. «Репертуар и Пантеон», т. XIII, 1846, № 1, стр. 50—95.

Перевод выполнен С. П. Победоносцевым. Переводчик указан в оглавлении (на первой странице обложки).

42. Карпатские горцы. Трагедия в трех действиях. Соч. И. Коржениовского. Пер. В. А—го. (с польского). СПб., 1877, 50 стр.

Перевод В. И. Аскоченского (см.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов, т. I. М., 1956, стр. 70).

43. Антон Ревизорчук, последний атаман гуцульских опришков. Драма в 8 сценах.

Рукопись сценария немого кино, выполненного по пьесе Коженевского украинским писателем и этнографом Г. М. Хоткевичем. Рукопись сценария хранится в Государственном историческом архиве г. Львова (см.: Р. Ф. Кирчів. «Karpassy górale» Ю. Коженевського в українських перекладах і переробках. В кн.: Міжслав'янські літературні взаємини, вип. II. Київ, 1961, стр. 110).

44. Карпатские горцы. Драма в 3 действиях 8 картинах с пением и танцами. Перевел и переделал с польского сочинения Иосифа Корженевского Чеслав Владиславович Брушевский. 1914, 62 лл.

Цензурный экземпляр рукописи с вычерком на л. 48 (ЛГТБ, 49 386). Каждая картина имеет свое заглавие: I. Пари; II. Разлука с сыном; III. В корчме под Львовом; IV. Побег с караула; V. Мсть; VI. Бандиты; VII. Сумасшедшая; VIII. Все кончено.

45. Карпатские горцы. Драма в трех действиях, одиннадцати картинах. Перевод с польского С. Игнатова. В кн.: Классическая драматургия стран народной демократии, т. I. Изд. «Искусство», М., 1955, стр. 221—272.

Укажем здесь также ряд переводов этой пьесы на украинский язык, рукописи которых хранятся в ЛГТБ.

- а) Антон Ревизорчук. Драма из жизни карпатских горцев в 4 действиях и 6 картинах, с пением, хорами и танцами; с польского. Соч. А. Ф. Шатковского. 54 лл.

Цензурный экземпляр рукописи. На титульном листе резолюция: «К представлению признано неудобным. Цензор драматических сочинений (нрзб). 28-го июня 1896 года» и посвящение переводчика: «Посвящаю дорогому Онисиму Зиновьевичу Сулову» (ЛГТБ, 26 909).

- б) Гуцули. Драма у 5 діях і 7 одинах з співами. З життя карпатських горців в Галитчині. І. Коженевського. На українську мову переклала Софія Тобілевич. [1911], 54 лл.

Цензурный экземпляр рукописи с резолюцией: «К представлению признано неудобным. С.-Петербург, 15 февраля 1912. Запрещена на основании доклада 10 января 1912 г., о пьесе под таким же названием „Гуцулы“» (ЛГТБ, 32818).

- в) Верховинце. Драма в 3 актах. [1911], 58 лл.

Цензурный экземпляр рукописи. 14 февраля 1912 г., пьеса была разрешена к постановке силами Галицко-русской театральной дружины. (ЛГТБ, 74258).

- г) Жертва неправды (Месьт гуцула). Драма из гуцульской жизни в 7 картинах с эпилогом. Пер. по О. Корженевскому и Держеруку Е. Ф. Сагайдачным-Филипповым. [1912]. 25 лл.

Цензурный машинописный экземпляр. Заглавие по-русски. На л. 1 две резолюции с неразборчивыми подписями цензоров: «Признано неудобным. 12 сентября 1912» и «К представлению дозволить. Гор. СПб., 31 мая 1913 года» (ЛГТБ, 38219).

- д) Антін Ревізорчук. Драма в 8 сценах Корженіовського в перерібі Гната Хоткевича. [1913], 27 лл.

Цензурный машинописный экземпляр. На титульном листе примечание: «Эта драма под заглавием „Помста гуцула“ разрешена цензурой к представлению» (ЛГТБ, 74276).

- е) Гуцулы. [Перевел с польского] О. З. Суслов. 18 лл.

Машинописный экземпляр без титульного листа. (ЛГТБ, 74491).

Подробную характеристику украинских переводов и переделок пьесы «Карпатские горцы» см.: Р. Ф. Кирчів. Карпассу górale» Ю. Коженівського в українських перекладах і переробках. В кн.: Міжслав'янські літературні взаємини, вип. II. Київ, 1961, стр. 91—112.

Majster i czeladnik. Komedja w dwóch aktach (Варшава, 1846).

46. Мастер и подмастерье. (*Majster i czeladnik*) (Перевод с польского). Комедия в двух действиях Иосифа Корженевского. [1882], 36 лл.

Цензурный экземпляр рукописи (ЛГТБ, 49895). На титульном листе помета: «По журналу Театр(ально)-лит[ературного] комитета 19 февраля 1883 г. единогласно не одобрена». В 1882 г. пьеса была разрешена цензурой, о чем свидетельствует резолюция цензора от 8 апреля 1882 г. на другом экземпляре того же перевода пьесы.

Mnich. Tragedja w trzech aktach (Кременец, 1824).

47. Отрывок из драматической поэмы Иосифа Корженевского «Отшельник». «Северные цветы на 1831 год», СПб., в типографии департамента народного просвещения, 1830. Поэзия, стр. 73—78.

Третье явление второго действия в переводе В. Щастного. Переводчик указан в конце текста.

48. Отрывок из драматической поэмы «Отшельник». «Северные цветы на 1832 год», СПб., в типографии департамента внешней торговли, 1831 (на обл.: 1832). Поэзия, стр. 126—133.

Второе явление второго действия в переводе В. Щастного. Переводчик указан в конце текста, автор не указан совсем.

49. Отшельник, драматическая поэма в трех действиях. Сочинение Иосифа Корженевского. Перевел с польского размером подлинника Василий Щастный. СПб., печатано в типографии экспедиции заготовления государственных бумаг, 1832, 82 стр.
Рец.: «Северная пчела», 1832, 16 января, № 12, стр. 1—2.
- Narzeczone.** Komedia w dwóch aktach.
50. Нареченные. Комедия в двух действиях Ю. Корженевского. Перевел с польского И. С. Петропавловский. «Драматический сборник», 1859, кн. X, стр. 1—28.
С отдельным титульным листом и пагинацией.
Okno na pierwszym piętrze. Dramacik w jednym akcie. (Харьков, 1841).
51. Окно на втором этаже. Драма в трех картинах. Соч. г. Корженевского. Перевод с польского Стадовского. [Б. г.], 42 лл.
Режиссерский экземпляр рукописи (ЛГТБ, 24446).
Okrężne. Komedia w dwóch aktach. (Варшава, 1847).
52. Праздник жатвы (Окрężне). Комедия в двух действиях, с пеннем и танцами, сочинение Корженевского, автора комедии «Прежде маменька». Перевод Н. Куликова. Представленная в бенефис г-жи Владимировой, в октябре 1858 года. СПб., печатано в типографии Я. Ионсона, 1858, 26 стр.
Явление III и IV первого действия в переводе объединены: в VIII явлении второго действия в переводе произведены некоторые сокращения, имена ряда действующих лиц изменены.
- Pani kasztelanowa.** Dramat w jednym akcie.
53. Графиня. Комедия в 1-м действии. Сочинения И. Корженевского, перевод с польского. А. Дл. . . [1874], 18 лл.
Цензурный экземпляр рукописи с резолюцией «К представлению дозволено безусловно. 4 января 1875» (ЛГТБ, 43711).
- Panna Katarzyna w długach.** Fraszka w jednym akcie (Харьков).
54. Катя в долгах. Шутка-водевиль в одном действии Осипа Корженевского. Перев. Константин Алексеев. Харьков. Прибавления к «Харьковским губернским ведомостям», 1864, 18 ноября, № 113, стр. 900—904; 20 ноября, № 114, стр. 907—910; 25 ноября, № 115, стр. 915—918.
К заглавию пьесы дано обширное примечание переводчика (№ 113, стр. 900—901), в котором содержится краткая характеристика Коженевского как писателя и педагога, а также отмечается, что сюжет предлагаемого читателю водевиля заимствован драматургом из харьковской действительности.
- Panna mężatka.** Komedia w trzech aktach.
55. Замужняя невеста. Комедия в 3-х действиях, соч. Корженевского. «Пантеон», 1852, т. VI, кн. 11, ноябрь. Изыщная словесность, стр. 3—40.
С отдельной пагинацией. Переводчик указан в конце текста: М. Бобровский. Внутри каждого действия произведено разделение на ряд явлений, чего нет в оригинале; польские имена действующие

ших лиц заменены русскими. Пьеса разрешена к постановке на сцене 19 января 1853 г. На цензурном экземпляре оттиска пьесы уточнение (карандаш): «Переделанная для русской сцены. Ф. А. К. и М. Бобровским» (ЛГТБ).

56. Замужняя невеста, или средство выходить замуж. Комедия в 3 действиях Иосифа Корженевского. Перевод с польского И. А. Голубева. [1870], 50 лл.

Цензурный экземпляр рукописи. Разрешена к постановке 3 ноября 1870 г. (ЛГТБ, 21084).

Piąty akt. Dramat w jednym akcie (Киев, 1833).

57. Пятый акт. Драма в одном действии. Соч. И. Корженевского. В кн.: Драма и рассказ. Перевел с польского Николай Гайворонский. Киев, в университетской типографии, 1841, стр. 7—61.

Вместе с драмой И. Корженевского в книге помещен рассказ И. Н. Щигельского. «Три часа моей жизни». Посвящение к книге: «Н...е М...е К...й. Усердное посвящение переводчика».

58. Пятый акт. Драматическое сочинение в одном действии. И. Корженевского. «Молодик на 1843 год», украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Ч. 2. Харьков, в университетской типографии, 1843, стр. 5—48.

Единственное произведение на русском языке в указанном номере журнала. Помещено в качестве оригинального произведения без указания на перевод и переводчика. В конце текста помета: Харьков. Все это дает право предположить, что перевод выполнен самим И. Коженевским, который в это время жил в Харькове. В переводе изменены имена действующих лиц; введено указание на место действия: «Действие происходит в Лемберге». Сняты или изменены некоторые ремарки; произведены незначительные сокращения ряда реплик.

Рец.: [В. Г. Белинский]. «Отечественные записки», т. XXXI, 1843, № 12, отд. VI, стр. 34.

59. Любовь и долг. Драма в трех картинах. Сочинение И. Корженевского. Переделал с польского Богушевич. [1853], 29 лл.

Цензурный экземпляр рукописи (ЛГТБ, 25725). На л. 1 помета: «Для бенефиса г-жи Сосницкой, назначенного 7 декабря 1853 г.» и резолюция цензора: «Запрещается. 30 ноября 1853». Подпись цензора неразборчива. Каждая картина имеет в переводе свое заглавие, чего нет в подлиннике: Картина 1. Обольститель; Картина 2. Ад; Картина 3. Игра на жизнь и смерть.

60. Пятое действие, или запрещенный плод. Драма в одном действии в 4-х картинах Иосифа Корженевского. Перевод с польского. [1883], 38 лл.

Цензурный экземпляр рукописи с пометой: «По журналу Театр[ально]-лит[ературного] комитета 12 февраля 1883 г. к представлению на императорской сцене единогласно не одобрена» (ЛГТБ, 49336).

Pierwiej mama. Komedia w jednym akcie. (Варшава, 1849).

61. Прежде маменька. Комедия в одном действии, соч. Корженевского, автора драмы «Окно во втором этаже». «Драматический сборник», 1858, т. II, стр. 1—26.

С отдельным титульным листом и пагинацией. На титульном листе примечание: «Играна в первый раз в Петербурге на Александринском театре в бенефис г-жи Самойловой, 24 января 1858 г.». В переводе значительная часть действующих лиц названа русскими именами. Переводчик не указан. Возможно, что данный перевод выполнен Н. Куликовым (см.: Каталог, стр. 234). Существует также перевод пьесы, сделанный Р. Подгорецким. (См.: Полный алфавитный список драматическим сочинениям на русском языке, дозволенным к представлению безусловно. СПб., 1888, стр. 136).

Pośredniczka. Komedyjka w jednym akcie.

62. Посредница (Pośredniczka). Комедия в 1-ом действии, в 2-х картинах Иосифа Корженевского. Перевод с польского. [1882], 36 лл.

Цензурный экземпляр рукописи (ЛГТБ, 43760). На титульном листе помета: «По журналу Театр[ально-]лит[ературного] комитета 12 февраля 1883 г. к представлению на Императорской сцене единогласно не одобрена». В 1882 г. пьеса была разрешена цензурой, о чем свидетельствует резолюция от 24 марта 1882 г. на другом экземпляре того же перевода пьесы.

Sąd przysięgłych, albo Pozory. Dramat w czterech aktach. (Варшава, 1846).

63. Суд присяжных, или Позор. Драма в четырех действиях. Сочинение Корженевского 1855 года. Перевод К. Красуского. [1865], 64 стр.

Рукопись с приложением следующего письма К. Красуского, адресованного, вероятно, цензору: «19 октября 1865. Ваше Превосходительство! Вчерашнего числа имел честь быть у Вас, сожалею, что не застал Вас дома, секретарю Вашему передал рукопись перевода драмы „Мертвые и живые“, „Суд присяжных“ Корженевского и водевилля „Игра без проигрыша“, все три пьесы представил по одному экземпляру и прошу Вашего Превосходительства снисхождения, избавить меня от вторичных экземпляров, по обязанностям службы я не имею времени переписывать. С истинным уважением Ваш покорный слуга штабс-ротмистр гвардии <нрзб.> орского Его Величества полка К. Красуский» (ЛГТБ, 1.12.5.7).

64. Суд присяжных. Драма в 4-х действиях и 8-ми картинах соч. Иосифа Корженевского. Перевод с польского В. А. Владимировой. Харьков, издание книгопродавца А. И. Куколевского, 1877, 84 стр.

На титульном листе примечание: «Эта пьеса разрешена к представлению в С.-Петербурге, 1876 года 27 октября». Разбивка на явления внутри действий в переводе изменена.

Stara elegantka. Komedia w jednym akcie (Варшава, 1850).

65. Старая щеголиха. Комедия в одном действии. Соч. Корженевского. (Перевод с польского). «Библиотека для чтения», т. 147, 1858, январь, Смесь, стр. 1—25.

Stary mąż. Komedia w czterech aktach.

66. Старый муж. Комедия в четырех действиях Иосифа Корженевского. «Репертуар и Пантеон», т. XIV, 1846, № 4, стр. 43—91.

Переводчик указан в конце текста: «С польского Ф. И.». К заглавию комедии дано следующее примечание: «С удоволь-

ствием печатаем в нашем издании переведенную с польского комедию И. Корженевского „Старый муж“. Французские комедии, драмы и водевили до того всем наскучили, что наши читатели, верно, приятно отдохнут за оригинальным произведением одного из замечательных драматических польских писателей. Ред.».

67. Старый муж. Комедия в четырех действиях И. Корженевского. Вольный перевод с польского А. Ч-ва: (Посвящается И. М. Ч.). Киев, в типографии А. Минятова и К^о, 1861, 80 стр.

Перевод А. Н. Чудинова. (См.: Каталог, стр. 281; Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов, III. М., 1958, стр. 226). Изменены имена некоторых действующих лиц. Речь Мартына, слуги судьи Яниковского, в переводе в отличие от польского оригинала украинизирована. Перевод выполнен без существенных отступлений от подлинника; указание на вольный характер перевода действительности не соответствует.

Umarli i zywi, albo Wszystko po trosze. Dramat w pięciu aktach. (Харьков, 1839).

68. Мертвые и живые. Драма в пяти действиях. Сочинение Иосифа Корженевского. Перевод К. К^{расуского} с польского. [1865], 95 лл.

Рукопись (ЛГТБ, 1.12.4.78). Датируется на основании письма К. Красуского, приложенного к его переводу пьесы Корженевского «Суд присяжных». После перечня действующих лиц примечание: «Драма представлена была на театре в г. Львове, где имела большой успех». В тексте многочисленные вычерки карандашом и чернилами.

Zydzi. Komedia w czterech aktach.

69. Жиды (Zydzi). Комедия в 4-х действиях. Соч. Корженевского. Перевод с польского Р. Подгоренко [Р. Подгорецкий]. 1853. 54 лл.

Цензурный экземпляр рукописи (ЛГТБ, 57568). На 1 л. помета: «Для бенефиса Щепкина 8 января 1854» и резолюция: «Запрещается. 19 декабря 1853».

70. Жиды (Zydzi). Комедия в 4-х действиях. Соч. Корженевского. Перевод с польского Р. Подгорецкий. 1861, 113 стр.

Переработанный вариант предыдущего перевода. Цензурный экземпляр рукописи, поступивший в Цензурный комитет 10 октября 1866 г. На титульном листе надпись рукой переводчика: «Комедию в 4-х действиях „Жиды“, переведенную мною с польского, желаю отдать на сцену Императорских театров за поспектакльную плату. Учитель Калужской губернской гимназии Р. Подгорецкий. Калуга, 1861 года, сентября 20-го дня». Театрально-литературный комитет 31 декабря 1861 г. одобрил пьесу к представлению на сцене, но уже 16 января 1862 г. она была снова запрещена на основании резолюции от 19 декабря 1853 г., о чем свидетельствует резолюция на титульном листе перевода (подпись под резолюцией стерта). Однако цензурная история пьесы закончилась много позднее. На титульном листе сохранились резолюции, свидетельствующие о неоднократных попытках переводчика провести пьесу через цензурные рогатки: «К представлению признано неудобным. 14 октября 1866 г.»; «Доложить Совету. 14 окт. 1865» и, наконец, помета красным карандашом: «Запрещение подтверждено г. Министром внутренних дел» (ЛГТБ, 44563).

71. *Жи́ды*. Комедия в 4-х действиях. Сочинение И. Корженевского. Перевод с польского А. Дл... [1874], 60 лл.

Цензурный экземпляр рукописи с резолюцией: «По журналу Театрально-Литературного комитета 22-го марта 1875 к представлению на сцене не одобрено, так как другой перевод этой пьесы цензурой не пропущен. Председатель Комитета П. Юркевич» (ЛГТБ, 1.23.2.72).

Qui pro Quo. Komedia w jednym akcie. (Варшава, 1852).

72. *Qui pro Quo*. Комедия в одном действии Корженевского. [1894], 34 лл.

Цензурный экземпляр рукописи (ЛГТБ, 24446). Разрешена к представлению 31 января 1894 г. На лл. 8, 17, 18, цензурные вычерки, сделанные красными чернилами.

Сборники переводов пьес Ю. Коженевского

73. *Драматические сочинения Корженевского*. [Б. г.], 585 стр.

Рукописный сборник переводов пьес Коженевского, выполненный неизвестным переводчиком (ЛГТБ, 1.38.7.1). В состав сборника входят переводы следующих пьес:

а) *Обжники* (Okrężne). Комедия в двух действиях (стр. 7—100).

б) *Приятельницы* (Przyjaciółki). Комедия в одном действии (стр. 101—159).

в) *Мать невеста, а дочь сваха* (Pierwiej matka). Комедия в одном акте (стр. 160—219).

г) *Жи́ды* (Zydzi). Драма в четырех действиях (стр. 220—390).

д) *Муж и художник* (Męż i artysta). Комедия в одном действии (стр. 391—444).

е) *Молодая вдова* (Młoda wdowa). Комедия в трех действиях (стр. 445—584).

74. *Сочинения И. Корженевского*. Перевод В. Аскоченского. Том второй. [Б. г.], 84 лл. (стр. 117—282).

Рукописный сборник переводов пьес Коженевского, выполненных В. Аскоченским (ИРЛИ, 15.822. ХСVIIб. 12). В состав сборника входят переводы следующих пьес:

а) *Доктор* (Doktor medyczny). Комедия в одном действии, лл. 2—32 (стр. 117—178).

б) *Слепая аристократка* (Pani kasztelanowa). Драма в одном акте, лл. 33—58 (стр. 179—230).

в) *Праздник жатвы* (Okrężne). Комедия в двух действиях, лл. 59—84 (стр. 231—282).

III. Литература о Ю. Коженевском

1. *Театрал*. Русский спектакль на Михайловском театре 2-го января 1856 года. «Музыкальный и театральный вестник», 1856, № 2, стр. 32—34.

Стр. 33: О постановке пьесы Коженевского «Окно во втором этаже» и комедии Н. Куликова «Минутное заблуждение».

1/2 23 Из истории русско-славянских связей

2. Шпилевский П. Александринский театр. Бенефис г-жи Самойловой. (Пятница, 24-го января). «Театральный и музыкальный вестник», 1858, № 5, стр. 49—50.
Стр. 50: Пьеса Коженевского «Прежде маменька» на сцене Александринского театра.
3. Баскаков А. Иосиф Корженевский. «Иллюстрация. Всемирное обозрение», № 106, 1860, стр. 81—82.
Общая характеристика творчества Коженевского с неосуществленным впоследствии обещанием, что «русская литература, не ограничиваясь переводом нескольких повестей, вскоре обогатится переводом всех его сочинений, составляющих не один десяток томов». Приведен отрывок из повести «Выбор невесты».
4. Веселовский В. Комедия нравов в современной польской литературе. (К. М. Верещинскому). «Московские ведомости», 1860, 30 ноября, № 260, стр. 2067—2069; 4 декабря, № 264, стр. 2103—2105; 9 декабря, № 267, стр. 2131—2133.
Статья посвящена анализу следующих произведений: I. J. Chęciński. Szlachetstwo duszy; II. J. Korzeniowski. Podróżomania; III. A. Korzeniowski. Dla miłego grosza. IV. J. Korzeniowski. Majątek albo imię.
5. Шулъгин В. История университета св. Владимира. СПб., 1860, 230 стр.
Стр. 52, 118—120, 134, 160: Ю. Коженевский — адъюнкт университета св. Владимира в Киеве.
6. Некрологи Ю. Коженевского в русской печати:
а) «Иллюстрированная газета» (бывшая «Иллюстрация»), т. XII, 1863, № 12, стр. 184.
б) «Книжный вестник», 1863, № 18, стр. 317.
в) «Якорь», 1863, № 29, стр. 578 (Разные известия).
г) «Месяцеслов на 1865 год». СПб., [1864], Приложения, стр. 32.
7. Вольф А. И. Хроника Петербургских театров, чч. I—3. П., 1877—1884.
О постановках пьес Коженевского см. по указателю.
8. Пыпин А. Н. и Спасович В. Д. История славянских литератур. Издание второе, вновь переработанное и дополненное, т. II, СПб., 1881, 1129 + XIX стр.
Стр. 770—772: Ю. Коженевский.
9. Владимирский-Буданов М. В. История императорского университета св. Владимира, т. 1. Киев, 1884, 674 стр.
Стр. 58—59. Коженевский как преподаватель Киевского университета.
10. Всеобщая история литературы. Составлена по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов. Начата под редакцией В. Ф. Корша. Окончена под редакцией проф. А. Кирпичникова, т. III. Новая литература. СПб., 1888, 883 стр.
Стр. 185: Ю. Коженевский.
11. Иосиф Викентьевич Корженевский. «Южный край», Харьков, 1897, 7 марта, № 5553, стр. 2.

12. Корженевский в переписке с Крашевским. «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки», т. I, 1897, № 2, август, стр. 266—269.
13. Театр и музыка. «Новое время», 1902, 1/14 апреля, № 9366, стр. 4.
Сообщение о постановке комедии Коженевского «Евреи» польским театром 29 марта 1902 г. в бенефис артиста Шимберского.
14. Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX в. Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. Сообщил А. Чебышев. «Русская старина», 1911, август, стр. 326—384.
Стр. 330—331: В письме Катенина к Бахтину от 8 февраля 1830 г. отзыв о переводе В. Н. Щастным отрывка из драматической поэмы Коженевского «Ангелика».
15. Козловский Л. Иосиф Корженевский (К 50-летию смерти). «Русские ведомости», 1913, 7 сентября, № 207, стр. 4.
16. Евгеньев В. И. А. Гончаров как член Совета Главного управления по делам печати (По неизданным материалам). «Голос минувшего», 1916, № 12, стр. 140—149.
Стр. 165—166: Гончаров о Коженевском.
17. Художественная литература стран народной демократии в переводах на русский язык. Библиографический указатель. Польша (конец XVIII в. — 1950 г.), Сост. М. Морщинер. Изд. иностр. лит., М., 1951, 112 стр. (Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы).
Стр. 29—30: Библиография произведений Коженевского, опубликованных на русском языке.
18. Оболевич В. Б. История польской литературы. Изд. Лен. ун-в. 1960, 365 стр.
Стр. 180—181: Ю. Коженевский.
19. Справки о Коженевском в русских энциклопедиях и словарях:
а) Библиографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира (1834—1884). Составлен и издан под редакцией ордин. проф. В. С. Иконникова. Киев, 1884, стр. 279—282.
б) Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVI, Конкорд—Коялович. СПб., 1895, стр. 249.
в) Русский биографический словарь. Кнаппе—Кюхельбекер. СПб., 1903, стр. 252—253.
г) Источники словаря русских писателей. Собрал проф. С. А. Венгеров, т. III, Карамышев—Ломоносов. Пгр., 1914, стр. 179.
Краткая библиография литературы о Коженевском на русском и польском языках (14 номеров).
д) Козловский Л. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и Г. Гранат и К°». Седьмое, совершенно переработанное издание, т. 25, М., стлб. 205—206.
а) Новый энциклопедический словарь, т. 22. Пгр., стлб. 769.

В. К. Петухов

РУССКАЯ КНИГА У ЮЖНЫХ СЛАВЯН В 80-е ГОДЫ XIX в.

8 мая 1867 г. по случаю всероссийской этнографической выставки (в составе которой был славянский отдел) в Петербург пришло шестьдесят гостей — представителей южных и западных славян. Вечером 11 мая (день памяти Кирилла и Мефодия, широко отмечаемый в славянских странах) состоялось торжественное собрание с участием прибывших, в славяноведении его принято считать первым славянским съездом в России.

Непосредственным следствием съезда явилось преобразование комитета по приему гостей-славян в С.-Петербургский отдел Московского славянского благотворительного комитета, с 1877 г. получивший название С.-Петербургского славянского благотворительного общества. Руководители общества подошли к славянскому вопросу с позиций реакционного панславизма, однако почти полувековая деятельность общества способствовала укреплению русско-славянских культурных связей, усилению внимания русской общественности к жизни и литературе славянских народов. Общество расходовало значительные средства, снабжая славянские страны русскими книгами, газетами, журналами, и за время своего существования завоевало признательность широких славянских кругов.¹

Тяга к русской культуре в славянских странах особенно выросла в 80-е годы XIX в. после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Последняя была во многом вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах и дала народам поработенных славянских стран возможность убедиться в том, что Россия — единственная великая держава, готовая помочь им в борьбе за независимость. Именно к этому периоду относится большинство писем из славянских стран, хранящихся в делах

¹ Более подробные сведения о деятельности общества в разные периоды его существования можно почерпнуть из следующих источников: «Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества», СПб., 1883; «Последние 10 лет первого двадцатипятилетия существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества», СПб., 1893.

С.-Петербургского общества.² Контингент корреспондентов чрезвычайно широк: болгары, сербы, словенцы, хорваты — лица различных возрастов, убеждений, занятий, рядовые читатели и крупнейшие представители славянской науки и культуры просят о присылке русских книг и журналов, желая глубже узнать язык и литературу дружественной страны. Публикуемые ниже материалы помогут более полно осветить вопрос о роли русской книги в культурной жизни южных славян последней трети XIX в.

В письме от 16 мая 1883 г. председатель правления народной читальни г. Сливена сообщает о своевременном получении русских газет и журналов. Он пишет: «Настоятельство не находит слов выказать и выразить свою благодарность почитаемому обществу за такую внимательность и щедрость к нашему читалищу и вообще к целому болгарскому народу. Что касается предлагаемых Вами газет и журналов, то мы находим их очень пригодными для нашего читалища».³

Руководители народной читальни в г. Кюстендил в своем письме от 8 ноября 1883 г. выражают признательность за получаемые регулярно журналы «Нива» и «Русь» и обращаются к обществу с просьбой: «...ако возможно да замени газетата „Современные известия“ с друг някой руски журнал или газета съдържащи повече интереса и полезен за българското общество».⁴

В 80-е годы XIX в. Словения, Хорватия и часть Сербии входили в состав Австро-Венгрии. Поэтому часть славянской молодежи получала образование в высших учебных заведениях Вены. В столице Австрии организуются славянские студенческие общества, члены которых стремились изучать русский язык, читать в подлиннике произведения выдающихся классиков братской литературы. Глава сербского академического общества в Вене «Зора» Николай Вучетич считает: «Необходимость изучения русской литературы и языка есть насущная потребность каждого из нас». В связи с этим он обращается к славянскому обществу с просьбой «о высылке небольшого собрания русских классиков».⁵

Общество хорватских студентов «Zvonimir» «просит о присылке „Известий славянского благотворительного общества“ и прочих изданий».⁶ Желание изучать русский язык и литературу всегда встречало поддержку со стороны Петербургского общества. Славянские студенты получили просимые книги и журналы, и Владимир Ковачевич от лица членов кружка «Zvonimir» выражает «глубокую

² Государственный исторический архив Ленинградской области (в дальнейшем: ГИАЛО, ф. 400).

³ ГИАЛО, ф. 400, № 501, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 49.

⁵ Там же, № 543, стр. 20 (письмо от 19 февраля 1885 г.).

⁶ Там же, стр. 28 (письмо от 16 мая 1885 г.).

благодарность за возможность познакомиться с историей и словесностью великого русского народа».⁷

Просят выслать русские книги и журналы и частные лица. Так, гимназист восьмого класса Андрей Плечник из Любляны пишет, что ему хотелось бы читать «Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, а в библиотеке есть только Пушкин на сербском языке».⁸

Присылкой русской литературы общество помогало простым людям из порабощенных славянских земель совершенствовать знание русского языка, глубже и разностороннее узнавать культуру братского народа. Об этом мы можем судить по письмам словенца Якова Ветушека. В первом, написанном на ломаном русском языке 9 февраля 1885 г., он просит о присылке книг: «Понеже я уже знаю несколько читать по-русски, но не имею в этот способ книг. Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою мне какие-нибудь „даром“ послать книги этого же языка».⁹ А девять лет спустя он присылает свой перевод повести классика словенской литературы Иосифа Юрчича «Два брата», выполненный хорошим русским языком, и сообщает, что ряд сделанных им переводов русских авторов появился в Люблянской газете «Домовина».¹⁰

Изучение русского языка затруднялось антиславянской политикой, проводимой Габсбургами. Примечательно в этом отношении письмо учителя Ивана Хромбара из Любляны, датированное 15 апреля 1885 г.

«Распространение русских книг между западными славянами должно быть главной задачей славянского благотворительного общества. Западные славяне, в особенности мы, словенцы и хорваты, начали очень настойчиво изучать русский язык, но книгопродавские отношения у нас столь грустные, что прежде возможно получить у книгопродавца тысячу немецких, чем одну русскую книгу. Я разделяю всякий год по нашим гимназиям и между университетские слушатели словенские несколько русских книг, но требование так велико, что мне невозможно удовлетворить ни десятой части просящих». Далее И. Хромбар обращается к правлению общества с просьбой о присылке книг и в заключение пишет: «Результат уже теперь видим, ибо нет почти ни одного словенского гимназического абитуриента, который бы не читал русских книг в оригинале, а это для будущего славянства дело многозначущее».¹¹

В сентябре этого же года И. Хромбар выражает благодарность за полученные книги и с уверенностью пишет: «День ото дня все больше распространяется познание, как важно для всякого образо-

⁷ Там же, стр. 29 (письмо от 15 декабря 1885 г.).

⁸ Там же, стр. 41 (письмо от 7 января 1885 г.).

⁹ Там же, стр. 36.

¹⁰ Там же, № 557, стр. 53 (письмо от 8 декабря 1894 г.).

¹¹ Там же, № 543, стр. 26.

ванного славянина, чтобы понимал по-русски и пользовался русской литературой».¹²

Важность распространения русских книг, журналов и газет среди южных славян сознавали видные деятели культуры Болгарии, Сербии, Словении и Хорватии. Из письма М. К. Лебедевой, переводившей на сербский язык произведения Л. Толстого и Гончарова, мы узнаем об интересе, который проявлял к русской периодической печати сербский поэт, переводчик Пушкина и Лермонтова — И. Йованович-Змай. «Из редакции сербского детского журнала „Невен“, издающимся известным поэтом „Змай“ Йовановичем, просят меня похлопотать об получении редакцией экземпляров детского журнала из России, из которого им приятно было бы черпать материал для своей газеты и таким образом знакомить сербских детей со своими северными родственниками».¹³

Президент югославянской академии в Загребе Ф. Рачки пишет относительно присылки русских книг, журналов и газет в Хорватию и при этом рекомендует лиц, которых следует снабжать русскими изданиями.¹⁴

Особого внимания заслуживают адресованные руководству С.-Петербургского славянского общества письма И. Вазова и Ф. Целестина.

Публикуемые ниже документы свидетельствуют о большом интересе южных славян к политической и культурной жизни России и несомненно заслуживают внимания исследователей русско-славянских связей второй половины XIX в.

Настоятельство на Научно-книжовното дружество и Редакционен комитет на «Наука».

№ 48.

19 август 1882 год,
г. Пловдив.

Многоуважаемый Господине,

Вследствие писмото Ви от 6 истекшаго Юлия под № 1720, Настоятелството на Научно-книжовното дружество размисли връху предложението Ви условия, относительно основанието в град Пловдив една книгапродавница на руски книги.

Настоятелството с благодарение прие да даде всичкото си улеснение за осъществението на това дело, чрез коего еще се даде повече

¹² Там же, стр. 28.

¹³ Там же, № 410, стр. 200 (письмо от 31 декабря 1884 г.).

¹⁴ Там же, № 543, стр. 35 (письмо от 23 марта 1885 г.).

взможност на Българете да се ползват от богатата книжнина на родственний нам руский язык. Проче, натоварен съм да ви събщи, че Дружество ни гарантира за честността и исправността на г. Христо Данова,¹⁵ в исплащание дълга си къмъ руските книжаре, който всичките условия съдражащи се в писмото Ви. Првето искание на руски книги г. Данов, още направи през идущий Септемврий месец.

Примите Многоуважаемий Господине, уважението на моите чувства от дубока преданност и уважение

Председатель Научно-книжовното дружество И. Вазов.¹⁶

Настоятелство на Научно-книжовното дружество и Редакционен комитет на «Наука».

№ 32.

20 мая 1883 год г. Пловдив.

Многоуважаемий председатель!

Научно-книжовное дружество в Пловдиве спешит высказать свою благодарность за высылку нам газет «С.-Петербургские Ведомости» и журналов «Русь» и «Огонек». Газета и «Огонек» получаются нами исправно. Что же до «Руси», не получили до сих пор ни одного № этого журнала. Относительно будущего года дружество позволяет себе просить Вас о том, чтобы вместо газеты высылалось ему кокого-нибудь из больших журналов, например «Русскою мысль», «Наблюдатель» и т. п.

Председатель И. Вазов.
Деловодитель И. Бобчев.

Его высокородию Председателю С.-Петербургского славянского благотворительного общества в С.-Петербурге.¹⁷

¹⁵ Христо Данов — книгопродавец в Пловдиве, через магазин которого собирались распространить русские издания в Восточной Румелии.

¹⁶ Это и следующее письмо Вазова написаны в Пловдиве (столице, образованной согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г., автономной области Восточной Румелии), куда он приехал осенью 1880 г. Вскоре по прибытии в Пловдив писатель был избран председателем городского научно-литературного общества и взял на себя руководство его печатным органом — журналом «Наука».

¹⁷ ГИАЛО, ф. 400, № 501, стр. 32 (письмо написано на русском языке).

В Загребе, 6 апреля 1883 г.

Славянскому благотворительному обществу в С.-Петербурге

Я получил от С.-Петербургского славянского благотворительного общества письмо от 15 апреля 1883 г. № 1204, адресованное в «Русский студенческий кружок», где общество предлагает «кружку» журналы «Русь» и «Искусство». К сожалению, русского студенческого кружка в Загребе еще нет. Но студенты у меня берут русские книги и читают их, и потому я мог бы давать им журнал или газету, если бы Славянское благотворительное общество хотело выслать их мне. Касательно предлагаемых журналов «Русь» и «Искусство» я должен уведомить общество, что «Искусство» начали мне высылать из Петербурга — но не знаю, по распоряжению кого это случилось. Писал я, однако, г. П. Д. Боборыкину 26 марта 1883 г., прося его поблагодарить от моего имени редакцию «Искусство» и вообще того, кто сделал распоряжение о высылке этого журнала. Итак, в этом журнале мы здесь не нуждаемся, но «Русь» или какой-нибудь другой журнал или газету мы примем с благодарностью. Только считаю долгом упомянуть, что «Вестник Европы» получает здешняя университетская библиотека и болгарские студенты, а «Журнал Министерства народного просвещения» — академическая библиотека, так что есть возможность читать эти журналы. Уже несколько раз говорил мне г. председатель академии Ф. Рачки,¹⁸ что следовало бы устроить в Загребе «Русский кружок, где все были бы обязаны говорить по-русски». Я, конечно, с удовольствием предлагал свои услуги, но, к сожалению, дело до сих пор еще не устроилось.

Очень рекомендуясь Славянскому благотворительному обществу, имею честь оставаться покорнейшим слугою

Фран Целестин.¹⁹

¹⁸ См. стр. 359 настоящей работы.

¹⁹ ГИАЛО, ф. 400, № 501, стр. 28. — Ф. Целестин — известный словенский писатель и литературный критик, активный пропагандист русской литературы в Словении и Хорватии; в это время преподавал в Загребском университете славянские языки.

24 Из истории русско-славянских связей

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов А. 248
Аввакум (Петров), протопоп 277
Авдеев М. В. 129, 130
Авейде О. 135
Адам 329
Аделунг Ф. П. 8, 12, 18, 21
Адеркас Б. А. 59, 75
Адов И. 249
Азадовский М. К. 23, 29, 43—45, 62, 69, 86, 92, 110, 117
А — й В. см. Аскоченский В. И.
Акелевич М. 191
Аксаков К. С. 27, 36
Аксаков М. 250
Аксаков С. Т. 85, 89
Аксель Т. М. 46, 276
Александр I. 6
Александр II. 129
Александров 187—189, 190
Александров И. 43
Александровский И. Т. 325
Алексеев К. 332, 349
Алексеев М. П. 208, 256
Алексеев Н. С. 104, 105, 120
Алмазов Б. Н. 271
Амфитеатров А. В. 163
Анастасевич В. Г. 59, 61, 68, 69, 73, 74, 91
Андреев А. М. 332
Андреоли Э. 154—156
Анненков П. В. 103, 115
А. Пл. 342
Антокольский П. Г. 292
Антонович В. 177
Апраксин П. И. 59, 81
Арендт В. Б. 156
Арлевиль К. д. 300, 307
Аргольдт И. Н. 196
Арцыбашев Н. С. 59
Асеев Н. Н. 275—284, 291
Аскоченский В. И. 334, 347, 353
А. Т. 345
Афанасьев А. Н. 28—30, 37, 38, 43, 45
Афанасьев А. см. Афанасьев-Чужбинский А. С.
Афанасьев-Чужбинский А. С. 339, 340, 342, 343
Ахматова Е. Н. 343, 344
А. Ю. 341
Байрон Д.-Г. 294
Бакунин М. А. 142, 152, 157, 160—162, 164
Балагур Я. 30
Бальзак О. 266
Бандтке Г. С. 8, 19, 59, 67, 69
Бан М. 216
Бантыш-Каменский Д. Н. 6, 62, 102
Барановская Е. 129
Барановский Е. И. 129, 130
Баранский Ф. 168, 173, 176, 180, 181, 192, 198, 200
Барсуков Н. П. 58, 83, 87, 91
Барте Н. Т. 309
Бартош (Гловацкий) В. 168
Батюшков К. Н. 14
Бах А. 25, 48
Бахтин Н. Н. 271, 341, 355
Бигеляйзен Г. 294, 295
Бежек 265
Безкишкин М. Д. 169
Бекю С. 59, 66, 67
Белёвский А. 33
Белинский В. Г. 96, 259, 262—264, 269, 331, 334, 347, 350
Белозерский В. М. 131
Белусов В. 59, 66
Белтиковская А. 177—179
Беляева Ю. 211, 216
Белявская И. М. 135, 169
Белявский М. 249
Бем Ю. 167, 168
Беницкий 16
Бенкендорф А. X. 314
Берг Н. В. 40, 192, 271
Березин А. С. 8, 15, 16, 20
Беркова Е. А. 246

- Берков П. Н. 325
 Беркопец О. 113
 Берлинский В. 59
 Бермонт Е. 246
 Бернштейн И. А. 26, 47, 49
 Бертенсон М. 249, 250
 Бессонов П. А. 68, 91, 117
 Бестужев А. А. 170
 Бестужев-Рюмин М. П. 175, 193, 194
 Бестужев-Рюмин К. Н. 91
 Бецкой И. 347, 350
 Бжег-Пискозуб А. 170, 191, 199, 204, 204
 Биальо А. 202
 Бларамберг И. П. 314
 Блок А. А. 271
 Боберская Ф. (см. Василевская-Боберская)
 Боборыкин П. Д. 133, 265, 361
 Бобровский М. 8, 338, 349
 Бобчев И. 360
 Богатырев П. Г. 46, 275
 Богданова И. А. 54
 Богданович М. 210
 Боград В. Э. 125, 163
 Богучарский В. 164
 Богушевич Ф. К. 331, 350
 Бодянский О. М. 22
 Бойский П. см. Сомов О.
 Болендзя Б. 150
 Болховитинов Е. А. 8, 18, 21, 62, 68, 75, 91
 Бонгард Э. 137
 Борелевский М. 179, 188
 Бояркин А. 79
 Брагин В. 276
 Брагин Ю. А. 208, 233, 247, 248
 Браиловский С. Н. 156
 Брандт Р. Ф. 51
 Брет-Гарт Ф. 208
 Бродзинский К. 63, 69
 Брокгауз Ф. А. 19, 43
 Броневский В. 6
 Брут 189
 Брушевский Ч. В. 334, 335, 347
 Брюсов В. Я. 271
 Броньетьер Ф. 256
 Б—ский А. 354
 Будилович А. С. 47, 48
 Булгаков Ф. И. 132
 Булгарин Ф. Б. 59, 81
 Бунин И. А. 271
 Бурнашев В. П. 327
 Буслаев Ф. И. 43
 Бутовт-Анджейкович Т. Ф. 58
 Быков П. В. 164, 312
 Бычков Ф. А. 312
 Бюргер Г. А. 38, 283
 Бэлаз И. Ф. 169
 Бюрно А. 321
 Бялыня-Холодецкий Ю. 198, 199
 Ваг А. 273
 Вазов И. 359, 360
 Валин И. 249
 Василевская-Боберская Ф. 179
 Вебер К.-М. 11, 20
 Вебер Л. 199
 Венандио А. 154
 Венгеров С. А. 109, 355
 Венгржиновский А. 127
 Венелин Ю. И. 62, 105, 316
 Верещинский К. М. 354
 Веселаго Ф. Ф. 124, 125
 Веселинович Я. 207, 238
 Веселовский А—др. Н. 38
 Веселовский В. 354
 Веселовский Н. И. 99
 Ветлина М. 46
 Ветушек Я. 358
 Виноградов А. К. 103, 104
 Виноградов В. В. 315
 Виноградский А. В. 142
 Вирта Т. Н. 246
 Висневский В. 190, 191
 Витвицкий С. 62
 Владимир, князь киевский 35
 Владимирова 349
 Владимиров В. А. 351
 Владимирский-Буданов М. Ф. 325, 329, 354
 Водель Э. 49
 Водзицкий С. 59, 80
 Водичка Ф. 28
 Воейков А. Ф. 327
 Вознесенский С. 26
 Войнилович 63
 Волгин Б. 249
 Волков Ф. Г. 267
 Волконская М. Н. 205
 Волавич 59, 79
 Волькер И. 25
 Вольский Ф. Ю. 297
 Вольтер Ф.-М. 303, 309, 326
 Вольф А. И. 338, 354
 Воробьев В. П. 104, 106, 107
 Воронич Я. 63
 Воронов 195
 Воропонов Ф. 98
 Воронцов М. С. 314, 315
 Воронцов-Вельяминов Е. 59, 79
 Ворцель С. 193

- Воскресенский Г. А. 38
 Востоков А. X. 8, 9, 16, 17, 18, 62, 89, 90, 107—109
 Вотопинский С. 149
 Врублевский В. 198
 Всеволожский Н. С. 59, 81
 Вуайяр 118
 Вучетич Н. 357
 Вучич 100
 Высоцкий П. 174
 Высоцкий Ю. 167
 Вышковский М. 296
 Вяземский П. А. 85, 86, 105, 315, 318, 328
 Гавличек—Боровский К. 48
 Гавроньский Ф. 60, 83, 93, 177
 Гай Л. 252
 Гайвороньский Н. 330, 350
 Ганка В. 6, 8, 10, 11, 17—19, 21, 30, 33, 37, 39
 Галек В. 49
 Гарант X. 41
 Гарибальди Д. 154, 168, 188, 198
 Гаршин В. М. 267
 Гаттала М. 33, 34, 37
 Гауптман Г. 208
 Гегель Г.-Ф. 157
 Гедеонов М. 334
 Гедервари 262
 Гедерштедт А. 331, 335, 338
 Гейдук А. 49
 Гейне Г. 128, 134
 Гербель Н. В. 46, 47, 95, 272
 Гердер И. Г. 43
 Герман Г. 329
 Герцен А. И. 126, 128, 135, 140, 142, 151, 152, 157, 162—164, 169, 188, 192, 194, 195, 198
 Гете И.-В. 12, 20, 49, 157
 Гечевич В. И. 59, 81
 Гижицкий В. К. 59, 81
 Гилевич А. М. 341, 344, 345
 Гильфердинг А. Ф. 27, 38, 49
 Главацкий Л. 172
 Глаголев А. 79
 Глазунов И. И. 343
 Глигорич В. 237
 Глинка Ф. Н. 9, 85, 105
 Глишич М. 207, 212, 213, 217
 Гнедич Н. И. 9
 Гоголь Н. В. 27, 37, 68, 89, 119, 132, 191, 207, 208, 213, 217, 222, 224—229, 231—234, 237, 254, 255, 259, 263, 264, 266, 269, 322, 358
 Голеевский А. 200
 Голембёвский Л. 59, 66, 80, 92
 Голицын А. Н. 59, 75—78, 85
 Голицын Д. В. 84, 85
 Голодников К. М. 142
 Голодный М. С. 276, 289, 291
 Гомулицкий Ю. 187
 Голубев И. А. 350
 Гонзик И. 27
 Гончаров И. А. 259, 266, 336, 337, 342, 355, 359
 Горак И. 29
 Горчаков М. Д. 192
 Горький А. М. 163—166, 238—241, 247
 Гославский М. 170
 Гослар Ю. 173
 Грабец Ю. 191
 Грабянский В. 168
 Грецкий А. 246
 Греч Н. И. 107
 Грибоедов А. С. 255, 256, 309
 Григорович В. И. 22, 38, 42, 43
 Григорович Д. В. 259
 Григорич С. 268
 Григорьев А. А. 271, 343
 Григорьев В. В. 99
 Grimm, братья Якоб и Вильгельм 17, 20, 115
 Grimm Я. см. Grimm, братья
 Грунд А. 25, 273
 Гудзий Н. К. 34
 Гудович А. И. 86
 Гулак-Артемовский П. А. 59, 79
 Гус, Ян 41, 43, 47
 Гутеша И. 261, 262
 Гюго В. 216
 Даниил Болгарский 16
 Данилов В. В. 46, 52, 273, 274, 275, 328
 Данилов, Кирша 277
 Данов X. 360
 Дараш В. 193
 Дашкевич Г. 84, 91
 Д. Б. К. см. Бантыш-Каменский Д. М.
 Дворецкая Н. А. 58
 Дельвиг А. А. 9, 315, 327, 328
 Дельвиг А. И. 98
 Демелич 15
 Демяненков Н. А. 332
 Державин Г. Р. 14
 Державин Н. С. 274
 Джонсон Д. 102
 Джорджевич И. 216
 Дзедушицкие 107

- Дейхман О. А. 143, 144, 152, 153, 162
 Деспот-Зенович А. И. 142
 Диккенс Ч. 207
 Дикштейн Ю. 178
 Дл. . . А. 337, 346, 349, 352
 Дмитриев И. И. 58, 91, 317, 322
 Дмитриев П. А. 238
 Дмоховский Ф. С. 293, 294, 296
 Дмушевский Л. А. 297, 310, 311
 Добжанский М. 59, 79
 Добровольский 67
 Добровский И. 6—8, 14, 16—19, 21, 39
 Добролюбов Н. А. 28, 164, 212, 213, 257, 265, 267
 Доланский Ю. 32, 33
 Доленга-Ходаковский Э. (см. Ходаковский)
 Доманицкий В. 68, 92
 Доманович Р. 210, 211, 216
 Домбровский Я. 134, 160
 Доминиковская Ц. 198
 Достоевский Ф. М. 156, 165, 166, 208, 259, 264, 265, 266
 Друскин Л. 276, 288
 Дубровина Е. О. 153, 162
 Дубровский П. 64
 Дудышкин С. С. 95
 Дунин-Маринкевич В. 191
 Дымшиц А. Л. 196
 Дьяков В. А. 127, 134
 Дюваль (Пино) А. В. 297

 Евгеньева А. Б. 62
 Евгенийев В. Е. см. Евгенийев-Максимов В. Е.
 Евгенийев-Максимов В. Е. 130, 337, 355
 Езерский В. 199
 Елизарова М. Е. 96, 109
 Еловицкий А. 191
 Енков 263
 Е. М. 247
 Ермолаев А. И. 89
 Ершов А. 163
 Ефрон И. А. 43

 Жандр А. 309
 Жевуский Г. см. Ржевуский Г.
 Желиговский Э. (псевд. Антоний Сова) 126—131
 Живкович 100
 Жижка Я. 180
 Жоравович В. 242
 Жуков Д. 246, 247
 Жуков И. Г. 153, 162
 Жуковский В. А. 9, 14, 28, 62, 274, 322

 Заболотский П. А. 29, 256
 Заборов П. Р. 292
 Завадский И. 342, 343
 Завадский Ю. 247
 Загоровский Е. 98
 Загоскин Н. П. 87, 91
 Зайцев В. К. 247
 Зайцевский Е. П. 315
 Закрецкий В. 80
 Закшевский Я. 201, 202
 Залесский Б. 126—128, 131—133
 Залесский В. 63, 92
 Замойские 326
 Занд К. 21
 Запалович Я. 200
 Заславский Д. 248
 Захаров Л. 208, 232, 233
 Эборовский см. Ястшембчик Ю.
 Зеленин В. В. 246, 247
 Зелёнка Я. 138, 139, 150—153
 Зеленский И. М. 59, 79
 Земляковский Ф. 200
 Зенгер Т. Г. 119
 Зенкевич М. А. 275, 276, 285—288, 291
 Зенович см. Деспот-Зенович А. И.
 Зилинский О. 29
 Эмай-Иованович см. Иованович Эмай Й.
 Знамировская Я. 170, 191
 Золотарев А. А. 165
 Золя Э. 266

 И. В.—м 344
 Иван IV Грозный 146
 Иванов В. 169
 Иванов И. 276, 288
 Ивацевич В. 42, 63, 91
 Игнатов С. 334, 347
 Игнатович Я. 212
 Игорь, князь Новгород-Северский 36
 Измаилов Н. В. 120
 Иконников В. С. 355
 Илич В. 207, 213, 215, 236
 Илич Д. 214, 439
 Илич Й. 213
 Инзов И. Н. 98
 Ирасек А. 25, 33

 Иованович В. 95, 96, 108, 112
 Иованович Д. 209
 Иованович-Эмай Й. 212, 213, 359
 Иованович Л. 209
 Ионсон Я. 349

- Кайсаров А. С. 6, 7, 13
 Калайдович К. Ф. 59, 62, 68, 82, 87, 91
 Калашников Ю. 248
 Калиновский К.-Ю. 131
 Кальм Д. 250
 Каравелов Л. 208, 212
 Караджич В. С. 7—15, 21, 45, 64, 103, 107, 109, 111, 112, 114, 115, 121, 122
 Кара-Георгий Г. П. 100—103, 120—122
 Каразин В. Н. 59, 77
 Карамзин Н. М. 9, 58, 59, 62, 69, 72—78, 80—83, 87—91
 Каратыгин П. А. 339
 Карнеев Э. Я. 65, 75, 79, 87, 92
 Кароли Л. 149, 154, 155, 161
 Кароль 68
 Катенев Н. М. 79
 Катенин П. А. 355
 Каховский П. Г. 194
 Кацнельсон Д. Б. 125
 Каченовский В. В. 18
 Каченовский Д. И. 332
 Каченовский М. 107
 Качковский Э. 324
 Квятковский А. 272, 288
 Келлер Г. 208
 Кеневич И. 129
 Кеппен П. И. 62, 64, 77, 78, 90, 92
 Кеппен Ф. П. 78, 92
 Кирджали 100, 122
 Киреевские 82
 Киреевский П. В. 117, 118
 Киров С. М. 128
 Кирпичников А. 354
 Киселев П. Д. 105
 Кишка-Эгерский 81
 Кишкин Л. С. 276
 Кисяле Г. 191
 Клапрот 313
 Клейн 18
 Кляпка Д. 167, 168
 Ковалевский Е. П. 133
 Ковальская А. 295
 Ковальский Ю. 163
 Ковачевич Б. 207, 239, 241
 Ковачевич В. 357
 Коган Г. Ф. 124, 137
 Кодой Я. 264, 265
 Коженевский И. 332
 Коженевский Ю. 324—352
 Козловский Л. 324, 355
 Козьма Пражский 32
 Козьмин Б. П. 163
 Козьян А. Э. 294, 296
 Козьян К. 294, 296
 Коллар Я. 9, 13, 15, 16, 21, 48, 55
 Коллонтай Г. 63, 325
 Кольцов А. В. 48
 Кондратович Л. (псевд. В. Сырокомля) 127
 Кондрашина Н. Л. 246, 247
 Кони Ф. А. 338, 349
 Константин, вел. князь 174
 Коншин Н. 345
 Копитар В. 6, 8—12, 14, 16, 17
 Корблев В. Н. 244, 246
 Корбут Г. 127, 176, 330
 Короленко В. Г. 265
 Королюк В. Д. 275
 Коропачинский 80
 Корш В. Ф. 354
 Коссаковский Ю. 296, 303, 304, 309, 310
 Коссаковский Я. 63
 Костомаров Н. И. 131
 Котовская Е. Г. 165
 Коубек Я. П. 49
 Коцебу А. 21
 Коцюбинский М. М. 165
 Кочубинский А. А. 8, 62, 96
 Кошелев А. 59, 80
 Кравцов Н. И. 238, 248
 Красильников С. А. 68, 89, 92
 Красинский В. 326
 Красинский Э. 137, 159, 161, 326
 Красинский С. 48
 Красицкий И. 10, 68, 78
 Краснопевцев П. И. 169
 Красовский А. И. 321
 Красуский К. 351, 352
 Краусхар А. 60, 65, 70, 93
 Крашевский Ю. И. 324, 339, 340, 354
 Крейцер Г. 329
 Крестовский В. В. 265
 Крефт Б. 252
 Кропиньский Л. 59, 66, 68, 69, 71, 80
 Крылов И. А. 9, 258, 259
 Кшижановский Ю. 295
 Куба Ф. 34
 Кубалов Б. Г. 154, 159
 Кукель В. 59, 80
 Куколевский А. И. 351
 Кукольник Н. В. 76
 Кулаковский П. А. 101, 107, 111, 112, 214, 251, 255, 258, 262, 263
 Куликов Н. 349, 351, 353
 Кулиш П. А. 30, 85, 91
 Кухарский А. Ф. 21, 62
 Кушаков А. В. 136

- Кушелев-Безбородко Г. А. 30
 Кюхельбекер В. К. 8, 9, 20, 96
- Лавровский Н. А. 41, 50, 51
 Лавровский П. А. 30
 Лазаревич Л. 207
 Лазаревский Ф. М. 127
 Ламанский В. И. 27, 28, 38, 49
 Лангевич М. 177, 191
 Лебедев 147
 Лебедева М. К. 359
 Лебрен Ф. 342
 Левин Ю. Д. 124
 Левитина В. 249
 Левитина Л. 250
 Левицкий В. Л. (псевд. Василь Лукич) 132
 Левстик Ф. 263, 268
 Легуве Г. 303, 307, 309
 Лелевель И. 60, 62, 65, 66, 72, 75, 80, 93, 157, 179, 192, 325
 Лемке М. К. 128, 188
 Ленартович Т. 324
 Ленин В. И. 163, 167, 227
 Леонард Ф. 257
 Лепехин 195
 Лермонтов М. Ю. 27, 37, 48, 202, 203, 213, 236, 255, 258, 263, 358, 359
 Лесков Н. С. 265, 266
 Лещинский 127
 Либера Э. 293—295
 Ливий Тит 330
 Лимановский Б. 134, 191, 193
 Линда И. 30
 Линде С.-Б. 8, 19—21
 Линде С.-Г. 62, 63, 88
 Линская Ю. Н. 338
 Липинский Ю. 294, 296—300, 302—311
 Липинский Я. 295
 Липранди И. П. 99, 100, 105, 101
 Литовский О. 248
 Литынский 149
 Лихачев Д. С. 37
 Л. К. М. (Людвигов) см. Маевский Л. К.
 Лобойко И. М. 59, 80, 86, 87
 Ломоносов М. В. 83, 94
 Лонгин К. 326
 Лорентович Я. 170, 190, 191, 202, 326
 Лубянский Ф. П. 6
 Лукич В. см. Левицкий В. Л.
 Любич-Романович В. 106
 Лялина М. А. 46
 Лям С. 170
- Лянгевич М. 191
 Ляцкий Е. А. 164
- Магланович И. 110
 Магницкий М. 75, 76
 Маджарян Г. 250
 Маевский В.-С. 63, 88
 Маевский Л. К. 346
 Маевский И. 131, 136
 Мажэйка А. 53
 Май Я. 63
 Майков А. А. 214, 261
 Майков А. Н. 213, 266, 271
 Майский Ф. Ф. 137, 138, 156, 162
 Макаров М. Н. 79
 Максимович М. А. 86, 89, 90, 91, 106, 129
 Макушев В. В. 61
 Макферсон Д. 68
 Малевский Ш. 66, 70, 71, 84, 93
 Малетич Д. 216
 Малецкий Г. 131—133
 Малиновский А. Ф. 62
 Маркевич Н. А. 106
 Маркович Р. 245, 246
 Маркович Св. 207, 208, 212, 213, 216, 217
 Маркс К. 24, 100, 174
 Мартынов Д. Н. 132
 Мартынов Л. 170
 Масанов И. Ф. 347, 352
 Маслянка Ю. 60, 94
 Матавуль С. 239
 Матушевич А. 296—300, 302, 304—310
 Матушевич Т. 294, 296, 304, 310
 Маха К. Г. 53, 55
 Махнич А. 269
 Махчинский Э. С. 202, 203
 Мацкин А. 248
 Машинский С. 119
 Мейзнер Ю. 174, 175
 Мелантрик 32
 Мельшин Л. см. Якубович П. Ф.
 Мендельсон Ф. 12
 Мериме П. 95—115
 Мерославский Л. 176
 Мещерский Н. А. 126
 Миклошич Ф. 33, 253
 Микульский И. И. 330
 Миан Обренович 218, 228, 232
 Миларов И. 264
 Миллер И. С. 169
 Миллер Ф. Б. 82, 271
 Милош Обренович 108, 120, 121
 Минаев Д. Д. 213
 Мирюлюбов В. С. 165

- Митрович М. 210
 Михайлов М. Л. 124—164, 166, 257
 Михайлов Н. 162, 163
 Михайлов П. Л. 145, 147, 153
 Михаэлис Е. П. 133
 Мицкевич А. 48, 61, 63, 69, 84, 88, 93, 94, 104, 105, 122, 134, 137, 157, 159, 170, 178, 182, 199, 324, 327, 328
 Миятович Ч. 216
 Млынарский Э. 169, 195—199
 Модзалевский Л. Б. 10, 12, 119
 Мольер Ж.-Б. 253
 Мопассан Г. де 208
 Морщинер М. 242, 355
 Моравский Ф. 294, 296—300, 302—310
 Мостовский Т. А. 296
 Мохнацкий М. 172, 177
 Муравьев С. И. 170, 193, 194
 Муратова К. Д. 163
 Мушицкий Л. 8, 13, 14, 15

 Надеждин Н. И. 15
 Наполеон I Бонапарт
 Нарушевич А. 62
 Нарышкин П. Л. 8
 Науменко В. П. 86
 Негош (Петр II Петрович) 48, 214
 Недзведский А. В. 132
 Неудлы Э. 25, 275
 Нейштадт В. 246
 Некрасов Н. А. 27, 48, 130, 134, 164, 183, 205, 208, 213, 257
 Немцевич Ю. У. 61, 294, 296—300, 302—311
 Немцова Б. 28, 46, 47, 49
 Ненадович К. Н. 100, 101
 Ненадович Л. 216
 Непомуцкий Я. 16
 Неруда Я. 25, 47, 49, 51
 Неселовский Ю. 65
 Нестор, летописец 31, 32
 Нечаев С. Г. 161
 Нечкина М. В. 61
 Нибур Б. 329
 Никитина А. А. 10, 11, 78
 Никитин Е. 250
 Никифоров С. 169, 199, 200
 Никлевич Г. 323
 Николай I 314, 318
 Никольский С. В. 26, 30, 46, 53, 54
 Никонов В. А. 90, 92
 Ничев Б. 208
 Новакович С. 263
 Новиков Н. И. 82, 254, 258, 259
 Нович Н. См. Бахтин Н. Н.
 Нодье Ш. 106
 Новосильцев Н. П. 20
 Нордстрем И. 338
 Ностиц, граф 16
 Нулло Ф. 154
 Нушич Б. 207—250
 Нушич Г. 236, 242

 Оболевич В. Б. 335, 355
 Обрадович Д. 13
 Обручев В. А. 152
 Овидий, Назон Публий 330
 Огарев Н. П. 151, 157, 162, 164
 Огрызко И. 132
 Одоевский А. И. 172
 Одоевский В. Ф. 322
 Одрывольский Э. 194
 Окрашевский С. 306
 Олизар Г. 59
 Ольдекоп Е. 328
 Орёл (Ошмянский) Я. О. 38
 Орлов В. Н. 85
 Орля-Ошменец Ф. 61
 Осинский А. 325, 326
 Осовцов С. М. 248
 Островский А. Н. 27, 259, 284, 338

 Павлова М. 205
 Падлевский Э. 135, 198
 Палацкий Ф. 8, 11, 13, 16—19, 21, 24, 39
 Палкович 16
 Панаева (Головачева) А. Я. 134, 135
 Пантелеев Л. Ф. 132, 133
 Панченко А. М. 34
 Папачек Р. 34
 Паплонский И. 324, 346
 Пастернак Б. Л. 275
 Паунович С. 209, 236, 242
 Пейкерт 201
 Першин-Караксарский П. И. 152
 Пестель П. И. 170, 175, 193—194, 202
 Петков 144
 Петрашевский М. В. 265
 Петров А. 80
 Петров П. Н. 132
 Петровский М. П. 46, 56, 272, 273
 Петровский Н. М. 51
 Петропавловский И. 342, 349
 Пигонь Ст. 60, 70, 71, 94
 Пиксанов Н. К. 165
 Писарев Д. И. 257, 267
 Писаржк Г. Ч. 127, 128
 Писемский А. Ф. 259, 266
 Пихлер К. 12
 Пицек В. Я. 49

- Пичугин Н. 250
 Платер Л. 59, 80, 296—300, 302—311
 Платер С. 296, 298—300, 302—311
 Плечник А. 358
 Плещеев А. Н. 127, 129, 267
 Плюшар А. 99, 345
 Победоносцев С. П. 334, 347
 Подгоренко Р. См. Подгорецкий Р.
 Подгорецкий Р. 335, 336, 337, 351, 352
 Подосский Э. 131, 132
 Погодин М. П. 58, 64, 81—83, 86—88, 90, 91
 Подгорник Ф. 252, 257, 265, 268
 Подхалюзин М. 169
 Полевой К. А. 81, 84, 85, 91
 Полевой Н. А. 59, 63, 66, 81, 82, 84, 85, 90, 107, 105
 Полонский Я. П. 128, 213
 Поль В. 93, 170—173, 180, 324
 Поппе А. 60, 69, 88, 94
 Попов В. М. 59, 73, 78
 Попов Н. 98
 Попович Б. 209
 Попович С. 215, 238
 Попович Стерия Я. 223
 Поссельт 18
 Потапенко Н. Н. 265
 Потапов А. Л. 187—190
 Потебня А. А. 95, 169, 199, 277
 Потемкин В. П.
 Потоцкий Я. 61, 63
 Потулова 130
 Прапортник А. 252
 Предич У. 209
 Прейс П. И. 22
 Преображенский А. Г. 278
 Прерадович П. 48
 Прешерн Ф. 48, 262, 263
 Пржибыльский В. 132
 Прийма Ф. Я. 60, 77, 89, 92
 Прончатов И. Н. 291
 Пустовойтувна Г. 190—192
 Путилов Б. Н. 62
 Пушкаревич К. А. 43, 53
 Пушкин А. С. 27, 37, 50, 77, 85, 86, 89, 95—123, 202, 208, 213, 255, 263, 313, 322, 327, 328, 358, 359.
 Пыпин А. Н. 5, 25, 27, 28, 39, 49, 56, 60, 69, 83, 88, 91, 92, 95, 107, 108, 264, 335, 354
 Радищев А. Н. 117, 188, 255
 Разсохин С. Ф. 346
 Раич (Амфитеатров) С. Е. 83
 Раковицкий И.-Б. 72, 78
 Ранкович С. 207
 Растопчин Ф. В. 189
 Рачки Ф. 263, 359, 361
 Ржевусский Г. 324, 340
 Ригер Ф. Л. 34
 Ридзевич И. см. Ю. Коженевский
 Рисс О. 248
 Риттерсберг Л. 48
 Ровда К. И. 23, 27, 271
 Ровнякова Л. И. 125
 Рогальский 67
 Родзевич Н. Н. 133
 Розеллон-Сошальский А. 101
 Розен Б. 345
 Романович В. См. Любич-Романович
 Романовичувна Э. 199, 200
 Романовский М. 178—183, 188, 189, 204
 Рославец Н. 59
 Россиев П. А. 137
 Ростковский Ф. 196
 Рубинова Е. Я. 128
 Рудзский Ф. 59, 66, 68, 73, 80
 Ружицкий Э. 182
 Румянцев Н. П. 7, 8, 16, 18, 21, 59, 62, 76, 79
 Рунич Д. П. 77
 Руссов Ст. 74, 90
 Рыбников П. Н. 28, 36
 Рылеев К. Ф. 62, 97, 170, 175, 255, 294
 Рыльский М. Ф. 272
 Рысь С. 201
 Рюмин М. П. (См. Бестужев-Рюмин)
 Савельев-Ростиславич Н. В. 64
 Сагайдачный-Филиппов Е. Ф. 348
 Садков 169
 Салтыков-Щедрин М. Е. 257, 259, 273, 338
 Самойлов В. В. 338
 Самойлова В. В. 350, 353
 Самоквасов Д. Я. 87, 91
 Самолвин Д. 248
 Санд, Ж. 130
 Сапега А. 63, 192
 Сафронов Г. И. 238
 Сахаров И. П. 28, 35, 122
 Светницкий А. 59
 Свенцкий В. 182
 Свиньин П. И. 80
 Свиньин П. П. 102
 Свобода В. 17
 Сенкевич К. 66
 Сенковский О. Н. 323
 Сенявин Д. Н. 6

- Сераковский И. 20
 Сераковский З. 126, 127, 131, 132, 134, 135, 198
 Сераковский Ю. 296
 Сербинovich К. С. 6
 Сестренцевич С. (Богущ Сестренцевич) 76
 Сидоров А. А. 192, 195
 Симов С. 249
 Скабичевский А. М. 266
 Скерлич Й. 210, 211, 216, 219, 236
 Скимборович И. 65, 93
 Скороход-Маевский В.
 Скотт В. 266
 Скржинецкий Я. 157
 Скрипка В. М. 45
 Славич 100
 Слепцов В. А. 135
 Сливницкий П. М. 196
 Словацкий Е. 325
 Словацкий Ю. 48, 170, 174, 205, 294, 325
 Снегирев И. М. 59, 80, 81, 82
 Снытко Т. Г. 132—134
 Снядецкий Е. 71
 Снядецкий Я. 70, 71, 93, 325
 Сова См. Желиговский Э. В.
 Совинский Л. 177
 Соболевский А. С. 104, 109—111
 Созонович И. 38, 283
 Соймонов А. Д. 117
 Соколов А. Н. 54
 Соколов Н. 46, 273
 Солдатенков К. Т. 130
 Солнцева Л. 247
 Соловьевич (Серно-Соловьевич) Н. А. 194
 Сомов О. М. псевд. П. Бойский. 106, 315
 Сорока Е. 59, 80
 Сосницкая Е. Я. 350
 Спасович В. Д. 39, 49, 60, 91, 335, 354
 Срезневский И. И. 22, 26, 31—34, 39—42, 45, 56, 62, 96, 119, 121, 122, 254
 Ставрогин Н. С. 142, 152
 Стадовский 349
 Стажинский А. А. 182
 Стаменка 101
 Станевич Я.-О.-Ф. 127
 Становский В. 29
 Старкель Ю. 203, 204
 Старчевский А. В. 64, 91
 Стахеев Б. Ф. 54
 Сташиц С. 61, 71, 72, 76
 Стеклов Ю. М. 157
 Степович А. 51
 Стецевич С. 145
 Стобецкий Я. 199
 Стойкович А. И. 14
 Стратимирович С. 7, 8, 13, 14, 16
 Стритар И. 253, 263, 268
 Строев П. М. 62, 90
 Стромиллов И. 80
 Стронская Е. 249
 Струмпф-Войткевич С. 135
 Студенецкая Е. 248
 Сумцов Н. Ф. 322
 Сурков Е. Б. 242, 245, 247
 Сурков Н. М. 246
 Суворецкий В. 63, 68, 72, 92
 Суслев О. З. 347, 348
 Сухозанет 192
 Сухомлинов М. И. 48
 Сцегонный П. 156
 Сырокомля В. См. Кондратович Л.
 Сапега А. 63
 Тамм К. И. 17
 Таммер 12
 Тамамшев А. А. 322
 Тарновский Я. 296, 298—300, 302—311
 Таронци С. С. 291
 Тассо Т. 299, 306
 Темяк М. 30
 Тепляков А. Г. 312, 313, 317
 Тепляков В. Г. 312—323
 Теренций Публий 330
 Тернберг 86
 Тиге Х.-А. 20
 Тик Л. 20
 Тихомиров А. А. 266
 Тихомиров М. Н. 90, 92
 Ткаченко М. 98
 Тобилевич С. 347
 Тодорович П. 217
 Токарев В. 246, 247
 Токаржевский Ш. 156, 161—166
 Толстая Л. И. 46
 Толстой Л. Н. 207, 208, 242, 265, 266, 269, 358, 359
 Тома П. 119
 Томашевский Б. В. 96, 98, 103, 104, 106, 115, 116, 120
 Топорков Л. 250
 Трембецкий С. 61
 Трентовский Б. 157, 158
 Трифкович К. 223
 Тронский И. 268
 Тройницкий А. Г. 313
 Трубецкая Е. И. 205
 Трубицын Н. 102, 316

- Тувим Ю. 276
 Тургенев А. И. 6, 7, 13, 122
 Тургенев И. С. 27, 37, 208, 213, 215,
 217, 258—260, 266, 269, 358
 Тургенев Н. И. 122
 Тучкова-Огарева Н. А. 162
 Тынянов Ю. Н. 318
 Тышкевич И. О. 157
 Тычина П. Г. 276
 Тютчев Ф. И. 271
- Уваров С. С. 76
 Уейский К. 184—192, 201
 Улашин Г. 91
 Уманов-Каплуновский В. 11, 271
 Уманцев А. 208, 226, 227
 Успенский Г. И. 257
 Утин Н. И. 135
 Ушаков Д. Н. 287
- Ф.** А. К. см. Кони Ф. А.
 Фадеев 144
 Фатер Й.-С. 21
 Федоренко И. И. 332
 Фейгельман Л. 272
 Фелинский А. 299, 306, 325
 Фельдман В. 165
 Фет А. А. 267
 Ф. И. 351
 Фирлей-Белянская К. 154—156
 Фитцум фон Экштед А. И. 132
 Фишер А. 94, 303, 309
 Фишман С. 83, 94
 Фонвизин Д. И. 254, 258
 Фонтон Ф. П. 318
 Формозов А. Я. 63, 92
 Фортис, А. 106, 115
 Франс А. 208
 Францев В. А. 8, 15, 21, 60, 62, 70,
 75, 77, 78, 83, 92
 Фредро А. 294, 339
 Фредро М. 294, 296—300, 302—311
 Фризель 154
 Фус Н. И. 77, 78
 Фусс И. 329
 Фучик Ю. 25
- Халупка С. 48
 Харкинс У. 30, 35—37, 55
 Хватов А. И. 246
 Хинкулов Л. Ф. 131, 132
 Хлендовский 20
 Хмелевский П. 63, 93
 Ходаковский Э. 4, 10, 11, 58—94,
 105
 Ходзько Д. 60, 65, 87, 93
- Ходзько И. 340
 Хомяков А. С. 27, 48
 Хоткевич Г. М. 347, 348
 Хохряков В. 249
 Храчевич В. 156
 Хренов И. А. 169
 Хромбер И. 358
 Худяков Н. А. 29
- Ц**ветаев Д. 60
 Цветинович Н. А. 247
 Цезарь Юлий 330
 Целестин Ф. 251—270, 359, 361
 Цешковский А. 158
 Цицерон Марк Туллий 330
 Цявловский М. А. 85, 92
 Цявловская Т. Г. 117, 119
- Чалый М. К. 128
 Чарнецкий Э. 71
 Чарторыйский А. 66—68, 70, 71, 76,
 296
 Черноцкий (см. Ходаковский)
 Чаховский Д. 176, 200
 Чацкий Т. 63, 325, 345
 Чацкий Ф. 296, 298—300, 302—311
 Ч—в А. см. Чудинов А. Н.
 Чевышев А. 355
 Чеканов Н. А. 332, 352
 Челаковский Ф. Л. 8, 26, 30, 39, 45,
 55
 Черемнов А. С. 164
 Черный Г. П. см. Кара-Георгий
 Чернышев В. И. 118
 Чернышевская Н. М. 131
 Чернышевский Н. Г. 29, 126, 131,
 135, 137, 139, 154, 157, 161, 162,
 164, 192, 194, 198, 207, 208, 212,
 213, 217, 256, 257, 267, 269, 271
 Черняев М. Г. 213
 Чехов А. П. 238, 248, 265
 Чеховский Л. 199, 200
 Чинский Я. 194
 Чорович С. 214
 Чужбинский А. См. Афанасьев-Чуж-
 бинский А. С.
 Чуйко В. В. 271
- Ш**абельский И. П. 314
 Шаганов В. Н. 137
 Шалуташвилли Н. 250
 Шапчанин М. 216, 229
 Шатковский А. Ф. 347
 Шафарик И. 8, 10, 15, 21, 22, 39, 40,
 88
 Шведов Г. С. 332

- Шевченко Т. Г. 48, 52, 126, 128, 131—133, 165, 177, 276
 Шевырев С. П. 105
 Шекспир В. 275, 294
 Шелгунова Л. П. 133, 145, 153, 162
 Шелгунов Н. В. 125, 128, 134, 153, 162
 Шеллер 330
 Шестаков 147
 Шефлер 132
 Шидловский А. Ф. 314
 Шиллер Ф. 178, 294, 326
 Шилов А. А. 133, 164
 Шилов М. С. 149, 153
 Шимберский 354
 Ширма Л. 59, 66, 69, 73, 74
 Шниц И. А. 168
 Шишко Т. 125, 161
 Шишков А. А. 85, 86, 89
 Шишков А. С. 6, 19, 97, 122
 Шишков Ф. 76, 80
 Шлегель Фр. 12, 16
 Шлецер А. Л. 7, 33, 82, 122
 Шомпулев В. А. 129
 Шопен Ф. 161
 Шопенгауэр А. 20
 Шопенгауэр И. 20
 Шпилевский П. 353
 Штауэр Ю. 346
 Штейн С. 213
 Штитный Ф. 41
 Штульц В. 49
 Шуберт Ф. 11
 Шульгин В. 329, 330, 354
 Шур 196
- Щастный В. Н. 327, 328, 345, 348, 355
 Щеглов И. Л. 265
 Щедрин М. Е. См. Салтыков-Щедрин М. Е.
 Щепкин М. С. 335
- Щербинский К. 346
 Щеголев П. Е. 122, 163
 Щепкин Н. М. 130
 Щигельский И. Н. 350
- Эдлинг Р. С. 318
 Энгельс Ф. 24, 100, 173, 174, 198
 Эрбен К. Я. 23—57, 271—292
 Эренберг К. 176
 Эртель А. И. 265, 284
- Юдин Г. В. 242
 Южин-Сумбатов А. И. 238, 242, 245, 247
 Юлиан, кардинал 288
 Юнаков Г. 246
 Юнгман И. 8, 18, 19, 37
 Юндзилл С.-Б. 71
 Юнович М. М. 165
 Юревич П. 337, 346, 353
 Юрчич И. 252, 253, 263, 358
 Юшневский А. П. 98
- Яблонский Б. 49
 Яблонский Э. 295
 Яворовский Ф. 182
 Ягич И. В. 6, 8, 13, 17, 43, 98
 Языков Д. 59, 80
 Языков Н. М. 117, 118
 Якоб 20, 21
 Якобсон Р. О. 272
 Якубович П. Ф. (псевд. Л. Мельшин) 155
 Якшич М. 13
 Ян III 158
 Янковский А. См. Зеленка Л.-Я.
 Ярошиньский М. 59, 80
 Ясинский А. 202
 Ястшембчик Ю. (Зборовский) 203
 Яцимирский А. И. 43, 45, 96, 109, 112
- Abramavičius V. 198
 Amborski J. 183
 Andreoli E. см. Андреоли Е.
 Andrzejowski Z. 173, 176
- Baczko B. 194
 Bar A. 168
 Baranowski E. J. 129—130
 Barański F. см. Баранский Ф.
 Bartoszewicz K. 179, 181
 Baumgarten L. 94, 169, 175
 Bełcikowska A. 173, 177, 178
- Bežek V. см. Бежек В.
 Białyńia-Chołodecki J. см. Бялыня-Холодецкий И.
 Biegieleisen H. см. Бигеляйзен Г.
 Bobrowski S. 177
 Bogusławski H. W. 310
 Bogusławski J. K. 297
 Boieldieu F. A. 311
 Borelowski M. см. Борелевский М.
 Borźnik M. 252
 Botura M. 26
 Brandl V. 26

- Brtaň R. 26, 31, 34
 Brzeg-Piskozub A. Бжег-Пискозуб А.
 Bystron J. 88, 89, 94
 Celina z Orelca см. Доминиковская Ц.
 Celestin F. Chęciński J. 354
 Chmielowski P. см. Хмельёвский П.
 Chodakowski Z. см. Ходаковский Э.
 Chodźko D. см. Ходзько Д.
 Chopin F. см. Шопен Ф.
 CZ. Fr. M. Wł. 173, 180
 Czechowski L. см. Чеховский Л.
 Czyński J. 194
 Dargiel J. 176
 Dernałowicz M. 327
 Dębicki L. 93
 Dieulatoj J. M. 311
 Dicksteinówna J. Дикштейн Ю.
 Dmochowski F. см. Дмоховский Ф.
 Dmuszewski L. см. Дмушевский Л.
 Dobrowolski см. Добровольский
 Dolanský J. см. Доланский Ю.
 Drogosław 176
 Drogoszewski A. 127
 Dwoiak K. 24
 Dziębowska E. 176
 Erben K. J. см. Эрбен К. Я.
 Feliński A. см. Фелинский А.
 Firlej-Białańska K. см. Фирлей-Белянска К.
 Fiszer A. см. Фишер А.
 Fizman S. см. Фишман С.
 Fortis A. см. Фортис А.
 Fredro M. см. Фредро М.
 Gawroński F. см. Гавронский Ф.
 Gligorić V. см. Глигорич В.
 Gliński A. 311
 Gołęmbiowski L. см. Голембёвский Л.
 Gordon J. 180, 199
 Gorki M. см. Горький А. М.
 Göstl F. 252
 Grabowska M. 178
 Grabowski A. 68, 93
 Grudzińska J. 194
 Grund A. см. Грунд А.
 Guteša J. см. Гутеша Я.
 Harkins W. E. см. Харкинс В. Е.
 d'Harleville C. см. Арлевиаль С. де
 Hube R. 93
 Huber F. 310
 Jabłoński Z. см. Яблонский Э.
 Janež S. 252
 Janik M. 136, 138, 156, 189
 Janion M. 178
 Jirásek J. см. Ирасек Й.
 Jasiński A. см. Ясинский А.
 Jeziorski W. 178, 180, 199, 206
 Jiša J. 26
 Johnson D. J. см. Джонсон Д.
 Jovanovitch V. Ёванович В.
 Jóreski P. 93
 Jundzill см. Юндзилл
 Junewicz A. 138
 Juste G. S. 311
 Kallenbach J. 171
 Kogan H. см. Коган Х.
 Kolumna Z. 169
 Kołodziejczyk E. 194
 Konstanty см. Константин (великий князь)
 Korbut G. см. Корбут Г.
 Korzeniowski A. см. Коженевский А.
 Kosmas см. Козьма Пражский
 Kossakowski J. см. Коссаковский Ю.
 Kostenicz K. 327
 Kotzebue A. 311
 Kowalska A. см. Ковальская А.
 Koźmian A. E. см. Козьмян А. Е.
 Kraushar A. см. Краусхар А.
 Krasiński Z. см. Красинский Э.
 Krzemiński S. 93
 Krzyżanowski J. см. Кшижановский Ю.
 Kuba L. 191
 Kuprib P. F. 333, 347, 348
 Lam S. см. Лям С.
 Langiewicz M. см. Лангевич М.
 Lediša L. 253
 Legouvé G. см. Легуве Г.
 Lelewel J.
 Lenarczyk J. 165
 Levý J. 55, 272
 Libera Z. см. Либера Э.
 Librowicz Z. 136
 Limanowski B. см. Лимановский Б.
 Lipiński J. см. Липинский Я.
 Lipiński Józef см. Липиньский Ю.
 Locatelli G. 154
 Lorentowicz J. см. Лорентович Я.
 Lossowski P. 169, 195, 197, 198, 199, 200, 201, 275
 Machal J. 274
 Machczyński E.-S. см. Махчиньский Э. С.
 Maciejowski W. 93
 Makowecka Z. 327
 Marylski E. 94
 Maślianka J. см. Маслянка Ю.

- Matuszewicz A. см. Матушевич А.
 Matuszewicz T. см. Матушевич Т.
 Meuzner J. см. Мейзнер Ю.
 MÉRIMÉE P. см. Мериме П.
 Michajłow M. см. Михайлов М.
 Mickiewicz A. см. Мицкевич А.
 Mickiewicz Wł. 93
 Mierosławski L. см. Мерославский Л.
 Milarow J. см. Миларов И.
 Młwnarski Z., 169, 195, 197, 200, 275
 Morawski F. см. Моравский Ф.
 Murawjew S. J. см. Муравьев С. И.
 Nemcowa B. см. Немцова Б.
 Neruda J. см. Неруда Я.
 Nestor см. Нестор
 Niemcewicz J. см. Немцевич Я.
 Nikiforow S. см. Никифоров С.
 Nullo F. см. Нулло Ф.
 Oclábec V. 26
 Orseti W. 307
 Paul K. 88
 Pękalski W. 311
 Pigoń S. см. Пигонь С.
 Plater L. см. Платер А.
 Plater S. см. Платер С.
 Podgornik F. см. Подгорник Ф.
 Pol W. см. Поль В.
 Poliński A. 191
 Poppe A. см. Поппе А.
 Potebnia A. A. Потебня А. А.
 Potocki A. 69
 Prelog M. 27
 Przyborowski W. 195
 Pugaczow E. 176
 Puszkin A. см. Пушкин А. С.
 Rogalski см. Рогальский
 Rolle M. 325
 Romanowicz T. 200
 Romanowiczówna Z. см. Романови-
 чувна Э.
 Romanowski M. см. Романовский М.
 Russjan L. 168
 Rybicki F. 177
 Ryś S. см. Рысь С.
 Sand G. см. Санд Ж
 Sierakowski Z. см. Сераковский Э.
 Skimborowicz J. см. Скимборович Я.
 Skłodowski Z. S. (Lelewelczyk) 188
 Słodniak A. 252
 Słowacki J. см. Словацкий Ю.
 Součková M. 33
 Soroča J. см. Сорока Е.
 Srezniewskij J. J. см. Срезневский И. И.
 Stella-Sawicki J. 198, 199.
 Stobiecki J. см. Стобецкий Я.
 Stritar J. см. Стритар Й.
 Strumf-Wojtkiewicz S. (см. Струмф-
 Войткевич С.
 Szabo D. 261
 Szulc S. 199
 Szykowski M. 88
 Ślisz A. 169, 275
 Śniadecki J. см. Снядецкий Е.
 Śniadecki Jan см. Снядецкий Я.
 Świerzyński M. 192
 Šafařík J. см. Шафарик И.
 Šolc L. 274
 Tarnowski J. см. Тарновский Я.
 Tasso T. см. Тассо Т.
 Tépliakow V. см. Тепляков В.
 Tokarz W. 174
 Tokarzewski Sz. см. Токаржев-
 ский Ш.
 Tomić V. 252
 Tyszyński A. 93
 Ujejski K. см. Уейский К.
 Urban Z. 28
 Vial J. B. 310
 Vodička F. см. Водичка Ф.
 Waclaw z Oleska (см. Залесский В.)
 Wcisło Z. 165
 Weber L. см. Вебер Л.
 Winter P. 310
 Wiśniewski W. см. Висневский В.
 Wodzicki см. Водзицкий
 Wollman F. 26
 Wolter F. см. Вольтер Ф.-М.
 Wysocki J. см. Высоцкий Ю.
 Wysocki P. 174
 Zakrecki см. Закрецкий
 Zielonka L. см. Зеленка Э.
 Znamirowska J. см. Знамировская Я.
 Zeligowski E. см. Желиговский Е.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Статьи	
<i>С. Г. Потепалов.</i> Путешествие П. И. Кеппена по славянским землям . . .	5
<i>К. И. Ровда.</i> Эрбен и русско-чешские литературные связи	23
<i>Л. И. Ровнякова.</i> Русско-польский этнограф и фольклорист Э. Доленга-Ходаковский и его архив	58
<i>Ф. Я. Прийма.</i> Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина	95
<i>Ю. Д. Левин.</i> М. Л. Михайлов и деятели польского национально-освободительного движения	124
<i>Д. Б. Кацнельсон.</i> Образы русских революционеров в польской повстанческой поэзии 1861—1864 гг.	167
<i>А. И. Хватов.</i> Бранислав Нушич и русская литература	207
<i>В. К. Петухов.</i> Русская литература в критической деятельности Ф. Ю. Целестина	251
Материалы и сообщения	
<i>К. И. Ровда.</i> Поэзия Эрбена в русских переводах	271
<i>Е. С. Брынский.</i> Возникновение и начало деятельности «Общества Иксов». (К истории польской театральной и литературной критики 1815—1819 гг.)	293
<i>А. Н. Бруханский.</i> «Письма из Болгарии» В. Г. Теплякова	312
<i>В. Н. Баскаков.</i> Юзеф Коженевский в России	324
<i>В. К. Петухов.</i> Русская книга у южных славян в 80-е годы XIX в.	356
Указатель имен	362

**Из истории русско-славянских литературных
связей XIX в.**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. А. Брацловский*
Художник *М. И. Разулович*
Технический редактор *В. А. Сорокина*
Корректоры *М. А. Горилас, Р. Г. Герцинская и Е. В. Вивчар*

Сдано в набор 11/VI 1963 г. Подписано к печати 7/IX 1963 г. РИСО
АН СССР № 61—124В. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бум. л. 11^{3/4}. Печ. л.
23^{1/2}=23^{1/2}, усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л. 27,07 + 1 вкл. (0.2).
Изд. № 2047. Тип. зав. № 250. М-24868. Тираж 1500. Цена 1 р. 29 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
24	20 сверху	создании	создания
28	4 снизу	rekładŭ	překładŭ
67	10 "	303	30
94	2 "	Badama	Badania
222	9 сверху	1913	1931
303	5 "	byŭ	byŭ
328	8 снизу	Государственной библиотеке	Государственной театральной библиотеке
	i		
335	8 сверху	1814	1914
335	5 снизу	В. П. Спасович,	В. Д. Спасович,
338	5 "	№ 84	л. 84

Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.